

Andrew Walder

•

China under Mao

A Revolution
Derailed

Harvard University Press

2017

Эндрю Уолдер

•

Китай при Мао

Революция,
пущенная под откос

Academic Studies Press

Библиороссика

Бостон / Санкт-Петербург

2023

УДК 94(510).093
ББК 63.3(5Кит)63
У63

Перевод с английского Кирилла Батыгина

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

Уолдер, Эндрю

У63 Китай при Мао. Революция, пущенная под откос / Эндрю Уолдер ; [пер. с англ. К. Батыгина]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. — 573 с. — (Серия «Современное востоковедение» = «Contemporary Eastern Studies»).

ISBN 979-8-887190-77-8 (Academic Studies Press)

ISBN 978-5-907532-48-9 (Библиороссика)

В книге Эндрю Уолдера рассказывается о взлете и падении маоистского революционного государства с 1949 по 1976 год — эпохе поразительных достижений и катастрофических провалов.

Китай при Мао, утверждает Уолдер, отличался двумя институтами, созданными в течение первого десятилетия правления коммунистической партии: партийным аппаратом, который осуществлял твердый (иногда жесткий) контроль над своими кадрами, и социалистической экономикой, построенной по образцу Советского Союза. Хотя надзор за этой авторитарной системой осуществляла национальная бюрократия, Мао решительно вмешивался в него на каждом шагу.

Ошибочно диагностируя болезнь Китая как капиталистическую реставрацию и прописывая в качестве решения продолжение классовой борьбы с воображаемыми врагами, Мао разрушил многое из того, что построил, и в итоге не дал разрушенному никакой жизнеспособной альтернативы.

УДК 94(510).093
ББК 63.3(5Кит)63

ISBN 979-8-887190-77-8
ISBN 978-5-907532-48-9

© Andrew Walder, text, 2015
© Harvard University Press, 2017
© К. Батыгин, перевод
с английского, 2022
© Academic Studies Press, 2022
© Оформление и макет.
ООО «Библиороссика», 2022

Памяти Ричарда Пфелфера (1937–2002)

Предисловие

Первые 25 лет правления коммунистов в Китае были отмечены драматичными и страшными событиями, оказавшимися выражением максимализма политического режима, которому было предопределено сформировать значимую эпоху в истории мировой революции. Эта эпоха несет на себе очевидный отпечаток личности Мао Цзэдуна, который являлся столь же мощной доминантой своего времени, как и все лидеры современной истории. Последние публикации, базирующиеся на новых источниках, выявили неоднозначные взаимоотношения и разногласия в китайском руководстве, неизменно возглавлявшемся Мао. Принимаемые в таких условиях решения высокопоставленных лиц часто оборачивались трагическими для народа Китая событиями. В моей работе я обращаюсь к указанным исследованиям, однако в первую очередь предполагаю рассмотреть последствия предшествующих решений тех же руководителей, которым ранее при изучении эпохи Мао не уделялось внимание. Именно эти решения сформировали структуры, с помощью которых революционные лидеры Китая стремились внедрять среди своих подчиненных дисциплину и обеспечивать исполнение своих директив. Именно в ходе воплощения этих решений были учреждены организации, которые стали центральным элементом нового революционного государства.

Ключевую роль в этом сыграли две организации. Во-первых, аппарат Коммунистической партии Китая¹, который обеспечивал жесткий и порой жестокий контроль за членами партии и в особенности за ее руководителями — так называемыми «кадрами». Во-вторых, позаимствованная у СССР модель социалистической

¹ В дальнейшем сокращается до аббревиатуры «КПК». — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

экономики, которая принесла многим последовавшим ей странам существенные проблемы. Лидеры Китая и, в частности, сам Мао Цзэдун издавали в Пекине директивы, которые распространялись по всем этим политическим и экономическим структурам, приводя как к ожидаемым поразительным достижениям, так и к чудовищным последствиям, которых никто не предполагал и не хотел. В работе над этой книгой я руководствуюсь убеждением, что для понимания того, почему решения китайского руководства и в особенности инициативы самого Мао завершились с соответствующими результатами, мы должны осознавать, насколько трансформировались социальные, экономические и политические институты Китая в 1950-х гг. Эти преобразованные структуры мешали реализации планов Мао и других лидеров и зачастую приводили к катастрофическим результатам. Хотя моя книга и позиционируется как историческая хроника, я подхожу к моему повествованию в первую очередь с точки зрения социологии.

В рассматриваемый период истории Китая решения руководства были воплощены в жизнь через особую форму политической организации, через специфический общественно-экономический строй. Указания сверху пропускались через огромный общенациональный бюрократический аппарат и новые социальные структуры и доходили до низов в самом неожиданном виде, рассеивая, искажая или преувеличивая собственное содержание. Сущностная централизованность и дисциплинированность партийного государства, придававшие строю воображаемую мощь, порождали и его крайне необычные недостатки. Практически ни одна из инициатив Мао не привела к результатам, которые в полной мере ожидали, предвидели или приветствовали лично Мао и его сторонники. Более того, как мы увидим далее, большинство инициатив Мао обернулись против Китая. Почему?

В тот период времени КНР была организованным необычным образом обществом, которое отличалось не только от нашего общества, но и значительно разнилось, по итогам первого десятилетия верховенства коммунистов, с прошлым Китая. Чтобы понять, почему так много китайских граждан принимали активное участие в кампаниях и конфликтах того времени, нам необходимо осознать социальные и организационные условия, в ко-

торых жили и работали как официальные лица, так и рядовые граждане. Изучение этих условий тем более важно в наши дни, когда обстоятельства прошлого размылись под напором мощных волн динамичной рыночной экономики, встроенной в мировой капитализм. Моя цель — показать, что события эпохи Мао отражали специфику институтов, сформировавшихся в первое десятилетие правления КПК. Историю эпохи Мао я представляю, постоянно держа в уме эти институты.

Когда в 1973 г. на 3-м курсе бакалавриата в Университете Джонса Хопкинса я записался на мой первый курс занятий по современному Китаю, тема, которой посвящена настоящая книга, была все еще малоизученной и сводилась к спекуляциям по поводу совсем недавних событий в закрытом и изолированном обществе. Когда в качестве преподавателя Колумбийского университета в 1983 г. я начал вести мой собственный первый курс, то назвал его «постреволюционное общество Китая», подразумевая то новое общество, которое было сформировано после Революции 1949 г. и прихода КПК к власти. В наши дни, когда после кончины Мао прошло несколько десятилетий, большая часть социальных и экономических структур того периода исчезла после множества раундов экономических реформ. При этом значительная часть прежних политических структур сохранилась вплоть до настоящего времени.

Охватывая взглядом прошлое, мы ясно видим, что 1949 г. был лишь началом, а не концом Китайской революции. В эпохе Мао было не меньше революционного, чем в ее прелюдии — партизанском движении и гражданской войне.

В настоящей книге представлена постепенно сформировавшаяся на протяжении 30 с лишним лет исследований и преподавательской деятельности точка зрения на маоистский Китай. Эта хроника — выборочный нарратив социолога, глубоко заинтересованного в изучении политики и экономики, в особенности — основ политической власти, социалистической модели развития, социального неравенства, политических конфликтов и народного протеста. Вне сомнений, есть и другие обоснованные подходы к повествованию об истории Китая при Мао Цзэдуне. Однако они отличны от моего подхода.

Мои предшествующие работы о Китае писались для специальной аудитории — представителей академических кругов. В публикациях такого рода акцент делается на концептуальные основы, новые источники и исходные материалы доказательной базы, а также на методику анализа. Такие академические работы основываются на критическом осмыслении альтернативных подходов. К сожалению, для чтения кем-либо за пределами небольшого сообщества экспертов эти произведения в конечном счете оказываются несколько скучными. Настоящая книга в значительной мере основывается на моих собственных исследованиях и многих годах чтения работ моих талантливых коллег, однако она не предназначена исключительно для специалистов. В этом издании я предпринимаю попытку представить все, что мне известно о рассматриваемом периоде истории Китая, таким образом, чтобы одновременно заинтересовать моих коллег-ученых и студентов и предложить текст, доступный и понятный любому читателю.

Я нахожусь в интеллектуальном долгу перед огромным множеством людей и организаций. Полностью перечислить их на этих страницах представляется невозможным. Особенно стоит отметить области исследований вне круга моих собственных изысканий, когда я был вынужден в значительной мере опираться на произведения и результаты научных трудов коллег. Я постарался четко обозначить тех, кому я более всего обязан, прежде всего, через ссылки на их работы. Неоднократные ссылки на одних и тех же авторов показывают, что именно перед ними я в наибольшем долгу. Я благодарен Томасу Бернстайну, Джин Ой, Дуайту Перкинсу и Майклу Шенхальсу за их комментарии ко всему тексту или к отдельным частям первоначального варианта этой книги. Я также хотел бы отметить вклад Дун Гоцяна — моего коллеги и соавтора, профессора кафедры истории Нанкинского университета. В главах, посвященных «культурной революции», я обращаюсь к нашим совместным публикациям. Сотрудник Центра китайских исследований имени Фэрбэнка при Гарвардском университете Нэнси Херст помогла мне подготовить окончательную редакцию текста, которая была передана в издательство. Уже почти два десятилетия Стэнфордский университет является для меня идеальным интеллектуальным пристанищем. В особенности я хотел бы отметить большую под-

держку, которую оказали моему исследованию Институт международных исследований имени Фримана и Сполги, Школа гуманитарных наук и Центр исследований в области Азиатско-Тихоокеанского региона имени Шоренстайна при Стэнфордском университете. Стэнфордский центр при Пекинском университете оказал мне содействие на заключительных этапах сбора информации и написания настоящей книги, а также стал вдохновляющей площадкой для подготовки черновых версий многих из ее глав. Я также хотел бы поблагодарить Майкла Аронсона, редактора Harvard University Press, за поддержку и продвижение проекта, который столь разительно отличался от всех моих ранних начинаний.

Эта книга — конечная точка приключения, начало которому было положено в сентябре 1973 г. в Балтиморе, в обычной аудитории, на занятиях по курсу «Правительство и политика Китая», который вел Ричард Пфедфер, научный руководитель в бакалавриате. Рик был убежденным противником войн и специалистом по Китаю. Он был в числе людей, которые в тот момент только что посетили КНР в составе одной из первых американских делегаций. Его интриговала текущая «культурная революция», однако он слишком хорошо понимал, что за ней скрывались злоупотребление властью со стороны революционных организаций по контролю дисциплины и трудноразрешимая проблема бюрократической диктатуры при социализме. Рик был увлеченным и требовательным учителем, который настаивал на том, чтобы его студенты критически переосмысливали все идеи, в особенности их собственные. Добивался он этого через, казалось, не знавшее пределов внимание к студенческим эссе, в которых он безжалостно обличал ленивые риторические уловки и логические нестыковки. Разгромные отзывы сопровождалось множеством беспощадных замечаний на полях. При этом Рик был благосклонным и заботливым научным руководителем, в особенности когда студент наконец-то объяснял ему, с чем к нему пришел. Вплоть до того семестра я не находил в вузовских занятиях особого вдохновения. Однако после курса Рика все встало на свои места. Его стиль преподавания изменил направление моей жизни. Рик преподнес мне бесценный дар, за который я навсегда останусь перед ним в неоплатном долгу. Эту книгу я посвящаю его памяти.

Глава 1

Прощание

Пекин. 18 сентября 1976 г. 15:00. На центральной площади Тяньаньмэнь выстроились ряды одетых в форменную одежду рабочих и военных. Присутствующие стоят, молча склонив головы. По всему Китаю — на площадях, в деревнях, на заводах, в школах и в служебных кабинетах огромной страны — проходит торжественная церемония прощания с национальным лидером. Народ КНР — почти один миллиард человек — чтит память Мао Цзэдуна, который скончался девятью днями ранее в возрасте 82 лет. Все стоят с опущенными головами и, как было заранее предписано, хранят скорбное молчание в течение трех минут. Сравнительно малоизвестный Хуа Гофэн — назначенный преемник Мао — зачитывает речь, переполненную хвалебной риторикой в адрес почившего председателя КНР. Мао Цзэдун возглавлял Коммунистическую партию Китая с начала 1930-х гг. и занимал доминирующее положение на всех направлениях государственной политики КНР с самого момента образования этого государства в 1949 г. Все партийное руководство вышло на площадь, демонстрируя свое единство перед лицом невосполнимой утраты.

Иллюзия этого единства рассеивается уже 6 октября. Заручившись поддержкой ряда высокопоставленных официальных лиц, Хуа Гофэн выступает с критикой ярых поборников курса Мао и приказывает взять под стражу главных политических союзников уснувшего вечным сном председателя. Супруга Мао, Цзян Цин, была арестована прямо в своей резиденции. Еще три человека — Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань — вызваны на совещание руководящих кадров. По прибытии на место про-

ведения мероприятия каждый из них, к своему удивлению, оказался взят под стражу вооруженными охранниками. Вышеназванная четверка руководителей выполняла приказы Мао во времена «культурной революции» — масштабной кампании против государственной системы во главе с КПК, в результате которой были подорваны как правительственная политика, так и основы экономики Китая, а также были преданы мучениям и убиты миллионы людей. На момент задержания названные четыре человека составляли 25 % состава Политбюро ЦК КПК — руководящего органа партии в составе 16 человек. Ван Хунвэнь и Чжан Чуньцяо были членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, занимая соответственно второе и четвертое положение в этой структуре. Вскоре арестованных окрестят «бандой четырех» и обвинят в контрреволюционной деятельности. На самом деле их вина состояла в том, что на протяжении последних десяти лет жизни Мао они выполняли его приказы. Оставаясь символом легитимности революции, Мао Цзэдун будет продолжать удостаиваться посмертных восхвалений. Однако в действительности описанные события представляли собой государственный переворот, подрывающий устои политического наследия первого председателя КНР. Ведь именно он был главарем «банды четырех». Просто никто не говорил об этом вслух.

Перенесемся на 27 лет в прошлое. На дворе — 1 октября 1949 г. Мы вновь на площади Тяньаньмэнь. Обращаясь к огромной толпе людей, 55-летний Мао Цзэдун провозглашает образование Китайской Народной Республики. Этот момент обещает положить конец столетию, которое ознаменовалось для Китая экономическим и политическим упадком, вмешательством со стороны колониальных держав, иностранным вторжением и гражданской войной.

В течение большей части первой половины XX в. Китай представлял собой несостоявшееся государство, обломки безуспешной попытки создать конституционную республику [Nathan 1983; Wilbur 1983], а в течение большей части второй половины XIX в. — потерпевшую крах многонациональную страну. Существовавшая

с 1644 г. империя Цин — последняя династия Китая, «маньчжурская»¹, — достигла пика своего расцвета в XVIII в. К концу же XIX в. страна, терзаемая восстаниями изнутри и претензиями колониальных держав извне [Kuhn 1980; Rowe 2009: 149–296], переживала период затянувшегося упадка. 1949 г. оказался исторически важен не как момент триумфа пролетариата над буржуазией или момент победы коммунизма над капитализмом. Слова Мао о провозглашении Народной Республики сулили формирование нового, более могущественного китайского государства, которое могло бы противостоять общемировой политической конкуренции и посягательствам со стороны иных крупных держав.

Впервые за 100 с лишним лет можно было говорить о китайском государстве, которое могло эффективно контролировать свою территорию, полноценно защищенную безопасными границами, а равно и было способно положить конец отдельным проявлениям мятежного духа внутри страны. Впервые в истории Китая взять в свои руки управление китайским обществом и в деревнях, и в городах должны были штатные чиновники, а не наместническая знать. Эти официальные лица были частью общенациональной иерархической лестницы, которая напрямую и достаточно успешно обеспечивала контакт между высшим руководством в Пекине и обычными людьми на местах. Возможно, Мао и окружавшие его сторонники и видели в победе КПК в 1949 г. триумф общемирового социалистического движения. Однако в первую очередь этот год обозначал возникновение Нового Китая — первого современного национального государства китайского народа.

Предшествовавшие этому моменту 100 лет были безжалостны к Китаю. Масштабное Тайпинское восстание 1850–1864 гг. на десять с лишним лет охватило большую часть юго-восточных районов империи Цин. Становление и падение так называемого «Небесного царства великого благоденствия» и сопровождавшие его крупные вооруженные столкновения погубили свыше 20 мил-

¹ Такое наименование связано с тем, что династия Цин была основана кланом, который происходил из Маньчжурии.

лионов человек [Kuhn 1978; Platt 2012; Spence 1996]. Ослабленная династия Цин боролась с сонмом региональных мятежей на фоне серии провальных войн с колониальными державами. Ихэтуаньское (Боксерское) восстание 1900 г., направленное против иностранного вмешательства в дела Китая, было поддержано династией Цин, однако потерпело поражение от рук Альянса восьми держав. Китайская империя так и не оправилась от этого удара [Esherick 1987; Silbey 2012]. Синьхайская революция 1911 г. представляла собой не слишком примечательный государственный коллапс зачахшей империи².

Попытки основать современную китайскую республику практически сразу сошли на нет. Общенациональные парламентские выборы завершились триумфом новообразованной партии Гоминьдан — буквально «Национальной партии» Китая. Основатель партии Сун Цзяожэнь, которому движение было обьязано победой на выборах, вскоре погиб в результате покушения, организованного Юань Шикауем, бывшим чиновником при династии Цин, который вознамерился установить собственную диктатуру [Young 1983: 217–228]. Китай быстро распался на плеяду региональных феодалов во главе с борющимися друг против друга военачальниками-милитаристами [Ch'i 1976; Nathan 1976; Gasster 1980]. В 1920-х гг. обозначилось противостояние двух революционных партий, желавших объединить Китай при поддержке военных: партия Гоминьдан во главе с Сунь Ятсеном, которому позже пришел на смену Чан Кайши, и Коммунистическая партия Китая, которую в конечном счете взял под свой контроль Мао Цзэдун, уроженец провинции Хунань, радикальный деятель и партизанский командир. В течение короткого периода в середине 1920-х гг. движения сблизились и добились определенных успехов совместно. Однако обеспеченных представителей китайской элиты, которые составляли ядро Гоминьдана, отталкивала приверженность КПК делу социальной революции. Союз распался в 1927 г. Чан Кайши покончил с коммунистами в коалиции, жестко предав казни тысячи человек [Isaacs 1961; Wilbur 1983].

² Отличный обзор представлен у [Rowe 2009: 149–296].

Кровопротитное противостояние двух революционных партий растянулось на десять с лишним лет. К середине 1930-х гг. коммунисты оказались на краю гибели. Но в дело вмешалась фортуна, подославшая в Китай агрессора в виде милитаристской Японской империи. В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию — регион на северо-востоке Китая (современные провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян). В 1937 г. японцы приступили к масштабному военному вторжению во внутренние районы Китая. Режим националистов, продержавшись всего около 10 лет, не выдержал интервенции. Разруха, пришедшая в Китай, унесла с собой около 12 миллионов жизней [Mitter 2013: 5–6].

После краткой передышки, последовавшей за неожиданной капитуляцией Японии после атомных бомбардировок американцами Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., внутри Китая возобновилась полномасштабная гражданская война. Гоминьдановцы, переждав японскую оккупацию в городе Чунцин — своей военной столице на юго-западе Китая, вступили в борьбу с КПК, пережившей к тому времени возрождение благодаря противостоянию «снизу» японским оккупантам, с которыми она намеренно не вступала в прямые конфронтации. Националисты, несмотря на победоносное для них начало гражданской войны, не смогли составить конкуренцию коммунистам и после серии поражений в значимых сражениях на территории Маньчжурии быстро распались как политическое движение. К моменту выхода Мао Цзэдуна с вестью об образовании Народной Республики на Тяньаньмэнь бóльшая часть активов националистов уже была эвакуирована на остров Тайвань, а многочисленная Народно-освободительная армия под командованием Мао готовилась к окончательному захвату южных и западных территорий Китая.

Без сомнения, граждане Китая надеялись, что 1949 г. положит конец разрухе первой половины XX в. и станет началом новой эпохи национального единства, мира и экономического прогресса. Все эти ожидания вскоре сошли на нет. Эпоха революции еще не завершилась. Де-факто 1949 г. был лишь ее началом. Ни Мао, ни его коллеги по руководству не могли предвидеть масштабов продолжающихся потрясений.

Два самых известных примера таких потрясений, которые стали характерными явлениями эпохи Мао, — «большой скачок» 1958–1960 гг. и так называемая «великая пролетарская культурная революция», как теперь принято официально обозначать целое десятилетие от 1966 до 1976 г., самые сокрушительные удары которой пришлось на первые четыре года указанного периода. «Большой скачок» представлял собой масштабную кампанию мобилизации всего населения на еще более напряженный труд, более продолжительные часы работы и постоянное достижение новых производственных рекордов в целях догнать ведущие мировые экономики за несколько лет. Эта инициатива продемонстрировала поразительный охват населения мерами нового партийного государства. Подобный организационный маршбросок был бы немислим всего десять лет назад. Мало кому из существовавших тогда правительств могло бы прийти в голову такое предприятие. Однако, к удивлению и ужасу инициаторов кампании, «скачок» обернулся невообразимой катастрофой: массовый голод — дело человеческих рук — привел к гибели почти 30 миллионов человек, а глубокий спад в области промышленности продлился до середины 1960-х гг.

За экономической и демографической катастрофой «большого скачка» вскоре последовало политическое бедствие в виде «культурной революции». В 1966 г. Мао мобилизовал студентов-*хунвейбинов*³ — буквально «красногвардейцев» — на борьбу с партийными функционерами. После некоторых колебаний он также позволил трудящимся принимать участие в множащихся нападках на официальных партийных лиц местного и регионального уровня, которые по большей части были беззащитны перед лицом развязанной против них кампании. К январю 1967 г. почти на

³ Здесь важно отметить, что распространенное допустимое обозначение движения на русском как «хунвейбины» («красногвардейцы») несколько скрывает двусмысленность термина, где *бин* может обозначать как отдельных бойцов, так и их подразделения. Отсюда равно допустимый перевод как «хунвейбин» — «Красная гвардия», который чаще встречается в источниках на английском. В данном издании исходили из приоритета обозначения «хунвейбины».

всей территории Китая были фактически развалены гражданские структуры национального правительства, которые в течение последующих двух лет перестраивались медленными и прерывистыми, но яростными усилиями. В дальнейшем имела место борьба за власть между противостоящими фракциями повстанцев, которые взаимодействовали друг с другом в рамках сложных альянсов, параллельно конфликтуя с военными подразделениями, направляемыми на их подавление. Многие регионы Китая переживали состояние, близкое к гражданской войне, и функционировали при отсутствии действующего гражданского правительства. Призывы к повстанцам объединиться под сулящим всем победу знаменем председателя Мао оставались без внимания. Конец этому этапу «культурной революции» был положен только путем безжалостного применения вооруженной силы.

К лету 1968 г. бóльшая часть Китая де-факто находилась на военном положении, которое, возможно, давало населению поводы надеяться на передышку в междоусобице. К сожалению, военные руководители и их союзники среди гражданских запустили набирающую обороты террористическую кампанию против воображаемого класса врагов и политических заговорщиков. Ценой допросов и пыток миллионов людей был восстановлен не терпящий разночтений авторитет правительства. Бойня остановилась лишь после таинственной смерти в сентябре 1971 г. Линь Бяо, заместителя председателя ЦК КПК, министра обороны КНР и официального преемника Мао. После того как армия сняла с себя полномочия по вопросам гражданского администрирования, Китай вступил в период неопределенности, в течение которого противоборствовавшие в конце 1960-х гг. стороны возобновили фракционную борьбу, периодически выливавшуюся в волнения на местах. Междоусобица длилась до апреля 1976 г., когда в Пекине и других городах прошла волна протестов против правления Мао. До кончины стареющего диктатора оставалось шесть месяцев.

Вся эта историческая подоплека тяжелым грузом висела в воздухе в сентябре 1976 г. во время торжественного собрания на площади Тяньаньмэнь. В списке приглашенных на него руково-

дителей были люди, которые поддержали «культурную революцию» Мао, с усердием совершали нападки на своих коллег и стремились вести Китай по пути маоистской революции, осуждая любого, кто ставил вопросы развития производства и качества жизни выше революционных принципов. Они стояли бок о бок с теми, кто умудрился выйти из всех потрясений относительно целым и невредимым, и с теми, кто потерял свои должности, был подвергнут унижению, пережил гибель любимых и близких и выжил в условиях заключения или ссылки прежде, чем быть вновь призванными в 1970-е гг. на встречу в столице Китая, чтобы приступить к делу восстановления страны. Последним планам Мао по обеспечению сохранности собственного наследия предстояло самым впечатляющим образом неожиданно рухнуть всего через несколько лет после его смерти. Это стало самой большой неудачей лидера, который из своего ошеломительного триумфа раз за разом извлекал лишь поражения, обрекая Китай на два десятилетия уничтожения и бессмысленной вражды. Разрушительные инициативы Мао оставили Китай в состоянии беспорядка. Последователям лидера пришлось начать всю работу практически с нуля. Следующие 30 лет Китай шел совершенно неожиданными путями.

Цель настоящей книги — осмыслить эти события и иные драматические сюжеты того времени. Недавние научные исследования, посвященные Мао Цзэдуну и его эпохе, четко высветили конфликты между акторами, находящимися на самой верхушке политической системы, и мотивы действий этих акторов, а равно и последствия принимаемых руководством решений для общества Китая. В своей работе я использую эти материалы, однако в моем собственном исследовании делаю акцент не на том, что произошло, но на том, почему это произошло именно таким образом. Центральной фигурой нарратива выступает Мао Цзэдун: чего он хотел добиться, на что он надеялся, какие помыслы и обязательства определяли его действия. Ключевая идея моей книги заключается в том, что результаты его инициатив зачастую оказывались непреднамеренными, непредвиденными и нежелательными, причем не только для населения Китая и ру-

ководства КПК, но и для самого Мао. Для понимания причин произошедшего мы должны рассмотреть революционную организацию, которая в 1948–1949 гг. силой взяла под свой контроль континентальный Китай, а также наследие, оставленное этой организацией в ходе ее продолжительной борьбы за власть. Мы должны исследовать особенности восстановления государства и общества в 1950-х гг. Мы должны изучить, как была организована КПК и как она привлекала, вознаграждала и наказывала своих членов. Мы должны осознать существенные недостатки экономической системы, которая была импортирована из СССР и в которой руководство Китая, в особенности Мао, видело путь к ускоренной индустриализации Китая. Две эти структуры — партийная система и командная экономика СССР — оказались эпицентром всех трудностей и конфликтов эпохи Мао. Именно в них кроются корни недовольства правлением Мао, и именно их специфические особенности неоднократно срывали его начинания. Сам Мао Цзэдун, который предстает перед нами в таком прочтении истории, оказывается во многом легкомысленным и склонным к грубым ошибкам человеком, апологетом жесткой анахроничной революционной идеологии. Однако его личные недостатки не позволяют нам в полной мере объяснить, почему события развивались именно так, как это случилось. Я начинаю свое повествование с описания инициированных Мао оперативных мер и прослеживаю, как их последствия охватывали созданный им режим и в конечном счете все общество Китая.

Следующие пять глав этой книги описывают предпосылки для серии грядущих драматических событий. Я расскажу о той трансформации, которую за десять лет после 1947 г. Китай пережил на пути к превращению в мощное и сплоченное национальное государство со своими необычными особенностями и поразительными уязвимостями. Глава 2 представляет собой хронику долгого пути КПК к власти и описывает воздействие последствий этой продолжительной борьбы на все имевшие место события. Я не концентрируюсь на традициях партизанского коммунизма и антияпонском сопротивлении, которые занимают столь значительное место в мифологии формирования КНР.

Мощная сталинизация КПК началась в городе Яньань, бывшем во время войны базой коммунистов. Именно здесь Мао приобщился к основам коммунизма сталинистского толка, в особенности к доктрине классовой борьбы в условиях социализма, которая продолжительное время трактовалась как единственная теоретическая новация Мао. В Яньане партия отшлифовала мастерство обеспечения драконовских требований к лояльности и конформизму своих членов и навыки наказания тех, кто оказывался неспособен выполнять эти требования. В будущем этот опыт окажется для КПК источником как значительной мощи, так и разрушительных злоупотреблений. Спустя много лет после отхода от стратегии партизанской войны в созданном за 1950-е гг. режиме для поддержания вооруженных сил общего назначения продолжала действовать массовая мобилизация гражданского населения, начало которой было положено во времена гражданской войны в конце 1940-х гг.

1950-е гг. были временем формирования режима, а также эпохой социальной революции. Главы 3 и 4 представляют собой общее представление о ходе революции соответственно в сельской местности и в городах. За короткое время были уничтожены существовавшая многие века система землепользования и выстроенные на ее основе социальные институты. Исчезли частное землевладение и сельскохозяйственная аренда, равно как и сельские элиты, обеспечивавшие этими явлениями свой авторитет. Китай быстро превратился в страну мелких независимых земледельцев, у которых по прошествии нескольких лет снова отняли землю. Их поглотили коллективные хозяйства. Изменения затронули и жизнь в городах. Лавочники, торговцы и капиталисты, которые не бежали из континентального Китая, постепенно лишались своей собственности и активов. Компании консолидировались в коллективы под управлением правительства или национализировались и превращались в государственные предприятия. Городское и сельское население регистрировали, классифицировали и привязывали к местным сообществам. Как в городах, так и в сельской местности были эффективно нейтрализованы как организованные преступные группировки и во-

оруженные банды, так и торговля наркотиками, проституция и рэкет. В городах и деревнях был установлен новый уровень стабильности и порядка. Одновременно со всем этим КПК формировала новое и эффективное национальное государство, которое служило делу искоренения неравенства и незащищенности, столь продолжительное время терзавших простых жителей Китая.

С течением 1950-х гг. новый национальный режим Китая начал заметно напоминать советский строй. В главе 5 описывается, как Китай стремительно внедрил свою версию государственной социалистической машины роста, разработанную в 1920-х гг. в сталинском СССР. По прошествии времени это решение выглядит как роковой выбор, поскольку перенятая модель развития имела серьезные недостатки и в конечном счете потерпела тотальный крах. Однако в начале 1950-х гг. это было абсолютно невозможно предвидеть. Указанная модель позволила СССР добиться ускоренного развития промышленности, одержать победу над нацистской Германией и обеспечить резкое увеличение темпов роста в послевоенный период, что усиливало военную мощь СССР, ставшего угрозой для западных держав. В первой половине 1950-х гг. Китай остервенело внедрял у себя именно эту модель, требовавшую высоких показателей экономии и инвестиций, которые, в свою очередь, сдерживали в обозримом будущем потребление и качество жизни в пределах средств для существования. Нормирование и дефицит, жилье и общественная инфраструктура ненадлежащего качества оставались проблемами для Китая вплоть до завершения эпохи Мао.

Все описанные изменения носили фундаментальный характер, однако наиболее важным преобразованием 1950-х гг. стало расширение влияния КПК на все сферы функционирования правительственных структур, социальных институтов и предприятий Китая. Этому тренду, который является общепризнанным, но требует серьезного исследования, посвящена глава 6. Партия не стремилась контролировать все и вся, предпочитая фокусироваться на организациях, которые выполняли ключевые управленческие функции, принимали принципиальные решения по распределению ресурсов и готовили будущие элиты Китая.

Расставлять кадры и распределять ресурсы КПК научилась быстро. Это стало убедительным стимулом для вступления в партию, а соответственно, неизбежно поменяло смысл членства в этой партии и мотивацию вступающих в ее ряды людей. До победы КПК вступление в партию сопутствовали значительные жертвы, личные риски и даже опасность. Ситуация полностью изменилась в 1950-х гг. Членство в партии стало мандатом, который увеличивал возможности продвижения по службе и открывал перспективы получения высшего образования. Становясь членом КПК, особенно в молодом возрасте, человек приобретал гораздо больше шансов быть назначенным на руководящую должность и пользоваться особыми привилегиями. Пребывание в такой должности, соответственно, позволяло распространить действие льгот на своих родственников и преемников. Впрочем, все эти преимущества действовали лишь до тех пор, пока члены партии неустанно демонстрировали лояльность и послушание.

Сформированная в 1940-е гг. революционная организация со строгой системой дисциплины неизбежно трансформировалась в площадку для личного продвижения и структуру покровительства. Этот тренд беспокоил отдельных представителей руководства и постепенно стал предметом исключительной озабоченности Мао Цзэдуна как, возможно, наиболее важная составная часть маоистской политической платформы. При этом, как мы увидим далее, Мао странным образом интерпретировал описанную тенденцию как возвращение к капитализму, а не как неизбежное направление эволюции бюрократической иерархии, получившей монопольный контроль над собственностью и карьерными возможностями. Поставив такой в корне неверный диагноз, Мао предлагал курсы лечения, которые были не только контрпродуктивны, но и вредны. Он безуспешно бился над решением описанной проблемы до конца своей жизни.

Эти главы обозначают контекст для яростных событий последних двух десятилетий жизни Мао Цзэдуна. Самым поразительным в них окажется возможность увидеть, как практически все его инициативы приводили к печальным последствиям, оказывавшимся непреднамеренными, неожиданными и нежелательными.

Мао приходилось отступать, идти на компромиссы и менять направление движения. Хроника 20 последних бурных лет его жизни начинается с главы 7, в которой мы проследим реакцию Китая на глубокие социальные изменения в СССР после смерти Сталина, в особенности последствия осуждения Никитой Хрущевым на съезде КПСС в феврале 1956 г. культа личности. Критика Сталина больно задела лидеров ряда восточно-европейских стран. Многие из них неукоснительно копировали вождя СССР в собственных политических курсах. Мао в значительной мере ассоциировался с таким подходом. Он активно продвигал соответствующие политические инициативы и сознательно подражал Сталину, формируя культ своей личности и режима, за которые теперь пригвождали к позорному столбу. Желая переиграть Хрущева, Мао стремился запустить либерализацию на собственных условиях. В феврале 1957 г., преисполненный уверенности в себе, он анонсировал кампанию под слоганом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», призвав рядовых граждан критиковать работу партийных кадров в масштабах всего Китая. Инициатива была направлена на «исправление» поведения членов партии и исключение формирования народного возмущения, которое в то время охватило новые режимы в Восточной Европе. Однако кампания вышла ее организатору боком. За несколько недель поначалу робкие замечания переросли в лавину жалоб, которые ставили под сомнение партийную идеологию и диктаторский стиль управления. Студенты и преподаватели учреждали независимые журналы и клубы, собирали митинги и устраивали в учебных заведениях диспуты. Рабочие требовали пересмотра заработной платы и представления своих интересов. По городам прокатилась волна стихийных забастовок. Крестьяне выходили из недавно созданных коллективных хозяйств. На сторону недовольных начали переходить молодые члены партии и активисты Коммунистического союза молодежи Китая.

Мао просчитался в своем самонадеянном предположении, что КПК не стоит страшиться открытой критики. В июне лидер пошел на попятную. Партия ответила своим критикам массовым движением против правого уклона, объявившим оппонентов КПК

антипартийными реакционерами и контрреволюционерами. Не имело значения, какие замечания предъявил человек. Кампания затронула не только людей, выступавших с резкой критикой партии и принимавших участие в организованных мероприятиях. Подвергнутые гонениям были вынуждены переживать мучительные собрания, на которых их обличали. В преддверии окончательных приговоров этих людей изолировали от коллег и друзей, увольняли со службы, высылали работать в коллективные фермерские хозяйства, отправляли в тюрьмы или рабочие лагеря. Отдельных руководителей студенческих протестов и забастовок казнили. Кампания обрушилась и на тысячи молодых членов партии, которые в духе лояльности и идеализма отреагировали на призыв Мао выступать с критикой для исправления недостатков в партийной работе. Контрудар сработал. Волнения быстро прекратились. Это был последний пример подлинно независимой политической критики партийной системы вплоть до конца 1970-х гг.

По-прежнему преисполненный решимости доказать свою способность смело и нетривиально решать проблемы развития социализма, еще до завершения Движения против правого уклона Мао приступил к кампании за массовую индустриализацию. В рамках «большого скачка», которому посвящена глава 8, КПК, используя свой мощный административный ресурс, бросила рабочих и крестьян на авральное наращивание производства. Партийные кадры вынуждали своих подчиненных долгие часы работать для выполнения непомерно завышенных планов по производству зерна, стали и иной продукции. Все закончилось полным фиаско по причине дезорганизации, расточительства и дутых отчетов, отправлявшихся властям партийными чиновниками, ощущавшими на себе сильнейшее политическое принуждение работать на высший результат. В июле 1959 г., когда признаки надвигающегося экономического провала стали очевидны, партийное руководство собралось, чтобы обсудить, как сменить выбранное политическое направление. Мао уже был осведомлен о существующих проблемах и, казалось, был даже готов сменить выбранный курс. Однако на откровенное послание министра

обороны КНР, маршала Пэн Дэхуая, который четко обозначил в своем письме недостатки «большого скачка», он отреагировал с болезненной мстительностью. Заклейменный как «предатель», Пэн был снят с поста, Мао же настоял на продолжении своего курса и инициировал второй раунд Движения против правого уклона, чтобы бороться со всеми, кто осмеливался критиковать или сомневаться. «Большой скачок» затянулся еще на один год, до тех пор, пока дефицит продовольствия не стал ощущаться даже в крупнейших городах, в то время как в сельской местности десятки миллионов человек гибли от массового голода.

Это было второе подряд поражение Мао Цзэдуна, однако по сравнению с маневром «ста цветов» «большой скачок» оказался громаднейшим промахом. В главе 9 рассматриваются его последствия и политический кризис, который приведет Китай к «культурной революции». Мао позволил ликвидировать ущерб, нанесенный экономике, другим людям, но был возмущен прямолинейной оценкой провалов «большого скачка» со стороны своего главного доверенного лица Лю Шаоци. Мао признавал, что многих из его коллег мало беспокоили ключевые идеи, которые стояли за «большим скачком». СССР тем временем двигался в абсолютно ином направлении. Хрущев выступил с предложением о модели развитого социализма, в которой упор делался на научные достижения, высшее образование, бюрократическое планирование, мирное экономическое развитие, повышение уровня жизни и смягчение напряженности в отношениях с Западом. Во всем этом Мао видел беспринципное попустительство империалистам и их мировой системе со стороны советских бюрократов, а также откат к устойчивой иерархии и привилегиям элитной страты образованных политических инсайдеров. Для Мао все эти ходы, как ни странно, представлялись возвращением к капитализму. Изображая из себя истинного революционера, разительно отличающегося от кабинетных чиновников, возглавивших СССР после Сталина, Мао ринулся в идеологическую полемику, которая в итоге привела к разрыву отношений между КНР и СССР.

В сознании Мао предполагаемые идеологические колебания его коллег и избранный СССР курс были тесно взаимосвязаны.

В 1963 г. лидеру Китая исполнилось 70 лет. У него были основания беспокоиться по поводу собственного политического наследия. Он долгое время сдерживал внутри себя негодование по поводу отречения Хрущева от Сталина всего лишь три года спустя после смерти последнего. Мао, несомненно, осознавал, что тем, кто не решался его свергнуть, было достаточно дожидаться, пока он покинет политическую сцену естественным образом. Он не верил, что такие люди, как Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин, продолжат его революционное дело. С учетом того пути, по которому Дэн Сяопин пойдет в 1980-х гг., беспокойство Мао, по всей видимости, было основано не на паранойе, а на корректном прочтении ситуации. В конце главы 9 мы узнаем о том, как вождь готовился к ошеломительной атаке на партийное государство.

Мао мог бы ограничиться облавой на тех, в ком он ощущал недостаточную верность своим идеям. Однако развернувшаяся кампания оказалась не обычной зачисткой рядов руководства. Ее сопровождало народное восстание, первоначально инициированное учащимися. Именно этой теме посвящена глава 10. Мао и СМИ открыто поощряли выступления старшеклассников и студентов вузов против «буржуазных» элементов среди профессорско-преподавательского состава и «покрывавших» их администраторов. Студенты сформировали «Красную гвардию» *хунвейбинов* и осуществляли все более ожесточенные атаки на преподавателей, администраторов и, наконец, официальных лиц. Их деяния восхвалялись в СМИ и были удостоены серии массовых митингов на площади Тяньаньмэнь, во время которых Мао устраивал смотры своих последователей. Подразделениям служб безопасности и армии был отдан приказ не вмешиваться. Впрочем, в студенческой среде происходили многократные расхождения на фракции. Многие учащиеся сопротивлялись неприкрытым попыткам манипулировать движением и направлять его, отвечая на это атаками против официальных лиц, которые по поручению Мао вели такую деятельность.

Эти проблемы привели к тому, что Мао разуверился в студентах-повстанцах. Ближе к концу 1966 г. он решил подключить к кампании промышленных работников. В главе 11 рассматри-

ваются последствия такого хода. Города по всему Китаю стремительно выходили из-под контроля. Некоторые трудящиеся выступили с требованиями по пересмотру оплаты труда и социальному обеспечению, некоторые выступили на защиту местных властей против повстанцев. На улицах развернулась борьба между фракциями.

К концу 1966 г. большинство региональных правительств были на грани коллапса. Перед лицом подступающего государственного паралича Мао пошел по пути захватов власти руками повстанцев из регионов, которые были призваны объединиться с преданными ему официальными лицами для свержения парткомов на местах с целью восстановления порядка. Прообразом этого движения стала Январская революция в Шанхае⁴: многочисленный союз протестующих работников заручился поддержкой местного руководителя по делам пропаганды Чжан Чуньцяо и, с разрешения Мао, учредил новую форму управления, восстановив при поддержке армии порядок в крупнейшем городе Китая. Переворот под руководством Чжана Пекин встретил как триумф народных масс и победу революционной линии Мао. Январская революция стала руководством к действию и источником вдохновения для того, что должно было стать победоносной кульминацией «культурной революции». Однако это воображаемое торжество так и не наступило. Мятежники, предпринимавшие попытки захватывать власть во всех концах Китая, оказались вовлеченными в конфликты и разделились на антагонистические фракции. Армии был отдан приказ разобраться в сложившейся ситуации, однако военные либо подавляли повстанческие силы, которым отдавали предпочтение Мао и его коллеги, тем самым подрывая самонадеянность руководства, либо оказывались сами замешаны в местные фракционные стычки. Уклончивость и нерешительность Пекина позволили вражде на местах все больше разрастаться. К лету 1967 г. ситуация была близка к состоянию гражданской войны.

⁴ Также обозначается как «Народная коммуна Шанхая». Вдохновением для этой инициативы стала Парижская коммуна 1871 г.

Мао был вынужден ввести, по сути дела, военное положение. Провальный эксперимент, сопровождавшийся массовыми выступлениями и чехардой власти, был свернут в 1968 г. Глава 12 представляет собой хронику действий армии по восстановлению порядка. К тем, кто продолжал сопротивление, относились как к контрреволюционерам. Карательные меры в масштабах всей страны не оставляли места для оппозиции. В рамках кампании «Зачистка классовых рядов» миллионы людей оказались под следствием, в тюрьме, их жестоко допрашивали в стремлении искоренить любые формы несогласия. Были опустошены университетские городки; студентов на неопределенные сроки отсылали на перевоспитание в сельскую местность; к тяжелой работе на земле принуждали и преподавателей, и администраторов вузов. Перевоспитанию через физический труд в деревнях или на фабриках подверглись также многие сотрудники правительственных структур. Культ Мао достиг абсурдных пределов: в знак любви к председателю КНР граждане исполняли «танцы верности» и до начала каждого рабочего дня преклонялись перед алтарями с портретами Мао, чтобы «испросить наставлений» у лидера.

Все эти кампании завершились после сентября 1971 г. Последовавший за этим период нестабильности исследуется в главе 13. Погиб маршал Линь Бяо, который столь публично продвигал культ Мао, за что в качестве «ближайшего соратника и преемника» был вознагражден вторым по значимости постом в партийной иерархии. По официальной версии, которую в конечном счете сообщили народу Китая, Линь погиб в результате падения самолета, на котором он пытался сбежать в СССР после неудавшегося военного переворота и попытки убить Мао. Вся аргументация в пользу «культурной революции», которая была призвана оправдать в глазах публики беспрецедентные масштабы разрухи, имевшей место последние пять лет, рассыпалась в прах.

Вслед за этим начались значительные изменения. Армия постепенно отошла от дел гражданского администрирования. Премьер Чжоу Эньлай, непостижимым образом переживший «культурную революцию» вопреки постоянным нападкам со

стороны коллег Мао за свои попытки смягчить разрушительную силу движения, получил полномочия на восстановление Китая. Постепенно была заново отстроена партийная организация. Культ Мао свернули. Публичные ритуалы были прекращены. Университеты начали возвращать преподавателей и принимать небольшие группы студентов. Миллионы правительственных функционеров, отправленных в ссылку заниматься физическим трудом, были восстановлены в своих должностях. Такие лидеры, как, например, Дэн Сяопин, которые были все еще живы, переждав бурю, заняли высокие посты, тогда как Лю Шаоци погиб в заключении.

Установилось беспокойное затишье, которое вскоре было прервано нарастающим конфликтом, уходившим корнями в недавнее прошлое. Кампания по критике Линь Бяо давала основания жертвам «культурной революции», в том числе и ее бывшим активистам, осуждать как это движение, так и, опосредованно, председателя Мао. Бывшие *хунвейбины*, повстанцы и студенты, сосланные в деревню, начали объединяться в средоточия независимого критического мышления. Махинации пекинского руководства по поводу наследия «культурной революции» стимулировали их последователей к протесту. Во многих крупных городах возобновились фракционные конфликты и уличные акции сопротивления. Наиболее драматичным проявлением накапливающего недовольства стали массовые демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4–5 апреля 1976 г., которые были подхвачены и в других крупных городах. Акции памяти недавно скончавшегося Чжоу Эньлая быстро переросли в открытое осуждение официальных лиц, противодействовавших стремлению премьера откатить назад «культурную революцию». Ответом на протест стало повторное смещение Дэн Сяопина.

Мао оставил после себя разрушенный и отсталый Китай. В главе 14 представлен обзор положения дел в стране на момент смерти вождя. Несмотря на резкий спад после «большого скачка» и более умеренное замедление темпов роста в конце 1960-х гг., национальная экономика развивалась. Однако Китай заметно отстал от других социалистических стран, а тем более от Японии,

Южной Кореи и других экономик Восточной Азии. Средние показатели реальной заработной платы среди промышленных работников по сравнению с 1957 г. снизились. Городские жители, столкнувшиеся с нехваткой жилья, были вынуждены ютиться в убогих коммунальных квартирах с местами общего пользования. Все еще сохранялись нормирование и дефицит всевозможных базовых потребительских товаров. В отдельных случаях ситуация с поставками продукции с 1960-х гг. только ухудшилась. От системы высшего образования остались руины. Печальным было состояние системы управления государственными учреждениями, где значительно упал уровень компетенции и постоянно имели место подводные течения политических противоречий. Производственные мощности устарели и нуждались в ремонте. Дизайн товаров с 1950-х гг. оставался неизменным. В деревнях Китая царил ужасающая бедность: одна пятая крестьян жила ниже черты официального прожиточного минимума, а позже стало известно, что показатели качества питания в сельской местности Китая были одними из самых худших в Азии.

Для восстановления ослабленного после Мао Китая нужно было приложить огромные усилия. Разорение и разруха, оставшиеся в наследство от вождя, вынудили его последователей пересмотреть общее направление движения всей страны. Это в самом деле был переломный исторический момент. Ухватившись за возникшие возможности, последователи Мао отказались от его ключевых идей, в том числе от неприятия рыночных механизмов и частных предприятий, которое, будучи ядром советской экономической системы, начиная с 1950-х гг. стало непреложным фактом в Китае. Когда пыль прошлого наконец-то осела, Китай выбрал в качестве новой модели ориентированные на экспорт развивающиеся страны Восточной Азии, элементы которых были привиты к стволу восстановленной и обновленной КПК. Столь масштабная реформа могла принести плоды только лишь после того, как руководство Китая признало, что в их стране что-то пошло абсолютно неправильно. Не это наследие рассчитывал оставить после себя Мао. В конечном счете все пошло в направлении, прямо противоположном тому, которое указывал лидер.

Глава 2

От движения к режиму

Триумф Коммунистической партии Китая (КПК) в 1949 г. был поразительным и, для многих членов движения, практически сверхъестественным с учетом того, что партии, помимо поиска ресурсов для победы в гражданской войне против Гоминьдана при изначально неравных силах, еще в ранние годы пришлось пережить два тяжелейших удара. Первый удар был нанесен весной 1927 г., когда Чан Кайши приступил к ожесточенным чисткам, положившим конец союзу между коммунистами и националистами и подорвавшим структуры КПК в городах. Количество членов партии сократилось с 58 тысяч в апреле 1927 г. до 10 тысяч по прошествии всего четырех месяцев¹. Те, кто остался в живых, были вынуждены поспрятаться по подпольным ячейкам в городах. Но большинство коммунистов отступили в сельскую местность, где они разместили свои временные опорные пункты. Через несколько лет самым крупным из таких пунктов стала Центральная революционная опорная база. Эта общность, также известная как Советский район Цзянси-Фуцзянь, была создана Мао и его сторонниками в горах на границе провинций Цзянси и Фуцзянь на юго-востоке Китая.

Вторым ударом стала военная кампания вооруженных сил националистов 1934 г., в результате которой Центральная революционная опорная база была уничтожена, а выжившим коммуни-

¹ [Wilbur 1983: 620–672] описывает растянувшиеся по времени распад и зачистки, которые привели лишь к дальнейшему разделению внутри Гоминьдана. Указанные цифры по партийному членству взяты из [Lee 1991: 16–17].

стам пришлось совершать изнурительное отступление со своих позиций в провинцию Шэньси на северо-западе Китая. Красная армия Китая уменьшилась с максимальных 150 тысяч в 1933 г. до 23 тысяч человек к 1936 г., из которых добраться до новой базы в удаленном районе Шэньси² первоначально смогла лишь половина. В результате коммунисты оказались заброшены в засушливый гористый пограничный регион³. От дальнейших атак со стороны Гоминьдана их уберегло лишь начало в 1937 г. полномасштабного вторжения Японии, которая перебила силы националистов и вынудила правительство последних отступить вглубь Китая.

Даже после неожиданной капитуляции Японской империи в августе 1945 г. победа коммунистов ни в коей мере не была предопределенной. Гражданская война с националистами, начавшаяся после вынужденного похода коммунистов в Маньчжурию⁴ для восполнения потерь и запасов у оккупационных сил СССР, началась для КПК крайне неудачно. Гоминьдан располагал более многочисленной и лучше обеспеченной армией. Коммунистические подразделения в Маньчжурии были отброшены на север, к границе с СССР. Чан Кайши бросил свои силы на массивное наступление с целью либо покончить с коммунистами, либо оттеснить их в Сибирь. Однако после нескольких решающих поражений огромные войска националистов распались. Гоминьдан стремительно потерял контроль над северными и восточными районами Китая. Меньше чем за год коммунисты, начавшие практически с поражения, превратились в разгромную для своих оппонентов силу.

Путь КПК к победе в гражданской войне оставил после себя наследие, которое в значительной мере создало режим, пришедший к власти в 1949 г., а также сформировал образ мыслей и модель поведения руководства Китая и членов КПК на многие годы

² [Ch'en 1986: 204–216; цифры по войскам: 198], Dreyer [1995: 185–200; цифры по войскам: 186–187, 199].

³ [Apter, Saichi 1994: 190–194] детально описывают регион.

⁴ Историческое наименование региона, который в настоящее время известен как Северо-Восточный Китай: провинции Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь.

вперед. Однако это наследие следует искать не в официальной мифологии о годах партизанской войны, символом которой выступает город Яньань — военная столица коммунистов. В равной мере это наследие не найти и в многолетнем опыте сельской реформы и партизанской деятельности на военных опорных пунктах за пределами позиций Японии, которому уделялось пристальное внимание исследователей в прошлом и которое до сих пор прославляется в китайских фильмах и учебниках. КПК захватила власть не через партизанскую войну, явившуюся в условиях японского вторжения стратегией выживания. Победы КПК добились не в связи с оказанием вооруженного сопротивления Японии. Как раз наоборот, партия осознанно избегала прямой конфронтации с оккупантами. Победа КПК стала результатом конвенциональной борьбы против сил, соперничающих на китайской стороне. Это заложило наследие КПК как милитаризированной партии и конвенциональной армии, требовавших от подчиненных им масс людей жертв в виде всеобщей военной мобилизации. Мобилизация ради достижения военной победы заложила бюрократические основы Нового Китая и в значительной мере повлияла на будущее зарождающегося государства.

Обоснование победы коммунистов

Политические революции можно описать как противостояние двух организаций: существующего государства и повстанческих сил, которые в равной мере борются за монополию на «легитимное» применение силы на определенной территории [Stinchcombe 1965: 169–180; Tilly 1978: 189–222]. События, приведшие к победе КПК в 1949 г., историки интерпретируют в основном именно таким образом. Некоторые из них ставят под вопрос организационное и стратегическое превосходство коммунистов над националистами. И если по поводу слабых сторон националистов сформировался консенсус, в отношении преимуществ коммунистов существуют разнообразные точки зрения.

Одна категория обоснований причин успеха стратегии КПК заключается в отсылке к стратегии «революции в деревнях»,

которую партия разработала и которая ассоциируется с ведущим поборником этой идеи — Мао Цзэдуном. В рамках этой стратегии КПК отказывалась от марксистской догмы революции пролетариата и перенаправляла революционное движение в сельскую местность. Коммунисты сочетали тактику партизанской борьбы с формированием партийных ячеек, которые вовлекали в политическую жизнь обездоленных крестьян⁵. У этой теории есть три различных версии, каждая из которых делает упор на различных доводах, объясняющих причины принятия китайскими крестьянами стратегии КПК.

Первая и самая ранняя точка зрения объясняет поддержку коммунистов со стороны сельских районов политическими последствиями вторжения в Китай Японии. Вызванная этими событиями волна националистических настроений в крестьянской среде будто бы и привела коммунистов к победе. С этих позиций жесткие меры японцев по подавлению сопротивления в китайской глубинке спровоцировали возрастание национализма среди крестьян, которые ранее не проявляли свою национальную идентичность активно. Оккупанты, бросившие силы на борьбу с противником в тылу врага, превратили партизан-коммунистов в героев, несущих китайской нации спасение. Таким образом, КПК оседлала волну вновь пробудившегося у крестьян национализма, став защитницей сельской местности от иностранных захватчиков⁶.

Вторая точка зрения делает упор на программах КПК по сокращению арендной платы и проведению земельной реформы, которые были направлены на избавление нищих крестьян Поднебесной от давних проблем. Здесь подчеркивается значение организационной работы КПК в деревнях, в особенности пристальное внимание партии к извечно неустойчивому материальному положению наиболее обездоленных слоев сельского населения⁷. КПК нащупала ключ к политической мобилизации сельских

⁵ Один из ранних примеров такой точки зрения мы находим у [Schwartz 1951].

⁶ Самую раннюю версию этого предположения выдвигает [Taylor 1940], в дальнейшем эта позиция была развита в [Johnson 1962].

⁷ [Selden 1971] был одним из первых влиятельных источников такого подхода.

районов в мечте крестьян о земле и освобождении от изнурительных долгов и поборов. Работая с безземельными крестьянами и фермерами-арендаторами, КПК высвобождала латентные классовые конфликты, которые формировали будто бы неиссякаемые источники поддержки со стороны крестьянства⁸.

Третья точка зрения фактически является вариацией предшествующей. В фокусе внимания здесь находятся не классовые конфликты, ведущие к расколу среди сельских жителей, а традиционные моральные представления крестьянства, разделявшиеся в сельских районах всеми социальными классами. Соответственно, коммунисты выступали за повышение уровня жизни обездоленных крестьян и апеллировали к местным традиционным ценностям, которые были сконцентрированы вокруг права каждого на основные средства существования. Крестьяне видели в коммунистах поборников традиционной культуры, которые противостояли рационализации законов рынка все более расширяющегося общемирового капиталистического движения⁹.

Все эти точки зрения призваны обосновать то, как партизанская стратегия привлекла крестьян на сторону КПК. Однако эта аргументация не позволяет нам сделать по поводу причин триумфа коммунистов однозначный вывод. Вне всяких сомнений, КПК эффективно мобилизовала крестьянство и сформировала на уровне деревень политические организации, но такая стратегия существенным образом зависела от способности коммунистов удерживать за собой территории военной силой. Исследователи безуспешно пытались найти корреляцию между районами с особыми социальными условиями и приходом к власти на данных территориях коммунистов. Единственное обстоятельство, которое соотносится с достижениями на местах, — присутствие там вооруженных коммунистических сил [Hofheinz 1969,

⁸ Это сходится с общими рассуждениями о революции в Китае и Вьетнаме как выражении классовых конфликтов. См., в частности, [Moore 1966; Paige 1975].

⁹ См. [Thaxton 1983; Marks 1984], которые развивают идеи [Scott 1976] о «моральной экономике» протеста.

1977]¹⁰. Руководство партии не верило в то, что ее тактические успехи были связаны с конкретными экономическими условиями. С его точки зрения, во всех районах Китая было достаточно классового неравенства для того, чтобы стимулировать революционные перемены [Van Slyke 1986: 651–652].

Такие перемены, проводившиеся в районах, надежно контролировавшихся коммунистической партией, были изначально нестабильными. Опорные пункты стремительно распадались, если военное присутствие коммунистов там ослабевало. Ближе к концу 1939 г. вооруженные силы Японии консолидировали свои победы на севере Китая и переключились на районы, в которых расширила свою деятельность КПК. Зона присутствия последней уменьшилась, и партийные кадры столкнулись со сложностями в привлечении настороженных крестьян на свою сторону [Ibid.: 674–676]. Похожая ситуация сложилась в первые шесть месяцев гражданской войны, когда на севере Китая перевес сил складывался в пользу националистов. Это привело к широкому выходу людей из партийных организаций на местах и отходу от преобразований, которые проводились в деревнях. В одном из исторических трактатов рассматриваемый период характеризуется следующим образом: «Пока коммунистические силы оставались на местах, местные партийные кадры имели возможность проводить земельную реформу и инициировать политические мероприятия. Однако в отсутствие военной защиты новые адепты движения в деревнях, которые были рекрутированы на заключительном этапе войны против Японии и в послевоенные годы, зачастую переходили на другую сторону» [Westad 2003: 61].

Еще одна причина, почему нельзя воспринять стратегию партизанской борьбы как обоснование успеха коммунистов, заключается в том, что де-факто победа была достигнута за счет конвенциональных боевых действий с участием значительных современных вооруженных сил на фоне массовой мобилизации

¹⁰ Эта точка зрения подтверждается в [Benton 1992], где детально рассматривается деятельность коммунистов, которые остались на востоке Китая после эвакуации Советского района Цзянси-Фуцзянь.

ресурсов и людей с обеих сторон конфликта. Партизанская война позволила КПК выживать и расширять свои ряды в годы японской оккупации, но эта стратегия требовала от крестьян минимальной поддержки партизан-коммунистов в виде продовольствия, ресурсов и рекрутов. С началом гражданской войны КПК отказалась от партизанских операций. По мере вступления вооруженных сил коммунистов в Маньчжурию, которая ранее находилась под оккупацией СССР, Мао начал следовать стратегии тотальной мобилизации на революционную войну. Красная армия, переименованная в 1945 г. в Народно-освободительную армию Китая (НОАК), выросла от 475 тысяч в 1944 г. до 2,8 миллиона к 1948 г. [Dreyer 1995: 317–318; Van Slyke 1986: 621]. Ресурсы и человеческие силы, требовавшиеся для масштабных операций, нельзя было обеспечивать методами ведения партизанской войны. Новый подход трансформировал как сообщества в районах, находившихся под контролем КПК, так и саму партию. Теперь в борьбу против националистов требовалось вовлечение всего населения. Активная поддержка военных действий коммунистов обеспечивалась принудительно. Требовалось обеспечение партии в виде ресурсов, труда и новобранцев. Заключительные годы гражданской войны в Китае напоминали покорение армией СССР Восточной Европы на последних этапах Второй мировой войны. НОАК устремилась к югу от Маньчжурии и в сопредельные к Северному Китаю регионы, захватывая обширные территории, которые никогда прежде не находились под ее контролем, а также такие районы, как Тибет и Синьцзян, которые со времен падения династии Цин вообще не находились под управлением какого-либо китайского государства.

Организация, одолевшая в ходе гражданской войны изначально превосходящую ее по соотношению сил армию националистов, состояла не из партизан, которые вели операции в отдаленной сельской местности. Это была милитаризованная партия, осуществлявшая полномасштабную мобилизацию для поддержания захвата территории при помощи многочисленной современной армии. Именно эта организация стала ядром Нового Китая. Для осознания того, как КПК выиграла организационное

противостояние с Гоминьданом, следует рассмотреть причины, которые позволили коммунистам быть на этой стадии конфликта более эффективными, чем националисты.

Последствия японского вторжения для вооруженных сил

Мы начинаем экскурс в историю противостояния двух организаций с кануна войны с Японией¹¹. В 1936 г. Чан Кайши сконцентрировал вооруженные силы националистов в провинции Шэньси для организации завершающего наступления на небольшой опорный пункт коммунистов на границе Шэньси-Ганьсун-Нинся и на «красную столицу» — город Яньань. Красная армия располагала на тот момент лишь 50 тысячами солдат, 29 тысячами единиц огнестрельного оружия при полном отсутствии поддержки с воздуха, а националисты имели в своем распоряжении свыше двух миллионов солдат и ВВС в составе 314 самолетов [Taylor 2011: 142]. Однако до начала операции Чан Кайши был задержан подразделениями двух своих генералов, которые хотели, чтобы он объединил с коммунистами усилия для противостояния Японии. Японцы уже захватили практически все районы Северо-Восточного Китая и подступали к Северному Китаю. Командирам не было известно, что в результате секретных переговоров представители Чана уже согласовали взаимодействие с коммунистами. Чан был освобожден. Финальное наступление на Яньань так и не состоялось¹².

На следующий год пришлось полномасштабное вторжение Японии, подорвавшее государство и вооруженные силы националистов, которые уступали в своих возможностях японцам. Лучшие вооруженные подразделения Гоминьдана были истреблены. Уже в первые недели националисты потеряли убитыми

¹¹ В китайской историографии вторая война с Японией делится на две части: частичная война, которая стартовала 18 сентября 1931 г. с началом японской интервенции в Маньчжурии, и всесторонняя война, которая датируется с 7 июля 1937 г. — с инцидента на мосту Лугоу. В данном случае подразумевается именно всесторонняя война.

¹² Эти события известны как Сианьский инцидент [Chèn 1986: 226–229].

187 тысяч [Taylor 2011: 150]. Специальные войска Чан Кайши были размещены в районе Шанхая и столице националистов — Нанкине. В течение трех месяцев при обороне Шанхая погибло 300 тысяч человек, еще 100 тысяч — при обороне Нанкина. К концу 1937 г. общие потери составили от 370 до 450 тысяч — от трети до половины лучших вооруженных подразделений националистов [Ch'i 1982: 42–43; Mitter 2013: 98–108; Yang 2011b]¹³. Японцы по причине упорного сопротивления Гоминьдана несли неожиданно огромные потери. Их ответом стали печально известные расправы над гражданским населением, когда они достигли Нанкина [Mitter 2013: 124–144].

Националисты продолжали свое ожесточенное сопротивление, отступая в Чунцин — столицу военного времени. К концу сентября 1939 г. полмиллиона японских солдат погибли или получили серьезные ранения в ходе боевых действий против Гоминьдана, подорвав уверенность японцев в возможности молниеносной войны. Националисты затаили заведомо превосходящие японские вооруженные силы в трясины войны сопротивления. Зимой 1939 г. Чан Кайши объявил генеральное наступление в восьми зонах боевых действий. В период с проигрыша сражения при Ухане в октябре 1938 г. по 7 декабря 1941 г. вооруженные силы Гоминьдана потеряли еще 1,3 миллиона человек [Taylor 2011: 168–169; MacKinnon 2011].

Изначально силы коммунистов были недостаточными для противостояния Японии. Дело обороны Китая оказалось целиком в руках националистов, которые приняли на себя основной удар японцев. Армия коммунистов во время ее вступления в войну насчитывала всего лишь 30 тысяч человек. В сентябре 1937 г. эти силы были реорганизованы в 8-ю Маршевую армию. Вскоре на основе оставшихся после эвакуации в 1934 г. из Советского района Цзянси-Фуцзянь войск была учреждена и Новая 4-я армия, которой предстояло действовать в Центральном Китае [Van Slyke 1986: 613; Benton 1999; Pantsov, Levine 2012: 290].

¹³ [Harmsen 2013] — целая книга, посвященная драматическим событиям безнадежной обороны Шанхая силами Гоминьдана в 1937 г.

Мао остро ощущал стратегическую уязвимость своей партии и поэтому призывал к партизанской войне, уклонению от прямой конфронтации с основными силами Японии, а также сохранению и расширению военных ресурсов КПК [Van Slyke 1986: 613–614]. С 1937 по 1939 г. — в первые два года войны — армия Японии держалась поближе к железнодорожным путям и станциям, оставив сельскую местность фактически без контроля. Когда японцы обратили свое внимание на необходимость укрепиться на большей территории, КПК уже развернулась в сельских районах за пределами японских позиций [Ibid.: 631]. К этому моменту отдельные командиры вооруженных сил Мао, указывая на незначительный эффект от партизанских операций, призывали к маневренной войне против Японии, а также к более тесному сотрудничеству с силами Гоминьдана, дабы нанести более мощный удар по японским вооруженным силам. Такие рекомендации нашли поддержку у ряда партийных лидеров¹⁴. Однако Мао продолжал настаивать на предотвращении конфронтации на поле боя и приказал расформировать 8-ю Маршевую и Новую 4-ю армии на небольшие подразделения, которым было поручено заниматься рекрутированием, политической работой и строительными работами в опорных пунктах. Эта стратегия в своей сути предполагала редкие столкновения с японскими войсками, да и столкновения эти оказывались незначительными по масштабам, сводясь к нападениям на японские патрули или марионеточные китайские силы безопасности из засады и рейдам за ресурсами и оружием. Организовывались убийства коллаборационистов, подрывались железнодорожные пути, на дорогах закладывались мины, срезались телеграфные столбы, выкрадывалась проволока [Van Slyke 1986: 672–673].

Единственным исключением стал 1940 г. Вдохновившись расширением контроля над сельской местностью, КПК приступила к своей единственной за всю войну последовательной наступательной

¹⁴ Среди сторонников более агрессивного военного сопротивления были Чжоу Эньлай, Ван Мин, Пэн Дэхуай и Чжу Дэ [Apter, Saich 1994: 58–59; Pantsov, Levine 2012: 313–314].

тельной операции. Мао приказал 104 вооруженным подразделениям совершать координированные атаки на железнодорожные пути, угольные шахты и иные объекты инфраструктуры, находившиеся в распоряжении японцев. 8-я Маршевая армия потеряла убитыми и ранеными 22 тысячи человек, в то время как потери с японской стороны составили, по различным подсчетам, от 3 до 4 тысяч человек. Японцы направили на поисково-карательные операции значительное подкрепление и вернули себе все утраченные территории, стирая с лица земли целые деревни, которые содействовали КПК, учиняя расправы над людьми и уничтожая скот, а также возводя блокгаузы и стратегические городки. Количество населения в находящихся под контролем коммунистов районах сократилось с 44 до 25 миллионов, а численность 8-й Маршевой армии упала с 400 до 300 тысяч человек. К 1942 г. 90 % бывших коммунистических опорных пунктов на Северо-Китайской равнине¹⁵ либо оказались под контролем вражеских сил, либо активно оспаривались. Столкнувшись с ожесточенной реакцией со стороны японцев, Мао вернулся к прежней стратегии и больше не предпринимал масштабных наступательных действий против японских войск [Ibid.: 676–681]¹⁶.

В распределении бремени ведения боевых действий наметился поразительный дисбаланс. В январе 1940 г. Чжоу Эньлай направил Сталину доклад, в котором говорилось о складывавшихся благоприятно для коммунистов последствиях войны против Японии. Чжоу отмечал, что по состоянию на август 1939 г. свыше миллиона китайских солдат-националистов погибли или были ранены, притом что 8-я Маршевая армия и Новая 4-я армия потеряли лишь 30 тысяч и 1 тысячу человек соответственно. К середине войны на КПК приходилось всего 3 % общих военных потерь Китая [Taylor 2011: 168–169]. Вопреки умопомрачительным потерям, националисты постоянно восстанавливали свои

¹⁵ На русском также обозначается как Великая Китайская равнина.

¹⁶ См. также [Yang 2011a]. [Friedman et al. 1991: 44–51] описывают имевшее место в этот период движение сопротивления в одном из уездов в центральной части провинции Хэбэй.

вооруженные силы и настойчиво сопротивлялись Японии и в последующие годы. Последней значительной оборонной операцией для Гоминьдана оказалась защита Хэнань, Хунань и Гуанси в 1944 г.¹⁷ Японцы вели против националистов наступательную операцию «Ити-го»¹⁸ [Ch'i 1982: 68–81; Van Slyke 1986: 705–709; Wang 2011]. Силы Гоминьдана потеряли здесь еще 146 тысяч человек. По словам одного специалиста, «Япония нанесла смертельный удар по националистской армии Китая, от которого у последней не было времени оправиться» [Ch'i 1982: 81]. К концу войны Национально-революционная армия находилась «в последней стадии истощения» [Eastman 1984: 156].

После победы коммунистов в 1949 г. и следовавших за этим десятилетий пышного самовосхваления членов КПК как героев сопротивления Японии роль националистов в войне игнорировалась и принижалась¹⁹. По мнению одного из наиболее проницательных критиков националистов, последние все же достигли значительных результатов на поле боя:

[Национально-революционная армия] на протяжении восьми лет продолжала вести войну против вражеских сил, которые заведомо превосходили ее по организации, подготовке и снаряжению... Полностью лишив японцев ожидаемой быстрой и решающей победы, [националисты] активно противостояли им в Шанхае, в Нанкине и на равнинах Северного и Центрального Китая, неся страшные потери [и] вынуждая японскую армию завязнуть на обширных просторах Поднебесной [Eastman 1984: 130; Drea, van de Ven 2011].

За всю китайскую кампанию вооруженные силы Японии потеряли 483 708 убитыми и 1,9 миллиона ранеными, вооруженные силы Китая — 1,3 миллиона убитыми и 1,7 миллиона ранеными [Eastman 1984: 136].

¹⁷ Эти события известны как оборона Хэнъяна.

¹⁸ Буквально «Операция № 1».

¹⁹ [van de Ven 2011] анализирует источники этих предубеждений.

Вклад коммунистов в военные действия был крайне скромным. Согласно докладу Коминтерна от декабря 1944 г., на поле боя погибло свыше миллиона солдат-националистов при потерях в 103 186 человек со стороны 8-й Маршевой армии и несколько тысяч человек со стороны Новой 4-й армии. На коммунистов пришлось лишь 10 % от общих потерь Китая среди военнослужащих [Taylor 2011: 297–298]. По мнению одного автора, знаменитая доктрина Мао о «народной войне» была одним из «главных мифов» этого периода: «Народная война практически не применялась в конфликте с японцами» [Lüthi 2008: 25–26].

Политические последствия японского вторжения

Интервенция Японии не только затронула военную сферу, но и ослабила сплоченность режима националистов. Основанное Чан Кайши государство никогда не представляло собой единую национальную организацию. Более того, не все армии Китайской Республики находились под централизованным контролем. После изгнания коммунистов в 1927 г. Чан свернул всеобщую мобилизацию и достиг ряда соглашений с региональными военачальниками, номинально присягнувшими на верность Нанкину, сохранив за собой существенную автономию [Wilbur 1983: 719–720]. В пору своего расцвета в 1935 г. Гоминьдан напрямую контролировал менее трети административных регионов страны. По большей части националисты управляли провинциями Центрального и Восточного Китая. Оставшиеся территории находились в руках разнообразных военных наместников или, в случае Маньчжурии, японцев [Ch'i 1982: 23]. Та же ситуация сложилась и в вооруженных силах. Чан Кайши контролировал напрямую лишь 31 из 176 армейских подразделений [Ibid.: 37]. Когда в 1937 г. японцы начали наступление на прибрежные районы Китая и продвижение во внутренние районы страны вдоль реки Янцзы, националисты оказались выброшены за пределы своих родных территорий. Основную часть удара приняли на себя лучшие армейские подразделения Чан Кайши [Ibid.: 40–82].

Зависимость Чана от армии в деле объединения националистического режима сделала последний, по словам одного аналитика, «милитаристическим режимом с крайне узкой базой, имитировавшей партийное руководство» [Ibid.: 3]. Вооруженные силы выступали фундаментом, на котором стояла Китайская Республика. Гоминьдан и правительство в Нанкине так и не сформировали прочную социальную базу или мощные институты. Ослабление армии за время войны против Японии пошатнуло правительство и, после японской капитуляции, оказалось фатальным для будущего режима [Eastman 1984: 130]. Японское вторжение лишило Чана контроля над военачальниками-союзниками. Ситуация с управлением в номинально принадлежавших националистам районах быстро ухудшилась, что ограничило возможности центрального правительства собирать налоги и призывать солдат на службу. Гоминьдан был лишь одной из нескольких противоборствующих сил. Сама по себе партия отличалась небольшой степенью интегрированности и состояла из множества фракций [Kirby 1984: 157–158]. Всю эту структуру объединяла фигура Чан Кайши, в основном благодаря личной преданности ему высокопоставленных военных и партийных лидеров. Сама же организация атрофировалась: «Во времена войны партийная работа на массовом уровне не велась, а те партийные организации, которые существовали, контролировались и эксплуатировались местными лидерами для достижения собственных корыстных целей» [Ch'i 1982: 235].

Чан Кайши осознавал организационную слабость своего режима и уважал коммунистов за слаженность и единство. В 1939 г. Лю Шаоци определил кодекс КПК относительно дисциплинированности и послушания следующим образом:

Каждый член партии должен полностью идентифицировать свои личные интересы с интересами партии как в мыслях, так и в действиях. Он должен без колебаний и сомнений следовать интересам партии и жертвовать своими личными интересами во всех случаях, когда возникают сомнения. [Следует проявлять] непоколебимую решимость жертвовать собственными интересами даже ценой собственной жизни во имя партии, пролетариата и освобождения народа [Liu 1939: 136–137].

В 1938 г. Чан Кайши записал в своем дневнике: «Коммунистические партии во всех уголках мира издавна работают в подполье, поэтому они обладают четко организованной структурой и железной дисциплиной, которых не хватает иным партиям». Чан сожалел по поводу состояния собственной партии, которую он характеризовал как «особый класс, который своей борьбой за власть и корыстными интересами отталкивает народные массы» [Taylor 2011: 157]. После ухода с поста президента Китайской Республики в январе 1949 г. до отъезда на Тайвань Чан писал о своем неминуемом поражении:

Основная причина, которую отрицать невозможно, заключается в параличе партии: членство, организационная структура, методы руководства — все создавало проблемы. Таким образом, партия превратилась в лишнюю оболочку. Присутствие духа утратили и правительство, и армия. В результате вооруженные силы развалились, а общество разложилось [Eastman 1984: 207–208].

Извлеченные из этого уроки не были брошены на ветер. Как только Чан прибыл на Тайвань, он начал формировать гораздо более централизованную диктатуру, настаивая на жесточайшей дисциплине и последовательности, которых его режиму в континентальном Китае всегда не хватало [Dickson 1993; Eastman 1981; Taylor 2011: 191–196, 212–217].

Почему Чан, давно осознававший отсутствие единства и дисциплины собственных сил, не мог разрешить эту проблему? Ответ на поставленный вопрос заключается в политической географии в сочетании с социальным составом Гоминьдана. После 1927 г. националисты разместились в крупных регионах Китая, концентрируясь в городах и поселках. Большинство членов Гоминьдана состояли на гражданской службе или занимались бизнесом, многие из них были профессионалами в определенных сферах, некоторые являлись состоятельными людьми. Они уделяли партийной деятельности лишь малую долю своего внимания, которое в любой момент могло быть переключено на семейные и профессиональные интересы. Поскольку национа-

листы базировались в регионах, богатых ресурсами, они имели возможность извлекать необходимые доходы без формирования связей с сообществами на местах. Партийные и правительственные посты зачастую оказывались инструментами для личного обогащения. Националисты продолжали править внутренними сельскими районами в стиле, напоминавшем менеджмент императорских династий прошлого, в частности, позволяя видным местным деятелям брать на себя правительственные функции и собирать налоги при достаточно высокой степени автономии.

Источники дисциплины в КПК

Коммунисты существовали в полностью других обстоятельствах. После 1927 г. они были вытеснены в изолированные сельские районы. Постепенно отстраивая партийные организации в этих не имевших значительных ресурсов районах, члены КПК были вынуждены формировать близкие связи с местным населением, которое выступало им опорой. Партийные члены и кадры не были встроены в городское общество, и у них не было профессий, собственности или деловых интересов, которые могли бы отвлекать их от работы на движение. Партийная работа в силу обстоятельств составляла всю их жизнь. Даже если бы кто-то хотел покинуть КПК, то у такого человека было бы не так много альтернатив партии. Коммунистам, отброшенным в сторону сначала враждебно настроенными националистами, а потом и японскими войсками, было сложно как выйти из движения, так и избежать тюремного заключения, пыток или смертной казни. Вся жизнь коммунистических кадров зависела от партийной организации.

Особенности политической географии дали коммунистам особые преимущества, однако воспользоваться ими они смогли благодаря несокрушимому стремлению к введению дисциплины и единства. Достижение этой цели граничило с одержимостью. Партия предъявляла жесткие дисциплинарные требования к членам и обеспечивала исполнение этих требований иногда невероятно суровыми методами. В первые годы существования партии проводились зверские партийные чистки. Первая крупная

чистка, прошедшая с 1930 по 1932 г., представляла собой кампанию подавления контрреволюционных настроений в партизанских отрядах, действовавших на базе Советского района Цзянси-Фуцзянь [Averill 1995: 96–99; 2006, 389–391; Guillermez 1972: 216–217]. Мао был уверен, что сопротивление со стороны командиров на местах было связано с подпольным заговором. Он отреагировал на противостояние волной пыток и массовых казней. Партийные инквизиторы вторгались в охваченные протестами районы и выискивали подозреваемых [Averill 2006: 390; Pantsov, Levine 2012: 239–245]. Чистка, произошедшая в другом опорном пункте в это же время, описывается, как «доходившая почти до истерии охота на ведьм, яростная попытка местных кадров спастись ценой неуклонного расширения списков контрреволюционеров, которых они выявляли среди своих коллег» [Rowe 2007: 310–316]. Официальная партийная хроника оценивает количество жертв этого инцидента в 2500 человек, однако независимые историки полагают, что реальные цифры потерь — ближе к 10 000 [Ibid.: 313–315; Benton 1992: 313–314]. Аналогичные чистки происходили с 1934 по 1937 г. и на других опорных базах. Дело было поставлено на поток: под пытками у людей выбивали признательные показания. Сотни людей отправлялись на расстрел без суда и следствия [Benton 1992: 239–240, 264, 282–283, 316–317, 337–339]²⁰.

Такие террористические и деструктивные подходы к поддержанию внутренней дисциплины корректировались, совершенствовались и увеличивались в масштабе по мере роста партии на фоне войны против японцев, хотя обвинения в заговорах и выбивание признаний под психологическими и физическими пытками периодически продолжались. Эти подходы разрабатывались в Яньане и достигли своего пика в ходе кампании чисток «за упорядочение стиля работы партии» 1942–1944 гг., которая стала частью развернутой кампании по сталинизации КПК.

²⁰ [Apter, Saich 1994: 49–54] описывают эти зачистки как конфликты между местными партизанскими формированиями и центральным партийным командованием. См. также [Saich 1996: 530–550].

Теоретической основой этой кампании стала переводная версия «Краткого курса истории ВКП(б)», который был составлен и опубликован в 1938 г. по указаниям Сталина²¹.

Сталинизация КПК началась после прибытия в октябре 1937 г. в Яньань партийных лидеров, которые провели несколько лет в Москве. Один из вернувшихся функционеров, Ван Мин, намеревался составить конкуренцию Мао в борьбе за партийное лидерство [Teiwes, Sun 1995: 341–342; Van Slyke 1986: 616]. Ван Мин провел большую часть своей взрослой жизни в СССР и пользовался определенным доверием у Сталина. Ван был образован, красноречив и разбирался в теории марксизма гораздо лучше, чем Мао, который никогда не покидал пределы Китая и авторитет которого базировался в основном на его способностях стратега партизанской войны и практичного политика. Позиционируя себя как истинного последователя Сталина, Ван предпринял безуспешную попытку покушения на статус Мао. Вскоре по прибытии в Яньань он известил Мао о распоряжении, что тому надлежало «укрепить себя “идеологически” в связи с его ограниченным эмпиризмом и “незнанием основ марксизма-ленинизма”» [Benton 1975: 341–342] (см. также [Apter, Saich 1994: 54–59]). Мао отреагировал на это послание, отшлифовав свои познания по теории марксизма. Тем самым он укрепил контроль над партийной организацией и повысил свой статус, став лидером, политическая линия которого была вдохновлена курсом Сталина [Lüthi 2008: 26–29; Pantsov, Levine 2012: 317–318; Teiwes, Sun 1995]. Нарождающийся «культ личности» Мао частично был призван составить конкуренцию аналогичному явлению вокруг личности Чан Кайши, бывшего символом военного сопротивления Китая и признававшегося в качестве лидера этой страны на международном уровне, даже в СССР [Leese 2011: 8–12].

В указанной смене политического имиджа Мао помогали секретари партии по политическим вопросам, в особенности Чэнь Бода, который в середине 1920-х гг. прошел обучение в контро-

²¹ Этот текст был «первым важным документом», рассмотренным старшими кадрами во время кампании [Apter, Saich 1994: 275, 277].

лируемом коммунистами Шанхайском рабочем университете, а позже в Университете имени Сунь Ятсена в Москве [Wylie 1980: 10–12]. Чэнь рекомендовал Мао литературу для чтения, разъяснял ему основополагающие вопросы и редактировал его черновики. Отправным пунктом повышения квалификации вождя стали переведенные на китайский два советских учебника и статья из «Большой советской энциклопедии». Наибольшее влияние на Мао, вне всяких сомнений, оказал «Краткий курс истории ВКП(б)», также переведенный на китайский в 1939 г. [Commission of the Central Committee of the CPSU 1939; Li 2006b: 91–101]. Эта книга сформировала представления Мао о марксизме-ленинизме и деле строительства социализма, которые он пронес с собой на протяжении всей оставшейся жизни, заметив как-то, что он так и не прочел всю книгу целиком, а сфокусировался на заключительных параграфах каждой главы. Несмотря на достаточно поверхностное знакомство с материалом, Мао слепо принял извлеченные из него уроки в качестве догмы [Li 2006b: 101–102].

«Краткий курс истории ВКП(б)» представляет собой схематическую хронику истории развития и конечного триумфа партии большевиков в России. Кульминацией книги является описание исторического вклада Сталина в формирование социалистической экономики в СССР. Мао использует этот сюжет в дальнейшем в качестве плана действий для Китая в 1950-х гг. Однако именно на текущем этапе наибольшее влияние на лидера оказало живое описание борьбы Сталина с конкурентами за партийное лидерство. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» политические разногласия изображались как внутривнутрипартийное противостояние, в котором были «правильная» и «неправильная» линии, отражающие соответствующим образом классовую борьбу между революционными и реакционными силами. Центральный постулат книги заключался в мысли о том, что классовая борьба продолжается и после установления социализма, поскольку капиталистический класс всегда наводняет партию своими представителями, которых следует выявлять и уничтожать [Tucker 1977; Walder 1991]. Таким образом, разночтения по политической линии с оппонентами вроде Бухарина и Троцкого оформлялись как

противодействие представителям капиталистического класса, которые возглавляли внутрипартийный заговор против социализма. При такой версии событий Сталин предстал в наиболее благоприятном свете и в качестве непогрешимого руководителя, который неизменно следовал «правильной» линии. Мао последовал этому примеру, закрепляя свою власть посредством насаждения культа личности и требуя подчинения своему новому, разработанному совместно с Чэнь Бода политическому курсу: так называемым идеям Мао Цзэдуна, или идеологии маоизма [Li 2010; Pantsov, Levine 2012: 335; Wylie 1980].

Первая сталинистская чистка кадров КПК

Описанный выше процесс завершила кампания 1942–1944 гг. «за упорядочение стиля работы партии» [Teiwes 1976: 20–32]. Яньань — столица опорного пункта КПК во времена войны — притягивал к себе патриотически настроенную молодежь, рабочих и представителей интеллигенции, которые вынужденно покидали свои места под давлением японской интервенции и присоединялись к сопротивлению захватчикам. Среди этих людей было много городских жителей с условно левыми взглядами. Большинство из них никогда прежде не состояли в партии и придерживались идеи либерализма, воспринимая демократию в идеалистическом ключе²². Некоторые из этих людей сопротивлялись более жестким формам партийной дисциплины и испытывали отвращение к догматизму и иерархичности зарождающейся партийной бюрократии. Партийное же руководство было всегда обеспокоено мыслью о возможном засилье в Яньане на фоне миграционных потоков, которые спровоцировало вторжение Японии, агентов Гоминьдана.

В начале февраля 1942 г. Мао выступил с двумя речами, которые положили начало партийным чисткам. Он раскритиковал «три ошибочных течения» внутри партии: субъективизм, фракциона-

²² На тот момент 90 % из 800 тысяч членов партии присоединились к движению недавно [Apter, Saich 1994: 267].

лизм и формализм. Всеми тремя ярлыками предполагалось снабдить людей, недавно приехавших в Яньань и не имевших опыта участия в революционной деятельности, а также, что более важно, партийных функционеров, которые недавно вернулись из Москвы, в частности, оппонента Мао — Ван Мина. Со слов Мао, худшей формой субъективизма выступал «догматизм» — притязания на власть исходя из изучения исключительно хрестоматийных трудов марксистов при непонимании особых политических условий Китая. «Фракционализм» представлялся как поползновения поставить свои личные интересы над интересами партии и, соответственно, как попытка поставить под сомнение более высокие цели движения в целом. КПК нуждалась в «демократизации», но еще больше ей требовался централизм — подчинение собственных интересов интересам партии, которые формулировались ее руководством. Мао заявил о принципиальном значении корректировки поведения каждого члена партии в прошлом для искоренения указанных проблем и предупреждения недостойного поведения в дальнейшем. Желая отделить текущую кампанию от кровопролитных чисток прошлого десятилетия (и, скорее всего, от недавних казней Сталиным партийных функционеров в СССР), Мао сравнивал свою инициативу с процессом излечения доктором пациента: цель — устранить симптомы и избавиться от заболевания [Arter, Saich 1994: 279–281].

Призыв Мао выступать с критикой был встречен непрошеной волной энтузиазма со стороны лиц, которые работали в школах кадровых работников и партийной газете в Яньане. Авторы эссе, публиковавшихся в этом издании и в «стенгазетах», интерпретировали «догматизм» как контроль литературы и искусства со стороны косных и плохо образованных партийных бюрократов. Критики выступали за отделение политики от литературы, а также за обеспечение большей свободы от диктата партийной пропаганды. Некоторые, в том числе известная писательница Дин Лин, осуждали КПК за ненадлежащее отношение к женщинам и отмечали доминирование мужчин и сексизм в Яньане. Наибольший резонанс вызвали неумолимо критические эссе Ван Шивэя, работавшего при партийном аппарате в качестве пере-

водчика. Ван выступил с заявлением, что официальная партийная литература имеет низкое качество, и призвал к повышению художественных стандартов. Он подчеркивал, что многие высокопоставленные кадры в Яньане вели себя в отношении своих молодых и идеалистичных товарищей нечутко и деспотично, отталкивая молодежь от КПК. Эссеист также указывал на возникновение привилегий, связанных с должностными рангами специалистов, а также стратифицированной системой нормирования еды, одежды и жилья. Он также критиковал женатых кадровых революционеров, ухаживающих в погоне за сексуальными утехами за красивыми молодыми женщинами и игнорирующих утративших свою пленительность жен более солидного возраста, которые многие годы поддерживали их как товарищи в революционной борьбе. Сообщается, что последнее обвинение особенно сильно задело Мао, недавно бросившего свою жену из Советского района Цзянси-Фуцзянь и начавшего ухаживать за шанхайской актрисой, которая позже станет известна как Цзян Цин²³. Ван порицал лидеров партии за привычку устраивать по выходным вечеринки, в то время как военные вели ожесточенные бои на фронте. Он отмечал лицемерие этих кадров, отстаивавших свои привилегии, и то бешенство, которое в них вызывали любые подобные разоблачения [Apter, Saich 1994: 59–64; Cheek 1984: 30–37; Goldman 1967: 19–32; Dai 1994: 3–30].

Эссе нашли отзыв среди множества образованных людей, работавших в центральных партийных органах, однако критики поставили под угрозу реальные цели кампании «за упорядочение стиля работы партии». Мао хотел укрепить внутрипартийную дисциплину и консолидировать свои личные полномочия. Претензии лиц, независимых по отношению к абсолютной власти, к которой он стремился, были недопустимы. В особенности это касалось замечаний о злоупотреблениях, связанных лично с Мао. Кампания быстро переродилась в осуждение критиков и их сторонников и борьбу с ними. Несмотря на то что некоторые

²³ Четвертая и последняя жена Мао. Цзян Цин — один из ряда псевдонимов, под которыми в течение жизни была известна Ли Шумэн (имя при рождении).

обвинители смиренно подписывали признания своей вины с обещаниями пересмотреть собственные мысли, Ван Шивэй отказался признать свою позицию ошибочной и вступил в полемику со своими оппонентами. После широко освещавшегося показательного процесса Ван, признанный руководителем «антипартийной группы в составе пяти человек» и заклеенный как троцкист и предатель, был подвергнут вместе с другими членами группы заключению. Он оставался в тюрьме вплоть до своей казни в 1947 г.²⁴

Заткнув рты критикам, Мао обратил кампанию против всей партийной иерархии, все больше концентрируясь на выискивании предателей и шпионов в рядах КПК. Ответственность за «упорядочение стиля» была возложена на Кан Шэна, который в 1937 г. вернулся из Москвы вместе с Ван Мином. Кан, поддержавший Мао в его соперничестве с Ваном, возглавил в 1939 г. службы контрразведки и внутривнутрипартийной безопасности КПК [MacFarquhar 1997: 290–292]. В 1941 г. он стал председателем комитета, ответственного за «подбор кадров». Контратака против представителей интеллигенции — предположительных предателей и троцкистов — превратилась в тотальный поиск вражеских агентов во всех структурах КПК. Основные усилия концентрировались на выявлении «отклонений в мыслях» [Apter, Saich 1994: 289–292; Teiwes, Sun 1995: 370–375].

Кампания по зачистке партии от предполагаемых предателей и шпионов началась с разбора личных дел кадровых работников и членов партии. Следователи выискивали людей с подозрительными связями или происхождением, в частности, перешедших на сторону коммунистов бывших членов националистических молодежных организаций и партийных функционеров, которые работали в подполье на вражеской территории (в особенности если в их биографии обнаруживались аресты с последующим освобождением). На первых этапах кампании от людей требова-

²⁴ Кампания против критиков и отношение к ним описаны у [Cheek 1984: 37–44; Goldman 1967: 32–50; Dai 1994: 31–75]. Переводы эссе Ван Шивэя и мыслителей, разделявших схожие взгляды, можно найти у [Benton, Hunter 1995: 69–83; Dai 1994]. Здесь же представлены переводы обвинений в адрес Вана.

ли «вверить свои сердца партии», сообщить о своем искреннем обращении в коммунистов и рассказать, как они пришли к отречению от своих прежних политических взглядов. Естественно, к тому моменту многие пытались скрыть некоторые факты своих биографий и не упоминать свои неподходящие связи и занятия. Обнаружение того, что некоторые лица оказались неоткровенными в отношении своих классовых корней и предыдущих связей, вызвало у лиц, ответственных за внутрипартийную безопасность, подозрения. Люди, продемонстрировавшие слишком большую независимость суждений, ставя под вопрос авторитет своего начальства или выражая сомнения по поводу разумности партийной политики, становились главными кандидатами для дальнейших расследований.

По мере развертывания кампании «за упорядочение стиля работы партии» для получения признаний все чаще использовались методы долгих и психологически мучительных допросов, а также физическое насилие. В отношении предполагаемых подпольных шпионских организаций было заведено значительное количество подложных дел. Процесс получения показаний при таких обстоятельствах быстро вышел из-под контроля. Принимая в качестве доказательств выбитые признания, партийные инквизиторы требовали от допрашиваемых имена других вовлеченных в заговоры людей. Подписавшиеся во избежание дальнейших мучений под ложными обвинениями нередко сталкивались с ситуацией, что это было только начало: от них требовали назвать новые имена. Полученные имена становились основанием для повторения всех тех же операций с новыми подозреваемыми. Партийные инквизиторы умудрились сфабриковать доказательства существования внутри партии поразительно огромного общества подпольных заговорщиков [Seybolt 1986: 57–65].

Кампания «за упорядочение стиля» наводила ужас среди членов партии и вызывала недовольство высших руководителей, подчиненные которых попадали в жернова карательной системы. В частности, имя Чжоу Эньлая было косвенно упомянуто в обвинительных материалах Кана, в которых говорилось о существовании заговора под управлением Чжоу среди подпольных орга-

низаций. Последний отверг обвинения. Дальнейшее следствие вскрыло частое использование пыток для получения ложных показаний. Осознавая, сколь непопулярной стала кампания, в октябре 1943 г. Мао пошел на попятную. Перед лицом раскола и ослабления КПК он призвал к прекращению массовых казней и физических пыток [Teiwes, Sun 1995: 364–365, 370–375].

В докладе от марта 1944 г. Кан Шэн, признавая имевшие место злоупотребления, заявлял о большом успехе кампании «за упорядочение стиля» в «повышении сознательности масс» и «выявлении подрывных элементов». Он указывал на отдельные достойные сожаления огрехи, в особенности давнюю проблему «применения пыток, выбивания признаний в качестве доказательной базы». Кан связывал повторное возникновение такой практики с «неопытностью» и охарактеризовал ее как печальную, но неизбежную проблему массовых движений, в которых «грубые подходы» приводили к «упрощенным стандартам». Кан сожалел, что отдельные товарищи интерпретировали партийную политику по обеспечению смягчения методов следствия как не что иное, как попытку избежать массовых казней: «Исходя из этого, такие наказания, как побои, насилие и произвольные обвинения в шпионской деятельности, воспринимаются как нечто безвредное». Допущение ложных обвинений и признаний, полученных ценой пыток, «является ошибочной мыслью, которая все еще продолжает считаться допустимой среди партийных кадров» [Seybolt 1986: 66]. Кан поясняет, что лишь менее 10 % сознавших под давлением в действительности являлись вражескими агентами [Ibid.: 67].

Вину за кампанию свалили на Кан Шэна, вопреки тому, что за всей затеей стоял лично Мао. Кан утратил влияние и вплоть до начала 1960-х гг. довольствовался незначительными партийными постами [Teiwes, Sun 1995: 373–375; Walder 2009: 15–16]. На официальном уровне по поводу злоупотреблений в рамках чисток выражалось сожаление, однако ошибочным было признано лишь применение для получения признательных показаний физических пыток. Общие цели кампании не ставились под сомнение, как и то чувство страха оказаться подозреваемым в предательстве, которое она вызвала среди партийных кадров и рядовых граждан.

По сути, кампания превратила любое несогласие с политикой партии в измену. По словам одного исследователя, «ужас перед перспективой оказаться участником предательских действий стал неким дамокловым мечом, позволявшим поддерживать уровень тревоги, который способствовал подчинению политике коммунистов» [Seibolt 1986: 40]. Достигнутый в результате кампании уровень дисциплины и послушания стал важной составляющей успеха КПК. В последующие годы неготовность подчиняться партии всегда получала жесткий отпор.

Работая на базе, отдаленной и изолированной от главных театров военных действий против Японии, Мао и его коллеги превратили КПК и коммунистические войска в дисциплинированную боевую силу. В партии была установлена жесточайшая дисциплина, действовали повышенные требования к подчинению. Достигнуть намеченных результатов тем не менее удалось ценой грубых злоупотреблений. В тот же период вооруженные силы националистов вступили в столкновение с японцами в ходе заключительного наступления агрессоров. Партия Гомиьндан практически не функционировала на местах. Силой принуждения Мао трансформировал КПК в подчиняющуюся лично ему единую и дисциплинированную иерархическую систему. Именно этой организации было суждено вскоре вступить в борьбу с фрагментированным и развалившимся на фракции режимом националистов, который бросился возвращать себе контроль за территориями, освобождаемыми отступающими японскими военными.

Гражданская война

Гражданская война стала решающим этапом в противостоянии организаций, возглавляемых Мао Цзэдуном и Чан Кайши. Хотя победа в конечном счете оказалась на стороне Мао, в действительности исход конфликта никоим образом не был предопределен. На момент развертывания в июне 1946 г. полномасштабной гражданской войны вооруженные силы националистов составляли 4,3 миллиона человек, коммунистов — лишь 1,2 миллиона человек. Гомиьндан также располагал более совершенными

боевыми средствами [Pantsov, Levine 2012: 348]. На первых порах гражданская война разворачивалась не в пользу коммунистов. Еще в 1947 г. Сталин и многие соратники Мао призывали его к вступлению в переговоры. Однако сам Мао выражал уверенность в возможности победы. Рассчитывая сокрушить лучшие подразделения коммунистов в Маньчжурии, Чан Кайши пошел ва-банк. Авантюра провалилась. Развал националистических вооруженных сил подорвал основы Китайской республики, обнажив изъяны, накопившиеся за годы войны. Коммунисты отказались от партизанских методов и инициировали для ведения конвенциональных военных действий всеобщую мобилизацию. Учитывая крах, который Гоминьдан потерпел в последние годы гражданской войны, историки задавались вопросом, не является ли итог конфликта скорее свидетельством слабости националистов, чем силы коммунистов. Могло ли противостояние завершиться иначе, если бы в переломных моментах гражданской войны лидеры обеих сторон приняли другие решения?

Вскоре после капитуляции Японии коммунистические вооруженные силы объединились в переименованную «Народно-освободительную армию Китая» (НОАК). Основные подразделения нового формирования под командованием генерала Линь Бяо в конце 1945 г. переместились в Маньчжурию для пополнения запасов у советских войск, которые занимали регион на тот момент. Применяя тактики, изученные за годы пребывания в СССР, Линь превратил вверенные ему подразделения в мощные боевые единицы и продемонстрировал себя мастером ведения позиционной войны, особенно с точки зрения скорости передвижений, внезапности боевых действий и силы контратаки. Моделью для противостояния Линя националистам стали советские операции против нацистов на территории Восточной Европы в конце Второй мировой войны. Линь заявлял, что должная подготовка и достаточное обеспечение японскими вооружениями (а позднее американскими боевыми средствами, захваченными у националистов) позволяют выиграть в войне подобного типа [Westad 2003: 122–123]. Убежденность командира укрепила Мао в решимости добиваться победы.

К 1946 г. армии Гоминьдана были фрагментированы, они все еще восстанавливали силы после сокрушительных столкновений с превосходившим их японским противником. Некоторые из переживших войну с Японией националистических подразделений были хорошо подготовлены и оснащены, став лучшими вооруженными силами за всю историю Китая, другие оказались плохо дисциплинированными и отсталыми формированиями, грабившими мирное население. Отдельные командиры были глубоко преданы Чан Кайши, в котором они видели спасителя нации, некоторые были все еще лояльны смещенным милитаристам, занимающим теперь ответственные посты в правительстве Гоминьдана. Основой власти для переживавшего раскол националистического режима выступало командование вооруженными силами, однако многие региональные военачальники, надеясь, что удар примут на себя их конкуренты, не спешили вступать в бой [Ibid.: 148].

Националисты также столкнулись с проблемой утверждения собственного авторитета после капитуляции Японии. Гоминьдан спешил взять под свой контроль города на территориях, продолжительное время остававшихся под японским контролем, оттесняя тех представителей элит, которые пережили вторжение или сотрудничали с оккупантами. Официальные лица Гоминьдана часто вели себя так, будто бы получаемые ими привилегии принадлежат им по праву, и обогащались за счет населения [Pepper 1999: 7–41; Westad 2003: 69]. Националисты не имели мощных структур в сельской местности. Попытки Гоминьдана собирать налоги во времена гражданской войны подвергали дополнительным невзгодам крестьян, которые и без того были в крайне затруднительном положении на фоне голода и лишений военного времени. Националисты применяли жесткие меры принуждения к прохождению военной службы, в том числе в форме часто проводившихся внезапных ночных рейдов, которые вызывали у рядовых граждан глубокое негодование. Положение усугублялось коррупцией, поскольку обеспеченные семьи могли дать взятку за освобождение от призыва [Eastman 1984: 80–81]. В 1948 г. лишь 21 % правительственных расходов покрывался

налоговыми поступлениями, еще 68 % закрыли за счет новой денежной эмиссии, что спровоцировало на поздних этапах гражданской войны гиперинфляцию. Все эти мучительные испытания негативно сказывались на настроениях в обществе [Ibid.: 86–87; Pepper 1999: 118–131].

Чан Кайши осознавал описанные структурные недостатки и не был уверен в том, что он будет способен одержать победу в затяжном конфликте. Чан ощущал необходимость уничтожить количественно и качественно превосходящие его армию силы НОАК и даже не рассматривал в качестве возможных перспектив переговоры или создание коалиционного правительства. Ближе к концу 1946 г. по фронту от Яньаня до тихоокеанского побережья началось общее наступление. Чан продвинул свои силы глубоко внутрь Маньчжурии. В первые месяцы кампании коммунисты несли одно поражение за другим. В марте 1947 г. вооруженные силы Гоминьдана захватили Яньань [Pantsov, Levine 2012: 348]. Чан надеялся на захват всего руководства КПК и ликвидацию военного командования коммунистов, однако засланный в штаб националистов шпион за две недели предупредил коммунистов о наступлении, обеспечив им возможность безопасной эвакуации [Westad 2003: 152].

Установив после выхода советских войск контроль над обширными районами Маньчжурии, коммунисты продолжали делать упор на сельской местности, наращивая и обостряя в деревнях революционное движение, аналогично тому, что они делали на территориях, контролировавшихся КПК изначально. Земельную реформу 1947–1948 гг. в Маньчжурии называли «безграничным революционным террором» [Levine 1987: 224–226]. Партийные кадры подвергали «собраниям критики и борьбы» землевладельцев, зажиточных крестьян, предполагаемых вражеских агентов и любых других людей, которые воспринимались как препятствие на их пути. В ходе таких мероприятий жертв обязывали выслушивать выкрикиваемые в их адрес обвинения, стоя на коленях, носить нагрудные бирки и колпаки с оскорблениями и описанием вменяемых им преступлений, проходить допросы с применением физического насилия и пыток бессонницей. Собрания

критики и борьбы представляли собой форму политического театра. Люди в местных сообществах со всей очевидностью осознавали, что их судьба зависит от готовности обвинять и порицать. Такие собрания зачастую заканчивались тяжелыми побоями, пытками и массовыми казнями, изначально поддерживаемыми КПК — до того момента, пока партия не решила, что чрезмерное насилие контрпродуктивно [Dikötter 2013: 64–74; Westad 2003: 134].

Сразу после ликвидации частной собственности на землю и перераспределения ее и иных активов землевладельцев с крестьян начали требовать осуществления поставок продовольствия и иных запасов. Сельское население также принуждали к труду. Складывающиеся в Маньчжурии отношения между КПК и сельским населением отличались от тех, которые устанавливались на старых опорных базах. Ранее земельная реформа проводилась более поступательно, часто без принуждения, и обычно не сопровождалась чрезмерным применением насилия и завершалась введением не столь обременительных для крестьян условий. [В Маньчжурии] мы сталкиваемся с новым явлением: военной мобилизацией для обеспечения огромной конвенциональной армии. Во времена войны с Японией КПК в основном избегала ведения конвенциональных боевых действий. Этот новый вид противостояния многочисленным армиям Гоминьдана требовал вовлечения больших человеческих ресурсов, вооружений, продовольствия, лошадей и транспортных средств. О возможности выбора речи не шло. Материальное снабжение на коммерческой основе не осуществлялось. Осуществлялась массивная мобилизация в интересах новой армии, которая нуждалась в продовольствии, обеспечении, обуви, одежде, оружии и топливе. Изъятые материальные средства потреблялись сотнями тысяч солдат и десятками тысяч персонала и местных активистов КПК [Levine 1987: 229]²⁵.

²⁵ В [Thaxton 2008: 83–88] в описании деревни на севере Китая также подчеркивается трансформация, которую КПК пережила под влиянием мобилизации во времена гражданской войны, и возросшее принуждение сельского населения со стороны партии.

Пока КПК укрепляла свои вооруженные силы на новой крупной опорной базе в Маньчжурии, Чан Кайши продолжал попытки уничтожить ее лучшие армейские формирования. Конец продолжавшейся более года серии побед Гоминьдана на поле боя был положен в 1948 г. Мао направил войска на горные гряды в центральной части Китая, вынудив Чана перебросить силы на оборону контролирующихся националистами крупных городов вдоль долины реки Янцзы. Контратака коммунистов встала на пути стратегии Чана. Первая крупная победа КПК пришлось на 1947 г., когда подразделения НОАК отбили масштабное наступление националистов в центральных равнинных районах Китая. Уверившись в правильности собственных убеждений, Мао потребовал развернуть наступление по всем театрам военных действий, взял на себя контроль за всеми военными решениями и смело предсказал победу в пределах пяти лет [Westad 2003: 168–172]. В апреле 1948 г. коммунисты отвоевали Яньань. К июню вооруженные силы Гоминьдана сократились до 3,6 миллиона человек, в то время как на стороне КПК было уже 2,8 миллиона человек [Pantsov, Levine 2012: 350].

Чан Кайши удвоил свои усилия в попытке уничтожить силы НОАК в Маньчжурии, надеясь загнать коммунистов в Сибирь. В регион было направлено серьезное подкрепление, которое включало вооруженные подразделения, имевшие наилучшую подготовку и оборудование. В ходе серии ожесточенных битв в первые три месяца 1948 г. войска Линь Бяо искусным маневром отрезали армиям Чана путь к отступлению и сокрушили их на юге Маньчжурии, полностью изменив военный расклад [Westad 2003: 175–178]. Чан потерял уверенность в своих силах. Он начал готовиться к отступлению со своими лучшими войсками на Тайвань. Единственная его стратегия сводилась к военной победе. Никакого запасного плана предусмотрено не было. Чан начал утрачивать контроль в Гоминьдане. Многие подчиненные разувверились в нем. Националисты потеряли поддержку своей военной кампании со стороны городов. Экономике подкосила гиперинфляция. Среди студентов и иных групп городского населения возросли симпатии к КПК. Правительство США, которое предо-

ставляло Чану военную помощь и кредиты, разуверившись в его победе, сократило объемы поддержки [Ibid.: 181–211; Pepper 1999: 42–93, 132–195]. К концу 1948 г. Чан окончательно потерял Маньчжурию. Попытка отстоять регион стоила ему 400 тысяч солдат его элитных подразделений [Westad 2003: 197].

Неизменная уверенность Мао в триумфе КПК выглядела практически пророчеством после решительных побед Линь Бяо. Немедленно началась подготовка к новой кампании по захвату всего Северного Китая. Мао приобрел в КПК богоподобный статус, чему способствовала партийная пропаганда, связывавшая успехи с его талантом ведения войны. Мао отвергал рекомендации СССР и других партийных руководителей медленно продвигаться к окончательной победе в 1951–1952 гг. СССР продолжал признавать националистов как легитимное правительство Китая. Сталин продолжительное время рассматривал коалиционное правительство или два существующих отдельных режима как наиболее благоприятные перспективы разрешения конфликта. Однако последующее наступление подтвердило верность предположения Мао о возможности добиться абсолютной победы [Ibid.: 198–199]. НОАК продвигалась вперед. Многие представители КПК выражали беспокойство в связи с тем, что вооруженным силам нужно время на передышку и перегруппировку, но Мао настаивал на скорейшем достижении полной победы. Сталин рекомендовал КПК проявлять осторожность. В январе 1949 г. лидер СССР предложил Мао вступить в переговоры с Гоминьданом. Этот совет нашел поддержку со стороны Лю Шаоци и Чжоу Эньлая. Мао же оскорбила попытка Сталина остановить продвижение НОАК. Переговоры могли привести к разделению Китая на два режима: северный и южный. Рекомендации Сталина Мао проигнорировал. Наступление продолжалось [Ibid.: 199–208].

Завершение военного подчинения

Уверенность Мао в очередной раз оказалась почти провидческой. Армии Чан Кайши не выстояли. Военные командиры и гражданские администрации начали сдаваться. Военные пере-

ходили на сторону коммунистов целыми подразделениями. Коммунистические силы под командованием Линь Бяо подвергли пятимесячной осаде бывшую столицу Маньчжоу-го — Чанчунь — и морили его жителей голодом. Пережившие осаду националисты сдали город в октябре 1948 г. По имеющимся расчетам, в результате обстрелов Чанчуня и голода погибло около 160 тысяч мирных жителей. Осада Чанчуня подорвала готовность оставшихся командиров-националистов жертвовать гражданским населением, чтобы воспрепятствовать продвижению коммунистов [Dikötter 2013: 3–8, 20–22]. Пекин был сдан без боя в январе 1949 г. Вскоре КПК захватила Тяньцзинь [Yick 1995]. Столица националистов Нанкин пала в апреле, Шанхай — в мае. Выжившие националисты сначала бежали в Гуанчжоу, потом — в Чунцин и, в декабре 1949 г., в Чэнду. В дальнейшем правительство Гоминьдана официально переместилось на остров Тайвань [Dikötter 2013: 22–32; Westad 2003: 221–255].

По мере продвижения НОАК к окончательной победе подошло время КПК решить вопрос о том, где пройдут границы Китая. Давнюю историю имела проблема статуса Тибета, Синьцзяна и Монголии. В эпоху династии Мин — последнем периоде правления страной этническими ханьцами — Китай по площади был примерно на две трети меньше Китая, существовавшего к 1911 г. [Brook 2010: карта на с. 41]. Цин — последняя имперская династия Китая — представляла собой многонациональное государство, в котором заправляли этнические маньчжуры, атаковавшие в 1644 г. империю Мин со своих родных территорий — современного Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). В начале 1700-х гг. маньчжуры сильно расширили границы империи за счет военной экспансии, присоединив к государству неханьские народы Монголии, Синьцзяна и Тибета. Последние яростно сопротивлялись распространению влияния Китайской империи и регулярно бунтовали вплоть до падения династии Цин в 1911 г. [Rowe 2009: 71–78]. Указанные регионы сразу же заявили о своей независимости. СССР поддержал создание независимой Монголии в 1921 г. В 1924 г. в Монголии был установлен коммунистический режим. Страна стала государством-сателлитом СССР [Rossabi

2005: 30–31]. Националисты выступали резко против таких инициатив и отказывались признавать новое монгольское государство, отстаивая исторические границы империи Цин. Коммунисты, находясь в зависимости от финансовой и военной поддержки СССР, приняли новые реалии. Гомиьндан же лишь отказался от своих претензий на всю Монголию, подписав соглашение с СССР в августе 1945 г. В обмен националисты получили от СССР признание Чан Кайши в качестве легитимного главы Китая [Chen 2001: 27]. Таким образом, в пределах китайских границ осталась только Внутренняя Монголия.

Первоначально коммунисты исходили в своей позиции по вопросам оформления национальных границ Китая из поддержки чаяний крупных неханьских народностей. Вплоть до 1940-х гг. КПК заявляла, что Синьцзян, Монголия и Тибет сначала получат «полную автономию», а потом, в духе принципа «национального самоопределения», примут решение, следует ли им вступать в федерацию с Китаем и ханьцами. КПК прикладывала усилия, чтобы отмежеваться в этом вопросе от «реакционных сил», в частности, от Гомиьндана во главе с Чан Кайши. Со слов коммунистов, курс националистов на «единство пяти национальностей» был лишь попыткой «скрыть собственную политику национального притеснения». В официальном заявлении от 1932 г. КПК указывает, что партия «признает право на национальное самоопределение всех национальных меньшинств, в том числе право на самоопределение вплоть до отделения от Китая». Официальные документы 1930-х гг. выступают за тибетский сепаратизм как «движение за национальное освобождение», которое устранил как британское (индийское), так и китайское господство над Тибетом [Chen 2007: 131–132; Westad 2003: 118–119]. В указанных формулировках между словами «Китай» и «ханьцы» ставился знак равенства при очевидном признании прав иных крупных национальностей самостоятельно определять свое политическое будущее.

Эта позиция была кардинальным образом пересмотрена в 1949 г. и уступила место планам по строительству социалистического государства, олицетворяемого «единством пяти нацио-

нальностей»: ханьцев, хуэйцев (этнических ханьцев-мусульман), тибетцев, уйгуров Синьцзяна и монголов. Это была все та же старая формула Гоминьдана, которую КПК отрицала как реакционное прикрытие национального притеснения. В беседах с представителем Сталина в январе 1949 г. Мао обозначил новый подход: социалистическое государство призвано освободить национальные меньшинства от феодального гнета [Chen 2007: 132–133; Westad 2003: 234–235]²⁶.

Покорение Внутренней Монголии и Синьцзяна происходило примерно по тому же сценарию, что и на остальной территории Китая. На тот момент указанные регионы в ходе переговоров в августе 1945 г., незадолго до капитуляции Японии, Сталин уступил Гоминьдану [Gao 2007]. Ситуация с Тибетом была кардинально иной. Здесь НОАК воевала не с националистами, а с тибетцами. Вскоре после развала династии Цин вооруженные силы Тибета изгнали со своей территории последние имперские войска. 13-й далай-лама вернулся из индийской ссылки и основал новое правительство, которое провозгласило полную независимость Тибета [Goldstein 1989: 58–66]. В следующие десятилетия Тибет имел собственные правительственные структуры и армию. После поражения Японии он приступил к скоординированной дипломатической кампании, дабы получить международное признание своей государственности и дать отпор притязаниям Китая на свою территорию [Ibid.: 522–610; Westad 2003: 92–94]. В надежде отвратить от себя надвигающееся наступление Тибет безуспешно обращался к ООН, Великобритании и США и вел тщетные переговоры с КПК [Goldstein 1989: 619–690]. Вторжение вооруженных сил КНР пришлось на октябрь 1951 г. Скромные по размерам и снабжению тибетские войска были сломлены. Несмотря на отчаянные обращения тибетского правительства к Индии и ООН до последней минуты наступления, заручиться международной поддержкой не получилось [Ibid.: 690–736; Wes-

²⁶ Схожий сдвиг в позициях произошел после Второй мировой войны и в СССР: Сталин тогда впервые подчеркнул значение России в привнесении «культуры, просвещения и порядка в пограничные земли» [Service 2004: 496–497].

tad 2003: 92–94], и оно было вынуждено принять диктуемые Пекином условия: признать переход региона под юрисдикцию Китая в обмен на туманные, практически не имеющие законной силы обещания автономии и невмешательства в религиозные и социальные вопросы. 16-летний 14-й далай-лама вернулся в Лхасу [Chen 2007: 157–159].

Новая позиция КПК сводилась к культурному превосходству ханьцев. Угнетенных тибетцев объявили «свободными» от прежних предположительно отсталых социальных устоев. Для многих из них принять такое урегулирование вопроса, а равно и связанные с ним заявления о культурном превосходстве ханьцев оказалось невозможным. В последующие десятилетия новое китайское государство будет постоянно вмешиваться в автономию тибетцев по религиозным и социальным вопросам, создавая тем самым для себя затяжные политические проблемы, в том числе вооруженное восстание, которое будет подавлено НОАК в 1959 г.

Наследие борьбы за власть

Какие уроки извлекли для себя из победы Мао и другие лидеры КПК? Что унаследовало новое партийное государство у революционной организации, которая породила его? В первую очередь, доверие к суждениям и таланту Мао в качестве руководителя. В ключевые моменты в истории партии Мао неоднократно занимал по стратегическим вопросам не имевшие широкой поддержки позиции, при этом последующие события оказывались доказательствами его правоты. Мао был одним из первых сторонников идеи революции в деревнях тогда, когда руководство КПК все еще следовало советской догме о возможности наступления революции в сельской местности позднее, после того как сформируется городской пролетариат. В опорной базе города Яньвань Мао трансформировал партию и армию в мощную силу, которая, после капитуляции Японии, наконец-то могла составить убедительную конкуренцию националистам. Скорее всего, решающее значение сыграла непоколебимая с самого начала гражданской войны вера Мао в возможность абсолютной победы.

На фоне огромных потерь в первые два года вооруженного конфликта он настойчиво и вопреки мнениям более осторожных коллег заявлял, что победа может быть достигнута и что коммунистам нужно продолжать борьбу [Levine 1987: 93–101; Westad 2003: 172–178]. Таким образом за Мао закрепилась репутация поразительно прозорливого и талантливого партийного лидера. По словам ведущих исследователей эпохи Мао,

его предполагаемые феноменальные способности в разгадке тайн революционной борьбы перед лицом невероятного количества проблем сформировали глубокую веру, что он мог намечать политические курсы, которые не были доступны пониманию других людей... Эта вера сохранялась даже тогда, когда события демонстрировали, что лидер уже утратил свою непогрешимость [Teiwes, Sun 1999: 13].

Вторым важным наследием стал акцент партии на дисциплину и беспрекословное подчинение партийной линии и Мао Цзэдуну. Эти черты, выработанные в Яньане в начале 1940-х гг., будут задавать направление движения последующей истории Китая. Однако ключевыми здесь были не пожелания партии к китайскому обществу, а ее требования к собственным членам и в особенности кадрам. Именно лица, которых партия поставила на ответственные должности, несут на себе наибольшее бремя незыблемой преданности и дисциплинированности. К словам и делам кадров КПК было приковано еще более пристальное внимание, чем к рядовым гражданам. За отступления от общего курса и расхождения во мнениях применялись жестокие наказания. Ощущение постоянной угрозы быть наказанным за неспособность полностью выполнить вверенные задачи является свидетельством необычайной дисциплинированности и целеустремленности, которые партийная организация часто демонстрировала как в борьбе за власть, так и в других вопросах. Однако оборотными сторонами этих качеств стали чрезмерный конформизм и излишнее рвение в проведении в жизнь приказов даже тогда, когда их реализация приводила к неожиданным и весьма негативным последствиям. Результатом оказываются постоянные старт-сто-

пы партийных кампаний, полный отказ от выбранной стратегии при отрицательных результатах или броски в одном направлении, сопровождающиеся резким креном в сторону другой цели, чтобы устранить последствия, вызванные взятым до этого курсом.

Определяющим наследием продолжительной борьбы за власть была неспособность к терпеливой и последовательной работе, которая была характерна для изолированных партизанских отрядов, работавших на опорных базах. На заключительных этапах противостояния КПК сформировала фундамент для обширной милитаризированной бюрократии, которая преуспела в принеся в жертву как подконтрольных ей рядовых граждан, так и партийных кадров. Это была революционная организация, решительно настроенная на стремительное достижение амбициозных целей вопреки будто бы заведомо маловероятным шансам на успех и несмотря на высокую цену, которую предстояло заплатить за это партии и народу. В последующее десятилетие Мао будет пользоваться своим авторитетом, чтобы продвигать политические курсы, вдохновленные революционной мобилизацией, которая принесла КПК победу в гражданской войне. Как отмечает один исследователь,

общий урок, который Мао и его последователи извлекли из гражданской войны, заключался в том, что революционные задачи, вне зависимости от любых превратностей и преград, могут быть реализованы за счет мобилизации масс и аккумуляции достаточной воли и решимости людей. Это окажется роковым заблуждением, из-за которого будет загублено много жизней и ресурсов [Levine 1987: 247–248].

Глава 3

Революция в деревнях

Хотя крупные социальные революции часто начинаются как противостояние деспотическому правлению, они обычно создают еще более обширные, еще более мощные и еще более централизованные государства. Это происходит посредством трансформации ранее существовавших социальных структур, уничтожения власти прежних элит и формирования новых бюрократических организаций, которые насквозь пронизывают общество [Skocpol 1979]. В первое десятилетие пребывания у власти КПК ускоренно и скрупулезно проводила в жизнь именно такую повестку. В сельской местности можно выделить две стадии этого процесса: во-первых, революционная земельная реформа, претворяемая в принудительной форме в виде многоуровневой классовой борьбы, уничтожившей социально-политические основы существования местных элит, которые веками доминировали в жизни китайских сообществ; во-вторых, коллективизация, в ходе которой земля была консолидирована в руках колхозов, объединявших целые деревни, а крестьяне были поглощены аграрными организациями, в которых они фактически выступали как закабаленные работники, обязанные подчиняться назначенным новым партийным государством руководителям.

Земельная реформа в форме классовой борьбы

Инструментом для распространения государственной власти в сельских районах Китая стала практика проведения КПК земельной реформы в форме классовой борьбы. Партия сознатель-

но стремилась к изменению сельских социальных структур для формирования большего равенства и отстаивания интересов обездоленных крестьян. Однако для достижения успеха на этом поприще требовалось закрепить авторитет КПК в сельской местности за счет военного присутствия на местах. Государственную власть вплоть до низовых уровней расширяли за счет размещения кадров на территориях, находящихся под защитой армии. В дальнейшем кадры организовывали кампании против групп лиц, признававшихся классовыми врагами и политическими конкурентами, и формировали новые административные органы в деревнях.

Стратегия революции в деревнях была личным вкладом Мао Цзэдуна в учение марксизма-ленинизма, а также в теорию и практику социалистической революции. Вопреки ортодоксальным положениям марксизма-ленинизма он был одним из первых и наиболее яростных сторонников мнения, что китайская революция будет вынужденно крестьянской революцией¹. Основной сферой ответственности Мао в 1925–1927 гг., во времена существования единого с националистами фронта, было как раз крестьянское движение. Руководство КПК видело в Мао ведущего специалиста по проблемам сельских районов. Сам он содействовал организации подготовки многих деревенских кадров, которые сопровождали армию националистов на марше Северного похода. Мао с жаром полемизировал как с националистами-союзниками, так и с более ортодоксальными националистами в КПК по поводу идеи, что Китай созрел для революции в деревнях и что только посредством всесторонней трансформации в сельской местности отсталых социальных структур будет возможно сгенерировать достаточно энергии для доведения китайской революции до полной и окончательной победы [Pantsov, Levine 2012: 156–157].

¹ Еще одним ранним сторонником этой идеи был партийный активист из провинции Гуандун Пэн Пай (в русскоязычных источниках иногда обозначается как Пэн Бай), который сформировал первый сельский совет на востоке своего родного региона в 1927 г. Пэн был казнен националистами в 1929 г. [Galbiati 1985].

В месяцы, предшествовавшие началу Северного похода² в июле 1926 г., Мао обозначил свои четкие взгляды на политическую роль крестьянства. Он выступал с аналитическими отчетами по экономическим структурам в деревнях на юге Китая, раскрывая, в частности, значение тайных обществ и криминальных структур, описывая жалобы и интересы восьми отдельных социальных групп и указывая на особенности эксплуатации сельских жителей в форме чрезмерных ставок арендной платы, кредитов, неравноправного доступа к земле и доминирования землевладельцев, жертвами которых была большая часть населения, над местным ополчением [Мао 1926a]. В черновом варианте резолюции, составленной при участии Мао, решительно утверждается, что в стране, где 80 % населения занято сельским хозяйством, «однозначно — национальная революция должна принять вид крестьянской революции». Предполагаемая революция не могла состояться без освобождения крестьян от экономического и политического гнета [Мао 1926b]. Мао пишет, что она не увенчается успехом, если не заручиться поддержкой крестьянства, и что наиглавнейшим оппонентом текущей национальной революции выступает класс землевладельцев [Мао 1926e].

Воззрения Мао на крестьянское движение как проявление классовой борьбы вызвали значительные споры в альянсе националистов и коммунистов. В 1926 г., по мере продвижения Революционной армии под командованием Чан Кайши на север Китая, вооруженные силы зачастую задерживали представителей деревенского ополчения, которое оплачивалось и контролировалось землевладельцами. Мао же настаивал на роспуске ополчения на местах именно в связи с тем, что оно было подконтрольно землевладельцам и могло, соответственно, воспрепятствовать революции в деревнях [Мао 1926d]. После разоружения ополченцев новые ассоциации фермеров, которые создавались активистами КПК, следовавшими по пятам за армией, могли функционировать без чьего-либо сопротивления. Фермерские ассоциации,

² Поход объединенных сил националистов и коммунистов против Бэйяньского правительства и других милитаристских сил в 1926–1928 гг.

возглавляемые обездоленными деревенскими жителями, устраивали суды над «местными бандитами и погрязшими в грехах *шэньши*», подвергая местную элиту публичному унижению, избиениям и массовым казням. Оставшееся в распоряжении крестьян отобранное имущество распределялось в дальнейшем между участниками ассоциаций [Wilbur 1983: 591–594].

Советские консультанты, которые обеспечивали поддержку Северного похода, были обеспокоены актами насилия в деревнях. С их точки зрения, такие акции ставили под вопрос союз националистов и коммунистов, который был необходим для объединения Китая под руководством нового революционного правительства. Сталин полагал, что для «буржуазной революции» необходима националистическая армия, которая выступит против феодальных и милитаристских сил в Китае. В то же время чрезмерно активное развертывание земельной революции могло привести к утрате поддержки офицеров-националистов, многие из которых были выходцами из семей землевладельцев. Сталин потребовал от КПК усмирить крестьянское движение, и ЦК КПК предпринимал попытки воспрепятствовать дальнейшему насилию. Многие командиры корпусов заменили комиссаров-коммунистов на не состоящих в КПК и подавляли деревенские бунты, предотвращая конфискации земель [Brandt 1958: 88–90; Taylor 2011: 61–62; Wilbur 1983: 606–608].

Мао резко реагировал на такую критику и опровергал «предполагаемое единодушие» в отношении крестьянского движения как достойного жалости «движения черни». Он утверждал, что крестьяне не угрожают Единому фронту, и предсказывал, что привлечение сельского населения приведет к формированию еще более сплоченного альянса, который объединит большинство китайцев. Без насильственного свержения класса землевладельцев, настаивал Мао, не может быть настоящего единого фронта. В революционное время

все действия крестьян против феодального класса землевладельцев представляются обоснованными. Даже если и возникают определенные эксцессы, их стоит признать допустимыми, поскольку, если [крестьяне] не научатся за-

ходить в своих действиях слишком далеко... наиболее вероятно, они не смогут свергнуть власть феодального класса, которая концентрировалась на протяжении нескольких тысячелетий [Мао 1927b].

Свою позицию по революционному конфликту классов Мао четко обозначил в опубликованной в связи с годовщиной Парижской коммуны несколькими неделями ранее этой годовщины статье. «Человечество будет освобождено лишь посредством классовых войн, — пишет Мао. — В настоящее время значительное число людей в стране ставят под сомнение или противятся классовой борьбе в силу непонимания истории человеческого развития». По мнению Мао, провал Парижской коммуны связан с двумя факторами. Во-первых, коммуной «не руководила единая, централизованная дисциплинированная партия». Во-вторых,

отношение к врагу было слишком примирительным и милосердным. Жалость к врагу есть жестокость по отношению к собственным товарищам. Если мы не будем применять жесткие меры против врага, то враг будет проявлять безжалостные меры против нас самих.

Мао заявляет, что критика «красного террора» была частью империалистического заговора по внесению смуты в ряды китайских революционных сил. В действительности же, указывает Мао, «белый террор» государства всегда оказывается значительно хуже [Мао 1926с].

Максимально подробно Мао отстаивает крестьянскую революцию в развернутом докладе о крестьянском движении в провинции Хунань, представленном ЦК Гоминьдана в феврале 1927 г. Документ повествует о бунте против землевладельцев и обеспеченных крестьян, который станет в дальнейшем моделью коммунистической земельной реформы. В частности, в документе приводится пример «собраний критики и борьбы», посредством которых кадры КПК будут позже такую реформу реализовывать. Эта методика найдет и применение партийными силами в городских районах Китая. В докладе Мао называет насилие горнилом

революции. Эти идеи останутся ядром политической философии лидера до конца его жизни.

Рассматриваемая вспышка революционного насилия оценивается в докладе положительно, а само насилие называется необходимым. Также раскрываются подробности мятежа, равно как и его результат — освобождение бедных крестьян. Мао критикует тех робких людей, которые испытывают ужас от так называемых «крайностей» бунта — неизбежного побочного продукта революции. Он заявляет, что подход каждого отдельного человека к революции в деревнях — это водораздел, отделяющий сторонников революции от реакционеров. В документе отражаются те внутренние разногласия, которые вскоре приведут к разрыву между коммунистами и националистами. Мао начинает свою работу с многословного восхваления крестьянского мятежа:

Этот всплеск крестьянского движения представляет собой событие колоссальной важности. Очень скоро поднимутся, подобно свирепому ветру или буре, несколько сот миллионов крестьян в центральных, южных и северных провинциях Китая. Эту стремительную и яростную силу не сможет сдержать даже самая мощная власть. [Крестьяне] сорвут с себя все стягивающие их путы и устремятся по дороге освобождения, выкапывая на своем пути к пункту назначения могилы всем империалистам, милитаристам, коррумпированным чиновникам, местным бандитам и недостойным *шэньши*. Именно [крестьянам] решать, что делать со всеми революционными партиями и товарищами-революционерами: примут ли они их или отвергнут? Поставят ли они их во главе своего движения? Или эти две группы окажутся по разные стороны баррикад? [Мао 1927а: 430]

Мао одобрительно отзываясь о действиях крестьян. Его комментарии позже лягут в основу собраний критики и борьбы, которые КПК будет проводить в рамках сельских кампаний на протяжении десятилетий.

У дома местного бандита или недостойного *шэньши*, который выступает против союза [крестьян], собирается на демонстрацию большая толпа народу. Манифестанты как

нечто само собой разумеющееся отнимают у виновного продовольствие, забивая его свиней и потребляя его запасы зерна.

Публичное унижение также составляет важную часть акции и имеет долговременные последствия:

Шествия обвиняемых с колпаками на головах по деревням. Сейчас такое можно увидеть повсеместно. Какому-нибудь местному бандиту или скверному *шэньши* нахлобучивают на голову бумажный колпак, на котором написано «такой-то бандит» или «такой-то скверный *шэньши*». Человека за веревку проводят [по улицам] в сопровождении большого скопления народа. Это наказание заставляет трепетать местных бандитов и скверных *шэньши* больше, чем любое иное. Любой человек, которого хоть раз короновали бумажным колпаком, полностью теряет лицо и больше никогда не сможет ходить с поднятой головой [Ibid.: 446].

Мао заявлял, что в описанном событии нет ничего чрезвычайного. Крестьяне ведут себя подобным образом лишь потому, что доведены до предела жестокостью *шэньши*, которые заслуживают любые наказания, вводимые для них народными массами: «Кто плох, а кто хорош, кто заслуживает высшей кары, а кто отдается малым наказанием? Крестьяне все хорошо помнят, и наказание редко превосходит по суровости совершенное преступление». В часто цитируемом тексте Мао оправдывал свои воззрения так:

Революция — это не приглашение гостей на ужин, не написание статьи, не создание картины, не вышивание крестиком. Революция не может быть утонченной, неспешной и мягкой, не должна быть «милосердной, праведной, вежливой, умеренной и приятной». Революция — восстание, акт насилия, посредством которого один класс свергает власть другого класса. Если крестьяне не будут применять мощную силу, то они не смогут сбросить глубоко укоренившуюся за тысячелетия власть землевладельцев. Говоря прямо, во всех сельских районах надлежит учинить на

краткое время террор. В противном случае мы никогда не сможем воспрепятствовать деятельности контрреволюционеров в сельской местности или лишить *шэньши* их авторитета. Нужно выйти за пределы допустимого, чтобы восстановить справедливость [Ibid.: 434–435].

Выход за пределы «допустимого» подразумевал, кроме того, и казни без суда и следствия. Насилие подобных масштабов весьма эффективно в сотрясании основ старого порядка.

Расстрелы. Их приберегают для худших из местных бандитов и недостойных *шэньши*. Крестьяне проводят расстрел совместно с другими представителями народных масс. Казнь заметной фигуры среди недостойных *шэньши*... отдастся эхом по всей стране и позволяет очень эффективно ликвидировать оставшиеся пороки феодализма [Ibid.: 467].

Мао решительно отстаивал этот подход в отношении любого, кто противостоял революции. Более того, он утверждал, что «любой революционный товарищ должен поддержать это начинание, чтобы не оказаться среди контрреволюционеров» [Ibid.: 433]. Через месяц после публикации этого доклада Чан Кайши начал форсированную чистку, направленную против союзников-коммунистов.

Мао всегда полагал, что революционные акции могут происходить только при поддержке вооруженных сил. Оказавшись брошены на произвол судьбы, крестьяне не будут способны противостоять ополчению, возглавляемому *шэньши*. Для захвата территорий и поддержки бунта обездоленных революционная партия должна располагать собственными вооруженными силами. В августе 1927 г., по прошествии четырех месяцев после чистки, устроенной Чан Кайши в отношении коммунистов, Мао все еще отстаивал указанную позицию:

Полноценным самообманом была бы попытка захватить политическую власть без поддержки армии. Ошибка нашей партии в прошлом заключалась в игнорировании военного дела. Сейчас же нам нужно сконцентрировать 60 % нашей

энергии на армии. Мы должны придерживаться принципа захвата и формирования политической власти под дулами орудий [Schram 1995: 36; Pantsov, Levine 2012: 196].

Вскоре после разрыва с националистами КПК организовала ряд провальных региональных бунтов, итогом которых стало отступление оставшихся сил коммунистов в изолированные горные опорные пункты [Wilbur 1983: 673–681, 690–696]. После консолидации опорных пунктов Мао и его товарищи начали претворять свою версию революции в деревнях. Соответствующие мероприятия — инсценированные собрания критики и борьбы в находящихся под контролем вооруженных сил селах — представлены в докладах Мао. Он описывает, как партия мобилизовала нищее сельское население на публичные собрания, содержанием которых стало противоборство с обеспеченными представителями местных элит. Мероприятия сопровождалось обвинениями, унижением и захватом собственности богатых. Побои и коллективные казни были обычной частью этого процесса. Вплоть до окончания гражданской войны и в первые годы после образования КНР «классовая борьба», проводимая по единому сценарию как в Советском районе Цзянси-Фуцзянь, так и на опорных пунктах времен войны с Японией, была основным средством, с помощью которого КПК подрывала политическую и экономическую власть сельских элит, перераспределяла землю и продвигала на местах новых лидеров, преданных делу партии.

Политические последствия земельной революции

Революционная земельная реформа имела политические последствия, которые оказались ничуть не менее важны, чем связанные с этой реформой экономические результаты. Выступление против землевладельцев и других авторитетных фигур, сопровождавшееся захватом собственности, ритуальными публичными унижениями, побоями, казнями без суда и следствия и клеймением позором выживших и их потомков, обрушило основы политической и экономической системы в сельской местности. В образовавшемся вакууме КПК воздвигла подмошки для власти

партийного государства. Политические активисты и члены партии, на этом этапе в основном происходившие из бывшей бедноты, вовлекались в проведение земельной реформы и вступали в ряды деревенской администрации, ставшей частью формировавшихся структур нового государства, где местные землевладельцы и торговые кланы уже не имели былого влияния.

В действительности под прикрытием земельной реформы происходила политическая революция, нацеленная на полное уничтожение материальных благ и влияния прежних элит, а равно стигматизация состоятельных людей и их потомков. КПК привлекла на свою сторону новое поколение членов партии и сельских управленцев, которые хорошо проявили себя в качестве активных сторонников земельной реформы. Своими должностями эта группа людей была полностью обязана КПК, что делало их преданными сторонниками нового партийного государства. Более того, проведение земельной реформы продемонстрировало непреодолимую мощь партии в подавлении предполагаемых противников и преобразовании общества в нечто прежде немыслимое. Передавая землю и обещая сравнительное процветание большинству сельского населения, КПК обеспечила поддержку новому режиму. Мобилизация значительного числа деревенских жителей на активное участие в насильственных собраниях критики и борьбы, которые зачастую оканчивались массовыми казнями землевладельцев, а также захватом и перераспределением их собственности, привела к тому, что сельское население оказалось вовлеченным в революционное кровопролитие.

Уильям Хинтон, американский коммунист, работавший с КПК в конце 1940-х гг., оставил после себя подробный и интригующий рассказ о революционных событиях в деревнях. Хинтон одобрительно отзываясь о партийной работе в провинции Шаньси на севере Китая, куда Красная армия отошла вскоре после капитуляции Японии в конце 1945 г. Первым шагом революции стала «кампания против предателей». Хинтон стал очевидцем публичного собрания критики и борьбы, объектом которых стали деревенский старшина, глава местного ополчения и сотрудничавший с японцами землевладелец. Кадровые сотрудники КПК приказали

принять участие в собрании всем жителям деревни. Обвиняемые были выведены на помост. Их заставили стоять со связанными руками. Функционеры кричали на обвиняемых, награждали их пощечинами и били. При этом крестьяне, несмотря на призывы принять участие в порицании, оставались от действия в стороне. Тогда собрание было перенесено на следующий день. Вечером функционеры провели встречи с отдельными группами жителей. На встречах перечислялись действия обвиняемых во время японской оккупации. Крестьян заверили, что Красная армия обосновалась в их районе прочно, и никакой кары участием в собраниях сельчане на себя не навлекут. В ходе встреч кадры также выявили активистов, которым было приказано выступать на общем собрании с обвинениями первыми. Состоявшееся на следующий день собрание критики и борьбы было уже гораздо более эффективным: активное участие в нем приняло больше крестьян, кричащих и угрожающих обвиняемым расправой. Несколькими днями позже в деревню приехали высокопоставленные военные и чиновники по вопросам общественной безопасности, по случаю их прибытия было организовано еще более масштабное и окрашенное эмоциями собрание. Двух обвиняемых приговорили к смерти. Их отвели на край деревни и расстреляли. Собственность убитых распределили между их односельчанами [Hinton 1966: 110–117].

После того как коллаборационисты понесли наказание, КПК начала кампанию против обеспеченных домохозяйств. В 1946 г. удар был нанесен по землевладельцам, которых обвинили в утаивании запасов зерна во время недавно разразившегося голода. Функционеры проводили собрания критики и борьбы в деревнях. Землевладельцев ставили на колени и избивали, чтобы выбить показания о том, где запрятаны их деньги и золото. Обвиняемых не казнили, и некоторым из них удалось бежать [Ibid.: 132–138]. Это была прелюдия к общей кампании против землевладельцев и местной Католической церкви. Через собрание критики и борьбы были вынуждены пройти и главы местных влиятельных семей. Выкрикиваемые обвинения, побои, принуждения к признанию и пытки использовались для получения информации об их припрятанных богатствах. В этих мероприятиях применялось

больше насилия, чем в прежних кампаниях. Многие люди были забиты до смерти или доведены до самоубийства. Собственность погибших и местного католического прихода была конфискована и распределена между деревенской беднотой [Ibid.: 139–146].

К середине 1946 г. было сформировано новое деревенское правительство. Членов партии оказалось достаточно для учреждения парткома. Впрочем, нововведения сопровождалась проблемами. Новые лидеры, пользовавшиеся при поддержке Красной армии и партийной организации неоспоримым авторитетом, незамедлительно начали злоупотреблять своей властью. Хинтон описывает, как новые деревенские кадры и главы ополчения занимались коррупцией, принуждением, избиениями, сексуальным притеснением женщин и даже сексуальным насилием. Бесправные крестьяне ничего не могли им противопоставить [Ibid.: 222–240]. Подобные ситуации сложились во время гражданской войны на севере Китая, по всей видимости, во многих «освобожденных районах». Партийное руководство приняло решение о направлении в деревню для расследования обстоятельств и устранения проблем «рабочей группы» в составе 15 человек, в том числе чиновников уездной администрации, а также учителей и политических активистов из местного университета (в их числе был и Хинтон). Эта группа приняла на себя управление деревней и начала проверку действий деревенской администрации и парткома. Ею была сформирована крестьянская ассоциация, отобрано новое руководство и учреждено новое деревенское правительство. Беседуя с крестьянами и организуя небольшие групповые встречи, члены рабочей группы подтвердили распределение собственности до начала конфискации и классифицировали домохозяйства на бедные, среднего достатка, обеспеченные и землевладельческие [Ibid.: 275–311]. В рамках этих мероприятий жителям также предлагали передать информацию о злоупотреблениях со стороны деревенской администрации [Ibid.: 332–366]³.

³ [Friedman et al. 1991: 92–110] описывают схожие события, имевшие место в тот же период времени в другой северокитайской деревне: сначала — земельная реформа, вылившаяся в террор и воображаемую классовую борьбу; затем — работа двух команд людей, которые должны были исправить проступки, совершенные их предшественниками.

Как следует из подробного рассказа Хинтона, революционная земельная реформа представляла собой прежде всего акт государственного строительства: кампания уничтожала основы прежнего строя, зачищала пространство под новые политические организации, привлекала новых руководителей из ранее считавшихся маргинальными социальных групп и снабжала абсолютное большинство крестьян благами для обеспечения широкой поддержки нового партийного государства⁴. Впервые в китайской истории были созданы государственные механизмы для прямого сбора налогов с отдельных домохозяйств.

Во времена Китайской империи государственные структуры распространялись не далее уездных администраций. Это был самый низкий уровень, на котором функционировали получавшие жалованье от государства чиновники, составлявшие часть имперской бюрократии. Начальники уездов отвечали за сбор налогов и обеспечение порядка на местах. Они имели возможность нанимать собственный штат и устанавливать отношения с влиятельными местными фигурами, зачастую владельцами определенной собственности, которые прошли через низшие ступени имперских госэкзаменов. По сути, деревни автономно управлялись местными обеспеченными элитами, которые финансировали храмы и школы, руководили подобными ассоциациями, поддерживали местное ополчение и предоставляли средства на социальное обеспечение обездоленных [Ch'ü 1962; Rowe 2009: 48–62; Siu 1989: 41–87].

К 1940-м гг. на местах уже произошли значительные социально-политические изменения, однако модель управления местными элитами сохранилась, пусть и в обновленной форме. *Шэньши* — образованные люди с дипломами о сдаче госэкзаменов —

⁴ [Thaxton 2008: 70–83] рассказывает о революционном процессе в деревне, располагавшейся недалеко от места, которое описывает Хинтон. Во времена гражданской войны этот населенный пункт неоднократно переходил от КПК к Гоминьдану и обратно. Обостренное противостояние между националистами и коммунистами было основанием для ожесточенной кары коллаборационистов при каждой смене руководства в регионе. В результате высшие посты в местной администрации получали наиболее кроважидные лидеры ополчения.

более не играли в местном управлении существенной роли. Имперские экзамены были отменены еще в 1905 г., и людей, которые могли похвастаться соответствующими сертификатами, оставалось немного. На смену *шэньши* пришли другие местные фигуры, в том числе торговцы, крупные землевладельцы и местные политиканы, которые выступали как посредники в переговорах с районными правительствами. В некотором смысле они пользовались еще большей автономией, чем прежние *шэньши*, статус которых определялся результатами, которые они продемонстрировали на имперских экзаменах [Barkan 1990; Duara 1990; Watson 1990].

Ян Цинкунь (также известен под западным именем Ц. К. Ян) рассказывает о деревне Нанцзин провинции Гуандун по ее состоянию на 1948 г., отмечая, как мало изменилось в этих местах со времен империи:

При Китайской Республике политические дела в [местном] уезде в основном велись через неформальную систему местного администрирования, контролируруемую уездным правительством. Деревня выступала в них как в высокой степени автономный самоуправляемый субъект.

Со времен падения последней императорской династии национальное правительство не преуспело в существенном преобразовании устоявшейся децентрализации местного управления, при которой политическая жизнь отдельно взятой деревни реализовывалась по большей части ее собственными властными структурами и была слабо интегрирована в систему центральной власти [Yang 1959: 103, 106]⁵.

Ян описывает деревню, в которой клановые организации занимаются ремонтом дорог, сточных канав и водных каналов, финансируют местные школы и снабжают оружием местное ополчение, чтобы было кому защищать их от бандитов. Группы бедных крестьян и фермеров среднего достатка также формировали отряды по защите посевов от бандитов и воров. Такие

⁵ См. также [Siu 1989: 88–115], где представлено описание ситуации в близлежащем уезде.

коллективы устанавливали связи с местными преступными организациями, иногда образуя с бандами рэкетиров союзы [Yang 1959: 109–110]. В одной деревне сосуществовали различные неформальные местные властные группы⁶.

Ян прослеживает трансформацию, которая происходила в деревне в первые годы консолидации коммунистической власти, и показывает, как новое государство отстраивалось на низовом уровне. Нанцзин пережила те же классовую борьбу и земельную реформу, которые осуществлялись в иных районах Китая. Именно на это время приходится подавление «местных бандитов». При этом в деревне первоначально не проводились какие-либо публичные трибуналы или казни. Домохозяйства распределили по категориям. Земля, утварь, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот, а равно и клановая собственность, использовавшаяся для финансирования школ и святилищ, были конфискованы и переданы бедным домашним хозяйствам [Yang 1959: 146–166].

Не менее радикальными были и политические изменения. КПК сформировала опирающиеся на вооруженные силы новые властные структуры. Ассоциация по защите посевов была разоружена и расформирована. Солдаты конфисковали огнестрельное оружие. Наиболее влиятельные местные семьи стремительно утратили влияние, и многие из них бежали в Гонконг. Клановые организации были лишены собственности и прежних социальных функций. Первыми представителями нового государства в деревне стали вооруженные до зубов солдаты и офицеры. По результатам земельной реформы в 1951 г. была инициирована кампания «подавления контрреволюционеров». Шестнадцать человек были казнены без суда и следствия в отсутствие каких-либо публичных извещений. Это вселило ужас в жителей, которые не понимали, чем убитые заслужили клеймо «врагов народа». Новая волостная администрация назначила деревенского старшину и его заместителя. Было сформировано новое народное ополчение, подчинявшееся волостной администрации [Ibid.: 167–175]. Ян заключает:

⁶ [Yang 1945: 143–156, 173–189] рассказывает о схожей деревне в провинции Шаньдун на востоке Китая.

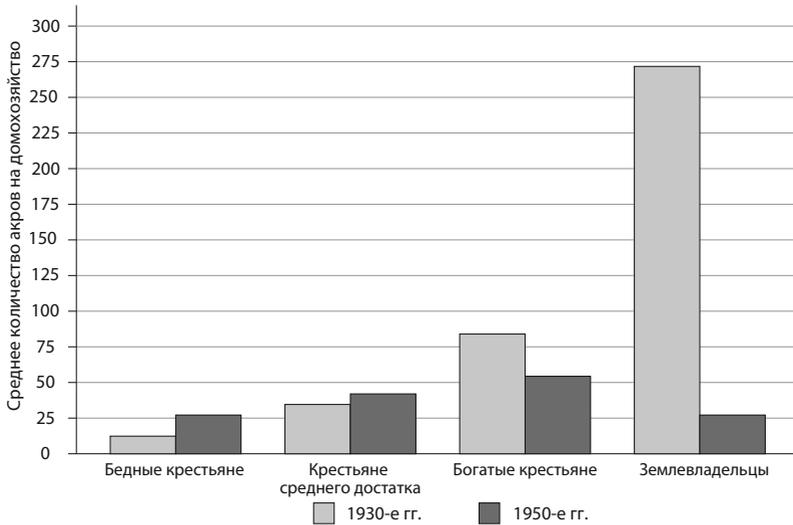

График 3.1. Средний размер угодий с разбивкой по категориям крестьян до и после земельной реформы.

Источник: [Riskin 1987: 51]

За поразительно короткое время коммунисты ликвидировали в Нанцзин прежнюю систему формального управления и полностью уничтожили неформальные структуры местной власти и их компетенции... Эти перемены заметно продвинули Китай на пути к переходу к структурным реалиям современного государства и значительно повысили возможности центральной власти страны [Ibid.: 169, 174; Li 2009: 5; Siu 1989: 116–142]

Экономические последствия земельной революции

Не менее драматичными были последствия земельной революции и для экономики. Полученная у состоятельных семей земля без промедления передавалась бедным крестьянам. В результате было установлено ее поразительно равное распределение. По состоянию на 1930-е гг. свыше 57 % сельского населения имело низкий или средний достаток, но владело лишь 24 % земли. После

земельной реформы доля этих групп в сельхозугодьях Китая возросла почти вдвое, до 47 %. Состоятельные крестьяне и землевладельцы испытали тяжелые лишения. В 1930-х гг. зажиточные крестьяне составляли 3,5 % населения и владели свыше 18 % земли. После земельной реформы за ними сохранилось лишь 6,4 % земли. Основной удар кампании, как и первых собраний критики и борьбы и казней, пришелся на землевладельцев, которые, составляя лишь 2,5 % населения, владели по состоянию на 1930-е гг. почти 40 % земли. Этот показатель упал после земельной реформы до чуть больше 2 % [Riskin 1987: 51]. График 3.1 демонстрирует влияние столь радикального перераспределения земельных владений. Средний размер сельскохозяйственного угодья увеличился у бедных крестьян более чем вдвое. Немного расширились угодья крестьян среднего достатка. Участки обеспеченных крестьян сократились примерно на треть, однако у них было больше земли, чем у других групп. Землевладельцев земельная реформа подкосила, ее авторы заведомо негативно относились к данной группе крестьянства. Средний размер угодий землевладельцев уменьшился на 90 %. После земельной реформы их владения оказались сравнимы с собственностью бедных крестьян⁷.

Насилие намеренно было частью описываемого процесса с самого его начала. При этом для перераспределения земли и ослабления власти землевладельцев без ожесточенных собраний критики и борьбы, казней и политической стигматизации обеспеченных семей не было никаких препятствий. Более умеренные и при этом эффективные земельные реформы происходили в 1950-х гг. в Японии, Южной Корее и на Тайване и приводили к более справедливому распределению земли, создавая основы для процветания мелкого сельского хозяйства и стремительного развития деревень. Данный ненасильственный подход лишал землевладельцев их традиционных источников сверхдохода и доминирующей роли в экономике сельских районов, однако обеспечивал им в обмен частичную компенсацию, не лишая их

⁷ [Friedman et al. 1991: 84, 86, 105; Li 2009: 11–19] раскрывают трансформацию в землевладении в деревнях.

при этом иных материальных благ и не вынуждая становится политическими маргиналами.

Запоздавая земельная реформа, предпринятая на Тайване националистами под руководством Чан Кайши, — еще одно свидетельство в пользу такого умозаключения. Долгие годы земельная реформа постоянно обсуждалась националистами в законодательных собраниях материкового Китая без каких-либо дальнейших практических действий. Консолидировав на Тайване в своих руках гораздо более централизованную и деспотичную диктатуру, Чан Кайши наконец-то провел земельную реформу. С 1949 по 1953 г. арендные платежи для земледельцев-арендаторов были законным путем сокращены до не более 37,5 % объема ежегодного урожая. Общественные земли и конфискованные у японцев земли продавались безземельным крестьянам с большими скидками. Были установлены предельные размеры земельных участков. Оказавшиеся за этими пределами частные земли задешево продавались мелким фермерам. В обмен на конфискованную землю землевладельцы получали компенсацию в виде акций в государственных корпорациях. Доля семей, которые были собственниками угодий, возросла с 36 до 65 %, а доля арендованной земли упала с 39 до 11 %. Это не привело к выравниванию собственности в тех масштабах, которые имели место в континентальном Китае. В то же время подобные меры не вели к экономическим наказаниям или физической ликвидации землевладельцев как класса. Впрочем, авторитет землевладельцев в тайваньских деревнях был в значительной степени подорван. Независимые сельхозпроизводители учреждали сельские кредитные и сберегательные ассоциации, организовывали транспортное обслуживание и продвигали местные отрасли [Wang 1999: 324–328; Tien 1989: 23–24].

Консолидация контроля в деревнях

Изменения не были постепенными, процесс государственного строительства сопровождался определенными сложностями. В начале 1950-х гг. партийные организации в сельских уездах

были вынуждены принять меры против членов партии и местных кадров, не справившихся с выполнением возложенных на них согласно заданному курсу партии обязанностей. Первая существенная проблема заключалась в склонности партийных руководителей в деревнях в первую очередь обеспечивать процветание новых хозяйств собственных семей. Некоторые сельские кадры, удовлетворенные результатами земельной революции, позволившими им добиться личных целей, теперь располагали работоспособными семейными сельскохозяйственными предприятиями и больше концентрировались на экономической, а не на политической деятельности. Политическому руководству в графике стремящегося преуспеть землевладельца времени не находилось. К тому же руководство деревнями оплачивалось плохо. Многие члены партии в сельской местности использовали в собственных хозяйствах наемный труд, что воспринималось как форма экономической эксплуатации и вызывало беспокойство по поводу потенциальной утраты партийными организациями пролетарского характера. Все это привело к проведению в 1951 г. кампании против «правого уклона» в деревенских партийных организациях. 10 % официальных лиц и коммунистов сельских партийных ячеек были сняты со своих постов, очень многие были подвергнуты жесточайшей критике и иным наказаниям меньшей степени тяжести [Bernstein 1968].

Вторая проблема, проявившаяся на ранних этапах, — злоупотребления новой администрации в деревнях. Мы уже встречали аналогичные ситуации в хронике событий на опорных базах во время гражданской войны, которую оставил после себя Хинтон. К ним относятся такие действия, как подавление критики, принуждение и устрашение как методы обеспечения претворения в жизнь линии партии и регулярное запугивание людей физическими средствами, в том числе избиениями. Официально такое поведение связывалось с чрезмерным бюрократическим давлением по достижению установленных партией показателей, которое применяли в отношении деревенских кадров их непосредственные начальники. Кампания 1953 г. была направлена как раз против всех описанных злоупотреблений властью. Низшие

уровни нового партийного государства в очередной раз оказались мишенями для расследований, критики, исключения из рядов и, в отдельных случаях, тюремного заключения [Ibid.].

Новые администрации во многих сельских районах стояли на шатком фундаменте, в особенности в тех районах, по которым в рамках военного захвата территорий пронеслась Народно-освободительная армия Китая. Хорошим примером может быть провинция Гуйчжоу, покоренная в ноябре 1949 г. Земельная реформа, в результате которой оказались сформированы новые деревенские правительства, была проведена здесь в ускоренном режиме. Однако в ответ на требования по поставкам новым военным властям больших объемов зерна вскоре возникло организованное противостояние правительству. Руководящие посты раздавались лицам, которые по мере продвижения войск первоначально демонстрировали готовность сотрудничать с НОАК. Однако многие из таких администраторов в дальнейшем стали лидерами народного сопротивления. После того как в январе 1950 г. НОАК покинула Гуйчжоу, двинувшись в направлении Тибета и Юньнань, в регионе набрало силу антикоммунистическое партизанское движение. Вскоре КПК была вынуждена ретироваться из 28 восставших уездов. Борьба за восстановление контроля над всей Гуйчжоу продолжалась значительную часть 1951 г. По возвращении в регион НОАК применила против протестующих жесткие меры воздействия, которые отдельные источники описывают как «террор». Схожие ситуации возникали и в других юго-западных регионах и требовали от НОАК активных методов подавления [Brown 2007]⁸.

На момент вступления Китая в октябре 1950 г. в Корейскую войну новый режим ощущал все большее беспокойство по поводу внутренней безопасности. Была инициирована всекитайская кампания по «подавлению контрреволюции». Облавы в Гуйчжоу были лишь частью общенациональных мер. Как и в случае земельной реформы, целью новой кампании стала ликвидация тех

⁸ [Dikötter 2013: 76–80] представляет хронику массового коллективного противостояния и изолированных бунтов в ряде районов на юге Китая.

групп, в которых режим видел своих политических и социальных противников, в том числе бывших членов Гоминьдана среди военных и членов партии, бандитов, местных авторитетов, руководителей религиозных сект и тайных сообществ, католических и протестантских священников, а также обычных преступников. Кампания имела много общего с земельной реформой: публичные судилища, собрания осуждения, аресты и казни [Strauss 2006]. Несмотря на отсутствие общепризнанной статистики по количеству казненных или брошенных в тюрьмы в результате земельной реформы и кампании подавления контрреволюции, цифры можно оценить как миллионы. По имеющимся расчетам, с 1947 по 1952 г. в результате земельной реформы погибли от 1,5 до 2 миллионов человек [Dikötter 2013: 83]. Внутрипартийные доклады указывают на как минимум 710 тысяч казненных и 1,2 миллиона лишенных свободы во время кампании борьбы с контрреволюцией. Неофициальные оценки зачастую дают гораздо более высокие показатели [Schoenhals 2008b: 72]⁹.

На пути к колхозам

Сельская экономика быстро оправилась от гражданской войны. Были основания полагать, что новая система мелких семейных хозяйств могла повысить качество жизни в китайских деревнях. Возобновили работу сельские рынки, повысились семейные доходы. Первые годы существования КНР стали долгожданной передышкой от иностранной интервенции и гражданской войны [Friedman et al. 1991: 111–122; Lardy 1987b]. Однако новый режим не видел свою цель в формировании системы совокупности мелких частных сельских хозяйств. Это стало очевидно из «Генеральной линии КПК в переходный период», объявленной Мао в 1953 г. Земельная реформа была направлена на ликвидацию власти землевладельцев, привлечение поддержки крестьянства

⁹ Здесь учитываются как городские, так и сельские районы, но не люди, погибшие в ходе земельной реформы. [Schoenhals 2008b: 68–73] представляет критический обзор различных расчетов. [Strauss 2006: 91] отмечает крайний разброс показателей, вплоть до 5 миллионов людей.

и создание основ, на которых можно было бы воздвигнуть фундамент нового социалистического государства. Следующим этапом должно было стать строительство социалистической экономики по советской модели. Это предполагало отказ от частной собственности и создание коллективных фермерских хозяйств.

В 1953 г., вскоре после завершения земельной реформы, официальные лица в сельской местности начали призывать фермерские домохозяйства работать сообща, совместно использовать тягловый скот и в целом помогать друг другу и сотрудничать. Новая политика «единых закупок и реализации» зерна вводила запрет на частные зерновые рынки. Весь урожай следовало продавать через государственные закупочные базы, на которых действовали установленные властями фиксированные цены [O'i 1989: 43–44; Shue 1980: 214–245]. В 1954 г. продажа зерна стала обязательной, и все «излишки», объем которых определялся исходя из расчета закрепленных за каждым домохозяйством пайков, подлежали продаже государству. Вопреки тому, что ведение сельского хозяйства является гораздо более физически затратным занятием, чем большинство городских профессий, пайки в деревнях были меньше, чем в городах [Cheng, Selden 1994: 660].

Это был первый шаг на пути к формированию системы, которая должна была позволить государству извлекать из сельской местности зерно в тех объемах и по тем ценам, которые оно устанавливало единолично. Деревенский Китай вступил на дорогу, ведущую к коллективному сельскому хозяйству в советском стиле. Единственный вопрос заключался в том, сколько времени уйдет на прохождение этого пути. Изначально планировавшаяся как постепенный процесс, коллективизация началась с формирования бригад трудовой взаимопомощи, в которые входили независимые фермеры. Бригады трудовой взаимопомощи использовали труд людей из разных домохозяйств в самые трудоемкие периоды: во время посадок и сбора урожая. Тягловый скот и сельскохозяйственные инструменты все еще находились в собственности семей, однако в указанные выше периоды ими пользовались члены бригад. Следующим этапом стало форми-

рование сельскохозяйственных кооперативов, в рамках которых семьи все еще продолжали владеть землей, в то время как кооперативы становились собственниками тяглого скота, инструментов и любых средств механизации. Семьи направляли средства в фонды кооперативов для оптовых закупок семян и удобрений, приобретения корма для тяглого скота и горючего для техники. Кроме того, члены кооперативов, как и члены бригад трудовой взаимопомощи, помогали друг другу в сезоны посадки и сбора урожая [Bernstein 1967].

Заключительным этапом кампании стало учреждение коллективных фермерских хозяйств: земля больше не принадлежала семьям и не обрабатывалась ими, а консолидировалась в большие фермы, находившиеся в коллективной собственности и руководимые деревенской администрацией, которая назначалась КПК. Коллективные фермерские хозяйства управлялись по аналогии с фабричными предприятиями, где коллектив выступал фактически как штат работников. Управляющие коллективных фермерских хозяйств организовывали все сельскохозяйственные операции, распределяли индивидуальные задания, обеспечивали складирование и продажу урожая и держали все поступления на общих банковских счетах [Oi 1989: 13–42; Siu 1989: 143–167].

Мао постоянно стремился к ускоренной трансформации экономики Китая по советской модели, несмотря на сомнения лидеров и в СССР, и в КПК. Сталин рекомендовал Мао действовать медленно, сохранить существующие экономические структуры в ближайшем будущем без изменений и принять более продолжительный план коллективизации сельского хозяйства и социалистической трансформации промышленности. Однако во исполнение «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором описывался радикальный подход к коллективизации в СССР, Мао вознамерился провести Китай по пути социализма как можно скорее [Tucker 1990: 69–145]. При этом Сталин в своей книге «Экономические проблемы социализма в СССР» 1952 г. проигнорировал свой собственный вклад в дело развития социализма (возможно, запоздало признавая таким образом тот ущерб, который он лично нанес советской экономике) и утверждал, что

стремительную экономическую трансформацию невозможно реализовать при помощи одной лишь политической воли. В своей работе Сталин пишет о том, что социализм и капитализм развиваются по единым законам¹⁰. Сталин также считал, что экономически Китай являлся более отсталым и не был готов к прямому переходу к социализму. С его точки зрения, попытка осуществить такой переход привела бы к экономическому откату. Многие китайские лидеры, имевшие больше связей в СССР и лучше разбирающиеся в идеях социалистической экономики, — в особенности Чжоу Эньлай, Лю Шаоци и Дэн Цзыхуэй — призывали к более осторожным подходам.

В начале 1950-х гг. Мао был ярким противником такой позиции. Неопубликованные «заметки» лидера по вопросам политэкономии СССР начала 1960-х гг. содержат неприкрытую критику Сталина, связанную с изменением его взглядов [Мао 1977]. В целом Мао отрицал позднего Сталина, но принимал революционного раннего, сохраняя уверенность, что Китай может повторить путь СССР, описанный в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Мао торопился и желал совершить революцию как можно быстрее, категорически не соглашаясь с мнением Сталина, полагавшего Китай слишком отсталым. При жизни советского генсека Мао не возражал ему, предпочитая молча игнорировать исходящие от того советы. Непосредственно после смерти Сталина в марте 1953 г. Мао начал учреждать бригады трудовой взаимопомощи и кооперативы, а также развернул коллективизацию, которую изначально планировалось завершить в начале 1960-х гг. [Li 2006b: 61–94]. В 1957 г. после ряда дискуссий с высокопоставленными руководителями по поводу темпов проводимой коллективизации Мао обвинил своих оппонентов в «правом уклоне» и потребовал завершить процесс уже к 1958 г. [Teiwes, Sun 1999: 20–52, 70–77].

¹⁰ Как отмечается в [Service 2004: 566]: «Здесь демонстрируется поразительное лицемерие. Если когда-либо предпринималась попытка трансформировать экономику чисто на силе воли и насилии, то она произошла в конце 1920-х гг. при Сталине».

Деревенские кадры начали организовывать бригады трудовой взаимопомощи в 1951 г. К 1953 г. в таких группах состояла половина домохозяйств, к 1954 г. их было уже 85 %. После того как Мао объявил о «высоком приливе» коллективизации на 1955–1956 гг., были чрезвычайно стремительно сформированы кооперативы: по состоянию на конец 1955 г. к ним присоединилось 62 % домохозяйств, к концу 1956 г., по имеющейся информации, — уже 100 %. Решение о дальнейшем ускорении темпов создания коллективных фермерских хозяйств было принято ближе к концу 1957 г., тогда же началось и массовое вовлечение в этот процесс крестьян. Сообщается, что к концу 1958 г. в колхозы были объединены 100 % домохозяйств [Riskin 1987: 86]. Судя по скорости этих изменений, можно было бы предположить, что процесс проходил успешно и без сбоев, в особенности по сравнению с насилием, применявшимся в СССР при реализации схожей кампании, прямым результатом которой стал катастрофический голод в РСФСР и УССР [Bernstein 1967; Conquest 1986]. Однако на деле коллективизация зачастую сопровождалась на местах сильным противодействием и иногда даже отдельными мятежами, а также значительными невзгодами и голодом, которые стали следствием работы сельских кадров, считавших своим долгом завершить кампанию как можно скорее и любой ценой [Bernstein 1967; Dikötter 2013: 208–225]¹¹.

Деревни — один большой колхоз

В результате коллективизации на свет появилась кардинально новая форма социально-экономической организации. Сельские домохозяйства смогли воспользоваться плодами земельной ре-

¹¹ [Friedman et al. 1991: 122–198; Li 2006a; Li 2007; Li 2009: 23–49; Thaxton 2008: 89–117] прослеживают нестройный переход от семейных ферм к колхозам. Все указанные авторы указывают на глубокие проблемы, отмечавшиеся на каждом этапе этого процесса, а также на едва заметные и открытые формы противостояния многих домохозяйств. Сопротивление стало наиболее заметным на конечных этапах перехода. [Bernstein 1967; Liu, Wang 2006] анализируют политическое давление на местные кадры с целью проводить коллективизацию быстрее, чем изначально планировалось.

формы поразительно непродолжительное время. У бедных отняли только недавно полученную ими землю. Крестьяне полностью утратили возможность принимать решения о том, что производить и как трудиться для увеличения семейных доходов. Как вид деятельности на грань вымирания было поставлено частное сельское хозяйство, которое приобрело маргинальный статус и разрешалось в последующие годы лишь в ограниченных объемах. Практически прекратили работу сельские рынки, которые зависели от поставок производимых частниками яиц, кур, свиней, ремесленных изделий и иной продукции. Им на смену пришли государственные закупочные базы, забиравшие и оплачивавшие урожай. Земля, орудия и тягловой скот находились теперь в коллективной собственности [Ой 1989: 132–145].

К концу 1950-х гг. коллективные фермерские хозяйства выступали одновременно как управленческие ячейки и экономические предприятия. В этот период они заметно отличались по размерам. Так, во время «большого скачка» они разрослись до невероятных масштабов. Однако к началу 1960-х гг. выработалась практика, которая существовала вплоть до начала 1980-х гг. Крестьянское население в отдельно взятом уезде было организовано по коммуна — именно так называли коллективные фермы. Управление коммунами было самой низкой ступенью государственной бюрократии. Возглавляли его на местах партийные секретари и парткомы, которые имели в своем распоряжении штаты сотрудников на государственных окладах. Средняя численность коммун составляла около 15 тысяч человек, они обычно объединяли в себе несколько деревень. В каждую коммуну чаще всего входило около 15 производственных бригад, состоявших из 220 домохозяйств и 980 человек. Производственную бригаду можно было условно приравнять к отдельной деревне. Деревни покрупнее могли разделяться на две и более бригады, в то время как в малонаселенных районах бригада могла включать в себя два и более небольших поселения. Каждая бригада состояла в среднем из семи производственных команд, которые выступали как базовая единица организации сельского хозяйства. К началу 1970-х гг. производственные команды в среднем включали в себя 30 с лиш-

ним домохозяйств и около 145 человек [Ibid.: 5]. В производственных бригадах и командах были собственные руководители, бухгалтеры и иные официальные представители, зарплаты которых выплачивались из бюджетов бригад и команд. Эти лица не входили в государственную систему гражданской службы, которая распространялась не далее штаб-квартир коммун, и считались частью фермерских домохозяйств и проживали среди сельского населения.

Руководители коммун принимали решения по производству исходя из целевых показателей, которые поступали из уездов. Эти решения в дальнейшем передавались бригадам и командам, главы которых отвечали за выполнение планов, распределяли задания между отдельными крестьянами и организовывали посевные работы, обработку и сбор урожаев, а также складирование и транспортировку продукции. Фермеры получали в обмен на работу «трудовые баллы», которые фиксировались в общей документации и накапливались в течение года. Любые денежные излишки коллективных финансов делились между домохозяйствами исходя из количества трудовых баллов, накопленных членами каждого отдельного дома за год. Каждый член команды получал также базовый зерновой паек, размер которого определялся в зависимости от возраста и пола. Пайки формировались из того зерна, которое оставалось после выполнения бригадой установленных государством показателей по его сдаче. Сельские жители могли получить зерно только от своих производственных команд, что исключало для них возможность пребывать долгое время за пределами собственных деревень. Трудовые миграции, которые имели место во времена до коллективизации и стали широко распространены в Китае после 1970-х гг., были практически пресечены. В периоды затишья между сельскохозяйственными работами крестьян также могли принудительно привлекать к обязательному и неоплачиваемому «вспомогательному труду» по строительству дорог и реализации проектов по водосбережению. Дополнительные работы назначались уездными официальными лицами и организовывались коммунами. Крестьяне оказались буквально привязаны к земле, на которой работали.

Коллективное сельское хозяйство полностью консолидировало государственную систему закупок, которая была учреждена в 1953 г. Основные зерновые (рис, пшеница, ячмень, кукуруза и сорго), масличные (орехи, рапс, кунжут) и технические сельскохозяйственные культуры (хлопок, табак, сахар, конопля) могли продаваться только на государственных закупочных базах по установленным государством ценам. Эту систему было легко претворять в жизнь, поскольку именно официальные лица коммун и бригад, а не домохозяйства, контролировали собранные урожаи и оценивали (с последующими соответствующими наградой или наказанием) результаты на основе выполнения или невыполнения производственных планов. Альтернативные рыночные механизмы отсутствовали. Такая модель позволяла государственным структурам по вопросам планирования контролировать условия торговли внутри сельскохозяйственного сектора и напрямую определять состав посевных культур [Ibid.: 43–65].

Коллективное сельское хозяйство по советской модели было рассчитано на производство огромных объемов зерна и его реализацию по низкой цене для обеспечения стремительного развития промышленности в городах. Низкие цены на продукты позволяли снижать размер оплаты труда для жителей городов, что оставляло больше средств для капитальных вложений в промышленные секторы экономики. С течением времени упор все больше делался на основные сельскохозяйственные культуры. Запрет на работу за пределами ферм и занятия побочной несельскохозяйственной деятельностью вынуждал китайских крестьян заниматься натуральным сельским хозяйством. С учетом вводимых государством высоких показателей производства и продаж, а также установления намеренно заниженных закупочных цен, многие работники коллективных фермерских хозяйств столкнулись с постепенным сокращением выделяемых им индивидуальных пайков и снижением их личных денежных доходов. К 1970-м гг. расценки практически едва покрывали себестоимость производства большинства продуктов питания, которые администрировались в рамках государственной системы закупок. Исключение

составляли такие «технические» культуры, как табак и конопля [Ash 2006; Oi 1989: 55].

Не приветствовалось, а в отдельные периоды времени жестоко каралось домашнее производство, поскольку занятие им снижало вовлеченность в коллективное сельское хозяйство. В последующие 20 лет домохозяйствам были фактически запрещены какие-либо существенные сторонние занятия. Разведением кур, уток, свиней и рыбы занимались производственные команды и бригады. За эту работу начислялись трудовые баллы. Указанную продукцию продвигали по аналогии с сельскохозяйственными культурами. Отдельные бригады и коммуны организовывали несельскохозяйственные предприятия: строительные команды, кустарные артели и небольшие промышленные производства, в частности заводы по обжигу кирпича. Официальные лица при коммунах и бригадах управляли такими предприятиями, распределяли задачи среди работников, собирали и вносили на банковские счета доходы от деятельности. Работники получали оплату в виде трудовых баллов и иногда частично наличными [Oi 1989: 135–137; Walder 1986: 54–56].

Веками существовавшие в китайских деревнях периодически проводившиеся сельские ярмарки практически и быстро сошли на нет, сохранившись лишь в форме незаконных «черных рынков» [Burns 1981; Oi 1989: 138–141]. Место традиционных рынков заняла государственная система закупок, которая забирала сельскохозяйственную продукцию у коллективных фермерских хозяйств в объемах и по ценам, устанавливаемым государственными плановыми структурами. При этом имели место попытки оставлять коллективам достаточно еды для обеспечения базового уровня жизни крестьян. Но не более того. Концентрация на производстве основных сельскохозяйственных культур привела к сокращению ассортимента выращиваемого и производимых сторонних продуктов, который был характерен для домашнего сельского хозяйства. Китайских фермеров практически вынуждали заниматься исключительно натуральным сельским хозяйством с упором на зерно. Это приводило к снижению в сельских районах денежных доходов по сравнению с городами. Различия

в уровне жизни внутри бригад и команд сократились еще сильнее, чем после земельной реформы. Отдельные виды занятости при коллективной системе работы предполагали менее изнурительный труд, но оценивались в трудовых баллах выше: в частности, руководящие позиции, вождение тракторов и столярные работы. При этом недооценивалась не предполагающая особой квалификации работа в полях. И все же разница в доходах не была значительной. В результате в деревнях произошло выравнивание уровня жизни.

Все описанные преобразования наделили сельские кадры значительно большими властными полномочиями по сравнению с периодом до начала коллективизации. По мнению Ли Хуайиня, «одним из существенных последствий [этого] стало формирование кооперативных кадров как привилегированной группы в рамках сельского общества». В прошлом такие люди были ветеранами революции или активистами земельной реформы или кампании по созданию кооперативов. Во многих случаях «они завоевали себе уважение селян через усердную работу, самоограничения и близкие отношения с народом». Однако с возникновением коллективистских структур «в силу привилегированного положения они начали отчуждаться от своих сообществ». «Получая значительные субсидированные трудовые баллы и занимаясь умеренно тяжелой работой, [кадры] получали большие доходы, чем остальное большинство работников, на долю которых выпал физический труд». Описываемые изменения были во многом заложены в новых структурах изначально: «они контролировали все элементы кооперативной экономики, включая распределение благоприятных возможностей работы, трудовых баллов и сельскохозяйственной продукции, а также администрирование кооперативными финансами». Этот сдвиг сопровождался нарастающей зависимостью от административных распоряжений, принуждением и, в отдельных случаях, устрашением крестьян криками и побоями. Сельские кадры впервые оказывались втянутыми в «коррупцию и злоупотребления в самых различных формах» [Li 2009: 44–47]. Привнесенная из СССР модель привела к бюрократизации деревенской жизни:

сельскохозяйственная коллективизация не только позволила государству распространить свое влияние на все отдельные домохозяйства, но и сформировала миллионы кадров низшего звена, которые были столь многочисленны, что практически не контролировались напрямую правительством [Ibid.: 5].

Трансформация сельского Китая

За десять лет КПК радикальным образом преобразовала сельские районы Китая. В прошлом китайские деревни управлялись местными элитами, власть которых зиждилась на сочетании личного достатка, уровня образования и военной поддержки. Государственные структуры Китая всегда были далеки от реалий сельской жизни, ограничиваясь сбором налогов при содействии местных элит и в целом предоставляя крестьянские сообщества самим себе. Практики землевладения значительным образом варьировались от региона к региону, от полномасштабной системы крупного землевладения под контролем богатых кланов до широко распространенной испольщины, наемного сельскохозяйственного труда и самодостаточных небольших частных фермерских хозяйств. Функционировало множество тайных обществ и религиозных сект. На протяжении XIX и в начале XX в. христианские миссионеры обращали в сельской глубинке значительное число людей. Был распространен бандитизм, частные ополчения могли выступить как заступниками, так и злодеями. Жизнь в сельских районах Китая не была безопасной.

Распространение государственной власти на деревенский Китай началось с установления КПК собственной монополии на использование вооруженных сил. Деятельность бандитов, частных ополчений, тайных обществ, религиозных организаций и сект была подавлена. Уничтожение прежних деревенских элит произошло с приходом вооруженных формирований, которые обеспечивали проведение революционной земельной реформы. Первым шагом в развертывании государственной власти стала ликвидация имеющих авторитет и полномочия социальных групп в совокупности с подрывом экономических основ, обеспечиваю-

щих представителям элит их статус. По мере крушения прежних структур достатка и власти партия вовлекала в политику бедных крестьян в качестве активистов земельной реформы. Пройдя подготовку и идеологическую обработку, эти люди в дальнейшем оказывались во главе своих деревень. Перераспределение земли и иной собственности между сельскими жителями обеспечило КПК запас народной поддержки и одновременно, вне всяких сомнений, продемонстрировало размах и возможности нового государства.

Добившись значительно большего, чем любое другое китайское государство, распространения государственной власти — вплоть до самых отдаленных сельских уголков, КПК стремительно захватила контроль над управлением сельским хозяйством в целом. Предоставленные в ходе земельной реформы домохозяйствам земли и рабочий скот вскоре были объединены в коллективные фермерские хозяйства. Государственные органы и их представители в деревнях контролировали решения по сельскохозяйственному производству, собранные урожаи, реализацию и распределение продукции, а равно получаемые доходы и их распределение между крестьянами. Более того, партия контролировала сам труд фермеров и могла помешать им покинуть коллективные хозяйства. Земельная реформа была первой волной революции в деревнях, радикально преобразовавшей экономические структуры сельского Китая и значительно расширившей влияние государства на жизнь деревенских жителей. Коллективизация стала второй волной революции, преобразовавшей сельскую экономику в кардинально ином направлении, обеспечив государству всесторонний контроль над деятельностью, составлявшей основное занятие родственных групп и фермерских домохозяйств в течение многих столетий.

Глава 4

Революция в городах

С конца 1920-х гг. КПК реализовывала свою стратегию ведения революции на сельской местности. Первоначально принятая Мао доктрина классовый борьбы была разработана под регионы, которые находились под контролем партии. Когда после 1947 г. НОАК начала наступление на юг и запад Китая, кадры КПК проводили революцию в деревнях уже по хорошо отработанному сценарию. Однако ситуация в городах была иной. Первый крупный город КПК взяла под свой контроль только в апреле 1946 г., когда советские войска оставили Харбин. Первым крупным населенным пунктом, который НОАК заняла за пределами Маньчжурии, стал город Чжанцзякоу в провинции Хэбэй на севере Китая. Коммунисты продержались здесь с августа 1945 г. по октябрь 1946 г., но были вынуждены отступить в результате наступления националистических сил [Pepper 1999: 332]. С самого начала КПК ввела военный контроль при сохранении неизменными прав собственности на существующие промышленные предприятия и торговые компании за исключением госпредприятий, которые принадлежали националистам. Упор в городах делался не на уничтожение экономических основ прежнего общества, а на стабилизацию экономики и стимулирование промышленного развития. Стратегия заключалась в постепенности проведения мероприятий при сохранении промышленных основ национальной экономики. Переход к социалистической плановой экономике должен был выполняться поэтапно [Gao 2004: 14–16; Pepper 1999: 376–380].

Несмотря на присутствие тайных партийных функционеров в профсоюзах, школах, полиции и правительственных структурах, КПК располагала лишь небольшой долей кадрового потенциала, который был необходим для управления городами. Более того, партия не обладала в городах тем очевидным большинством сторонников, которое было у нее в сельской местности и которое по аналогии с бедными крестьянами в деревнях извлекло бы от деятельности КПК в городах немедленную пользу. В городах были сконцентрированы бывшие члены и официальные лица Гоминьдана, капиталисты-промышленники, профсоюзные деятели, представители среднего класса и интеллигенция. У них не было достаточно причин поддержать КПК и ее программы, в лучшем случае политические взгляды данных групп были неопределенными.

В некоторых из первых городов, захваченных ими в Маньчжурии и Северном Китае, оккупационные силы НОАК, не подготовленные к исполнению возложенных на них новых задач, оказались неспособны выполнять приказы. Военные и партийные кадры захватывали частные предприятия и кустарные мастерские, разбирали фабричное оборудование и изымали у населения личные вещи, оправдывая все свои действия борьбой против «вражеской собственности», которая может быть использована для «военных целей». Подобные акции подрывали экономику городских районов и формировали атмосферу страха среди групп, чьей поддержкой КПК позже потребуются заручиться. Мао не хотел повторения этих ошибок, поэтому он приказал НОАК избегать подобных злоупотреблений в будущем и проявлять по мере осуществления контроля за городскими районами уважение как к населению, так и к правам на собственность [Perrer 1999: 386–390; Wakeman 2007]. На первых этапах партия была вынуждена полагаться на то, что порядок будут обеспечивать имеющийся в наличии офицерский состав и полиция.

С течением времени КПК начала применять в городах отдельные практики, которые использовались в ходе революционных преобразований в деревнях. В городах не проводилась земельная революция, однако там хорошо сработали технологии массовой

мобилизации. Партия стремилась укреплять городские механизмы государственного строительства через ряд мобилизационных компаний, в которых сочетались принуждение и попытки убеждения людей. Как и в сельской местности, этот процесс периодически сопровождался эксцессами и мог реализовываться через насилие, неприкрытое устрашение и даже террор. Однако одним принуждением и вселением ужаса КПК не могла достичь своих целей. Партия также формировала низовые организации, которые позволяли контролировать, поощрять и наказывать население, а также расширять зону его контроля.

С 1949 по 1956 г. КПК увеличивала свою власть над городами через мобилизационные кампании трех типов. Самыми впечатляющими были кампании, нацеленные на укрепление политического влияния партии. Такие мероприятия принимали форму «кампаний за подавление контрреволюции», а также последовавших движений против «трех зол» и «пяти зол», нацеленных против коррупции и уклонения от уплаты налогов и сопровождавшихся изъятием активов у частного бизнеса. Второй вид кампаний предполагал коррекцию поведения и настроений населения. Это, в частности, были кампании против преступности, наркотиков и секс-торговли, а также «идеологическая перестройка» групп, которые считали «буржуазной интеллигенцией». Наконец, кампании третьего типа мобилизовали городскую бюрократию на выполнение конкретных задач, в том числе регистрацию городского населения, выявление политически благонадежных представителей полиции, коллективизацию услуг и ремесел и, наконец, национализацию промышленности¹.

К середине 1950-х гг., по мере реализации первых попыток ликвидировать врагов и утихомирить оппонентов, КПК начала расширять свой контроль над населением за счет бюрократических средств. Система регистрации домохозяйств прикрепляла людей к определенному адресу, исключая возможность смены

¹ [Strauss 2006] также выделяет четвертый тип: кампании, направленные на мобилизацию населения на выполнение задач во имя сообщества в целом, в том числе высадку деревьев, истребление крыс и комаров, а также очистку опасных для здоровья загрязнений в городских районах.

постоянного места жительства и неразрешенных поездок. Система поставок и нормирования товаров позволяла распределять продовольствие, жилье и материальные блага между людьми в зависимости от их статуса и уровня. Назначенные правительственными структурами чиновники отслеживали процессы в городских районах и координировали свои действия с полицейскими участками в кварталах. Частные кустарные мастерские, сервисные компании и производственные предприятия были переданы в государственную собственность и под государственный контроль. Новая система найма предполагала предоставление рабочих мест по решению бюрократических структур, а не по добровольному согласию сторон. Городское население было подвергнуто регистрации с указанием классовой принадлежности и политического прошлого. Была установлена система политических досье, которая контролировала поведение и политические склонности отдельных людей. Во второй половине 1950-х гг. на смену массовым собраниям, публичным судилищам и казням, которые были столь распространены в первые годы КНР, пришли бюрократические процедуры, проводившиеся рабочими ячейками и жилищными советами.

Установление порядка

Первое, что НОАК делала при вступлении в новый город, была замена всех ведущих муниципальных чиновников на кадровых сотрудников и офицеров, которые продвигались на юг вслед за армией и объединялись в «комитеты военного контроля» [Gao 2004: 69–79; Vogel 1969: 46–51]. Большинство таких людей были выходцами с севера и ветеранами северных опорных пунктов. Зачастую они не понимали южных диалектов китайского языка и не могли говорить на них [Gao 2004: 47–51; Vogel 1969: 51–55]. КПК столкнулась с тяжелым дефицитом надежных кадров с опытом работы в городах. В местных подпольных структурах партия была представлена мало, а бывшие партизаны из провинции плохо понимали городскую специфику. В этой ситуации помогали активисты-студенты, которые, присоединившись

к организациям под эгидой КПК, путешествовали на юг вместе с военными. Но в целом у партии не было выбора. Приходилось во многом полагаться на существующие городские администрации и даже полицейские силы [Brown 2012: 16–22; Gao 2004: 51–64; Vogel 1969: 55–60; Wakeman 2007].

Более 60 % националистической полиции в Шанхае осталось на своих постах после «школы перевоспитания» в 1949–1950 гг. Надзор за ними осуществлялся новым штатом прошедших подготовку офицеров, представлявших НОАК, а также тайными членами партии, которые были внедрены в ряды полицейских ранее [Wakeman 2007: 23–25]. В Шанхае КПК использовала организационную структуру городских районов, сформированную во времена японской оккупации и сохраненную националистами после капитуляции агрессора. Партия развила и расширила существующую систему регистрации домохозяйств, вводя, в частности, талоны на продовольствие. В отличие от националистов, новый режим использовал низовые организации на уровне кварталов для мобилизации людей на участие в массовых митингах и политических кампаниях [Ibid.: 43].

Первой задачей, которую поставили перед «вставшей на путь истинный» полицией Шанхая, стало укрепление общественного порядка. Количество мелких разносчиков и киосков на улицах сократилось вдвое. Все издания должны были пройти регистрацию в полицейских органах, чтобы считаться работающими в рамках закона. Были закрыты пункты обмена валюты. Задерживались, регистрировались и отправлялись на перевоспитание попрошайки, воры-карманники и бродяги. Был положен конец мошенническим схемам, которые вместе с велорикшами провоцировали городские преступные группировки. Фальшивомонетки подвергались казни. Бывшим солдатам и чиновникам Гоминьдана было приказано добровольно пройти регистрацию. В обмен на нее им обещали смягчение ответственности, а за ее отсутствие грозили тяжкими наказаниями. Жесткие меры, принятые против преступности, базировались на принципе: арестован — значит, виноват, и только к сознавшимся можно проявить снисхождение. Масштабные карательные операции

проводились против вооруженных бандитов и подпольных активистов-националистов, которых Гоминьдан оставил после себя для осуществления акций саботажа, подрывной деятельности и политических убийств. Все описанные мероприятия были усилены в 1950 г. с началом Корейской войны в ходе кампании подавления контрреволюции, в рамках которой новый режим стремился консолидировать свою власть еще более жестокими и насильственными средствами [Dikötter 2013: 50–51, 53–55; Wakeman 2007: 52–58].

КПК недвусмысленно дала понять большому сообществу иностранных специалистов, многие из которых проживали в Китае продолжительное время, что в Поднебесной им больше не рады. В их отношении распространились притеснения со стороны полиции, изъятие недвижимости и прочей собственности, многие иностранные предприниматели, сотрудники консульств, учителя, миссионеры и даже учащиеся оказались брошенными за решетку. С началом Корейской войны гонения лишь усилились, что привело к волне задержаний, изгнаний и периодических убийств. К 1951 г. иностранцы были в целом выдворены из Китая. Особенно сильный удар пришелся по католическим и протестантским церквям и поддерживаемым ими сетям детских домов, благотворительных организаций и монастырей. Через несколько лет на их место пришли массы советников из СССР и его новоприобретенных государств-сателлитов [Dikötter 2013: 104–120, 124–127; Hooper 1986].

Уничтожение оппозиции

Кампания 1950–1951 гг. по подавлению контрреволюции, начавшаяся после периода борьбы за укрепление общественного порядка, позволила усилить контроль [над городами]. Как и в сельской местности, захват силами НОАК территорий сопровождался возникновением очагов массового сопротивления. В городах основное беспокойство вызывали подпольные агенты Гоминьдана, которые занимались саботажем и покушениями на жизнь людей. Однако мишенями кампании были и тайные сообщества, подполь-

ные преступные группировки и религиозные секты — давняя составная часть жизни в китайских городах. Все эти объединения были способны организовать сопротивление новому режиму. Кампания проводилась через массовые митинги, массовые собрания критики и борьбы, трансляции публичных судебных заседаний через громкоговорители и радиостанции, а также посредством волны широко освещавшихся арестов и казней [Lieberthal 1980: 53–77; Strauss 2002]². Кульминацией театрализованных и высокоэмоциональных собраний порицания зачастую становилось требование толпы немедленно предать обвиняемых казни, которая нередко проводилась в ускоренном порядке, без суда и следствия. Объекты кампании, которым удалось избежать заключения, ставились «на контроль» сил общественной безопасности — по сути, это была форма условного освобождения в виде помещения под наблюдение, которая могла действовать годами [Gao 2004: 140–146; Vogel 1969: 62–65; Yang 2008]. По мере нарастания кампании собрания критики и борьбы и массовые трибуналы стали весьма распространенной особенностью городского ландшафта. В городе Ханчжоу в 1545 массовых собраниях порицания контрреволюционеров приняли участие свыше 450 тысяч жителей [Gao 2004: 144]. По официальной статистике, свыше 1,2 миллиона людей было арестовано и в конечном счете отослано в трудовые лагеря, еще не менее 710 тысяч человек были подвергнуты казни [Schoenhals 2008b: 72] (см. также [Gao 2004: 140; Strauss 2002: 87–89; 2006: 901])³. Есть свидетельства, что количество казней значительно превзошло те масштабы, которые изначально предполагало руководство КПК. В ходе кампании Мао Цзэдун пытался регулировать частоту проведения казней, иногда призывая активистов к большей бдительности, иногда стремясь сдержать их неистовство. Через личные комментарии к докладам он неоднократно вмешивался в ход судилищ персонально и даже предложил ввести показатель 0,1 % от

² [Dikötter 2013: 83–99] детально описывает кампанию по материалам в первую очередь из партийных архивов.

³ [Dikötter 2013: 99–100] ссылается на два миллиона казненных в городских и сельских районах. Эта цифра вызывает большее доверие в связи с частым упоминанием в архивных материалах.

населения как приемлемый стандарт для приведенных в исполнение казней [Yang 2008: 109]. Чиновники на местах, не желая, чтобы кто-то посчитал, что они противодействуют контрреволюции слишком мягко, пытались действовать в рамках этих показателей, которые воспринимались ими как некая квота. В первоначальной сопроводительной документации кампании в качестве людей, подлежащих аресту и казни, указываются шпионы, вредители и члены подпольных организаций сопротивления. Однако во многих районах не удавалось найти достаточное количество людей всех этих категорий, чтобы выполнить целевую квоту. Часто объектами мероприятий кампании оказывались члены преступных группировок и руководители религиозных сект, а также и «местные хулиганы», которые подвергались аресту по туманным обвинениям, но без указания на конкретные преступные деяния. В ходе кампании арестовывались и подвергались казни также и бывшие солдаты и чиновники Гоминьдана, которые прошли регистрацию у коммунистов, пообещавших им снисхождение. В провинции Гуйчжоу были казнены все находившиеся при власти в конце националистического правления уездные начальники в количестве 81 человека. Схожим образом покончили и практически со всеми главами поселков в окрестностях города Чэнду [Dikötter 2013: 89–92; Strauss 2002: 89–92; Yang 2008: 110].

Кампания практически подавила организованное сопротивление и ликвидировала оставшиеся подпольные сети националистов. Резко сократилось количество политических убийств и актов саботажа. Однако масштабы казней все же чрезмерно превысили те показатели, на которые ориентировались представители КПК. Внутрипартийные расследования в 1953 г. показали, что на значительной доле казненных не было никакой вины и казни они были подвергнуты по надуманным обвинениям. В отдельных случаях в ходе кампании предавались смерти верные члены партии. Особо тяжелый удар пришелся на чиновников и солдат Гоминьдана, которые по собственной воле перешли на сторону КПК на поздних этапах гражданской войны. Обещания о снисхождении к тем, кто, не будучи дезертиром, сознательно пошел на регистрацию после поражения националистов, просто

игнорировались. На фоне осознания руководством партии утраты контроля над стихийными казнями, которые в ответ на требование их прекращения лишь нарастали, Мао призвал завершить кампанию [Yang 2008: 112–120].

Количество арестованных в рамках описанных кампаний быстро превысило вместимость обычных тюрем [Dikötter 2003]. Тюремная система, полученная в наследство от националистов, оказалась удручающе несовершенной. Новый режим нарастил свои возможности по содержанию людей в заключении через новую масштабную систему трудовых лагерей. К концу 1951 г. под стражей находилось свыше двух миллионов человек, при этом 670 тысяч из них содержались в новых трудовых лагерях, где в обмен на средства к существованию требовалось работать. К 1955 г. в трудовых лагерях содержалось более 1,3 миллиона человек. Условия проживания в них были крайне тяжелыми, дефицит продовольствия дополнялся физическим насилием и расправами. Рост числа заключенных сдерживался высокими показателями смертности [Ibid.; Dikötter 2013: 243–254].

*Подавление религиозных сект,
тайных ассоциаций и городских банд*

В январе 1949 г. КПК ввела запрет на тайные общества и религиозные секты. Соответствующая директива порицала эти организации за связи с Гоминьданом, сотрудничество с японцами, сбор разведданных, распространение ложных слухов и инспирацию местных бунтов [Hung 2010: 400]. Основным источником для привлечения в религиозные сети новых членов в таких городах, как Тяньцзинь, было первое поколение сельских мигрантов. Секты имели сильные позиции на севере Китая. Самой влиятельной была организация *Игуаньдао* (буквально «Всепроникающее дао» или «Путь всепроникающего единства»). В ее отношении в 1950 г. было издано отдельное постановление. *Игуаньдао* следовало учению, в котором перемешивались заимствования из буддизма, даосизма, конфуцианства, христианства, ислама и местных верований. Новое правительство видело в секте боль-

шую угрозу. Только в Тяньцзине, где по состоянию на 1951 г. проживал миллион совершеннолетних людей, *Игуаньдао* имела свыше 200 тысяч членов, по большей части — мужчин, работавших в мелких кустарных и коммерческих предприятиях, и женщин, представлявших первое поколение городских семей [Ibid.: 401–403; Lieberthal 1973: 243–244; 1980: 14–16]. По расчетам, в секте состояло около 11 % населения провинции Суйюань⁴ и 15 % населения Пекина. При этом количество членов *Игуаньдао* продолжало расти. По имеющимся данным, в секте состояли примерно 1100 сотрудников Управления общественной безопасности Пекина. В одном из районов Пекина членами *Игуаньдао* были 23 % полицейских [Hung 2010: 403–404]. Более того, даже среди местных партийных кадров и членов Коммунистического союза молодежи Китая обнаруживались сектанты.

Со всей очевидностью, у *Игуаньдао* имелись возможности подрыва нового режима. Секта открыто выступала против коммунизма и ранее призывала людей противодействовать перераспределению земли. Вплоть до победы КПК *Игуаньдао* распространяла слухи о том, что у коммунистов непременно будет совместная собственность и общие жены. Корейскую войну секта называла началом третьей мировой, которая должна была положить конец КПК. В преддверии кампании по подавлению контрреволюции КПК обрушилась на секту с критикой и призывала ее членов выходить из организации и добровольно регистрироваться у новых властей. В дальнейшем меры против *Игуаньдао* были включены в кампанию против контрреволюции. Сектанты доносили друг на друга. Лидеров секты проводили через публичные собрания критики и казнили. Судилища и казни широко освещались в СМИ. Кампания успешно уничтожила основы деятельности *Игуаньдао* [Ibid.: 404–417; Lieberthal 1980: 108–119]⁵.

Схожей была судьба продолжительное время процветавших в китайских городах тайных обществ и криминальных группи-

⁴ В настоящее время входит в АР Внутренняя Монголия.

⁵ [Dikötter 2013: 196–206] рассказывает об общем наступлении против буддизма, даосизма, христианства и ислама в 1950-е гг.

ровок. Масштабные и достаточно хорошо организованные тайные общества объединяли по большей части городских жителей второго и более поздних поколений, в особенности работников транспортного сектора. При националистах тайные сообщества выступали влиятельной политической и экономической силой в таких прибрежных городах, как Тяньцзинь и Шанхай: они были вовлечены в контрабанду опиума, хозяйничали в публичных домах, контролировали порты и грузовые перевозки, а также заправляли в профсоюзах соответствующих отраслей. В тайных обществах состояли многие чернорабочие, портовые работники, велорикши и грузчики. Более мелкие криминальные группировки концентрировались по большей части в отдельных городских кварталах. Обычно это были сборища сельских хулиганов, которые занимались вымогательством и крышеванием. При Гоминьдане преступные организации оказывались единственными структурами, которые в обмен на фиксированную дань могли гарантировать мелким торговцам безопасность [Lieberthal 1973: 245–250; 1980: 22–25; Hershatter 1986: 120–131]. Как тайные сообщества, так и криминальные группировки имели связи с чиновниками-националистами, которые были составной частью всеобъемлющей коррупционной системы, ставшей тяжелым недугом националистической партии в годы ее правления на континенте. В частности, Зеленая банда в Шанхае была эффективно интегрирована в националистическое правительство города. По имеющейся информации, Чан Кайши вступил в эту организацию в 1920-х гг. и в значительной мере полагался на членов Зеленой банды в 1927 г. при жестокой зачистке Шанхая от коммунистов. Глава шанхайской ветки Зеленой банды Ду Юэшэн плотно контактировал с муниципальными властями Шанхая, а также местными структурами Гоминьдана [Martin 1996: 79–189; Wang 1967]. У КПК было множество оснований видеть в тайных обществах подрывные элементы.

При захвате коммунистами власти в городах всегда имелась возможность, что КПК получит доступ к местным партийным спискам, которые позволяли ей извещать гоминьдановцев о необходимости во избежание серьезных наказаний пройти реги-

страцию добровольно. Это была действенная угроза. Однако тайные сообщества и преступные группировки не создавали архивы, поэтому заставить их членов откликнуться на призывы властей представлялось проблематичным. После того как в январе 1949 г. КПК захватила Тяньцзинь, коммунисты незамедлительно начали наступление на Зеленую банду, которая контролировала местную транспортную отрасль. Были созданы новая грузовая компания и размещавшиеся в разных кварталах пункты обслуживания. Коммунисты организовывали чернорабочих в бригады, которые маршировали по улицам, скандируя оскорбления в адрес своих бывших начальников. Помимо этого, учреждались новые профсоюзы, призванные обеспечивать людям ту безопасность, которую в прошлом им обеспечивали преступные группировки и тайные общества. Тем начальникам чернорабочих, которые сотрудничали с новыми властями и доносили на других людей, разрешалось вступать в профсоюзы. Менее стоворчивые и не готовые к компромиссам порицались и исключались из организации. Сотрудников органов общественной безопасности отправляли на заседания профсоюзов, где они рекомендовали начальникам чернорабочих не перечить коммунистам. Проводились занятия по выработке верности к КПК и новым профсоюзам, на которых параллельно подвергались критике «реакционные феодальные тайные общества» [Lieberthal 1973: 250–255; 1980: 60–77].

Ликвидировать главарей преступников оказалось тяжелее, чем это можно было ожидать. Криминальные организации продолжали устрашать тех, кто переходил на сторону новых профсоюзов, и внедряли своих верных сторонников на руководящие посты. Партийные кадры были обескуражены, когда оказалось, что тайные сообщества имели своих представителей и в новой грузовой компании, и в транспортном профсоюзе. Это привело во второй половине 1950 г. к волне арестов. Кампания против городских банд была включена в кампанию подавления контрреволюции. Начали применяться более жестокие методы. Все выявленные начальники чернорабочих были арестованы. Снова организовывались собрания критики, на которых обвиняемым выносились уголовные наказания. Весной 1951 г. эти меропрятия вылились

в серию широко освещавшихся казней начальников чернорабочих. В конце концов городские преступные группировки лишились большинства своих членов [Lieberthal 1973: 261–264].

Кампания по борьбе за нравственность

Суровая кампания против тайных обществ и криминальных организаций подорвала необузданную торговлю наркотиками и организованную преступность эпохи националистов. К проституции был найден иной, но не менее действенный подход. С началом захватов городов в 1948–1950 гг. КПК выступила с директивами о запрете торговли сексуальными услугами. По мере консолидации контроля над городами партия закрывала публичные дома, возвращая женщин на родину в сельской местности или предоставляя им работу в городах [Dikötter 2013: 51–53].

Занимавшиеся проституцией женщины воспринимались КПК не как преступницы, а как часть подвергавшегося эксплуатации рабочего класса. Преступниками были те, кто извлекал из деятельности работников секс-торговли прибыль. Новые власти закрывали ночные клубы, бары и публичные дома. Был введен жесткий запрет на торговлю сексом на улицах. Открывались центры перевоспитания, где также работали с наркоманами и попрошайками. Участие в программах перевоспитания не было добровольным, и никто не мог свободно покинуть их. Участникам оказывалась медицинская помощь, но их также подвергали пропаганде и обязывали принимать участие в дисциплинарных мероприятиях и переобучении. Они учились, вовлекались во взаимную критику и привлекались к труду. Когда принималось решение, что работа по программе достигла своих целей, людей отпускали, предлагая им работу и, в отдельных случаях, даже потенциальных супругов. Однако многих «воспитанников» высылали из городов на постоянное поселение в отдаленные районы [Henriot 1995] (см. также [Hershatter 1997]).

Более жестокие меры применялись к владельцам публичных домов и сутенерам, которые продолжали заниматься своей деятельностью. В 1950 г. власти в Шанхае широко освещали казнь

двух владельцев публичных домов, которые все еще набирали женщин на работу. В 1951 г. в рамках кампании по подавлению контрреволюции были закрыты все оставшиеся публичные дома. Некоторые владельцы притонов после открытых судебных процессов были подвергнуты казни. Торговля сексом сохранялась и после 1952 г., но в меньших масштабах. Однако власти все чаще видели в работниках отрасли преступников, которые не сменили род занятий. К середине 1950-х гг., когда частная экономика оказалась на грани исчезновения, секс-торговля практически сошла на нет [Henriot 1995].

Обуздание профсоюзов

При националистах профсоюзы развернули активную деятельность, которая была возобновлена после капитуляции Японии. Криминальные структуры контролировали лишь небольшую часть профессиональных объединений в таких секторах, как транспорт. Крупные отрасли в Шанхае и других городах давно имели собственные профсоюзы, многие из которых в течение долгого времени активно отстаивали права работников в форме забастовок и иных акций [Hershatter 1986: 210–240; Perry 1993: 109–237]. Некоторые профсоюзы имели связи с националистами, некоторые были независимыми при том, что в их ряды были давно внедрены активисты-коммунисты. Многие профсоюзы видели в подъеме КПК возможность продвинуть свои интересы за счет работодателей. На фоне гиперинфляции в последние годы правления Гоминьдана зарплаты рабочих заметно сократились. Профсоюзы стремились компенсировать убытки.

По мере того как во второй половине 1949 г. КПК брала под свой контроль крупные города, наблюдались массовые проявления радикализации профсоюзов, в том числе тех, которые были связаны с националистами. Это стало самой мощной волной профсоюзного движения в истории современного Китая [Perry 2007]. Многие профсоюзы организовывали для защиты своих забастовок ополчения. Эти подразделения были фактически подотчетны только им, а не органам общественной безопасности

или оккупационным армиям. Некоторые партийные кадры, уже давно участвовавшие в подпольных акциях рабочих, относились к возросшей активности профсоюзов с пониманием.

Исходя из идеологической близости КПК к пролетариату, можно было бы предположить, что она должна была бы отнестись к волне забастовок лояльно. Однако в действительности все было совсем не так. Партия взяла на себя управление городами и была нацелена на поддержание порядка и восстановление экономики. Рабочие забастовки подрывали стабильность и грозили замедлением темпов восстановления промышленности. Более того, в прошлом многие профсоюзы были в сговоре с националистами, что порой заставляло сомневаться в мотивах их действий.

В начале 1952 г. министр труда КНР, глава Всекитайской федерации профсоюзов, ветеран коммунистического движения Ли Лисань был снят с обоих своих постов. Его осудили за потворничество «синдикализму» среди профсоюзов вопреки политике партийного руководства, а также за продвижение «экономического догматизма» — «беспринципную» обеспокоенность материальным благополучием трудящихся — и поддержку интересов «отсталых рабочих». Как и в случае с объединениями чернорабочих, были созданы новые профсоюзы во главе с новыми руководителями, куда вошли члены старых профсоюзов. Профсоюзные ополчения при этом ликвидировались [Ibid.]. Новые официальные профсоюзы противодействовали забастовкам и иным формам активной защиты трудовых прав, в особенности во всех вопросах, касавшихся госпредприятий. С середины 1950-х гг. забастовки промышленных работников считались подрывными преступными действиями, которые заслуживали незамедлительной кары.

Интеллектуалы и университеты

Усмирению подвергли и городскую интеллигенцию Китая. Многие представители этой прослойки получили образование на Западе, лишь часть из них была приверженцами марксизма-ленинизма, большинство же были либералами, разделявшими принципы демократии и свободного дискурса [Andreas 2009: 20–22].

Коммунистам предстояло изменить их взгляды. КПК организовала кампанию «идеологической перестройки» образованных элит для коррекции вышеуказанных «ошибочных» точек зрения, которым в социалистическом Китае не было места. Цели кампании были обозначены осенью 1951 г. в передовице номера «*Жэньминь жибао*»⁶:

В новую эпоху преподаватели вузов должны решительно осуждать свои ложные и ошибочные взгляды. С одной стороны, они должны оценивать самих себя и противостоять самодовольству и самообману, с другой — смело критиковать друг друга [Chen 1960: 33].

В сентябре 1951 г. кампания вышла на новый виток: свыше 3000 членов преподавательского состава в 20 университетах и вузах Пекина и Тяньцзиня были изолированы на четыре месяца для проведения «переработки и учебы». Подобная мера объяснялась необходимостью бороться с «восхвалением так называемого “американского образа жизни”» и ориентацией педагогов на «преподавание старого материала, который [они] изучали 10, 20 или 30 лет назад в Англии и США». Преподавателям надлежало приобщиться к «революционным взглядам», «позиции служения народу, материалистической точке зрения и диалектической методике», поэтому они месяцами читали партийные документы, произведения Маркса, Ленина, Сталина и Мао, а также речи лидеров КПК. Для искоренения ошибочных мыслей участникам программы переработки предлагалось критиковать и себя, и других [Ibid.: 31–33]. Типичной в данном контексте представляется кампания при Национальном университете Чжэцзян. Преподавателей обязывали посещать лекции. Их критиковали за буржуазные взгляды, а на встречах в составе небольших групп они должны были критиковать друг друга. Также участники программы писали развернутые автобиографии, в которых они признавались в своих реакционных воззрениях. Те, кто не мог представить убедительную самокритику, должны были продолжать свои излияния до тех пор, пока результаты их трудов не признавались

⁶ Буквально «Народная ежедневная газета».

достаточными. Люди, не справившиеся с заданиями, подвергались собраниям порицания [Gao 2004: 146–151]. Иногда те, кто не мог выдержать давления и сознаться в своих ошибках, изменить свои мысли, изыскивали возможность бежать в Гонконг или, в некоторых случаях, кончали жизнь самоубийством [Dikötter 2013: 180–187].

Большинство признаний преподавателей были формальными присягами на верность новому режиму и его идеологии, перемешанными с самокритикой за урон, нанесенный ими в прошлом в качестве представителей буржуазной интеллигенции. В мае 1952 г. один преподаватель писал:

Я глубоко опечален осознанием, сколь большой ущерб был нанесен народу из-за моей неспособности верно следовать идеологии пролетариата как мерилу моей работы. В дальнейшем я удвою усилия по изучению марксизма-ленинизма и идей председателя Мао в надежде фундаментальным образом преобразовать себя. Я буду упорно придерживаться [солидарности] с рабочим классом, чтобы лучше служить народу [Chen 1960: 2].

Особое давление оказывалось на ученых, которые учились у ключевых фигур китайской интеллигенции или были связаны с ними. В частности, бывшие студенты знаменитого китайского либерального философа Ху Ши должны были отречься от его «декадентских и реакционных» взглядов. Даже сын Ху Ши произнес в адрес своего отца длинную обвинительную речь, которая завершалась следующими словами: «Я без малейших сомнений оцениваю значение [моего отца] для народа, применяя весы исторического материализма. С позиций классового анализа я со всей очевидностью вижу в [отце] верного подданного реакционного класса и врага народа». Ху Ши — лишь один из множества выдающихся представителей китайской интеллигенции, влияние которых новый режим считал необходимым принизить подобным образом [Ibid.: 45]⁷.

⁷ См. [Chen 1960: 38–50], где рассказывается об отдельных известных педагогах, которые были подвергнуты подобному порицанию.

Основная цель кампании заключалась в переориентировании интеллигенции Китая на СССР и исключении воздействия научных практик, исходивших от ведущих исследовательских институтов и гуманитарных вузов капиталистических стран. Ядро доктрины составляло умозаключение, что все науки, как естественные, так и гуманитарные, в конечном счете отражали интересы правящего класса. Имела место презумпция, что абсолютное большинство китайской интеллигенции — дети из богатых семей — симпатизировали классовым интересам землевладельцев и капиталистов. Значительная часть преподавательского состава университетов Китая прошла обучение за рубежом, училась на территории Китая у получивших иностранное образование ученых или занималась по учебным планам, разработанным в США, Англии или Германии. В некоторых случаях вузы либо воспроизводили характерные особенности зарубежных университетов, либо были напрямую учреждены и спонсировались миссионерами-христианами или монахами-католиками. Советская наука воспринималась как новая модель, отражавшая интересы пролетариата и способствующая продвижению дела революции.

Научные сотрудники и преподаватели могли рассчитывать на сохранение своих постов в новом Китае лишь при условии отречения от буржуазных образовательных стандартов и принесения клятвы верности советским нормам. Давление на ученых особенно усилилось после того, как Китай вступил в Корейскую войну. В июле 1952 г. один получивший иностранное образование научный сотрудник заявил в своем признании, что

я слепо почитал «материальную цивилизацию» европейского и американского империализма и в особенности «науку» и «культуру» американского империализма... Лишь с началом движения за противостояние США и поддержку Кореи я очнулся... и осознал декадентскую сущность американского империализма и омерзительность американской культурной агрессии... Американские империалисты — заклятый враг китайцев и всех миролюбивых народов мира [Ibid.: 2].

Еще один ученый пишет:

Теперь я понимаю, что ненависть к США и любовь к СССР — две стороны одной медали. Возненавидев США, я вполне естественным путем пришел к пониманию того, что СССР достоин любви, уважения и восхищения. Советские ученые бескорыстно помогают нам. СССР без каких-либо оговорок поддерживает нас в международных делах. Я пристыжен пониманием, что в прошлом я разделял одни и те же позиции с реакционными элементами [Ibid.].

Чем более выдающимся был ученый и чем подробнее было обличение им Запада, тем более полезными и тиражируемыми были эти заявления. Опубликованная самокритика известного физика из Университета Цинхуа Чжоу Пэйюаня, получившего образование в Чикагском университете и Калифорнийском технологическом университете, включала в себя следующие описания его нескольких поездок в США:

Все четыре года моего первого пребывания в США я лицезрел лишь небоскребы, машины и до неприличия разгульный, расточительный образ жизни эксплуатирующих классов, но не был свидетелем трагической эксплуатации трудящихся масс капиталистами-монополистами... Я ошибочно полагал, что американская «демократия» есть благо и что у американского народа существовала свобода слова... Я не осознавал, что президент США и так называемые «правительственные чиновники» были рабами капиталистов-монополистов, а перебранки, о которых сообщалось в газетах, были лишь бреднями, адресованными одной правящей кликой другой правящей клике... Моя вторая поездка в США в 1943 г. была самой бесславной страницей моей жизни. Я воспринимал себя в качестве научного сотрудника, работающего в противостоящей фашизму демократической стране, однако на самом деле уже в начале 1945 г., пока я все еще был в США, триумф СССР в Восточной Европе прочил роковой конец фашистской Германии... Я стал инструментом американского империализма, однако полагал, что для меня это большая «честь» [Ibid.: 62–63].

Профессор биологии из Уханьского университета подверг себя жесткой критике за годы учебы и исследований в лабораториях Гарвардского университета, живописуя свой позор по поводу «слепого преклонения перед США на всех этапах работы». Ученый применял американское лабораторное оборудование и следовал американским педагогическим методикам. Он преподавал теорию эволюции Дарвина, а не более продвинутые идеи советского биолога Ивана Мичурина, которые состыковывались с диалектическим материализмом, составлявшим ядро марксистской научной доктрины. Он допустил «тяжелейшую ошибку» в обмене лабораторными образцами с американскими учеными. Он признавал свою вину в принятии финансовой поддержки от Гарвардского университета и сборе образцов для Министерства сельского хозяйства США: «Я не осознавал, что ботанические ресурсы имели значительную ценность для эксплуатации империалистами колониальных и полуколониальных стран». В результате искреннего пересмотра своих взглядов и усердной учебы профессор заключил, что «лишь через применение марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна и теорий Мичурина — возможно формирование китайской ботанической науки, которая служит народу» [Ibid.: 63–64].

Это последнее признание перевоспитавшегося интеллектуала указывает на источник напряжения, которое будет нарастать в китайских вузах на протяжении начала 1950-х гг., — увлечение СССР. Мичурин был генетиком, который отстаивал идею о возможности генетического наследования приобретенных характеристик. Эта идея была вариацией на тему теории французского ученого-естествоиспытателя XVIII в. Жан-Батиста Ламарка, которая уже давно была отброшена в сторону в пользу представлений Грегора Менделя о генетике и теории Дарвина о естественном отборе [Joravsky 1970: 40–54]. На поверхностном уровне воззрения Мичурина состыковывались с представлениями Сталина о диалектическом материализме и, соответственно, выдавались за официальные достижения советской науки в противовес «бур-

жуазной» генетике⁸. После смерти Мичурина его идеи продолжил развивать советский биолог Трофим Лысенко, который, оценивая свои пресловутые достижения, напишет в 1953 г., что

учение Сталина о постепенных, скрытых, незаметных количественных изменениях, которые приводят к стремительным, радикальным качественным изменениям, позволило советским биологам открыть реализацию подобных качественных преобразований в растениях, трансформацию одного вида в другой (цит. по [Medvedev 1969: 134]).

В первые годы после окончания Второй мировой войны распространённые в советской научной среде сомнения по поводу научных оснований заявлений Лысенко усиленно подавлялись. Его критиков обвиняли в «идеализме», «пособничестве империализму и буржуазии», «пресмыкательстве перед Западом», «метафизике», «расизме» и «оторванности от действительности». Лысенко и его последователи заклеили генетику как «буржуазную науку», которая «пытается оправдать классовую борьбу и гнет со стороны белых американцев в отношении негров». «Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики».

В 1960-е гг. один советский ученый отметил, что «подобная глупая и грубая демагогия не могла, конечно же, способствовать реальным успехам; она лишь обострила противостояние со стороны ученых». Сомнительно и то, что Мичурин и Лысенко убедили в своих воззрениях лучших ученых Китая. Не пройдет и десяти лет, как Мичурин и Лысенко будут признаны в СССР учеными-шарлатанами. Весь эпизод с восхвалением их идей

⁸ Советский ученый Жорес Медведев [Medvedev 1969: 134] описывает результаты исследований Лысенко как сфальсифицированные, сокрушаясь, что «подобные безграмотные, постыдные статьи подавались как достижения прогрессивной науки» с «мифическими преобразованиями», которые в основном поддерживались за счет апелляции к авторитету Сталина.

окажется постыдным символом подчинения науки соображениям идеологии и сиюминутным точкам зрения малограмотных политиков [Joravsky 1970; Medvedev 1969]⁹.

Во многих сферах науки, в том числе биологии, физике, экономике и истории, китайские ученые принуждались к следованию схожей догматической риторике, бывшей для них сущей бессмыслицей, и к соблюдению академических стандартов, которые представлялись им до абсурда невежественными. При посещении китайских университетов советские ученые приятно удивлялись качеству работы научных лабораторий, которые часто превосходили по своим возможностям схожие структуры СССР того времени. В равной мере некоторые советские ученые едва сдерживали ужас от осознания того, каким гонениям и унижениям подвергались прошедшие обучение в лучших исследовательских институтах мира квалифицированные ученые по воле высокомерных и необразованных партийцев, чье поведение напоминало им об СССР в последние годы жизни Сталина и сводилось, по всей видимости, к предотвращению полезной научной работы¹⁰. Идеологическая перестройка начала 1950-х гг. и политическая авторитарность секретарей партии вызывали глубокое негодование, которое прорвалось наружу в 1957 г. с началом кампании «Сто цветов», когда критически настроенные сотрудники вузов и исследовательских центров открыто воспротивились догматизму и невежеству партийных кадров.

Экспроприация частного капитала

Сразу же после известных событий 1949 г. в городах начался спад частного предпринимательства. Это произошло задолго до того, как в 1953 г. руководство КПК объявило о своем намерении

⁹ Китайское руководство в дальнейшем осознало, что Мичурин ошибался в своих взглядах, а Лысенко — шарлатан. В 1956 г. китайские ученые, при поддержке Чжоу Эньлая, опровергли соответствующие теории [Lüthi 2008: 52–53].

¹⁰ См. мемуары советского ученого Михаила Ключко о пребывании в Китае [Klochko 1964: 10–33, 64–65, 82–88].

осуществить переход к социализму. Правительственные структуры начали захватывать банки и оптовых поставщиков, что усложняло предпринимателям получение кредитов и финансирования, закупки сырья, а равно и привлечение клиентов. Преобразования лишили частный сектор возможностей конкуренции и роста. С 1949 по 1952 г. доля частных компаний в изготовлении продукции, реализуемой на открытых рынках, сократилась с 88 до 44 %. Частные предприятия все больше зависели от государственных контрактов: доля продаж по этим контрактам за тот же период выросла с 12 до 56 % [So 2002: 694]. В первые годы существования КНР доля выпуска промышленной продукции в частном секторе упала с 63 до 39 %. Частный бизнес быстро уступал позиции государственным, кооперативным и государственно-частным предприятиям [Ibid.: 698]. Открытой борьбы против частного сектора не объявлялось, однако предпринимателей все более зажимали в государственных тисках и делали зависимыми от государственных структур.

В 1952 г. наступление на частный сектор началось по всем фронтам. КПК объявила о начале движения против трех зол — «коррупции, расточительства и бюрократизма» — и вообще, злоупотреблений властью кадрами в городских администрациях [Dikötter 2013: 157–163; Gao 2004: 159–163; Sheng 2006]. Кампания в первую очередь ударила по государственным служащим, которые остались на своих должностях и присягнули на верность новому режиму. Жестокие допросы и пытки, применявшиеся в отношении «отказывающихся сознаться», привели к волне казней и самоубийств, в результате чего административную иерархию КПК вскоре охватил паралич, что вынудило Мао остановить кампанию [Sheng 2006: 72–79]. По расчетам, из 4 миллионов человек, которые попали под следствие в ее рамках, и 1,2 миллиона человек, которые были привлечены к ответственности по туманным обвинениям в коррупции, членами партии были менее 200 тысяч [Dikötter 2013: 163; Sheng 2006: 76].

Затем кампания превратилась в атаку на частный бизнес. Борьба против трех зол была включена в более обширное движение борьбы против трех зол и пяти зол. Объявлялось, что кор-

рупция объясняется деловыми практиками частных предпринимателей. Новая борьба против пяти зол была нацелена на «уклонение от уплаты налогов, взяточничество, мошенничества по госконтрактам, промышленный шпионаж и хищения госактивов». На частные предприятия наведывались рабочие группы, требовавшие предоставить доступ к расчетным счетам, и проводили ночные допросы, вынуждая собственников сознаваться в коррупции и уклонении от налогов, обнаруживать источники «противоправных доходов» и раскрывать сокрытые активы. Вводились крупные штрафы, которые во многих случаях приводили к банкротству и закрытию предприятий. Многие предприниматели «добровольно» передавали свои компании правительству в качестве компенсации за будто бы накопившиеся налоговые задолженности и неоплаченные уголовные штрафы [Dikötter 2013: 163–173; Dillon 2007; Gao 2004: 160–179; Gardner 1969; Lieberthal 1980: 125–152]. К концу кампании частный сектор в городах сократился настолько, что обеспечивал не более 37 % промышленного производства — чуть ли не вдвое меньше по сравнению с 1949 г. [State Statistical Bureau 1983: 214].

Кампания стала наступлением не только на частное предпринимательство, но и в целом на всю независимую организованную деятельность с привлечением ресурсов, которые находятся вне контроля нового правительства. Показательный пример здесь частные благотворительные структуры, которые до 1949 г. были в китайских городах главным ресурсом социальной помощи. По состоянию на 1949 г. только в Шанхае действовало около 1300 неправительственных организаций, многие из которых были частными или учрежденными религиозными объединениями благотворительными фондами. Состоятельным гражданам было позволено продолжать заниматься соответствующей деятельностью и после 1949 г. В первые годы такие благотворительные организации содействовали КПК в восстановлении общественного порядка. Некоторых филантропов даже приглашали вступить в управлявшиеся новыми городскими властями муниципальные ассоциации. Какое-то время, пока новый режим еще не был способен обеспечивать незащищенным слоям населения

социальные пособия, благотворительная деятельность приветствовалась.

Положение стало меняться в 1951 г. Первым шагом в постепенном закрытии частных благотворительных организаций стала кампания подавления контрреволюции, которая обрушилась на структуры, получавшие финансирование из США, имеющие в штате американских сотрудников или поддерживающие связи с зарубежными религиозными организациями. Деятельность этих структур была объявлена подрывной, и они были принудительно закрыты. Благотворительные организации, тесно связанные с националистическим режимом, также все чаще воспринимались как подозрительные. Конец частной благотворительной деятельности был положен кампанией борьбы против трех зол и против пяти зол, которая распространялась на нее в той же мере, что и на частное предпринимательство. Фактически это была атака на социальные элиты, которые финансировали и управляли благотворительными организациями. Им предъявлялись все те же обвинения во взяточничестве, уклонении от налогов и сокрытии активов. Обвинения сопровождались крупными штрафами и требованиями закрыться или стать частью государственных структур. К 1954 г. частной благотворительности как отдельной отрасли в Шанхае уже не существовало [Dillon 2007].

Регистрация домохозяйств

Тогда же в городских районах была сформирована система регистрации домохозяйств, которая в конечном счете закрепила городских жителей на определенной территории и исключала возможность переезда в города жителей деревень. К концу 1950-х гг. человек практически не имел возможности подтвердить свою личность, гражданство или официальный статус, а равно не мог получить продовольственный паек и нормированную одежду, найти жилье и место работы, сочетаться браком или вступить в армию без действительной регистрации [Cheng, Selden 1994: 644]. Основы этой системы были сформированы с 1953 по 1956 г. на фоне завершения коллективизации сельского хозяйства

и национализации или коллективизации городских услуг, кустарных промыслов и промышленности. Власти ввели систему регистрации для предупреждения несанкционированной миграции из деревень в города, а также для создания возможности отсылать «лишнее» городское население обратно в сельскую местность или города в глубинных районах Китая, где намечалось промышленное развитие [Brown 2012: 29–47; Cheng, Selden 1994: 652–653].

В соответствии с постановлениями конца 1954 г. в городских кварталах были сформированы полицейские отделения, которые приняли на себя функции регистрации населения и обеспечения исполнения статуса пребывания. В то же самое время были учреждены уличные комитеты, которые финансировались из государственного бюджета. Такое финансирование позволило уличным комитетам располагать к 1960-м гг. 10–15 штатными сотрудниками [Cheng, Selden 1994: 655]. В июне 1955 г. была создана постоянная система регистрации домохозяйств: для переселения в новый дом нужно было получить предварительное разрешение, а в гостиницах запрашивали проездные документы и командировочные удостоверения, выданные работодателем или местными властями. В августе 1955 г. были введены первые постановления по нормированию зерна в городах, что тем более консолидировало контроль над передвижениями населения [Ibid.: 655–657]. За исключением периода временных сбоях на фоне хаоса «большого скачка» в 1958–1959 гг., эта система эффективно исключала приезд в город сельских мигрантов и предупреждала несанкционированные поездки населения вплоть до конца 1970-х гг. [Cheng, Selden 1997: 32–46].

Организация городских кварталов

В течение 1950-х гг. система регистрации домохозяйств была ядром управления городскими кварталами. Каждый город делился на районы, в которых обычно проживало по несколько сот тысяч человек. Районы, в свою очередь, объединяли несколько подрайонов, которыми управляли уличные комитеты, а подрайоны обычно подразделялись на восемь кварталов, которые состоя-

ли из нескольких сотен домохозяйств и управлялись жилищными комитетами. Наконец, жилищные комитеты делились на домовые комитеты, которые могли охватывать от 15 до 40 домохозяйств, проживающих в одном доме или на одной улице [Whyte, Parish 1984: 22–23]. Всеми этими организациями управляли назначенные КПК официальные лица. В районных и уличных структурах обычно работали госслужащие на жалование, на уровне же кварталов сотрудники по большей части были волонтерами, которые патрулировали вверенные им территории и проверяли, не задерживались ли у местных жителей какие-либо посторонние люди. Эти же волонтеры развешивали пропагандистские материалы, ведали системами общественного оповещения, по которым транслировались политические заявления и зачитывались новостные сводки, а также организовывали политические собрания для извещения публики о правительственных постановлениях. Они же проводили кампании по улучшению санитарных условий, оказывали содействие в распределении зерна и иных пайков и выступали посредниками при возникновении споров между домохозяйствами или внутри семей, в том числе по вопросам брака. Эти же волонтеры ходили по кварталам, проверяя, все ли в порядке, и устанавливая личность всех людей, которые были им незнакомы. В домах людей того времени практически не было индивидуальных телефонных аппаратов, поэтому телефонная линия комитетчиков дублировала общественные телефоны, и кто-то из них обязательно отслеживал звонки и сообщал местным жителям о поступающих в их адрес вызовах [Ibid.: 18–22].

Социалистическая трансформация промышленности, завершенная в ходе ускоренной кампании 1955–1956 гг., стала последним шагом в консолидации контроля нового режима над городской экономикой и городскими жителями. Широко освещавшаяся программа мобилизации требовала от собственников оставшихся частных предприятий «пожертвовать» своим бизнесом в пользу государства или перейти на «совместное государственно-частное» владение — фактически переходную форму на пути к полной национализации. Бывшие предприниматели получали в формировавшихся таким образом предприятиях акции

и зачастую продолжали работать на этих предприятиях в качестве управляющих. В 1957 г. на государственный сектор приходилось 80 % промышленного производства. «Совместное владение» в государственных статистических отчетах вскоре просто перестало упоминаться [State Statistical Bureau 1983: 214].

По мере перехода городской экономики под государственный контроль обозначилась новая форма организации труда: так называемая «рабочая ячейка», которая с течением времени станет играть в жизни горожан ключевую роль. В дополнение к квартальным организациям и домовым книгам, обеспечивающим наблюдение за жителями городов и их привязку к одному месту, рабочие ячейки стали еще одним инструментом администрирования городского общества. После учреждения системы регистрации домохозяйств и передачи промышленности и торговли в распоряжение государства трудовые места оказались в распоряжении госструктур, и человек жестко прикреплялся к своему месту работы [Whyte, Parish 1984: 37–42; Walder 1986: 68–74]. «Рабочие ячейки» все активнее занимались распределением жилых площадей и предоставлением товаров и услуг, которыми раньше ведали частные предприятия. Через трудовые организации финансировались пенсионная система, медицинское страхование и страхование на случай потери нетрудоспособности [Davis-Friedmann 1991: 102–116; Walder 1986: 44–45; Whyte, Parish 1984: 71–76]. Рабочие ячейки постепенно превратились также в органы политического и социального контроля, которые превосходили по своей эффективности квартальные организации. Эти органы планировали политзанятия и проводили собрания как в рабочее время, так и по завершении трудового дня. Кроме того, они реализовывали кампании по контролю за рождаемостью, утверждали заявления на вступление в брак и развод и выдавали разрешения на поездки между городами. Их партийные подразделения отвечали за проведение политических кампаний и внедрение государственных постановлений, а их отделы по вопросам безопасности вели следствие как по политическим, так и по уголовным делам и передавали эти дела в судебную систему [Henderson, Cohen 1984: 10–46; Whyte, Parish 1984].

Революционизация городов

Описанные преобразования городской жизни в совокупности с революцией в сельской местности наделили новое китайское государство беспрецедентной способностью властвовать над отдельными сообществами, рабочими местами и семьями. Перед Новым Китаем открылись возможности, на формирование которых у СССР ушло более продолжительное время и которые в тот период времени параллельно выстраивались в восточноевропейских государствах-сателлитах. Это была уникальная для истории Китая ситуация. Традиционно влияние государственных структур империй Поднебесной распространялось не ниже уровня уездов. С приходом националистов этот расклад не претерпел существенных изменений. В силу унаследованного у милитаристов фракционализма и мощной интервенции извне попытки Гоминьдана укрепить государство не увенчались успехом. После военного захвата страны коммунисты, будучи гораздо более дисциплинированной и унитарной организацией, приступили к значительно более упорядоченному и сконцентрированному наступлению на все преграды на пути к расширению централизованного государственного контроля. КПК поставила перед собой задачу сформировать мощное современное государство, основанное на абсолютно чуждой — фактически западной — модели.

В течение 1950-х гг. КПК решительно уничтожила вековые традиции опосредованного государственного управления на местах через местные элиты, практически полностью уничтожив власть высших классов, которые заправляли китайскими сообществами вплоть до конца эпохи националистов. Постепенно были обузданы распространенные при Гоминьдане сельский бандитизм, организованная преступность и правительственная коррупция. Были подавлены тайные ассоциации и неортодоксальные религиозные секты. Была эффективно ликвидирована повсеместная торговля сексуальными услугами и наркотиками. Все это давало понять, что к управлению Китаем заступили правители новой формации. Поднебесная в самом деле вступила

в невиданную прежде эпоху. Китай больше не был вынужден мириться с иностранной военной оккупацией и контролем крупных прибрежных городов со стороны колониальных держав. На противостояние превосходящим по качеству западным вооруженным силам на Корейском полуострове новое государство мобилизовало миллионы солдат, обеспечив полное прекращение боевых действий.

Однако все преобразования, происходившие в первые восемь лет строительства революционного государства, были лишь симптомами более глубокой трансформации Китая. КПК решилась на формирование мощного современного государства, основанного на новой своеобразной форме цивилизации XX в.: советского социализма. Эта модель выстраивалась на двух краеугольных камнях: экономике под управлением бюрократов при полном отрицании рыночных механизмов и дисциплинированной унитарной партийной организации, которая распространила свою власть вглубь социально-экономических процессов. Оба камня имели существенные изъяны, которые вскоре станут все более очевидными как для Мао, так и для других лидеров КНР. Всю оставшуюся жизнь Мао будет бороться с неизбежными тенденциями к бюрократизации экономики и партии. Попытки противодействовать этим тенденциям приведут к разрушительным инициативам, которые принесут двум последним десятилетиям правления Мао печальную славу. Для понимания процессов, которые разворачивались в следующие 20 лет истории Китая, важно рассмотреть бюрократические аспекты экономики и расширяющейся партийной организации, которые придали новому диктаторскому режиму Поднебесной и этим двум десятилетиям столь неповторимый характер. Рассмотрению этих явлений и посвящены главы 5 и 6.

Глава 5

Социалистическая экономика

После разрыва с СССР в 1960-е гг. Китай прославился своими отклонениями от советской модели развития. Мао Цзэдун — главный вдохновитель «большого скачка» и «культурной революции» — стал символом стремления КНР найти свой особый путь к социализму. Однако репутация, которую он снискал себе в поздние годы своего правления, затмевает его предшествующий энтузиазм по поводу полноценной реализации именно советской модели. С момента образования КНР Мао был одним из самых активных сторонников внедрения в Китае экономических практик СССР и добивался еще более быстрого и полномасштабного внедрения централизованного планирования, чем допускали его коллеги [Kirby 2006: 881–882]. Представления Мао о социалистической экономике были сформированы в результате ознакомления с «Кратким курсом истории ВКП(б)» — изданием, написанным в заведомо сталинистском духе и представляющим собой общий обзор стадий развития советской модели в СССР [Commission 1939; Li 2010]. Мао решился на ускоренный переход к полноценной советской модели уже в 1950 г., однако публично не афишировал свои намерения вплоть до конца Корейской войны в 1953 г. «Генеральная линия КПК в переходный период» Мао Цзэдуна от 1953 г. — плохо прикрытое подражание идеям, которые Сталин высказывал еще в 1929 г. [Li 2006b: 1, 170]. Как и другие члены поствоенного социалистического блока, Китай начал внедрять у себя ключевые элементы зрелой сталинской

системы: однопартийный абсолютизм под руководством дисциплинированной и иерархично выстроенной партийной организации, чрезмерное расширение полномочий органов внутренней безопасности и наличие доминирующей личности, которую провозглашают верховным лидером. Такая политическая система дополнялась экономической моделью, требовавшей передачи всего в государственную собственность, осуществления над экономикой государственного контроля и сильного крена в сторону тяжелой промышленности и производства вооружений [Kirby 2006: 882; Lüthi 2008: 39–40].

В течение 1950-х гг. Китай развивал обширные и тесные связи с Советским Союзом и добросовестно перенимал организационную модель СССР в строительстве партийной системы, государственных структур, научно-образовательной системы и системы управления госпредприятиями. СССР построил в Китае свыше 200 предприятий, которые стали ядром новой промышленной системы Китая. Китай посетили около десять тысяч советских и восточноевропейских специалистов, работавших на 300 с лишним крупных промышленных проектах. Почти 40 тысяч граждан Китая прошли подготовку в СССР и Восточной Европе [Dittmer 1992: 17–25]. Китайцы внедряли советскую систему настолько полномасштабно, что в отдельных случаях добивались даже более четкого следования духу идеалов СССР, чем в самом Советском Союзе [Kaple 1994].

С учетом предстоящего приблизительно через 40 лет общемирового коллапса советской модели может показаться, что энтузиазм Мао основывался по большей части на политическом догматизме. Однако в тот период были все основания испытывать в отношении избранного пути уверенность. Российская империя не смогла одержать победу в Первой мировой войне, однако по прошествии 30 лет СССР — экономически самый слабый из основных участников Второй мировой войны — принял на себя всю мощь сокрушительного удара превосходящих сил немецких войск и позднее обратил противника в бегство, воюя на территории Европы фактически в одиночку. Широко распространено мнение, что это стало возможно благодаря индустриализации

страны в 1930-е гг. Советская система производила более чем в два раза больше боеприпасов, чем экономика Германии, и продемонстрировала большую способность к извлечению у населения человеческих и материальных ресурсов. СССР имел в своем распоряжении вооруженные силы, непропорционально мощные с учетом размеров национальной экономики и первоначального уровня экономического развития страны [Gatrell, Harrison 1993]. Это стало примером для активной воинской мобилизации населения в Маньчжурии, которая в конечном счете обеспечила Мао победу над националистами.

Даже еще до того, как СССР в полной мере продемонстрировал успехи своего народного хозяйства в условиях войны, в 1930-е гг., пока капиталистический Запад переживал период Великой депрессии, в Советском Союзе происходил быстрый экономический рост. С начала первой пятилетки в 1928 г. и вплоть до начала войны с Германией уровень ВВП на душу населения в СССР ежегодно увеличивался в среднем на 3,8 %. На этом фоне печально смотрится впасть в тот же период в депрессию и стагнацию экономика США¹. С 1928 по 1949 г. экономика СССР удерживала ежегодный прирост в среднем на уровне 3,2 % — в два раза больше, чем в США². Это было поразительное достижение, в особенности с учетом того, что значительная часть территории СССР к западу от Уральских гор была опустошена в ходе боевых действий 1941–1944 гг. Советский Союз продолжал демонстрировать стремительный экономический рост и в 1950-х и 1960-х гг. С 1950 по 1965 г. он составлял 3,4 %, в то время как экономический рост США — 2,3 %³. Жизнеспособность и, с точки зрения отдельных людей, превосходство советской экономической системы были более чем убедительно продемонстрированы запуском в 1957 г. первого в мире искусственного спутника Земли. Именно эта

¹ Рассчитано исходя из доступной для скачивания базы данных, которая дополняет информацию [Maddison 2006].

² Основано на [Ibid.: 478] с учетом расчетов по доступной для скачивания базе данных.

³ Рассчитано исходя из [Ibid.: 279].

экономическая модель превратила Советский Союз в крупную мировую державу. Вполне очевидно, что это привлекало к опыту СССР лидеров китайской революции. Сталинская модель отличалась двумя преимуществами: в ней существовал четкий план работы, который дополнялся средствами для выработки единства мысли и действия, необходимыми для его реализации. Один современник описанных событий отмечал, что

в особенности после революций страны ухватываются за уже существующие идеи, которые помогут им пройти период повышенной неопределенности и позволят им как легитимизировать, так и координировать их действия. Такие решения зачастую приводят к формированию раблепных имитаций моделей других государств, которые могут восприниматься как достойные внимания исключительно на основании их эффективности [Halpern 1993: 110].

Государственный социализм — генератор роста

Что обеспечило успех социалистической модели развития? Наиболее важный фактор ускоренного и устойчивого роста — рыночный спрос и финансовые рынки не выступали в ней ведущей экономической силой. За сравнительно короткую историю капиталистической системы флуктуации в совокупном спросе и нестабильность финансовых рынков провоцировали периодические экономические кризисы и депрессии. К тому времени представлялось, что такие критические моменты становились все более острыми и все более растянутыми во времени. Некоей кульминацией стала Великая депрессия 1930-х гг. Рыночный спрос не был ведущим фактором экономической активности в советской системе, где, кроме того, фактически не было финансовых рынков. В плановой экономике государственные структуры обеспечивают реальный спрос за счет предоставления предприятиям обязательных к исполнению производственных планов, показатели которых увеличиваются из года в год. Финансирование обеспечивается государством, распределяющим средства и операционный капитал через государственную бан-

ковскую систему, исходя из им же установленных производственных планов. Таким образом, в советской модели просто отсутствовала та нестабильность, которая характеризует капитализм.

Советская система была разработана с целью ускоренного формирования капитала. Темпы роста экономики устанавливали не потребительские прихоти и решения по сбережениям отдельных домохозяйств и не инвестиционная и производственная политика частных предприятий. Именно государство самостоятельно регулировало уровни как потребления, так и инвестиций. В планировании по советской модели приоритеты определялись исходя из двух основных типов вложений: продуктивные и непродуктивные. Продуктивные инвестиции позволяют увеличить выпуск средств производства, которые нужны фабрикам для производства иных товаров. Под эту категорию подпадают все отрасли экономики, которые ассоциируются в современном понимании с промышленной мощностью: горное дело, металлургия, химическая промышленность, нефтяная промышленность, машиностроение, автотранспорт, авиация, производство вооружений и инфраструктурные объекты, обслуживающие эти отрасли. Непродуктивные инвестиции — фактически все, имеющее отношение к потребителям и не используемое в дальнейшем в производстве. Это в первую очередь любые потребительские товары: одежда, предметы интерьера, велосипеды, персональные телефоны и личные ТС. Это и предназначенные под личное потребление отрасли розничной торговли и услуг. Сюда же попадает и жилье: сразу же после заселения в них людей квартиры теряют в цене и сами по себе непосредственно не участвуют в материальном производстве⁴.

Советская модель добилась стремительного роста через значительные инвестиционные вливания в те сектора экономики, которые считались продуктивными, при игнорировании всего непродуктивного. Именно поэтому зрелые социалистические экономики известны своей массивной тяжелой промышлен-

⁴ Особенности этой модели развития представлены в [Kornai 1992: 160–202], а ее истоки и эволюция в СССР исследуются в [Zaleski 1980].

ностью при недоразвитой сфере производства потребительских товаров и перенаселенном некачественном жилищном секторе. Считалось допустимым принести в жертву интересы потребителей в обмен на формирование основы тяжелой промышленности, на которой можно было бы воздвигнуть современную экономику и сильную национальную оборону.

С точки зрения социалистических экономик непродуктивные вложения — расточительство и значительный недостаток капиталистической модели развития. Затратные потребительские секторы современных капиталистических экономик воспринимались как социально и экономически иррациональные. Капиталистические экономики тратят огромные ресурсы исключительно на стимулирование потребительского спроса. Примеров этому множество. Модели телевизоров, аудиосистем и личных ТС каждый год переделываются с тем, чтобы привлечь покупателей. Значительные средства выделяются на маркетинг и рекламу, направленные на убеждение потребителей в необходимости совершить покупку. Множество практически идентичных товаров конкурируют за любовь потребителя при помощи дорогой упаковки, которая призвана обратить на себя внимание покупателя в магазине. Целые сектора экономики — маркетинг, розничные продажи, реклама — занимаются исключительно бесполезным занятием убеждения людей в необходимости купить товары сомнительной ценности. Когда же новый потребительский товар все-таки куплен, то выбрасывается его все еще применимый, но уже немодный аналог⁵. Для классического экономиста советской формации капитализм представляется империей бесполезных трат. Ресурсы, которые могли бы пойти на общественно полезные задачи, тратятся на непродуктивную деятельность, направленную исключительно на обеспечение циркуляции товаров и стимулирование ненужных семейных расходов. Все эти аргументы привлекали государственных лидеров, которые хотели найти экономическую модель, способствующую ускоренной индустриализации.

⁵ См. [Baran, Sweezy 1966], где представлен более подробный пример подобной критики.

Для обеспечения максимально возможного уровня инвестиций в продуктивные отрасли государство обеспечивало себе собственность над всеми полезными активами и финансовым сектором. Крупных частных предприятий и финансовых структур просто не могло существовать. Все решения по производству и инвестициям принимали государственные плановые органы. Финансовый сектор, переставая быть опасным источником экономической нестабильности, теперь лишь распределял ресурсы в соответствии с государственным производственным планом. Подобный расклад также возлагал на плановые структуры ответственность за определение цен на абсолютное большинство товаров. Государственная политика ценообразования позволяла направлять ресурсы в желательные сектора экономики [Kornai 1992: 131–159].

Самый яркий пример контроля над ценами мы видим в сельском хозяйстве, которое было призвано поставлять быстрорастущему городскому населению дешевые продовольственные товары. Коллективные фермерские хозяйства были основой этой системы, поскольку они управлялись представителями госструктур, которые обеспечивали контроль над производством и распределением урожаев. Коллективные фермерские хозяйства обязаны были сдавать свои квоты по зерну и иным товарам по низким ценам. Фактически извлекаемые из сельской местности излишки направлялись на поддержку развития промышленности в городах. Дешевая еда — существенный фактор генерации роста: низкие цены на основные продовольственные товары обеспечивали более низкий уровень жизни в городах и, соответственно, позволяли государству платить городским рабочим меньше. В сочетании с ограниченными вложениями в потребительские товары и жилье для городских работников государственные секторы экономики могли располагать большими поступлениями, которые направлялись на дальнейшее расширение (продуктивных) отраслей. Простую, по сути, советскую экономическую модель можно свести к следующему постулату: государство ограничивает улучшения условий жизни населения в пользу сбережения средств и под-

держания инвестиций в промышленность. Потребителям оставалось дожидаться процветания на каком-то более позднем этапе экономического развития.

Система организации промышленности

Советская модель развития сформировала поразительно простую управленческую парадигму⁶. Каждый год фабрики получали два плана: производственный план и план снабжения. Производственный план представлял собой таблицу, где по строкам прописывались ежегодные квоты, устанавливаемые плановыми структурами для различных наименований товара, а в столбиках указывались конечные потребители, те, кому эти товары должны были быть проданы. План снабжения был обратной стороной производственного плана: в строках указывались квоты на различные материалы, которых, по оценке плановых органов, было достаточно для выполнения производственных квот; в столбиках — фабрики, на которых предприятиям разрешалось закупать определенные по плану объемы сырья. Вся система организации промышленности представляла собой сеть взаимосвязанных производственных планов и планов снабжения, которые формировали сложные цепочки взаимоотношений между предприятиями и государственными закупочными структурами.

Переговоры между предприятиями были во многом привязаны к производственным планам и планам снабжения. В начале года в любую отдельно взятую компанию наведывались для обсуждения спецификаций товара и сроков поставок покупателя, перечисленные в производственном плане. В свою очередь, компания направляла на указанные в плане снабжения фабрики

⁶ Представленные выводы основаны на расшифровках моих интервью 1979–1980 гг. с вышедшими на пенсию фабричными управленцами в Гонконге. Интервьюируемые недавно иммигрировали из Китая. Опросы производились в рамках исследования феномена руководства китайской промышленностью [Walder 1986: 270–272, интервьюируемые № 5, 23, 55 и 65]. [Kornai 1992: 110–130] приводит структурный обзор процессов планирования и их реализации на практике.

закупщиков для решения тех же самых вопросов. Если план выполнялся, то транзакции между производителем и поставщиком выполнялись по зафиксированным госструктурами ценам, а средства переводились на счета в госбанках. По финансовому плану каждая отдельная фабрика получала определенный операционный капитал, необходимый для выполнения плана. Выполнение плана обеспечивало получение фабрикой заранее определенного дохода, большая часть которого, впрочем, все равно передавалась государственным органам на финансирование дальнейшего развития промышленности. Небольшая часть доходов фабрики могла удерживаться для выдачи поощрительных выплат управленцам и рядовым сотрудникам.

На первый взгляд может показаться, что в организованной таким образом экономике практически не было пространства для предпринимательства. Это обманчивое впечатление. В планах производства и снабжения всегда были пробелы. Плановые органы стремились способствовать эффективному использованию ресурсов, однако у них не было возможности прибегнуть для этого к ценовым механизмам, которые были лишь средством учета стоимости, сопровождавшим запланированные транзакции. Вместо этого акцент делался на выработке максимально выверенных планов. Не все материалы, необходимые для выполнения производственных квот, учитывались в планах закупок. Плановые структуры исходили из предположения, что управленцы имели запасы сырья на складах, а даже если и нет — что они найдут возможности сэкономить на исходных материалах, например, за счет минимизации отходов при производстве или бережного расходования топлива и энергии.

Еще одна проблемная сторона снабжения была заложена в саму структуру плановой экономики: сырье, поставляемое «в рамках планов», зачастую не отвечало спецификациям, на которых настаивало закупающее предприятие. В планах снабжения не прописывались конкретные параметры товаров, которые необходимо было поставить. О качествах товаров — например, толщине и прочности стали или конкретных размерах и конструкции запчастей — фирмам-закупщикам приходилось дого-

вариваться с компанией-поставщиком. В отдельных случаях поставщик мог заявить о невозможности произвести товар, соответствующий прилагаемым спецификациям. Еще более распространенная ситуация сводилась к тому, что поставщик, соглашаясь на обозначенные в спецификации условия, в конечном счете производил товары, которые не отвечали этим условиям. Выхода у оказавшейся в такой ситуации компании особо не было: договорное право, как таковое, существовало лишь номинально, а у поставщика не было глубокой заинтересованности в четком выполнении запросов клиентов, поскольку остаться без этих клиентов в плановой системе было просто невозможно. Исключения составляли ситуации, когда руководитель закупщика имел высокий статус и пользовался значительным влиянием, что позволяло ему уладить вопрос через партийные структуры. Если же не имел — управленцам приходилось по возможности дорабатывать полученные материалы до нужной кондиции или складировать их в надежде когда-нибудь обменять полученный товар на товар нужных параметров.

На практике управленцы реагировали на ограниченность в ресурсах путем обращения к процветающей бартерной торговле — ареале предпринимательства в экосистеме плановой экономики. Социалистические фабрики держали лишь минимальный штат специалистов по сбыту, которым, в сущности, нужно было только сидеть в своих кабинетах и принимать заезжающих к ним конечных потребителей, которые уже были зафиксированы в производственных планах. Отделы снабжения обычно представляли собой гораздо более масштабные департаменты, бывшие в выполнении указанных производственных планов ключевым звеном. Компании рассылали по всей стране специалистов по закупкам в поисках сырья, которое другое предприятие было бы готово обменять на товар, необходимый закупщику. Зачастую специалисты навещали компании, позитивный опыт решения проблем со снабжением с которыми в прошлом уже имелся. Иногда организовывались «совещания по снабжению» — по сути, конференции, которые проводились региональными плановыми органами для содействия предприятиям в решении проблем поставок.

Лучшие планы бюрократов нивелировались здесь общечеловеческой находчивостью. Управленцы предприятий, осознавая, что их возможности по выполнению производственных планов сдерживает лишь нехватка сырья, приберегали на складах большие запасы исходных материалов «на черный день». Это позволяло в течение многих лет перевыполнять контрольные показатели и, не сообщая о фактических объемах производства, складировать излишки. Дополнительно произведенные товары в дальнейшем можно было обменять у других предприятий на сырье для будущего производства. Таким образом у руководителей предприятий вырабатывался менталитет хранения «про запас», который в действительности приводил к складированию большего объема материалов, чем было объективно нужно для производства. Закупщики часто сталкивались с ситуацией, когда организовать прямой обмен необходимыми обеим сторонам сделки материалами оказывалось невозможно. В таких случаях одна из сторон могла согласиться на принятие товаров, которые ей были в принципе не нужны, но которые оказались в дефиците и могли быть обменены на нужные материалы у другой компании. В результате фабрики складировали большие объемы готовой продукции, которые не продавались потребителям и не имели фактической ценности для производителя, на тот случай, если возникнет возможность обменять эту продукцию на нечто действительно нужное для предприятия. В итоге плановые структуры вовлекали управленцев госкомпаний в весьма сложную игру. Власти пытались оценить объемы неиспользуемых ресурсов и, принимая заведомо жесткие планы, заставить руководство предприятий использовать эти ресурсы. Руководство компаний в свою очередь реагировало на это укрытием сырья и иных товаров для обеспечения возможности участия в бартерной торговле, которая лишь обостряла дефицит снабжения и приводила к формированию огромных запасов продукции на складах⁷.

⁷ [Kornai 1992: 228–261] предлагает макроэкономический анализ последствий накопления ресурсов сверх потребности. Указанная работа — сокращенная версия хрестоматийного труда [Kornai 1980].

Для тех людей, которые хорошо разбираются в особенностях механизма рыночной экономики, столь сложная система бартерной торговли может показаться контрпродуктивной и ненужной. На первый взгляд, было бы проще дать рынку устанавливать цены на сверхплановые ресурсы исходя из их дефицитности. Тогда бы фабрики могли просто покупать и продавать недостающие материалы, используя их более эффективно. Стимулируемые желанием трансформировать запасы продукции в денежные средства, предприятия могли бы покончить с затовариванием, сократить дефицит снабжения и способствовать более эффективному расходованию ресурсов экономики в целом.

Кажущаяся очевидность этого решения исключалась несколькими суровыми жизненными реалиями. Во-первых, управленцам предприятий не разрешалось осуществлять денежные операции с компаниями, не указанными в их планах производства или поставок. Корпоративными средствами ведали госбанки, которые разрешали перевод денег между компаниями только на специально разрешенные цели. Во-вторых, работа управленцев предприятий оценивалась исключительно исходя из выполнения этими предприятиями производственных планов. Поскольку управленцы передавали государству практически все доходы своих компаний, у них не было каких-либо экономических стимулов для продажи запасов продукции. Выгодоприобретателем от подобных операций в любом случае оказалось бы государство, а конкретному управленцу все равно пришлось бы столкнуться с нехваткой сырья по непредсказуемым ценам на нестабильных рынках. Наконец, не стоит забывать политические факторы. Существование отдельного свободного рынка дефицитных материалов потенциально означало бы подрыв всей плановой экономики, поскольку руководители предприятий просто перенаправляли бы «плановые» ресурсы в более доходные сектора экономики за пределами плана. Вплоть до последних дней существования СССР советские плановые структуры не были готовы пойти на такую уступку капитализму. В Китае в течение правления «великого кормчего» эта идея предавалась анафеме как самим Мао, так и значительной частью партийного руководства.

Экономика в условиях дефицита

Для обозначения недостатков, которые в конечном счете привели к краху описываемой экономической модели, больше, чем кто-либо, сделал венгерский экономист Янош Корнаи. Он весьма точно характеризует советскую экономическую систему как «скованную в ресурсах» по сравнению с рыночной экономикой, которая «ограничена спросом» [Kornai 1979]. В «скованной спросом» экономике производство на уровне отдельных компаний продолжается, пока не заканчиваются покупатели на товар. В отсутствие потребителей оно привело бы к повышению издержек и снижению доходов, что поставило бы под вопрос существование компании в будущем. В социалистической экономике все эти факторы утрачивают свое значение. Государственные планы гарантируют спрос. Для компаний устанавливаются не только производственные квоты, но и списки покупателей, которые должны будут приобрести конкретные объемы товаров, произведенных в течение года. «Ограниченность в ресурсах» социалистической экономики сводится к тому, что производство осуществляется вплоть до выполнения плана или, что не менее существенно, до истечения у компании запасов исходных материалов.

Последний фактор приводит к феномену складирования, который мы описали. Схожие характеристики мы находим в управлении промышленными предприятиями во всех странах, где реализовывалась рассматриваемая модель⁸. Негативное последствие описываемой ситуации — крайне неэффективное использование капитала. Экономическая система, организованная под направление максимальных инвестиций в тяжелую промышленность для стимулирования ускоренного роста, непреднамеренно возводит в принцип расточительное использование ресурсов в приоритетных отраслях. Рыночный капитализм в самом деле может весьма эффективно производить огромные объемы «со-

⁸ В частности, см. [Berliner 1957]. Работа основана на интервью с эмигрировавшими в Европу после войны советскими администраторами.

циально бесполезной» продукции. Однако государственный социализм штампует столь же огромные объемы товаров тяжелой промышленности — обычно низкого качества по причине невысокой эффективности производства.

Работавшие в условиях дефицита предприятия получали субсидии, поскольку в описанной системе даже подумать о закрытии госкомпаний было нельзя. Это связано с несколькими причинами. Любая компания обеспечивает людей в регионе своего нахождения рабочими местами. Компания также включает в свои издержки пенсионные и медицинские расходы как на действующих, так и на вышедших на пенсию работников. Советские компании — обычно масштабные и многие годы существующие предприятия — в силу своих пенсионных обязательств изначально не могли работать со значительным доходом. Компании фактически обеспечивают финансирование системы социального обеспечения государства. Кроме того, социалистические предприятия организовывали строительство и эксплуатацию ведомственного жилья и предоставление коммунальных услуг своим сотрудникам, которым некуда было податься ни за тем, ни за другим. Наконец, в силу взаимосвязанности производства и снабжения продукция отдельной компании выступала сырьем в планах снабжения других предприятий.

В силу всех указанных причин закрытие социалистического предприятия могло бы сопровождаться расходами, которые в значительной мере превосходили бы в глазах правительства издержки на субсидирование дальнейшей работы. Закрытие компании сопровождалось бы безработицей, подорвало бы обслуживание жилищного фонда и предоставление коммунальных услуг, возложило бы исполнение пенсионных обязательств на правительство и вынудило бы плановые структуры искать альтернативные источники поставок товаров, которые производило вышедшее из игры предприятие. Естественно, чем более масштабной была конкретная компания, тем большее значение она играла в качестве работодателя и поставщика, и тем больше средств требовалось на прекращение ее работы по причине бюджетного дефицита. В качестве собственника предприятий зависело от них

в той же мере, что и предприятия зависели от правительства [Walder 1992].

Результатом крена инвестиций в пользу тяжелой промышленности и мягких бюджетных ограничений в работе предприятий стало значительное отставание промышленного сектора стран советского блока по ресурсам в сравнении с международными компаниями. В экономиках государственного социализма промышленность получала больший объем общих инвестиций, чем в капиталистических экономиках. Эта ситуация сохранялась даже по достижении зрелости социалистической системы после 1965 г. В среднем 40 % общих инвестиций в ее экономике уходило на промышленность (в капиталистических экономиках — 25 %)⁹. Эти цифры в сочетании с ранее отмеченными факторами позволяют со всей очевидностью говорить, что экономический рост в социалистических экономиках обеспечивался за счет перекачки ресурсов в промышленность, а не за счет выработки более эффективных способов использования ресурсов. При этом, исходя из результатов одного исследования, повышенная производительность фабрик в зрелых социалистических экономиках в период с 1960 по 1988 г. давала в среднем лишь 27 % экономического роста (в капиталистических экономиках — 65 %)¹⁰. Именно эту систему Мао так спешил претворить в жизнь в 1950-х гг. Потом он деся-

⁹ Рассчитано исходя из данных в [Kornai 1992: 175]. Эти показатели охватывают восемь социалистических и семь капиталистических стран в два разных периода: 1965–1973 гг. и 1973–1983 гг. В случае социалистических стран показатели варьируются от 34 % в Венгрии до 54 % в Китае, в случае капиталистических стран — от 16 % в Дании до 32 % в Великобритании. Согласно [Gregory 2004: 122–123], «сравнительный анализ демонстрирует, что командные экономики показывали заметно отличные от рыночных экономик результаты. СССР и страны Восточной Европы неизменно имели больше оборонной продукции и продукции тяжелой промышленности, меньше услуг и внешней торговли, повышенные капиталовложения и меньшую урбанизацию, чем рыночные экономики со сравнимым уровнем экономического развития».

¹⁰ Рассчитано исходя из данных в [Kornai 1992: 187]. В исследовании Чехословакия, Польша и СССР сопоставляются с Францией, Японией и Великобританией.

тилетиями будет мучиться над тем, как разрешить эти существенные недостатки модели при соблюдении ключевых догматов социализма, которые китайский лидер извлек из советских доктрин 1930-х гг. Это оказалось невыполнимой задачей.

Социальная защита на предприятиях

Социалистические экономики были созданы в целях обеспечения полной занятости населения. Сокращений штатов, которые характерны для бизнес-циклов рыночного капитализма, просто не существовало, да у управленцев и не было оснований пытаться уменьшать издержки за счет увольнений. Зарплаты работников прописывались в ежегодном плане и становились фиксированной статьей производственного бюджета. Плановая экономика в принципе не оценивала компании с позиций прибыльности. Однако роль социалистических предприятий в обеспечении социальной защиты не сводилась лишь к предоставлению ими рабочих мест. Во всех странах советского блока и в значительной мере в Китае место работы становилось основным пунктом распределения различных государственных средств социальной помощи, а также предоставления жилья и оказания целого ряда услуг. К концу 1950-х гг. в Китае была создана система «организационных ячеек», которая продолжала развиваться в течение всей эпохи Мао. Рабочие ячейки на крупных и хорошо обеспеченных предприятиях становились центром притяжения социально-политической жизни китайских горожан [Henderson, Cohen 1984; Walder 1986].

Одной из главных черт организационных ячеек Китая была перманентность трудоустройства: сотрудников нельзя было уволить кроме как за уголовные и политические преступления, требовавшие тюремного заключения. В равной мере эти сотрудники не могли просто уйти от одного работодателя и перейти в другую компанию. По завершении обучения жители городов получали работу от агентств по трудоустройству (или от отделов кадров, которые занимались выпускниками вузов). Если человек не был управленцем или партийным работником, путь карьеры

которых пролегал от государственных структур к высоким бюрократическим постам, то предполагалось, что до выхода на пенсию он будет работать на одну и ту же рабочую ячейку. Все решения о карьере человека принимались в административном порядке¹¹.

Помимо обеспечения пожизненной занятости, рабочие ячейки также обеспечивали и фактически финансировали здравоохранение, медицинское страхование, страхование от несчастных случаев и пенсии [Ibid.: 40–43; Whyte, Parish 1984: 71–76]. Минимальное базовое обеспечение, которое составляло часть бюджета предприятия или госструктуры, его сотрудники получали на месте работы. По месту работы наличными выплачивались пенсии. В конце каждого месяца у касс выстраивались очереди пенсионеров. Если рабочая ячейка была достаточно масштабной и располагала надлежащими ресурсами, то она также организовывала предоставление медицинских услуг и стационарное лечение в клиниках. Крупнейшие госпредприятия часто обеспечивали своим сотрудникам доступ к больницам, яслям и детским садам, а иногда и к начальным школам по месту работы.

Рабочие ячейки также были важным ресурсом предоставления жилья. К концу эпохи Мао примерно треть городских жителей в Китае проживала в многоквартирных домах, построенных и обеспечивавшихся рабочими ячейками. Квартиры в этих домах также распределяли они. Зачастую жилье располагалось прямо на территории работодателя¹². Частного рынка недвижимости не существовало. Единственная альтернатива для получения жилья сводилась к обращению к городским властям. В результате мно-

¹¹ Другие социалистические экономики допускали большую текучесть кадров. Драконовские ограничения Китая на смену места работы были связаны с необходимостью сдерживать миграцию из сельской местности в города и с чрезмерным количеством в городах рабочей силы [Walder 1986: 68–75].

¹² Эта цифра относится к городу Тяньцзинь и взята из данных исследования, которые цитируются в [Walder 1992]. В ходе того же исследования было установлено, что 44 % населения проживало в муниципальном жилье, полученном от местных властей, 18 % — в частном жилье, которое по большей части находилось в собственности у семьи до 1949 г.

гие крупные и влиятельные рабочие ячейки — госпредприятия, правительственные структуры и такие организации, как ведущие университеты, — интегрировались в местные сообщества. Сотрудники предприятий жили бок о бок у места своей работы практически всю жизнь. Члены семей совместно проживали в многоквартирных комплексах и оставались там после выхода на пенсию.

Частный сектор услуг исчез в 1950-х гг., и рабочие ячейки приняли на себя обеспечение ими, что раньше делал рынок. Рабочие ячейки организовывали для сотрудников и членов их семей столовые и товарные лавки, строили душевые и бани (в квартирах таких удобств обычно не было), открывали розничные промтоварные и продуктовые магазины, обеспечивали парикмахерские, отстраивали актовые залы, которые могли использоваться как для театрализованных постановок и концертов, так и для кинопоказов, обустроивали тренажерные залы и поля для спортивных команд, а если ресурсов на последнее не было — формировали такие команды для участия в муниципальных соревнованиях. Некоторые работодатели даже предоставляли сотрудникам, жившим вдали от места работы, транспортные услуги, а также организовывали им и членам их семей периодические туристические поездки и оплачивали их [Walder 1986: 59–67].

Люди, работавшие на крупные госпредприятия, могли также периодически получать преимущества от процветающего между компаниями бартера. Агенты по закупкам иногда приобретали огромные партии редких потребительских товаров: радио, наручные часы, велосипеды от известных брендов, а позже — черно-белые телевизоры. Эти товары раздавались сотрудникам, которые были на хорошем счету, и членам их семей. Некоторые рабочие ячейки налаживали постоянные связи с коллективными фермерскими хозяйствами и меняли свою продукцию на дефицитные продовольственные товары. Для повышения морального духа коллектива в преддверии знаменательных праздников многие работодатели пытались обеспечить свои коллективы такими редкими продуктовыми позициями, как копченая ветчина, куры и дыни.

Преращение городских организационных ячеек в полноценные обособленные сообщества отражено в исследовании жизни Тяньцзиня — третьего крупнейшего города Китая — в середине 1980-х гг. Свыше 85 % опрошенных получали через свои рабочие ячейки продуктовые товары, медицинское обслуживание и доступ к душевым; две трети — доступ к детским садам и библиотекам; половина — доступ к актовым залам, которые могли превращаться в кинотеатры, и организованные туристические поездки; более трети — доступ к организованным спортивным командам; четверть — доступ к парикмахерским и прикрепленной к рабочим местам спортивной инфраструктуре; одна пятая — доступ к пригородным автобусам [Walder 1992: 532]. Поскольку рабочие ячейки обладали разными по масштабам возможностями и располагали различными объемами ресурсов, это приводило к неоднородности в уровне жизни населения. Крупные госпредприятия и высокопоставленные правительственные структуры доминировали над другими рабочими ячейками. В рыночной экономике образ и качество жизни отдельного социального класса диктуется разницей в доходах по отношению к иным общественным группам. В Китае зарплаты были низкими, а разница в доходах — умеренной, поэтому ключевой составляющей неравенства оказалась способность (или неспособность) рабочей ячейки обеспечивать своих работников товарами и услугами, которые по большей части предоставлялись либо бесплатно, либо за номинальную плату. Исследования первых годов после кончины Мао указывают на значительные различия в услугах и льготах, которые получали сотрудники предприятий различных масштабов и уровня [Ibid.].

Рабочие ячейки также становились частью личности человека. Стандартным документом установления личности было удостоверение организационной ячейки, которое выдавали в отделе кадров по месту работы. На каждого сотрудника также заводилось личное дело, в котором фиксировались семейная история, классовый статус, образование и политические склонности человека. Такие личные дела — отчасти трудовая книжка, отчасти полицейское досье — хранились по месту работы, которое нельзя было сменить без передачи личного дела новому работо-

дателью¹³. Для поездки в другой город требовалось получить от рабочей ячейки разрешение. В случае производственных командировок рабочая ячейка обеспечивала сотрудникам проезд на поезде, автобусе и, в редких случаях, на самолете. Для личных поездок сотруднику нужно было получить официальный документ, свидетельствующий о наличии соответствующего разрешения от рабочей ячейки. Кроме того, требовались согласования организационных ячеек на регистрацию брака и развода [Whyte, Parish 1984: 25–26].

Потребительский аскетизм

Снижение роли денег и рынков требовало поиска иных средств для решения неминуемой проблемы дефицита потребительских товаров. Центральным элементом советской модели экономического роста стал потребительский аскетизм: инвестиции в потребительские товары, как и в принципе «непродуктивные» инвестиции, были исключены в пользу значительных «продуктивных» вливаний в тяжелую промышленность. Существуют три вида реакции на распространение дефицита потребительских товаров. Во-первых, нормирование с помощью цены. Цены на дефицитные товары достигают уровня, когда эти товары становятся доступны лишь небольшой части населения. Эта методика в целом отвергалась практически во всех социалистических экономиках, поскольку там, где производство не связано с рыночным спросом, испытывается постоянный недостаток товаров. Таким образом, дефицит всегда оказывается доступен лишь небольшой части населения, которая имеет возможность заплатить за него. Во-вторых, нормирование посредством очередей: цены фиксируются, а потребители бдительно отслеживают, какие товары есть в наличии. Чтобы купить определенный продукт, они выстаивают в очередях в надежде, что на них товара хватит. Эта методика предполагает значительные вложения со стороны потребителей как по времени, так и по усилиям в поиске точек

¹³ Система личных дел описывается в [Lee 1991: 329–342; Walder 1986: 91–93].

розничной торговли, которые продают нужные им товары. В-третьих, административное нормирование: цены фиксируются, а физическим лицам или семьям раздаются талоны на покупку нормируемой продукции. В случае таких крупных товаров, как квартиры и личные автомобили, физические лица или семьи записываются в списки и ждут, когда настанет их очередь. По сравнению со второй методикой административный подход позволяет сократить затраты времени и сил. При этом он теоретически обеспечивает более широкий и равный доступ к дефицитным товарам по низким ценам, не исключая, впрочем, возможности пользоваться должностными привилегиями.

Административное нормирование товаров активно использовалось в СССР во времена Второй мировой войны, а также в странах советского блока в первое время после нее. Талоны выборочно применялись во время Второй мировой войны и в таких рыночных экономиках, как США и Великобритания, когда правительства начали мобилизовывать ресурсы на полномасштабную борьбу со странами гитлеровской коалиции. В Великобритании нормирование использовалось более широко, чем в США, и продолжалось несколько лет после окончания войны. По мере послевоенного восстановления советских экономик и улучшения ситуации с поставками продовольствия и базовых потребительских товаров постепенно произошел отказ от административного нормирования в пользу нормирования по очереди. Исключения составляли жилье и личные автомобили. Обычной частью жизни общества в странах советского блока стали обостренная бдительность при поиске любых товаров и стояние в долгих очередях в розничных магазинах [Zaleski 1980: 465–481].

Китай с его гораздо более многочисленным и бедным населением был вынужден распоряжаться запасами продовольствия крайне осторожно. Изначально более низкий уровень экономического развития предполагал еще больший дефицит и еще меньший ассортимент потребительских товаров, чем в сравнительно более процветающих экономиках советского блока (в Китае не было никаких мотоциклов, телевизоров и личных

автомобилей). Огромные толпы недовольных покупателей, собиравшихся в 1953–1954 гг. в крупных городах в длинные очереди за основными продовольственными товарами, представляли собой явную угрозу общественному порядку. В 1955 г. Китай быстро ввел полноценную систему административного нормирования на широкий ассортимент товаров, от бакалеи до более крупных, а также жилья [Huenemann 1966; Whyte, Parish 1984: 85–100]. Эта модель сохранялась на протяжении всей эпохи Мао.

Самый нижний уровень системы нормирования составляли товары для удовлетворения базовых потребностей: продовольствие и одежда. Основные сельскохозяйственные культуры (рис или пшеничная мука), пищевые жиры для приготовления еды, мясо и ткани были доступны исключительно по талонам. Это была общенациональная система, и в каждой единице провинциального уровня использовался собственный вариант талонов, которые можно было обменять на товары только в пределах соответствующего региона. Талоны раздавались по месту жительства: если семья проживала в доме рабочей ячейки, то их следовало получать в рабочей ячейке, в остальных случаях — от жилищных комитетов. Значение талонов подчеркивал их внешний вид: они печатались на цветной бумаге и не уступали декоративными элементами бумажным деньгам.

Нормировались и дорогостоящие потребительские товары длительного пользования, однако поставки такой продукции не всегда были регулярными. Преимущества при ее распределении получали люди, работавшие в располагавших значительными ресурсами рабочих ячейках, а также те, кто достиг высокого общественного положения. Согласно общему правилу работодателя и кварталы организовывали очереди на получение «промышленных талонов», которые позволяли приобрести определенный товар в государственном розничном магазине. Более всего ценились талоны на велосипеды трех известных марок, производившихся в Шанхае и Тяньцзине («Феникс», «Вечность» и «Стремительный голубь»). Велосипеды были основным средством передвижения в городах. В часы пик улицы превращались

в потоки велосипедов, медленно продвигающихся вперед в одном направлении. Были широко доступны и менее качественные велосипеды, однако они были заметно хуже: шины легко рвались, спицы постоянно ломались, рамы могли в любой момент развалиться, а детали быстро покрывались ржавчиной. Популярные бренды использовали сталь и резину лучшего качества, производя долговечные, прочные и безопасные велосипеды.

Аналогичным образом нормировались ценные потребительские товары длительного пользования. Особое значение, например, имели швейные машинки с ножным приводом. Это были копии советских моделей 1950-х гг., которые, в свою очередь, были аналогом продукции, которую компания Singer продавала в США вплоть до 1920-х гг. Машинки позволяли наиболее эффективно использовать получаемые нормы ткани. Готовая одежда была менее эффективным способом такого использования. Впрочем, самой ценной категорией товаров была жилая площадь. В 1950-х гг. китайские горожане жили в весьма стесненных условиях. По мере роста населения семьям приходилось втискиваться на еще меньшие площади. Молодоженам приходилось долго ждать получения квартиры от организационных ячеек или городских кварталов. Причем подать заявку и встать в очередь они могли только после официальной регистрации брака. Раздельное проживание супругов и развод не считались основаниями для подачи заявки на жилье. Стоит ли удивляться, что показатели разводов долгое время были крайне низкими, а с 1980-х гг. с увеличением предложения жилья резко возросли? Семьи разрастались и часто вынуждены были ютиться в одной комнате. С течением времени члены семьи подавали заявки на получение квартир большей площади. Рядовые граждане редко имели собственные кухни и практически никогда не располагали полноценными личными санузлами. В квартирах был доступ к воде, возможно, в виде умывальника, однако кухни и ваннные комнаты, вынесенные в коридоры, во дворы или даже на улицу, находились в общем пользовании. Для того чтобы продвинуться в очереди и убедить распределяющих в остром характере своих насущных потребностей, люди использовали все возмож-

ные средства воздействия на рабочие ячейки и городские кварталы. Получение квартир соседями или коллегами по работе сопровождалось громкими жалобами со стороны тех, кому в этот раз не повезло. К концу эпохи Мао в городах сформировалась культура зацикленности на оказании давления на ответственных исполнителей с целью принятия решения в пользу просителя и на формировании сети знакомств, позволяющих получать льготы в попытке достойно жить даже в условиях дефицита [Walder 1986: 210–212].

Политические следствия экономических проблем

Именно такую экономическую систему требовал Мао ускоренно внедрять в 1950-х гг. Нам важно понимать, как работала эта модель и какие недостатки были ей присущи, поскольку обсуждение потенциальных решений системных проблем в конечном счете привело к разрыву между Китаем и СССР, а затем к «большому скачку» и «культурной революции». Истоки раскола социалистического блока и обострившиеся политические конфликты внутри Китая в 1960-е и 1970-е гг. стоит искать в разногласиях относительно выхода из сложившейся проблематичной ситуации.

Институциональные недостатки советской социалистической системы проявились в Китае сразу же с началом ее внедрения. Впрочем, изъяны этой системы, которая тогда с переменным успехом выстраивалась в новых восточноевропейских государствах-сателлитах, были давно известны в СССР. Для советского блока 1950-е гг. стали временем активного обсуждения путей усовершенствования избранной модели развития [Kornai 1959; Lewin 1974]. Было очевидно, что на ранних этапах система мобилизовывала капитал с целью развития тяжелой промышленности и продвижения оборонной промышленности. Однако, по мнению многих, к 1950-м гг. настало время серьезно взглянуть на очевидные недостатки модели. Повышать качество жизни людей, пока промышленность продолжала расточительно тратить средства и ресурсы, представлялось неосуществимым. Из безнадежно

бюрократической модели экономической организации нужно было выжать максимально возможную эффективность.

Были выработаны три основных подхода, каждый из которых имел определенную политическую подоплеку. Первый подход, который с течением времени находил все большее распространение в СССР, заключался в использовании в процессе планирования современных научных методов [Baylis 1974]. Высококвалифицированные специалисты использовали новейшие статистические методы и математические модели для выработки максимально оптимальных планов. Акцент при таком подходе делался на наличие в ключевых бюрократических структурах подготовленного научного персонала. В таких условиях не возникало угрозы доминирования партии или осуществления ею тотального контроля над экономикой, поскольку партийным работникам приходилось передавать существенные полномочия техническим специалистам. Кроме того, склонных к претенциозно нереалистичным планам политиков ждало столкновение с рекомендациями экспертов, сдерживавших прожекты, вдохновленные исключительно политическими амбициями. Это была модель социалистической экономики, работавшая по научным принципам, внедряемым ведущими экспертами крупных бюрократических организаций.

Второй подход — дополнение плановой экономики рыночными механизмами. Такая система впервые была реализована в 1950-х гг. в Югославии и в конце 1960-х гг. в Венгрии. Этот вариант активно обсуждался всеми членами советского блока¹⁴. При данной парадигме предлагалось положить конец планам производства и снабжения и предоставить руководителям предприятий больше свободы в управлении производственными линиями и возложить на них дополнительную ответственность в процессе поиска клиентов. В этой системе предприятия должны были «отвечать за собственные прибыли и убытки», а цена това-

¹⁴ Самые ранние дискуссии происходили еще во время войны. См. [Dunayevskaya 1944]. Среди наиболее известных поствоенных экономистов, которые придерживались подобных взглядов, — [Kornai 1959; Lange, Taylor 1964; Liberman 1971; Šik 1966, 1967, 1972].

ров все чаще определялась бы рынком и спросом, отражающим относительный дефицит. Монополия государства в виде прав собственности на предприятия должна была сохраниться, однако результаты деятельности компаний оценивались бы не по способности выполнить производственные планы, а по доходам. В теории управленцы, лучше осознавая особенности ценообразования, стали бы расходовать материалы и капитал более эффективно, а компании с большими доходами смогли бы выплачивать работникам более высокие зарплаты и премии, а также предоставлять жилье и услуги лучшего качества. В этом подходе социалистическая экономика координировалась стимулами к получению прибыли и рыночными механизмами. С предложением пойти по данному пути первыми выступили именно китайские экономисты, в том числе Сунь Ефан, который выдвинул такие идеи уже в середине 1950-х гг. [Fung 1982; Lin 1981].

Сам Мао Цзэдун предпочитал третий подход — форму политического фундаментализма, при котором принципы экономики военного времени возводились в канон. Мао предпочитал прибегать к политической мобилизации, которая сработала в Маньчжурии в последние годы гражданской войны: «политическое командование» в составе партийных секретарей подталкивало работников и предприятия на демонстрацию все большей приверженности делу социализма и жертвенности на благо всего общества. Мао полагал, что только за счет политической мобилизации можно высвободить творческие силы трудящихся масс, равно как и заставить работать неиспользованные ресурсы, лежащие без дела в условиях традиционной бюрократической советской модели экономики, когда все чаще сказывались проблемы затоваривания и неэффективности работы. Партийные секретари взяли под свое управление предприятия, оттеснив на второй план квалифицированных специалистов. В этом подходе не было места правилам и постановлениями, которые создавали компаниям бюрократические препоны. Однако он не мог как-либо изменить реальность: вся экономическая система была организована как колоссальная бюрократическая машина, оказавшаяся теперь в руках политической элиты.

К 1960-м гг. подход Мао дополнился жесткой политической критикой двух вышеуказанных альтернатив¹⁵. Научное управление передавало власть в руки экспертов — составной части неповоротливой бюрократической структуры, с его точки зрения — неизбежно «буржуазной» в своих взглядах и ориентирах. Мао не собирался передавать власть своей революционной партии специалистам-бюрократам. В его планы также не входило развязывать руки представителям высокообразованной элиты, которые поднялись на верхушку общества за счет стабильного продвижения по карьерной лестнице. В конечном счете председатель КНР объявил, что такие подходы обязательно приведут к возрождению классовой стратификации и капитализма. Удивительно, что Мао считал «капитализмом» систему управления под руководством действующей по научным принципам массовой бюрократии — прямую противоположность экономической модели, выстраивающейся на основе рыночной конкуренции. Однако он упорно называл такой подход «капиталистическим», недвусмысленно указывая свое неприятие такой перспективы.

В понимании Мао, использование рыночных механизмов для совершенствования системы стимулов и повышения эффективности затрат было еще более нежелательной перспективой. Здесь он видел капитализм в самой неприкрытой форме. Решение проблем социализма рыночными средствами было просто немислимо. Мао ассоциировал социализм в целом с системой, унаследованной от СССР периода правления Сталина. Он полагал, что если модель не работает так же, как в свои лучшие годы, то в этом стоит обвинить партийные кадры, которые прекратили выполнять роль вдохновителей активной работы системы. Мо-

¹⁵ В [Мао 1977] лидер обозначает свои возражения по поводу экономики СССР во второй части периода правления Сталина. В издании представлены его изначально не публиковавшиеся комментарии к последней работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и советскому учебнику 1950-х гг. по политэкономии. [Service 2004: 566–567] приводит ключевые темы этих поздних взглядов сталинистской эпохи на социалистическую экономику и сдвиги, произошедшие по сравнению с доктринами, которые были приняты до Второй мировой войны.

билизация предприятий и их штатов на еще большие достижения, повышенную эффективность и усиленный вклад в дело социализма — вот смысл существования партии. Лекарство от неэффективности и противоречий социалистической модели — активизация партийного руководства и упор на усердную работу как политическую обязанность. Неудача неминуемо привела бы к воцарению узкой прослойки бюрократической элиты в качестве правящего класса, а возможно, и к полномасштабному возвращению к капитализму. Именно с такими мыслями Мао приступил в 1958–1960 гг. к реализации «большого скачка». На фоне униженного провала этой инициативы одной из главных мотиваций «культурной революции» стало исключение для Китая возможности прибегать к бюрократическим или рыночным средствам для разрешения существующих проблем после того, как Мао покинет историческую сцену.

Глава 6

Эволюция партийной системы

С конца 1920-х гг. КПК выступала революционной организацией. Коммунисты руководили отдаленными и изолированными сельскими опорными пунктами, организовывали работу в деревнях за пределами оккупированных японцами территорий, осуществляли подпольную деятельность в городах, контролировавшихся японцами или националистами, и мобилизовывали людей на гражданскую войну. Мы уже проследили за преобразованиями, которые в течение 1950-х гг. партия совершила как в городах, так и в сельских районах. Однако важно подчеркнуть, что сама КПК переживала на фоне строительства нового государства неотвратимую трансформацию. До 1949 г. она представляла собой организацию, предназначенную для политической и вооруженной борьбы. В целях руководства Китаем партия стала весьма многочисленной, привлекая новоиспеченных членов с новыми навыками и принимая на себя управление не только деревнями, но и городами¹. Слепое копирование в 1950-х гг. советской модели сделало для нее неизбежным рост массивных и сложных бюрократических структур.

На момент капитуляции Японии в августе 1945 г. КПК насчитывала 1,2 миллиона членов и вооруженные силы в количестве 910 тысяч человек [Lee 1991: 16; Van Slyke 1986: 621]. Мобилизация населения в Маньчжурии в конце 1940-х гг. увеличила оба пока-

¹ [Vogel 1967] — одна из первых работ, в которой исследуется этот феномен.

зателя. По мере установления власти КПК на континенте на сторону победителя переходили ее новые потенциальные члены. Ко времени образования в октябре 1949 г. нового государства в партии уже состояло 4,5 миллиона членов — ядро победившего режима, которому предстояло взять на себя управление страной с населением в 541 миллион человек [Lee 1991: 16]. КПК оказалась на пороге глубокой и во многом неожиданной для самих членов партии трансформации.

От политического движения к правящей партии

Вступление в КПК имело абсолютно разные коннотации до и после победы коммунистов. Тех, кто присоединился к движению до победы, партия обозначала как «революционные кадры» — официальный статус, призванный отметить вклад людей, вступивших в ее ряды во времена, когда членство в этих рядах было связано с рисками и жертвами. В последующие десятилетия эта прослойка членов партии будет занимать в новых властных структурах руководящие посты, а их семьи будут иметь ряд льгот. Дети «революционных кадров», наследуя это особое положение по праву рождения, имели преимущественное право при вступлении в партию, зачислении в образовательные учреждения и приеме на работу. Аналогичный статус — «революционные солдаты» — был закреплен и за теми, кто служил в Красной армии еще до победы КПК. Такие люди, а равно и их дети, также обладали в КНР привилегированным положением [Kraus 1981]².

Статус революционного кадра предполагал, что принадлежность к партии до ее победы была свидетельством приверженности коммунистическим идеалам, а соответственно, готовности идти на значительные риски, в том числе нужду или получение тяжелого ранения и даже гибель. Всего этого нельзя было сказать о тех людях, которые вступили в КПК после победы коммунистов.

² Еще одно обозначение людей, которые были потомками погибших за дело партии, — «павший герой-революционер / мученик за революцию». [Barnett 1966; Vogel 1967] рассказывают об иных статусных различиях внутри поколения революции.

С течением времени и по мере консолидации партийного контроля над экономикой и образовательной системой вступление в КПК стало проявлением преданности властям, в обмен на общественное положение и продвижение по службе. Конечно же, от членов партии все еще ожидалась готовность жертвовать своим временем и направлять усилия на выполнение малопривлекательных обязанностей и отказываться от личных убеждений на фоне жесткой партийной дисциплины. Вне зависимости от мотивации человека, риски и жертвы от решения вступить в ряды коммунистов были гораздо менее обременительными, чем в прошлом, а потенциальные преимущества — гораздо более значительными³. За 1950-е гг. КПК разрослась, вовлекая в себя новых членов из университетов, контор и фабрик. По сравнению с поколением революционеров новые партийцы имели абсолютно другие навыки и иной жизненный опыт. К 1965 г. количество членов партии увеличилось в четыре раза. На каждого революционного кадра теперь приходилось более трех человек, вступивших в КПК после 1949 г. [Organization Department 2000, 12: 1227].

Партийный охват

Партийная организация выступала ядром нового государства. По мере внедрения советской системы КПК осуществляла контроль за распределением постов, предметов материального благосостояния, зачислений в школы и вузы и назначений на ведущие должности в правительственных структурах и на предприятиях. Партия охватывала своими представителями все социальные институты и экономические предприятия вплоть до уровня деревень, промышленных цехов и офисов. По сути КПК представляла собой взаимосвязанную цепочку комитетов, каждое звено которой воспроизводило по нисходящей предшествующее от Пекина до самых низовых уровней. Партия также имела отдельную админи-

³ [Oksenberg 1968: 92] менее великодушен в своей оценке: «КПК, представляя собой лучший путь для восходящей мобильности, привлекала оппортунистов».

стративную систему, которая обеспечивала контроль и надзор за правительственными и административными органами на всех уровнях. Венчало всю структуру Политбюро КПК, в которое по состоянию на 1956 г. входило 20 полноправных членов и 6 кандидатов в члены. Семь наиболее влиятельных членов Политбюро составляли Постоянный комитет Политбюро, который проводил более регулярные встречи, чем Политбюро в целом. Во главе всего в качестве Первого председателя ЦК КПК стоял Мао Цзэдун. Политбюро выступало как часть более крупной, но по большей части протокольной структуры — Центрального комитета, который к 1956 г. объединял около 197 полноправных членов и кандидатов в члены. ЦК собирался редко и не оказывал существенного и прямого влияния на процесс принятия решений [Ibid., 9: 40–48].

Общенациональной организации в Пекине напрямую подчинялись партийные комитеты, которые отвечали за 29 административных единиц провинциального уровня. Партийные секретари — наиболее высокопоставленные официальные лица в своих регионах — председательствовали в партийных комитетах и проводили регулярные встречи с их постоянными членами. Эта структура воспроизводилась на всех нижестоящих уровнях управления. За провинциальными партийными комитетами следовали муниципальные и окружные партийные комитеты, затем — партийные комитеты по уездам и городским округам, далее — партийные комитеты во всех сельских коммунах, университетах, всех крупных фабриках и всех значимых организациях.

Эта общенациональная сеть партийных комитетов обеспечивала контроль за принятием административных решений на всех уровнях. Так, губернаторы провинций сами были членами партии и постоянного комитета, если только партийный секретарь не совмещал свой пост с исполнением обязанностей губернатора. Та же самая ситуация сложилась и с мэрами, главами уездов, руководителями фабрик и ректорами университетов. Если руководящие административные работники на каждом уровне не были одновременно и партийными секретарями, то они практически всегда были членами постоянного комитета и занимали посты заместителя его секретаря. Таким образом, национальная партий-

ная организация сосуществовала и переплеталась с административными структурами правительственных органов, экономических предприятий и общественных институтов всех уровней.

Нижнюю часть иерархии составляли партийные ячейки. Именно здесь происходила интеграция рядовых членов партии в общенациональную организацию. Ячейки контролировали в среднем 15 членов партии в какой-либо конторе, цеху, научном отделе или коллективной ферме. Члены партии участвовали в специальных заседаниях, которые были закрыты для остальных людей, и были обязаны следовать партийной дисциплине под присмотром секретаря партийной ячейки. В свою очередь, секретарь партийной ячейки должен был отчитываться перед секретарем объединенной партийной ячейки. Избранные секретари объединенных партийных ячеек входили в комитет объединенных партийных ячеек. Секретари объединенных партийных ячеек были подотчетны партийному секретарю и зачастую сами были членами партийного комитета.

Так выстраивалась власть в новом партийном государстве. Становятся очевидными несколько особенностей функционирования подобной структуры. Во-первых, это была подотчетная напрямую высшему руководству в Пекине единая иерархия, от которой требовали беспрекословного выполнения полученных сверху распоряжений. Без согласия партийных секретарей и поддержки партийной организации принимать какие-либо важные решения на любом из описанных уровней было нельзя. Во-вторых, это была поразительно масштабная иерархия. К 1955 г. в КПК уже состояло 9,4 миллиона человек, и к 1965 г. этот показатель увеличился вдвое — до 18,7 миллиона человек [Ibid., 12: 1227]. К 1965 г. по всей стране работало свыше 80 тысяч партийных комитетов, 42 тысячи объединенных партийных ячеек и 1,2 миллиона низовых партийных ячеек [Ibid., 12: 1229]. В-третьих, на партийные посты нужно было привлекать миллионы людей: каждый партийный комитет имел партийного секретаря и его заместителей, а также административный штат; каждая объединенная партийная ячейка и каждая партийная ячейка также имели своих секретарей и их заместителей. Таким образом,

партийная организация обеспечивала сотням тысяч партийных кадров отдельную карьерную лестницу, которая, в теории, могла привести человека по мере его служебного продвижения к самой вершине власти — в Пекин. Другого пути к власти не было.

Несмотря на свои огромные масштабы, между всеми регионами и структурами партийная организация не распределялась равномерно. Сводные партийные списки обманчивы. Рабочие и крестьяне неизменно составляли свыше 80 % всех членов партии, причем с абсолютным перевесом в группе крестьян [Lee 1991: 56–57]. Однако эти общие цифры маскируют распределение членов партии по конкретным организациям и видам занятости. КПК концентрировала свое влияние в тех сферах, где принимались решения, куда направлялся капитал и откуда исходила власть. Это означало, что показатели партийного членства де-факто были выше не в сельской местности, а в городах, не в небольших и незначительных организациях, а в крупных и приоритетных структурах, не среди обычных сотрудников и рабочих, а среди высокопоставленных лиц, ответственных за принятие решений.

Исследования, проводившиеся в первые годы после кончины Мао, демонстрируют стойкую тенденцию концентрации партии в важных организациях и сферах занятости⁴. К 1990-м гг. в КПК состояли 17 % совершеннолетних городских жителей, в сельской местности аналогичный показатель составлял всего 5,8 %. В городах доля партийного членства варьировалась в зависимости от значительности конкретной организации. Вероятность быть членом КПК для сотрудников госпредприятий была в два раза выше, чем для сотрудников малых коллективных предприятий (19 % против 9 %), а для сотрудников правительственных структур — в два раза больше, чем для людей, работавших в школах, больницах и научно-исследовательских институтах (64 % против 33 %). Как в городах, так и в сельской местности доли партийного членства возрастали в социальной иерархии в порядке повышения статуса. Так, в сельской местности членами партии были

⁴ Указанные цифры основаны на данных исследований, которые анализируются в [Walder et al. 2000].

лишь 4,6 % совершеннолетних крестьян; в случае деревенских кадров (или кадров производственных бригад) эта доля составляла уже 22 %; официальных руководящих лиц на уровне деревни (производственной бригады) — 78 %. Схожий феномен наблюдался и в городах: в партии состояли 8 % чернорабочих; для «белых воротничков» этот показатель составлял уже 15 %, нижестоящих кадров — 49 %, высокопоставленных кадров — 85 %⁵.

Эти цифры в целом иллюстрируют важную характеристику партии во власти: крайне выборочная и стратегическая концентрация усилий. Правящие коммунистические партии в значительной степени элитарны. В силу целенаправленного намерения контролировать и правительство, и экономику партийные организации концентрируются там, где претворяются в жизнь властные полномочия, и там, где распределяются ресурсы, а также в тех видах деятельности, которые предполагают власть над людьми или ресурсами. Соответственно, от охвата партией различных групп зависит как интенсивность ее давления на членов общества с требованием подчиниться партийной структуре, так и проникновение политики в жизнь населения. Менее всего зависели от исходящих от партии ежедневных требований крестьяне из коллективных фермерских хозяйств; чуть больше ощущали на себе эти требования «синие воротнички»; а вот в сферах концентрации властных полномочий и ресурсов политическая дисциплина и степень вторжения политики в обычную жизнь возрастали очень сильно⁶.

Политнадзор

Расширяющаяся партийная структура являлась открытым для общественности проявлением усиления политической власти КПК. Параллельно развивалась сеть политического надзора —

⁵ Аналогичное явление фиксировалось и в СССР [Hough 1977].

⁶ [Vogel 1965] — первая работа о вариативности давления политических факторов в различных социальных условиях. [Whyte 1974] более системно анализирует эти различия.

новая система госбезопасности во главе с министерством общественной безопасности. Смысл этой структуры заключался не в обеспечении общественного порядка, а в консолидации контроля нового режима над обществом и дальнейшем обеспечении партийной власти. Открытость средств поддержания порядка — регистрация домохозяйств, организация деятельности в кварталах, личные дела по месту работы и в школах, рабочие ячейки — может создать впечатление, будто бы обширная невидимая сеть агентов госбезопасности практически не вмешивалась в жизнь людей. Однако в действительности имело место прямо противоположное. За властями всегда стояли органы общественной безопасности, которые работали по методам, во многом напоминавшим КГБ в СССР и Штази в ГДР.

Начиная с 1949 г. министерство общественной безопасности КНР сформировало иерархию региональных и местных бюро, прообразом которой послужил КГБ СССР. Его офицеры и агенты были тайно сконцентрированы в городах и пограничных районах, где проживали неханьские народы. Против иностранных агентов проводились контрразведывательные операции, при любых проявлениях политического инакомыслия за инакомыслящими организовывалась слежка, обеспечивалась защита от саботажа ключевых позиций экономической инфраструктуры [Schoenhals 2013: 17–26, 30–46]⁷. Для реализации всего этого министерство и его региональные бюро тайно внедряли своих офицеров (штатных профессионалов на окладе) и агентов-осведомителей (гражданских лиц) в правительственные структуры, университеты, на фабрики и в иные организации. В 1950-х гг. министерство требовало, чтобы около трети сотрудников в отделах кадров при университетах составляли офицеры госбезопасности. Эти люди расширяли сети агентов и собирали отдельные, помимо обычных личных дел отделов кадров, досье, отслеживая политические симпатии профессоров и студентов [Ibid.: 63–64]. Сотрудники со схожими полномочиями работали на фабриках, в банках, больницах и иных го-

⁷ Шенхальс основывается на внутренних ведомственных документах, учебных материалах и профессиональных публикациях.

родских организациях. Только в национальной железнодорожной системе сотрудники органов безопасности составляли к середине 1950-х гг. сеть агентов в количестве десяти тысяч человек [Ibid.: 5].

Министерство привлекало к работе агентов-осведомителей трех категорий. Первая категория — «агенты тайного следствия» — занималась слежкой за общественными местами, в которых потенциально могла планироваться подрывная деятельность. Такие агенты докладывали о результатах своих наблюдений за школами, фабриками, гостиницами, ресторанами, кинотеатрами и в особенности связанными с иностранными элементами организациями. Вторая категория — «следователи по делам» — внедрялась в рамках долгосрочных следственных действий в группы и организации, в особенности в церкви и организации, имеющие связи за рубежом. Третья группа — «защитники ключевых активов» — размещалась на стратегических объектах и фабриках или вблизи от них, в том числе в железнодорожной системе, на крупных производственных предприятиях, в почтовой и телекоммуникационной сетях и на предприятиях, связанных с программами разработки и изготовления вооружения. Такие агенты должны были содействовать следователям в защите от саботажа и утечек служебной информации [Ibid.: 58–82].

Агентов рекрутировали из всех слоев населения. На политических активистов и членов партии можно было положиться в исполнении возложенных на них заданий, однако у людей, которые оказывались под следствием, не было оснований делиться с ними своими политическими убеждениями. Прямо противоположная проблема возникала с «вредными элементами» или «вредителями», которых рекрутировали как раз по причине свободы их доступа в группы лиц, находившихся под подозрением. За сотрудничество с органами госбезопасности и доносы на своих товарищей им обещали освобождение от тюремного наказания. Отдельным лицам, вызвавшим внимание органов в кампании 1950-х гг. по ликвидации контрреволюционеров, в обмен на информацию о других людях предлагали неприкосновенность [Ibid.: 93]. Третью категорию агентов составляли люди, которые не были ни лояльными политическими активистами, ни лицами с вызы-

вающими сомнения политическими предпочтениями, но оказались теми, кого удавалось уговорить следить за тем, что происходило в их конторах, храмах, зарубежных торговых организациях и банках⁸. Рекрутирование обеспечивалось самыми различными средствами, от шантажа и призывов к патриотизму и политической лояльности до более тонких сочетаний предполагаемых наград и угроз⁹. Система слежки могла оставаться эффективной, только если она оставалась тайной. Министерство применяло сложные процедуры по поддержанию системы засекреченной связи между агентами и офицерами на постоянных конспиративных квартирах или временно используемых локациях, а также через зашифрованные сообщения и кодированные телефонные разговоры [Ibid.: 170–204]. Система слежки основывалась в первую очередь на разведанных, речевых коммуникациях и письменных материалах. Уже по завершении эпохи Мао органы общественной безопасности Китая выработают более широкомасштабные и технологически продвинутые средства надзора.

Привлечение в партию новых членов

Членство в партии становится важным каналом для личного продвижения и социальной мобильности в любом обществе, где партийная организация отбирает на руководящие посты людей из национальной иерархии. В ситуации, когда в партию входят только 17 % совершеннолетних горожан и менее 6 % совершеннолетних сельских жителей, становится очевидно, что членство в ней доступно далеко не всем. Вступавшие в КПК после победы коммунистов обычно должны были продемонстрировать последовательную политическую активность, а также приверженность партийной политике и своим руководителям рабочих ячеек. Такие люди вступали в Коммунистический союз молодежи Китая в школе или на месте работы, зачастую достигая руководящих постов еще до вступления в партию. Они первыми приходили на

⁸ Три категории агентов представлены в [Ibid.: 85–109].

⁹ Стратегии рекрутирования описываются в [Ibid.: 138–169].

работу и задерживались допоздна, первыми брали слово на собраниях, где обсуждалась партийная политика, и первыми выражали поддержку курса КПК. Они фиксировали слова и действия своих коллег, если от партийной организации поступало соответствующее требование. Они порицали других за вменяемые им политические ошибки, если это требовалось сделать при реализации какой-либо кампании. Доказав на деле свою активность и лояльность, такие люди выдвигали себя (самостоятельно или в ответ на приглашение членов партийной ячейки) в качестве кандидатов в члены партии. После проверки дела этого человека, в частности, на предмет его семейного происхождения, успешного претендента делали таким кандидатом и отдавали на попечение конкретного наставника, которому поручалось дело «развития» неопита. После некоторого времени внимательного наблюдения за кандидатом в члены партии человеку предлагалось полноправное членство в КПК [Lewis 1963: 106–107].

У человека было больше шансов вступить в партию в молодые годы. Данные исследований биографий людей свидетельствуют, что после 1949 г. максимальная вероятность стать членом партии имела в возрасте 22–23 лет. Дальнейшие шансы вступить в КПК резко сокращались с увеличением возраста¹⁰. Если человек не вступал в партию до 35 лет, то он, скорее всего, уже никогда не становился ее членом. Для лиц, занимавшихся физическим трудом, членство в партии было основным способом продвижения по службе с низовых постов в полях и на производстве. После окончания школы и получения первой работы самым важным фактором повышения шансов на успешную карьеру было обеспечение себе членства в партии. Таким образом, решения, принятые в самом начале карьеры человека, задавали степень активности его участия в партийных мероприятиях для дальнейшего продвижения по службе¹¹.

¹⁰ Данный абзац основан на [Li, Walder 2001].

¹¹ [Oksenberg 1968: 64–65] — скорее всего, первая работа, в которой представлены альтернативы по выбору карьеры для молодых китайцев в рамках системы и отмечается сокращение возможностей при достижении среднего возраста.

Что мы можем сказать о тех людях, которых партия рекрутировала в этот период? Ясную картину можно составить на основе обзоров их биографий, которые позволяют нам оценить шансы на вступление человека в КПК в зависимости от определенных характеристик¹². Во-первых, при прочих равных обстоятельствах вероятность вступления в партию у мужчин была в два раза выше, чем у женщин. Возможно, это было связано с традиционной для партийных организаций, в которых превалировали мужчины, дискриминацией в отношении женщин, а также более низкими показателями подачи заявок на вступление в КПК последними в силу их культурных ожиданий или дополнительных обязанностей по ведению домашнего хозяйства, которые несоизмеримым бременем ложились на плечи замужних женщин. Таким образом, у женщин возникало меньше возможностей принимать участие в партийных мероприятиях и сформировать подтвержденный опыт политического активизма. Во-вторых, значительное место играли родственные связи: шансы на вступление в партию людей, родители которых уже состояли в движении, повышались вдвое. Возможно, это связано с большим давлением родителей на детей по части политической активности и вступления в ряды КПК, а равно и особой протекцией, которой пользовались в партийных ячейках дети членов партии. В-третьих, принципиальное значение имело само наличие опыта руководства. Вероятность стать членом партии для человека, занимавшего низовой административный пост, была в три раза выше, чем у других людей. Предполагалось, что наличие подобного опыта служило свидетельством того, что человек уже сумел проявить себя. Кроме того, для партии было важно, чтобы лидеры соблюдали партийную дисциплину.

Интересный аспект этих расчетов — при наличии у человека сразу нескольких упомянутых характеристик его шансы попасть

¹² Цифры в этом и следующем абзацах взяты из [Walder et al. 2000]. Это не проценты, как в предыдущих параграфах, а вероятности, рассчитанные по событийно-историческим моделям. Здесь представлены оценки того, как конкретные характеристики влияют на абсолютные шансы вступления в партию. Схожие расчеты зафиксированы в [Li, Walder 2001: 1385].

в партию не просто увеличивались, а возрастали в разы. Так, мужчина, отец которого состоял в партии и который имел стартовую административную должность, имел в 12 раз больше шансов стать членом партии, чем женщина, отец которой не состоял в партии и которая не занимала руководящих постов ($2 \times 2 \times 3$). С другой стороны, среди членов партии с гораздо меньшей вероятностью могли оказаться высококвалифицированные специалисты — только 16 % по сравнению с людьми без специализированного образования. Это свидетельствует о подозрительности КПК по отношению к образованным элитам, которая особенно проявилась после 1957 г., а также указывает на возможную неготовность образованных профессионалов подчиняться партийной дисциплине. Образование ценилось, но в разумных пределах. Люди, закончившие среднюю школу, имели на 70 % больше шансов вступить в партию, чем люди без среднего образования. При этом наличие диплома о высшем образовании по сравнению с наличием диплома о среднем образовании не давало преимуществ в том, чтобы стать членом КПК [Walder et al. 2000].

Социальная стратификация и семейное происхождение

КПК переняла практику сортировки населения по социальным классам, применявшуюся в СССР в конце 1920-х гг. Так же, как и в СССР, эта категоризация была вдохновлена марксистским классовым анализом. Однако на самом деле принятые обозначения оказались политическими статусами, которые закреплялись за целыми семьями, сохранялись из поколения в поколение и обеспечивались бюрократическими средствами. Советская Коммунистическая партия затеяла в 1920-х гг. классификацию населения для вычленения из слоев «эксплуататоров» и «классовых врагов» «пролетарских» элементов. Выявленные таким образом пролетарии пользовались определенными привилегиями и возможностями, в то время как эксплуататоры подвергались дискриминации и ограничениям [Fitzpatrick 1993]. Бюрократическая система классовой принадлежности была направлена на реализацию сразу нескольких целей, в том числе обеспечения

социальной справедливости, переустройства общества и консолидации режима. Пролетарским категориям населения отдавалось предпочтение при вступлении в партию, продвижении по службе и получении высшего образования — поскольку в прежнем обществе подобных преимуществ у них не было. В равной мере представители эксплуататорских классов, которые прежде располагали огромными привилегиями, теперь сталкивались с определенными формами дискриминации. Возник целый ряд выигравших в результате революции домохозяйств. Посредством высшего образования формировалась новая элита, которая должна была заменить прежние элиты, утратившие статус и власть в годы революции. Предполагалось, что эта новая элита будет более лояльна режиму, чем представители эксплуататорских домохозяйств, враждебность которых презюмировалась по умолчанию. Последних зачисляли в классовых противников и периодически подвергали гонениям как «врагов народа» [Fitzpatrick 1979].

Эта категоризация имела в конце 1920-х гг. в СССР устойчивый характер, превратившись в инструмент «классовой войны», которая была развязана в ходе «культурной революции» 1928–1931 гг., когда люди «буржуазного» происхождения, в особенности квалифицированные специалисты и представители старой интеллигенции, подвергались партийными активистами преследованию как носители подрывной и чужеродной культуры и сталкивались с понижениями в должности, а в некоторых случаях и с увольнениями и высылкой из городов. Эта кампания была выражением нововведения Сталина, который заявил, что классовая борьба лишь усиливается после того, как отчуждение активов эксплуататоров ликвидирует материальный базис классовых различий. По его словам, классовые враги были намерены препятствовать окончательной победе социализма всеми возможными способами [Fitzpatrick 1978; Tucker 1977]. В начале 1930-х гг. советские власти отказались от классовой дискриминации, которой в 1936 г. с принятием новой сталинской Конституции формально был положен конец. Впрочем, даже этот документ не воспрепятствовал массовым чисткам в 1937–1938 гг.

«классовых врагов» с эксплуататорскими корнями. [Fitzpatrick 2005: 24, 37–49].

Китай ввел для своего населения классовые категории через много лет после того, как они стали непопулярными в СССР. Как и в СССР, это были «идентификационные данные» людей, которые закреплялись посредством определения классовой принадлежности мужчины, главы домохозяйства, в период «освобождения» соответствующего района силами КПК [Ibid.: 14–18]. Классовые характеристики сельских домохозяйств кадры определяли в ходе земельной реформы на основе данных о собственности на землю и информации о политических воззрениях людей, которая собиралась в ходе визитов в деревни рабочих групп. Классовые категории закреплялись за домохозяйствами в каждом отдельном случае исходя из определенного сочетания экономического статуса семьи и политической активности мужчины, стоящего во главе домохозяйства. В городах тот же процесс реализовывался за счет написания личных биографий, которые содержались в находящихся на постоянном хранении личных делах. Гражданам следовало без купюр сообщать о своей трудовой деятельности, в том числе с указанием их собственных должностей, а также должностей, которые занимали их родители. Люди должны были также рассказать о личной политической деятельности и политической активности их родителей. Проводить детализированные проверки биографических данных по каждому человеку не было возможности. Кадры, которые составляли дела и принимали решения по классовой принадлежности, зачастую обращались для установления логики и достоверности предоставленной в автобиографиях информации к коллегам и другим членам семьи человека. С особой тщательностью проверялись данные лиц, которые уже занимали должности с определенными властными полномочиями или которые подали заявку на вступление в КПК.

Как и в СССР, процесс классификации домохозяйств на «лояльные» (пролетариат) и «враждебные» (эксплуататоры) проходил в условиях постоянной неопределенности и противоречий, которые выражались в двух основных формах. Во-первых,

во многих случаях люди могли за свою жизнь успеть побывать на самых различных постах и сменить несколько должностей в самых различных сферах. Человек скромного происхождения мог создать собственный бизнес и накопить определенное состояние. В то же время человек из привилегированных слоев мог столкнуться в течение своей карьеры с банкротством или безработицей. Подобные потрясения в жизни были весьма распространены в годы японской агрессии и гражданской войны, приводя к фундаментальным переменам в жизни отдельных семей. Резкие перепады в восходящей и нисходящей мобильности приводили к тому, что решения по классовой принадлежности могли принимать чисто субъективный характер. Во-вторых, существовали обширные слои населения, которые нельзя было автоматически причислить ни к пролетариату, ни к эксплуататорам. Для крестьян КПК использовала советские категории «бедные», «среднего достатка» и «зажиточные», которые были дополнены двумя подкатегориями: «бедные и ниже среднего достатка» и «землевладельцы». Уточнения требовались, чтобы принять во внимание распространенное явление самодостаточных домохозяйств, которые управляли собственной фермой или небольшим предприятием исключительно силами членов семьи. Аналогичные неясности возникали и в городах по поводу специалистов, «белых воротничков», учителей и представителей интеллигенции, которые, не участвуя в материальном производстве, не относились с позиций марксизма к эксплуатируемым классам. Они не нанимали персонал и не обладали капиталом, следовательно, их нельзя было отнести и к классу эксплуататоров. Как к небогатым крестьянам в сельской местности, так и к представителям среднего класса в городах применялись довольно неясные формулировки.

Система также была богата противоречиями. В частности, «классовая принадлежность» часто смешивалась с политической ориентацией. В СССР до распределения населения по классам в 1920-х гг. членство в Коммунистической партии автоматически давало человеку статус пролетария вне зависимости от его семейного происхождения и прежних занятий. Эта практика нашла

применение и в Китае. Революционерами признавались люди, которые вступили в КПК или Красную армию до достижения победы. Это распространялось и на выходцев из состоятельных эксплуататорских домохозяйств. Во времена сопротивления японцам — в период, когда получение среднего и высшего образования было доступно только представителям обеспеченных домохозяйств, — КПК приняла в свои ряды множество патристически настроенных студентов. Коммунистическая партия Китая как таковая была основана детьми из состоятельных сельских семей и в течение своего долгого существования привлекала людей со схожими биографиями. Биографические исследования 1990-х гг. показали, что у мужчин, стоявших во главе революционных домохозяйств, был поразительно высокий классовый статус и уровень образования. По обоим показателям они уступали только тем, кого определили в эксплуататоры [Walder, Hu 2009].

Иногда возникали и прямо противоположные ситуации. Сама принадлежность к Гоминьдану или националистической армии нивелировала пролетарский статус и делала человека классовым врагом вне зависимости от скромности его происхождения. Особенно ярко это противоречие проявляется в случае ветеранов вооруженных сил Гоминьдана, которые воевали с японцами, пока армии коммунистов намеренно избегали вступления в боевые действия. Неясности, связанные с классификацией сфер деятельности, распространялись и на политические ориентации. Наиболее очевидный пример здесь — националисты, которые отвергли Гоминьдан и перешли на сторону коммунистов. Таких случаев ближе к концу гражданской войны было крайне много.

Противоречия также были связаны с тем, как наследовалась классовая принадлежность. Лица, выросшие в домохозяйствах землевладельцев или капиталистов, сами считались таковыми даже с учетом того, что они родились уже после того, как их семьи были лишены своих активов, и они выросли в нищете. Та же самая судьба была уготована людям, отцы или деды которых были официальными лицами Гоминьдана или служили в националистической армии, вне зависимости от того, видели ли они

вообще своих родственников, которые, если их не подвергли казни, обычно бежали на Тайвань. С другой стороны, революционные кадры и солдаты получали после победы КПК руководящие посты и ускоренными темпами продвигались по карьерной лестнице. Их дети также считались революционерами, хотя они росли в привилегированных условиях в просторных квартирах с прислугой.

Хотя ярлык классовой принадлежности, казалось бы, должен был быть неизменным, на практике допускались изменения классового статуса по результатам политических расследований и с учетом личного поведения человека. Люди, которые успешно скрывали факты своего прошлого от нового режима, вдруг могли быть пойманы на сокрытии информации, что вело к переменам в их политическом статусе. В равной мере люди, оказавшиеся объектами кампаний властей, могли столкнуться с изменением их статуса на менее благоприятный. Гибкость и даже произвольность приклеивания ярлыков классовой принадлежности — результат их принципиальной двусмысленности — предполагал отсутствие возможности быть уверенным, что благоприятный статус сохранится за человеком в течение всего времени существования режима. По результатам личных действий человека или повторных следственных действий бюрократические обозначения всегда можно было изменить [Brown 2015; Leese 2015; Yang 2015].

Наконец, неясности вызывала и ситуации, когда классовая принадлежность накладывалась на полую. Категоризация домохозяйств предполагала фиксацию соответствующего статуса за возглавлявшим семью мужчиной. И этот статус передавался по мужской линии, что предполагало для женщины-представительницы эксплуататорского класса возможность выйти замуж за революционера или пролетария и пользоваться преимуществами, которыми в силу своей классовой принадлежности располагал ее супруг. В такой ситуации дети этой женщины наследовали более благоприятную классовую принадлежность. Очевидные гендерные аспекты классовой категоризации оказывали сильное воздействие на выбор партнеров как в городских,

Таблица 6.1. Политическая классификация домохозяйств

(1) Категории	(2) Обозначения	(3) Процент от городского населения
«Красная» категория Революционные классы	Революционные кадры, революционные солдаты, павшие герои революции	4,4
Пролетарские классы	Бедные крестьяне, крестьяне с достатком ниже среднего, рабочие, городские нищие	77,8
«Обычная» категория	Крестьяне среднего достатка, «белые воротнички», интеллигенция, учителя, специалисты	14,4
«Черная» категория Эксплуататорские классы	Капиталисты, землевладельцы, богатые крестьяне	3,4
Реакционные классы	Члены, официальные лица или солдаты Гоминьдана; «контрреволюционеры», «вредные элементы», «правоуклонисты»	

Источники: колонки 1 и 2 — [Kraus 1981]; колонка 3 — [Walder, Hu 2009: 1405].

так и в сельских районах Китая [Croll 1984; Unger 1984]. Эта практика никак не подкреплялась марксистской теорией, а представляла собой отражение патриархальных устоев старого общества, которые КПК формально порицала как «феодализм» [Stacey 1983].

Классовая принадлежность подразделялась на три крупные категории. К «красным» классам причислялись революционные и пролетарские домохозяйства. Презюмировалось, что они лояльны партии и делу революции. В связи с этим им во всех ситуациях отдавалось предпочтение. «Обычные» классы включали

в себя представителей средних классов дореволюционной эпохи. Предполагалось, что они сохраняют нейтралитет или еще не определились по поводу своего отношения к революции, отсюда отсутствие у них и преимуществ, и подлежащей наказанию вины. «Черные» или «вредительские» классы — домохозяйства, которые были определены как «эксплуататорские» или «реакционные» (См. Таблицу 6.1).

Эти категории были важным критерием, учитывавшимся при принятии в КПК. Приоритет при вступлении в партию отдавался представителям революционных домохозяйств¹³. Без учета различий в половой принадлежности, возрасте и образовании, в эпоху Мао у них было примерно в два раза больше шансов стать членами партии по сравнению с людьми пролетарского происхождения. В свою очередь, представители «некрасных» классов имели гораздо меньше шансов вступить в КПК. Выходцы из пролетарских домохозяйств имели в два раза больше шансов стать членами партии, чем квалифицированные специалисты, а выходцы из революционных домохозяйств — почти в четыре раза.

Политическая лояльность и карьерный рост

По аналогии с тем, как КПК проверяла на политическую лояльность кандидатов в члены партии, партийные организации учитывали эту лояльность — реальную или предполагаемую — при принятии решений о зачислении в вузы, распределении на работу после завершения обучения в вузе и продвижении по службе. Членство в партии само по себе было сертификатом доверия, в особенности среди работающих совершеннолетних людей. В отношении молодых людей основную роль играли иные факторы, в том числе два, по сути, политических аспекта: история политического активизма человека и классовая принадлежность его семьи.

¹³ Этот абзац основан на [Walder, Hu 2009: 1413]. Схожие расчеты зафиксированы в [Li, Walder 2001].

В школьной системе Китая царила жесткая конкуренция, и вероятность дойти до самого верха образовательной лестницы была крайне низкой. Ожидалось, что из 32,9 миллиона детей, начавших обучение в начальной школе в 1965 г., в среднюю школу первой ступени пройдут лишь 9 %. В свою очередь, только 15 % учащихся средней школы первой ступени могли закончить ее и перейти в среднюю школу высшей ступени. Из уже крайне небольшой выборки детей, которые закончили среднюю школу, лишь 36 % поступали в вузы. Таким образом, лишь 1,3 % детей, поступивших в начальную школу в 1965 г., дошли бы до средней школы высшей ступени и только 0,5 % поступили бы в вузы¹⁴.

В середине 1960-х гг. наиболее важным критерием при зачислении в средние школы высшей ступени и вузы было прохождение стандартизированных вступительных экзаменов. Для средних школ высшей ступени такие испытания проходили на городском и уездном уровне, для вузов — на общенациональном уровне. Эта высококонкурентная и меритократическая по своей сути система допускала влияние на процесс зачисления учащихся в школы и вузы политических факторов.

Первый такой фактор — классовая принадлежность семьи. Поступающие из революционных и пролетарских домохозяйств пользовались предпочтением, если их результаты на экзаменах были близки к проходным баллам; в то время как поступающим из эксплуататорских или реакционных домохозяйств нужно было продемонстрировать исключительные результаты, намного превосходящие такие баллы [Rosen 1982: 12–66; Unger 1982: 11–47, 83–109]. Зачисление в вузы было неприкрытой формой политической компенсационной дискриминации, направленной на продвижение в первую очередь «красных» классов. Четко обозначенное предпочтение в пользу пролетарских домохозяйств открыло возможность получения образования людям, которые в силу своего происхождения до 1949 г. практически не имели таких шансов. Вплоть до 1930-х гг. большую часть студентов

¹⁴ В этом абзаце представлены цифры из [China Education Yearbook 1984: 965–966, 969, 971, 1001, 1023].

китайских вузов составляли выходцы из состоятельных семей, а в самых элитных университетах учились почти исключительно дети богатых родителей [Lang 1946]. Несмотря на заявленную цель такой политики, учащиеся с революционными корнями были в гораздо большем фаворе, чем учащиеся из пролетарских семейств. При этом учащиеся из бывших средних и даже эксплуататорских классов продолжали поступать в вузы чаще, чем представители остальных классов.

Таблица 6.2 демонстрирует влияние классовой принадлежности на поступление учащихся в середине 1960-х гг. в два элитарных учебных заведения Пекина: Среднюю школу высшей ступени при Университете Цинхуа и собственно Университет Цинхуа. В обоих случаях «некрасные» классы демонстрируют более благоприятные показатели зачисления, чем можно было бы предположить, исходя из описания политики властей. Средняя школа высшей ступени при Университете Цинхуа — престижная школа-пансион, расположенная в окрестностях Пекина. Большую часть ее учащихся в то время составляли жители Пекина. Удивительным образом учащиеся из революционных домохозяйств (колонка 1) были представлены в школе заметно диспропорционально от своей доли в городском населении Китая (колонка 5). Скорее всего, это связано с концентрацией в столице высокопоставленных революционных кадров. В равной мере привлекает внимание значительное количество учащихся из средних и даже эксплуататорских классов с учетом их доли в городском населении — мы видим это из коэффициентов в колонке 2 (коэффициент выше 1,0 указывает на завышенные значения, ниже 1,0 — заниженные значения). Учащиеся из пролетарских домохозяйств оказались в этой школе в значительном меньшинстве, притом что именно пролетарские классы составляли большую часть городского населения.

В Университете Цинхуа ситуация с классовой представительностью была несколько иная, поскольку вуз привлекал к себе абитуриентов не только из столицы, но и со всего Китая. Именно поэтому революционные классы составляли здесь меньшую долю, чем в средней школе, хотя они все равно были представлены

Таблица 6.2. Показатели поступления в элитарные учебные заведения с учетом классовой принадлежности в середине 1960-х гг.

Классовая принадлежность	(1)	(2) (Кол. 1)/ (Кол. 5)	(3)	(4) (Кол. 3)/ (Кол. 5)	(5)
	Процент поступления, Средняя школа высшей ступени при Университете Цинхуа		Процент поступления, Университет Цинхуа		Процент от городского населения
Пролетарские классы	11	0,14	38	0,49	77,8
Революционные классы	25	5,7	9	2,0	4,4
Средние классы	55	3,8	42	2,9	14,4
«Эксплуататорские» классы	11	3,2	11	3,2	3,4

Источники: колонки 1 и 3 — [Andreas 2009: 70] (проценты округлены в сторону средних значений в случаях разночтений); колонка 5 — [Walder, Hu 2009: 1405].

диспропорционально высоко относительно общей численности данной категории населения, как мы видим из колонки 4. В вузе пролетариев было больше, чем в средней школе, однако этот показатель был в два раза меньше их доли в общей численности городского населения. Поразительным образом средние и «черные» классы — элита прежнего общества — становились студентами пропорционально чаще по сравнению с учащимся иного происхождения. Меритократическая сущность системы тестирования шла вразрез с классовой линией партии¹⁵.

¹⁵ [Andreas 2009: 23–32] детально расписывает партийный контроль над распределением политических рекомендаций и возможностей в элитном университете.

Никакой особой тайны в том, почему доля представителей старых элит в образовательных учреждениях столь высока, нет. В любом обществе дети, растущие в семьях с образованными родителями, имеют особые преимущества в виде широкого доступа к образовательным ресурсам дома, способности родителей помогать им с домашними заданиями и в особенности высоких ожиданий родителей от младшего поколения. Прежние элиты Китая находили возможность добиваться успеха в рамках образовательной системы вопреки дискриминации их по классовой принадлежности. К середине 1960-х гг. эта ситуация вылилась в большую политическую проблему, которая и стала основной причиной для отмены вступительных экзаменов во время «культурной революции».

Следующим критерием, которым руководствовалась партия, была политическая активность. В теории люди любой классовой принадлежности могли получить серьезный опыт участия в политической жизни, то есть разделять соответствующие взгляды и вести себя так, как требовалось для вступления в КПК. Поскольку учащиеся средних школ и большая часть студентов вузов были слишком молоды для зачисления в ряды членов партии, активность они могли продемонстрировать через участие в деятельности Коммунистического союза молодежи Китая, например, занимая в этой организации руководящие должности. При средних школах и вузах активно работали подотчетные партийным комитетам молодежные союзы. Эти союзы фактически копировали структуру подразделений и иерархию должностей партийной организации. Достижения молодых людей с опытом работы в качестве «учащихся-кадров» фиксировались в их личных делах и должным образом учитывались, оказываясь способными сыграть определяющую роль в случаях, когда результаты тестирования человека были ниже требуемого балла или когда нужно было определить, в какое учебное заведение или на какую образовательную программу человека направить [Shirk 1982; Unger 1982].

Эти же два политических критерия — классовая принадлежность и политическая активность — применялись, когда после

завершения обучения в вузах приходила пора распределять бывших студентов на работу. К этому времени членство в партии становилось эмблемой политической лояльности для тех учащихся вузов, которые вступили в КПК во время обучения. Так, в 1965 г. 7,8 % студентов Пекинского университета и 13 % студентов Университета Цинхуа уже состояли в партии [Walder 2009: 23]. У этих учащихся были самые высокие показатели политической активности. Выпускников отбирали в министерства, в исследовательские институты, на госпредприятия или в аспирантские программы с учетом классового происхождения, личных дел и рекомендаций наставников. Бывшие учащиеся, уже состоявшие в партии, получали доступ к широкому спектру возможностей.

Становился очевидным диссонанс между политическими и меритократическими факторами карьерного продвижения человека. Более поздние исследования позволяют сформировать четкую картину того, как этот потенциальный конфликт разрешался. По сути, КПК сформировала две карьерных лестницы, которые были ориентированы на два различных набора личных и профессиональных качеств [Walder 1995]¹⁶. Вполне закономерно, что диплом вуза не был обязателен для занятия руководящего поста в правительстве, на промышленном предприятии или в общественной структуре. А вот членство в партии было просто необходимо¹⁷. Без учета всевозможных иных факторов, у членов партии было более чем в восемь раз больше шансов получить повышение на должность с полномочиями по принятию решений, чем у людей, не состоявших в партии. Образование играло здесь ту же роль, что и в случае с зачислением в члены партии: завер-

¹⁶ Задолго до того, как стали доступны данные биографических опросов, [Oksenberg 1968: 67] уже указывал: «Когда кто-либо делал выбор в пользу возможностей за пределами политической системы, этот человек не мог позже поменять решение в пользу возможностей, доступных через политическую систему».

¹⁷ Этот и следующий абзац основаны на [Walder et al. 2000: 200]. Схожие показатели были выявлены при анализе иной подборки данных и зафиксированы в [Bian et al. 2001].

шение обучения в средней школе повышало шансы на служебный рост в 2,5 раза, но окончание вуза не давало каких-либо дополнительных преимуществ.

С учетом повышенного внимания к политическим критериям при поступлении в вузы и получении работы поразительно, как мало значило членство в партии для тех людей, которые становились учеными, инженерами, врачами, экономистами, разработчиками правительственных планов или университетскими преподавателями. Хотя в середине 1960-х гг. все указанные должности были престижными и предполагали высокий оклад, состоять для получения элитной профессии в партии не было необходимости. Здесь ключевую роль играло образование. Наличие диплома о среднем образовании повышало шансы человека стать высококлассным специалистом почти в девять раз, а диплома о высшем образовании — примерно в 14 раз. Никакого увеличения шансов для продвижения человека по этому пути членство в партии не давало. Профессиональные карьеры, вне всякого сомнения, основывались на факте получения формального образования и ни на чем другом.

Может показаться, что режим не уделял особого внимания образовательным квалификациям официальных лиц, работавшим в партийных органах, правительстве и на предприятиях. Однако это далеко не так. Мы уже отмечали ранее, что членов партии часто рекрутировали еще в юном возрасте, в особенности среди молодых людей, которые рано начинали демонстрировать политическую лояльность и организаторские способности. Хотя такие люди редко заканчивали вузы до момента вступления в партию, КПК обеспечивала им широкие возможности получения дополнительного образования и отбирала молодых партийцев с лидерским потенциалом для прохождения дальнейшего обучения. Члены партии могли поступать в обычные университеты и после достижения совершеннолетия на основе рекомендаций и поручительства со стороны партийных организаций при рабочих ячейках. Самый яркий тому пример — практика «перевода» кадров на обучение в университеты. Региональные правительства также организовывали масштабные программы допол-

нительного образования в целях повышения качества руководства. Члены партии с вероятностью в более чем пять раз могли получить высшее образование через такие спонсируемые программы, а после завершения обучения в вузе получить продвижение на высокие руководящие посты с вероятностью в четыре с лишним раза выше, чем те люди, которые закончили вуз до начала профессиональной карьеры [Li, Walder 2001: 1398, 1402].

Власть и привилегии

Вступление в партию не оказывало немедленного непосредственного воздействия на условия жизни человека. Этот акт лишь открывал возможность будущего карьерного продвижения в качестве партийного кадра, если человек был партийным секретарем, или административного кадра, если человек занимал управленческую должность на предприятии или в правительственной структуре. В Китае действовала единая общенациональная система ранжирования кадров: от 26 — самого низкого ранга — до 1. Министры и высокопоставленные кадры обычно занимали ранги от 6 и выше, а кадры среднего звена, начиная от руководителей административных формирований, — от 15 и выше [Organization Department 2000, 14: 1224–1231]. Различия в условиях жизни не были результатом разницы в доходах. Денежные поступления могли различаться довольно значительно, но покупательная способность не приводила к существенной дифференциации в материальном положении. Привилегии исходили напрямую из правил, которые лежали в основе системы распределения льгот, предоставляемых официальным лицам по достижении ими определенного ранга. Причем льготы предоставлялись либо на безвозмездной основе, либо за номинальную плату.

Привилегии были связаны практически со всеми аспектами профессиональной и личной жизни. Официальные лица определенного ранга не могли больше развезжать на велосипедах, рабочие ячейки выделяли им автомобили с водителями. Чиновникам было проще передвигаться в пределах Китая. В случае

дальних поездок им предоставлялись мягкие сидячие или спальные места в поездах, что позволяло не ездить в переполненных и неудобных плацкартных вагонах. Высокопоставленные кадры обеспечивались просторными и удобными квартирами, в которых обычно были отдельные ваннные комнаты и кухни. Официальные лица, находившиеся на самых высоких уровнях иерархии, могли проживать в отдельных семейных особняках, пользоваться услугами домработниц и нянь и иметь круглосуточный доступ к автомобилю и водителю. Высокопоставленные лица имели доступ к продовольственным и потребительским товарам, которые нормировались для всего остального населения. Во время поездок они жили в гостиницах и гостевых домах более высокой категории. В ресторанах для официальных лиц имелись отдельные зоны, отличавшиеся более высоким уровнем обслуживания и более качественными блюдами.

Служебное положение также влияло на доступ к информации. На партийные и правительственные документы накладывались самые различные грифы секретности, которые были привязаны к чинам официальных лиц. Знакомиться с соответствующими документами могли только люди, достигшие определенного ранга. КПК публиковала несколько газет и сводок для служебного пользования, в которых была представлена более широкая информационная подборка, чем в официальных публичных СМИ. «*Цанькао цзыляо*» («Реферативные материалы») — бюллетень ограниченной рассылки, публиковавшийся информационным агентством «*Синьхуа*» («Новый Китай»), — включал в себя переводы статей из зарубежных новостных структур, затрагивающих более деликатные темы, чем схожее издание «*Цанькао сяоси*» («Реферативные новости»), которое было доступно во времена Мао всем кадрам. Издание «*Нэйбу цанькао*» («Внутренняя справка»), выпускавшееся дважды в день ИА «*Синьхуа*», содержало сообщения о новостях на территории страны и предназначалось именно для политических элит Китая. В нем рассказывалось о проблемах внедрения национальных политических курсов, природных бедствиях, региональных протестных движениях, а также публиковались иные материалы, считавшиеся не-

допустимыми для широкого освещения [Schoenhals 1985]. Более высокопоставленные официальные лица также имели доступ к иностранным книгам и фильмам, которые были запрещены к распространению среди широкой общественности.

Условия жизни и привилегии официальных лиц соответствовали их служебному положению, однако привилегии были сравнительно скромными, а условия жизни поразительным образом не так сильно отличались от условий жизни остального населения, по крайней мере пока человек не достигал самой верхушки иерархической пирамиды. Впрочем, в эпоху Мао даже самые высокопоставленные официальные лица Китая жили гораздо скромнее состоятельных людей в рыночных экономиках. Ситуация поменяется в будущем, но именно в этот период статусное потребление как явление не существовало. Случаи коррупции были редкими и незначительными по масштабам. И все же служебные привилегии ценились в условиях экономики, в которой потребительский аскетизм, казалось бы, на длительную перспективу возводился в принцип. Карьерная лестница позволяла человеку избежать лишений системы нормирования и дефицита товаров и жить в достатке и с комфортом, которые были доступны лишь небольшой части населения.

Закрытая иерархия

В государственной социалистической экономике с единой партийной иерархией неизбежно возникала связь между властными полномочиями и привилегиями. Впрочем, привилегии не предоставлялись просто так. Партийные бюрократы КНР жили принципиально иной жизнью, чем должностные лица в рыночных экономиках с либеральными политическими системами. Первое существенное отличие заключалось в отсутствии у китайских официальных лиц личного состояния или средств к существованию за исключением их правительственных постов. Да, у них были некие сбережения, определенные предметы быта, однако никакой значительной собственности или независимых средств самообеспечения у них не было. Жилье им выдавалось

по номинальной арендной плате, но не являлось их собственностью. Автомобили были приписаны к месту их работы. Расходы покрывались официальными структурами. Официальным лицам КНР не удавалось накопить существенного богатства, даже если они служили долго и успешно продвигались по службе. Привилегии были прямым выражением их ранга и оставались за ними, пока они оставались на хорошем счету.

Вторая отличительная особенность официальной службы была продолжением отмеченного выше положения: в партийном государстве у кадров не могло быть альтернативной работы. Они не могли покинуть свой пост и стать консультантами или открыть собственное дело. Они не могли эмигрировать. Они не могли произвольно уйти в отставку и жить за счет накоплений. Они не могли перевестись в другую организацию или провинцию и начать жизнь заново. Попытки выйти из системы или отойти от активной партийной жизни воспринимались как признаки политических колебаний, ослабление приверженности своим обязательствам в общем деле и нарушение партийной дисциплины. Единственными вариантами для того, чтобы сойти с этой карьерной лестницы, были малоприятные перспективы понижения в должности или исключения из партии, которые сопровождались немедленной потерей соответствующих привилегий. В любом случае личные желания человека не играли никакой роли¹⁸.

В дискуссиях по поводу особого положения кадров все эти факторы зачастую не учитываются. За свои привилегии этим людям приходилось дорого платить. Жизнь и положение кадров целиком зависели от партийной организации. Привилегии действовали до того момента, пока человек оставался на хорошем счету. КПК продолжала требовать конформизма и лояльности и после вступления в партию или назначения на ответственный

¹⁸ [Oksenberg 1976] анализировал последствия выхода лидеров на верхушку политической системы, отмечая при этом ранее, что по всем карьерным путям в рамках бюрократических структур не было возможности просто уйти [Oksenberg 1968: 66–67].

пост. Кадры обязывали реализовывать политические курсы, которые в некоторых случаях представлялись бессмысленными, добиваться выхода на целевые показатели, выявлять и наказывать предполагаемых предателей среди членов их рабочих ячеек. Кадры в большей степени, чем любая иная социальная группа, за исключением, возможно, военных, принуждались режимом к соблюдению дисциплины. Они не могли открыто противостоять завышенным требованиям сверху и жили с вечным осознанием, что неисполнение или несоблюдение партийных директив может поставить под угрозу их нынешнее положение и будущие перспективы. Получение отрицательной оценки за ненадлежащее качество работы или идейные шатания могли изменить всю жизнь человека. В этой системе фактически существовал только один работодатель. Самое худшее, что могло случиться с кадром, — попасть под кампанию по упорядочению стиля работы или выявлению скрытых врагов режима по аналогии с теми мероприятиями, которые имели место в Яньане в 1942–1944 гг. Это могло грозить человеку потерей должности и статуса или даже тюрьмой и трудовым лагерем. Кадры ощущали на себе большее давление, чем любая другая социальная группа Китая.

Дилеммы партийной трансформации

Фундаментальный переход от революционной партии к политической бюрократии стал неизбежным, как только было принято решение следовать советской модели. Стимулы для вступления в партию, карьерные преимущества от членства, личные качества и мотивация новых партийцев — все это в корне отличалось от долгих лет революционной борьбы. Партия, имеющая доступ ко всем экономическим ресурсам и возможностям карьерного продвижения, стала путем к власти и привилегиям. КПК трансформировалась в многочисленный класс чиновников, политическую машину, отличавшуюся всеми недостатками бюрократизированных организаций по всему миру.

К концу 1950-х гг. — достаточно быстро после образования КНР — Мао начали раздражать описанные изменения, в которых

он видел угрозу идеалам революционной жертвенности и борьбы. Бюрократическая система, в которой люди служили ради карьеры и особых привилегий, представлялась ему сменой одной формы гнета на другую. Многие коллеги Мао — лидеры нации — видели в этих преобразованиях не нечто негативное, а, скорее, эволюцию на пути к современной форме социализма, опирающегося на последние научно-технические достижения, и современные формы промышленной организации, которая должна была позволить выстроить продвинутое и процветающее государство. В этой модели предполагалась партийная монополия власти, но нашлось место и для высококвалифицированных специалистов, без которых ожидаемое светлое будущее не могло бы наступить.

Подобные воззрения на будущее социализма нашли распространение в СССР после смерти Сталина. Стоит подчеркнуть, что речи о транзите к демократии здесь не шло. В равной мере это не был путь к рыночному капитализму. Однако новая система была гораздо более стабильная и предсказуемая, чем модель Сталина. Были прекращены массовые кампании по поиску скрытых врагов. Прокламации о продолжающейся классовой борьбе и подпольных заговорах были объявлены достойной сожаления ошибкой прошлого. Пострадавшие от репрессий были освобождены из трудовых лагерей, отменены их приговоры. Граждане могли жить спокойно и в достатке без опасений быть обвиненными в воображаемых политических преступлениях при условии, что они не демонстрировали инакомыслие. Публичное возвеличивание лидера в качестве национального героя и непогрешимого гения стало восприниматься как признак личного невежества и общегосударственной отсталости, манифестация феодального мышления и печальное отступление от пути к социализму, которое под жестким правлением Сталина привело к невообразимой катастрофе.

К середине 1960-х гг. Мао решил, что советские взгляды на социалистическое будущее после смерти Сталина стали отклонением от правильного революционного пути. Перспективы созданной им системы он видел по-другому и не желал, чтобы

его партийное государство постепенно трансформировалось в стабильную бюрократию, в которой высокопоставленные чиновники управляли подчиненными и лишь на словах верили в революционные идеалы, а на деле больше заботились о продвижении по службе и собственном материальном благополучии. Мао видел выход из этой ситуации в воспроизведении духа борьбы и жертвенности, который обеспечил невероятные победы в прошлом. Он хотел видеть не осторожное планирование с опорой на содействие научных экспертов и технических специалистов, а мобилизацию партии и общества на новые триумфы над природой и врагами, которые пытались разрушить революцию изнутри. В конце концов Мао решится разгромить сформированную государственную машину и начать с нуля в надежде, что его престиж и статус не уступающего Сталину гения позволят мобилизовать народные массы против партийного истеблишмента, а членов высшего руководства — друг против друга. Начиная с 1957 г. Мао потребуются еще несколько лет и еще несколько политических инцидентов, чтобы прийти к этому плану, концентрированным выражением которого станет «культурная революция».

Глава 7

К оттепели и обратно

К 1956 г. Китай практически завершил цикл революционных преобразований. Земельная реформа позволила быстро сформировать коллективные фермерские хозяйства. Производственные активы были национализированы, а частное предпринимательство и коммерция исчезли. Были заложены основы бюрократической экономики в советском стиле. На фабриках, в конторах и деревнях по всей стране КПК развернула свои властные структуры. Статус человека теперь не базировался на его владении собственностью, а благосостояние больше нельзя было передавать по наследству. Люди получали доступ к общей собственности и услугам, исходя из их положения в бюрократической иерархии, которое было связано с принадлежности к партийной системе. Преобразования коснулись образовательных учреждений и интеллектуальной жизни общества. На смену прежнему сильному воздействию западных идей пришло увлечение «продвинутыми» советскими доктринами. Исторические связи Китая с рыночными экономиками были разорваны. Хотя формально страна не находилась под диктатом Москвы, она оказалась втянута в орбиту мировой коммунистической системы.

Это было первое с конца Цин полноценное объединенное национальное государство Китая, в которое вошли практически все бывшие территории империи. Это также было первое современное государство Китая, в котором на всех уровнях, от Пекина до деревень, властвовала бюрократия на жалованье. В 1956 г. китайское руководство могло с удовлетворением созерцать свое прошлое и с уверенностью устремлять взгляд в будущее. С точки

зрения лидеров КНР, после неожиданной победы в гражданской войне они смогли сосредоточить в своих руках контроль над всей страной. Китайские вооруженные силы составили на Корейском полуострове серьезную конкуренцию США и другим странам, сведя на нет боевые действия. Китай стремительно продвигался по пути к социализму. В частности, коллективное сельское хозяйство было сформировано без жестокого принуждения и тяжелейшего голода, которые сопровождали в начале 1930-х гг. создание колхозов в СССР.

Конечно же, этим переменам сопутствовали террор и насилие. Земельная реформа и кампании против «контрреволюции» в начале 1950-х гг. увенчались казнями свыше миллиона человек и лишением свободы еще большего их числа. «Борьба против трех зол» и «борьба против пяти зол» лишили собственности владельцев магазинов и предпринимателей в городах. Идеологическая перестройка вынудила образованных китайцев публично отказываться от своих воззрений, обещать пересмотреть свои «реакционные» взгляды и присягнуть на верность новому режиму. Кампании против всевозможных «отступлений» от социалистической доктрины волнами накатывали на литераторов и ученых, захватывая и ведущих представителей интеллигенции в самой партии, которых обвиняли в наличии ошибочных и подрывных идей, а иногда и в контрреволюционных замыслах.

Эти перемены происходили гораздо быстрее, чем предполагалось изначально. Мао был самым решительным сторонником скорейшего транзита к социализму в советском стиле. После введения в действие в 1953 г. своей «Генеральной линии» он неуклонно добивался этой трансформации, параллельно критикуя и принуждая к подчинению коллег, призывавших к более последовательным преобразованиям. Мао ассоциировал социализм с моделью, созданной в СССР при Сталине, и не терпел аргументы в пользу постепенных изменений. В первую очередь он настаивал на ускоренной индустриализации, воспринимая преобразования по советскому образцу как наиболее вероятный для Китая путь к успеху. Выступая против тех, кто высказывался за более осторожный и сбалансированный подход, он требовал поставки

огромных объемов зерна от новых коллективных фермерских хозяйств и увеличения инвестиций и повышенных производственных показателей от тяжелой промышленности. Самоидентификация Мао с советским социализмом времен Сталина выразилась в разрастающемся культе вокруг его роли в качестве главы партии. Публиковались собрания его сочинений. Его портреты развешивались в конторах и цехах по всему Китаю. Маоизм был закреплен в уставе КПК от 1945 г. как руководящий принцип всех партийных мероприятий. Мао поразительным образом преуспел в своих начинаниях в его собственной системе координат.

После смерти Сталина в марте 1953 г. советский блок пережил преобразования, которые коренным образом отличались от процессов, имевших место в тот же самый период времени в Китае. Осознание глубины этих изменений к 1956 г. сильно ударило по КНР, приведя к серьезным разногласиям в ее руководстве и первому реальному политическому кризису нового режима. Оставив позади прежний оптимизм и ощущение близости успеха, начиная с этого времени и практически вплоть до конца жизни Мао страна будет переживать серию разрушительных потрясений.

Нестабильность в советском блоке после смерти Сталина

Изменения, которые Китай переживал в эти ранние годы нового режима, происходили и в странах Восточной Европы, оккупированных по окончании Второй мировой войны войсками СССР. К 1953 г. в этих государствах сложилась ситуация, в целом схожая с обстоятельствами, с которыми Китай столкнулся в 1956 г. Однако в случае Восточной Европы менее благоприятный расклад привел к кризису середины 1953 г. Стоит отметить, что импульсом для политических потрясений внутри КНР в 1957 г. обычно считается развенчание Хрущевым культа личности Сталина на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. Однако это выступление было кульминацией перемен, которые начались в советском блоке еще три года назад, сразу после смерти Сталина.

«Московские коммунисты», вставшие во главе марионеточных режимов в восточноевропейских странах, оказавшихся в сфере

контроля СССР, преданно проводили ускоренную социалистическую трансформацию, репрессии в отношении политических врагов, чистки в рядах политических оппонентов и амбициозные программы индустриализации, которые имеют некоторые параллели со схожими сюжетами в Китае. Как и Мао, эти лидеры играли по общим советским правилам и копировали революционные преобразования, происходившие в СССР в конце 1930-х гг. Ведущие фигуры Восточной Европы копировали стиль управления Сталина, зачастую формируя вокруг себя атрибуты культа личности.

Интенсивное «строительство социализма» в этих странах сопровождалось тяжелыми сбоями. Наиболее очевидными они оказались в Германской Демократической Республике (ГДР), которая была образована как отдельное государство в 1949 г. Новый режим уже пытался установить там методом принуждения политический контроль, но в 1952 г. в стране началась усиленная кампания по строительству социализма, включавшая в себя суровые меры в отношении частных предприятий, наступление на протестантские церкви, переход на массовые инвестиции капитала в тяжелую промышленность, что привело к понижению заработных плат, введению нормирования и дефициту продовольствия, а также «классовой борьбе» с теми, кто осмеливался сопротивляться [Baring 1972: 3–49; Bruce 2003: 159–165]. В начале 1950-х гг. почти полмиллиона человек бежали из ГДР в Западную Германию. Пик миграции пришелся на первые месяцы 1952 г., когда к общему потоку отъезжающих на Запад присоединились полицейские и пограничники. Отток квалифицированной рабочей силы ставил под вопрос возможность выполнения экономических программ режима. Полностью решить проблему удалось лишь в 1961 г., когда было завершено строительство Берлинской стены [Kramer 1999: 13]. Некоторые очаги напряженности возникли и в Болгарии: в период с 1948 по 1950 г. ускоренная коллективизация и тяжелые репрессии привели к экономическим сложностям, которые, в свою очередь, послужили поводом для серии местных восстаний [Ibid.: 15].

После смерти Сталина новое руководство СССР провозгласило свое намерение смягчить прежний репрессивный подход

и отказаться от отдельных политических курсов, которые вызывали в государствах-сателлитах всеобщее недовольство. Это указывало на возможность грядущих перемен, и во многих случаях волнения в народе выливались в уличные протесты. В мае 1953 г. забастовки и демонстрации прокатились по Болгарии [Ibid.: 15–17]. Провозглашение в Чехословакии новой экономической политики, которая должна была сопровождаться девальвацией национальной валюты и падением покупательной способности населения, привело к периодическим забастовкам и манифестациям в первые три месяца 1953 г. По мере распространения слухов о надвигающейся девальвации свыше 32 тысяч рабочих присоединились к протестному движению в апреле и мае. Когда 1 июня девальвация была официально объявлена, тысячи рабочих покинули крупную автомобильную фабрику Škoda в городе Пльзен. К ним присоединились и другие граждане. Произошли ожесточенные столкновения бастующих с милицией и силами безопасности, с обеих сторон были пострадавшие. После того как армия отказалась стрелять по людям, демонстранты начали штурмовать и крушить правительственные здания, избивать непопулярных чиновников и выбрасывать из окон бюсты Сталина и Клементы Готвальда, недавно скончавшегося председателя Коммунистической партии Чехословакии. Восстание удалось подавить лишь с прибытием в регион из Праги специальных вооруженных подразделений министерства внутренних дел [Ibid.: 17–22; Ostermann 2001: 113–142].

Восстание в Пльзене вскоре оттенило гораздо более крупное протестное выступление, двумя неделями позже прокатившееся по Восточной Германии. Эта новая акция приобрела такой размах, что под угрозу было поставлено само выживание нового режима. Негодование вызвала экономическая политика, имевшая много схожего с тем, что происходило на территории Чехословакии: новая система организации промышленности предполагала ускорение темпов работы при понижающих «корректировках» доходов работающих. Забастовки начались практически сразу же после того, как обнаружилось, что рабочим срезали заработные платы. В середине июня масштабные уличные демонстрации

были инициированы в Берлине. Свыше полумиллиона рядовых граждан вышли в поддержку бастующих рабочих. Люди собирались перед резиденциями партии и правительства. В своих требованиях митингующие дошли до призыва к свободным выборам. На введении первых экономических послаблений активность правительства прекратилась, и волнения переметнулись на все промышленные города Восточной Германии. Кульминацией событий стало всеобщее восстание 17 июня 1953 г. На фоне расширения кризиса и надвигающегося коллапса нового режима порядок удалось восстановить лишь путем введения военного положения и массированного ввода вооруженных сил и танков СССР. Десятки людей были убиты, еще большее число было арестовано, многие были казнены [Baring 1972: 51–113; Bruce 2003: 165–199; Kramer 1999: 40–45, 48–50, 52–54; Ostermann 2001: xxxi–xxxvi, 1–21]. Восстание в ГДР, произошедшее практически одновременно с волнениями в Чехословакии, подорвало уверенность коммунистических лидеров во всем регионе и вынудило новое руководство в Москве пересмотреть свою стратегию.

Ответом СССР на описанные события стала «оттепель» — ослабление неприкрытых репрессий и некоторое свертывание мер по ускоренному строительству социализма. Кремль заключил, что избранная политика была, в сущности, верной, но внедрялась чрезмерно резко. В самом начале борьбы за власть после смерти Сталина был обвинен в измене Родине и казнен Лаврентий Берия, прежний руководитель секретной полиции. Вина за предшествующие репрессии была возложена на него [Brown 2009: 234; Kecskemeti 1961: 40–46; Knight 1993: 194–200, 203–224; Taubman 2003: 250–263]. В Москве был инициирован процесс десталинизации, выразившийся в систематическом освобождении политических заключенных и частичном ослаблении политического гнета. Нарастала критика периода правления Сталина в СССР. Коммунистических лидеров в государствах-сателлитах обвиняли в слишком сильной зависимости от репрессий в реализации изменений, форсировании перехода к социализму и продвижении ускоренной индустриализации за счет качества жизни населения. Кремль начал диктовать Восточной Европе «новый курс»:

отказ от «классовой борьбы» в пользу повышения уровня жизни рядовых граждан и менее догматичный, более открытый подход к интеллектуальной жизни населения.

Москва, выступая теперь с неприкрытой критикой в отношении лиц, которые создавали «волны политических репрессий», реализовывали «экономические авантюры» и выстраивали «культ личности», принуждала к проведению изменений во всем регионе, требуя в отдельных случаях ухода давних лидеров в отставку. Так, непримиримому генсеку ЦК Венгерской коммунистической партии Матьяшу Ракоши пришлось уступить пост премьер-министра стороннику демократических реформ Имре Надю, который приступил к преобразованиям как экономики, так и интеллектуальной жизни общества¹. Форсированные меры по национализации промышленности и повышению производительности, а равно и массовые чистки, политический террор и преувеличенное восхваление лидеров более не ценились. Они вели к подрыву экономики, являлись источником народного недовольства и в конечном счете приводили к политической нестабильности. По мере консолидации своей власти в СССР Хрущев приказал организовать для повторного расследования дел в отношении жертв сталинских репрессий специальные комиссии и освободил из трудовых лагерей тысячи заключенных [Applebaum 2012: 437; Kramer 1999: 5–6; Taubman 2003: 275–277].

Югославия под руководством Иосипа Броза Тито стала первой страной, выступившей с осуждением сталинизма. После изгнания из советского блока в 1950 г. эта страна выступала с концептуальными критическими замечаниями по поводу бюрократического упадка СССР [Brown 2009: 203–209; Johnson 1972: 65–121; Rusinow 1977: 32–70]. Внутри же советского блока никто не пошел в порицании наследия Сталина дальше, чем Польша. В январе 1955 г. Польская объединенная рабочая партия выступила с жесткой оценкой воздействия сталинистской политики. Еще более

¹ [Nagy 1957] — целая книга, посвященная защите наиболее умеренных постсталинистских курсов 1955–1956 гг. Автор выступает, таким образом, борником десталинизации в Венгрии.

яростным осуждением этой политики отметились неофициальные представители ПОРП. В течение 1955 г. рамки допустимой критики Сталина и его последователей все более расширялись. Недовольство во многом исходило изнутри партии: последовательные коммунисты выступали против недавних изменений в ее курсе. Они протестовали как против ожесточенных репрессий и цензуры, так и против бюрократического централизма, который являлся в советской системе ядром экономического планирования. Следуя идеям, реализованным ранее в Югославии, партийные экономисты Польши и Венгрии выработали планы по децентрализации бюрократической экономики с адаптацией к ней рыночных технологий для повышения эффективности и улучшения качества жизни [Brown 2009: 272–276; Milenkovitch 1971: 54–120]. Эти тенденции резко контрастировали с направлением, по которому в тот же период пошел Китай. Мао продолжал подталкивать КНР на путь, проложенный Сталиным, будто бы игнорируя либерализацию и послабления, которые имели место в советском блоке. Он начал продвигать ускоренную коллективизацию и национализацию в 1953 г., как раз в тот момент, когда Москва осуждала такие политические курсы как «авантюры» государств-сателлитов. Всекитайская кампания против критика и писателя Ху Фэна и его «последователей» в 1954 г. и возобновление массовых арестов и казней в рамках борьбы за «ликвидацию контрреволюционеров» в 1955 г. шли вразрез с распространяющейся в Восточной Европе «оттепелью». Наконец, культ собственной личности, который председатель КНР начал вырабатывать еще в конце 1930-х гг., оставался незыблемым. Мао был вынужден столкнуться с этими противоречиями лицом к лицу в феврале 1956 г., когда Никита Хрущев в своей известной речи представил Сталина в весьма нелюбимом свете.

Хрущев разоблачает Сталина

Хотя десталинизация набирала обороты в советском блоке почти три года, доклад Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. тем не менее поверг всех в шок. Его содержание вышло за

рамки самых смелых предположений большей части советского руководства, многие представители которого полагали, что Хрущев перегнул палку. Формально доклад был посвящен «культу личности», однако Хрущев детально изобличил кровопролитные чистки, опустошившие партийное руководство в конце 1930-х гг. Это был абсолютно новый курс, предполагавший фундаментальные последствия. До этого советское руководство вменяло массовые казни верных коммунистов в вину Лаврентию Берии, руководителю органов безопасности и первому заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР, входившему в ближайшее окружение Сталина. В своем докладе Хрущев назвал главным злодеем умершего руководителя СССР лично. Четыре часа подряд он живописал фигуру Сталина — массового убийцы-садиста — и культ его восхваления, который тот целенаправленно выстроил вокруг себя как гротескную манифестацию тирании в самых худших ее проявлениях [Brown 2009: 236–243].

На съезде присутствовали представители всех братских коммунистических держав, включая многих высших руководителей. С самого начала съезда создалось ощущение, что репутация Сталина заметно пошатнулась. Тем не менее делегаты вскочили со своих мест и громко приветствовали одобрительные слова в его адрес, содержащиеся в зачитанном на заседании письме Мао Цзэдуна [Ibid.: 240–243; Taubman 2003: 270–271]. «Тайная речь» Хрущева была озвучена в последний день съезда на незапланированной закрытой сессии, в которой участвовали только представители СССР. Это был сокрушительный удар по Сталину. Хрущев обвинил его в «тяжких злоупотреблениях властью». «Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казни без суда и нормального следствия порождали неуверенность в людях, вызывали страх и даже озлобление». Обвинения в участии в подпольных контрреволюционных заговорах представлялись «нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу». Невинные люди вынуждены были соглашаться с абсурдными приговорами по причине применения к ним «физических методов воздействия, истязаний, доведения до обморочного состояния, доведения до умопомрачения, лишения человеческого достоинства». Судя по

всему, самыми поразительными фрагментами длинной речи Хрущева стали озвученные им данные о чистках 1930-х гг., уточненные по результатам недавних исследований. 98 из 139–70 % — полных членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных в 1934 г., были арестованы и расстреляны. Из 1966 делегатов XVII съезда 1934 г. с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях 1108 человек. Стенограмма XX съезда фиксирует потрясение, которое вызывали в аудитории эти цифры («возмущение в зале») [Khrushchev 1962: S20–S21]. Хрущев осуждал Сталина за «манию величия» и «тошнотворно-льстивое» преклонение, которого тот требовал по отношению к себе, и описывал его как некомпетентного де-факто лидера и слабого в военное время главнокомандующего. Чистки военного командования СССР непосредственно перед войной роковым образом ослабили обороноспособность страны, а коллективизация подорвала советское сельское хозяйство [Taubman 2003: 271–273]².

Как отмечает биограф Хрущева, речь о культе личности «была самым храбрым и отчаянным делом, на которое он пошел» [Taubman 2003: 274]. Дискуссия о содержании доклада в преддверии съезда растянулась на несколько недель. Большинство коллег Хрущева настаивали, что в критике Сталина следует проявить большую сдержанность. Окончательная версия речи корректировалась вплоть до дня заседания. Хрущев пошел в ней гораздо дальше, чем могли ожидать его коллеги, и, под напором эмоций в момент выступления, он даже дополнил доклад еще более яркими эпитетами. В начале марта под грифом «секретно» вышла красная брошюра, содержащая отредактированную версию стенограммы съезда. Издание было распространено среди партийных комитетов и непартийных активистов по всему СССР [Lüthi 2008: 48–49; Taubman 2003: 277–282].

На брифингах для иностранных делегатов съезда поздно вечером 25 февраля были представлены выдержки из доклада в устной форме. Многие из иностранных участников съезда, в особенно-

² Полный перевод речи на английский язык представлен в [Khrushchev 1962].

сти лидеры государств-сателлитов — сталинисты старой школы, были ошеломлены. Польский государственный деятель Польши Болеслав Берут находился в кремлевской больнице с воспалением легких, когда ему доставили текст доклада. Во время чтения документа у него случился инфаркт миокарда. Берут скончался 12 марта [Taubman 2003: 290]. Польская объединенная рабочая партия, которая как раз переживала десталинизацию, выполнила несанкционированный официальный перевод текста доклада, который разошелся тиражом в 18 тысяч экземпляров среди всех партийных организаций Польши. Столь широкое распространение документа среди членов партии, которые уже и без того пребывали во взвинченном состоянии, сделало неизбежным публикацию доклада за пределами Польши. *The New York Times* представила выдержки из речи Хрущева уже в середине марта и полный перевод доклада 5 июня 1956 г., обеспечив распространение выступления советского лидера о культе личности по всему миру³. Руководители КНР получили полный текст доклада вскоре после того, как в середине марта выдержки из речи начали появляться в западных СМИ [Leese 2011: 30].

Выступление Хрущева имело далеко идущие последствия для всего советского блока, даже для КНДР, где Ким Ир Сен с конца Корейской войны в 1953 г. направлял все усилия на консолидацию личной диктатуры и изоляцию своего все более затворнического режима, неподвластного влиянию СССР и КНР. Краеугольным камнем личной власти Кима была новая идеология «чучхе» — националистическая концепция самообеспечения, направленная на отстаивание независимости КНДР перед лицом усиливающегося давления его двух могущественных спонсоров: СССР и Китая. Когда в июне 1956 г. Ким посетил СССР и несколько восточноевропейских стран, Хрущев и другие советские лидеры подвергли критике его экономическую политику и в особенности его

³ Сообщается, что представитель израильской разведки в Варшаве получил доступ к копиям материалов, которые были переданы ЦРУ, а в дальнейшем, через Госдепартамент США, — *Times* [Taubman 2003: 284]. По другой версии, первый секретарь польской партии лично раздавал копии материалов корреспондентам иностранных газет [Leese 2011: 29–30].

стремление формировать вокруг себя культ личности. Критически настроенные руководители Трудовой партии Кореи восприняли такое развитие событий как хороший знак. В конце августа несколько лидеров прокитайской фракции движения, заручившись поддержкой просоветской фракции, бросили Киму прямой вызов в связи с его экономической политикой и разрастающимся культом личности. Ким отреагировал на их заявления чисткой. Несколько ключевых официальных лиц КНДР покинули страну и получили политическое убежище в Пекине и Москве. Вскоре Мао и советские лидеры обрушились на Кима с критикой за использование в разрешении внутривнутрипартийных разногласий арестов и казней, а равно и за его практику обозначать своих противников как «иностранных агентов» и «классовых врагов». Совместная китайско-советская делегация, посетившая Пхеньян в надежде помочь Киму «исправить свои заблуждения», смогла добиться лишь временных ограниченных уступок [Chen 2015: 108–114].

Перевоороты в Польше и Венгрии

Разоблачение культа личности Сталина Хрущевым привело к гораздо более драматическому развитию событий в Польше и Венгрии, ситуацию в которых определяли политический кризис и нестабильность. Они достигли кульминации, когда в 1956 г. Польша едва избежала вторжения СССР. Венгерский же режим пал в ходе общенационального восстания, и коммунисты были возвращены к власти лишь после массивной военной интервенции СССР и других стран Организации Варшавского договора.

Еще до выступления Хрущева Польская объединенная рабочая партия была очагом брожения умов по поводу злоупотреблений сталинской эпохи. После неожиданной смерти в середине марта 1953 г. первого секретаря ПОРП Болеслава Берута его пост занял Эдвард Охав, который инициировал либерализацию сверху, сопровождавшуюся параллельной радикализацией снизу. Десятки тысяч заключенных были освобождены. Молодые представители интеллигенции создавали по всей Польше группы для проведения независимых дискуссий. В официальных СМИ публиковались

критические статьи. Началось восстановление Католической церкви. Рабочие выступали за улучшение условий работы и повышение оплаты труда. Фермеры жаловались на принудительные закупки их продукции по государственным расценкам и требовали сворачивания коллективизации. Партийные кадры и сотрудники безопасности были деморализованы [Machcewicz 2009: 35–86].

Охаб попытался держаться золотой середины, которая оказалась бы приемлемой и для сторонников жесткой руки, и для людей, выступавших за самобытный польский путь к социализму. Одним из его первых шагов стало восстановление членства в партии Владислава Гомулки, придерживавшегося умеренных позиций бывшего партийного лидера, который в 1948 г. был отстранен Берутом с руководящих должностей и подвергнут в 1951 г. аресту и изгнанию из движения. Берут освободил Гомулку лишь в 1954 г. на фоне инициированной Москвой десталинизации. Гомулка стал в Польше символом реформ и независимости. Ситуация вскоре вышла из-под контроля. В июне 1956 г. фабричные рабочие устроили в промышленном городе Познань демонстрации с требованиями о повышении зарплаты. Манифестации быстро переросли в полномасштабный мятеж, в который оказалось вовлечено свыше половины населения города. Поджигались здания ПОРП, демонстранты под руководством рабочих вступали в столкновения с силами безопасности и военными. В результате погибло по крайней мере 74 человека, пострадали еще сотни людей [Kramer 1998: 168–174; Machcewicz 2009: 97–124].

Критические настроения сохранялись в ПОРП и после подавления восстания в Познани. Таким образом у Гомулки появилась мощная база поддержки. Он был восстановлен в Политбюро и вскоре заменил Охаба в качестве лидера страны [Machcewicz 2009: 125–157]. Избрание нового высшего руководителя Польши без участия Москвы вызвало в СССР беспокойство. Что было еще хуже, теперь ПНР требовала убрать советского маршала Рокоссовского, который был навязан ей в качестве министра обороны. Советские войска начали движение в сторону столицы Польши, дополнительные силы были переброшены и к ее границе. Хрущев потребовал провести встречу с ним в Варшаве,

но получил отказ. 22 октября по многим городам Польши прокатилась волна массовых протестов. Полмиллиона человек вышли на улицы Варшавы, чтобы продемонстрировать неприятие вмешательства СССР. Восстание распространилось и на сельские районы. К концу 1957 г. было ликвидировано 85 % кооперативов, что сигнализировало о полноценном отказе от коллективизации в Польше. В сопровождении нескольких членов Политбюро Хрущев самолично прибыл в Варшаву без приглашения. После напряженных переговоров советского лидера удалось отговорить от вторжения в Польшу и убедить в необходимости дать Гомулке возможность восстановить стабильность в стране. Гомулка выполнил свои обещания: баланс сил сохранялся в ПНР вплоть до следующей волны недовольства в 1970 г. [Kramer 1998: 168–174; Machcewicz 2009: 158–189, 241–252; Taubman 2003: 291–294].

Компромисс Хрущева в Польше был продиктован еще более проблематичной ситуацией в Венгрии. В июле СССР настоял на уходе с поста генерального секретаря ЦК Венгерской коммунистической партии убежденного сталиниста Матьяша Ракоши. За время своего руководства Ракоши провел серию чисток и казнил многих партийных лидеров. Незадолго до своей отставки он успел сместить с должности премьера-реформатора Имре Надя, а к концу 1955 г. добился его изгнания из партии за «правый уклон». В свете февральской речи Хрущева Ракоши пришлось пойти на попятную и реабилитировать многих коммунистов, которых он в прошлом бросил в тюрьму или казнил после показательных судилищ как предполагаемых шпионов-«титоистов». Наиболее влиятельной среди этих фигур был Ласло Райк, который до своей казни в 1949 г. занимал пост министра внутренних дел Венгрии. В дальнейшем Ракоши сильно подорвал свой авторитет, поскольку использовал обвинения против Райка в качестве основания для еще более мощной волны арестов партийных лидеров [Keszskemeti 1961: 17–39, 71–82]. Интеллектуальные брожения Будапешта концентрировались вокруг «кружка Петефи» — форума, организованного Ракоши в марте 1956 г. в ответ на доклад Хрущева. Эта группировка становилась все более радикальной и постепенно превратилась в центр противостояния своему со-

здателю. Взволнованная этими событиями Москва утратила уверенность в способности Ракоши обеспечивать порядок. В середине июля на пост первого секретаря ЦК ВКП был назначен Эрне Гере [Ibid.: 47–70]⁴.

К октябрю ситуация стала критической. Выступая на официально разрешенной церемонии перезахоронения Ласло Райка, считавшегося к этому времени жертвой сталинизма, Надь заверил собравшихся, что вскоре они будут участвовать и в похоронах сталинизма. Через день он был восстановлен в ВКП, став таким образом наиболее перспективным кандидатом на проведение в Венгрии мер по стабилизации и принятию реформ. Вскоре уличные демонстрации приняли более ожесточенный характер. 22 октября 5000 студентов собрались у Будапештского технологического университета и обнародовали манифест, призывавший к выводу советских войск, проведению внутрипартийных выборов, снятию всех сталинистов с руководящих должностей и формированию нового правительства Надя. Учащиеся объявили о своей солидарности с «движением за национальную независимость» Польши и призвали к «свободе мнений и самовыражения» и «свободе для прессы и радио». На следующий день, 23 октября студенты собрались у здания радиостанции в Будапеште, чтобы потребовать общенациональной огласки их манифеста. Директор радиостанции согласился, но ограничился лишь имитацией трансляции, которая не пошла дальше местной системы громкоговорителей. Когда об обмане стало известно студентам, они пошли на штурм здания радиостанции. В тот же день на центральной площади города под одобрительные возгласы десятков тысяч граждан была сброшена с постаментов огромная статуя Сталина. Хрущев приказал Гере вернуть Надя на пост премьер-министра тем же вечером. Однако Надь отказался следовать указаниям СССР и не подписал формальный запрос

⁴ «Кружок Петефи» назван по имени национального поэта Венгрии Шандора Петефи, который вдохновил венгерскую революцию 1848–1849 гг. Многие члены кружка были молодыми членами партии и активистами молодежных движений и выступали за реформаторский политический курс [Applebaum 2012: 448–455; Brown 2009: 279–280].

о восстановлении порядка в стране при помощи ввода советских войск. Вместо этого он объявил военное положение и обратился к венгерской армии с требованием его обеспечить. К утру 24 октября расквартированные в Венгрии советские войска были все же переброшены в Будапешт, где сконцентрировалось 6000 солдат и 700 танков. Этот контингент не смог справиться с толпами людей, вступивших с военными в вооруженные стычки с использованием зажигательных бомб и стрелкового оружия. Венгерская армия заняла в этом конфликте сторону протестующих [Kecskemeti 1961: 47–82; Taubman 2003: 290]⁵.

В разгар мятежа Надь сменил Гере на посту лидера ВКП и сформировал коалиционное правительство, в которое вошли лидеры политических партий, принужденных к роспуску в 1940-е гг. На фоне продолжавшихся уличных столкновений Хрущев поначалу принял решение вывести из Венгрии войска. Мао был солидарен с советским лидером, указывая, что судьбу страны должен решать «венгерский рабочий класс». Оба лидера изменили свой взгляд на ситуацию в связи с двумя инцидентами. Во-первых, толпа вторглась в будапештскую штаб-квартиру компартии, захватила в плен сотрудников безопасности и в качестве мести за массовый расстрел протестующих повесила их вместе с первым секретарем ВКП Будапешта на фонарях. Во-вторых, Надь вскоре объявил о намерении Венгрии покинуть Организацию Варшавского договора и призвал к окончательному выводу всех советских войск с территории Венгрии. Хрущев ответил на эти события массированным советским вторжением, в результате которого было убито свыше 2500 венгров и ранено еще более 20 тысяч граждан страны. В столкновениях погибли 700 советских солдат. Свыше 100 тысяч человек были подвергнуты после вторжения репрессиям, еще более 200 тысяч бежали через границу в Австрию. Несмотря на полученные им обещания, что он сможет безопасно покинуть посольство Югославии, в котором он скрывался, Надь

⁵ [Sebestyen 2006] в своем описании этих событий представляет драматический рассказ о том, как разворачивалась и затем подавлялась борьба на улицах Будапешта.

был заключен в тюрьму и вместе со своим министром обороны казнен в 1958 г. Венгрии пришлось снова выстраивать партийное государство с нуля [Brown 2009: 278–288; Kramer 1998: 175–210; Taubman 2003: 294–299; Ekiert 1996: 49–98].

*Сбой в системе: политические тренды внутри
Китая после 1953 г.*

Все эти события шокировали руководство КНР и оказались серьезным вызовом лично для Мао. Хотя он не практиковал столь же массовые чистки рядов официальных лиц, которые инкриминировались Сталину, начиная с 1953 г. Китай все же переживал периодические преследования «антипартийных групп» и «контрреволюционеров» в серии кампаний, в которых явно угадывался стиль управления Сталина в последние годы его жизни. Репрессии были направлены преимущественно против литераторов левого толка, которые, выступив против националистов, поддерживали коммунистов, но с самого начала не вписались в жесткие рамки диктата бюрократов, требовавших от них неизменного следования доктринам социалистического реализма [Goldman 1967: 58–66, 119–122, 129–139]. Призывая к отказу от стереотипов и выработке более тонкого подхода к персонажам и сюжетам, эти литераторы становились серьезной проблемой для бюрократов в органах пропаганды. В 1954–1955 гг. многие писатели были осуждены за «буржуазный идеализм» и лишены своих должностей. Наиболее заметными фигурами здесь оказались Фэн Сюэфэн и Дин Лин. Фактически это было возобновление кампании по перестройке образа мысли интеллигенции и ликвидации независимого мышления [Lin 2009: 484–495]. Летом 1955 г. обвинения в отношении известной писательницы Дин Лин переросли в обвинения в том, что она сформировала подпольную антипартийную группу. Дин Лин и ее сторонников сняли с их постов и задержали для проведения расследования [Ibid.: 523–525].

Оказавшиеся в подобных обстоятельствах люди обычно соглашались с предъявленными им обвинениями, надеясь, что это позволит им избежать тяжелого наказания, однако нашелся один

человек, который отказался принять приписываемые ему ошибки и вступил со своими обвинителями в полемику. Это был известный писатель Ху Фэн, депутат первого Собрания народных представителей КНР, член редакционной коллегии журнала «Народная литература» и член правления Союза китайских писателей. В июле 1954 г. Ху Фэн представил ЦК КПК обширный отчет, в котором он подверг критике догматическую и негибкую цензуру в отношении литературных и поэтических произведений и поименно порицал официальных лиц органов пропаганды. Последовавший за этим ответ властей на критику был диспропорционально жестоким. В 1955 г. была развернута кампания против «контрреволюционной клики Ху Фэна» [Chen 1960: 88–90; Dikötter 2013: 187–189; Goldman 1967: 129–157; Lin 2009: 501–521]. Писатель и его ближнее окружение были брошены за решетку как контрреволюционеры, а общенациональная кампания клеймила разделявших схожие взгляды «участников шайки Ху Фэна». Более 2100 авторов и редакторов были подвергнуты уголовному преследованию как возможные члены контрреволюционной банды. Из них 92 человека были заключены в тюрьму. Многие люди оказались смещены со своих постов [Lin 2009: 520–521].

Преследование литераторов не приняло слишком больших масштабов, однако оно вписывалось в более широкую волну репрессий, кульминацией которых стала инициированная в июле 1955 г. кампания по ликвидации контрреволюционеров. Среди проводившихся мер — активный пересмотр личных дел и политической истории людей, допросы подозреваемых и подстрекательство к доносам. В различных формах кампания продолжалась вплоть до 1957 г. К тому моменту расследование затронуло свыше 18,6 миллиона человек, из которых более 257 550 человек были признаны контрреволюционерами или «вредными элементами». Большинство этих людей было отослано в трудовые лагеря или переселено в деревни для работы «под присмотром». В ходе кампании 1717 подвергшихся гонениям людей совершили суицид [Ibid.: 558; Vogel 1969: 136–138].

В целом, политические тенденции, наблюдавшиеся на территории Китая после смерти Сталина, более походили на репрессии,

которыми были отмечены последние годы правления советского лидера, чем на «оттепель» и частичную либерализацию, которые произошли в советском блоке после кончины Сталина. При этом, они ни в коей мере не достигли размаха больших сталинских чисток конца 1930-х гг. И все же осуждение Сталина Хрущевым ставило КПК и в особенности самого Мао в крайне неловкое политическое положение. Китай не шел в ногу с остальными коммунистическими странами, продолжая следовать курсу в стилистике Сталина.

«Сто цветов»

События в советском блоке оказали на Китай несколько отсроченное влияние. Воздействие на КНР «оттепели» можно разделить на две стадии. Реагируя на доклад Хрущева от февраля 1956 г., Китай умерил возвеличивание Мао, начал подчеркивать значение для партии коллективного руководства и, после некоторой задержки, провел в жизнь собственную «оттепель». После октябрьских восстаний в Европе Мао пошел даже дальше, желая представить себя в новом ракурсе поборника открытости и критических настроений. Вопреки сильному противостоянию со стороны коллег, он настоял на проведении кампании по «исправлению ошибок», в которой критиками догматизма и злоупотреблений властью должны были выступать рядовые граждане. Это был искусный и неожиданный ход, весьма расходившийся с политическим мышлением Мао на тот момент. Понимая, что он сам может стать мишенью десталинизации, председатель КНР попытался взять верх над своими потенциальными критиками и показать себя сторонником открытости и сдерживания партийной власти народом.

Мы можем предположить, что резкий отказ Мао от его собственных взглядов преданного сталиниста не явился циничной уловкой, как это может показаться на первый взгляд. Да, в начале 1940-х гг. Мао создал в Яньане собственный культ личности. В процессе консолидации своей власти над Китаем КПК широко применяла принуждение и террор. Сам Мао был сторонником

ускоренной социалистической трансформации как сельского хозяйства, так и промышленности. Однако далеко не все те промахи, за которые Хрущев бичевал Сталина, и множественные ошибки коммунистов из Москвы в государствах-сателлитах можно было приписать Мао. Он не проводил масштабные зачистки руководства Китая на показательных процессах в сталинистском стиле. Он не устраивал групповые казни партийных официальных лиц. Он настаивал на чрезмерно ускоренном «переходе к социализму», однако в целом этот транзит не сопровождался теми нарушениями и актами насилия, которые имели место в Европе, в Китае не происходило восстаний восточноевропейского типа. На законных основаниях председатель КНР мог констатировать, что первые этапы социалистической трансформации Китая прошли сравнительно успешно.

И все же руководство КНР отреагировало на выступление Хрущева февраля 1956 г. с настороженностью и осмотрительностью, и его первые шаги к десталинизации были весьма неторопливыми. Речь о культе личности удивила и встревожила китайских лидеров, которые, как и лидеры братских коммунистических партий (да и, впрочем, как и коллеги самого Хрущева), не были предупреждены о содержании доклада заранее. Мао и другие руководители Китая пришли к выводу, что Хрущев перегнул палку и проигнорировал достижения Сталина. Как и окружение Хрущева, они волновались по поводу перспективы утраты после жесткого осуждения Сталина авторитетности социалистического блока и усиления империалистических врагов социализма. Наибольшее раздражение китайской стороны вызвал личностный характер нападок Хрущева, который, с точки зрения Мао, не дал разумного теоретического обоснования для отделения провалов Сталина от его успехов. Лидеры Китая были озабочены тем, как провести линию между недавней историей КНР и эпохой Сталина и как отделить фигуру Мао от фигуры Сталина [Leese 2011: 30–36; Lüthi 2008: 49–50; MacFarquhar 1974: 43–48].

5 апреля 1956 г. в газете «*Жэньминь жибао*» была опубликована передовая статья «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», направленная прежде всего на противодействие

очернению Сталина, заслуги которого значительно превосходили его ошибки. При этом в ней отметились критические замечания по поводу формирования Мао своего собственного культа личности. Сам Мао выступил с двумя речами. 25 апреля он рассказал «О десяти важных взаимоотношениях», призывав к «долгосрочному сосуществованию и взаимному надзору» между КПК и небольшими некоммунистическими партиями, которым было разрешено продолжать свою деятельность. Тем самым должен был быть сформирован «единый фронт» всех патриотически настроенных китайцев, в особенности профессионалов и управленцев, составлявших большую часть членов «демократических» партий. Еще более важной оказалась знаменитая речь от 2 мая 1956 г., в ходе которой Мао выступил с лозунгом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», сигнализируя о либерализации в сферах культуры и науки, а равно открытости к выдвижению немарксистских идей для содействия национальному развитию Китая. Конфликты «внутри народа», со слов лидера, не всегда следует считать равносильными конфликтам «между народом и его врагами». Эти речи, вместе с передовицей от 5 апреля, обличали чрезмерно жесткие репрессии, отсутствие коллективного лидерства, превращение легитимных разногласий в политические ошибки или преступления и чрезмерную поспешность в претворении в жизнь экономической политики [Lüthi 2008: 50–53; MacFarquhar 1974: 43–48; 1989: 6–7]. Это был сравнительно умеренный и, для лидеров КНР, сбалансированный подход к десталинизации.

Поначалу, по вполне очевидным причинам, опубликованные речи не спровоцировали открытую дискуссию. У людей еще были свежи в памяти кампания против контрреволюционной клики Ху Фэна и в особенности кампания по ликвидации контрреволюционеров. И все же за выступлениями Мао последовали и символические, и фактические изменения. Лю Шаоци и Пэн Чжэнь обратились к структурам безопасности с призывом арестовывать меньше людей, применять менее жесткие наказания и в целом смягчить используемые методы [MacFarquhar 1974: 78–85]. На VIII съезде КПК в сентябре 1956 г. из партийного устава были

исключены упоминания маоизма [Ibid.: 100–102]. Более того, представленный на съезде политический отчет указывал, что социалистическая трансформация промышленности и сельского хозяйства разрешила классовые конфликты на основе прежних способов производства и что теперь основная цель партии заключается в построении базы современной промышленности [Shen 2008: 322–323]. Существенным также стало значительное понижение в должности Кан Шэна, одного из главных инициаторов террористической по сути кампании 1943 г. по упорядочению стиля работы внутри КПК, которая обеспечила Мао на фоне начала культа его личности контроль над партией. Кан был разжалован с должности 6-го члена Политбюро до 5-го кандидата в члены. Тем самым он упал на 23-ю позицию в иерархии национального руководства — на 17 пунктов [MacFarquhar 1974: 148, 165; Organization Department 2000, 9: 36, 40–41]. Съезд КПК четко продемонстрировал, что партия отстает от своих наиболее ярко выраженных сталинистских тенденций [Leese 2011: 38–46].

Разногласия на тему упорядочения стиля

Мао хотел пойти дальше, но столкнулся с сопротивлением. Его прозвучавший в передовице «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» 5 апреля призыв к рядовым гражданам выступать с открытой критикой ошибок КПК не был включен в доклад Лю Шаоци на VIII съезде КПК [MacFarquhar 1974: 120–121]. Партийное руководство достигло согласия по поводу необходимости проведения кампании по исправлению стиля работы, однако общей позиции по поводу методов реализации этой кампании не было. Мао выступал за «упорядочивание стиля при открытых дверях», предполагавшее поощрение замечаний со стороны обычных граждан в адрес официальных партийных лиц. Предлагаемая альтернатива — «упорядочивание стиля за закрытыми дверями» — сводилась к взаимной критике членов партии. Справедливости ради, стоит подчеркнуть, что Мао не хотел ограничиться разоблачениями одних партийцев по поводу их неправильного поведения в отношении других партийцев. Он не

считал, что этого будет достаточно для того, чтобы преодолеть злоупотребления, которые вызывали негодование в отношении КПК. Мао отстаивал мысль, что люди вне партии также должны иметь возможность высказать свои сомнения, считая, что свободное выражение разочарований населения приведет к большей социально-политической гармонии в обществе. Тем временем оппоненты идеи «открытых дверей» настаивали, что открытая критика партии извне приведет к деморализации партийных кадров и к политической нестабильности [Ibid.: 178–183, 189–199; Shen 2008: 491–501].

По рассказам очевидцев, в этом разногласии Мао и Дэн Сяопину противостояли Лю Шаоци и Пэн Чжэнь. События в Венгрии обострили внутрипартийные противоречия. Некоторые лидеры утверждали, что открытость может обернуться хаосом, в то время как Мао настаивал на том, что подобная политика позволила бы избежать в Венгрии переворота. В конечном счете в споре выиграл Мао [MacFarquhar 1974: 177–178; Shen 2008: 501–522]. Официальная реакция КНР на восстание в Венгрии была выражена в еще одной передовице «*Жэньминь жибао*» «В продолжение об историческом опыте диктатуры пролетариата», опубликованной 29 декабря 1956 г. Статья опровергала высказанное югославским лидером Тито мнение, что восстание в Венгрии было бунтом против сталинизма и оказалось неизбежным итогом расползания советской системы. Китайцы настаивали на том, что проблема заключалась не в самой системе, а в ошибках руководства, которые приводили к «противоречиям между правительством и народом». Иными словами, события в Венгрии следовало списать на неправильные управленческие практики, но не на советскую систему. Следовало скорректировать поведение тех официальных партийных лиц, которые были склонны к «догматизму, бюрократизации и фракционализму». Призывы к смене системы надлежало воспринимать как ошибочные попытки ревизии идеологии марксизма-ленинизма [Leese 2011: 51–54; Lüthi 2008: 63, 70; MacFarquhar 1989: 9].

Это была изначально ограниченная и консервативная доктрина, которая не предусматривала пересмотра способов организа-

ции новых политических и экономических структур Китая. Предполагалось, что проблема была заключена не в самой системе. Соответственно, вопрос о реформах управления и экономики даже не ставился. Корнем зла считалось некорректное поведение отдельных кадров. Институтам, заимствованным Китаем у СССР, было предназначено оставаться в неизменном виде.

Мао развил эту идею в своей произнесенной 27 февраля 1957 г. речи «О правильном разрешении противоречий в народе» [Мао 1957; Shen 2008: 470–476; Goldman 1967: 187–191]. Мао предлагал открытый подход к исправлению ошибок управления, пытаясь представить себя в качестве новатора в мировом коммунистическом движении. Основная идея, скрывавшаяся в затянутой и бессвязной речи, продолжавшейся около четырех часов, состояла в том, что противоречия между партией и народом являются нормальным явлением, которое не следует воспринимать как проявление классово-вой борьбы. Эти противоречия следует со всей определенностью отделять от разногласий между партией и классовыми врагами. Критику партии не следовало автоматически приравнивать к контрреволюции, претворяемой в жизнь враждебными классами. Партия, неспособная к принятию критики и воспринимающая всех своих критиков как классовых врагов, совершает те ошибки, которые привели к восстанию в Венгрии, заключал Мао [Leese 2011: 57–60].

Речь Мао была попыткой усиленного продвижения кампании за открытый подход к исправлению стиля работы, которому, как ясно указывал лидер, зачастую противостояли партийные кадры [MacFarquhar 1974: 184–199]. В дальнейшем во время поездок за пределы Пекина в марте он выступал с аналогичными речами перед несколько более скромными аудиториями⁶. К тому моменту органы пропаганды КПК фактически саботировали посыл речи «Сто цветов», организовав кампанию изобличения автора рассказа, главный герой которого — молодой коммунист — разочаровывается в своих идеалах из-за циничности и некомпетент-

⁶ Переводы десяти речей представлены в [MacFarquhar et al. 1989: 191–362; Shen 2008: 476–490].

ности аппаратчиков [Cheek 1997: 174–175; Goldman 1967: 179–186; MacFarquhar 1974: 178–180]⁷. В особенности раздражение Мао вызывала газета «Жэньминь жибао», которая не публиковала его новаторские идеи по «противоречиям», пока сам лидер лично не позвонил по домашнему телефону редактору издания Дэн То и жестко не отчитал как последнего, так и еще нескольких чиновников органов пропаганды [Cheek 1997: 175–182; MacFarquhar 1974: 192–194]. Нападки Мао сдвинули новую кампанию с мертвой точки. Наиболее заметные критики новейшего политического курса, в частности Пэн Чжэнь, наконец-то сдались на милость победителя. В середине апреля «Жэньминь жибао» опубликовала пять передовиц, которые критиковали лиц, противостоящих открытости и «цветению ста цветов» [MacFarquhar 1974: 200–207]. 1 мая 1957 г. Кампания по исправлению стиля работы была наконец-то запущена. Однако «Ста цветам» было суждено цвести всего пять недель. Впрочем, мимолетность их жизни лишь подчеркнула, сколь драматичным было их существование.

Реакция общественности

Призывая к критике воззрений и поведения партийных кадров, партийные организации проводили форумы по всему Китаю [Shen 2008: 523–551]. Когда стало очевидно, что осуждение официальных лиц не будет сопровождаться немедленными карательными мерами, с заявлениями выступило множество критически настроенных ораторов, готовых высказаться начистоту. Официальные партийные лица были вынуждены получать от подконтрольных им людей ничем не сдерживаемую обратную связь. Озвучиваемые замечания мало кто осмеливался произносить вслух ранее. Для партийных кадров столкновение с мнениями рядовых граждан зачастую было унижительным и деморализующим. Выступающие постепенно обретали свой голос и выдвигали все более серьезные

⁷ Рассказ 22-летнего писателя Ван Мэна «Визит молодого человека» был опубликован в журнале «Народная литература» в сентябре 1956 г. Перевод рассказа представлен в [Nieh 1981b: 473–511].

обвинения. Некоторые партийные деятели открыто подтверждали слова говорящих. Требования по исправлению стиля работы скоро вышли за пределы первоначальных рамок кампании и начали затрагивать существенные недостатки советской модели.

Особенно суровые слова обрушились на новую систему партийного контроля, сформировавшуюся в городских организациях. Выступающие возмущались тем, что КПК считала необходимым распространять свою власть на все организации и структуры, в которых партийные кадры принимали решения вопреки рекомендациям специалистов и отвергали советы людей с гораздо большим опытом работы и полноценным образованием. Отмечалось, что партийные кадры не были способны к исполнению своих обязанностей, часто не справлялись со своей работой и демонстрировали очевидное неуважение по отношению к тем, кто находился в их власти. Более того, партийцы прибирали к рукам все привилегии и назначали своих супругов на хорошо оплачиваемые должности в подведомственных им организациях. В вопросах продвижения по службе члены партии всегда придерживались кумовства, даже если поддерживаемые ими люди абсолютно не соответствовали предъявляемым работой требованиям и, в отдельных случаях, едва умели читать [MacFarquhar 1960: 51–53].

Журналисты жаловались на невозможность заниматься своим делом и подчеркивали, что цензура унижает статус их профессии. Они отмечали отсутствие реального доступа к процессам принятия решений внутри правительственных структур и требовали большей свободы в правдивом освещении событий. Они указывали, что газеты превратились в рупоры, озабоченные исключительно точной передачей слов чиновников, и что журналистам и редакторам запрещалось высказывать собственное мнение. Самые суровые критики заявляли, что цель партии в области журналистики сводилась к удержанию народа в состоянии неведения [Ibid.: 59–76].

Горько сокрушались по поводу воздействия партийной системы на свою работу представители научных кругов. Они порицали КПК за непосильные ограничения в области изучения точных наук и фактическое уничтожение гуманитарных и социальных

наук вследствие принуждения ученых к следованию устаревшим марксистским догмам. Они критиковали партийцев за неукоснительную приверженность советским доктринам и научным тенденциям, выражавшуюся в превознесении всего русского и импульсивном отказе от всего американского. Критическое мышление находилось под запретом, а его проявления жестоко карались. Неквалифицированные партийные секретари занимались управлением научными исследованиями и учебными курсами по предметам, в изучении которых у них не было даже базовой подготовки. Преподаватели и исследователи, запуганные предыдущими политическими кампаниями, не осмеливались высказывать свои точки зрения. В отдельных сферах из-за догматизма необразованных партийных секретарей исследования просто прекратились. Экономисты возмущались по поводу уничтожения их научной дисциплины: статистику и выборочные обследования заклеили как «буржуазные науки», а ученым приходилось изо дня в день как молитву повторять цитаты из хрестоматийных трудов марксистов и предоставлять основанные на самой простой арифметике «доказательства» верности учения Маркса [Ibid.: 117–120]⁸.

Авторы и издатели, пережившие в сферах их интересов недавние кампании против свободомыслия, высказывались в защиту своих ранних взглядов и публиковали сатирические эссе, в которых высмеивался догматизм бюрократов-коммунистов. Представленный в журнале «Народная литература» текст делал посмешищем бездумное начетничество официальных партийных лиц и постоянные пересмотры партийной линии:

Некоторые из наших высокопоставленных чинов... столь поразительно талантливы, что они, вне зависимости от степени своего невежества, демонстрируют удивительные способности управления иными людьми в процессе учебы или критике тех, кто извлекает свои мысли из книг... Характерной чертой этой породы лидеров-марксистов является

⁸ Схожие замечания описаны у [Andreas 2009: 34–38; Chen 1960: 152–170; Shen 2008: 579–581].

то, что, из раза в раз меняя свои взгляды, они никогда не признают ошибок. Их точки зрения полностью пересматриваются, и каждый раз они принимают новейшие идеи как верные... Они не мыслят самостоятельно... И при этом именно такие люди выступают руководителями. Печально положение тех людей, которые вынуждены следовать за такими лидерами [Nieh 1981b: 321–324]⁹.

Такие замечания, вероятно, больно задевали партийные кадры, уже привыкшие к соглашательскому безмолвию своих запуганных подчиненных. Кроме того, прозвучавшие во многих организациях заявления затрагивали не только поведение и подходы отдельных лиц. Критика касалась и самой системы. Профессор Китайского народного университета отмечал, что жить в Китае при коммунистах было хуже, чем при националистах. Партия полностью изолировалась от народа: «народные массы хотят низвергнуть КПК и уничтожить коммунистов». По мнению комментатора, партию, если только она не пойдет на фундаментальные внутренние преобразования, ждали ликвидация и коллапс [MacFarquhar 1960: 88–89]. Профессор из Шэньянского педагогического университета живописует печальную картину жизни при КПК:

С момента образования КНР, но в особенности в последние год-два, КПК высокомерно относится к народу и наделяет себя привилегиями, восхваляя свое «величие, славу и правоту». Именно поэтому престиж партии падает день ото дня. Все больше и больше людей с нечистыми помыслами присоединяются к КПК, стремясь к известности, власти, влиянию и деньгам. Пропитанные омерзительным эгоизмом, они льстят партии, преклоняются перед партией, подчиняются партии во всем. Следует избавиться от абсолютной власти КПК во всем... Конституция — клочок бумаги, которому партия не считает нужным для себя следовать. Свободы собраний, ассоциаций и публикаций — лишь слова, вписанные

⁹ Автор строк — Сюй Моюэн. Они взяты из его эссе «Отдельные записки из обители, где поют цикады». [Goldman 1967: 191–202] представляет обзор критических замечаний литераторов и поэтов, [Nieh 1981a] — переводы эссе, в которых порицается доктрина партии в области литературы и поэзии.

в Конституцию. В действительности граждане могут лишь становиться покорными подданными или, если говорить более резко, рабами. Важно создать систему всеобщих избирательных кампаний при одновременном устранении всевластия КПК. Народ должен располагать свободой на учреждение новых политических партий и общественных организаций, а равно на публикации, чтобы открыть каналы общественного мнения, обеспечивать контроль над правительством, противодействовать пустой хвале [партии] и стимулировать [массы] на противостояние неприемлемому статус-кво даже в том случае, если это предполагает противостояние самой КПК [Ibid.: 106–107].

Еще один комментатор заявлял, что КПК, отстаивавшая в прошлом интересы народа, теперь правила им как деспотичный хозяин: «вместо того чтобы стоять среди народа, [партия] встала на спину народных масс, откуда и управляет ими». Политические активисты участвовали в волонтерских мероприятиях публично, совершая доносы тайком. Они изображали самоотверженность и жертвенность, но в действительности стремились улучшить свое положение за счет окружающих [Ibid.: 49]¹⁰. Другой автор возмущался по поводу самоцензуры и изоляции, которые были необходимы члену КПК для того, чтобы выжить в гнетущей внутрипартийной среде: «чтобы быть партийцем, человеку нужно уподобляться или умалишенному, или трупу. Высказывать личное мнение можно, лишь уединившись в собственной спальне» [MacFarquhar 1960: 73]¹¹.

Это были обвинения в адрес всей системы в целом, а не по поводу недостатков отдельных кадров. Впрочем, наибольшее беспокойство у партийных лидеров вызывали не жалобы специалистов и ученых. Резкое сворачивание кампании «Сто цветов» было связано с независимой мобилизацией, которая развернулась среди учащихся, в частности студентов вузов, а также с нарастающим подъемом недовольства среди промышленных рабочих.

¹⁰ Схожая жесткая критика представлена в [Zhu 2005: 195–201].

¹¹ Спикер — Гэ Ян, коммунист-ветеран и журналист. Схожие призывы к радикальным изменениям приводятся в [Shen 2008: 573–579].

Центром политической активности учащихся в столице стал Пекинский университет, который исторически был инициатором студенческих движений XX в. Первые стенгазеты¹² начали появляться здесь с середины мая, и движение быстро набрало обороты. Ближе к центру кампуса возникла «стена демократии», у которой собиралось множество людей, чтобы почитать чужие сочинения или разместить собственные эссе. Стена стала местом проведения публичных дебатов и выступлений. Формировались независимые политические клубы и дискуссионные группы, которые публиковали собственные отпечатанные на копировальных машинах бюллетени и журналы [Wang 1998: 515–516]. В мае по территории университета разошлись переводы длинных выдержек из речи Хрущева [Leese 2011: 61]. Наиболее часто звучали обвинения в несправедливости кампании по ликвидации контрреволюции, негативном воздействии партии на образовательные учреждения, очевидно сфабрикованных делах в отношении «клики Ху Фэна», чрезмерно жестком следовании советской модели образования, политизации учебных курсов и, наконец, догматизме и фракционализме официальных партийных лиц по отношению к учителям и студентам, не являющимся членами КПК. Критики также ставили под сомнение заявления партии, что в Китае улучшилось качество жизни, и отмечали все более увеличивающийся разрыв между партией власти и народом [Goldman 1962; MacFarquhar 1960: 130–141].

Из всех речей, которые прозвучали на территории Пекинского университета, наибольший резонанс и полемику вызвали прямолинейные выступления Линь Силин, студентки факультета юриспруденции из расположенного неподалеку Китайского народного университета [Moody 1977: 189–192]¹³. 23 мая Линь открыто осудила в своей речи гонения против Ху Фэна и его

¹² Такие стенгазеты называли «*дацзыбао*» (буквально «газеты большими иероглифами»).

¹³ Линь Силин — псевдоним Чэн Хайго. Женщина служила в Народно-освободительной армии Китая до 1953 г. и потом поступила в Китайский народный университет.

окружения, указав, что предложения того ЦК КПК со всей очевидностью полностью отвечали программе кампании «Сто цветов». Рекомендации Ху по искусству и литературе были «верными», а репрессии в его отношении под предлогом контрреволюционности основывались на устаревших взглядах Мао, которые были сформированы еще в начале 1940-х гг. Линь также гневно отвергла обвинения Ху Фэна в создании тем посредством «тайных коммуникаций» «антипартийной группы»: «Кто из нас не общается тайком? Ситуация складывается таким образом, что люди даже не осмеливаются сказать друг другу правду». Почему же партия, вопреки очевидности, не отказалась от вынесения неправомерного приговора в отношении Ху Фэна? «Я полагаю, что КПК оказалась в неудобном положении и не знает, как из него выйти. Партия знает, что совершила ошибку, но отказывается признать эту ошибку» [Doolin 1964: 23–25].

Линь также провела параллели между преступлениями Сталина, о которых говорилось в «тайном послании» Хрущева, и схожими проблемами в Китае: «И наша страна расширила масштабы подавления контрреволюции». Об этом Линь было известно по опыту прохождения практики в районном суде, сотрудники которого тратили практически все свое время на рассмотрение явно сфабрикованных дел против предполагаемых контрреволюционеров. Корень зла девушка видела в самих институтах власти:

Я полностью разделяю точку зрения югославо́в, что культ личности — продукт общественной системы... Проблема Сталина — это не проблема Сталина как отдельного человека. Проблема Сталина могла возникнуть только в такой стране, как СССР. Настоящий социализм должен быть исключительно демократическим, однако наш социализм недемократичен [Ibid.: 27].

Линь открыто заявляла, что недостатки советской системы, реализованной Китаем, были слишком фундаментальными, чтобы их можно было устранить такими полумерами, как кампания Мао по исправлению:

Мы не считаем, что КПК может ограничиться лишь методами исправления стиля работы... и мелкими уступками... Во время бури революции члены партии держались вместе с народом. Однако после победы революции члены партии взобрались на свои руководящие посты, установив идеологические ограничения. Они хотят подавить народ, принимая политические курсы, нацеленные на обман людей. Я не вижу поводов для оптимизма в кампании за исправление стиля работы, поскольку все еще существует слишком много поборников действующих правил. Эти защитники хотят воспользоваться плодами социализма, возвращенными на крови мучеников революции, чтобы взойти по иерархической лестнице еще выше.

Линь завершила свою воодушевляющую речь отсылкой к студентам, которые мобилизовались в Ухане, Нанкине и других городах и районах Китая, и призывом к общенациональной борьбе за создание «настоящего социализма» — идее, с которой она связывала причины восстания в Венгрии: «Кровь венгерского народа не должна быть пролита впустую!» [Ibid.: 27–28].

Через неделю Линь Силин выступила в Пекинском университете со второй речью, в которой она развила свой тезис о том, что злоупотребления, бывшие составной частью сталинизма, являются основополагающими элементами организационных структур в советских режимах. Девушка четко указала на вдохновившие ее источники: «Ситуация в Югославии — вот что меня интересует. Там установилась настоящая социалистическая демократия». В бюрократической системе КНР «человека оценивают не за его добродетели и способности, а за членство в партии... Отдельные партийцы быстро вступили в КПК, чтобы получить доступ к соответствующим привилегиям; люди вне партии остаются без будущего» [Ibid.: 31]. Эти тенденции были заложены в новую организационную структуру политико-экономической системы Китая, которая, в свою очередь, базировалась на «феодализме и фашизме» вперемешку с «пресмыкательством перед иностранцами»: «Китайские компрадоры заискивали перед иностранцами и преклонялись перед Америкой; чем мы лучше, когда заимствуем опыт СССР?» [Ibid.: 32–33].

Линь Силин получила доступ к переводу речи Хрущева, которая произвела на нее сильное впечатление:

Прежде я очень высоко ценила Сталина и была разгневана той критикой, которая прозвучала в его адрес на XX съезде КПСС. Однако после прочтения тайного доклада я увидела, кем в действительности был Сталин. В оценке Сталина мы не можем исходить из культа его личности. Мы должны рассматривать всю [построенную им] систему.

Гонения на предполагаемых контрреволюционеров были идеей, которая возникла у Мао «под влиянием ошибочной теории Сталина об обострении классовых противоречий по мере строительства социализма» [Ibid.: 38, 41–42].

Линь придерживалась позиций демократического социализма. Она высоко ценила стремление мыслителей в Польше, Венгрии и в особенности в Югославии отойти от сталинистского прошлого и создать новую форму социализма, что выходило за пределы концепции исправления стиля работы партийцев, которую провозгласил Мао. Линь не была единственной и даже не самой радикальной из выступавших. Другие спикеры и авторы пошли еще дальше. Общество «Ста цветов» при Пекинском университете требовало «демократии и свободы», объявив марксизм и диктатуру пролетариата пережитком прошлого и призывая к созданию новых партий и полноценной многопартийной конкуренции [Ibid.: 16]. Стенгазеты сравнивали классификацию домохозяйств по политическому статусу с новой кастовой системой, которая стала инструментом для формирования нового правящего класса в руках сотрудников отделов кадров [Ibid.: 45–46].

В этот период во многих стенгазетах критического содержания постоянно транслируется идея о том, что в Китае уже сформировался новый привилегированный класс. Одно из наиболее радикальных утверждений принадлежит анонимному писателю, который, по всей видимости, был партийным функционером средних лет. Автор выступает с позиции глубоко разочарованного инсайдера:

Я слаб, во мне нет ни храбрости, ни духа борьбы. В жизни я умею лишь быть на побегушках у руководителей. Я всегда сыт и получаю хорошую зарплату. Многие руководители предаются роскошной жизни на банкетах и виллах. К чему мне стремиться быть скромнее? Как много людей приучились изображать послушание, преклоняться перед руководством и отворачиваться от народа, тем самым становясь высокопоставленными официальными и почетными лицами?.. В течение 20 лет я воспринимал империалистов такими, какие они есть. Перед лицом врага мои глаза наливались яростью, я был готов потерять голову и пустить кровь. Но перед лицом КПК я труслив и бессилен. Мы отдали нашу кровь, пот, труд и жизни на защиту не народа, а бюрократических структур и чиновников, которые притесняют обычный люд и живут за наш счет. Это группа фашистов, которая использует самые подлые средства, искажает правду и собирается вместе для того, чтобы претворять в жизнь свои злодейские дела [Ibid.: 60].

Тот же писатель с негодованием обрушивается и на Мао, которого он описывает как лицемерного тирана.

Я протестую против заявления председателя Мао на недавнем собрании Коммунистического союза молодежи Китая, где он сказал, что «КПК — руководящий центр нашей работы, и любое отклонение от социализма следует признать ошибкой». Это фразу следовало бы перевести следующим образом: «Нужно принять диктатуру КПК; все, кто противостоит словам верховного императора, будут немедленно преданы казни за свою ошибку».

Автор сравнивает Мао с Цинь Шихуанди — первым императором династии Цинь (221–207 гг. до н. э.), который традиционно считался деспотом и чье краткое, но жесткое правление было отмечено гонениями на ученых мужей.

Ваше Императорское Величество! Идеалы и надежды столь многих людей были уничтожены всего одним словом из ваших уст! Ваше Императорское Величество! На вашем фоне император Цинь Шихуанди выглядит незначительным кар-

ликом. С 1949 г. вы погубили свыше 700 тысяч человек (без учета тех, кто из-за вас покончил с собой). Убивайте нас, если того желаете! Истребляйте китайский народ! [Ibid.: 61–62]

Писатель также высмеивает мифологию вокруг коммунизма в Яньане:

Диктатор, вы превратились в дикаря. Скольких так называемых «подозреваемых» вы убили в Яньане... Вы называли это «внутренним очищением»... В «земле обетованной» Яньаня Ван Шивэй подвергся гонениям за то, что отметил существование больших, средних и малых столовых [для различных категорий людей]... Где теперь Ван? Никто не знает. Пока учащиеся Университета военных дел и политики сопротивления японской армии¹⁴ беззастенчиво воевали на фронте, вы тем временем «наведывали питейные заведения и женщин» в Яньане. Сколь невыносима была ваша жизнь в тех пещерах! [Ibid.: 65–66]¹⁵

По очевидным причинам СМИ не публиковали такие высказывания. Студенческий активизм не освещался на публичном уровне, однако через конфиденциальные отчеты в «*Нэйбу цань-као*» и иные классифицированные материалы информация о действиях учащихся доходила до официальных партийных лиц¹⁶. Открытое выражение таких точек зрения свидетельствовало о том, что кампания по исправлению стиля работы летит под откос, как это и предрекали противники идеи «открытых дверей». Мао ошибся, и осознание этого вызвало у лидера дурные предчувствия. Он принял выбитое принуждением послушание за согласие, недооценив недовольство, вызванное репрессиями 1950-х гг., в особенности среди образованных китайцев. Он не-

¹⁴ Писатель вторит здесь критическим замечаниям, сделанным в отношении руководства КНР Ван Шивэем во времена кампании за «упорядочение стиля» в Яньане, о которой мы говорили в главе 2.

¹⁵ Университет, на самом деле существовавший в Яньане с 1931 по 1945 г.

¹⁶ [Shen 2008: 584–596] в описаниях агитации среди студентов и работников в основном основывается на внутренних новостных сводках.

верно полагал, что относительное на фоне событий 1956 г. спокойствие внутри Китая было доказательством безусловного доверия народа к режиму.

Создание независимых клубов и изданий, как и призывы к отказу от партийной диктатуры, разительно выходило за первоначально обозначенные рамки кампании. Еще большее беспокойство вызывала ускоренная мобилизация студентов по всему Китаю, которую часто сравнивали со знаменитым Движением 4 мая 1919 г., с которого в Китае началась современная революционная эпоха. Для организации и мобилизации местного студенчества активисты из Пекинского университета совершили поездку в Тяньцзинь [MacFarquhar 1974: 221; Wang 1998: 517]. «Стены демократии» и «свободные форумы» получили широкое распространение по всему Китаю. К концу мая 1957 г. поступали сообщения о волнениях студентов в кампусах 31 вуза в Пекине, а также в учебных заведениях в Ухане, Шанхае, Нанкине, Цзилине, Тяньцзине и Ланьчжоу [Shen 2008: 587–590; Zhu 2005: 218–222]. Выпускники школ, не сумевшие поступить в вузы, устраивали забастовки и демонстрации, в отдельных случаях даже атакуя учебные корпуса и уничтожая оборудование. Недовольные предложенной им работой или решениями по другим вопросам студенты проводили манифестации в кампусах в Ухане, Сиане, Гуанчжоу и Шэньяне [Shen 2008: 590–591]. Учащиеся выходили на улицы с демонстрациями и актами протеста в Ухане, Нанкине, Чэнду, Циндао и Гуйлине [MacFarquhar 1960: 143–164; Shen 2008: 591]. Ячейки Коммунистического союза молодежи Китая при учебных заведениях становились центрами политического инакомыслия.

Еще большей потенциальной угрозой в свете предшествующих восстаний на территории Восточной Германии, Польши и Чехословакии были протесты трудящихся. Рабочие выходили на демонстрации против плохих условий труда, возникших в условиях новой плановой экономики. С 1956 г. эпицентром волны манифестаций трудящихся на пике кампании «Сто цветов» стал индустриальный город Шанхай. Весной 1957 г. трудовые конфликты при участии почти 30 тысяч работников имели место на

587 шанхайских предприятиях. Среди этих инцидентов свыше 200 были стачками на фабриках. Еще 700 предприятий пережили промышленные конфликты в менее обостренных формах. Это была самая масштабная волна беспорядков рабочих за долгую историю движения за права трудящихся Шанхая, если мы не берем в расчет события первых шести месяцев после взятия города коммунистами в 1949 г. Внутрипартийная сводка за 1957 г. приводила цифру в десять с лишним тысяч забастовок на территории Китая в течение весны указанного года, описывая множественные примеры бойкотов учащихся, массовых петиций и демонстраций. В Шанхае почти все конфликты происходили на фабриках, недавно перешедших из частной собственности в коллективную государственную собственность, оказавшись, таким образом, реакцией на снижение заработных плат и отмену имевшихся прав на премии и иные льготы, отвоеванные посредством переговоров с частными работодателями в прошлом. Когда государство взяло предприятия под свой контроль, зарплаты и привилегии «скорректировали» в сторону уменьшения по аналогии с теми процессами, которые несколькими годами ранее произошли в Берлине и Пльзене. Работники выступали против бюрократизации и автократии трудовых отношений и открыто порицали партийных секретарей и «марионеточные» профсоюзы [Perry 1994; Shen 2008: 591–593].

Широко распространены протесты были и в сельской местности, где годом ранее ускоренно и форсированно были сформированы коллективные фермерские хозяйства. Крестьяне открыто выражали свое недовольство проведенными мероприятиями. Кульминации это движение достигло ближе к концу 1956 г. Протесты описывались в опубликованном позднее внутрипартийном отчете. Сельские жители жаловались на новые ограничения самостоятельно распоряжаться своим временем, неумелое управление и произвол со стороны кадров в распределении рабочих задач и доходов, потерю заработков, снижение количества и качества продовольственных товаров, а также «грубость», «гнет» и «принуждение» со стороны новых деревенских кадров. Крестьяне также указывали на склонность кадров к расхищению средств,

разбазариванию общественных финансов, а также ругани, побоям и лишению свободы людей, которые открыто выражали свое недовольство. В докладе со ссылкой на слова отдельных фермеров указывается, что «вступление в кооператив ничем не лучше пребывания в трудовом лагере» и что новые коллективные структуры вызвали «рост страданий, а не доходов» [Li 2009: 57].

Протестным настроениям в деревнях в документах уделяется сравнительно мало внимания, однако имеющиеся свидетельства позволяют утверждать, что волнения были широко распространены и приводили к крайне неблагоприятным последствиям. В провинции Цзянсу на востоке Китая фермеры захватывали собранное зерно, вступали в ожесточенные стычки с сельскими кадрами и покидали коллективные фермерские хозяйства [Ibid.: 55–76; Li 2007]. В одном из уездов провинции с середины апреля по май 1957 г. крупные выступления произошли в 29 из 33 волостей, и также фиксировался сильный отток крестьян из коллективных фермерских хозяйств. Доля участия уездных домохозяйств в кооперативах сократилась с 91 до 19 %. Сельские кадры подвергались побоям, а их дома разграблялись. Схожие по масштабам вспышки недовольства произошли и в провинциях Шаньси и Гуандун [Shen 2008: 593–594]. Радикальные меры коллективизации в пограничных районах Китая породили упорные и хорошо организованные региональные повстанческие движения [Wang 2015].

Руководству КНР было о чем беспокоиться. Первоначально Мао отстаивал свои представления об исправлении ошибок в режиме «открытых дверей», преуменьшая степень серьезности выступлений студентов и забастовок рабочих и заявляя, что поводов для чрезмерной тревоги нет. Впрочем, ему не удалось успокоить своих коллег, поскольку явственно ощущалось, что ситуация была на грани выхода из-под контроля. Еще один шок был связан с фактом, что наиболее ожесточенная критика исходила от молодых членов партии и что Коммунистический союз молодежи Китая становился центром протестных настроений. Многократно обозначавшаяся перспектива формирования общенационального студенческого движения, проведения массовых

трудовых манифестаций и выхода из компартии молодежи — симптомы недавно прошедших в Восточной Европе акций — поставила точку в споре. Последние события подтвердили разумность возражений тех лидеров, которые опасались дестабилизации вследствие политики «открытых дверей». Мао отступил, пересмотрел собственную позицию и призвал к принятию жестких репрессивных мер [MacFarquhar 1974: 218–219, 225–240, 248–249, 261–269; Shen 2008: 597–608].

Откат назад: движение против правого уклона

Обратный ход «Ста цветам» был положен передовицей «Жэньминь жибао» от 7 июня. Главная идея статьи заключалась в том, что исправление стиля работы в режиме «открытых дверей» обернулось беспощадными нападками на КПК и социализм со стороны «правых уклонистов», в словах и действиях которых чувствовалось влияние прежних классов-эксплуататоров. Фактически это был полный разворот по отношению к партийной линии, обозначенной на VIII съезде КПК, где было провозглашено, что экономическая трансформация ликвидировала основы для классового конфликта. На практике исправление ошибок КПК при участии народа сменило исправление «ошибок» народа под руководством КПК. Те, кто во время кампании «Сто цветов» высказывал критические замечания, теперь становились мишенями для общенационального Движения против правого уклона. «Стены демократии» были ликвидированы. Арестам подверглись продолжавшие выступления студенты и рабочие. Были закрыты независимые клубы и издания.

Те же форумы, на которых ранее поощрялось свободное выражение критических настроений, теперь стали платформами для осуждения тех, кто на протяжении предшествующих недель «осмелился» выступать с какими-либо замечаниями. Движение против правого уклона продлилось гораздо дольше, чем «Сто цветов», и растянулось до начала 1958 г. Весь аппарат КПК был мобилизован на фиксацию критических высказываний и протестных акций, имевших место в период «Ста цветам». Предпо-

лагаемых «правых уклонистов» гневно осуждали на собраниях по месту работы. Людей держали в изоляции и вынуждали писать признательные показания. Те, кому приписывались наиболее возмутительные слова и действия, подвергались публичному осуждению на митингах. Местным партийным комитетам были спущены плановые процентные показатели, по которым следовало определять масштабы протестного движения. Это обернулось тем, что под гребенку репрессий попадали даже люди, которые позволяли себе самые невинные и благонамеренные комментарии [Chen 1960: 171–201; Shen 2008: 637–673]¹⁷. С особым рвением кампания проводилась в университетах и в организациях со значительной долей среди сотрудников образованных людей, но она затронула и фабрики, и сельскую глубинку. В сельских уездах гонениям подвергались учителя средних школ, бывшие землевладельцы и представители богатых крестьянских домохозяйств, а также люди, которые жаловались на коррупцию и притеснения со стороны деревенских кадров [Friedman et al. 1991: 209–213].

В разгар кампании была наконец-то опубликована февральская речь Мао «О правильном разрешении противоречий внутри народа». Однако это был не тот текст, который Мао зачитал в феврале и который многократно транслировали в записи китайским слушателям. Это была «уточненная» версия, в которую были внесены несколько предупреждений о недопустимости «чрезмерной» критики. Естественно, в первоначальной речи эти замечания отсутствовали. Более того, в отличие от первой редакции, новая версия текста упоминала феномен классовой борьбы. В февральской речи Мао сравнительно много времени посвятил осуждению Сталина за его неспособность разделять разные виды критики и за восприятие любых замечаний как вражеского противостояния, что приводило к «внесению путаницы». Этот

¹⁷ Не только яростные критики осуждали партию во времена кампании «Сто цветов». [U 2012] объясняет, почему, несмотря на потенциальные риски, и привилегированные, лояльные режиму люди также выступали с собственными замечаниями.

абзац был полностью удален как, впрочем, и следующая фраза: «Любой человек, позволявший себе хоть какое-то критическое высказывание, подозревался во вражеских намерениях и рисковал попасть в тюрьму или лишиться головы». Исключили из новой редакции также ссылку Мао на заявление Хрущева о том, что «90 %» делегатов XVII съезда ВКП(б) (80 % членов ЦК ВКП(б)) 1934 г. были расстреляны. Из речи Мао исчезла и оговорка касательно того, что на территории Китая в силу «крайней необходимости» было убито «небольшое число» людей: 700 тысяч с 1951 по 1953 г., плюс 80 тысяч после 1955 г. Наконец, из текста убрали заявление Мао о том, что широко распространившиеся среди студентов волнения отражали «противоречия внутри народа» [MacFarquhar 1974: 266–269]¹⁸.

Внесенные в текст речи коррективы были прикрытием очевидного политического промаха Мао. Он настойчиво и уверенно добивался исправления стиля работы при «открытых дверях», однако действительность продемонстрировала ошибочность его подхода. Пересмотр речи в совокупности с более поздними лицемерными заявлениями Мао о том, что он изначально готовился «выманить змеев из их убежищ», был попыткой спасти репутацию партии. Долгосрочным последствием такого отказа от прежних позиций стало возобновление классовой борьбы в качестве ключевой задачи КПК. Озвученная на съезде 1956 г. пустая риторика о мирном строительстве экономики Китая была решительно отринута [Leese 2011: 65–66; Shen 2008: 673–680]. Были также оставлены попытки привлечь к реализации планов экономического развития интеллигенцию и специалистов. Образованных людей все больше воспринимали как потенциальных провокаторов. Кратковременному заигрыванию Китая с идеей децентрализации наступил конец.

Кампания по наказанию правых уклонистов охватила десятки миллионов рядовых граждан, которые принимали участие в собраниях и митингах порицания, и сотни тысяч активистов, ко-

¹⁸ [Schoenhals 1986] детально анализирует соответствующие перемены. Перевод оригинального текста представлен в [Мао 1957].

торые осуждали жертв репрессий или выступали тайными доносчиками. К моменту завершения кампании в первой половине 1958 г. как «правые уклонисты» были заклеяны 550 тысяч человек [Shen 2008: 662]¹⁹. В зависимости от тяжести их «преступлений» осужденных разделили на категории. Небольшое число «уклонистов», чьи действия и слова были признаны очевидно контрреволюционными, были подвергнуты казни. Среди таких людей оказались отдельные лидеры ожесточенных студенческих выступлений и организаторы рабочих забастовок [Hoffmann 1974: 146–147; MacFarquhar 1974: 224]. Множество людей были направлены на неопределенное время в трудовые лагеря, в которых наиболее влиятельные среди уклонистов фигуры провели больше 20 лет. Освобождены они были лишь после смерти Мао. Те, чьи «преступления» воспринимались менее тяжелыми, были отправлены в коллективные фермерские хозяйства. Часть людей из этой группы получили прощение в начале 1960-х гг. Остальных «уклонистов» ожидали разжалование и снижение уровня заработной платы, однако в течение определенного испытательного срока они продолжали работать в школах и организациях под наблюдением. Все пострадавшие в ходе кампании жили с клеймом «правого уклона» вплоть до кончины Мао. Вдобавок пострадали члены семей этих людей, поскольку ярлык «правый уклонист», так же как «землевладелец» и «националист», вешался сразу на целые семьи. Конечным результатом инициативы Мао со «Ста цветами», которые должны были укрепить тесные связи между КПК и образованными городскими жителями, стало уничтожение ранее существовавших контактов между сторонами.

В рассматриваемый период фиксировались едва уловимые признаки утраты доверия к авторитету и суждениям Мао, озвучивавшиеся публично, пусть и неявно [MacFarquhar 1974: 283–289]. В течение большей части 1957 г. председатель КНР имел с Лю Шаоци разногласия по поводу хода Движения против правого уклона. Чем больше подчеркивалась исходящая от классовых

¹⁹ Потрясения, которым подверглись ключевые фигуры литературной среды, описаны в [Goldman 1967: 202–242].

врагов угроза, тем больше вопросов вызывала пронизательность Мао. После нескольких месяцев споров о сути и масштабах кампании стороны пришли к компромиссу [Ibid.: 289–310]²⁰. В июне 1957 г., как раз в то время, когда Мао пришлось отказаться от кампании «Сто цветов», Хрущев едва не слетел со своего поста в связи с протестными движениями, которые вызвал его «тайный доклад» в Восточной Европе. Хрущева обвиняли в необдуманных действиях и волюнтаристском стиле управления, которые привели к серии ошибок. Большинство членов советского Политбюро обрушились на Хрущева с уничтожающей критикой, но тот смог обернуть ситуацию в свою пользу и избавиться от своих оппонентов в Политбюро как членов «антипартийной группировки» [Taubman 2003: 310–324]. Попытки Мао и Хрущева продвигать либерализацию обернулись против них самих, хотя у Хрущева ситуация была гораздо более сложной. При этом последний смог продлить ограниченную десталинизацию на многие годы, в то время как Мао вернулся к своей предыдущей роли сторонника военизированной классовой борьбы при социализме. С того момента КНР и СССР двинулись в прямо противоположных идеологических направлениях [Lüthi 2008: 71–74].

Потерпев со своей инициативой умеренной десталинизации крушение, Мао обратил оставшиеся запасы энергии на борьбу за ускоренное экономическое развитие. Своим инструментом в этой борьбе он избрал КПК, а методом — возвращение к массовой мобилизации, которая характеризовала поздние этапы гражданской войны. Итоги, как мы увидим далее, оказались для Китая еще более катастрофическими и нанесли еще больший удар по репутации Мао, чем все события 1957 г., вместе взятые.

²⁰ [Leese 2011: 63–64] подвергает сомнению такой вывод и предполагает, что Мао держал ситуацию под чрезмерным контролем.

Глава 8

«Большой скачок»

Борьба с «правым уклоном» органично вплелась в «большой скачок» — масштабную кампанию за повышение производительности, потерпевшую полный провал. Неудачу этой инициативы можно было назвать неизбежностью, однако катастрофу можно было предотвратить. Экономическое обоснование «большого скачка» выстраивалось на ошибочных представлениях, поэтому ни при каких обстоятельствах кампания не могла достичь поставленных перед ней завышенных целей. Катастрофу на Китай навлекла политическая составляющая «большого скачка»: программа была запущена и обеспечивалась двумя массивными кампаниями по выявлению в рядах КПК нелояльных лиц. Движение против правого уклона было направлено не только против тех, кто весной 1957 г. критиковал партию извне. Его жертвами стали и многие тысячи членов партии и молодых кадров, которые вняли призыву Мао исправлять недостатки КПК и выступили с открытой критикой этих недостатков. Теперь озвученные ранее замечания в противовес «пролетарской» и «социалистической» позиции объявлялись признаками политической нелояльности с «буржуазным» и «либеральным» уклоном. Мао утверждал, что эти разногласия отражали продолжающуюся на территории Китая классовую борьбу, которая эхом отзывалась и в рядах КПК. Члены партии подвергались наказаниям как «правые уклонисты» за озвучивание мыслей, которые признавались выражением идеологии бывших классов-эксплуататоров. Заявлялось, что подобная антисоциалистическая критика направлена на политическое ослабление партии и препятствование переходу Китая к социализму.

По мере слияния Движения против правого уклона с «большим скачком» основным выражением политической лояльности стали воодушевленная поддержка борьбы за повышение производительности и демонстрация веры в успех кампании. В свою очередь, скептические заявления в адрес предпринимаемых мер и претензии по поводу «большого скачка» или освещение фактических проблем, возникавших в результате воплощения инициативы, признавалось признаком политической нелояльности. После того как «большой скачок» привел к реальным проблемам и появились многочисленные свидетельства тому, что данный политический курс оборачивается катастрофой, была запущена вторая кампания по проверке политической благонадежности — движение против «оппортунистов правого толка», к которым относили людей, сообщавших о проблемах или рекомендовавших сбавить обороты. Это исключило возможность скорректировать ход программы, что позволило бы избежать наиболее сокрушительных провалов «большого скачка» и спасти десятки миллионов жизней.

Истоки «большого скачка»

В течение 1950-х гг. Мао неизменно настаивал на ускоренной трансформации Китая по советской модели. Коллективизация сельского хозяйства и национализация промышленности, во многом за счет его вмешательства, завершились гораздо быстрее, чем изначально планировалось. Это обернулось проблемами для сельского хозяйства, и в 1955 и 1956 гг. отвечавшие за экономическое планирование руководители порекомендовали не превышать целевые показатели по производству зерна, а равно и иные квоты чрезмерно. «Рывок напролом», полагали они, приведет к экономическому дисбалансу и навредит экономическому росту в долгосрочной перспективе, ставя под вопрос выживание крестьян. В течение 1956 и 1957 гг. критикам удавалось сдерживать стремление Мао довести показатели производительности до неподъемных уровней. Но все же когда-нибудь приходит конец [Bernstein 1969; Teiwes, Sun 1993, 1997; 1999: 20–52].

Мао перешел в атаку на партийных заседаниях в сентябре–октябре 1957 г., на пике Движения против правого уклона. Он призывал к утверждению более амбициозных показателей производительности. Он превратил вопросы экономической политики в проблемы политической лояльности. Он заявил, что основное противоречие Китая, как показали озвученные правыми уклонистами замечания, заключалось в классовом конфликте между буржуазией и пролетариатом. Партийные лидеры, которые в последнее время выступили против «рывка напролом», допустили, с его слов, «отклонение вправо». Эта ошибочная политическая линия, заключал Мао, привела к смягчению мер классовой борьбы и поощрению нападков со стороны «буржуазии» и «обеспеченных крестьян» в 1957 г. [Teiwes, Sun 1999: 67–69].

Амбиции Мао по реализации «большого скачка» расцвели пышным цветом в ноябре 1957 г. во время его визита в Москву по случаю 40-й годовщины Октябрьской революции. За год до этого Хрущев заявил на съезде КПСС, что новый пятилетний план СССР станет «большим шагом вперед» в деле строительства коммунизма. В мае 1957 г. он провозгласил, что за 15 лет СССР обгонит США по объемам производства «основных видов товаров». В личной беседе с Мао первый секретарь ЦК КПСС, вероятно, рассказал о прогнозах, что к 1970 г. седьмая пятилетка позволит СССР перегнать США по выпуску промышленной продукции на душу населения. [MacFarquhar 1983: 16]¹. Мао, как и Хрущев, был преисполнен оптимизма по поводу перспектив развития социализма и, так же как и Хрущев, пренебрежительно относился к мнениям экспертов и сотрудников плановых органов, которые утверждали, что столь завышенные планы невозможно реализовать на практике. Громкие заявления Хрущева укрепили уверенность Мао в собственных воззрениях. Прямо из Москвы он позвонил в Пекин и заявил, что противостояние «рывку напролом» является ошибкой и что социалистическая экономика

¹ «Основные виды товаров» включали в себя железную руду, чугун, сталь, уголь, нефть, электричество, цемент и отдельные потребительские товары, в том числе сахар, шерстяную одежду и кожаную обувь.

может развиваться гораздо быстрее, чем считают его осторожные коллеги [Ibid.: 17; Teiwes, Sun 1999: 70–71].

Похвальба Хрущева вдохновила Мао сделать в Москве публичное заявление о том, что за 15 лет Китай обгонит Великобританию. Это утверждение стало официальным партийным курсом спустя две недели после возвращения председателя КНР из поездки [MacFarquhar 1983: 17]. Мао хотел добиться мгновенного экономического прорыва за счет политической мобилизации. В рамках первого пятилетнего плана китайская экономика демонстрировала стремительный рост, но, что типично для советской модели, его результаты были в значительной степени несбалансированными. Темпы роста промышленности в пять раз превышали скорость развития сельского хозяйства. Показатели производства зерна на душу населения росли медленно, без какого-либо чистого прироста в объеме зерна, необходимого для обеспечения жизнедеятельности промышленных работников [Lardy 1987a: 360].

Мао раздражали рекомендовавшие двигаться осторожно и придерживать баланса чиновники в плановых структурах. Он был уверен, что все преграды на пути сметут коллективизация и массовая мобилизация [Ibid.: 362]. Он отверг подход сбалансированного развития промышленности, за который выступали такие официальные лица, как Чэнь Юнь и Дэн Цзыхуэй, чьи идеи разделял и премьер Чжоу Эньлай. Чэнь Юнь отстаивал необходимость увеличения доходов крестьян и повышения инвестиций в легкую промышленность для обеспечения населения потребительскими товарами, на покупку которых могли бы пойти их возросшие доходы. В свою очередь, доходы, полученные от легкой промышленности, можно было бы перенаправить в тяжелую промышленность. Чэнь Юнь в своих воззрениях был близок к Николаю Бухарину, который в течение 1920-х гг. выступал за принятие в СССР схожих мер. Такой подход Сталин в рамках своей борьбы с оппонентами заклеил как правый уклон, что было отражено в «Кратком курсе истории ВКП(б)», сформировавшем представления Мао о марксизме-ленинизме [Lieberthal 1987: 300]². Хотя взгляды Чэнь

² Переводы текстов Чэнь Юня о стратегии развития Китая в тот период времени представлены в [Lardy, Lieberthal 1983].

Юня шли вразрез с господствующими в СССР при Сталине тенденциями, на момент повествования они полностью соответствовали ретроспективно критическим взглядам на советскую модель развития, которые в 1950-х гг. нашли широкое распространение как в СССР, так и в Восточной Европе. Воззрения Мао же представлялись абсолютно несовременными, а в глазах тех, кто имел представление о социалистической экономике, — догматизированными, ограниченными и опоздавшими на 20 лет.

Мао полагал, что решение вставшей перед ним проблемы возможно через ускоренный прорыв в увеличении поставок зерна за счет организационного переустройства и политической мобилизации. Из сельских районов надлежало извлекать больше зерна, чтобы обеспечить дополнительные инвестиции в тяжелую промышленность. Мао верил, что укрупненные и более «социалистические» сельскохозяйственные ячейки позволят добиться экономии на масштабах и что интенсивная мобилизация существующих ресурсов, в особенности трудовых, завершится прорывом в производительности. Как и в традиционной советской модели, планировалось направлять основные капитальные вложения в тяжелую промышленность, в частности, в такие сектора, как сталелитейное производство³.

Сама по себе неосведомленность Мао о принципах экономического роста не была достаточным основанием для того, чтобы случились те катастрофы, к которым приведет «большой скачок». Печальные последствия этого курса стали возможны за счет наложения идей Мао на политическую кампанию, в которой экономическая политика увязывалась с политической лояльностью и приравнивалась к классовой борьбе. Сам по себе «большой скачок» завершился бы без обеспечения экономического роста. Именно политические аспекты сделали этот курс трагедией.

Мао ринулся в наступление на партийной конференции в январе 1958 г. Он раскритиковал Чжоу Эньлая и других лидеров,

³ [Lardy 1987a: 363] полагает, что «Большой скачок» реализовывался исходя из непонимания Мао тех ограничений, с которыми сталкивалось китайское сельское хозяйство».

которые осмелились подвергнуть сомнению «рывок напролом», и заявил, что эта ошибочная линия придает смелости реакционерам. На партийных заседаниях в последующие несколько месяцев он продолжал порицать призывы к балансу, планированию и следованию законам экономики, обвиняя сторонников таких принципов в «суеверии» и «догматизме». Мао провозгласил, что в дальнейшем Китай «поставит во главу угла политику» и будет делать упор на человеческий фактор и энтузиазм масс. Высококвалифицированные специалисты больше не должны были доминировать в принятии решений, поскольку их приверженность рациональному планированию и научным стандартам сводилась к «буржуазным предрассудкам». Эксперты размахивали своими правилами и стандартами лишь для консолидации своих властных полномочий и повышения собственного статуса. Партийные кадры и народные массы должны были взять все под свой контроль и заменить экспертов [MacFarquhar 1983: 52–63; Teiwes, Sun 1999: 73–77]. Мао требовал «всестороннего претворения в жизнь» избранного им курса и реализации «технологической революции», подвергая критике «идеологию правого уклона» и «сокрушающая суеверные предрассудки в отношении как мнений экспертов, так и советской модели развития» [Dikötter 2010: 15–24; Teiwes, Sun 1999: 85–86].

Председатель КНР впервые столь напористо отстаивал свои воззрения на экономику, осуществив, по сути, переход к личной диктатуре, которая не допускала иных мнений. Тех, кто придерживался альтернативных политических взглядов, подвергали жесткой критике. В течение 1958 г. Мао взял экономику под свой прямой контроль, игнорируя экономистов и специалистов по планированию из столичных отраслевых министерств и опираясь в претворении своих директив на провинциальных партийных секретарей и национальный партийный аппарат. Усилилось политическое давление с целью повышения производственных показателей через предупреждения, что в партии разворачивается классовая борьба. Мао называл «противостояние рывку напролом» антимарксистским и утверждал, что его курс полностью вписывается в идеологию Маркса. Он также заявлял, что

в КПК существует угроза раскола, апеллируя к появлению «антипартийных клик» в нескольких регионах. Кульминацией закручивания гаек стали широко освещавшиеся чистки провинциального руководства в мае 1958 г. Мишенями стали именно те люди, которые ранее выступали с сомнениями по поводу «рывка напролом». Чжоу Эньлай и другие официальные лица были вынуждены выступить с унижительной самокритикой. Отдельные чиновники были смещены со своих постов. Какое-то время создавалось впечатление, что Чжоу Эньлай может потерять должность премьера [Teiwes, Sun 1999: 90–93].

Эти угрожающие демонстрации привели к тому, что руководители всех уровней оказались вынуждены непреложно поддерживать стратегию «большого скачка». Встречи, на которых должны были обсуждаться производственные показатели, оборачивались сессиями критики ошибочной линии противостояния политике «рывка напролом». По мере распространения в течение 1958 г. Движения против правого уклона в сельских районах Китая под удар попадали люди, которые выступали против ускоренной коллективизации или отмечали проблемы, связанные с ее проведением [Lieberthal 1987: 301]. Никакие возражения не принимались в расчет. Теперь политическая лояльность сводилась исключительно к выражению энтузиазма по поводу линии Мао.

Стратегия экономического развития, которую отверг Мао, — план, подготовленный Чэнь Юнем и поддерживаемый Чжоу Эньлаем, — предполагала, что министерства и прочие правительственные организации, а также входившие в их штат сотрудники плановых отделов, профессиональные управленцы и технические специалисты, будут отвечать за выработку целевых экономических показателей и за определение инвестиционных приоритетов. Такова была в послевоенный период обновленная советская практика. Вводились бюрократические процедуры, в рамках которых планы спускались региональным и районным властям сверху. В течение 1958 г. Мао забрал процесс планирования из рук правительства и передал его провинциальным партийным секретарям, которые в сложившейся напряженной политической обстановке были вынуждены реагировать на все это с большим

энтузиазмом. Планирование «большого скачка» выродилось в кампанию политически мотивированных обещаний, которые озвучивались на целом каскаде партийных конференций. Партийные секретари всех уровней соревновались друг с другом по выставлению все больших показателей производства зерна, стали и иных ключевых товаров. Партийная организация обрела огромные властные полномочия, взяв на себя процесс принятия экономических решений на всех уровнях управления. Таким образом, официальные партийные лица на всех уровнях иерархии ощущали на себе огромное давление, поскольку были призваны соответствовать ожиданиям всецелой поддержки и исполнению данных обещаний.

Мао был воодушевлен клятвами партийных секретарей добиваться неправдоподобно резкого увеличения показателей производительности. В мае 1958 г. он объявил, что ранее позволял себе в высказываниях чрезмерную умеренность: Китаю потребовалось бы всего 7 лет, чтобы обогнать Великобританию, и 15 лет, чтобы догнать США [Teiwes, Sun 1999: 96–97]. Неконтролируемо росли целевые показатели выработки стали. В 1957 г. Китай произвел 5 миллионов тонн. На 1958 г. плановики первоначально выдвинули невероятно амбициозный показатель в 5,9 миллиона тонн. К сентябрю 1958 г. обязательства, взятые на себя провинциальными партийными секретарями, довели целевые годовые показатели до 11 миллионов тонн, а на 1959 г. была предусмотрена абсурдная цифра в 39 миллионов тонн [MacFarquhar 1983: 88–90; Teiwes, Sun 1999: 100–105]. Вслед за нарастанием торжественных обещаний резко увеличились капитальные инвестиции в тяжелую промышленность. Требовалось строить новые производственные мощности, что делалось в основном за счет импорта оборудования из стран советского блока, который оплачивался увеличенным экспортом зерна. Первоначально целевой показатель капитальных инвестиций на 1958 г. составлял 14,5 миллиарда юаней, однако и эта цифра быстро повысилась до 38,6 миллиарда юаней [Lardy 1987a: 367].

Партийные секретари пророчили не менее фантастические темпы роста в сельском хозяйстве. В 1957 г. Китай произвел

195 миллионов тонн зерна. Целевые показатели на 1958 г. были стремительно доведены до более чем 350 миллионов тонн [Ibid.: 366]. При этом, в отличие от тяжелой промышленности, эти наращивания параметров обеспечивались лишь незначительным увеличением капитальных инвестиций. Официальные партийные лица в сельских районах, пытаясь в исступлении достичь совершенно нереальных показателей производительности, пошли на радикальную реорганизацию и применяли для ее осуществления драконовские меры.

«Большой скачок» в сельской местности

Стратегия увеличения производства зерна выстраивалась в первую очередь на расширении ирригации и культивации новых земель. Дамбы и каналы обслуживали территории, превосходившие коллективные фермерские хозяйства по размеру, поэтому первым шагом кампании стало объединение существующих хозяйственных единиц в более крупные структуры. По состоянию на 1957 г. в Китае существовало примерно 70 тысяч коммун, каждая из которых объединяла в среднем 15 производственных бригад (приблизительно соответствующих по численности входившим в них деревням). В течение 1958 г. существующие коллективные фермерские хозяйства были укрупнены до приблизительно 23 тысяч огромных коммун, включавших в себя в среднем свыше 50 деревень. Это позволило партийным кадрам мобилизовывать на крупные строительные проекты целые армии трудящихся [Ibid.: 363–365; Yang 2012: 163–167].

Коллективные фермерские хозяйства также прошли через внутренние преобразования. Сельское хозяйство переустроили на военный манер. Семьям было приказано сдать в коммунальные столовые личное имущество — приборы и мебель, в том числе кухонную посуду, столы, стулья и шкафчики. Не разрешалось хранить дома продукты или самостоятельно готовить еду. Теперь это надлежало делать совместными усилиями. Было приостановлено действие системы трудовых баллов, поскольку крестьянам предстояло тратить значительную часть времени

и сил на выполнение новых массовых проектов. Семьи теперь могли по мере необходимости питаться в столовых, были отменены семейные продуктовые пайки. Организовывались ясли и детские сады, что высвободило для работы женщин и пожилых людей. Крестьян направляли на строительство столовых, детских садов и других общественных зданий. Для обеспечения стройматериалов иногда подвергались сносу частные дома. Крестьян организовали в крупные бригады, сформированные по принципам военных подразделений и часто сегрегированные по половому признаку. Вся описанная работа была неоплачиваемой и никоим образом не добровольной. Отказ от нее означал для человека лишения права питаться в столовых — единственном источнике еды [Dikötter 2010: 47–55; MacFarquhar 1983: 103–106; Yang 2012: 167–170].

Битва за производственные показатели проходила в рамках почти полностью военизированной кампании. Образцовая коммуна в провинции Хэнань состояла из 28 производственных корпусов, которые делились на полки, роты, взводы и отделения. Крестьянам надлежало следовать жесткой дисциплине: исполнять приказы руководства; активно работать; не опаздывать и не покидать рабочее место до завершения рабочего времени; постоянно искоренять капиталистическое мышление; сотрудничать. Ежемесячно они должны были работать по меньшей мере 28 дней. Все вставали по сигналу, вместе принимали пищу и ложились спать в одно и то же время. Разделенные по гендерному признаку общие бараки заменили в описываемой образцовой коммуне частное жилье. Дети жили в отдельном здании [Yang 2012: 168–169].

До «большого скачка» ритм работы в коллективных фермерских хозяйствах задавала смена сезонов. Самыми напряженными периодами были посевная кампания и сбор урожая, а на зиму приходилось время отдыха. «Большой скачок» полностью сбил этот ритм из-за постоянных и будто бы непрекращающихся призывов к усиленной работе не только в поле, но и в массовых ирригационных проектах, строительстве дорог и террасировании склонов. Для того чтобы позволить провинциальным лидерам достигать невыполнимых целевых показателей по выработке

промышленной продукции, при коммунах создавались небольшие фабрики. Чтобы провинция смогла выполнять раздутые планы по производству стали, в деревнях наскоро возводились самодельные сталеплавильные печи, которые работали практически без остановки. Отвлечение трудовых ресурсов непосредственно из сельского хозяйства зачастую приводило к тому, что на полях оставалось слишком мало крестьян, чтобы ухаживать за растениями или собирать урожай. Если ранее жизнь крестьян определялась сезонами сельскохозяйственных работ, то теперь они едва ли не полностью тратили свои силы и время на удовлетворение практически неутолимых appetites чиновников коммун, призывавших к неустанному труду [Dikötter 2010: 56–63; Yang 2012: 77–78]⁴.

Новые народные коммуны еще более обобществили быт сельских жителей по сравнению с относительно недавно введенными коллективными фермерскими хозяйствами. Нововведения также сильно увеличили в размерах сельскую бюрократию. Централизованное управление всеми аспектами производства в сельской местности требовало на каждом уровне иерархии большее число штатных сотрудников. В коммунах обычно работало в среднем по крайней мере 30 кадров, в производственных бригадах — около 10, в производственных командах — примерно 5. По сравнению с преобразованиями двухгодичной давности это вызвало масштабное увеличение административных расходов. До коллективизации несколько деревень обычно контролировал один кадровый сотрудник на жалованье. Теперь же каждая деревня была обязана обеспечивать зарплаты примерно пяти чиновников. На уровне коммун были введены постоянные должности для кадров на жалованье [Yang 2012: 168–169]. По всему Китаю была сформирована новая сельская бюрократия, объединившая миллионы чиновников, занимавшихся исключительно

⁴ [Friedman et al. 1991: 216–240; Thaxton 2008: 118–156] представляют практику внедрения «большого скачка» на примере двух деревень в провинции Хэбэй. [Li 2009: 82–102] прослеживает ход компании в одной из деревень провинции Цзянсу, и [Siu 1989: 170–188] — в районе дельты реки Чжунцзян в провинции Гуандун.

администрированием, — еще один канал сокращения сельских доходов. Более того, новая страта бюрократов теперь взяла под свой централизованный контроль ресурсы, которые прежде были в распоряжении отдельных домохозяйств или сельских властей. Чиновники распоряжались более крупными бюджетами, чем прежде, принимали решения по расходам и контролировали время, занятость и даже снабжение крестьян продовольствием. Все это создавало условия для мелкой коррупции, раздачи привилегий и злоупотреблений властью.

Цикл бюрократического самообмана

Большой скачок обернулся катастрофой по причине взаимного обмана его участников и в конечном счете самообмана массовой бюрократии, представители которой на всех уровнях ощущали огромное давление и вынуждены были выражать всеобщее согласие и следовать единому курсу. В рамках первой волны кампании официальные лица, ставшие свидетелями чисток в отношении коллег, которые «противостояли рывку напролом», пообещали до невозможности высокий рост производства зерна, демонстрируя по поводу данной перспективы полную уверенность и воодушевление. Самообман также означал согласие с тем, что предельно непродуктивные меры могли завершиться позитивным исходом и что их стоит внедрять вне зависимости от здравого смысла. За всем этим следовало извещение начальников о сногшибательных успехах, которые в надлежащем порядке предавались гласности и широко отмечались, что вынуждало других партийных лидеров реализовывать все те же ошибочные меры и сообщать об аналогичных успехах. По мере нарастания сбоев самообман приводил к сокрытию свидетельств катастрофы, блокированию отчетов с негативными результатами и утверждению, что даже на фоне неурожая и распространения голода все в полном порядке. После чего, столкнувшись с обостряющимся голодом, сельские кадры оказывались связанными по рукам и ногам своими предшествующими сфальсифицированными сообщениями о богатых урожаях зерна и были вынуждены

обещать государственным органам обеспечить еще большие поставки зерна, ухудшая этим и без того печальную ситуацию с дефицитом продовольствия. Кульминацией обмана стали заявления, что крестьяне укрывают часть урожая и слишком много едят, а те сельские чиновники, которые сообщают о нехватке зерна, подделывают свои отчеты, предоставляя ложную информацию, в то время как сами складировали недопоставленное для своего личного пользования. Заключительным аккордом кампании стало лишение крестьян их мизерных запасов продовольствия по мере того, как голод становился повсеместным.

Первым этапом цикла был обновленный процесс планирования, который заключался в общих собраниях партийных секретарей провинций, городов, уездов и так далее вниз по иерархической лестнице. На встречах намечались целевые производственные показатели на предстоящий год. Первый раунд таких собраний состоялся как раз ближе к концу Движения против правого уклона, когда Мао открыто связал противостояние «рывку напролом» с отклонением вправо внутри партийного руководства. Вышеупомянутые собрания напоминали аукционы, на которых самым высоким ставкам придавалось чрезмерное значение. Тренд на повышение гарантируемых показателей затягивал всех участников процесса, поскольку никто не хотел остаться в отстающих [Oi 1989: 59–62]. Когда официальные лица провинциального уровня проводили плановые встречи на уровнях районов и городов, на их подчиненных оказывалось огромное политическое давление с целью заставить их взять на себя обязательства, которые бы позволили достичь уже обещанных провинцией результатов. Высокопоставленные чиновники были склонны на всякий случай требовать от подчиненных называть показатели, которые суммарно превышали первоначально обозначенный провинцией план с тем, чтобы восполнить возможные недостатки. Это приводило к тому, что по мере движения по иерархической лестнице вниз показатели становились все менее реалистичными.

Основной проблемой подобной эскалации являлось возникновение противоречий между различными требованиями. Запрос незамедлительного наращивания производства зерна не состыко-

вывался с реалиями, поскольку выполнить эту задачу было возможно только за счет культивации больших территорий, что было бы возможно только после совершенствования ирригации и регулирования расхода воды. Сельские чиновники перебрасывали значительные объемы трудовых ресурсов из сельского хозяйства в срочные проекты по строительству дамб, резервуаров, каналов и террасированных полей. Это приводило к недостатку рабочих рук для посадки растений, ухода за ними и сбора урожая, а в итоге — к более низким, чем было бы возможно в отсутствие всех вышеописанных мероприятий, объемам урожаев. Схожие проблемы возникали в связи с направлением трудящихся на производство стали из собранного в окрестностях металлолома кустарным способом и на местные фабрики, учрежденные властями коммун и уездов. Единственное, что оставалось сельским кадрам при попытке выполнить эти противоречивые указания, — это требовать от крестьян еще большего напряжения сил и ускоренной работы.

Следующим этапом цикла взаимного обмана была серия образцово-показательных практик, которые предъявлялись как возможность выполнить на первый взгляд невозможные задачи. Среди таких практик следует отметить плотную засадку и глубокую вспашку. Партийные лица предписывали их широкое применение, а СМИ трубили об их высокой эффективности. Плотная засадка, дополнявшаяся обильным использованием удобрений, предположительно должна была позволить собирать большие урожаи с ограниченных площадей сельхозугодий. В действительности эта практика обернулась рядом негативных последствий. Плотная засадка приводила к расходованию чрезмерного количества посевного зерна. Ростки начинали бороться за солнечный свет, воду и питательные вещества в почве, что ограничивало возможности всхожести семян и завершалось гибелью урожая. Плотная засадка не просто приводила к повсеместному спаду сельскохозяйственного производства, но и вызывала значительные потери посевного материала и удобрений. При этом СМИ продолжали с энтузиазмом освещать любые примеры успеха в применении этой практики. Такой же разрушительной силой обладала практика глубокой вспашки, которая загоняла глубоко

под землю и без того тонкий и истощенный по всему Китаю плодородный слой почвы и вытаскивала на поверхность не имевшую питательных свойств подпочву [Yang 2012: 274–275].

Отчаянно стремившиеся выполнить фантастические обещания кадры на местах шли на обреченные на провал и в конечном счете вредоносные решения. Часто имело место уничтожение ценных сельхозугодий, в том числе фруктовых садов, с целью выделить больше земли под зерновые культуры. Нередко засаживалась земля, которая не подходила для выращивания пшеницы и иных видов зерновых культур, что исключало возможность применения засаженных угодий для культивации неосновных культур. Поразительно странной и разрушительной была реакция на дефицит удобрений. Крестьянские дома из глинобитных кирпичей и соломы разбирались и шли на удобрение угодий. В результате в отдельных регионах неожиданно много крестьян оказывались в течение продолжительного времени без крова [Dikötter 2010: 166–173]. Ирригационные проекты, проводившиеся наспех и без консультаций с инженерами и иными специалистами, подчас оборачивались значительным ущербом для окружающей среды. В одном регионе затопление привело к засолению почвы, ударив по урожайности сельхозугодий. Быстро возведенные дамбы зачастую не выдерживали сезонов дождей, что завершалось ужасающими наводнениями. Террасирование или вырубка леса на холмах приводили к эрозии почвы и засорению ручьев и рек⁵.

У чиновников не было возможности просто признать свое поражение. Такой опции просто не существовало. Официальные лица, которые заявляли о неразумности этих расхваливаемых в политических кругах мероприятий, шли на политический риск быть осужденными за нехватку веры в КПК и «большой скачок». Кадры всех уровней хорошо осознавали масштабы проблем, но опасались что-либо говорить и активно противостояли распространению информации, которая могла бы доказать, что они

⁵ [Ibid.: 174–188; Zhou 2012: 72–90] содержат переводы внутренней партийной документации, которые докладывают о подобных деструктивных действиях уже постфактум.

фальсифицируют отчеты руководству. Многие годы спустя эти люди будут объяснять свое молчание по поводу ситуации с голодом «страхом быть заклеянным правым уклонистом». Если же кто-то и сообщал о факте голода начальникам в коммунах, им четко заявлялось, что подобные мысли являются отражением «неправильного правого уклона» и «чрезмерно упрощенным восприятием проблемы». От кадров производственной бригады ожидалось, что они будут сообщать о повышении производства зерна, и те, кто не соответствовал требованиям, «должен был посещать групповые занятия по перевоспитанию, претерпевал критику и побои»⁶. Во время поездок официальных делегаций руководителей провозили по специально спланированным маршрутам, которые не должны были позволить им обнаружить местные проблемы. В адрес партийных следователей, которые все же умудрялись выявить свидетельства скрываемого голода, поступали угрозы от чиновников, иногда даже не позволявших следователям покинуть районы их юрисдикции [Ibid.: 52]. Местные официальные власти занижали статистику смертности и придумывали самые заумные способы подделки цифр, зачастую при поддержке руководства, которое также желало избежать передачи наверх негативной информации [Ibid.: 52–56].

Система ведения статистики была полностью политизирована. Партийные комитеты всех уровней были вынуждены признавать корректность данных, передаваемых вверх по иерархической лестнице. В первый год «большого скачка» статистическим органам предписывалось следующее: «Нашу работу следует выполнять во имя службы другим людям, а не ради нас самих. От других зависит, что нужно, а что не нужно учитывать. Методики и особенности расчета также должны учитывать потребности тех, кому мы служим»⁷. Когда статистики на провинциальном уровне жаловались на партийные комитеты по поводу необходимости предоставления подложных данных, им указывали, что

⁶ Эти цитаты взяты из интервью с местными жителями, которые представлены у [Yang 2012: 32].

⁷ Цитата Сюэ Муцяо по [Ibid.: 257].

«Большой скачок» — неизбежная тенденция. Вам остается только подчиниться провинциальному партийному комитету. Когда-нибудь центральное правительство запросит у вас реальные цифры, и вам следует позаботиться о том, чтобы реальные цифры могли быть предоставлены им в любой момент⁸.

В 1959 г., когда кризис, вызванный «большим скачком», разросся до масштабов, которые уже нельзя было игнорировать, Государственное статистическое управление КНР потребовало точных цифр и данных. Однако его руководство принудили выступить с самокритикой за «недостаточную политическую сознательность» и за попытку «сбавить обороты “большого скачка”». Управлению дали распоряжение «решительно отстаивать генеральную линию КПК и предпринять контрмеры в борьбе против правого оппортунизма» [Yang 2012: 258].

Цикл бюрократического гнета

Крестьяне не всегда добровольно соблюдали требования, исходящие сверху, к тому же не все местные чиновники четко следовали директивам начальства, подавали заведомо подложную отчетность или скрывали очевидные провалы. С течением времени цикл бюрократического самообмана стало невозможно поддерживать без применения принуждения, запугивания и поразительной доли насилия в отношении людей, которые отказывались следовать общей линии партии или пытались раскрыть реальное положение дел. Именно эта тенденция придаст «большому скачку» в сельской местности те репрессивные черты, которые потом будут прослеживаться в еще больших масштабах во время «культурной революции». Взаимный обман обеспечивала сама партийная бюрократия, не желавшая слышать печальные новости и преднамеренно искажавшая те новости, которые все-таки доходили до нее.

⁸ Цитата Сюэ Муцяо по [Ibid.: 258].

«Большой скачок» сразу же обернулся в сельских районах Китая волной разрушений. Несмотря на широко распространенную самоцензуру и сфальсифицированные отчеты, достоверная информация все же поступила в центральный аппарат власти по меньшей мере к апрелю 1958 г., когда дефицит продовольствия и голодные бунты стали устрашающей нормой. Ко второй половине 1958 г. надвигающийся голод было невозможно отрицать. В начале 1959 г. этот голод охватил уже всю страну [Bernstein 2006; Dikötter 2010: 67–72; Zhou 2012: 4–16].

По мере приумножения проблем Мао озвучил позицию, от которой он в дальнейшем никогда не отступит: генеральная линия, олицетворением которой выступал «большой скачок», была абсолютно верной, и достижения инициативы в значительной мере превосходили ее недостатки. Критика «большого скачка» отражала классовую борьбу и представляла собой нападки на КПК и социализм, заявлял Мао в своей речи на партийной конференции в феврале 1959 г.:

Связи между нашими успехами и нашими провалами можно свести, как принято говорить, к разнице между девятью пальцами и одним пальцем наших рук. Некоторые люди сомневаются в «большом скачке» 1958 г. или отвергают его, а равно и преимущества [, которые он принес] народным коммунам. Очевидно, что эта точка зрения в корне неверна. Укрупненные коммуны — лучшее средство добиться транзита от системы сельских социалистических коллективов к социалистической системе с полной общенародной ответственностью, а также и перехода от социализма к коммунизму. Неправильно, что вокруг столь существенных вопросов возникают сомнения, это уклон вправо. Важно предвидеть, что... [различные] фракции будут насмехаться над нами и что землевладельцы, обеспеченные крестьяне, контрреволюционеры и вредные элементы пойдут на саботаж⁹.

Мао предпочел обвинить официальных лиц на местах в том, что при проведении курса «большого скачка» в жизнь они зашли

⁹ Речь Мао от 27 февраля 1959 г. на 2-й Чжэнчжоуской конференции. Перевод см. у [Yang 2012: 438–439].

чересчур далеко, осудил их за некомпетентность и непомерно амбициозные целевые показатели. Он признал факт голода, но настаивал, что ситуация не столь острая, как сообщается, и она связана с ходом внедрения «большого скачка» на низовых уровнях, а не с принципами, на которых выстраивался «большой скачок» [Dikötter 2010: 86–87].

Основная причина голода заключалась в чрезмерных поставках зерна исходя из крайне завышенных показателей в отчетах о собранных урожаях [Bernstein 1984]. Когда провинциальные чиновники сообщали ложные данные о массивном наращивании объемов выработки зерна за предшествующий год, их квоты по поставкам соответствующим образом повышались. В 1958 г. фактически было собрано 200 миллионов тонн зерна — прирост всего лишь на 2,5 % по сравнению с предшествующим годом. Однако официально было доложено о заготовке 375 миллионов тонн зерна — непомерно раздутая цифра¹⁰. По вполне очевидным причинам провинциальные официальные лица сталкивались с невозможностью выполнить повышенные квоты по поставкам. Поскольку в 1958 г. был отмечен распространением голода и срывом работы коллективных фермерских хозяйств, начались проблемы с урожайностью, и в 1959 г. было собрано на 15 % меньше зерна, чем в 1958 г. Провинциальные чиновники оказались в весьма тяжелом положении, которое лишь обострялось тем, что Мао уже начал списывать проблемы «большого скачка» на их счет.

Что могли сделать перед лицом этой дилеммы провинциальные чиновники? Они могли бы признать статистические данные по сбору зерна за прошлый год выдумкой, что обернулось бы их политическим преследованием, или обвинить своих подчиненных. Многие пошли по второму пути. В январе 1959 г. провинция Гуандун сообщила о том, что в регионе был хороший урожай зерна, однако при попустительстве местных кадров крестьяне укрывали продовольствие. Чиновники Гуандун заявляли об успехе кампании по конфискации спрятанных запасов зерна в деревнях. Аналогич-

¹⁰ [Li, Yang 2005: 845–846] сопоставляют первоначально озвученные показатели производительности со скорректированными цифрами, которые стали доступны через некоторое время после завершения «скачка».

ные сообщения поступали из провинции Аньхой: «Проблема так называемой “нехватки зерна” в сельской местности ни в коей мере не связана с его дефицитом или чрезмерными закупками зерна правительством. Это проблема идеологии, особенно среди местных кадров». Отчет указывает, что утаивание продовольствия возникало в результате волнений местных жителей по поводу того, что коммуны не позволят крестьянам оставить у себя достаточно зерна, или из желания сдержать рост квот на следующий год, или из предположений, что иные руководители, также придерживающиеся у себя запасы зерна, будут пытаться свалить ответственность за ситуацию на них [Dikötter 2010: 85].

Мао, который к тому моменту был вынужден признать реальные проблемы, вызванные «большим скачком», но продолжал настаивать на безошибочности общего замысла инициативы, ухватился за эту идею. Лидер объявил о «крайней важности» проблемы «сокрытия зерна» и призвал к еще большим усилиям по изысканию его больших объемов [Ibid.: 85–86]¹¹. Тем самым было положено начало общенациональной кампании по борьбе с «ложной отчетностью и сокрытием зерна». Официальные лица всех уровней, продолжавшие настаивать, что зерна больше нет и что крестьяне уже столкнулись с голодом, признавались участниками сговора против «большого скачка», а соответственно, самого председателя Мао.

Кампания приняла вид политической борьбы. Глав деревень и обычных крестьян, отказывавшихся признать наличие каких-либо сокрытых запасов зерна, подвергали оскорблениям и угрозам, зачастую перераставшим в побои и даже пытки. Один пожилой кадр, работавший в деревнях, многими годами позже заявит:

Если ты не избивал других, то избивали тебя. Чем более жестоко ты избивал других, тем более прочным становился твой статус и тем больше ты доказывал свою преданность КПК. Если ты отказывался поднимать кулак на людей, то побоям подвергали уже тебя, заклеянного в качестве правого уклониста (цит. по: [Yang 2012: 49]).

¹¹ Перевод документа см. у [Zhou 2012: 23–25].

В одной коммуне уездный партийный комитет отдал распоряжение о проведении следствия, начавшего с самых верхов местной партийной иерархии. На собрании, где было сделано соответствующее объявление, несколько кадров коммуны были подвешены и подвергнуты побоям. Один человек погиб прямо во время собрания [Yang 2012: 335–336]¹². Ожесточенные собрания критики и борьбы вперемешку с избиениями применялись в отношении сельских кадров, которые заявляли, что зерна больше не осталось. Многие кадры отделялись понижениями по службе или снятием с партийных постов, но были и люди, покончившие с собой¹³.

Кампания приняла еще более страшный размах, когда она затронула фермерские домохозяйства. Дома обыскивали в поисках припрятанного зерна. Глав домохозяйств задерживали, допрашивали под угрозой заключения, избивали и даже пытали¹⁴. Если зерно обнаружить не удавалось, изымали мебель и личное имущество. Многие сельские семьи оставались с голодом и нуждой один на один. В отдельных случаях в качестве наказания тех, кто отказывался выдать запасы зерна, сносились их дома, а самих отказывающихся лишали карточек на зерно, что факти-

¹² В указанной коммуне с постов было смещено свыше тысячи местных руководителей, 173 человек забили до смерти.

¹³ Подробнее об этой поразительно малоизвестной кампании см. [Yang 2012: 28–37, 224–229, 335–338; Zhou 2012: 18–19, 25–36].

¹⁴ В докладной записке, представленной властям провинции Сычуань в 1961 г., сообщается, что местные официальные лица учреждали частные тюрьмы и трудовые лагеря, куда без суда и следствия направляли крестьян, а также перечисляет такие методы пыток, как «подвешивание, избиение, принуждение к преклонению на горящие угли, протыкание ртов, отрезание пальцев, зашивание ртов, пробитие сосков гвоздями, принудительное кормление экскрементами и засушенными бобами» [Zhou 2012: 21]. Схожий документ, представленный в том же году в провинции Хэнань, приводит дополнительно следующие виды пыток: выдергивание волос, отрезание ушей, пробивание ладоней бамбуковыми палочками, вставка хвойных иголок в десны, заталкивание горячей золы в рот, выдергивание лобковых волос, пробивание гениталий, захоронение заживо и «воспламенение небесных свечей», когда человека раздевали донага, подвешивали, обливали маслом и поджигали [Yang 2012: 30–31].

чески являлось приговором к голодной смерти. Во многих районах формировались «бригады трудовой реформы», где подозреваемых в сокрытии зерна заставляли работать в поте лица в обмен на скудные пайки. Но как бы ни бесновались местные чиновники в поисках зерна, обнаружить его существенные объемы не получалось. Единственное, чего удалось добиться в рамках кампании, — ускорить наступление голода¹⁵.

На фоне кампании по борьбе с сокрытием зерна партийное руководство провело в июле–августе 1959 г. Лушаньский пленум¹⁶, на котором предлагалось рассмотреть «корректировку» политики «большого скачка» и разрешить наиболее острые проблемы, которые Мао был вынужден признать. Многие лидеры, имевшие возможность посетить родные деревни и пообщаться с родственниками, теперь ясно осознавали наступающий голод. Ведущие военные кадры были осведомлены о надвигающейся катастрофе через сообщения своих офицеров и солдат — по большей части выходцев из сельских районов — о печальной участи их семей. Официальные лица понимали трагические последствия, к которым вели ключевые меры «большого скачка», и надеялись, что им удастся уговорить Мао сменить курс и избежать причинения еще большего вреда.

К сожалению, этого не произошло. Мао болезненно отреагировал на замечания критиков, которые со всей очевидностью замечали, что достижения «большого скачка» незначительны, а проблемы его реализации связаны отнюдь не с отсутствием у местных кадров компетентности¹⁷. До Мао доходила информация, что отдельные члены ЦК КПК в частных беседах откровенно осуждали провал «большого скачка», называя сталепла-

¹⁵ [Thaxton 2008: 188–198] представляет данные события с точки зрения деревенских жителей.

¹⁶ Назван по горе Лушань в провинции Цзянси на востоке Китая. Пленум состоялся на местном курорте.

¹⁷ Лушаньскому пленуму уделено в литературе много внимания, см. [Dikötter 2010: 90–99; Lüthi 2008: 126–135; MacFarquhar 1983: 193–251; Teiwes, Sun 1999: 202–212]. Заявления, представленные в настоящем абзаце, взяты из [Yang 2012: 350–393].

вильные печи на задворках деревень «бесполезными», характеризую всю инициативу как результат «гордыни» и ставя под сомнение заявления Мао, который утверждал, что изъяны «большого скачка» едва ли стоят «одного мизинца» в свете его «успехов», равных «деяти пальцам». Особое беспокойство у Мао вызвали сообщения, что некоторые официальные лица сопоставляли его по надменности поведения в отношении других представителей руководства со «Сталиным в поздние годы»¹⁸.

Мао принял решение идти в наступление, когда ему доставили записку от министра обороны, маршала Пэн Дэхуая, в которой тот подробно перечислял недостатки «большого скачка». Мстительный и эмоциональный ответ Мао исключил последние возможности для корректировки курса с тем, чтобы остановить усугубление катастрофы¹⁹. Мао немедленно созвал Постоянный комитет Политбюро и потребовал подвергнуть Пэн Дэхуая и еще нескольких ведущих фигур жесткой критике за создание «антипартийной клики» оппортунистов правого толка, которая перешла в «ожесточенное наступление» внутри КПК. Обратившись к собственным идеям о классовой борьбе внутри партии, Мао осудил своих критиков как карьеристов и интриганов, которым не хватало веры в КПК и дело строительства социализма [Bernstein 2006; Yang 2012: 384–385]. Остальные руководители, в том числе те, кто в душе был согласен с замечаниями, присмирели и в не менее агрессивной манере раскритиковали своих коллег за «ошибки»²⁰.

¹⁸ Под формулировкой «Сталин в поздние годы» официальные лица, скорее всего, не имели в виду массовые чистки и казни 1937–1938 гг., которые на тот момент времени не имели аналогов в Китае. Судя по всему, чиновники подразумевали своенравность Сталина и его измышательства над членами Политбюро в последние годы его жизни, о чем Хрущев и иные представители советского руководства начали громко говорить после смерти Сталина в 1953 г. [Service 2004: 531–540].

¹⁹ [Bernstein 2006] прослеживает эволюцию изменчивых и сумбурных реакций Мао на плохие новости о ходе «скачка» и причины оборонительной позиции, которую он занял на Лушаньском пленуме 1959 г.

²⁰ Сюда входят Лю Шаоци и Чжоу Эньлай: [Yang 2012: 367–383].

В своей речи на собрании 2 августа Мао заявил о фундаментальной «борьбе за политическую линию» внутри КПК:

Правильна ли наша линия? Некоторые из наших товарищей выражают сомнение в этом. Вскоре после прибытия в Лушань отдельные товарищи призвали к демократии, заявляя, что сейчас мы недемократичны, что мы не можем высказываться свободно, что есть определенное давление, лишшающее смелости говорить... Только позже стало очевидно, что они хотели подорвать и саботировать генеральную линию. Когда они заявляют, что хотят свободы выражения мнений, они подразумевают свободу уничтожать своими речами генеральную линию и свободу критиковать генеральную линию... Лушаньская конференция ставит своим вопросом противостояние не левым, а правым настроениям, поскольку оппортунизм [правого толка] является ожесточенным наступлением на партию и ее руководящие органы, а также и на народные начинания [Ibid.: 385–386].

К этим обвинениям Мао присовокупил в середине августа две записки, тон которых был еще более эмоционально-оборонительным.

Обращаюсь к раскольникам внутри КПК, нашим крайне правым друзьям. Вы не хотите услышать меня. Для вас я уже «Сталин в последние годы», я уже стал «неистовым деспотом», я уже лишил вас «свободы» или «демократии», пока «подчиненные приукрашивают результаты своей работы, отчитываясь перед начальством»... Никто не может откровенно общаться со мной, один только ваш лидер называет вещи своими именами. Печальный поворот событий. По всей видимости, только вы призваны стать нашими спасителями [Ibid.: 387].

Со всем этим Мао не желал мириться. «В Лушане проявилась классовая борьба, противостояние не на жизнь, а на смерть между буржуазией и пролетариатом, которая протекала уже более десяти лет в процессе социалистической революции» [Ibid.].

Мао наконец-то полностью применил на практике уроки, извлеченные из «Краткого курса истории ВКП(б)» Сталина еще

в Яньбэне. Разногласия по политическим вопросам приравнивались к классовой борьбе, а единственным носителем истины и мудрости оказывался верховный лидер. Сомневающиеся признавались предателями, которые выражали интересы капиталистов и империалистов. Официальная резолюция по ситуации вокруг Пэн Дэхуая указывала на существование «правоуклонистской оппортунистской антипартийной клики во главе с товарищем Пэн Дэхуаем», которая предприняла «ожесточенную атаку на генеральную линию КПК, “большой скачок” и народные коммуны». Резолюция призвала всю партийную машину вскрыть «личину этого лицемера, карьериста и заговорщика». Все должны были присягать верности политике «большого скачка» и подвергать критике сомневающихся:

Принципиально важно неизменно добиваться сокрушения правоуклонистской оппортунистской антипартийной клики во главе с товарищем Пэн Дэхуаем не только во имя генеральной линии КПК, но ради центрального руководства партии во главе с товарищем Мао Цзэдуном, единства КПК и дела строительства социализма силами партии и народа [Ibid.: 388].

Тем самым было положено начало второй кампании против правого уклона, на этот раз — против «оппортунистов правого толка», что сделало неизбежностью гибель от голода десятков миллионов людей. Вторая политическая кампания лишила КПК возможности скорректировать политический курс, что позволило бы избежать превращения «большого скачка» в тот кошмар, в который он стремительно превращался. Китай оказался на грани эпохального голода. Поведение Мао на Лушаньском пленуме стало последним толчком, который низвергнул страну в бездну. Заявления Мао обострили кампанию против воображаемых феноменов «подложной отчетности и утаивания зерна», которая была дополнена параллельной кампанией по преследованию столь же вымышленных местных антипартийных клик оппортунистов правого толка. В качестве этих оппортунистов

понесли наказание свыше десяти миллионов людей по всему Китаю [Ibid.: 390, 392]²¹.

Любой здравомыслящий человек осознавал, что основной причиной бедствия стала принудительная массовая мобилизация силами бюрократического аппарата. Кадры на всех уровнях заставляли с энтузиазмом откликаться на нереалистичные требования центральных властей. Чиновников, которые осмеливались указать на очевидную проблематичность требований сверху, наказывали, иногда крайне жестоко. Однако Мао, желая отстоять в первую очередь собственное «я», вне всякой логики заключил, что все сбои были связаны со «свирепым отпором со стороны оппозиции на пути к социализму». Он связывал все проблемы с саботажем предполагаемых антипартийных клик и классовых врагов [Yang 2012: 445].

Отказываясь видеть причину беспредела и голода, царивших в деревнях, в «классовой борьбе», которую он сам развязал для противостояния «подложной отчетности, «утаиванию зерна» и «оппортунистам правого толка», Мао настаивал, что «чужеродные классовые элементы» взяли под свой контроль сельские районы КНР. Сельские кадры, которые выступали наиболее лояльными и политически ревностными агентами Мао в развернутой лидером ошибочной кампании, были обвинены в последовавших в ее результате бедствиях. Отчет ЦК КПК от конца 1960 г. трактует все возникшие проблемы как «исключительно вопрос контрреволюционной реставрации и безжалостной контратаки на рабочий люд со стороны землевладельцев и [националистов] Гоминьдана, спрятавшихся в рядах КПК» [Ibid.: 60–61]. ЦК констатировал, что

контрреволюционеры и вредные элементы узурпировали партийное и административное руководство и, под прикрытием кампании против правого уклона... переняли тактику

²¹ [Thaxton 2008: 143–156] описывает давление по активному внедрению партийных директив, оказывавшееся в этот период на руководителей деревней, и наказания, которые накладывались на тех, кто не справлялся с этой задачей.

землевладельцев и Гоминьдана, в частности самоуправные побои, аресты и убийства в целях реализации акта всесторонней классовой мести... Лидеры и кадры на всех уровнях стали организаторами и зачинщиками подавления и гнета народа, превратившись в хладнокровных убийц [Ibid.: 62].

Иными словами, все описанные проблемы не следовало считать результатом действия бюрократической системы, которая при нуждала к безусловной лояльности агентов, мобилизуемых на непрекращающуюся классовую борьбу против воображаемых врагов. «Реальная проблема» заключалась в подрывной деятельности классовых врагов, затесавшихся в ряды добропорядочных граждан. Неужели верные партийные кадры шли на бесчинства, ощущая на себе давление, заставляющее выполнять изначально неверные политические указания, исходящие из Пекина? В декабре 1960 г. на совещании партийного комитета провинции Хэнань один чиновник обозначил свое стремление к участию в борьбе против врага следующим образом:

Вопрос заключается в отсутствии у нас адекватного понимания очевидных противоречий, существующих между нами и нашими врагами, а равно в нашей неспособности ясно распознать, что Гоминьдан под видом членов КПК пытается взять от имени буржуазии реванш ... Наблюдать за гибелью народных масс, отказываясь раздавать нуждающимся зерно, которое лежит на складах за закрытыми дверями; лицеизреть закрытие общих кухонь, но не позволять народным массам пользоваться плитами в собственных домах; не разрешать народным массам собирать дикорастущие травы или бежать от голода... относиться к людям хуже, чем в тягловому скоту; избивать и даже убивать людей без суда и следствия, без тени сожаления — кто эти люди, которые идут на все это, если не враги?... Ради самосохранения эти люди умертвили наших классовых братьев. Мы должны ответить на убийство товарищей равной жесткостью²².

²² Речь второго секретаря Центрально-южного управления ЦК КПК Ван Жэньчжуна от 6 декабря 1960 г. Перевод см. у [Yang 2012: 63].

Таблица 8.1. Демографические последствия «большого скачка»

Год	Общий коэффициент рождаемости (на тысячу)	Общий коэффициент смертности (на тысячу)	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (годы)	Коэффициент младенческой смертности (на тысячу)	Население (миллионы)
1956	39,9	20,1	47,0	143	619,1
1957	43,3	18,1	49,5	132	633,2
1958	37,8	20,7	45,8	146	646,7
1959	28,5	22,1	42,5	160	654,3
1960	26,8	44,6	24,6	284	650,7
1961	22,4	23,0	38,4	183	644,8
1962	41,0	14,0	53,0	89	653,3
1963	49,8	13,8	54,9	87	674,2

Источник: [Banister 1984: 254].

В одной из единиц окружного уровня в провинции Хэнань, где отмечались особенно тяжелые злоупотребления, тысячи сельских чиновников были смещены с постов, свыше десяти тысяч официальных лиц подверглись собраниям критики и борьбы, и во все уезды были направлены квоты на казни сотен заблуждающихся кадров [Ibid.: 61]. Виновными в кризисе признавались землевладельцы и обеспеченные крестьяне, пережившие земельную реформу и предшествующую кампанию против контрреволюционеров, поэтому эти «дурные классы» были также намечены в качестве жертв [Ibid.: 61–64].

Масштабы и причины голода

Голод, произошедший по причине «большого скачка», был признан лишь через несколько лет после смерти Мао. Данные о смертности от голода держались в тайне даже от людей в самых высоких эшелонах власти. Сообщается, что Чжоу Эньлай, получив подробный отчет, в котором говорилось о гибели десятков миллионов человек, приказал ответственным чиновникам уни-

чтожить как все версии доклада, так и исходные данные, которые легли в его основу [Ibid.: 406–407]. На протяжении двух десятилетий не публиковалась информация по численности населения. Когда правительство КНР начало распространять статистику по населению и сельскому хозяйству после кончины Мао, демографы сразу же заметили очевидные последствия голода, принявшего поразительный масштаб [Aird 1982: 278; Coale 1981: 89].

Лишь с публикацией результатов переписи населения 1982 г. и данных о переписях за 1953 и 1964 гг. стало возможно представить точные и заслуживающие доверия демографические расчеты по воздействию «большого скачка». Средние показатели по стране с населением свыше 600 миллионов человек поражают. С 1957 по 1960 г. общий коэффициент смертности вырос в 2,5 раза, ожидаемая продолжительность жизни при рождении сократилась с 49,5 до 24,6 лет, коэффициент младенческой смертности увеличился более чем в два раза. За четыре года после 1958 г. население Китая потеряло свыше десяти миллионов человек (Таблица 8.1). Данные из переписей населения свидетельствуют о почти 30 миллионах «преждевременных смертей»²³.

Хотя факт голода теперь был официально признанным, власти КНР по-прежнему не желали раскрывать масштабы и истинные

²³ Профессиональные демографы провели наиболее полные расчеты смертности от голода исходя из данных о возрастной структуре населения, представленных в последующих общенациональных переписях населения. На основании в целом схожей изначальной информации, [Ashton et al. 1984: 614, 619] оценивает избыточную смертность в 29,5 миллиона, [Banister 1987] — 28,9 миллиона, [Coale 1984] — 30,7 миллиона. [Yang 2012: 421–425, 428–430] подготовил обзор различных расчетов, выполненных китайскими учеными с использованием альтернативных методов на базе данных, которые не включаются в переписи населения, и называет как наиболее вероятную цифру 36 миллионов. Иные авторы (например, [Dikötter 2010: 324–334]) полагают, что архивные материалы подтверждают цифру до 50 миллионов. Эти цифры не сходятся с возрастной информацией по населению. Более высокие показатели были бы допустимыми только в том случае, если переписи населения занижали цифры в ранних отчетах и завышали показатели в поздних отчетах по одним и тем же возрастным группам. Последнее представляется маловероятным. [Coale 1984: 64–74] рассказывает о методологии таблиц смертности.

причины катастрофы. Голод связывали с «тремя годами природных бедствий», сведя его причины к наводнениям, засухам и бурям²⁴. Это объяснение не стыкуется с региональными данными об ущербе от природных явлений и производительности в сельском хозяйстве. В 1959 г., когда голод достиг своего пика, природными бедствиями были затронуты лишь 9,6 % посевных площадей (16,6 % — в 1960 г., 20,1 % — в 1961 г.). В равной мере только 9,6 % посевных площадей на протяжении двух лет подряд официально признавались районами бедствия. Ущерб от погодных условий за 1959 г. был не меньшим, чем за 1956 и 1957 гг., когда показатели урожайности росли [Peng 1987: 651]. На погодные условия можно было списать менее 13 % спада в выработке зерна, но даже это не могло привести к голоду, если бы не запрет на поставку части урожая в деревни во время «большого скачка» [Li, Yang 2005: 843]²⁵.

Точные данные по сельскому хозяйству за этот период ошеломляют. Реальная выработка зерна де-факто увеличилась лишь на 2,5 % в 1958 г. (Таблица 8.2). Затем урожайность резко упала — почти на 30 % только в 1960 г. — перед тем, как показать новый рост. Сельское хозяйство Китая пострадало от «большого скачка» настолько сильно, что выработка зерна восстановилась до уровня 1958 г. только к 1966 г. Упор же на выработку именно зерна привел к еще большему снижению производства иных продовольственных товаров. В 1960 г. производство масличных культур было более чем в половину ниже показателей 1957 г. и меньше, чем за любой год, начиная с 1949 г. Выработка сахарного тростника и сахарной свеклы в 1962 г. была на треть ниже, чем в 1957 г., выработка мяса — более чем вдвое [Lardy 1987a: 369–370].

²⁴ Официальные данные также преуменьшают количество смертности от голода, указывая цифру в 17 миллионов человек. Этот расчет базируется на хранящейся в тайне методике «оптимизации», которая списывала значительную часть избыточной смертности на «естественные причины». [Yang 2012: 421–425] рассматривает с критической точки зрения вариации в расчетах, предлагаемых китайскими авторами.

²⁵ [Kung, Lin 2003: 66–67] приходят к схожим выводам по поводу воздействия погодных условий на региональные показатели смертности.

При этом важно отметить, что Пекин изначально исходил из абсолютно иных показателей производства зерна. В 1958 г. первоначально сообщалось об урожае в 375 миллионов тонн. Только в 1980 г. стало известно, что де-факто урожай составил 200 миллионов тонн [Li, Yang 2005: 845]. В 1959 г. было заявлено о 270 миллионах тонн. В действительности было собрано 170 миллионов тонн. Лишь в 1960 г., когда голод уже достиг исторических масштабов, Пекин был извещен о более соответствующих реальности цифрах: 150 миллионах тонн зерна (де-факто 143 миллиона тонн) [Ashton et al. 1984: 626]. До этого же на протяжении двух лет с коллективных фермерских хозяйств требовали повышенных поставок зерна. В 1959 г. было собрано на 30 миллионов тонн меньше зерна, чем годом ранее, а план поставок увеличился на 12 миллионов тонн. В 1960 г., когда голод уже был очевидным фактом, закупка зерна сократилась на 47 миллионов тонн, и все же это было завышенное требование: за 1960 г. надлежало поставить столько же зерна, сколько и в 1957 г. при урожае на 52 миллиона тонн меньше (таблица 8.2). Доля закупок зерна достигла максимальных значений как раз тогда, когда начались неурожаи. В 1959 г. этот показатель достиг почти 40 % — практически вдвое больше доли урожая, которую государство получило в 1956 г. (график 8.1).

Тем временем в коллективных фермерских хозяйствах оставалось гораздо меньше пищевого зерна: если в 1958 г. на человека приходилось 284 килограмма, то в 1960 г. — уже 182 (таблица 8.2). Ущерб от «большого скачка» был столь значительным и продолжительным, что коллективные фермерские хозяйства смогли вернуться к уровню поставок зерна на душу населения на уровне 1956 г. только по прошествии десятилетия (график 8.2). Это было, в частности, связано с сохраняющимся приоритетом поставок продовольствия городам. Города переживали с пищевым снабжением тяжелые перебои, что значительно усугублялось за счет прибытия в урбанизированные районы голодающих людей из пригородных коммун. Улицы были заполнены попрошайками. На элеваторах происходили драки. Повсеместными стали мелкие кражи и вооруженные ограбления [Brown 2011; 2012: 53–75].

Таблица 8.2. Производство и закупки зерна
во времена «большого скачка»

Год	Производство зерна (миллионы тонн)	Поставки зерна (миллионы тонн)	Удержанное зерно на душу населения (килограмм/человек)
1956	193	40	284
1957	195	46	273
1958	200	52	268
1959	170	64	193
1960	143	47	182
1961	148	37	209
1962	160	32	229
1963	170	37	231
1964	188	40	256
1965	195	39	261
1966	214	41	282

Источник: [Li, Yang 2005: 846].

Поставки свинины в Шанхай с 1957 по 1961 г. упали почти на 90 %. Дефицит поставок иной пищевой продукции приводил к росту заболеваемости на почве недоедания. В 1961 г. смертность в Пекине в два раза превысила показатели 1957 г. [MacFarquhar 1997: 3]. И все же города получали достаточно зерна, чтобы избежать голода.

Режим всеми силами скрывал описанные проблемы от городского населения и в особенности от международного сообщества. Беженцы, которые пытались спастись от голода, вынудили Международный комитет Красного Креста обеспечить поставки продовольствия, которые власти КНР решительно отказывались принять [Ashton et al. 1984: 630–632]²⁶. Продолжалась практика выплаты кредитов СССР и странам советского блока путем

²⁶ Частые сообщения о голоде, публикуемые некоммунистическими источниками, отвергались как предвзятые.

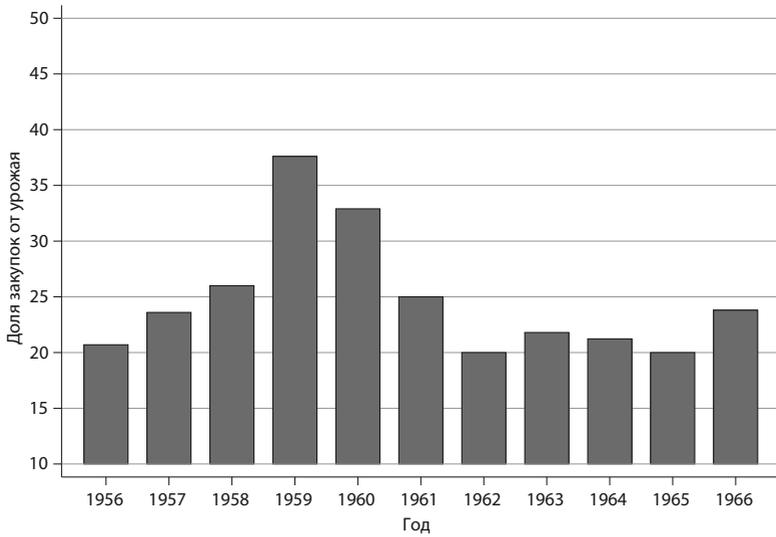

График 8.1. Государственные закупки зерна, доля от урожая, 1956–1966 гг. Источник: рассчитано исходя из [Li, Yang 2005: 846]

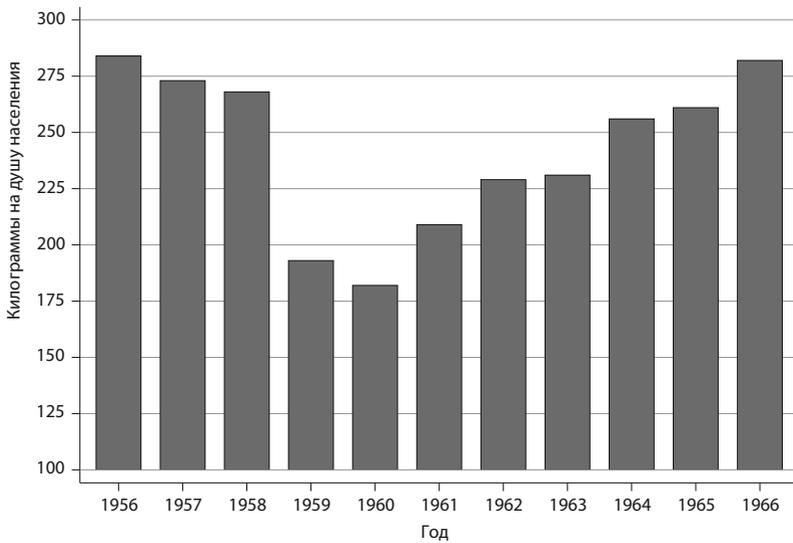

График 8.2. Удержанное коллективными фермерскими хозяйствами зерно, 1956–1966 гг. Источник: [Li, Yang 2005: 846]

экспорта зерна [Dikötter 2010: 72–83; Lüthi 2008: 109–111, 153–154]. Чистый экспорт зерна в 1959 г. де-факто вырос на 50 % с лишним. Вывоз зерна продолжался в меньших размерах даже в 1960 г., когда игнорировать масштабы голода уже не представлялось возможным. Лишь в 1961 г. Китай станет чистым импортером зерна [MacFarquhar 1997: 23–31]. Растянувшееся на два года промедление в закупках зерна на международных рынках привело к чистому экспорту почти в 7 миллионов тонн, которых было бы достаточно для снабжения 16 миллионов людей продовольствием с рационом питания в 2000 калорий в день в течение почти тех же двух лет [Ashton et al. 1984: 622]. Политика в области международной торговли, мотивируемая в основном желанием защитить репутацию руководства КНР, лишь обострила голод.

«Большой скачок» в промышленности

Воздействие «большого скачка» на производство, отразившееся в статистических данных, было не менее сокрушительным, чем на сельское хозяйство. В свете масштабного голода, спровоцированного подрывом сельского хозяйства, вполне очевидно, почему в специальной литературе промышленности уделяется сравнительно меньше внимания. Когда терпит крах индустрия, сокращается производство и рабочие подвергаются увольнениям. Да, уничтожение в рамках «большого скачка» промышленной системы не обернулось гибелью миллионов людей. Однако спровоцированная им промышленная депрессия висела над Китаем многие годы.

Причины такого положения в целом понятны. Как уже отмечалось в главе 5, советская промышленная система была ограничена скорее в ресурсах, чем в спросе. В такой экономике, которой недостает ресурсов, производство останавливается, когда заканчиваются поставки сырья, топлива и запчастей. Предполагалось, что «большой скачок» позволит немедленно добиться расширения промышленной системы за счет ликвидации сдерживающих производство ресурсных ограничений. Такую задачу можно

было решить путем огромных вливаний трудовых ресурсов и капитала. Существующих работников мобилизовывали (без их согласия) на работу с большим рвением, на большей скорости и в течение более продолжительного рабочего дня. Создавались новые производственные мощности. Местные власти создавали многочисленные новые предприятия и привлекали на работу в них людей из сельских коммун. Во всех отраслях были повышены целевые показатели выпуска продукции. Партийные секретари всех уровней были вынуждены озвучивать весьма раздутые целевые показатели по выработке стали, угля, производству химикатов, машинного оборудования и моторизированной техники. Ожидалось, что принуждение всех к более усердному и ускоренному труду и выявление любых запасов ресурсов в промышленной системе приведет к формированию выигрышного цикла увеличения поставок материалов. В свою очередь, это должно было ликвидировать ресурсные ограничения в промышленности и ускорить индустриализацию Китая.

Такой логика казалась разумной Мао и рисовала выигрышные перспективы партийным кадрам. Вовлечение всей промышленности в массированную политическую кампанию должно было привести в перенятую у СССР неуклюжую бюрократическую систему новую жизнь. Партийное руководство рассчитывало довести человеческий потенциал до невероятных вершин. На первый взгляд невозможных целей можно было достигнуть, свидетельством тому была заключительная стадия гражданской войны. Партии нужно было лишь неустанно мобилизовывать людей и материальные ресурсы и сконцентрировать их на общей задаче. В одночасье с дефицитной экономикой было бы покончено.

В краткосрочной перспективе фабрики могли выполнять резко увеличенные нормы выработки лишь за счет ускорения выполнения производственных операций, для чего требовалось изменить или отменить процедуры обеспечения качества продукции и безопасности работников, а также обслуживания основного оборудования, форсированно вводить сверхурочную работу или нанимать новых сотрудников. Местные чиновники в менее промышленно развитых регионах реагировали на при-

зывы к наращиванию производства, создавая в ускоренном порядке новые фабрики и расширяя уже существующие предприятия, на которые привлекались многие люди из окрестных коллективных фермерских хозяйств. Это выведение рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность в конечном счете окажет влияние на объемы производства зерна. В 1958 и 1959 гг. значительное увеличение числа работников, задействованных в промышленности, отмечалось в уездных центрах и поселках по всему Китаю. Практически весь рост производства приходился на простые и трудоемкие операции, которые могли увеличить производительность при минимальных капиталовложениях.

Требование ускорять существующие операции шло вразрез с процедурами контроля качества, обеспечения безопасности работников и обслуживания основного оборудования, которые были установлены инженерами и техническим персоналом. Зачастую наблюдались конфликты партийных секретарей и активистов с «белыми воротничками» и квалифицированными ветеранами труда. Партийные секретари, настаивая на ускоренной выработке стали, поиске альтернативы дефицитным сплавам и сокращении химических проверок продукции на качество, игнорировали обеспокоенность технического персонала и высококвалифицированных рабочих, которые замечали, что ускоренный прогрев металла приведет к напрасной трате дефицитных видов топлива, а также к изменению химического состава, а отсутствие проверок качества значительно увеличит риск выпуска сталелитейной продукции, которая не будет отвечать техническим спецификациям, необходимым конечным потребителям. При эксплуатации станков или производственных линий партийные секретари шли на ускорение операций за счет снижения контроля качества, повышения темпов работы и увеличения продолжительности трудового дня.

Технический персонал, рабочие-ветераны и представители профсоюзов понимали, что все эти предложения приведут к сбоям в работе основного оборудования, промышленным авариям, которые поставят под угрозу здоровье и безопасность трудящихся, и выпуску некачественной продукции, которая не будет отве-

чать требованиям к качеству и, соответственно, окажется олицетворением разбазаривания и без того ограниченных ресурсов. Партийные секретари вынуждали специалистов молчать. На встречах, призванных «раскрыть творческий потенциал народных масс», политические активисты предлагали всевозможные «обходные пути» и «инновации», которые громко воспевались на фабриках (и в СМИ). Инженеры и технический персонал, ставившие вопросы о расточительном расходовании ресурсов, качестве или безопасности, порицались как «буржуазные специалисты», чьи реакционные взгляды основывались исключительно на «предрассудках». На фоне продолжающегося Движения против правого уклона мало кто осмеливался отстаивать мнение, что кампания КПК за повышение производительности, скорее всего, выйдет всем боком.

Пророчествам было суждено вскоре сбыться. По фабрикам прокатилась волна производственных аварий и сбоев оборудования. Работники, которых вынуждали работать в течение длительного времени, совершали от усталости ошибки. Во имя ускорения производства игнорировались техника безопасности, что приводило к смертельным инцидентам [Dikötter 2010: 269–273]. Оборудование, рассчитанное на определенную скорость и время работы, изнашивалось от чрезмерно активного использования и ломалось в отсутствие плановых проверок и технического обслуживания. Даже если аварии обходились без пострадавших, производство в связи с выполнением затяжных ремонтных работ все равно останавливалось.

Несмотря на все эти препятствия, производительность труда на первых порах удалось повысить. Вполне предсказуемо, что увеличение объемов производства сопровождалось резким падением качества продукции. Производители оказывались перед выбором, который оказался бы тяжелым в любое другое время, но не в условиях «большого скачка». Они могли подтвердить неудовлетворительное качество продукции, признать ее негодной, не учитывать ее в своих нормах выработки и попытаться довести некачественные товары до необходимых кондиций. Такая перспектива сулила им невыполнение норм, а это значило бы,

что все ранее затраченные усилия, материалы и топливо были выброшены на ветер.

Подавляющее большинство партийных секретарей выбирали альтернативу: заявить, что все произведенное отвечает стандартам, отправить продукцию конечным потребителям и обеспечить молчание управленцев, работников и инженеров, пытавшихся им что-то возразить. Фактически они перекладывали бремя решения проблемы на фабрики, которые получали такую продукцию. По всей системе промышленности предприятия получали партии стали, которая оказывалась слишком хрупкой или мягкой для производства какой-либо продукции, автозапчасти, которые нельзя было использовать на сборочных линиях, машинное оборудование, которое постоянно портилось или просто не работало, и грузовики, которые регулярно ломались. Несмотря на увеличение общих объемов доступных материалов вся промышленная система столкнулась с серьезным дефицитом материалов должного качества для обеспечения производственных операций.

Кампания за повышение производительности, направленная на снятие ресурсных ограничений, привела к ресурсному кризису. Предприятия по всему Китаю получали материалы, которые им было негде применить. Дополнительная энергия и трудовые силы растрчивались на доведение материалов до надлежащего качества, когда это было вообще возможно, а когда нет — на бартерный обмен бесполезных материалов с другими предприятиями, которые имели возможность их использовать и сами остро нуждались в надлежащем сырье.

Это была развивающаяся промышленная депрессия, причины которой были иными, чем у депрессий, вызванных финансовыми паниками и экономическими спадами в рыночных экономиках. Перенятая Китаем у СССР промышленная система — ограниченная в ресурсах, но целенаправленно расходующая их в колоссальных масштабах — привела к поступательно нарастающему дефициту. Огромные запасы электричества, топлива и угля растрчивались на создание продукции, которую нельзя было использовать [Ibid.: 145–154].

К 1960 г. промышленная система истощила свои ресурсы. В 1961 г. произошел обвал производительности. В течение 1962 г. валовый выпуск промышленной продукции сократился почти на 50 % (график 8.3). Удар, нанесенный по промышленной системе, был столь тяжелым, что индустрия смогла восстановиться лишь к 1964 г. Рабочие, которых на волне кампании в 1958 и 1959 гг. привлекли к работе дополнительно, подверглись увольнениям. Их судьбу разделила и часть трудящихся, занятых в промышленности и до 1958 г. [MacFarquhar 1997: 33–36]. Общая занятость в неаграрных секторах экономики упала с почти 60 миллионов в 1960 г. до 42 миллионов в 1962 г., а трудоустройство в государственной промышленности — с 21,3 миллиона в 1960 г. до 11,2 миллиона в 1963 г. (график 8.4) [State Statistical Bureau 1983: 126]. Многие из этих рабочих мигрировали из местных коллективных фермерских хозяйств еще в начале «большого скачка». Теперь же их всех в массовом порядке заставляли вернуться в деревню и заняться сельским хозяйством. Городское население Китая, составлявшее 99,5 миллиона человек в конце 1957 г., разрослось до 130,7 миллиона человек в 1960 г. К 1962 г. этот показатель упал до 116,7 миллиона [Ibid.: 103; Brown 2012: 77–107]. Количество промышленных предприятий Китая, которое более чем удвоилось на первых этапах «большого скачка», резко сократилось. Множество вновь созданных фабрик в сельских районах были вынуждены закрыться. К 1965 г. КНР располагал меньшим количеством промышленных предприятий, чем в 1957 г. [State Statistical Bureau 1983: 213].

Централизованно спланированная депрессия

Советская промышленная система была рассчитана на обеспечение планомерного роста при отсутствии нестабильности, провоцируемой экономическими циклами и финансовыми паниками, которые столь характерны для рыночного капитализма. Осуществлением «большого скачка» Мао желал привнести новаторский вклад в мировое дело строительства социализма. Однако предпринятая им инновация оказалась весьма сомнительной:

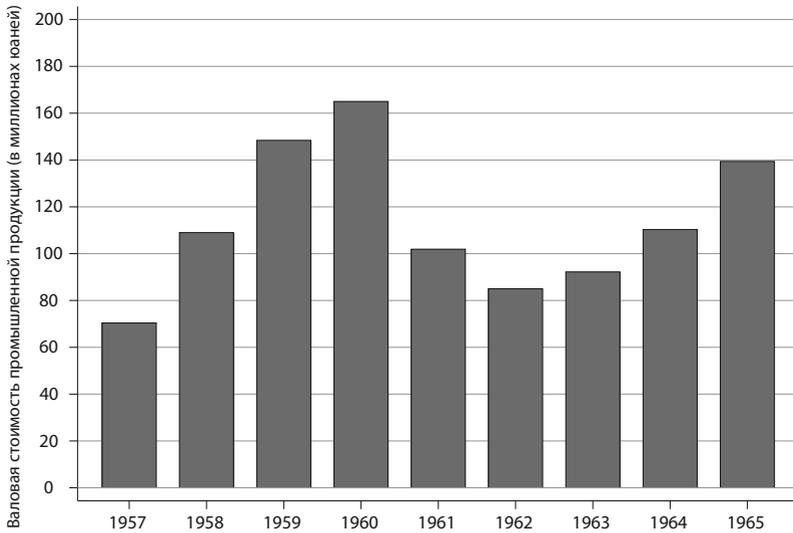

График 8.3. Валовая стоимость промышленной продукции, 1957–1965 гг. (без учета инфляции).

Источник: [State Statistical Bureau 1983: 214]

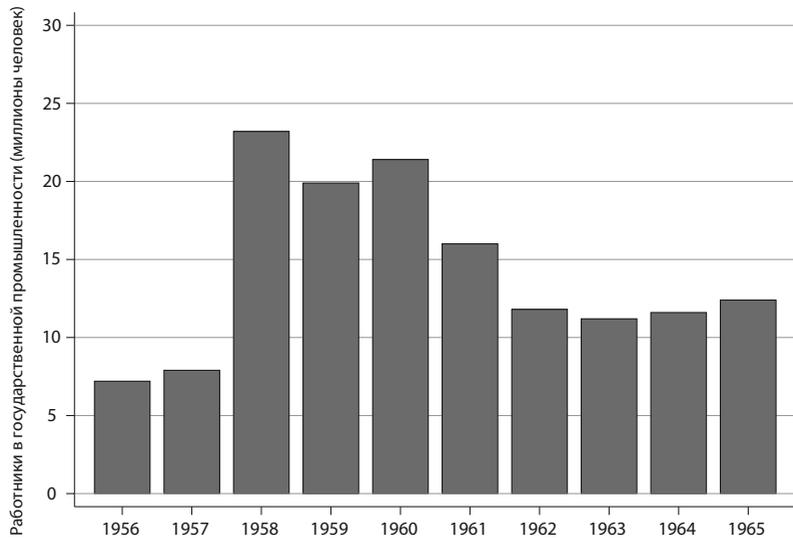

График 8.4. Сотрудники государственных промышленных предприятий, 1956–1965 гг.

Источник: [State Statistical Bureau 1983: 126]

Мао непроизвольно продемонстрировал, как добиться массовой депрессии в промышленной системе, которая была создана для того, чтобы исключить подобные перспективы. Голод 1960–1962 гг. новшеством назвать нельзя. Это было трагическое повторение печального опыта СССР образца 1932–1934 гг., которого в рамках предшествующей кампании по коллективизации Китая удалось избежать²⁷.

Коллапс экономики КНР в начале 1960-х гг. не уступал по своей тяжести Великой депрессии в США. В США с 1929 по 1933 г. доходы на душу населения упали на 32 %, в Китае с 1959 по 1962 г. — на 35 %. Однако американская и китайская депрессии имели весьма различные истоки. Великая депрессия была спровоцирована глубокими структурными проблемами рыночной экономики, от которых США оправились лишь к 1940 г. Депрессия в Китае была полностью сформирована ошибочным правительственным курсом, и после того, как власти отказались от своей затеи, экономика КНР смогла восстановиться сравнительно быстро. Китай вернулся к производственным показателям, достигнутым в период, предшествующий «большому скачку», к 1964 г. — всего через два года после пика кризиса [Lardy 1987a: 395].

Экономический кризис КНР имел политические и организационные истоки. Политические аспекты краха сводились к целому ряду ошибочных субъективных решений, принятых Мао, и его догматической травле тех лидеров, которые не были согласны с ним. Политически мотивированными были и реакция Мао на критические замечания, звучавшие во время Лушаньского пленума, и ожесточенное Движение против правого уклона, при помощи которого он хотел заглушить голоса своих оппонентов. Движение против правого уклона исключило возможность своевременной коррекции курса «большого скачка», что позволило бы спасти десятки миллионов жизней. Организационные аспекты проблемной ситуации заключались в тяжелом давлении

²⁷ Оценки смертности от советских неурожаев варьируются от 5,7 до 8,5 миллиона человек [Davies, Wheatcroft 2004: 414–415]. Оба неурожая были схожи по масштабам охвата населения.

сверху на провинциальных, региональных и местных чиновников, заставлявшем их принимать на себя невыполнимые обязательства по росту промышленного и сельскохозяйственного производства. Выбор чиновников, которые предпочитали отчетам о фактических провалах громкие заявления о воображаемых успехах, был организационно мотивированным. Активное вмешательство Мао привело к сбоям в работе как его экономической системы, так и политической организации, выстроенной на основе мобилизации. В 1948–1949 гг. в Маньчжурии Мао смог обратить свое поражение в триумф, вынудив вооруженные силы и партийную систему выйти далеко за пределы их обычных возможностей. По прошествии десяти лет он умудрился теми же средствами и методами обратить победу в фиаско. Подорвать доверие окружающих к Мао в качестве умудренного опытом лидера с большим треском было невозможно. Пройдет несколько лет, прежде чем политические последствия катастрофы «большого скачка» полностью проявятся в виде «культурной революции», которая нанесет по Китаю болезненный удар.

Глава 9

На пути к «культурной революции»

Напрямую связанное с агрессивным и беспорядочным стилем управления Мао бедствие таких масштабов, как «большой скачок», не могло остаться без тяжелых политических последствий. Поразительно, что не были предприняты меры по снятию лидера с его поста. В равной мере удивительно, что этот провал не ослабил политического авторитета Мао. И все же он был вынужден отступить от своих нереалистических воззрений на ускоренные темпы экономического развития. Коллеги Мао, в том числе те, кто изначально поддерживал «большой скачок» и молча лицецерел нападки Мао на маршала Пэн Дэхуая и его «антипартийную клику», воспользовались появившейся возможностью для смягчения политических эксцессов того времени. Чиновники пытались ненавязчиво вывести экономическую политику из сферы одержимости председателя КНР идеей классовой борьбы как способа ускорения развития промышленности и предпринять меры по восстановлению тяжело пострадавшей экономической системы.

Поначалу Мао согласился на свертывание политики «большого скачка». Для сельского хозяйства это предполагало разделение укрупненных коммун до более управляемых единиц, закрытие общих столовых, прекращение мобилизации трудящихся на военный манер, восстановление производственных бригад, возвращение во многих районах к приусадебному сельскому хозяйству и введение более очевидных мер поощрения и возна-

граждения за высокую производительность. Для промышленности это означало возвращение власти в руки управленцев и технических специалистов, следование их советам, прекращение форсированного наращивания производительности под руководством партийных ячеек и предложение работникам определенного поощрения в виде повышения заработной платы и премий. Для Китая в целом это стало сигналом для ослабления бурных рассуждений о том, что экономическая политика призвана отражать классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией. Внимание стали уделять идеям исправления недостатков советской модели экономики, которые активно обсуждались в других странах социалистического блока. Интеллигенция и ученые получили больше свободы и возможностей для выражения своих идей и высказывания точек зрения, которые ранее подавлялись партийными идеологами. При зачислении абитуриентов в вузы меньший акцент стали делать на классовую принадлежность и политическую лояльность.

Мао позволял эти перемены скрепя сердце. Он воспринимал их как временные уступки для исправления проблем, которые оказались непреднамеренно созданы «большим скачком». Даже из глубочайшей ямы депрессии и голода, в которую оказался загнан Китай, Мао по-прежнему отметал любые объективные оценки «большого скачка» как огромной катастрофы. Он возобновил настойчивые рассуждения о классовой борьбе сразу же, как только стране удалось ликвидировать самые страшные симптомы кризиса. Себя Мао критиковал разве что за чрезмерный оптимизм, но он так и не признал ошибочность основных стоявших за «большим скачком» идей. Вопреки всем свидетельствам обратного он заявлял, что «большой скачок» принес гораздо больше добра, чем зла [MacFarquhar 1997: 13–19].

Особое беспокойство у Мао вызывал тот факт, что отдельные коллеги, в особенности упрямый Лю Шаоци, теперь открыто ставили под сомнение его слова о преимуществах политики «большого скачка». Кроме того, Мао раздражал призыв к реабилитации тех, кто был ошибочно обвинен и заклеен «оппортунистами правого толка» в 1959 г., а также тех, кто был подвергнут

гонениям за «противостояние рывку напролом» в 1957–1958 гг. Это косвенно указывало на фундаментальную ошибку в линии поведения самого Мао. Умеренное допущение интеллектуального дискурса позволило людям озвучивать взгляды, прямо противоположные самым заветным мечтам председателя и недвусмысленно предлагающие выбрать иной путь строительства социализма. Все это выставляло Мао в весьма невыгодном свете. Пройдет не так много времени, прежде чем он, опираясь на своих наиболее верных соратников, направит указанные тенденции вспять и будет вновь объявлять классовую борьбу ключевым элементом в деле построения социализма.

Спасение Китая от скачка Мао

В ноябре 1960 г. КПК опубликовала срочное «информационное сообщение», подготовленное Чжоу Эньлаем. Документ призывал к восстановлению малых коллективных фермерских хозяйств, прекращению насильственного изъятия ресурсов у бригад и домохозяйств, возвращению сельским семьям частных земельных владений и права заниматься мелким приусадебным хозяйством, возобновлению системы начисления трудовых баллов, повышению доходов сельских жителей, возобновлению работы сельских рынков и достижению «истинного баланса между работой и досугом» [Ibid.: 12–13]¹. Через несколько недель после публикации записки Мао выступил на партийной конференции со сдержанной самокритикой. Лидер признал ошибочность ожиданий чрезмерно скорого перехода к общественной собственности и одновременного продвижения множества проектов в области гражданского строительства. Мао также согласился, что такие процессы, как переход прав собственности и организация сельского хозяйства, требуют для получения требуемого конечно-

¹ Перевод отрывков «Двенадцати пунктов по сельскому хозяйству» представлен в [Yang 2012: 437]. Эти меры были дополнены и опубликованы в 1961 г. в виде «Шестидесяти статей по сельскому хозяйству» [MacFarquhar 1997: 45–48, 63–65].

го результата большего времени [Yang 2012: 437–438; Central Documents Research Office 1996: 364–367]. Эти шаги позволили наконец-то выполнить столь давно откладываемую коррекцию политического курса. «Большой скачок» был остановлен.

К этому времени стало очевидно, что инициатива обернулась массовым голодом. Мао больше не мог тешить себя мыслью, что проблема заключалась в «подложной отчетности и укрывании зерна». Он отправил в сельские районы следственные группы под руководством своих политических секретарей и иных высокопоставленных чиновников. Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай и иные руководители самолично посетили сельские районы, чтобы вочию оценить последствия голода². Они были шокированы результатами своих поездок: только после прекращения «большого скачка» и личной инспекции сельской местности китайские лидеры осознали те страшные масштабы насилия и мучений, на которые обрекли крестьян местные чиновники в ходе выполнения распоряжений сверху [MacFarquhar 1997: 39–43, 48–63].

Распределение ответственности

Когда верхушка партийной иерархии наконец-то признала факт голода, оказалось еще сложнее отстаивать позицию, что КПК сделала гораздо больше хорошего, чем плохого, а все проблемы можно списать на ухищрения чужеродных классовых элементов. В январе 1961 г. партия пошла на уступки в виде частного сельского хозяйства, сельских рынков, введения в промышленности технической экспертизы и материального поощрения, а также большей автономии научных исследований и интеллектуальной жизни [Ibid.: 61–120]. Однако в воздухе витали весьма различные представления о том, что именно в КПК пошло не так. В январе 1962 г. ЦК КПК неожиданно провел крупнейшую партийную конференцию для обмена опытом

² Среди политических секретарей значились Тянь Цзяин, Ху Цяому и Чэнь Бода [Yang 2012: 61, 436].

и «выработки единой позиции» по поводу экономического кризиса. Чиновников партийных комитетов пяти уровней национальной иерархической лестницы пригласили в Пекин на сессию, которая станет известна под названием «Конференция семи тысяч кадров» [Ibid.: 137–145].

Конференция началась с серии секционных заседаний, на которых обсуждался доклад, подготовленный Лю Шаоци и Дэн Сяопином. Документ представлял собой противоречивую смесь всемерной поддержки генеральной линии КПК, которая вдохновила «большой скачок», и указаний на множество ошибок, допущенных «партийным ядром» [Ibid.: 145–152]. Тема отчета неожиданно вызвала дискуссию относительно того, не была ли реальной причиной катастрофы сама политика «большого скачка», оставившую в стороне проведение этой политики на местах. Защитники ключевых позиций «большого скачка» отреагировали на документ весьма резко, и Мао приказал Лю и его специалистам скорректировать доклад. Члены редакционного комитета во главе с Лю разделились во мнениях по поводу того, стоит ли признавать высшее руководство КПК ответственным за провал «большого скачка». Некоторые члены комитета утверждали, что ответственность следует возложить на все партийное руководство, включая Мао. Некоторые же рьяно отстаивали руководящую роль Мао как уникального лидера, никогда не допускающего ошибок, а также выражали абсолютное согласие с его воззрениями на будущее Китая [Ibid.: 152–158].

Во время своего выступления на конференции Лю Шаоци предварил свой доклад хвалебными словами в адрес Мао. Однако затем озвучил несколько идей, которые кардинальным образом контрастировали с ранними заявлениями Мао и ощущались как жесткая пощечина лидеру. Лю отметил, что производительность сельского хозяйства с 1959 по 1961 г. резко сократилась, а производительность промышленности упала на 40 %. Он заключил, что «большой скачок» оказался направлен не вперед, а назад. Лю рассказал о своем опыте посещения деревень в провинции Хунань, во время которого крестьяне объяснили ему, что проблемы были «на три десятых связаны с природными бедствиями, а на

семь десятых — с рукотворной катастрофой». Эта формула совершенно не стыковалась с метафорой Мао об «одном пальце» провалов «большого скачка» на «девять пальцев» успехов. Лю был не менее прямолинеен и в обозначении того, кого следовало винить в крахе «большого скачка»:

Мы кардинальным образом отказываемся признать факт сбоев и ошибок, заявляем, что они были мелкими проблемами, и ходим вокруг да около или пытаемся скрыть провалы. Мы не признаем полноценно и реалистично на практике наши прошлые и текущие недостатки. Пока это все остается неизменным, мы не можем извлечь [из сложившихся обстоятельств] какой-либо опыт и обратить плохое в хорошее.

Лю назвал ключевые постулаты «большого скачка» «экспериментом» и заключил, что конечные выводы по данному политическому курсу можно сделать лишь в результате процесса получения практического опыта [Yang 2012: 502].

Лю придерживался гораздо более пессимистичных оценок, чем Мао. Вне зависимости от того, являлось ли его заявление о необходимости признавать ошибки вызовом, брошенным партийному лидеру, конференцию продлили на несколько дней, чтобы изрядное количество делегатов смогло выступить в защиту «большого скачка» и присягнуть на верность Мао, списывая проблемные аспекты кампании на «исключительно тяжелые и долговременные» природные бедствия. Возможно, наиболее громкую поддержку Мао озвучил министр обороны КНР и член ПК Политбюро Линь Бяо, который, как и на Лушаньском пленуме 1959 г., где он обрушился с критикой на Пэн Дэхуая, вновь выступил на стороне лидера [Lieberthal 1987: 325–331; MacFarquhar 1997: 158–168; Yang 2012: 502–503].

По завершении конференции Мао уехал из Пекина в Ухань. Лю Шаоци провел ряд встреч для выработки мер по спасению национальной экономики. Данные на этих совещаниях оценки состояния дел в Китае оказались еще более пессимистичны, чем на Конференции семи тысяч кадров. Лю заявлял, что партия все

еще отказывается взглянуть фактам в лицо, и настаивал на том, что Китай столкнулся с глубоким кризисом, который требует не обычной корректировки курса, а «экстренных мер». Лю, Дэн Сяопин и Чжоу Эньлай отправились в Ухань и представили свое видение ситуации Мао, который согласился на принятие экстренных мер, но заявил, что приведенные в докладе трех коллег выводы рисуют чрезмерно мрачную картину [Yang 2012: 505].

Лю, вопреки противостоянию со стороны Мао, продолжал отстаивать восстановительные меры. К маю он разработал план реструктуризации экономики и заявил, что Китай не имеет прочного экономического базиса и что в этой ситуации возможна политическая нестабильность. Под руководством Лю была выработана серия мер, направленных на упрочнение экономической ситуации. К концу 1962 г. резко сократилось городское население: десять миллионов человек были вывезены в сельскую местность. Были приостановлены проекты капитального строительства. Все чаще проводились эксперименты с частным сельским хозяйством. Были пересмотрены (вплоть до отмены решений) дела в отношении членов партии, подвергшихся критике или дисциплинарным взысканиям в качестве «оппортунистов правого толка» [Ibid.: 508].

Без сомнения, Мао чувствовал, что политические тренды внутри партийного руководства складывались не в его пользу. Он был особенно обеспокоен сообщениями, что региональные чиновники и крестьяне приветствовали восстановление частного сельского хозяйства, которое внедрялось гораздо шире, чем он мог ожидать. Мао начал сопротивляться этой практике и резко осуждал провинциальных чиновников, которые с энтузиазмом воспринимали эти изменения [MacFarquhar 1997: 209–233]. В июле, вскоре после возвращения в Пекин, Мао вызвал к себе в резиденцию Лю Шаоци. Он выразил Лю свое недовольство, порицая его за нелицеприятные отчеты и быстрое сворачивание политики «большого скачка». Лю ответил Мао с прямотой, с которой к верховному лидеру никто из высокопоставленных руководителей уже не обращался на протяжении многих лет: «История запомнит как роль, которую вы и я сыграли в голодной смерти столь многих

людей, так и случаи каннибализма!» По имеющейся информации, Мао отреагировал на это следующим заявлением: «“Три красных знамени” сняли, землю разделили между всеми. И вы ничего с этим не делали? Что будет, когда я умру?»³

Скорее всего, Мао ощущал, что упрямое намерение Лю отстаивать факт тяжелого экономического кризиса в Китае, а равно и его меры по отказу от обернувшегося болезненным падением «большого скачка» ставили под сомнение его приверженность наиболее сокровенным идеалам Мао. Схожие поползновения он замечал и у остальных руководителей. В описанном диалоге особо выразительно звучит вопрос Мао: «Что будет, когда я умру?» Мао хранил в памяти критику Сталина Хрущевым в 1956 г., и его заявления после Лушаньского пленума 1959 г. позволяют утверждать, что китайский лидер понимал, что верхушка партии уже сравнивала его поведение со Сталиным в «поздние годы». В ретроспективе беспокойство Мао представляется не лишним оснований. Пусть даже смысла волноваться по поводу текущего контроля над КПК у Мао не было. У него были все причины предполагать, что его ключевые идеи будут подвергнуты анафеме сразу же после его кончины.

Временная оттепель

Большой скачок проходил как общее наступление на представителей интеллигенции и очернение их за желание оказаться у руля. Начиная с Движения против правого уклона и в течение всего «большого скачка» предпринимались нападки на «буржуазные», социальные и традиционные гуманитарные научные дисциплины. Классовую борьбу надлежало распространить и на сферу образования и науки. Критиковались и подавлялись зарубежные буржуазные воззрения и «ревизионистские» идеи из

³ Этот разговор фиксируется в биографии Лю Шаоци, которую составили его жена и сын. Перевод см. у [Yang 2012: 506–507]. См. также [Dikötter 2010: 337]. «Три красных знамени» обозначали генеральную линию КПК, «большой скачок» и народные коммуны. Этот лозунг обозначал нацеленность Мао на как можно большее ускорение экономического развития [Yang 2012: 87].

социалистического блока, традиционные гуманитарные идеалы, а помимо того и любые научные и художественные произведения, которые не отражали «марксистскую точку зрения на мир» и активную поддержку генеральной линии КПК. Старших представителей интеллигенции отправляли в ссылку на каторжный труд, лишали университетских и академических должностей, которые доставались горячо выражавшим преданность партии представителям молодого поколения. Инженеров призывали перенимать опыт у крестьян и рабочих. Такие сферы деятельности, как математика и теоретические науки, считались второстепенными по отношению к изучению практических технических навыков [Goldman 1987: 432–444].

По мере отказа КПК от «большого скачка» наметился и отказ от описанных контрпродуктивных политических курсов. В силу необходимости выработки стратегии по восстановлению экономики партия начала заискивать перед учеными и образованными специалистами. Результатом стал краткий период послаблений для интеллигенции, который в некотором смысле был схож с «оттепелью», объявленной Мао в рамках кампании «Сто цветов». Однако на этот раз инициатором кампании выступал Лю Шаоци, а ее цель заключалась не в поощрении критики партийной бюрократии, а подключении образованной элиты Китая к неотложному делу выстраивания экономики заново. В середине 1961 г. КПК выступила с заявлением, что интеллигенции более не нужно постоянно клясться в своей идеологической преданности партии. Теперь ей предлагалось демонстрировать свой патриотизм, внося вклад в общее развитие КНР [Ibid.: 436; MacFarquhar 1997: 244–248]. За этим последовала реабилитация многих лиц, которые в 1957 г. были признаны правыми уклонистами. Немало людей смогли вернуться на свои прежние места работы [MacFarquhar 1997: 234–235]. Партия начала декларировать уважение к навыкам и знаниям представителей интеллигенции, которые более не считались «предрассудками», основанными на буржуазной идеологии [Goldman 1969: 59–60].

Новая политика открывала более широкие возможности для использования взятых из буржуазных источников научных

теорий, в том числе в сфере общественных наук. Экономисты начали выдвигать аргументы в пользу реформ, которые соответствовали идеям, обсуждавшимся в то время в Восточной Европе и СССР и отражавшим критический настрой по отношению к советской модели экономического развития с конца эпохи Сталина и в особенности после его смерти в 1953 г. [Goldman 1987: 437–438]. Ведущие экономические издания Китая вскоре опубликовали статьи, в которых, как и в советском блоке, звучали рассуждения о доходности и эффективности при социализме, о значении ценообразования и рыночных механизмов, о перспективности математического моделирования для процессов планирования и о позитивных аспектах начисления процентов по капиталу [Goldman 1969: 62–63]. Все эти идеи сравнительно недавно осуждались как применение принципов капиталистической экономики, отраженных в буржуазных общественных науках. Среди людей, которые встали во главе этого дискурса, можно назвать Сунь Ефана, озвучивавшего указанные идеи еще в 1956 г. и возобновившего их отстаивание в 1961–1963 гг. [Fung 1982: 82–110].

Рассматриваемый период также был отмечен кратковременными послаблениями в сфере культуры. Печатались запрещенные книги. Открыто приветствовались работы в любых литературных стилях помимо официального социалистического реализма, требовавшего постоянного восхваления пролетарских героев. Больше внимания уделялось художественной ценности произведений вне зависимости от их классовой или политической подоплеки. Официальные журналы и газеты критиковали чиновников органов культуры за их жесткий повелительный стиль работы, невежество в вопросах литературы и искусства и заинтересованность лишь в сохранении своих властных полномочий и привилегий [Goldman 1969: 61–63]. В этот период заместитель главы Отдела пропаганды ЦК КПК организовал масштабную литературную конференцию, на которой порицалась доктрина социалистического реализма и приветствовалась критика литераторов в адрес массированных кампаний и стремления к ускорению развития, представление в художественной литературе «большо-

го скачка» не как способа построения утопии, а как трагической неудачи, и отражение в произведениях реальных страданий крестьян [Ibid.: 69–73].

Несмотря на призывы к обсуждению ранее запретных тем, интеллигенция, в особенности сотрудники и учащиеся университетов, по вполне понятным причинам относились к ним гораздо более настороженно, чем в 1957 г., в связи с чем независимых публикаций и клубов, которыми была отмечена кампания «Сто цветов», так и не появилось. По сути, самая острая критика исходила от образованных чиновников, занимавших высокие посты в партийной иерархии, в первую очередь — от официальных лиц из Отдела пропаганды ЦК КПК и партийного комитета по городу Пекину. Причем комментарии, исходящие от интеллектуалов из этих структур, были направлены не против партии, как это было во время «Ста цветов», а против политических курсов, которые совсем недавно продвигались Мао, и политического менталитета, который эти курсы отражали.

Одним из центров развернувшейся деятельности стал партийный комитет города Пекина при первом секретаре Пэн Чжэне. Пэн был одним из немногих, кто осмелился предположить, что за катастрофы, к которым привел «большой скачок», определенную ответственность нес лично Мао [MacFarquhar 1997: 155–157]. Газеты и журналы Пекина опубликовали серию эссе и художественных произведений, которые на первый взгляд выглядели как безобидное осмысление общественных и исторических тем, но в действительности были завуалированным осуждением Мао как лидера и несогласием с его недавними политическими курсами. Важно отметить, что на момент публикации смысл текстов не воспринимался широкой аудиторией как критика. Возьмем для примера цикл эссе авторства Дэн То, который был смещен с поста редактора «*Жэньминь жибао*» под влиянием неудовольствия Мао в связи с запоздалой и неуверенной поддержкой «Ста цветов» в 1957 г. и переведен на должность директора по делам идеологии и культуры при пекинском парткоме [Cheek 1997: 176–187]. В «Яньшаньских вечерних беседах» — колонке Дэна в «*Бэйцзин ваньбао*» («Вечерняя газета Пекина») — за период

с марта 1961 г. по сентябрь 1962 г. было опубликовано 152 текста, среди которых оказалось множество эссе, содержащих косвенную критику культа личности Мао, деспотичного руководства, самодурства и заносчивости официальных лиц, диффамации наук, беспричинного оптимизма по поводу «большого скачка» и наказаний честных чиновников, которые были готовы сообщать о реальном положении дел [Goldman 1969: 79–83; 1987: 442–447; MacFarquhar 1997: 250–252]. Эти же темы развивались и в колонке «Записки из деревни трех дворов», которая публиковалась примерно в то же время в журнале «Линия фронта», в котором Дэн То служил редактором. Заметки, освещавшие широкий круг вопросов, выходили под псевдонимом. Основными авторами «записок» выступали Дэн То, У Хань и Ляо Моша — бывший журналист и автор исторических романов, который на тот момент отвечал за пропаганду и образование в партийном комитете по городу Пекину [MacFarquhar 1997: 254–256].

У Хань — выдающийся историк, специализировавшийся на изучении династии Мин, и один из заместителей мэра Пекина — написал несколько пьес о Хай Жуе, смелом и порядочном чиновнике династии Мин, который настойчиво озвучивал критику в адрес самоизолировавшегося от реальности императора. В частности, Хай Жуи указывал правителю, что династия потерпит крах, если обездоленным крестьянам не будет возвращена земля. В июне 1959 г., вскоре после Лушаньского пленума, У Хань опубликовал в «*Жэньминь жибао*» перевод на современный разговорный китайский язык памятной записки Хай Жуя в адрес правителя династии Мин от 1566 г. Текст был озаглавлен «Хай Жуи порицает императора». Перевод включал следующий фрагмент:

В ранние годы вы сделали многие благие дела, однако... всем чиновникам в столице и за ее пределами хорошо известно, что сейчас ваш разум затуманен и что вы слишком своевольны и капризны. Вы полагаете правым только себя, отказываетесь признать критику и взглянуть в лицо собственным многочисленным ошибкам [Goldman 1969: 74].

У Хань писал свои пьесы в период после «большого скачка» по настоянию одного из секретарей Мао, который в 1959 г. услышал от лидера сетование, что никто не осмеливается говорить с ним откровенно. Мао позитивно воспринял работу У Ханя и провел с историком несколько встреч в дружеской обстановке. Мао вручил У Ханю четвертый том своих «Избранных сочинений» с личным автографом [Goldman 1981: 32–36; MacFarquhar 1997: 252–253].

*Восстановление
радикальных воззрений*

Передышка после «большого скачка» оказалась весьма краткой. Уже вскоре Мао возобновил насаждение своих взглядов и закрепление своего контроля над политической повесткой. На партийных совещаниях в августе 1962 г. он раскритиковал чрезмерно пессимистические оценки «большого скачка», воодушевление по поводу приусадебного сельского хозяйства и стремление к пересмотру приговоров по делам правых оппортунистов [Lieberthal 1987: 331–335; MacFarquhar 1997: 274–281]. Предупреждая о возможной поляризации классов в связи с распространением приусадебного сельского хозяйства, Мао задавался вопросами: «К чему мы пришли: к социализму или капитализму? Хотим ли мы коллективизации сельского хозяйства? Будем ли мы делить поля и распределять производственные квоты по домохозяйствам? Или все же пойдем по пути коллективизации?» Вину в избрании курса на частное земледелие он возлагал на «определенный мелкобуржуазный элемент» — людей с лишь квазимарксистскими взглядами внутри КПК: «Довольно много товарищей в нашей партии психологически не готовы к социалистической революции». Мао отстаивал верность приговора в отношении «антипартийной клики» Пэн Дэхуая [Yang 2012: 510–511].

Он подтвердил свои ключевые политические воззрения в своей речи на пленуме КПК в сентябре 1962 г. Ретроспективно это выступление окажется идеологическим вдохновением «культурной революции» [MacFarquhar 1997: 283–286].

Весь исторический период перехода от капитализма к социализму... существует классовая борьба между [сторонниками] пути к социализму и пути к капитализму. Низверженный реакционный правящий класс не мирится с перспективой собственной гибели. Он все еще планирует вернуть себе власть. В то же время в обществе сохраняются определенные буржуазные веяния и привычки старого общества, а также склонность к спонтанным проявлениям капитализма у отдельных мелких производителей... Неизбежно эта классовая борьба должна находить отражение в партии. Влияние иностранного империализма и внутренней буржуазности — вот социальные корни ревизионистского мышления внутри КПК. Продолжая борьбу против классовых врагов внутри и за пределами Китая, мы должны оставаться во всеоружии и решительно противостоять всем проявлениям оппортунистической идеологии внутри КПК [Yang 2012: 512].

Движение за социалистическое воспитание

За возобновлением в конце 1962 г. риторики Мао о сохранении классовой борьбы при социализме в качестве эксперимента было запущено Движение за социалистическое воспитание, первоначально нацеленное на противодействие коррупции и злоупотреблениям властью в сельской местности. Ранее Мао заявлял, что за всеми проблемами «большого скачка» стояли классовые враги, которые захватили контроль над партийной организацией на низовых уровнях. Теперь Мао провозглашал, что судьбу социализма определяют события в китайских деревнях. Новая кампания ставила во главу угла прежде всего решение этого вопроса [Guo, Lin 2005: 9–29]. Потребовался год, чтобы движение приняло полноценную форму. Общий подход к реализации кампании заключался в направлении в сельские районы рабочих групп официальных партийных лиц для проведения расследований по жалобам о злоупотреблениях на местах. Однако существовал ряд принципиальных вопросов, требовавших понимания. Насколько большой размах должна была принять кампания? Сколько рабочих групп следовало мобилизовать в рамках кампании?

Насколько жестко необходимо было обращаться с враждебными элементами? Сколько чиновников необходимо отстранить от работы? Должны ли были рабочие группы подчиняться партийным комитетам на уровне уездов, что создавало бы последним возможности скрывать ненадлежащее поведение своих непосредственных подчиненных? Или лучше было управлять кампанией от лица структур окружного или провинциального уровня, полностью исключая участие официальных партийных лиц на местах? На протяжении года с лишним движение шло рывками, не имея очевидной вдохновляющей всех цели [Ibid.: 30–99; MacFarquhar 1997: 334–348].

Несмотря на споры с Мао по поводу «большого скачка», Лю Шаоци с энтузиазмом воспринял мысль о том, что проблемы в сельской местности являются воплощением классовой борьбы. Он согласился с предположением Мао, что классовые враги захватили коммуны и внедрились в партийные ячейки. В 1964 г. Лю взял кампанию под свой полноценный контроль и распространил ее и на городские структуры. Он потребовал сформировать укрупненные рабочие группы, в которые входили официальные лица более высокого ранга и которые контролировались на более высоких уровнях партийной иерархии. Лю призывал к применению более воинственного подхода, более отчетливому обозначению масштабов проблемы и использованию более жестких средств против сельских властей, которые оказывались замешаны в коррупции и злоупотреблениях властью. Поначалу Мао всецело одобрял решительность Лю и его энергичную мобилизацию людей на эту классовую борьбу. Лю с суровой беспощадностью проводил в жизнь идеи Мао о классовой борьбе при социализме. При поддержке Мао по всему Китаю были разсланы укрупненные рабочие группы, которые проводили тотальные следственные мероприятия и чистки значительной части кадров на местах. Кампания вылилась в массовые митинги, собрания критики и борьбы, периодические избиения чиновников и отдельные случаи самоубийств официальных лиц [Brown 2012: 111–136; Chan et al. 1984: 37–73; Guo, Lin 2005: 99–156; MacFarquhar 1997: 403–407].

Движение оказалось самым масштабным наступлением против национальной партийной организации Китая с 1949 г. Оно внесло неразбериху в партийные структуры сельской местности, которые разваливались, не выдерживая давления со стороны рабочих групп, что вынуждало последние принимать властные полномочия на себя [Guo, Lin 2005: 156–187, 204–252]. Столь же разрушительная кампания оказалась и для городских организаций, поставив под сомнение компетентность партийных комитетов на предприятиях и при университетах. Уверовав в свои силы, Лю Шаоци демонстрировал намерение взять под свой контроль весь партийный аппарат КНР и регулярно устраивал выволочки партийным секретарям провинциального уровня, медлившим с проведением его планов в жизнь [MacFarquhar 1997: 410–415].

Можно было бы предположить, что Мао будет только рад такой позиции Лю, однако уже к концу 1964 г. председатель КНР начал жестко критиковать методы, которыми Лю проводил кампанию. В частности, Мао беспокоило то, как Лю утверждал свои властные полномочия в качестве сторонника радикальной политической линии. Сомнения Мао, возможно, были связаны с новостями из СССР, где октябрь 1964 г. оказался отмечен удалением Хрущева из Политбюро по инициативе его соратников. Пекин воспринял это как попытку нового руководства СССР реализовывать «хрущевизм без Хрущева» [Lüthi 2008: 285–301]. В Китае же, где Лю, как помешанный, все больше преисполнялся разработанной Мао идеей классовой борьбы и активно преследовал «классовых врагов», забрезжила призрачная перспектива «маоизма без Мао». Что еще более значимо — новое руководство СССР осудило Хрущева за опрометчивость в экономической политике, сумасбродный и взбалмошный стиль управления, который выразился в запугивании коллег и неуважительном к ним отношении [Brown 2009: 264–265; MacFarquhar 1997: 416–417; Taubman 2003: 3–17, 614–619]. По всем этим пунктам Мао мог дать Хрущеву значительную фору. Интенсивное претворение в жизнь Лю инициатив Мао будто бы указывало на намерения коллеги лидера обозначить свои притязания на высшее руководство страной.

В конце 1964 г. Мао спровоцировал спор с Лю Шаоци по поводу целей и методов Движения за социалистическое воспитание. На прошедшей в декабре партийной конференции он подверг публичной критике стиль, в котором Лю Шаоци руководил кампанией [Guo, Lin 2005: 253–274]. В частности, Мао заявил, что движение приняло слишком общий характер и сфокусировалось на слишком низких уровнях партийной иерархии, и утверждал, что кампания должна уделять особое внимание партийным кадрам. С его слов, она должна была преследовать не коррупцию, а «фракцию каппутистов в партии». На следующей сессии Мао вновь ринулся в атаку, однако Лю отказался мирно сносить упреки, продемонстрировав необычное для членов высшего руководства КНР сопротивление. Он открыто высказал Мао свои сомнения, заявив, в частности, что не понимает смысл оборота «каппутисты в партии», и спросив, что именно подразумевает этот неологизм⁴. На следующий день Мао удивил всех пространственным монологом на тему Движения за социалистическое воспитание. В его заключительной части он обрушился с обвинениями на неназванных чиновников, которые будто бы препятствовали его участию в заседаниях и мешали ему выражать собственное мнение [MacFarquhar 1997: 419–425; Yang 2012: 516–517]. Мао взял ход конференции под свой контроль, распорядился отозвать опубликованный накануне документ по Движению за социалистическое воспитание и настоял на его новой редакции, в которой подчеркивалась необходимость фокусировать в рамках кампании «внимание на находящихся у власти людях, которые следуют по пути капитализма» даже на уровне округов, провинций и центральных органов управления [Guo, Lin 2005: 274–296; MacFarquhar 1997: 425–428]. Тем самым Мао забрал у Лю Шаоци контроль над темой классовой борьбы.

Движение за социалистическое воспитание встрянуло низовые партийные организации, приведя к глубоким разногласиям

⁴ Даже для носителей китайского языка первое столкновение с данным крайне своеобразным неологизмом (буквально «фракция идущих к капиталу») вызовет недоумение, поэтому вопросы Лю Шаоци были вполне объяснимыми. — *Примеч. пер.*

между людьми, которые проявятся только в ходе «культурной революции». В наибольшей степени кампания затронула городские районы. К осени 1964 г. она распространилась на города, охватив 1800 крупных госпредприятий и множество университетов и научно-исследовательских центров. В этих структурах разоблачались не коррупция и злоупотребления властью, а «мирная эволюция» к ревизионизму [MacFarquhar 1997: 409–410].

Наглядно иллюстрирует раскол городских предприятий пример с машиностроительным заводом реки Янцзы — крупным предприятием, базирующимся в Нанкине⁵. Комплекс находился под двойной юрисдикцией 4-го министерства машиностроения в Пекине и городского партийного комитета в Нанкине. Министерство отвечало за профильную деятельность предприятия, партком — собственно за партийные дела. На созданном в 1945 г. предприятии все еще работало множество людей, устроившихся сюда еще при правительстве Гоминьдана. «Старый персонал» заметно выделялся на фоне более молодого поколения работников, технических специалистов и солдат, прошедших службу в Народно-освободительной армии Китая.

В сентябре 1964 г. 4-е министерство машиностроения направило на предприятие для проведения расследования рабочую группу в составе свыше 600 кадровых сотрудников. Возглавляли коллектив заместитель партийного секретаря министерства и директор политотдела ведомства, человек с военным прошлым. Глава рабочей группы от лица министерства заключил, что находившееся под юрисдикцией партийного комитета по городу Нанкин партийное руководство на фабрике стало абсолютно ревизионистским. За этим заявлением последовала серьезная чистка местного партийного аппарата. Свой пост утратил партийный секретарь предприятия. Почти половина кадров среднего и высшего звена были признаны участниками его «клики». Практически все они были подвергнуты собраниям критики и борьбы. Их судьбу разделил и ряд рабочих и технических специалистов, которых порицали как «верных последователей»

⁵ Указанные выводы основаны на [Dong, Walder 2011a: 18–19].

провинившихся кадров. Проведение кампании скрывало за собой завуалированный упрек в адрес нанкинских партийных властей.

В январе 1965 г., уже после того, как Мао осудил подход Лю Шаоци к претворению движения за социалистическое воспитание в жизнь, рабочей группе министерства было приказано выступить с самокритикой, а также умерить и сузить охват чисток. Многие из руководителей фабрики, которых затронула первая волна репрессий, были возвращены на свои должности. Рабочая группа покинула предприятие в июле 1965 г. Через несколько месяцев министерство направило на фабрику в качестве нового местного партийного секретаря офицера-ветерана. Ранее назначенный директор фабрики, отдельные руководители высшего звена и партийные секретари пережили чистки и сохранили за собой свои посты. Фактически это был компромиссный выход из ситуации для министерства, руководившего расследованием из столицы, и партийными властями в Нанкине. Репрессии были остановлены на полпути, при этом рабочая группа сохранила за собой контроль ситуации и продолжала назначать новых руководителей. Движение за социалистическое воспитание спровоцировало возникновение тяжелых конфликтов на крупном государственном предприятии и, не разрешив их, оставило фабрику в состоянии глубокого раскола, который обернется открытым противостоянием осенью 1966 г.

Схожий процесс мы можем проследить на примере ведущего университета. Эти события в конечном счете приведут к колоссальным последствиям национального масштаба. Именно накаленная ситуация, которую создало Движение за социалистическое воспитание в Пекинском университете, окажется искрой, от которой в июне 1966 г. вспыхнет пламя «культурной революции». В июле 1964 г. Кан Шэн приказал небольшой группе в составе десяти кадров провести расследование в отношении руководства университета. Коллектив возглавлял заместитель главы Отдела пропаганды ЦК КПК. Рабочая группа провела опрос значительного числа недовольных кадров и преподавателей. Самые громкие заявления исходили от политологов и ветеранов партии кафедры философии. Начиная с конца 1950-х гг., эти люди были вовлече-

ны во множество конфликтов с партийным руководством⁶. Поддержала представителей кафедры философии Не Юаньцзы, член партийного комитета, которая всего несколько месяцев назад стала секретарем объединенной партийной ячейки кафедры. Рабочая группа представила свой отчет по обстоятельствам расследования. В конце августа члены коллектива заключили, что при попустительстве местного партийного комитета в университете распространились политически враждебные элементы и зарубежные шпионы. Кан Шэн принял доклад и согласился с выводами о наличии в университете антипартийной группировки.

В октябре 1964 г. укрупненная рабочая группа Движения за социалистическое воспитание прибыла в кампус и приступила к полномасштабному расследованию. Коллектив, теперь уже включавший в себя более 200 кадров из учреждений пропаганды, культуры и образования со всего Китая, вновь возглавил заместитель главы Отдела пропаганды ЦК КПК. В конце ноября рабочая группа заключила, что партийная организация при университете на самом деле встала на капиталистический путь. В январе 1965 г. началась серия собраний критики и борьбы против предполагаемых классовых врагов. Множество партийных секретарей и членов постоянного комитета были обвинены в антипартийной деятельности. Партийное руководство Пекинского университета во главе с партийным секретарем Лу Пином было осуждено за попустительство открытой подрывной деятельности.

Ход кампании в Пекинском университете показался чрезмерно жестоким многим членам рабочей группы, а также официальным лицам из партийного комитета по городу Пекину, Отдела пропаганды ЦК КПК и Секретариата ЦК КПК. В январе 1965 г. Лу Пин, вместе с заместителем партийного секретаря Пэн Пэйюнь, выступил с самокритикой на заседании партийного комитета по городу Пекину, на котором оба чиновника, кроме того, выразили

⁶ Эти абзацы основаны на [Walder 2006: 1025–1027]. См. также [Guo, Lin 2005: 187–203].

протест по поводу методов ведения кампании. Завязался жаркий спор, однако партийный секретарь по городу Пекину Пэн Чжэнь поддержал Лу Пина. В свою очередь, Дэн Сяопин раскритиковал Кан Шэна за доведение ситуации до скандала и признал партийное руководство Пекинского университета неповинным в каких-либо нарушениях. В марте 1965 г. Дэн Сяопин приказал Отделу пропаганды ЦК КПК инициировать кампанию за исправление стиля работы в отношении университета и рабочей группы, чтобы устранить проблемы, которые грозили срывом всей кампании.

В дальнейшем вся ситуация обернулась против слишком рьяных членов рабочей группы и их сторонников в университете. На трех конференциях, состоявшихся в период с марта по июль 1965 г., рабочая группа была раскритикована за «левацкие» ошибки. Представителей партийного аппарата при университете обязали выступить с самокритикой. Больше всех это коснулось Не Юаньцзы, партийного секретаря кафедры философии, и ряда преподавателей, которые поддержали ее. Люди, которые ранее осуждали партийного секретаря университета, становились его непосредственными подчиненными. Расхождения, наметившиеся в ходе кампании, по прошествии года обернулись местью⁷.

Разрыв с СССР

Взаимоотношения между КНР и СССР были напряженными еще с 1956 г., когда Хрущев осудил Сталина, и только ухудшились во время «большого скачка», к которому советские власти относились с неприкрытым скепсисом. Мао неодобрительно относился к руководящей роли СССР, вставшего во главе всемирного коммунистического движения. Он особенно возражал по поводу оценки советскими властями ситуации в мире и попыток осла-

⁷ Это было общее явление по всей стране: расколы, возникавшие на поздних стадиях движения за социалистическое воспитание, перерастали в конфликты на низовом уровне в начале «культурной революции» [Guo, Lin 2005: 296–349].

бить напряженность между мировыми сверхдержавами. Отношения между Китаем и Советским Союзом обострились в начале 1960-х гг. и, наконец, закончились разрывом в 1963 г. Последний обмен любезностями между сторонами явственно указывает на разночтения доктринального характера, которые привели к расколу между двумя крупнейшими коммунистическими режимами того времени. Разрыв с СССР стимулировал формирование в КНР особого мировоззрения, которое затем будет остервенело реализовываться в ходе «культурной революции».

Позиция КНР была оглашена в сделанном в июле 1963 г. длинном заявлении о мировом коммунистическом движении. Ключевая идея документа сводилась к противостоянию империализму и десталинизации [Lüthi 2008: 236–245]. Китайская сторона подчеркивала, что бороться следует против американских империалистов, развязавших общемировую агрессию. Достижение мира во всем мире объявлялось возможным лишь посредством вооруженной борьбы, а не примиренчества или наивных призывов ко всеобщему разоружению. Ядерные вооружения не исключали необходимость дальнейшего сопротивления и революционной борьбы. СССР не мог отказаться от поддержки революционного движения в странах третьего мира, мотивируя это исключительно угрозой атомной войны. Социализм не мог одержать победу посредством мирной конкуренции с мировой капиталистической системой. Классовой борьбе и диктатуре пролетариата суждено было сохраняться продолжительное время после образования социалистических государств, а стремление ограничить усердное выявление внутренних классовых врагов и шпионов, которые заявляли, что прежних социальных классов больше не существует, было основано на буржуазных предубеждениях. Нападки на так называемый «культ личности» были лишь оправданием, которое СССР придумал для форсированной смены руководства в других коммунистических странах [Ibid.; MacFarquhar 1997: 353–354].

СССР ответил на это заявление открытым письмом, адресованным международному коммунистическому движению. Советские лидеры выражали удивление, что какая-либо коммуни-

стическая партия мира будет выступать в поддержку культа личности, который давно был развенчан как, в сущности, мелко-буржуазная концепция. Аллюзия была вполне очевидна: СССР указывал, что китайцы лишь отстаивают анахроничный культ личности самого Мао — худший симптом сталинизации общества. В равной мере, советское руководство настаивало на том, что ядерные вооружения «радикально и кардинально» меняли саму сущность противодействия капитализму, поскольку взаимный обстрел ядерными боеголовками завершился бы уничтожением как пролетариата отдельно взятой страны, так и небольшой горстки капиталистов с другой стороны. СССР отметил, что позиция КНР не содержала каких-либо признаков классового подхода, поскольку Китай абсолютно игнорировал перспективу гибели в ходе ядерной войны сотен миллионов рабочих. Вскоре после этого, 5 августа 1963 г., СССР подписал договор с США о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, тем самым сделав неизбежным дальнейший разрыв между двумя коммунистическими державами [Lüthi 2008: 260–272; MacFarquhar 1997: 349–350].

Столкнувшись с развалом отношений с СССР, Китай приступил к подготовке массовой антисоветской кампании. Эта задача была вверена Кан Шэну, под руководством которого в резиденции «Дяоюйтэй» восемь рабочих групп, в которые вошли свыше 100 писателей, генерировали поток полемических заявлений по поводу политики Советского Союза, в том числе появившийся в июле 1964 г. «Девятый комментарий» — самый важный из подготовленных в рамках этой акции документов [MacFarquhar 1997: 360–362]. Статья представляла собой идеологическое обоснование позиции Китая, которое потом станет основанием для оправдания развязанной Мао «культурной революции».

«Девятый комментарий» рисовал СССР как поле непрекращающихся битв буржуазии против пролетариата. «Ревизионистская клика Хрущева» стимулировала материальные поощрения, позволяя выплачивать высокие зарплаты и тем самым углубляя разрыв в доходах между людьми, подрывала диктатуру пролета-

риата нападкамии на культ личности и в целом осуществляла переход от социалистических методов управления к капиталистическим. «Ревизионистская клика Хрущева, выступая политическим представителем советской буржуазии, в особенности ее привилегированной страты», захватила контроль над партией и правительством путем изгнания из структур настоящих коммунистов. В результате «первое социалистическое государство мира... в настоящее время сталкивается с беспрецедентной угрозой реставрации капитализма». Хрущев придерживается американской стратегии «мирной эволюции», которая способствует откату от социализма [Ibid.: 363].

Затем авторы статьи устремляли свой взор в сторону Китая, оценивая перспективы своей страны. Ключевым для КНР вопросом они видели подготовку поколения последователей революции, которые смогли бы поддерживать истинную марксистско-ленинскую традицию, сохранение партии и государства под контролем пламенных революционеров-пролетариев и дальнейшее следование преемников дела революции «по правильному пути, обозначенному теорией марксизма-ленинизма». Основная проблема заключалась в том, как предотвратить возникновение в Китае хрущевского ревизионизма. Это был выбор «между жизнью и гибелью нашей партии и нашего государства. Этот вопрос будет иметь основополагающее значение для революционеров-пролетариев на следующие сто, тысячу, более того — и не один десяток тысяч лет» [Ibid.: 363–364]. Как этого достичь? Об этом авторы молчали. Ответ на этот открытый вопрос последовал двумя годами позже в виде «культурной революции».

Мао готовится к наступлению на КПК

Мао тщательно готовился к предстоящему перевороту. Его коллеги практически всегда относились лично к нему с почтением, но у него не было уверенности, что обнародование его намерений не вызовет скоординированного противостояния со стороны некоторых руководителей. Мао мог начать наступление на собственную партию, только разместив на нужных позициях

преданных ему людей. Он хотел не просто вывести из состава партийного руководства выдающихся коммунистов революционного поколения, начиная со Лю Шаоци — второго человека в КПК и своего назначенного преемника. Глава компартии вознамерился мобилизовать силы на массивную зачистку всего партийного аппарата, ликвидацию на всех уровнях управления любых официальных лиц, в словах или делах которых «угадывалась» склонность к «ревизионистским» мыслям или поведению. Как скоро станет очевидно, Мао собирался обвинить своих коллег в развязывании общенационального заговора, организованного под влиянием недобитых представителей эксплуататорских классов и последователей их идеологии чиновниками-ревизионистами. Он планировал устранить всех «заговорщиков» в масштабном перевороте, конкретная форма и продолжительность которого оставались пока неясными.

Мао была нужна поддержка людей, чья личная преданность ему превосходила их преданность партийной организации, людей, которые в прошлых конфликтных ситуациях уже продемонстрировали ему свою полную лояльность и были готовы без лишних вопросов выполнять его волю. Действия Мао были эталоном антипартийного заговора. Меры, принятые им с конца 1964 по середину 1966 г., заложили основы для получения им полного контроля над партийным аппаратом, правительством, вооруженными силами и силами безопасности, а равно закрепления его личного несокрушимого статуса. Все было готово для перехода в атаку на партию.

В этом контексте двумя наиболее важными фигурами представляются Цзян Цин, супруга Мао, и Линь Бяо. Цзян Цин ранее не принимала участия в решении политических вопросов, не занимала существенных правительственных или партийных постов и много лет не появлялась на публике. В начале 1960-х гг. она начала принимать активное участие в деятельности артистических кругов. Она продвигала музыкальные драмы и пьесы революционного характера и постепенно стала ведущим критиком традиционных тем, поднимавшихся в художественных произведениях дореволюционной эпохи. При поддержке мужа

Цзян публиковала резко критические эссе в адрес драматургов и постановок, которым не хватало революционной идейности. В ходе своей деятельности Цзян установила тесные отношения с близкими ей по духу представителями органов пропаганды Шанхая, в частности с Чжан Чуньцяо, членом партийного комитета по городу Шанхаю и руководителем Отдела пропаганды при парткоме, и Яо Вэньюанем, который был заместителем Чжана по Отделу пропаганды и редактором газеты «*Цзефан жибао*» (ежедневная газета «Свобода») [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 15–17]. Не имея возможности совершать нападки на авторов через пекинские СМИ, Цзян нашла всестороннюю поддержку в Шанхае. Она все более решительно боролась с предполагаемой подрывной работой в сфере искусства и, благодаря покровительству Линь Бяо, пользовалась поддержкой как вооруженных сил, так и подотчетных им изданий. Под эгидой НОАК и партийного комитета по городу Шанхаю Цзян организовывала форумы по литературе и искусству. На мероприятиях она порицала сотрудников органов пропаганды и культуры Пекина за расхлябанность, превознося таких людей, как Линь Бяо и Кан Шэн [Leese 2011: 122–124; MacFarquhar 1997: 382–384, 439–440].

Линь Бяо неоднократно демонстрировал свою неизменную лояльность Мао. Более того, именно под его руководством НОАК на последних стадиях гражданской войны демонстрировала солидарность с настойчивой риторикой Мао о возможности добиться победы. Линь выступил на стороне Мао и во время Лушаньского пленума 1959 г., и во время Конференции семи тысяч кадров 1962 г., решительно отстаивая корректность обвинений Мао в адрес «антипартийной клики Пэн Дэхуая» и высокопарно восхваляя достижения в рамках «большого скачка». Сменив Пэн Дэхуая на посту министра обороны, Линь трансформировал НОАК в фактически маоистскую структуру, образцово-показательный пример поддержания традиций партизанской борьбы и воплощение идеальной модели, в которой правильная мотивация людей может быть мощнее современных вооружений. Выступая на конференциях с участием высшего армейского руководства, Линь провозглашал, что Мао — гений, чьи идеи состав-

ляют «наивысшее выражение марксизма-ленинизма». Линь организовал широко освещавшуюся кампанию популяризации маоизма в вооруженных силах. В 1961 г. он приказал составить и опубликовать небольшой сборник «Цитаты председателя Мао Цзэдуна», который позже приобретет известность под названием «красная книжечка» [Leese 2011: 94–107]⁸.

Еще одним важным сторонником Мао был Кан Шэн. Именно Кан управлял заключительными этапами жесточайшей кампании по исправлению стиля работы внутри КПК в Яньане в начале 1940-х гг. Кан и сам пострадал во время чисток — был подвергнут порицанию за использование пыток для получения фальшивых признаний и перехлесты в кампании, фактически приняв на себя вину за курс, который был инициирован самим Мао. Кан Шэн был выведен из высшего руководства КПК. В 1950-е гг. он провел на провинциальных постах. На VIII съезде КПК в 1956 г. Кан был подвергнут дальнейшему понижению в должности, судя по всему, на волне общего противостояния полномасштабным репрессиям со стороны сил безопасности на фоне десталинизации в коммунистическом блоке [MacFarquhar 1974: 148, 165]. В начале 1960-х гг. Мао вернул Кана в Пекин, чтобы тот помог ему в противодействии ревизионизму и идеологическому откату, а равно в выработке позиции в полемике с СССР. Продвижение Кана стало возможно именно благодаря покровительству Мао, поэтому положение Кана целиком зависело от его поддержки идей лидера [MacFarquhar 1997: 439–440; Walder 2009: 15–16].

В схожем положении был и Чэнь Бода. Будучи политическим секретарем Мао в Яньане, он сыграл ключевую роль в формировании культа Мао и маоизма. Именно Чэнь совместно с Кан Шэном отвечал в начале 1940-х гг. за кампанию по исправлению стиля работы. Чэнь неизменно поддерживал позицию Мао по «большому скачку» и выступал на стороне лидера в спорах по поводу причин провала инициативы. Созданный под его руководством в 1958 г. партийный журнал по теоретическим вопросам

⁸ О подготовке, печати и распространении «красной книжечки» см. [Leese 2011: 108–122].

«Красное знамя» стал платформой для многих левых авторов, на которых можно было положиться в выработке идеологического обоснования инициатив Мао. В течение 1960-х гг. «Красное знамя» фактически выступало как неофициальный рупор лидера. Как и Кан Шэн, Чэнь был обязан своим положением исключительно поддержке и покровительству Мао⁹.

Еще одной важной фигурой среди последователей Мао был премьер Чжоу Эньлай, однако его отношения с Мао были абсолютно иного характера. Чжоу был давним и выдающимся партийным деятелем. В 1920-х гг. и начале 1930-х гг. он находился в партийной иерархии выше Мао. В качестве премьера Чжоу возглавлял Государственный совет КНР — главный орган исполнительной власти Китая — и пользовался репутацией способного, неустанно трудящегося и честного управленца. В равной мере современники отмечали его прагматизм и лояльность в отношении линии партии. Наиболее принципиальной чертой премьера была неизменная преданность Мао. Начиная с 1930-х гг. Чжоу всегда вставал на сторону Мао, когда тот атаковал коллег за предполагаемые ошибки. В частности, Чжоу поддержал репрессии в адрес Пэн Дэхуая. За любым осуждением Чжоу в отклонении от идей Мао следовали продолжительные унижительные сессии самокритики и произнесение клятв верности общему делу. Мао ценил Чжоу за его преданность и управленческий талант, однако премьер был приверженцем Мао не по причине догматической веры в идеи лидера и даже не в связи с одобрением их [MacFarquhar 1997: 434–435].

Мао предпринял действия для того, чтобы в руках у его сторонников сохранились рычаги национальной власти. В ноябре 1965 г. лидер начал последовательно устранять потенциальные источники противостояния его плану по переустройству политической системы КНР. Пэн Дэхуай был переведен из Пекина далеко на юго-запад страны. Ян Шанкунь был неожиданно снят с поста главы Канцелярии ЦК КПК — организации, отвечающей за документооборот на высших уровнях партийного аппарата.

⁹ См. главу 2 и [Walder 2009: 16].

Руководителем структуры Мао назначил своего преданного последователя Ван Дунсина, который возглавлял спецподразделение «Отряд 61889»¹⁰, миссией которого являлось обеспечение безопасности Мао и который сопровождал Мао повсюду [Ibid.: 447–448; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 19–20, 36–37]. В январе 1966 г. вождь приказал провести следствие в отношении генерального секретаря Военного совета ЦК КПК Ло Жуйцина, который также отвечал за оперативное управление НОАК. Ло давно конфликтовал с Линь Бяо по вопросам политизации армии и игнорирования современных вооружений и методик подготовки войск. В марте после серии разгромных собраний критики Ло Жуйцин попытался покончить с собой. Тем самым НОАК перешла под полное командование Линь Бяо, а следовательно, и под контроль Мао [MacFarquhar 1997: 448–450; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 20–27].

Пэн Чжэнь и Лу Динъи были последними барьерами, которые Мао предстояло убрать со своего пути. Пэн занимал одновременно должности партийного секретаря по городу Пекину и главы партийной группы, отвечавшей за работу общенационального пропагандистского аппарата. Будучи давним другом и коллегой Лю Шаоци, Пэн открыто противостоял кампании по исправлению стиля работы, которую Мао развязал в 1956–1957 гг. [MacFarquhar 1974: 180–184, 195–196, 202–207, 270–273]. Во время Конференции семи тысяч кадров 1962 г. он высказал мнение о том, что Мао должен нести часть ответственности за трагедии, спровоцированные «большим скачком». Реагируя на эскалацию обвинений в адрес литераторов и интеллигентов в 1964–1965 гг., Пэн смягчил свои политические нападки и заявлял, что следует разделять разногласия по художественным и политическим вопросам [MacFarquhar 1997: 445–447; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 17–18]. Во всех описанных действиях Пэн тесно сотрудничал с Лу Динъи, главой Отдела пропаганды ЦК КПК.

Мао ринулся в атаку в конце марта, когда Лю Шаоци покинул Пекин и отправился в продолжительную зарубежную поездку.

¹⁰ Существует до сих пор. Входит в структуру Центрального бюро безопасности КПК.

В отсутствие Лю Мао собрал в городе Ханчжоу Кан Шэна, Цзян Цин и Чэнь Бода. Лидер осудил Пэн Чжэня и Отдел пропаганды ЦК КПК во главе с Лу Динъи за их покровительство «антипартийным элементам» и противодействие его распоряжениям. Мао приказал распустить Отдел пропаганды ЦК КПК, партийный комитет по городу Пекину и «Группу пяти»¹¹, возглавляемую Пэн Чжэнем [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 34–35]. 2 апреля газета *«Жэньминь жибао»* выступила с осуждением «черной линии», которой будто бы придерживались в органах пропаганды Пекина. Пэн Чжэнь, Ло Жуйцин, Лу Динъи и Ян Шанкунь были объявлены членами «антипартийной группы». Их подчиненные были арестованы. Чистки подорвали партийный аппарат города Пекина. Несколько руководителей совершили самоубийство [Ibid.: 38–44].

Стремительные и скоординированные действия позволили Мао закрепить за собой личный контроль над национальной пропагандистской машиной, вооруженными силами и потоками информации, поступающей в национальный партийный аппарат. Были реорганизованы механизмы обеспечения безопасности в столице. Вооруженные формирования и силы общественной безопасности были переведены под единое командование ново-назначенного главы гарнизона города Пекина [Ibid.: 48–51]. Лю Шаоци был далеко от столицы, когда Мао наконец раскрыл все карты. Антипартийный заговор был подготовлен. Оставалось только объявить о начале Великой пролетарской культурной революции.

¹¹ Неформальный комитет, созданный по инициативе Мао для рассмотрения перспективы проведения «культурной революции» в Китае. Важно подчеркнуть, что группа обсуждала возможность проведения кампании исключительно в области культуры и искусства, которая была бы гораздо менее масштабной, чем фактически имевшая место «культурная революция».

Глава 10

Надломленное восстание

Культурная революция Мао началась с зачисток высшего руководства в мае 1966 г. Что, собственно, она собой представляла? Ответ на этот вопрос мы находим, увидев, во что в конечном счете выродилась кампания. По всей видимости, в самом начале у Мао не было четкого плана, и он был вынужден постоянно импровизировать и менять направление движения. В переломные моменты он был недоволен как разворачивавшимися события, так и поведением своих верных соратников. Борьба, которую Мао инициировал, неоднократно принимала неожиданный поворот, вынуждая лидера реагировать на перемены и пересматривать свои подходы. Есть основания сомневаться в том, что Мао хотел от «культурной революции» чего-либо помимо ликвидации национальной бюрократии и зачистки властей от предполагаемых ревизионистов. В целом, крайне тяжело сказать, чего именно намеревался добиться Мао. Скорее всего, ни он, ни остальные представители партийного руководства не предполагали, что «культурная революция» превратится в то, во что она в конечном счете превратилась.

В определенном смысле «культурная революция» была массовой чисткой, направленной именно на ликвидацию «находящихся у власти людей, которые следуют по пути капитализма», как предпочитал именовать ревизионистов Мао. Беспрецедентное множество кадров, начиная с Лю Шаоци и Дэн Сяопина на самом веру иерархии и, с течением времени, до партийных секретарей в сельских коммунах и на государственных фабриках, потеряли

свои руководящие посты. Как и в СССР образца конца 1930-х гг., целые ряды партийцев снимались с должностей. В СССР жертвы репрессий практически неизбежно попадали в трудовые лагеря или подвергались казни. В Китае подвергшиеся гонениям могли провести какое-то время за решеткой, иногда погибая в заключении или заканчивая жизнь самоубийством. Однако более распространенным было публичное унижение и избиение «провинившихся», обычно проводившееся членами повстанческих групп, временное пребывание в импровизированных местах лишения свободы и продолжительное принуждение к труду на фабриках или в сельской местности. В отличие от жертв сталинских чисток, большинство репрессированных в Китае пережили гонения и позже даже вернулись к своим постам.

Однако «культурную революцию» невозможно свести к простой зачистке рядов партийного руководства. Зачистка предполагает, что властные структуры освобождаются от неугодных, но остаются в целостности и сохранности. «Культурная революция» была направлена на уничтожение бюрократической системы, которую Китай перенял у СССР. Вместо всех прежних структур предполагалось создание упрощенной сети комитетов, в которых должны были заседать гражданские лица, военные и представители повстанцев. Комитетам должны были помогать штаты сотрудников, значительно уступавшие по размерам предшествовавшим бюрократическим органам. Предполагалось введение упорядоченной политической иерархии, которую возглавляли бы лица, доказавшие свою абсолютную преданность воззрениям Мао. Эти люди должны были управлять Китаем во многом по принципам, схожим с мобилизацией народа на войну против националистов. В конечном счете от 70 до 90 % сотрудников центральных министерств были отправлены в сельские центры перевоспитания, также известные под названием «Школы кадровых работников 7 мая», где «учащихся» принуждали к труду [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 156–160].

Уничтожение и переустройство партийного государства в Китае должны были осуществляться как сверху, так и снизу. Первый этап ускоренной реструктуризации власти на самой верхушке

политической системы, к которой приступил Мао, был завершен к концу лета 1966 г. Подразделения ЦК КПК были выпотрошены чистками и доведены до состояния паралича. Противостоять этому наступлению было практически невозможно. Бюрократические отделы ЦК КПК были урезаны и укрупнены, а их полномочия по принятию решений были переданы неформальным комитетам, в которых заправляли сторонники Мао, подотчетные только их лидеру. Масштаб и возможности охвата этих неформальных структур на протяжении «культурной революции» лишь увеличивались. В то же время официальные бюрократические органы партийного государства, ослабленные чистками и раздроблением, в итоге развалились и прекратили свою работу. Вставшие во главе партийного государства комитеты верных последователей Мао, не имевшие, кроме личного доверия лидера, никаких формальных партийных или конституционных оснований на существование, уничтожали и расчленили национальную бюрократию.

Еще одна существенная особенность «культурной революции» заключалась в параллельной мобилизации массового повстанческого движения снизу, направленного против официальных лиц на всех уровнях власти, которые не продемонстрировали «достаточной» приверженности маоизму. Первоначальная реструктуризация органов власти КНР во многом была направлена на инициацию мятежа и направление повстанцев на желательные для Мао «свершения». На первый взгляд могло показаться, что движение студентов-хунвейбинов (буквально — «красногвардейцев»), столь неожиданно и громко заявившее о себе в августе 1966 г., было хаотичным и дезорганизованным. В действительности, размещенные в кампусах вузов «контактные лица» постоянно отслеживали ход событий на местах и снабжали студентов-повстанцев рекомендациями, советами, поощрениями и инструкциями к действию. Эти сети влияния направляли студенческое движение летом-осенью 1966 г. Однако по мере того, как эти манипуляции становились все более очевидными, в движении наметились сопротивление властям и раскол между его членами.

Реструктуризация верхушки национальных властей

Осуждение в мае 1966 г. «антипартийной клики» в Пекине было вступительным аккордом для развертывания серии чисток, которые обезглавили административные структуры ЦК КПК и города Пекина. К июлю все десять заместителей мэра Пекина были сняты с должностей. Та же участь постигла практически всех членов партийного комитета по городу Пекину, в котором осталось всего два человека. В октябре и эти двое были лишены постов. К тому времени 81 человек (руководители и заместители руководителей отделов из указанной структуры) находились в тюрьме [Ibid.: 43–44]. Были значительно сокращены и отделы Секретариата ЦК КПК: 234 кадра в Отделе пропаганды ЦК КПК были отстранены от работы, а сам отдел был реорганизован в более скромную по размерам Канцелярию пропаганды маоизма. Зачищен был и Организационный отдел ЦК КПК: еще в августе все руководство структуры было снято с должностей, а большая часть штата отдела в составе 200 с лишним человек попала под следствие¹.

Все эти изменения ознаменовали резкие сдвиги в структуре национальных властей. Политбюро ЦК КПК, ПК Политбюро ЦК КПК и бюрократические подразделения КПК в столице постепенно утрачивали функционал и в конечном счете прекратили существование. Их полномочия были переданы новообразованному внесистемному формированию, которое состояло из людей, уже доказавших свою личную преданность Мао. Группа по делам «культурной революции» при ЦК КПК (ГДКР) была формально учреждена в конце мая и пережила стремительную эволюцию в течение последующего года. Ключевую роль в организации играли уже знакомые нам игроки, в лояльности которых у Мао не было оснований сомневаться и статус которых зависел исключительно от покровительства Мао. Практически все достижения

¹ Схожей была судьба Департамента по внешним связям (отвечавшего за связи с иными коммунистическими партиями) и Центрального департамента расследований КПК (занимался контролем разведывательной работы) [Ibid.: 95–98].

членов ГДКР были связаны со сферой пропаганды и безопасности. Они также отличились в предшествующих кампаниях против либерализации и «буржуазных» тенденций. На тот момент ни один из членов ГДКР не был полноправным членом Политбюро. Ни один из них не занимал ответственные должности, связанные с государственным администрированием или экономикой².

На первых порах ГДКР формально руководил Чэнь Бода, наставник Мао в вопросах марксизма-ленинизма еще в Яньане и действующий редактор партийного журнала «Красное знамя», который стал информационной платформой ГДКР и официальным рупором политической линии Мао. Кан Шэн, который довел кампанию 1943 г. по исправлению стиля работы в КПК до кровавых эксцессов и сравнительно недавно отвечал за работу крупного коллектива копирайтеров, вступившего в полемику с советским «ревизионизмом», был ключевым «советником» при структуре. Еще двумя ведущими фигурами были занимавшие должности заместителей руководителя ГДКР Цзян Цин, супруга Мао с 1938 г., которая формально не занимала ведущие партийные или правительственные посты, и Чжан Чуньцяо, глава шанхайского Отдела пропаганды, который активно содействовал Цзян Цин в ее предшествующей активности по противодействию либерализации искусств и культуры. Остальные ключевые члены структуры были идеологами, успешно проявившими себя в качестве полемистов или «теоретиков». В их числе были Яо Вэньюань, заместитель Чжан Чуньцяо в Отделе пропаганды по городу Шанхаю, а также множество относительно молодых людей, которые имели опыт работы с Чэнь Бодой, Кан Шэном или обоими деятелями: Ван Ли, Гуань Фэн, Ци Бэньюй и Му Синь³.

ГДКР стала для Мао штабом ведения кампании по сокращению, сокращению и упразднению существующего партийного государства. Далее мы удостоверимся, что новый орган в самом деле

² Кан Шэн и Чэнь Бода — два наиболее высокопоставленных лица — по состоянию на май 1966 г. были кандидатами в члены Политбюро.

³ Более подробно по биографиям указанных личностей и об эволюции ГДКР см. [Walder 2009: 14–18].

преуспел как раз больше в уничтожении, а не в формировании властных структур. Полномочия ГДКР определялись исключительно личностью Мао, и члены группы действовали, исходя из своего понимания намерений лидера, который был склонен легко менять свое мнение и часто продолжительное время не прояснял свои неясные требования. Изначально ГДКР представляла собой авторский коллектив числом не многим более десяти человек. Однако за год структура разрослась и превратилась в небольшой бюрократический аппарат, который занимал несколько зданий на территории резиденции «Дяоюйтай» на западе Пекина. ГДКР фактически заменила собой Секретариат ЦК КПК, который отвечал за оперативное управление ежедневной работой ЦК и в котором с недавнего времени заправлял Дэн Сяопин. ГДКР увеличивала свои масштабы и власть по мере зачистки и резкого сокращения центральных бюрократических структур партийного государства КНР.

К печали Мао, ГДКР, судя по всем имеющимся оценкам, представляла собой крайне хаотичную и плохо организованную структуру, преисполненную внутренних конфликтов в отсутствие четкой координации. ГДКР переживала постоянную ротацию кадров. К январю 1967 г. больше половины первых 19 членов и советников либо подверглись чисткам, либо были отстранены от участия в работе. Многие члены структуры открыто конфликтовали друг с другом. При этом очевидных пределов властных полномочий и сфер юрисдикции установлено не было, равно как и внятных механизмов отчетности перед Мао. Составление регулярных письменных докладов не практиковалось. По одним и тем же событиям Мао получал разные устные донесения от разных людей. Не помогало ситуации и то, что склонный к замкнутости вождь редко присутствовал на заседаниях и чаще всего проводил свое время в загородных резиденциях вдали от Пекина. Ведение дел осложнял тот факт, что ни Чэнь Бода, ни Цзян Цин не проводили заседания ГДКР. Ни тот, ни другой не имели ни способности, ни опыта к администрированию и в целом были непоследовательными людьми с тяжелыми характерами. Ответственность за созыв встреч легла на плечи премьера Чжоу Эньлая, который формаль-

но не был членом ГДКР. Чжоу обозначал повестку заседаний и мог делать от лица ГДКР официальные публичные заявления [Mas-Farquhar, Schoenhals 2006: 100–101]. При этом он был человеком кардинально иных политических устремлений, чем окружавшие его радикалы. Весь представленный период Чжоу будет пытаться косвенными средствами смягчить наиболее деструктивные начинания своих коллег. Настроенные экстремистски члены ГДКР, осознавая особенности Чжоу, относились к нему с недоверием и зачастую предпринимали попытки дискредитировать его или игнорировать его точку зрения.

В августе 1966 г. Мао произвел в партийном руководстве перестановки, заметно понизив Лю Шаоци и Дэн Сяопина как в роли, так и в ранге, продвинув высокопоставленных членов ГДКР и повысив Линь Бяо до поста первого заместителя председателя ЦК КПК и фактического преемника Мао. Однако Линь не был заинтересован в гражданском управлении и предпочитал заниматься военными вопросами. Формально вверенные Лю Шаоци и Дэн Сяопину обязанности на практике исполнялись Чжоу Эньлаем, который периодически созывал «централизованные закрытые собрания», фактически взяв на себя функционал Постоянного комитета Политбюро и Секретариата ЦК КПК. Мао и Линь практически не посещали эти заседания [Ibid.: 98–99]. Все описанные изменения поставили Чжоу Эньлая в самый центр новой властной структуры, которая во многом выступала главной движущей силой в машине «культурной революции». Чжоу не имел существенных независимых властных полномочий. И все же практически все решения и меры по их реализации проходили через него, что позволяло ему воздействовать на ход событий.

В этот же период была сформирована еще одна структура, которая становилась все более влиятельной, — Центральная следственная группа. Эта организация выросла из комитета, который был учрежден для исследований деятельности «антипартийной группы» в Пекине в конце мая 1966 г. В группу входили почти все члены ГДКР, а также Кан Шэн и министр общественной безопасности Се Фучжи. Представителем Линь Бяо в группе была его супруга, Е Цюнь. Целью существования группы были

расследования, разоблачения, аресты и лишение свободы засевших в КПК «ревизионистов» и «предателей». Деятельность и размеры группы нарастали по мере развертывания чисток в рамках «культурной революции»⁴.

С течением времени вокруг Центральной следственной группы образовался многотысячный штат людей, отвечавших за расследование многочисленных дел в отношении предполагаемых подпольных предательских групп. Они же координировали свою работу с полунезависимыми массовыми организациями, которые проводили от их лица следствие на местах [Schoenhals 2008a]. К 1968 г. 88 членов ЦК КПК проходили по делам по подозрениям в «предательстве», «шпионской деятельности» и «пособничеству врагам». Центральная следственная группа масштабировала свою деятельность через общенациональную сеть «групп по делам». К 1968 г. эта сеть приняла колоссальные размеры. Группы по делам, в особенности на местах, применяли для сбора доказательств допросы с применением насилия, угрозы и пытки как психологического, так и физического характера. Хотя формально всю эту активность можно было бы сравнить с советскими чистками 1930-х гг., в действительности гонения против ревизионистов не имели особой связи с выражавшимися ими ранее политическими взглядами или их общественной деятельностью. Жертвы таких расследований сталкивались с чудовищными неправдоподобными обвинениями в предательстве: подпольная борьба против линии партии, шпионаж от лица националистов или иностранной разведки или предательство революционного движения после 1949 г.

Мобилизация массового мятежа

«Культурная революция» мобилизовала также масштабное повстанческое движение, которое было призвано атаковать бюрократические структуры снизу. Практически на два года

⁴ Этот и следующий абзацы основаны на [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 277, 281–284; Schoenhals 1996].

студентам, а потом и промышленным рабочим, был дан полный карт-бланш на создание организаций для критики и «выволочки» официальных лиц, которые, с точки зрения мятежников, выражали склонность к ревизионизму. В этом аспекте «культурная революция» в определенной мере вторила настойчивым призывам Мао к исправлению стиля работы партии «при открытых дверях» в 1956–1957 гг. Однако в 1957 г. он не позволял независимым организациям принимать какие-либо меры и уж тем более не санкционировал буквальное снятие «народными массами» чиновников с их постов. Мао пересмотрел свою точку зрения 1957 г., когда он полагал, что для устранения проблем партии будет достаточно благонамеренной критики со стороны рядовых граждан. К 1966 г. угроза эволюционного перехода к ревизионизму стала в его глазах столь серьезной, что от «советского пути» Китай можно было уберечь, только объявив мобилизацию для очистки КПК от ревизионистов, уничтожив бюрократическую машину и подготовив новое поколение последователей революционного дела.

Однако не предполагалось, что народный мятеж будет пущен на самотек. Среди ключевых функций ГДКР значились как раз отслеживание событий в кампусах вузов, подстрекательство и поддержка и поощрение действий повстанцев, а также активный подрыв позиций чиновников по неофициальным каналам связи. ГДКР пыталась руководить массовым движением по дестабилизации сложившегося порядка во многом теми же средствами, которые применялись во время подпольного коммунистического движения в подконтрольных националистам регионах вплоть до 1949 г. Впрочем, в 1966–1967 гг. ГДКР действовала гораздо более открыто и публично, поддерживая при этом частные (граничащие с конспиративными) связи с наиболее влиятельными лидерами *хунвейбинов*.

Как сама ГДКР, так и ее программы поначалу не отличались большим охватом, но быстро набрали обороты. Все началось в июне–июле 1966 г., когда ГДКР направила отдельных сотрудников низшего звена, профильных сотрудников и журналистов-расследователей в вузовские кампусы в Пекине для установления

контактов со студентами-активистами, чтобы иметь возможность передавать последним тайную информацию и рекомендации. По мере стремительного разрастания движения *хунвейбинов* в августе сотни журналистов из «Газеты НОАК» («*Цзефанцизюньбао*») и ИА «*Синьхуа*» привлекались в качестве координаторов и размещались в вузах по всему Китаю. В конечном счете насчитывалось около тысячи подобных «кураторов». Журналисты устанавливали контакты с лидерами *хунвейбинов*, регулярно направляли отчеты начальникам в Пекине и зачастую передавали информацию и наставления студентам-активистам в связи с предстоящими изменениями в политике «культурной революции». Получаемые ГДКР доклады трансформировались в материалы для «Вестника “культурной революции”», который печатался тиражом в менее чем 20 экземпляров и передавался Мао и выборочной группе государственных деятелей. «Вестник» выступал альтернативным источником информации по отношению к более официальным и широко циркулирующим среди партийной элиты изданиям, которые готовило ИА «*Синьхуа*», в частности, «*Нэйбу цанькао*», выпускавшее с августа 1966 г. приложение под названием «Тренды “культурной революции”». К ноябрю приложение публиковалось два раза в день [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 79–81; Walder 2009: 169–170].

Через эту разведывательную систему Мао и ГДКР отслеживали тенденции развития студенческого движения, придавали ему желаемое направление, выявляли и продвигали многообещающих и готовых к сотрудничеству лидеров и призывали к дисциплине тех студентов, поведение и слова которых не состыковывались с основной линией. Ближе к концу 1966 г. сеть контактов стала играть ключевую роль в выявлении *хунвейбинов-диссидентов*, которые были настроены по отношению к ГДКР критически, а также в организации их задержаний и порицания. Отдельные контактные лица, вовлекаясь в работу ведущих повстанческих групп, стали заметными фигурами в кампусах и воспринимались как авторитетные источники информации и рекомендаций, обеспечивающие прямой выход на ГДКР. По мере консолидации ГДКР связей с находящимися под их покровительством фрак-

циями студентов в столице пекинское студенчество начало создавать «контактные станции» в провинциальных центрах по всему Китаю, распространяя рекомендации и наставления *хунвейбинам* на местах. Таким образом, добавился еще один, более публичный уровень национальной сети влияния ГДКР. К осени 1966 г. ГДКР регулярно проводило в резиденции «Дяоюйтай» консультации и заседания с лидерами *хунвейбинов* по стратегическим вопросам. С течением времени встречи начали проводить даже в государственной резиденции «Чжуннаньхай» и Доме народных собраний⁵ [Walder 2009: 154–171].

Мао и ГДКР предпринимали множество как весьма заметных, так и менее очевидных, даже весьма рутинных шагов по содействию повстанцам-студентам. СМИ постоянно поддерживали протестующих, не скупясь на чрезмерные высокопарные похвалы в их адрес. Начиная с 18 августа, Мао и другие руководители неоднократно появлялись на гигантских собраниях людей, проходивших на площади Тяньаньмэнь, лично. Каждое появление лидеров широко освещалось в национальных СМИ. Ко времени последнего из серии митингов в ноябре того же года количество участников подобных сходов достигало почти 12 миллионов [Leese 2011: 129–134]. Вполне очевидно, что студенты могли полноценно посвятить себя этой кампании, лишь отложив в сторону учебу. Любые препятствия на пути политической активности были уничтожены в середине июня, когда занятия и завершающие их экзамены были просто отложены. Кроме того, были отменены и выдача дипломов, и распределение на работу, и вступительные испытания. Студентам теперь оставалось только два занятия: сидеть по кампусам и участвовать в кампании. Не менее важным было распоряжение общежитиям и общепиту продолжать работать во время летних каникул и после их завершения. В конце августа органам общественной безопасности и вооруженным силам было приказано не вмешиваться в деятельность *хунвейбинов*. Эти инструкции жестко соблюдались

⁵ Сравнимо с проведением подобных встреч на территории московского Кремля или в здании Государственной думы РФ.

вплоть до декабря 1966 г., когда силам безопасности дали разрешение преследовать студентов, выступивших с критикой по отношению к ГДКР [Walder 2009: 148–150].

Несмотря на все описанные меры, ГДКР тем не менее столкнулась с проблемой контроля движения *хунвейбинов*, которое неоднократно генерировало противоречия и скандалы, требовавшие вмешательства властей. Посредством все более неприкрытой и грубой манипуляции ГДКР удавалось направлять движение по желательному для себя пути, однако маневры структуры были встречены в штыки. Оппозиция ГДКР стала столь существенной и причиняющей беспокойство, что в конце года властям пришлось направить силы безопасности на подавление восставших, инициировав волну арестов среди *хунвейбинов*-диссидентов.

Хунвейбины в университетах

Знаковым проявлением закулисных манипуляций властей в отношении движения *хунвейбинов* стало появление в Пекинском университете «первой марксистско-ленинской стенгазеты», которая приобрела общенациональную известность и стала считаться первым залпом «культурной революции». 25 мая 1966 г. несколько преподавателей марксизма-ленинизма с кафедры философии Пекинского университета вывесили стенгазету, в которой клеймили ректора и по совместительству партийного секретаря вуза и еще двух чиновников как ревизионистов, связанных с антипартийной кликой Пекина. Им инкриминировался заговор в целях препятствования свободной мобилизации народных масс и низведения кампании до небольших форумов, в рамках которых они могли осуществлять свой «тлетворный» контроль. Редколлегия стенгазеты утверждала, что поведение официальных лиц продемонстрировало их принадлежность к «кучке ревизионистских элементов наподобие Хрущева» [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 56–57].

Несмотря на почти мистический статус детонатора движения *хунвейбинов*, который имела эта стенгазета, сделавшая своих создателей политическими знаменитостями, среди авторов ма-

териала не было ни одного студента. Стенгазета была делом рук высокопоставленных членов партии. Не Юаньцзы, признанная основным автором материала, являлась членом партийного комитета университета, а также секретарем объединенной партийной ячейки кафедры философии. В 1966 г. ей уже было 45 лет, к тому времени за ее плечами была долгая история служения партии в качестве революционного кадра: во время японского вторжения она бросила школу и работала политическим активистом в Яньане. Продолжительный опыт работы Не Юаньцзы в КПК обеспечил ей широкий доступ к высшему руководству Китая. Она оказалась удачной кандидатурой на роль человека, которому можно было доверить разоблачение партийного руководства университета. Не Юаньцзы и ее сторонники были среди тех людей, которые совершали нападки на администрацию университета двумя годами ранее, во время Движения за социалистическое воспитание. И она, и ее коллеги были также подвергнуты критике, когда кампанию развернули назад. Не Юаньцзы и ее сторонники оказались в политически деликатном положении, продолжая работать под руководством партийного секретаря, которого они попытались сместить. Многие из этих людей были в процессе организации своего перевода на иную работу [Walder 2006: 1025–1026; 2009: 35–36].

Знаменитая стенгазета возникла при негласном потворстве Кан Шэна, который направил в Пекинский университет своих тайных эмиссаров для организации порицания руководства вуза. Посланцы Кана заверили Не Юаньцзы и ее сторонников, что в этот раз они не будут подвергнуты репрессиям. Стенгазета возымела ожидаемый эффект и произвела сенсацию в кампусе. Кан показал Мао копию стенгазеты, и вождь сразу же ухватился за представившуюся возможность: он приказал распространить информацию о стенгазете по всей стране и в самых цветистых выражениях раструбить о ней в партийных газетах. Судьба руководства Пекинского университета была решена. Уже на следующий день после вывешивания стенгазеты руководителей университета публично осудили и сняли с постов. В кампус прибыла рабочая группа в составе множества высокопоставлен-

ных официальных партийных лиц и приняла от фактически прекратившего свое существование партийного комитета контроль над вузом. Последовали незамедлительные действия: рабочая группа вместе с Не Юаньцзы и ее коллегами провела массированную зачистку иерархической лестницы вуза, в сущности, продолжив реализацию не доведенных до конца в рамках Движения за социалистическое воспитание радикальных мер [Walder 2006: 1027–1028; 2009: 36–37]. По всему Пекину, а равно и на вузовских кампусах по всему Китаю, студенты-активисты, преподаватели политических наук и члены партии последовали примеру группы Не Юаньцзы и развернули кампанию против руководства своих учебных заведений.

Критики осаждали партийные комитеты в университетах Пекина. Руководители вузов, в ужасе перед перспективой оказаться затянутыми в воронку чисток партийного аппарата Пекина, повсеместно собирались на чрезвычайные заседания. Опасения не были напрасными: всего через неделю после описанных выше событий порицанию и смещению был подвергнут партийный секретарь Нанкинского университета. Он навлек на себя кару студентов отделения гуманитарных наук, которые были отосланы в размещенный в сельской местности новый отдаленный кампус, где в рамках не столь давних указаний Мао по вопросам образования они должны были учиться и трудиться параллельно. Учащиеся и преподаватели негодовали, что естественно-научные дисциплины и инженерные науки продолжали преподавать при этом в центре Нанкина. Поначалу ректор университета встал в оборонительную позицию и попытался утихомирить критиков, называя их противниками Мао, однако это вышло ему боком: он был снят с должности и заклеен как ультраревизионист [Dong, Walder 2011a: 11–12].

Будто бы повторяя на бис прошлые кампании Движения за социалистическое воспитание, власти отправили в университеты и старшие классы средней школы рабочие группы, которым было приказано организовать массовую критику и зачистки партийного руководства на низовых уровнях. Эти группы отозвали в конце июля, когда после долгого отсутствия Мао вернул-

ся в Пекин и осудил их за «подавление народных масс». В проведении этой «ошибочной линии» Мао обвинил Лю Шаоци и Дэн Сяопина. В результате оба они были отстранены от непосредственного участия в кампании и задвинуты на задний план — так был сделан первый шаг на пути к преданию политическому забвению ведущих «ревизионистов» КНР⁶. По мере вывода рабочих групп из учебных заведений против них выдвигались обвинения, исходящие от противников их действий, а также и от наиболее рьяных сторонников Мао. Членам рабочих групп вменялись в вину препятствование массовой мобилизации и, соответственно, попытки встать на защиту партийного аппарата. Однако внимательное изучение деятельности рабочих групп свидетельствует о том, что они как раз способствовали сокрушительному наступлению студентов и иных людей на партийные организации, расколу между администраторами, преподавателями и учащимися и травлению людей, тем самым неосознанно заложив основы дальнейшей разобщенности, от которой будет страдать движение *хунвейбинов*⁷.

Когда рабочие группы прибывали в университеты, перед ними открывалось несколько возможностей действовать. Можно было оставить партийное руководство в покое и дать ему возможность самостоятельно осуществлять зачистки среди нижестоящих сотрудников. Если рабочая группа все же решала заняться этим делом самостоятельно, то перед членами коллектива вставал еще один выбор: стоит ли подвергать репрессиям одних и признавать лояльными других или радикальным образом сразу же признавать всю партийную организацию прогнившей насквозь? Первоначально рабочие группы демонстрировали нерешительность, однако многие из них вскоре перешли к активным действиям [Ibid.: 56–57].

⁶ Весьма вероятно, что Мао намеревался подставить Лю Шаоци, понимая, как с учетом опыта предшествующего движения за социалистическое воспитание тот подойдет к реализации кампании. Мао не возражал против направления рабочих групп, не указывая четко, выступает ли он за или против такой инициативы [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 63–65, 76–78, 81–85].

⁷ Доказательства, позволяющие сделать такой вывод, представлены в [Walder 2009: 28–58].

Впрочем, все обозначенные альтернативы неизбежно вызывали противодействие и приводили к негодованию студентов, партийцев и кадров. Если рабочая группа не расправлялась с партийным руководством, то кара настигла бы тех, кто, следуя примеру Не Юаньцзы, критиковал высокопоставленных лиц. Если рабочая группа отметила бы отдельных руководителей как надежных людей, а остальных обозначила бы как мишени для репрессий, то это привело бы к расколу внутри партийных организаций и к отчуждению значительного числа членов партийного аппарата и их сторонников среди студентов и преподавателей. Если бы рабочая группа подвергла порицанию сразу весь партийный аппарат, она бы фактически отвернулась от рядовых членов партии и активистов-студентов, которые попали бы под ту же гребенку чисток. Практически во всех случаях не боявшиеся озвучивать свое недовольство рабочими группами отдельные лица начинали требовать отстранения или замены представителей самих рабочих групп.

Рабочие группы, допускавшие предъявление бесконечных обвинений против партийных властей, сталкивались с проблемой иного характера: допуская безграничную критику в адрес любого человека, они непреднамеренно подталкивали студентов к применению насилия. Соответственно, возникал вопрос о том, за кем должно остаться последнее слово. Многие рабочие группы были обеспокоены перспективой потери контроля над силами, которым они развязали руки. Когда же рабочие группы пытались реагировать на акты насилия, сдерживая студентов-активистов, то начинали негодовать наиболее воинственно настроенные среди тех, встречая в штыки попытки «подавления» их деятельности.

Все эти проблемы прекрасно иллюстрируют события, произошедшие в Пекинском университете 18 июня — менее чем через три недели после прибытия туда рабочей группы. Вобрав в себя диссидентскую группу Не Юаньцзы, этот коллектив развернул чистку всей местной партийной организации. Под удар попали как наиболее заметные администраторы и преподаватели с «неблагоприятным» классовым прошлым и связями за рубежом, так и любые люди, выступавшие в предыдущих политических баталиях на стороне бывшего ректора. К началу июля лишь один из

20 секретарей объединенной партийной ячейки избежал репрессий: это была сама Не Юаньцзы. Менее 8 % кадров вуза были признаны полностью благонадежными. У двух третей кадров «выявили» ошибки, достаточно серьезные для снятия их с должностей [Ibid.: 37–38]⁸.

Рабочая группа вскоре столкнулась с проблематичностью обеспечения контроля над студентами. Разворачивающаяся на территории университета кампания оказалась шокирующим контрастом по отношению к быстро завядшим «Ста цветам», которые буйным цветом цвели в Пекинском университете менее десятилетия назад. В 1957 г. студенты также мобилизовались на выпуск критических стенгазет, однако тогда они преследовали иные цели. Учащиеся протестовали против авторитарного правления КПК и бездумного догматизма, вдохновленного сталинской доктриной, а также требовали большей свободы мысли и самовыражения. Некоторые из них даже осмеливались критиковать культ личности, сформировавшийся вокруг Мао Цзэдуна. Студенты Пекинского университета, следуя духу давней либеральной традиции вуза, зародившейся еще во время Движения 4 мая 1919 г., оказались в авангарде ширящейся кампании, призывавшей Китай последовать за советским блоком по пути либерализации.

Спустя всего лишь одно десятилетие ситуация кардинально переменялась. Теперь студенты-активисты Пекинского университета, как и учащиеся в кампусах всех уголков КНР, боролись друг с другом за звание наиболее непримиримого и категоричного защитника диктатуры пролетариата. Учащиеся начали преследовать преподавателей с опытом обучения за рубежом или с репутацией либеральных мыслителей — зачастую тех же людей, которые уже были объектом кампаний за идеологическую перестройку и за борьбу с правым уклоном. Гонениям подверглись и официальные партийные лица, которые, с точки зрения студентов, потворствовали распространению влияния «чуждых классовых элементов».

⁸ Схожие цифры фиксировались в ряде других крупных столичных вузах [Ibid.: 38–57].

Еще более поразительным проявлением узкого догматизма была склонность студентов-активистов подвергать свои жертвы страшному по жестокости порицанию, к которому примешивались личные нападки и физическое насилие. В процессе все более частых собраний критики и борьбы — осознанного воспроизведения ритуальных унижений землевладельцев и иных классовых врагов в период земельной реформы и иных политических кампаний — студенты-активисты заставляли обвиняемых носить колпаки и вешали им на шеи тяжелые дощечки. Жертв поносили и оскорбляли, грубо шпыняли, таскали за волосы. Людям заламывали руки за спину, пока они не вставали на колени. В отдельных случаях их подвергали тяжелейшим побоям. Только в Пекинском университете, который в этом смысле мало чем отличался от других высших учебных заведений, по состоянию на середину июня рабочая группа зафиксировала подобные инциденты в отношении 178 партийных кадров, преподавателей и учащихся. Последствиями насилия стала серия самоубийств.

В конечном счете рабочая группа выступила против применения неограниченного насилия после событий 18 июня, когда по кампусу прокатилась волна ожесточенных собраний критики и борьбы. Около 70 партийных кадров и членов профессорско-преподавательского состава с вымазанными черными чернилами лицами были выведены на наспех сбитые платформы. Окружающие обрушились на этих людей с побоями и выкриками с обвинениями. Особое возмущение вызывали сообщения, например, о происшествии, когда некий молодой человек хватал двух полураздетых чиновниц за интимные места. Большинство жертв надругательств были членами партийного комитета или нижестоящими секретарями объединенных партийных ячеек и отделений Пекинского университета. Рабочая группа направила людей для прекращения актов насилия и оказания первой медицинской помощи пострадавшим⁹.

Рабочая группа осудила разжигание ненависти и направила порицающий «инцидент 18 июня» отчет в Секретариат ЦК КПК,

⁹ Данный раздел основан на [Walder 2006: 1028–1029; 2009: 61–62].

где все еще заправляли Лю Шаоци и Дэн Сяопин. Двамя днями позже документ был распространен в качестве доклада ЦК КПК по партийным комитетам всего Китая с комментарием относительно «корректности и своевременности» действий рабочей группы. Вооруженные этой новой директивой рабочие группы приступили к карательным мерам против студентов, отказывавшихся подчиниться «общей воле». Учащиеся, которые, вопреки предостережениям рабочих групп, продолжали призывать к насильственным действиям, брались на заметку, подвергались критике и задержанию. Тем, кто противодействовал осуществлению полномочий рабочих групп, выносились предупреждения с угрозой наказаний. Собраним критики и обвинениям в антипартийной деятельности подвергались те, кто требовал вывода из кампусов рабочих групп или требовал проведения собственной «культурной революции» под контролем учащихся и профессорско-преподавательского состава. В рамках кратковременных попыток восстановить авторитет рабочих групп практически во всех вузах критике подвергалось заметное меньшинство противников рабочих групп. Иногда на таких людей навешивали позорные политические ярлыки, а их имена фиксировались рабочими группами в списках нарушителей порядка [Walder 2009: 62–63, 70–84].

Именно этот документ и кампания по консолидации полномочий рабочих групп дали Мао повод для возвращения в середине июля в Пекин, где он набросился на рабочие группы — а заодно и Лю Шаоци с Дэн Сяопином — за «подавление студенческого движения» и формирование в вузовских кампусах «диктатуры». Мао полностью игнорировал тот факт, что по большей части рабочие группы с поразительным рвением вели развязанную им же самим кампанию против ревизионизма в вузах. Он оставил без внимания информацию относительно того, что рабочие группы применяли в отношении отдельных повстанцев в кампусах репрессии в ответ на поднятую там волну насилия. Мао приказал всем рабочим группам покинуть учебные заведения к концу июля. В дальнейшем кампанию по борьбе с ревизионизмом должны были проводить сами вузы [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 81–84].

Мы можем предположить, что с учетом того, что Мао добился полноценного порицания и вывода рабочих групп, студенты-активисты могли объединиться с целью общего противостояния вузовским чиновникам. Но этого не произошло. В студенческом движении с самого начала имел место глубокий раскол. Мао не учел, что большая часть рабочих групп позволяла практически неограниченные нападки на партийные организации при университетах. Такая политика приветствовалась в кампусах большинством активистов, которые устанавливали с радикальными рабочими группами близкие отношения и поддерживали преследование меньшинства, ставившего под сомнение действия этих групп. С выводом рабочих групп сотрудничавшие с ними учащиеся, оказавшиеся в кампусах в значительном большинстве, взяли вузы под свой контроль и начали проводить выборы в вузовские комитеты «культурной революции». Естественно, преимущество на выборах было за большинством.

Все описанное стало основанием для формирования глубоких и стойких разногласий между людьми. Студенты, которые вступали в противостояние с рабочими группами и, соответственно, подвергались наказанию, требовали, чтобы кампания больше фокусировалась не на сотрудниках университетов, а на членах самих рабочих групп. Учащиеся указывали, что их сокурсники, сотрудничавшие с рабочими группами, оказывались соучастниками подавления неповиновения и, в связи с этим, не имели права возглавить «культурную революцию» в их вузах. Звучали требования, чтобы члены рабочих групп вернулись в университеты для участия в собраниях критики и борьбы и признали свое преступное стремление сломить движение «революционных масс».

Большинство студентов-активистов воспринимали такие упреки как плохо прикрытые обвинения в свой адрес. Эти люди полагали, что они обоснованно содействовали проведению чисток, координируемых радикально настроенными рабочими группами, и что меньшинство недовольных преувеличивало ошибки рабочих групп и пытались дезавуировать их успехи. «Меньшинство недовольных», по сути, указывало на то, что

большинство студентов были ревизионистами или «консерваторами», а большинство заявляло, что меньшинство заслужило свою участь и было заинтересовано лишь в спасении своей репутации. В течение августа университеты были охвачены шумными спорами между этими двумя лагерями студентов. Дискуссии иногда перерастали в драки. По мере формирования организационных структур *хунвейбинов* практически во всех вузовских кампусах состоялись разделения на фракции большинства и меньшинства¹⁰.

Фракции большинства взяли кампусы под свой контроль и, желая продемонстрировать свой боевой дух, организовывали собрания критики и борьбы, после которых обвиняемых заключали в импровизированные тюремные камеры и заставляли в составе «бригад трудовой реформы» копать землю и чистить общественные уборные. Фракции меньшинства фокусировались на ошибках рабочих групп и ставили под сомнение законность результатов выборов, которые привели фракции большинства к власти. Мао и ГДКР были, скорее всего, глубоко разочарованы тем, что им не удалось направить гигантскую волну студенческого активизма на восстание против ревизионизма. С самого начала «культурной революции» университетские *хунвейбины* были больше озабочены противостоянием друг другу.

Хунвейбины в средних школах

Повстанцы из средних школ высшей ступени первоначально играли более заметную роль, чем студенты вузов, и получали большую долю панегириков от Мао. Считается, что первая организация учащихся, назвавшая себя *хунвейбины* (буквально «красногвардейцы»), была учреждена ближе к концу мая 1966 г. в Средней школе высшей ступени при Университете Цинхуа. Учащиеся вступили в противостояние по поводу права на создание таких организаций сначала с руководством учебного заведе-

¹⁰ Это обобщение гораздо более развернутого анализа, представленного в [Walder 2009: 88–119].

ния, а потом и с прибывшей в школу рабочей группой. Молодые люди вывешивали стенгазеты с обвинениями в адрес рабочей группы и написали несколько эссе, в которых подчеркивался бунтарский дух их движения. Схожая ситуация возникла и в Средней школе высшей ступени при Пекинском университете, где основатель организации *хунвейбинов*, названной «Группа борьбы “Красное знамя”» бросил вызов направленной в учебное заведение рабочей группе.

Вскоре после вывода рабочих групп из учебных заведений Мао и ГДКР начали делать все возможное, чтобы привлечь внимание к указанным молодежным организациям, превознося их до небес. На встречах с руководством учебных заведений Цзян Цин и другие чиновники высоко отмечали деятельность учащихся и предлагали *хунвейбинам* выступать перед собравшимися. Мао с энтузиазмом зачитывал написанные учащимися эссе и 1 августа направил им послание, заверив их, что созданные ими «стенгазеты» стали частью «дела революции», и поблагодарив за их воинственный настрой. Лидер приказал перепечатать и распространить среди участников проходившего в начале августа 11-го пленума ЦК КПК 8-го созыва две стенгазеты, дополненные его письмом. Мао также воспользовался возможностью, чтобы выразить поддержку «краснознаменцам» из Средней школы высшей ступени при Пекинском университете. В своем публичном послании он, в частности, указывает:

Две ваши стенгазеты... выражают гнев и порицание притеснения рабочих, крестьян, революционной интеллигенции и революционных партий со стороны землевладельцев, капиталистов, империалистов, ревизионистов и их прихвостней. Это свидетельствует о том, что восставать против реакционеров — это верный путь. Я выражаю вам свою активнейшую поддержку [Ibid.: 129–135; полный текст заявления Мао см. 133–134].

После всех этих благих пожеланий Мао пригласил около 1500 студентов занять места на трибунах для зрителей во время огромного митинга *хунвейбинов* на площади Тяньаньмэнь 18 ав-

густа. Среди приглашенных оказались свыше 20 *хунвейбинов* из Средней школы высшей ступени при Университете Цинхуа. Когда они встретились с лидером и назвали, Мао заявил им: «Решительно поддерживаю вас!» Этот эпизод несколькими днями позднее был описан на страницах «*Жэньминь жибао*». Во время митинга Мао была преподнесена нарукавная повязка *хунвейбинов*. Ее вручила лидеру представитель студенческого движения из Женской средней школы высшей ступени при Пекинском педагогическом университете. Девушка была создателем «первой стенгазеты» школы. В газетах Китая активно тиражировалась знаменитая фотография, на которой школьница помогает улыбающемуся Мао Цзэдуну надеть повязку на руку. В последующие дни национальные СМИ перепечатавали отрывки из речей и стенгазет школьников-мятежников [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 106–110; Walder 2009: 134–135].

Учащиеся же, в соответствии с тенденцией порицания ревизионистов в партийном руководстве, заняли по вопросу «классовой линии» КПК в сфере образования воинственную позицию, где основной акцент делался как на политической подготовке, классовом происхождении и политической активности при поступлении в учебные заведения, так и на критике тех, кто чрезмерно стремится к хорошей успеваемости и успешной сдаче экзаменов. Такие идеи оказались чрезвычайно близкими по духу *хунвейбинам*-школьникам первой волны, большая часть которых были выходцами из семей членов партии и революционных кадров. На первых порах лидерами *хунвейбинов* из средних школ высшей ступени при Пекинском университете, Университете Цинхуа и Пекинском педагогическом университете были представители семей официальных лиц, за которыми был закреплен статус «революционеров», и молодые люди очень гордились своим происхождением. Проблемы начались после распространения оформленных в виде двустиший (*дуйлянь*¹¹) уничижительных куплетов, восхвалявших учащихся, чьи родители имели

¹¹ Обычно короткие афористические ритмичные высказывания, строящиеся по определенным принципам китайского языка.

революционные корни, и порочивших представителей «дурных» семей. Скандал вокруг этих куплетов стал первым свидетельством возникновения раскола в среде *хунвейбинов*-школьников.

В оскорбительных куплетах заявлялось: «Сын революционера — человек; сын реакционера — подлец». Авторы настаивали на том, что их послание отражало классовую линию КПК, однако многие студенты признали двусишья злосмеренными, поскольку те приписывали детям революционеров статус потомков некоей наследственной политической аристократии, рождавшихся «красными», то есть презюмировалась чья-то лояльность коммунистическому режиму по факту рождения. Получалось, что все остальные при рождении были прокляты и оказались заведомо грешными, вне зависимости от их реальной преданности общему делу. Куплеты были неприятны также людям пролетарского и крестьянского происхождения, чьи родители не были революционными героями. Неудивительно, что многие учащиеся начали критиковать тексты как дурацкие и бездарные. В начале августа споры по поводу куплетов во время квартальных митингов переросли в столкновения между *хунвейбинами*: студенты в буквальном смысле дрались за микрофоны и рупоры, закончилось это избиениями и даже поножовщиной [Chan et al. 1980; Rosen 1982: 109–118; Walder 2009: 136–138].

Члены ГДКР были обеспокоены перспективой превращения дебатов вокруг двусиший в раскол и ослабление зарождающегося студенческого движения. Отдельные представители группы призывали учащихся отложить обсуждение этой темы. Цзян Цин, Кан Шэн и другие пытались предложить менее оскорбительные альтернативные варианты текста и безуспешно рассуждали о том, что классовый анализ мог стать основанием для приобретения наследственного политического статуса и как следует сопоставлять политическую лояльность с семейным происхождением [Walder 2009: 137–142]. Эти усилия прояснить партийную доктрину относительно политических маркеров мало помогли в снижении накала скандала.

Еще более серьезной проблемой, которая привела к очевидному расколу в движении школьников, было распространение на-

силия. Как только рабочие группы покинули места своего размещения, по средним школам высшей ступени и городским районам прокатилась волна беспорядков. Учащиеся избивали партийных секретарей, директоров школ, учителей и одноклассников. Зачастую люди погибали или совершали самоубийства¹². Протестующие школьники также совершали нападения на представителей указанных категорий населения за пределами образовательных учреждений. Собрания критики и борьбы против чиновников образовательных и молодежных организаций, а также известных романистов, драматургов и артистов пекинской оперы проводились в общественных парках и исторических местах, где обвиняемых укрощали кулаками и ремнями. *Хунвейбины* свободно передвигались по жилым кварталам, наводя ужас на «реакционные» домохозяйства, вторгаясь в помещения и заставляя жителей участвовать в ожесточенных собраниях критики и борьбы. В этот период *хунвейбины* раздавали листовки, которые призывали домохозяйства «черных категорий» передавать свою собственность органам общественной безопасности и незамедлительно покидать город.

Членов таких домохозяйств силой сгоняли на собрания критики, борьбы и побоев, которые проходили на территории школ и парков. Часто можно было видеть, как целые процессии грузовиков везут жертв кампании по улицам. В течение месяца после первого митинга 18 августа на площади Тяньаньмэнь в Пекине было подвергнуто обыску 114 тысяч домов. Повстанцы конфисковали иностранную валюту, золото и иные ценности на сумму 44,8 миллиона юаней, а также свыше 2,3 миллиона книг и 3,3 миллиона картин, предметов искусства и мебели. В районе Сичэн был устроен костер, в который кидали книги, картины, манускрипты и другие предметы, вытащенные из 1061 дома. Пламя полыхало восемь дней и ночей подряд. За указанный период из своих жилищ в Пекине были изгнаны 77 тысяч человек. Пика волна насилия достигла в последнюю неделю августа, когда

¹² Основано на выдержках из [Wang 2004], где представлено 20 инцидентов за рассматриваемый период.

каждый день убивали более 200 человек. По официальным данным, за четыре недели, начиная с середины августа, в Пекине погибло 1772 человека¹³.

С первым публичным протестом по поводу всех описанных тенденций выступили *хунвейбины* из Средней школы высшей ступени при Университете Цинхуа, которые считались основателями движения в целом и уже заслужили в начале августа похвалу от Мао. Молодые люди выразили беспокойство волной насилия, которая охватила Пекин, и опубликовали «Неотложный призыв», в котором люди, которые «расхаживают повсюду, избивая других... и ведут себя как бандиты», объявлялись «мерзавцами и бездарностями». Документ призывал к учреждению при школах «истинных организаций левого толка» для осуществления контроля за «проявлениями разбойничьего поведения». Те, кто вел себя недопустимо, должны были быть исключены из рядов *хунвейбинов* [Walder 2009: 145].

Отклика призыв не нашел. В отличие от предшествующих ему стенгазет, СМИ этот документ не заинтересовал. К концу августа волна насилия и террора лишь усилилась. Позже *хунвейбины* из Средней школы высшей ступени при Университете Цинхуа представили «оценку» состояния дел в движении. Учащиеся сокрушались по поводу «полного пренебрежения человеческой жизнью» со стороны множества молодых людей. Такого поведения можно было ожидать от «фашистов», но никак не от «подлинных *хунвейбинов* из пяти красных классов» [Ibid.: 146].

К сожалению, Мао не был согласен с такими мнениями. Призывы учащихся ограничить акты насилия шли вразрез с его собственными воззрениями, которые разделяли и ключевые фигуры в ГДКР: насилие воспринималось ими как неизбежная часть повстанческого движения, а страдания жертв — как допустимые потери.

¹³ Это обобщение расширенного описания, представленного в [Walder 2009: 142–145]. В сентябре в Шанхае имели место 354 смерти от побоев и 704 суицида. Учащиеся средних школ избивали свыше десяти тысяч человек, нанеся серьезные ранения почти тысяче человек [Perry, Li 1997: 11–12]. См. также [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 117–131], которые подробно расписывают деятельность *хунвейбинов* в период общенационального «красного террора».

В частных беседах высшие официальные лица получали информацию об эскалации насилия и, в сущности, отмахивались от нее¹⁴.

С самого начала студенческого движения Цзян Цин однозначно давала понять активистам, что насилие против жертв кампании не будет считаться тяжелым правонарушением. 28 июля в одной из своих первых речей перед *хунвейбинами* она заявила:

Мы не страшимся хаоса. Хаос и порядок неразрывно связаны друг с другом. Мы не выступаем за избивание людей, однако побои не представляются чем-то существенным... Нельзя выбить из человека ошибочные мысли, но в побоях, происходящих в рамках вспышки революционного движения, нет ничего страшного. Как заявлял председатель Мао, «если хорошие люди бьют плохих, то поделом тем; если плохие люди бьют хороших, то добро в любом случае возторжествует; если хорошие люди бьют хороших, то это недопонимание; без побоев нельзя разобраться, кто стоит перед тобой, чтобы понять, что его больше не нужно бить».

«Неотложный призыв» *хунвейбинов* был опубликован неделей позднее. Поначалу Цзян Цин не выступила против этого документа, однако ее настрой вскоре изменился. Она решила, что более умеренные представители руководства отнеслись к «Призыву» с чрезмерным энтузиазмом, видя в нем повод для подавления повстанческого движения среди студентов. Аналогичными были выводы и Мао. Он совершенно проигнорировал роль, которую рабочие группы сыграли в сдерживании актов насилия со стороны учащихся, и не желал накладывать на повстанцев те же ограничения, которые были введены в отношении рабочих групп. 23 августа, на грани кульминации волны беспорядков, состоялось заседание членов ПК Политбюро, на котором Мао выразил свое раздражение в связи со всей этой проблемой:

Мне не кажется, что в Пекине настолько обостренная ситуация... Пекин — слишком культурный город. Хулиганы составляют в нем лишь меньшинство. Сейчас не время

¹⁴ Последующие абзацы основаны на данных из [Ibid.: 148–150].

вмешиваться... [и] поспешно принимать решения; не стоит накручивать себя. [Не нужно] спешить бороться с левым уклоном и издавать неотложные призывы.

Министр общественной безопасности КНР Се Фучжи вторил Мао. На встрече с представителями квартальных полицейских участков в конце августа он отдал распоряжение оказывать *хунвейбинам* содействие в выявлении «реакционных» домохозяйств: «Я не одобряю того, что народные массы убивают людей, однако нельзя и противодействовать проявлению чувства горькой ненависти к негодным людям. [Эта ненависть] неизбежна». Такой подход привел к обнародованию 21 и 22 августа в Китае официальных распоряжений местным военным подразделениям и органам общественной безопасности никоим образом не препятствовать *хунвейбинам*.

С учетом общего настроения Мао, только сами *хунвейбины* могли обозначить пределы допустимости проявления насилия¹⁵. Попытки саморегулирования внутри движения обернулись глубоким разрывом между *хунвейбинами*-школьниками и в целом воспринимались как отражение общей разобщенности в движении. Здесь мы сталкиваемся с одним из первых из множества случаев, когда Чжоу Эньлай попробовал ограничить наносимый кампанией ущерб. В конце августа объявила о своем создании группа под названием «Забастовочные пикеты района Сичэн». Среди учредителей был сын одного из подчиненных Чжоу в Госсовете КНР. Нет прямых свидетельств тому, что учреждению группы способствовал именно Чжоу, однако связь между премьером и сыном подчиненного представляется неслучайной, особенно в свете общего позиционирования «бастующих» и незамедлительной поддержки, которую им предоставил Чжоу. «Забастовочные пикеты» стали первым межвузовским союзом в рамках движения *хунвейбинов*.

«Забастовочные пикеты» действовали, исходя из определенного набора базовых правил, которые призывали к «ненасильственной борьбе»: «Начиная с этого момента в рамках “культур-

¹⁵ Последующие абзацы основаны на данных из [Ibid.: 150–153].

ной революции” полностью запрещается бить людей, подвергать людей физическому насилию открыто или в завуалированной форме, унижать людей, получать принудительные признания». Эти запреты действовали во всех случаях «без исключения», в том числе в отношении людей, которые уже были признаны контрреволюционерами. Четко указывается, что именно входит в понятие «физическое насилие»:

принуждение вставать на колени, лечь навзничь, сгибаться в талии, таскать большие тяжести, стоять продолжительное время, держать руки поднятыми продолжительное время, держать голову опущенной продолжительное время и так далее — все это открытые или скрытые формы физического насилия, которые не относятся к методам, которые мы можем использовать.

Среди форм унижения отмечаются «навешивание на грудь дощечек, надевание колпаков, принуждение к пению, обривание головы и так далее». Что подразумевалось под «принудительными признаниями»?

Отказ от проведения проверок и расследований, отказ от уделения внимания фактам и доказательствам, готовность без промедления верить признаниям, слепая вера в признания, использование сочетания насилия и угроз для получения признаний, которые в дальнейшем воспринимаются как заслуживающие доверия.

Не имея прямого влияния на регулярные подразделения полиции, Чжоу использовал «Забастовочные пикеты» как свой основной инструмент контроля. Через Канцелярию Госсовета КНР он установил прямую связь с пикетами *хунвейбинов* и назначил сотрудников структуры контактными лицами в осуществлении этой связи. Чжоу приглашал членов забастовочных пикетов присутствовать на трибунах во время продолжающихся митингов на площади Тяньаньмэнь. Он лично встречался с лидерами движения и отдавал распоряжения своим помощникам обеспечивать бастующих рабочими помещениями, финансами,

форменной одеждой, транспортными средствами и печатными мощностями. Листовки для пикетов огромными тиражами печатались на профессиональном оборудовании типографии Госсовета КНР.

«Забастовочные пикеты» просуществовали недолго. Их сфера деятельности не укладывалась в рамки кампании, инициированной повстанцами из университетских фракций меньшинства: учащиеся врываются в правительственные учреждения, хватали руководителей рабочих групп, посещавших их вузы ранее, и подвергали их обработке на собраниях критики и борьбы. «Забастовочные пикеты» оказывались вовлечены в негласный союз с вузовскими фракциями большинства. Все это вынудило ГДКР пойти на жесткие контрмеры, чтобы переориентировать и перегруппировать движение *хунвейбинов*. У студентов возник конфликт интересов с самой ГДКР. Столкновение было неизбежно.

Подъем повстанческого движения

В течение августа и сентября фракции меньшинства в университетах были вынуждены уйти в оборону. Не имея возможности контролировать ход дискуссии в кампусах, они двинулись в города. Первопроходцами в этой тактике стали фракции меньшинства двух влиятельных вузов: Института авиации и воздухоплавания «Красное знамя», который устроил дерзкую продолжительную сидячую забастовку прямо у ворот министерства обороны КНР, и Института геологии «Алеет Восток», который неоднократно проводил демонстрации у здания министерства геологии КНР, которое протестующие в конечном счете оккупировали¹⁶.

Студенты Института авиации и воздухоплавания «Красное знамя» начали сидячую забастовку у здания министерства обороны КНР 26 августа, требуя возвращения в их кампус руководителя курировавшей их вуз рабочей группы с тем, чтобы выдвинуть ему обвинения. Вполне очевидно, что чиновник не внял

¹⁶ Последующие абзацы основаны на данных из [Ibid.: 119–122].

требованиям протестующих, и сидячая забастовка продлилась до середины сентября, когда Чжоу Эньлай предпринял безуспешную попытку урегулировать конфликт. Примерно в то же самое время, 23 августа, студенты Института геологии «Алеет Восток» направили около тысячи учащихся к министерству геологии КНР, чтобы сопроводить высокопоставленного чиновника, возглавлявшего ранее направленную в вуз рабочую группу, на собрание критики. Естественно, чиновник отказался принять приглашение. Студенты направляли свои превращенные в демонстрации делегации еще дважды, а 19 сентября вторглись в институт и захватили помещения ведомства.

Эти события обратили на себя внимание ГДКР, которая воспринимала такое развитие ситуации как выход из тупика, возникшего вследствие противостояния фракций большинства и меньшинства. Теперь казалось возможным, что университетских *хунвейбинов* можно было мотивировать на выступления против правительственных структур и захват как чиновников, которые ранее состояли в рабочих группах, так и, практически неминуемо, высокопоставленных «ревизионистов» среди официальных лиц, которые направили в вузы рабочие группы. Вплоть до этого времени ГДКР без особого успеха пыталась убедить университетских *хунвейбинов* объединиться и вместе продолжать дело «культурной революции». Однако перед лицом акций студентов против министерств члены ГДКР пересмотрели свою стратегию и открыто поддержали фракции меньшинства.

И вот здесь новообразованные школьные «Забастовочные пикеты» оказались в самом центре раскола университетского движения, став камнем преткновения в планах ГДКР¹⁷. «Забастовочные пикеты» боготворили Народно-освободительную армию Китая и приняли легендарную дисциплинированность китайских вооруженных сил за образец сдержанности в поведении, которого они ожидали от всех *хунвейбинов*. Пикетчики были возмущены протестами у здания штаб-квартиры НОАК. Они также выступали против насилия, которому, вне всяких

¹⁷ Последующие абзацы основаны на данных из [Ibid.: 156–157].

сомнений, повстанцы фракции меньшинства подвергли бы официальных лиц из рабочих групп на собраниях критики и борьбы. Уже 31 августа, всего через шесть дней после обнародования своего акта об учреждении, «Забастовочные пикеты района Сичэн» организовали свою первую публичную акцию, направив отряд своих представителей к министерству обороны КНР, где уже вторую неделю продолжалась сидячая забастовка студентов Института авиации и воздухоплавания «Красное знамя». Пикетчики попробовали силой выдворить протестующих, но столкнулись с отпором.

Еще более драматическое столкновение произошло 7 сентября у здания министерства геологии КНР. Институт геологии «Алеет Восток» уже третий день подряд проводил там протестную акцию. Пикетчики из района Сичэн были вызваны после того, как 5 сентября студенты-геологи потребовали выдать им руководителя рабочей группы. Пикетчики окружили учащихся и пробивались сквозь ряды сидящих бастующих, ударяя людей хлыстами и кидаясь кирпичами. Несколько протестующих было захвачено и избито. В довершение всего студентам-геологам раздали листовки, осуждающие нападение на министерство.

К тому времени стало вполне очевидно, что раскол в движении *хунвейбинов* нельзя было игнорировать. Восстание, инициированное ГДКР, застопорилось. Фракция меньшинства, чьи новые вылазки так горячо поддерживала ГДКР, уже сталкивались с гораздо более сильными противниками в собственных кампусах, теперь к ним добавился первый организованный межшкольный союз *хунвейбинов-школьников*, вставший на путь дальнейших нападков на бюрократию партийного государства. Что оказалось еще хуже, *хунвейбины-пикетчики* пользовались заметной поддержкой со стороны Чжоу Эньлая и других партийных руководителей, которые были в ужасе от развязанных актов насилия. «Забастовочные пикеты», фактически обойдя запреты на вмешательство в деятельность *хунвейбинов* со стороны правоохранительных органов и армии, быстро показали себя существенной силой.

По распоряжению Мао ГДКР провела ряд контрмер по реорганизации и перенаправлению студенческого движения, откры-

то обозначая свои предпочтения среди противоборствующих учащихся¹⁸. Для достижения успеха студенческому повстанческому движению требовался межвузовский альянс и недвусмысленная поддержка ГДКР. К концу сентября *хунвейбины*-студенты получили и то, и другое, а к середине октября они начали наступление на своих противников. Союз *хунвейбинов*-студентов — «3-й Штаб» — был сформирован 6 сентября. До того момента ГДКР оказывала различным представителям движения *хунвейбинов* одинаковую поддержку и неоднократно призывала учащихся объединиться. Теперь вся эта риторика была забыта, и ГДКР взяла на себя контроль за движением и начала направлять его ход, целиком и полностью выступив на стороне фракций меньшинства, о чем было заявлено на серии собраний с *хунвейбинами*.

После этих встреч Мао решил открыто поддерживать фракции меньшинства. 21 сентября, на следующий день после завершения серии собраний, представители ГДКР встретились с лидерами «Красного знамени» из Института авиации и воздухоплавания и выразили солидарность с ними в протесте против министерства обороны. Власти приказали главе рабочей группы сдаться учащимся. На той же неделе повстанцы из Института геологии «Алеет Восток» ворвались в министерство геологии и пробились в помещения, где хранились материалы дел рабочей группы. Студенты вскрыли шкафы с документами и изъяли личные дела учащихся. 23 сентября повстанцы вернулись в Институт геологии, чтобы перехватить власть у фракции большинства. Свыше 100 человек пострадали в результате массовой драки, которая развернулась за вузовскую систему радиовещания. Быстро распространилась новость о том, что ГДКР выступает на стороне фракций меньшинства, которые начали подобным упомянутому выше образом брать под свой контроль вузовские системы вещания. В движении определенно произошел перелом.

¹⁸ Последующие абзацы основаны на данных из [Ibid.: 157–163]. См. также [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 133–135].

Факт поддержки нового повстанческого союза ГДКР был официально признан в рамках состоявшегося 26 сентября масштабного митинга с участием «3-го Штаба». Подтверждая, что Мао принял сторону фракций меньшинства, Чжоу Эньлай призвал к реабилитации тех представителей фракций, которые были объявлены противниками КПК. Апеллируя к основному источнику волнений (и, наиболее вероятно, желая исключить одну из основных причин атак на официальные ведомства в поисках руководителей рабочих групп), Чжоу объявил, что все «порочащие сведения» будут исключены из личных дел таких людей.

Сдвиг в направлении движения был отмечен появлением среди *хунвейбинов* новой группы лидеров. Наиболее поразительным представляется неожиданный взлет авторитета студента Университета Цинхуа Куай Дафу, бывшего мелкой фигурой в многочисленной фракции меньшинства вуза. Известность Куай получил благодаря своему открытому противостоянию вице-премьеру Бо Ибо и обвинениям в адрес супруги Лю Шаоци Ван Гуанмэй, которая принимала участие в деятельности рабочей группы на территории Университета Цинхуа [Walder 2009: 67–73]. Несмотря на свою в некоторой мере скандальную известность, Куай все же оставался во фракции меньшинства незначительной фигурой, поскольку лидеры этой фракции не считали, что такой непредсказуемый и неуравновешенный человек заслуживает серьезного внимания.

ГДКР же как раз и подыскивала непредсказуемых и неуравновешенных людей. Опыт противостояния Бо Ибо и Ван Гуанмэй мотивировал Куая на нападки на высшее руководство КНР, демонстрируя его готовность оппонировать практически любому. ГДКР намеревалась направить студенческое движение против Лю Шаоци, и Куай как никто другой подходил для этой миссии. 23 сентября Чжан Чуньцяо провел с Куаем отдельную встречу, побуждая студента организовать новую повстанческую организацию и заверив его в поддержке ГДКР. Уже на следующий день Куай объявил о создании нового объединения, которое вместе со своим лидером начало быстро продвигаться к самой вершине иерархии повстанческих организаций.

Переломный момент октября

Решающим в вопросе поддержки 3-го Штаба аргументом стала авторитетная редакционная статья, опубликованная в номере «Красного знамени» от 3 октября. В ней четко обозначались основные цели «культурной революции» и выносился вердикт по событиям предшествовавших четырех месяцев. Ошибки рабочих групп были названы проявлением «буржуазной реакционной линии» и манипуляций высокопоставленных чиновников, которые выступали против Мао и пытались препятствовать «культурной революции». «Борьба между двумя [разнонаправленными] политическими линиями ни в коей мере не завершена», — заключали авторы, намекая, что в государственной иерархии есть еще более влиятельные чиновники, которые стоят за политическим заговором [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 135].

Чтобы удостовериться, что все чиновники Китая понимают новую линию властей верно, в середине октября Мао организовал Рабочую конференцию ЦК КПК. Одним из главных событий мероприятия стал озвученный Чэнь Бода доклад, обобщающий текущее положение дел в студенческом движении (Мао многократно вносил в этот текст коррективы). Чэнь говорил о «борьбе двух политических линий» в ходе «культурной революции». Он обвинил чиновников и отдельных *хунвейбинов* в попытках воспрепятствовать кампании и изменить ее курс. Отвергая критику актов насилия, которые учиняли *хунвейбины*, Чэнь отклонил заявления, что студенты вели себя «безрассудно» и что они были «оппортунистами, помноженными на карьеристов, бандитов и грубых дикарей». Чэнь также набросился на тех *хунвейбинов*, которые пытались встать на защиту рабочих групп. Предположительно, за «мракобесием» таких молодых людей скрывалась спесь потомственных революционеров [Walder 2009: 164–166]. Вина за реакционную линию была переложена на Лю Шаоци и Дэн Сяопина, которые были еще сильнее понижены в партийной иерархии [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 136–140].

Студенческому движению теперь рекомендовалось критиковать чиновников, следовавших реакционной буржуазной ли-

нии, — любых людей, которые пытались перенаправить, сдержать или подавить любые формы студенческой активности. Из речи Чэнь Бода было вполне понятно, что он подразумевал любые попытки ограничить действия *хунвейбинов* под предлогом исключения актов насилия. В равной мере ясно ощущалось, что те *хунвейбины*, которые взаимодействовали с рабочими группами и продолжали защищать их, а также *хунвейбины*, которые пытались предупредить драки и убийства, обвинялись в причастности к реакционной линии или, по крайней мере, объявлялись консерваторами или даже реакционерами. Одно выступление превратило авангард августовских студенческих акций в посрамленных отщепенцев.

Фракции большинства, которые до того момента пытались отстаивать свои позиции, оказались дискредитированными и утратили влияние в своих учебных заведениях. Их попытки сформировать межвузовские союзы провалились. Несмотря на то, что термин «*хунвейбины*» («красногвардейцы» или «Красная гвардия») не исчез из употребления в Китае полностью, он стал, по всей видимости, все больше ассоциироваться с реакционной буржуазной линией. На смену ему пришло понятие «*цзаофани*» («бунтари») ¹⁹, ставшее распространенным обозначением студенческих организаций. Тем самым был обозначен четкий разрыв с теми *хунвейбинами*, которые разошлись во мнениях с ГДКР. Мао и ядро КПК огласили свой вердикт — ранние *хунвейбины* были признаны коллаборационистами, приверженцами реакционной буржуазной линии, которым следовало принять новую линию партии в повстанческом движении. Пекин немедленно отреагировал на изменения в розе ветров: по городу прошла массивная волна нападений на правительственные структуры. Фракции меньшинства вторгались в ведомства в поисках руководителей рабочих групп и материалов дел в отношении студен-

¹⁹ По аналогии с «*хунвейбинами*», устоявшееся на русском обозначение «*цзаофани*», делающее упор на участниках движения, частично скрывает оригинальное обозначение, в котором акцентируется организационная составляющая: «*цзаофаньпай*», или буквально «группировка учиняющих протест».

тов. Координационные пункты фракций меньшинства в других городах Китая распространили новые исходные данные среди местных организаций *хунвейбинов*, призывая к совершению налетов на провинциальных и муниципальных чиновников.

Разлад произошел и среди школьных «Забастовочных пикетов». Теперь, когда их позиция была однозначно отвергнута Мао, Чжоу Эньлай отстранился от пикетчиков, лишив их поддержки со стороны Канцелярии Госсовета КНР. С учетом очевидного безразличия и кажущегося молчаливого одобрения избиений и убийств жертв движения со стороны Мао и других лидеров, отдельные представители пикетчиков сформировали собственные малые группы, которые продолжили работать самостоятельно. «Забастовочные пикеты» прекратили существование как скоординированная общегородская организация, однако группы на уровне вузов сохранили свое единство и самосознание на протяжении многих недель. Отдельные пикетчики, среди которых были заметные деятели раннего движения *хунвейбинов*, решились попытаться воспротивиться смене курса, учинив смелую и заведомо провальную конфронтацию с ГДКР.

Придя на помощь стоящим на грани забвения фракциям меньшинства и сформировав новый студенческий альянс, ГДКР де-факто сформировала повстанческое движение, которое в значительной мере зависело от покровительства начальства и распоряжений сверху. Связи между ГДКР и повстанцами стали более явными и формальными. Лидерам нового альянса были выделены средства и ресурсы, необходимые для продолжения проведения акций движения. Руководители движения были более четко интегрированы во все расширяющиеся подразделения ГДКР. Члены ГДКР посещали кампусы и выступали на митингах студентов, давая рекомендации руководителям и активистам. Координаторы ГДКР передавали находившимся в фаворе лидерам студенческого движения инструкции и прямые приказы, иногда подкрепляя их, если это было необходимо, угрозами. В следующие месяцы вожаки повстанческого движения действовали, исходя из тех указаний, которые они получали сверху [Walder 2009: 167–171].

Подавление сопротивления хунвейбинов

Бывшие лидеры посрамленных фракций большинства и учащиеся средних школ высшей ступени, которые попытались сдержать эксцессы движения *хунвейбинов*, были объявлены теперь легковверными простаками, поддержавшими реакционную буржуазную линию. Некоторые из «простаков» начали сопротивляться таким выводам и организовали кампанию с использованием стенгазет, листовок и, в отдельных случаях, новых межвузовских союзов, подражая прошлой кампании фракций меньшинства против рабочих групп и обернув кампанию борьбы с реакционной буржуазной линией в акцию против самой ГДКР, которая обвинялась в манипулировании студенческим движением, подавлении при расхождении во мнениях неугодных точек зрения и гонениях против осмелившихся выразить несогласие. Новая кампания охватила несколько вузов, в которых проходили дебаты на повышенных тонах, развешивались стенгазеты с нападками на ГДКР, и звучали все более смелые вызовы в адрес ГДКР. Последователи новообразованной повстанческой фракции были разгневаны дерзостью диссидентов, которые усомнились в незыблемости авторитета ГДКР. Кампания по борьбе с диссидентами началась в середине ноября и обострялась с каждым днем, превратившись в конечном счете в гонения на инакомыслие. Тем самым движению *хунвейбинов* как независимой политической силе был положен конец.

Одним из центров кампании стал Институт авиации и воздухоплавания в Пекине, «красногвардейская» фракция большинства которого жаловалась ГДКР, что структура игнорировала их и отвергла их как «ревизионистов»²⁰. Студенты полагали, что к ним относились, как будто бы они были фракцией меньшинства при рабочих группах, а также говорили и писали, что ГДКР пренебрегает мнением народных масс, склонна к бюрократической волокиты и манипуляциям, приведшим к подавлению массового активиз-

²⁰ Следующие абзацы резюмируют более подробный рассказ, представленный в [Ibid.: 174–184].

ма, что может быть свидетельством проведения «реакционной буржуазной линии». В одной из стенгазет студенты указывали:

По всей видимости, те, кто постоянно заявляет о своем желании критиковать реакционную буржуазную линию, так и не поняли, в чем, собственно, заключалась ее реакционность. Такие люди, как Гуань Фэн и Ци Бэньюй, будучи преисполненными духа бюрократизма, просто не могут быть представителями председателя Мао.

По мере нарастания кампании студенты-диссиденты начали ставить под вопрос в принципе всю деятельность ГДКР, указывая на то, что мероприятия, организуемые структурой, подозрительно напоминают действия подпольной партийной фракции, нацелившейся сеять беспорядки и смуту внутри страны и партии. Самая провокационная декабрьская стенгазета студентов института фактически обвиняла членов ГДКР в самопозиционировании в качестве «левых» с целью организации государственного переворота.

Руководители фракций большинства в других вузах поддерживали эти обвинения в адрес ГДКР. Бывший руководитель движения *хунвейбинов* Пекинского института лесного хозяйства вывесил стенгазету под лозунгом «Отбросьте ГДКР и устройте собственную революцию», обратив этот слоган против фракций меньшинства, которые схожим образом противостояли рабочим группам. Студент отмечал, что ГДКР не имеет формального статуса согласно Уставу КПК или Конституции КНР, соответственно, никто и никогда не исключал возможность обратиться против ГДКР критику. По его словам,

члены ГДКР просто занимают свои высокие посты, изображая из себя чиновников и правителей... [Они] носятся повсюду, будто бы их назначили посланниками самого императора, и позволяют себе всевозможное словоблудие и вводящие в замешательство заявления. Речи лидеров ценятся не меньше, чем сама жизнь или драгоценные сокровища... Китаем может руководить лишь председатель Мао. Все остальное можно подвергать сомнению. Ставьте под вопрос все и сразу.

Схожие настроения проявлялись в стенгазетах и на дебатах в школах. Что еще более существенно, некоторые из первых *хунвейбинов* Средней школы высшей ступени при Пекинском университете и Средней школы высшей ступени при Университете Цинхуа попытались сформировать организацию по координации противостояния, которую они назвали «Объединенные действия» (*ляньдун*). Среди основателей организации были как раз те учащиеся, которые в августе выступили против *хунвейбинов* с «Неотложным призывом» и многие из которых стояли бок о бок с Мао на трибунах во время первого митинга *хунвейбинов* 18 августа. Теперь эти молодые люди открыто заявляли о своем неприятии позиции ГДКР. 27 ноября учащиеся провели первую совместную встречу в пекинском районе Хайдянь, чтобы сформировать межшкольный альянс единомышленников. Соответствующая учредительная декларация союза была опубликована 5 декабря [Ibid.: 184–186].

Данная кампания получила особый резонанс в Пекинском университете, где студенческим движением по-прежнему управляла Не Юаньцзы. С «благословения» Мао, похвалившего ее «революционную стенгазету», она считала себя политически неуязвимой. Во многих смыслах так оно и было. Однако кампания против реакционной буржуазной линии принесла с собой неожиданные осложнения для Не и ее сторонников, которые активно взаимодействовали с направленной в вуз рабочей группой и никогда не противостояли ее членам, как это было с фракциями меньшинства в других кампусах. По мере нарастания движения в августе и сентябре Не предприняла попытку взять под свой полный контроль *хунвейбинов* Пекинского университета. Она отдавала единоличные приказы, будто бы ее авторитет был непоколебим. Такой подход нашел отпор со стороны *хунвейбинов*, которые стремились к автономии. Продемонстрировав склонность к автократии, Не обвинила студентов в политических преступлениях, поскольку, с ее слов, противостояние ей следовало приравнивать к противостоянию ГДКР. В результате она настроила против себя значительную часть *хунвейбинов* Пекинского университета, превратив в оппозицию своих первоначальных сторонников, в числе которых была бóльшая часть редколлегии знаменитой

стенгазеты. Радикально настроенные повстанцы Пекинского университета вторили нападкам на ГДКР, используя это в качестве оружия в борьбе против Хе [Walder 2006: 1032–1034; 2009: 106–107].

Попытка манипулирования студенческим движением вызвала бурю возмущения. Стремление трансформировать бунт учащихся в послушный инструмент ведущих маоистов публично осуждалось. В адрес доверенных лиц Мао звучали открытые насмешки. Допустить, чтобы цели восстания обернулись против ГДКР, было невозможно. К середине декабря ГДКР ринулась в контрнаступление, которое началось с публикации 13 декабря в «Красном знамени» передовой статьи. Ее авторы заявляли, что развернутая диссидентами кампания — это «атака на подлинных левых, развязанная небольшой группкой каппутистов»²¹. Статья призывала к введению в отношении классовых врагов диктатуры пролетариата.

Есть особая ирония в том, что новая повстанческая фракция, возникшая как протестное движение против диктатуры рабочих групп, трансформировалась с течением времени в собрание ярых сторонников «диктатуры пролетариата». 14 декабря ГДКР провела встречу с повстанческими лидерами, которые забросали членов группы вопросами по поводу разрешения конфликтной ситуации с диссидентами. Как заявил Кан Шэн, «мы должны решительно подавлять контрреволюционеров. Это наивысшая форма демократии... Мы должны претворять диктатуру в отношении контрреволюционных элементов... Свобода слова распространяется только на революционеров».

Еще более драматичным проявлением гонений под эгидой ГДКР было массовое собрание активистов школ 16 сентября. Тон новой кампании задавала Цзян Цин в своей речи, направленной против школьных «Забастовочных пикетов»:

Так называемые «пикеты» — небольшая кучка детей, которые отстаивают реакционную буржуазную линию... Безо всяких на то оснований они держатся с высокомерием аристократов, думают, что в их жилах течет благородная кровь, и относятся к другим с пренебрежением!

²¹ Последующие абзацы основаны на данных из [Walder 2009: 186–200].

Затем Цзян неожиданно выступила с обвинением, публично осудив работавших при Чжоу Эньлае официальных лиц, которые организовывали и снабжали «Забастовочные пикеты». Цзян Цин заявила, что именно «Забастовочные пикеты» повинны в жестокости и насилии, сопровождавших движение *хунвейбинов*: «Мы должны осуществлять диктатуру в отношении этой группки преступников, которая убивает и избивает людей, саботируя революцию». В таком искаженном прочтении совсем недавних событий «Забастовочные пикеты» представляли жестокой шайкой убийц-реакционеров, которые получали скрытую помощь от официальных лиц, пытавшихся через претворение в жизнь реакционной буржуазной линии остановить ход «культурной революции» Мао Цзэдуна. Со слов Цзян Цин, студенты действовали таким образом в силу своего «аристократического» происхождения — статуса их родителей-революционеров. Акты насилия выдавались за отчаянную попытку отстоять свои привилегии.

Теперь повстанцы поняли, чего от них ожидают. Началась волна репрессий. Повстанцы хватали *хунвейбинов*-диссидентов прямо на территории вузов и передавали их в руки правоохранительных органов. В январе 1967 г. министр общественной безопасности КНР Се Фучжи заявил, что Китай перешел к новой стадии «культурной революции», на которой в рамках действия новых, более жестких требований безопасности контрреволюционеры подвергаются аресту. Сотрудники органов общественной безопасности прочесывали город в поисках студентов-диссидентов, заключали арестантов в наручники и провозили их по городским улицам на грузовиках, будто бы учащиеся были уже осужденными преступниками. Такие «кортежи» превращались в массовые марши студентов-повстанцев, выкрикивавших лозунги по мере продвижения к центру города.

ГДКР посчитала необходимым представить публике тщательное продуманное обоснование своих действий. Инициированная структурой кампания порицания полностью игнорировала критику со стороны диссидентов и была в первую очередь сфокусирована на предположительно насильственной и реакционной природе забастовочных пикетов и группы «Объединенных дей-

ствий». В обоих случаях сторонников движений называли неофашистами, которые стремились реставрировать капитализм, и участниками сговора, которым руководили чиновники из Госсовета КНР. Соответственно, здесь же обозначалась косвенная связь повстанцев с Лю Шаоци и Дэн Сяопином. Чжоу Эньлай, который в действительности реализовывал соответствующие мероприятия и, вообще-то, должен был быть обвиненным в первую очередь, вышел сухим из воды.

Резкость кампании, наиболее вероятно, была связана с двумя неудобными реальностями: во-первых, многие из лидеров забастовочных пикетов и групп «Объединенных действий» всенародно восхвалялись до этого как лучшие из лучших *хунвейбинов*; во-вторых, именно они были единственными учащимися, публично выступившими против актов насилия со стороны *хунвейбинов*. Этого Мао и ГДКР принять никак не могли. Кампания отвлекла внимание от ответственности ГДКР за царивший беспредел и дала структуре возможность изобразить из себя сторонников ненасилия. Тон кампании порицания, охватившей весь Китай, явственно ощущается в официальных листовках:

Неудивительно, что элементы из «Объединенных действий» неистово претворяют в жизнь реакционную буржуазную линию. «Объединенные действия» в своем поведении уподобляется бешеным шавкам. Они противостоят любому революционеру. Они поддерживают любого реакционера. Превыше всего они желают, чтобы хаос охватил весь Китай. Вопреки мощным аплодисментам из Москвы и Вашингтона и тайным переговорам с тамошними шутами, «Объединенные действия» находят у широких народных масс лишь презрение.

Преследование *хунвейбинов*-диссидентов обозначило момент гибели студенческого движения как независимой политической силы. Показательной в данном смысле является оставшаяся тогда без внимания судьба одного из основателей «3-го Штаба» студента Института геологии «Алеет Восток» Чжу Чэнчжао. Он начал выражать сомнения по поводу направленности движения в се-

редине декабря, заявляя, что повстанцы уже достигли своих основных целей: реабилитация студентов, подвергнувшихся гонениям со стороны рабочих групп, уничтожение «черных меток» в личных делах, получение контроля над вузами и очевидная поддержка со стороны ГДКР. На встречах с коллегами он жаловался, что «культурная революция» потеряла статус массового движения. Чжу настаивал, что ГДКР не мобилизует граждан на общие действия, а натравливает их друг на друга. По его словам, «культурная революция» была «не массовым движением, а манипуляцией народными массами». Он также указывал на чрезмерно жестокое преследование *хунвейбинов*-подростков и таких групп, как «Объединенные действия». Подобные рассуждения встревожили его соратников, один из которых совершил донос на Чжу в ГДКР. Молодого человека вывели из руководства и задержали. Несколькими месяцами позже ГДКР раскрыла «преступления контрреволюционной клики Чжу Чэнчжао» и провела в институте собрание борьбы и критики. Чжу называли «контрреволюционным правым уклонистом» и «предателем Института “Алеет Восток”». Его обвиняли в том, что возглавляемая им «контрреволюционная клика»

агрессивно атаковала председателя Мао, нашего великого лидера, допускала нападки против пролетарских властей во главе с председателем Мао, участвовала в подготовке контрреволюционного переворота, предала страну, переметнулась на сторону врага и совершила непростительные преступления.

Чжу Чэнчжао провел в трудовых лагерях свыше десяти лет [Ibid.: 201–202].

Полный коллапс повстанческого единства

Движение *хунвейбинов* было головной болью своих покровителей. Во-первых, между повстанцами произошел эмоциональный раскол по вопросу о роли классового происхождения, и ГДКР окончательно запуталась в толкованиях туманных и взаимно

противоречивых утверждений КПК по поводу классовой борьбы. Во-вторых, первые знаменитости движения *хунвейбинов* один за другим клеймили своих легких на расправу соратников как «фашистов». В-третьих, в университетах боролись друг с другом фракции большинства и меньшинства, что завело все движение в тупик и лишь способствовало дальнейшим междоусобицам в рядах радикально настроенных студентов. В-четвертых, «Забастовочные пикеты», которым удалось обойти запреты Мао по поводу невмешательства в действия студентов, установили негласный союз с фракциями большинства. В-пятых, на горизонте уже замаячили перспектива перенаправления всего студенческого движения на организацию и продвижение нового альянса повстанцев и очередной кастинг студенческих лидеров. Наконец, в-шестых, *хунвейбины-диссиденты* оказались поразительно агрессивны в своем открытом противостоянии ГДКР, что вынудило власти отказаться от запрета на подавление студентов-радикалов и натравить органы общественной безопасности на инакомыслящих.

На фоне всего этого Мао по вполне понятным причинам постепенно терял уверенность в том, что радикальное студенческое движение может быть эффективным инструментом для выполнения поставленных перед ними задач. У учащихся была одна последняя возможность доказать, что на них можно было положиться. После гонений на пекинских студентов-диссидентов казалось, что теперь-то окрепшее и дисциплинированное повстанческое движение наконец-то сможет принять на себя решения вопросов, для которых оно, собственно, было создано: перехвата власти у муниципальных партийных и правительственных структур Пекина. Попытка *хунвейбинов* выполнить свое предназначение обернулась фиаско²².

В середине января 1967 г. лидеры ГДКР отдали повстанцам распоряжение выступить против городских властей китайской столицы. Не Юаньцзы и Куай Дафу объявили о планах основать Пекинскую коммуну, в которой бразды правления должно было

²² Этот раздел основан на [Ibid.: 203–217].

принять на себя представительное собрание в составе лояльных маоистов и повстанческих лидеров. Эта затея с самого начала была обречена на провал. До этого так называемые *цзаофани* объединились в общей борьбе против фракций большинства, а затем — против диссидентов. Теперь же все они были конкурентами в борьбе за захват партийных и правительственных структур. Усилия скоординировать их действия не увенчались успехом. Возникла всеобщая неразбериха. «Группы захвата власти» от различных университетов прибывали в одно и то же время к дверям одних и тех же ведомств и начинали спорить, кому в захвате принадлежит пальма первенства. Бывали и случаи, когда повстанцы из одного университета захватывали какой-либо орган власти, который через несколько дней повстанцы из другого университета объявляли захваченным уже ими. Хаос только усиливался тем фактом, что при большинстве правительственных и партийных структур действовали собственные повстанческие группы в составе штатных сотрудников этих структур, которые неизменно распадались на различные фракции. Когда студенты наконец-то прибывали на место действия, им приходилось разбираться в требованиях и встречных требованиях противоборствующих лагерей чиновников и партийных деятелей. Естественно, учащиеся из разных вузов и фракций могли приходиться к взаимоисключающим выводам по поводу того, кто прав, а кто виноват.

Повстанческим лидерам удалось продемонстрировать полное отсутствие толерантности по отношению к своим оппонентам. В их глазах компромиссы и умеренность стоило приравнивать к ревизионизму. Такое положение дел подорвало возможности объединения для захвата власти. К концу января студенты-повстанцы из различных вузов боролись друг с другом за контроль над министерствами, ведомствами и редакциями газет. Внутри руководства совсем недавно одержавшей победу повстанческой коалиции возникли новые разногласия. Повстанцы из Института геологии и Пекинского педагогического университета склонялись к формированию союза и все больше выступали публично против Не Юаньцзы в Пекинском университете, Куай Дафу

в Университете Цинхуа и студентов из Института авиации и воздухоплавания. Не помогало и то, что учащиеся из Института геологии и Пекинского педагогического университета поддерживали крупные повстанческие фракции, противостоявшие Не Юаньцзы и Куай Дафу в их собственных кампусах.

В начале февраля руководство КНР свернуло все планы. ГДКР сообщила дезорганизованным пекинским повстанцам, что захват власти отменяется. Никакого массированного передела власти в столице теперь не должно было быть. Вместо этого руководство намеревалось учредить административным приказом новый революционный комитет, в котором существенную роль играли бы министерство общественной безопасности КНР и командование гарнизона города Пекин [Ibid.: 204–207]. Студенты-повстанцы упустили свой шанс, лишившись возможности стать во главе все крепнущего движения за передел власти в Китае.

1. Мао Цзэдун в Яньане, 1937–1938 гг., когда в рамках сталинизации КПК был создан «маоизм» (UIG via Getty Images)

2. Один из первых парадов, демонстрирующих силу культа Мао. Парад по случаю Дня образования КНР, Пекин, 1949 г. (Associated Press)

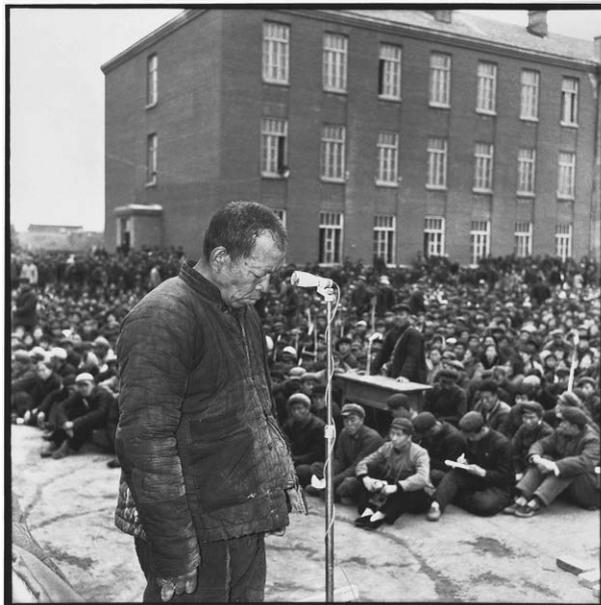
3. Земельная реформа, 1952 г. Фермер, осужденный как «землевладелец-деспот» за владение чуть более чем 25 сотками земли. Уезд Фоган, провинция Гуандун (© Bettmann/CORBIS)

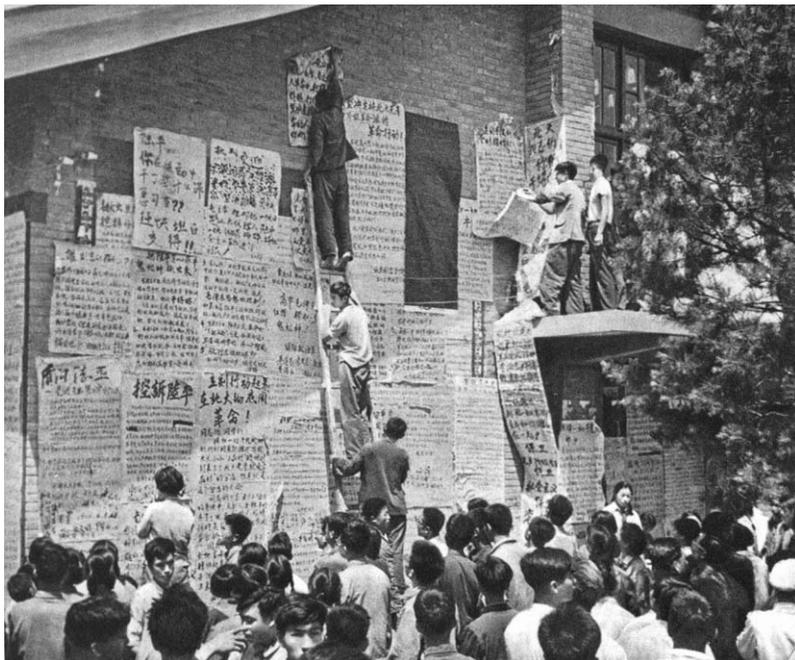
4. Земельная реформа, 1952 г. Казнь «землевладельца-деспота» сразу же после судилища. Уезд Фоган, провинция Гуандун (© Bettmann/CORBIS)

5. Мао Цзэдун и Никита Хрущев, Пекин, 1958 г. Скоро лидеры столкнутся с разногласиями по поводу направления развития мирового коммунистического движения. Этот раскол станет одной из причин «культурной революции» (AFP/Getty Images)

6. Движение за социалистическое воспитание, 12 мая 1965 г. «Состоятельный крестьянин» подвергается порицанию. Уезд Ачэн, провинция Хэйлунцзян. Этот человек был приговорен к двум годам каторжного труда (© Li Zhensheng/Contact Press Images, Red-Color News Soldier, Phaidon, 2003)

7. Стенгазеты в Пекинском университете. Лето 1966 г., начало «культурной революции» (China Pictorial, November 1967)

8. Председатель Мао встречается с хунвейбинами на трибуне. Площадь Тяньаньмэнь, 18 августа 1966 г. (ChinaFotoPress via Getty Images)

9. Председатель Мао проводит смотр *хунвейбинов* на площади Тяньаньмэнь. 31 августа 1966 г. Справа — Линь Бяо (Mondadori via Getty Images)

10. Чжоу Энлай (слева) и другие официальные лица, отвечавшие за ход «культурной революции». Июль 1967 г. Справа от Чжоу — Цзян Цин, Чэнь Бода, Кан Шэн и Чжан Чуньцяо (Gamma-Keystone via Getty Images)

11. Первый партийный секретарь Харбина с измазанным чернилами лицом порицается на собрании критики и борьбы. 26 августа 1966 г. (© Li Zhensheng/Contact Press Images, Red-Color News Soldier, Phaidon, 2003)

12. Жена губернатора провинции Хэйлунцзян на собрании критики и борьбы. 29 августа 1966 г., Харбин (© Li Zhensheng / Contact Press Images, from Red-Color News Soldier, Phaidon, 2003)

13. Кампания по зачистке классовых рядов. Окрестности Харбина, 5 апреля 1968 г. Двух человек, приговоренных к казни как членов «контрреволюционной клики», готовят к расстрелу (© Li Zhensheng/Contact Press Images, Red-Color News Soldier, Phaidon, 2003)

14. Кампания по зачистке классовых рядов. Окрестности Харбина, 5 апреля 1968 г. Расстрел группы людей, осужденных за политические преступления (© Li Zhensheng / Contact Press Images, Red-Color News Soldier, Phaidon, 2003)

15. Горящие здания в городе Наньнин, Гуанси-Чжуанский АР. Военная кампания по перехвату контроля над городом у вооруженных боевиков из фракции 22 апреля. 18 июля 1968 г. (New Century Press, Hong Kong)

16. Массовая капитуляция участников фракции 22 апреля. Город Наньнин, 5 августа 1968 г. (New Century Press, Hong Kong)

17. Массовые казни членов фракции 22 апреля на улицах города Наньнин после капитуляции. Начало августа 1968 г. (New Century Press, Hong Kong)

18. Площадь Тяньаньмэнь, 4 апреля 1976 г. Вопреки официальным запретам, граждане собрались у венков, возложенных в память о Чжоу Эньлае к Памятнику народных героев на площади Тяньаньмэнь (ChinaFotoPress via Getty Images)

19. Площадь Тяньаньмэнь, 4 апреля 1976 г. Участники протестов, которые станут известны как «Инцидент на площади Тяньаньмэнь», зачитывают речи и стихотворения, критикующие радикальных маоистов (ChinaFotoPress via Getty Images)

Глава 11

Коллапс и разлад

Хаос, вызванный движением *хунвейбинов*, подорвал уверенность Мао в студенчестве. Не Юаньцзы и Группа по делам «культурной революции» при ЦК КПК (ГДКР) были вынуждены постоянно вмешиваться, чтобы сохранить единство в рядах студентов и их следование общему курсу. Однако разрешение одной сложной задачи всякий раз сопровождалось появлением новых проблем. В конечном счете студенты университетов представляли собой крайне узкий элитарный слой населения Китая: на страну с населением в 740 миллионов человек приходилось менее 675 тысяч учащихся вузов. Это была слишком малочисленная и разобщенная группа, чтобы оказывать желанную степень воздействия на национальную партийную иерархию. Именно эти соображения способствовали переходу Мао и ГДКР к мобилизации промышленных рабочих.

Вплоть до ноября 1966 г. на официальном уровне создание повстанческих групп рабочими в городах не приветствовалось. Еще 10 ноября газета «*Жэньминь жибао*» призывала людей оставаться на местах работы и не покидать фабрики для «обмена революционным опытом». На многочисленных встречах с «представителями народных масс» Чжоу Эньлай предпринимал отчаянные попытки ограничить воздействие «культурной революции» на экономику подобно тому, как он силился сдержать волну насилия со стороны студентов. Однако члены ГДКР на своих собственных, еще более многочисленных встречах с *хунвейбинами* и рабочими-активистами относились к этой ситуации с гораздо

большей беспечностью, постоянно заявляя, что революционное сознание положительно скажется на производстве [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 141].

Рабочие-повстанцы

В начале ноября ГДКР уже тайно работала над подготовкой восстания рабочих. 6 ноября представители пекинских студентов-повстанцев в Шанхае встретились с проявлявшими политическую активность работниками с 17 местных госфабрик. Вдохновленные словами студентов, говоривших от лица ГДКР, рабочие создали «Революционный повстанческий штаб рабочих Шанхая», который возглавил 32-летний охранник и член КПК Ван Хунвэнь. Ван был одним из авторов первой стенгазеты, которая была опубликована на Шанхайском хлопчатобумажном комбинате № 17 еще в середине июня, он также конфликтовал в прошлом с рабочей группой, направленной на его предприятие [Perry, Li 1997: 31–33, 45–47]¹.

«Штаб рабочих» потребовал признания факта своего учреждения от партийного комитета города Шанхая, который, по вполне понятным причинам, отказался санкционировать создание структуры, очень походившей на независимый профсоюз. Более двух тысяч членов «Штаба рабочих» захватили направлявшийся в Пекин поезд, чтобы обратить на себя внимание и заручиться поддержкой центральных властей. Чжоу Эньлай приказал остановить поезд в пригородах Шанхая. Тогда рабочие забаррикадировали железнодорожные пути, связывавшие Шанхай с Нанкином и Северным Китаем, вызвав коллапс на железной дороге. От ГДКР в город был направлен Чжан Чуньцяо, который являлся высокопоставленным шанхайским чиновником. В обмен на обещание снять блокаду и вернуться в Шанхай Чжан принял все

¹ Не Юаньцзы из Пекинского университета также провела в Шанхае несколько недель, начиная с середины ноября. Во время своего пребывания в городе она призывала к противостоянию местному партийному руководству [Walder 2006: 1034; Wang 2001: 754–762].

требования рабочих. «Штаб» был признан официальной организацией, а вину за весь инцидент свалили на партийный комитет города Шанхая [Perry, Li 1997: 32–36].

Единоличное решение Чжан Чуньцяо стало сюрпризом для некоторых его коллег по ГДКР, которые поначалу выразили ему свое неодобрение. Однако Мао практически сразу оказал Чжану поддержку. До сих пор остается неясным, явились ли договоренности по Шанхаю началом фундаментального сдвига общенациональной политики. Чжоу Эньлай провел встречи с профильными министрами и представителями региональных партийных комитетов, чтобы выслушать их мнения о происходящем. Опрошенные были настроены резко против создания рабочими повстанческих организаций, указывая, что последующий за этим хаос приведет к полной остановке производства. 22 ноября Чжоу озвучил свой взгляд на ситуацию Мао, который отверг все сомнения. 9 декабря пекинские власти, наконец, опубликовали документ, закрепляющий за рабочими право на создание собственных «революционных организаций», исходя из предпосылки, что рабочие будут заниматься политической деятельностью только в свободное от работы время. Аналогичный документ распространял новую политику и на коллективные фермерские хозяйства [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 142–144].

Это было знаменательное решение, которое радикальным образом расширило масштабы и охват всекитайского восстания. По состоянию на 1966 г. на государственных и коллективных предприятиях КНР трудились 52 миллиона человек — в 75 раз больше, чем насчитывали студенты [State Statistical Bureau 1983: 123]. По сути, власти под руководством Мао санкционировали мобилизацию на участие в движении всех трудовых ресурсов промышленного сектора Китая. Последствия этой директивы проявились быстро и резко. В начале декабря 1966 г. бунт распространился на всю КНР. Студенческое движение оказалось на задворках мятежа.

Возможно, Мао и ГДКР верили, что восставшие рабочие окажутся более сговорчивыми и сплоченными, чем создавшее властям много проблем студенческое движение. Однако маоистов

ждало скорое разочарование. Со всей очевидностью незамедлительно проявились две основные проблемы. Во-первых, ничего не препятствовало рабочим прийти к выводу, что в их недовольстве оплатой труда и качеством жизни были повинны управленцы-«ревизионисты», которые приносили благополучие трудящихся в жертву производственным показателям. Унаследованная Китаем у СССР промышленная система предполагала, по сути, низкий уровень оплаты труда, потребительский аскетизм и дефицит жилья. У промышленных рабочих впервые с 1957 г. появилась возможность открыто поднять вопрос как о повышении зарплат, так и об улучшении качества жизни. Во-вторых, в отличие от университетов и средних школ высшей ступени, чьи партийные организации были разгромлены после столкновения с рабочими группами и опустели во время событий июня и июля, партийные организации при фабриках КНР оставались по большей части нетронутыми и активными. Ничто не могло помешать сетям партийных активистов организовать в собственные повстанческие группы рабочих, чтобы противостоять подрывной деятельности восставших. В равной мере ничего не мешало их конкурентам с этого же предприятия создавать собственные фракции повстанцев, которые выразили бы давно существующие внутри фабрик разногласия. Все эти условия обеспечили возможность скорейшего развертывания рабочего движения, не менее разобщенного, чем студенческое движение. А с учетом гораздо больших масштабов восстания рабочих проблемы, которые оно несло в себе, были гораздо более существенными.

Коллапс местных властей

После раскола сотрудников фабрик на фракции стало невозможно обеспечивать запрет на политические акции в рамках рабочего времени. Заводы будоражили внутренние конфликты. Фракции по договоренности с союзниками из других предприятий вели бои за стенами фабрик. Нападения возникающих повстанческих групп на официальных представителей фабрик и уличные акции, препятствующие работе транспорта и оказанию

коммунальных услуг, немедленно спровоцировали параллельную мобилизацию сил рабочими, которые состояли в партиях и профсоюзах [Walder 1996]. Руководство предприятий и муниципальные органы практически не препятствовали подобной контрмобилизации. Когда стало очевидно, что независимые рабочие организации действовали по указке Мао, местные органы быстро поняли, что им на руку массовая мобилизация лояльных режиму групп рабочих. Чиновники выработали механизмы молчаливого невмешательства, а в отдельных случаях и прямой поддержки рабочих — членов КПК и профсоюзов.

Основанные такими лояльными маоистами организации, имея давние контакты с партийными структурами и профсоюзами на предприятиях, а равно приличные ресурсы, росли как грибы после дождя и быстро стали существенной проблемой для повстанческого движения. Вскоре после официального учреждения в Шанхае «Штаба рабочих», которое состоялось в середине ноября, возник и альянс рабочих под названием «Алые гвардейцы²», который был способен мобилизовать на участие в уличных демонстрациях сотни тысяч рядовых рабочих [Perry, Li 1997: 71–85]³. Повстанческие организации расширялись медленно и проходили долгий период становления, в то время как лояльные властям структуры мгновенно собирали огромные толпы сторонников, используя уже существующие партийные и профсоюзные ресурсы.

Конфликты и разногласия на уровне фабричных рабочих зачастую служили отражением раздора среди партийного руководства. Хорошим примером здесь может быть машиностроительный завод реки Янцзы, который мы уже упоминали ранее по причине его решающего вклада в Движение за социалистическое вос-

² Тонкий исторический момент: название, которое скрывается за этим образным обозначением, — *чивэйбин* (где *чи* может обозначать и красный, и алый) — как раз исторически использовалось для обозначения всевозможных «Красных гвардий», в том числе в России (1917–1919 гг.). В Китае это обозначение, в частности, ранее использовалось для обозначения контролировавшихся КПК вооруженных сил во времена борьбы между КПК и Гоминьданом примерно с 1927 по 1937 г.

³ О схожем развитии событий в Ханчжоу и Ухане см. [Forster 1990: 20–29; Wang 1995: 90–94].

питание. Вспомним, что кампания 1964 г. привела к расколу в руководстве предприятия. Противоборствующие фракции поддержали, соответственно, 4-е министерство машиностроения и партийный комитет города Нанкин. Когда «культурная революция» распространилась на фабрики, фракция, на стороне которой выступили власти Нанкина, мобилизовала преданных им рабочих на восстание, целью которого было свержение руководителей, ранее заявивших о поддержке министерства. В свою очередь, та часть руководства, за которой стояло министерство, направила своих сторонников на противостояние этим атакам. По мере того как бунт рабочих в ноябре–декабре 1966 г. набирал силу, фракция диссидентов запрашивала и получала помощь у партийных властей Нанкина, обеспечивая в дальнейшем защиту чиновников в рамках общегородской повстанческой коалиции. В свою очередь, фракция, пользовавшаяся поддержкой министерства, присоединилась к повстанческому союзу, стремившемуся власти Нанкина сместить [Dong, Walder 2011a: 18–22]⁴.

Еще одним последствием подъема восстания стало стремительное нарастание экономических требований рабочих, которые заявляли о необходимости перенаправить инвестиции в производства на повышение зарплатных плат и качества жизни трудящихся, что шло вразрез с сущностью проводимой в Китае индустриализации по советской модели. На фоне конфликта между «Штабом рабочих» и «Алыми гвардейцами» в Шанхае возникали сотни новых организаций, добивавшихся удовлетворения требований по улучшению качества жизни. Среди основных требований стоит отметить повышение зарплатных плат и субсидий на социальное обеспечение, предоставление трудящимся постоянной регистрации в городах, обеспечение людей новыми квартирами, а также новыми видами и направлениями трудовой занятости. Временные рабочие и рабочие по договору учреждали повстанческие группы для получения постоянной работы в гос-

⁴ Разногласия в среде партийных чиновников при фабриках определяли также и расколы между фракциями рабочих в Шанхае, которые лишь обострились во время Движения за социалистическое воспитание [Perry, Li 1997: 30–31, 45–47, 132–136].

секторе. Штатные рабочие, зарплаты которых не менялись многие годы, требовали незамедлительного увеличения оплаты труда. Рабочие, которые были перемещены в сельскую местность после последовавшей за «большим скачком» рецессии, стремились вернуться в города на свои прежние рабочие места. Подмастерья, получавшие крайне скромное жалование, требовали повышения по службе и в оплате труда. Рабочие на небольших или частных коллективных и кооперативных предприятиях требовали таких же медицинских и социально-бытовых льгот, которыми пользовались лишь работники госсектора.

В ожидании выполнения всех указанных требований рабочие удерживали руководство фабрик и правительственных органов в качестве заложников. Зачастую официальных лиц вынуждали одобрять единовременные выплаты «командировочных». В течение декабря требования рабочих лишь нарастали по мере того, как обсуждение конкретных причин недовольства перекинулось с малых изолированных групп на крупные подразделения повстанческих организаций, аффилированных со «Штабом рабочих» и «Алыми гвардейцами» [Perry, Li 1997: 97–111; Walder 1978: 39–46]⁵. Эскалация требований, которые отражали недовольство плановой экономикой КНР, была абсолютно неожиданна и нежелательна для Мао и ГДКР. Впрочем, эти требования служили дополнительным доказательством правоты официальных лиц промышленных отраслей, которые выступали резко против возникновения независимых организаций рабочих.

Не менее сокрушительным оказался ускоренный рост повстанческих групп, в которые входили «белые воротнички» из правительственных и партийных органов. После того, как был развязан мятеж промышленных рабочих, ничто не могло помешать гражданским служащим и чиновникам последовать их примеру. Офисные сотрудники формировали собственные повстанческие организации даже на уровне штаб-квартир КПК и правительства, озвучивали обвинения в адрес высшего руководства своих рабо-

⁵ [Forster 1990: 27–28; Wang 1995: 112–113] ссылаются на схожие тренды в Ханчжоу и Ухане.

чих ячеек, саботировали нормальную работу, воевали с оппонирующими им повстанческими группами за офисные помещения и вступали в союзы со сторонними повстанческими группами. На фоне усиления бунта официальные партийные лица больше не могли быть уверены в том, что их собственный штат будет подчиняться их авторитету [Dong, Walder 2011b: 428–430; Perry, Li 1997: 17–18, 86; Walder 2009: 203–207].

К концу 1966 г. крупные города Китая быстро становились неуправляемыми. Рабочие, покинув свои рабочие места, участвовали в протестах против местных партийных органов и зачастую оказывались замешаны в столкновениях с другими рабочими, которые оставались на стороне партийного аппарата. Железные дороги и паромы прекратили нормальную работу. Корабли не могли ни выгрузиться, ни загрузиться в портах. Фабрики были закрыты. С конца августа армии и силам безопасности было запрещено вмешиваться в действия повстанцев. Это ограничение продолжало действовать, несмотря на подавление ГДКР выступлений *хунвейбинов*-диссидентов в Пекине, лишая возможности местные партийные органы обратиться за внешней помощью. Утратив контроль над ситуацией на улицах и имея все меньше механизмов контроля даже над собственным штатом, официальные партийные лица докладывали в Пекин, что их ведомства «парализованы». Многие руководители на местах к тому моменту фактически оказались в руках повстанцев и большую часть своего времени перебрасывались туда-сюда между многочисленными массовыми митингами и «собраниями критики и борьбы» [Dong, Walder 2010: 679–680; Forster 1990: 24–32; Walder 1978: 35–36]. Нужно было действовать, чтобы список достижений «культурной революции» не ограничился лишь общим коллапсом экономики и беспорядками в Китае.

Январская революция в Шанхае

Особо остро описанные проблемы проявились в Шанхае. На протяжении декабря столкновения между «Штабом рабочих» и «Алыми гвардейцами» нарастали. Город сковал паралич. Си-

туация достигла своего апогея, когда «Алые гвардейцы», наконец-то осознав тщетность своих усилий по защите местных партийных властей, отказали последним в поддержке и ринулись в атаку сами. 23 декабря «Алые гвардейцы» мобилизовали около 300 тысяч рабочих на митинг в центре города для «критики реакционной линии партийного комитета города Шанхая». Они потребовали официального признания их организации мэром Шанхая, который сразу же выполнил данное требование. Однако уже на следующий день под напором «Штаба рабочих» градоначальнику пришлось отозвать свое решение. После того как по радио сообщили об изменении намерений мэра, 20–30 тысяч «Алых гвардейцев» окружили здания партийного комитета города Шанхая, требуя встречи с градоначальником.

На следующий день, 29 декабря, «Штаб рабочих» мобилизовал почти 100 тысяч человек для взятия протестующих в осаду. Развязалась ожесточенная битва, в которой сильно пострадали оказавшиеся в меньшинстве силы «Алых гвардейцев». 31 декабря около 20 тысяч «Алых гвардейцев» устроили марш вдоль железной дороги на Пекин в знак протеста против подобного обращения. Их атаковали на окраине Шанхая подразделения «Штаба рабочих». Столкновения вновь привели к остановке движения поездов в Шанхае. Фабрики, транспортные узлы и верфи стояли без дела, пока представители фракций либо, побросав рабочие места, сражались на улицах, либо бились прямо на предприятиях. Рабочие-повстанцы требовали наличных денег у осажденных управленцев фабрик, которым не оставалось ничего, кроме как подчиниться. Банковские счета госпредприятий оказались опустошены, а бенефициары денежных вливаний устремились в розничные точки, стремительно скупая и без того дефицитные потребительские товары. Наметилась нехватка продовольственных товаров. Рядовые граждане бросились снимать со своих банковских счетов сбережения. Коллапс публичного транспорта охватил весь город [Perry, Li 1997: 86–88, 114–116; Walder 1978: 46–50].

Ответом на создающуюся ситуацию стала уловка с «захватом власти», которая должна была восстановить порядок, позволить промышленным предприятиям продолжить работу и сменить

партийное руководство в Шанхае на чиновников, которые были лояльны Мао. 4 января в город прибыли члены ГДКР Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань. Координируя свои действия со «Штабом рабочих», они санкционировали захват повстанцами крупных СМИ и приказали журналистам публиковать статьи с призывами к восстановлению общественного порядка. Немедленно появившиеся публикации заявляли, что власти Шанхая учинили заговор, чтобы воспрепятствовать «культурной революции» путем подстрекательства фракционализма и убеждения рабочих выступать с экономическими требованиями, что свидетельствовало об очередных проявлениях реакционной буржуазной линии [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 163–164; Walder 1978: 51–57]. Чжан приказал «Штабу рабочих» организовать 6 января массовый митинг с тем, чтобы «сместить партийный комитет города Шанхая». В рамках акции, на которой собралось 100 тысяч человек, первый секретарь партии, мэр и другие высокопоставленные чиновники Шанхая с опущенными головами стояли на помосте, осыпаемые обвинениями [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 164–165; Perry, Li 1997: 89].

Тем самым фактически был распущен партийный комитет города Шанхай. 45 из 56 членов структуры лишились своих постов. От власти были отстранены мэр и все семь его заместителей. 9 января в местных газетах от лица «Штаба рабочих» и иных повстанческих групп было размещено «Чрезвычайное уведомление», которое описывало шаги на пути к восстановлению стабильности. Экономические требования рабочих признавались достойными порицания и осуждались как заговор ревизионистов. Мао заявил членам ГДКР, что повстанцы в Шанхае поступают правильно и что весь Китай «должен, учась на примере Шанхая, перейти к реальным действиям». Поздравительная телеграмма была опубликована во всех газетах страны 12 января. Документ одобрял захват власти в Шанхае и призывал к аналогичным действиям в иных районах Китая. В ответ «Алые гвардейцы» опубликовали заявление «Прошение о помиловании к председателю Мао», выразив сожаление по поводу их недавнего противостояния со «Штабом рабочих» [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 165–166].

19 января Чжан Чуньцяо объявил, что новый орган власти в городе будет называться Шанхайской народной коммуной. Однако Мао, скорее всего под впечатлением безуспешных попыток студентов создать Пекинскую коммуну, в середине февраля потребовал, чтобы Чжан сменил название структуры на «Революционный комитет». Чжан выполнил распоряжение, и новое название было официально объявлено 23 февраля. Во главе Революционного комитета встал Чжан, Яо Вэньюань был назначен первым заместителем главы, лидер «Штаба рабочих» Ван Хунвэнь — еще одним заместителем руководителя [Ibid.: 166–169; Perry, Li 1996: 126–127; Walder 1978: 60–63]⁶.

Чжан недвусмысленно обозначил, что теперь власть находится в руках «истинных революционеров» и дальнейшие притязания на нее недопустимы. Чжан приказал повстанцам вернуться к работе и покинуть улицы. Впервые с августовского запрета для обеспечения порядка и предупреждения дальнейших нападений на органы власти он применил армию. Чжан ввел в город войска из военного округа Нанкин, а также организовал для поддержания порядка проходы по улицам отрядов рабочего ополчения из местных лояльных режиму фракций [Walder 1978: 51–63].

Захват власти под предводительством Чжана был встречен противостоянием как со стороны студентов-повстанцев, так и со стороны мятежных рабочих. Первыми вызов ему бросили представители крупного студенческого союза «Красные революционеры», руководство которого с подозрением отнеслось к передаче полномочий, слишком напоминавшей подавление массового движения при содействии вооруженных сил. По сути, это были жесткие репрессивные меры под прикрытием пустых разглагольствований о «революции». К тому же Чжан был высокопоставленным чиновником в партийном комитете города Шанхая. Наконец, ранее он отказался взаимодействовать со студенчеством, которое первым выступило против парткома, и отдал предпочтение сотрудничеству со «Штабом рабочих».

⁶ В 1976 г. эти трое лидеров будут совместно с Цзян Цин — супругой Мао — подвергнуты гонениям в качестве «банды четырех».

На встрече с Чжаном и Яо Вэньюанем 27 января «Красные революционеры» не отпускали официальных лиц шесть часов, пытаясь заставить их принести извинения за использование армии для подавления повстанцев. Так и не пошедшие на уступки Чжан и Яо были отпущены, однако на следующий день студенты-радикалы взяли в плен одного из ведущих заместителей Чжана и перевезли его в кампус Университета Фудань. Для освобождения своего помощника Чжан направил солдат. Ответом студентов стало распространение листовок и стенгазет с обвинениями Чжана в подавлении студенческого движения. Чжан мобилизовал рабочих на патрулирование общественных мест для предупреждения дальнейших проявлений несогласия. ГДКР направила телеграмму, в которой нападки на Чжана назывались «абсолютно ошибочными». Власти предупредили, что непокорных ожидают роковые последствия. Студенты-повстанцы быстро свернули свою деятельность [Perry, Li 1997: 20–21; Walder 1978: 60].

Чжан столкнулся со схожими трудностями со стороны повстанческих групп, сотрудничавших со «Штабом рабочих». Некоторые из них выступали против создаваемой Шанхайской коммуны, переговоры о формировании которой проходили без их участия. Они отказались подчиниться приказу самоликвидироваться и вступить в «Штаб рабочих». Гэн Цзиньчжан, лидер влиятельного «Второго полка», создал крупный альянс рабочих, публично выступивший против Ван Хунвэня и заявивший о намерении создать собственную коммуну. В конце февраля силы общественной безопасности задержали Гэн Цзиньчжана ипустили независимые группы. С того времени уличные бои между большими фракционными союзами в Шанхае прекратились. Столкновения между фракциями продолжались, но ограничивались пределами отдельных фабрик [Perry, Li 1997: 119–144; Walder 1978: 58–59]. Неизменная поддержка Мао позволила силам общественной безопасности и местному ополчению сделать из Шанхая островок относительного спокойствия посреди моря общественных беспорядков, в которое превратилась значительная часть Китая.

Захват власти в регионах

Январская революция в Шанхае стала образцово-показательной моделью политических преобразований для всего Китая. События в Шанхае можно обоснованно представить результатом массового движения. Несколько крупных народных организаций поддержали Чжан Чуньцяо, а их лидеры были введены в новые властные структуры. Чжан был надежным радикальным деятелем, давним сторонником инициатив Мао и членом ГДКР. Наконец, Шанхай продемонстрировал, что захват власти может позволить восстановить промышленное производство и общественный порядок. Повстанцев в провинциях по всему Китаю призывали совершать перевороты по аналогичному сценарию.

Шанхай был источником вдохновения для этих нововведений, однако свое наименование — «революционные комитеты» — новые властные структуры получили в провинции Хэйлунцзян. Важно отметить, что занимавший тогда пост первого партийного секретаря Хэйлунцзян Пань Фушэн пережил события и возглавил правительство, в которое наравне с революционными кадрами и армейскими офицерами вошли избранные лидеры повстанческих организаций. Пань Фушэн, перебравшийся в провинцию благодаря служебному продвижению в октябре 1965 г., был в Хэйлунцзян сравнительно новым человеком. Соответственно, никаких тесных связей с местным руководством у него не было и отвечать за прошлые действия провинциальных властей ему не пришлось. С самого начала Пань открыто поддержал студенческое восстание, дистанцируясь от своих коллег с большим опытом работы в провинции и представляя дело так, будто бы покровителем местных *хунвейбинов* был он лично. В середине августа Пань, подражая участию Мао в митингах на площади Тяньаньмэнь, присутствовал в качестве почетного гостя на крупных собраниях *хунвейбинов* в Харбине. Если студенты выкрикивали обвинения в отношении высокопоставленных провинциальных чиновников, Пань с готовностью вставал на сторону учащихся и даже председательствовал на собраниях критики и борьбы в отношении своих коллег. Когда в конце января

повстанческие группы заявили о захвате власти, Пань вновь прислушался к ним и, с разрешения ГДКР, сформировал 31 января новую властную структуру, которую возглавил лично. Несколько крупных повстанческих организаций воспротивились подобному повороту дел, однако Пань усмирил их силами армии. 2 февраля ГДКР официально признала новое провинциальное правительство [Ву 2008: 390–392]⁷. В целом, Мао предпочитал наименование «революционный комитет», а не «коммуна», возможно, под влиянием неудавшихся попыток студентов-повстанцев сформировать Пекинскую коммуну и упрямого оппонирования Шанхайской коммуне.

Захват власти был с еще большим воодушевлением встречен теми, кто хотел остановить разрушительную силу «культурной революции». Чжоу Эньлай, который первоначально воспротивился подключению к движению рабочих как раз по причине их потенциальной деструктивности, к январю 1967 г. уже был ярким сторонником захватов власти, в которых он видел единственную возможность навести порядок в хаосе. Чжоу начал поощрять захваты власти по всему Китаю. Так, он лично позвонил охваченному сомнениями руководству Нанкина и предложил ему захватить власть у партийного комитета провинции Цзянсу [Dong, Walder 2010: 678–682]. Однако своими действиями Чжоу вызвал подозрения в рядах членов ГДКР, которые восприняли неожиданный левацкий поворот Чжоу как беспринципную попытку ограничиться восстановлением порядка. ГДКР была обеспокоена перспективой, что организованные Чжоу захваты власти могли стать прикрытием для восстановления статус-кво. Напряженное противостояние между двумя указанными целями и политическими трендами затянуло борьбу по созданию новых властных структур до 1968 г., обрекая тем самым китайские провинции на еще большие беспорядки и еще большую волну насилия в будущем.

⁷ [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 171] отмечают, что Пань изначально поставил в самый верх списка лидера массовой организации, однако это решение было отвергнуто Пекином.

Воспроизведение шанхайской модели по всему Китаю, очевидно, позволило бы Мао и ГДКР объявить о победном завершении «культурной революции». Судя по всему, именно на такой исход рассчитывали центральные власти в начале 1967 г. На первых порах им с относительным успехом удавалось следовать сценарию событий в Шанхае и Хэйлунцзян. В отдельно взятом регионе выбирался высокопоставленный чиновник, который проявлял полную лояльность линии Мао и был способен обеспечить себе поддержку существенной части повстанческих сил. Этому человеку вверяли дело захвата власти. Три таких захвата власти были подтверждены Пекином к середине февраля в провинциях Гуйчжоу, Шаньдун и Шаньси. Во всех трех случаях центральным властям удавалось найти достаточно авторитетного местного чиновника, который демонстрировал верность целям ГДКР и который заручился поддержкой большей части бунтующих. Во всех трех провинциях захваты власти сопровождались противостоянием со стороны несогласных, как мы уже видели это на примере Шанхая. И во всех трех случаях выступления оппозиции подавлялись с одобрения Мао, Чжоу и ГДКР при участии вооруженных сил [Bu 2008: 306–307, 383–390; Central Documents Research Office 1998: 124–125; Wang 2001: 750–753].

После этого движение за захват власти приостановилось. Вплоть до августа не одобрялось создание каких-либо революционных комитетов, а с августа и до конца года был зарегистрирован всего лишь один новый комитет. Попытки организовать захваты власти в других регионах терпели неудачи либо из-за неспособности ГДКР выявить среди руководящего состава заслуживающих доверия лидеров, которые могли бы возглавить инициативу, либо из-за столь равного баланса сил повстанцев из разных фракций, что любые намеки на захват власти потребовали бы жесткого силового решения конфликта. Для поддержания порядка на время разрешения политических вопросов в остальных провинциях были призваны вооруженные силы. Без подтверждения захвата власти на уровне провинций не было возможности обеспечивать захваты власти далее вниз по иерархической лестнице. Иными словами, соответствующие проблемы

оставались нерешенными вплоть до самых низших уровней управления.

Показателен в этом контексте пример провинции Цзянсу, который демонстрирует, как тормозили усилия серьезные расхождения в подходах между Чжоу Эньлаем, который вел переговоры по утверждению захватов власти, и более радикальными членами ГДКР. В начале января, когда большая часть высшего руководства Нанкина была в плену у повстанцев, а транспортные узлы и порты оказались парализованы уличными боями, Чжоу обратился к местным повстанческим силам с призывом захватить власть. После нескольких дней безуспешных обсуждений по поводу распределения постов в новой властной структуре одна из повстанческих групп приняла решение действовать в одиночку. 25 января эта организация, при поддержке местных вооруженных сил и с предварительного согласия как Чжоу Эньлая, так и ГДКР, объявила о захвате власти. Те, кто оказался не у дел, сразу же начали протестовать и пробились в здание местной партийной газеты, чтобы воспрепятствовать публикации соответствующего объявления. Разумеется, захватившие власть повстанцы ожидали одобрения своих действий из Пекина, однако центральные власти молчали. Наконец, Чжоу Эньлай вызвал всех повстанцев в столицу на переговоры, чтобы обсудить проблему единства в лагере мятежников. Большие делегации от каждой стороны прибыли в Пекин, где состоялся малодейственный диалог с участием Чжоу и других представителей высшего руководства. Согласия по поводу официальной фигуры, которая могла бы возглавить новое региональное правительство, достигнуть не удалось. В конечном счете переговоры закончились ничем, и в начале марта провинцию Цзянсу во избежание массовых беспорядков взяла под свой контроль армия. Главе военного округа Нанкин Сюй Шию было поручено контролировать ситуацию, пока власти продолжали искать выход из положения [Dong, Walder 2010].

Аналогичная картина сложилась и в провинции Гуандун. Как и в Цзянсу, масштабное региональное повстанческое движение в региональной столице Гуанчжоу не смогло прийти к согласию

по поводу захвата власти. Одна из групп повстанцев предприняла действия в одностороннем порядке, оттолкнув тем самым от себя остальные повстанческие группы. Однако сам захват власти принял несколько своеобразную форму. Партийный секретарь провинции Гуандун Чжао Цзыян, желая, судя по всему, повторить опыт Пань Фушэна в провинции Хэйлунцзян, приветствовал захват власти повстанцами и согласился передать им рычаги управления, пообещав, что его руководящая группа и штат будут продолжать работать под контролем назначенных повстанцами инспекторов. Тем самым захват власти должен был быть успешно завершен, а общественный порядок сохранен. Повстанцы согласились. Такой подход по вполне очевидным причинам поддержал Чжоу Эньлай, который как раз в это время спорил с коллегами в Пекине о предпочтительных форматах захвата власти в будущем. Однако оказавшиеся не у дел повстанцы провинции Гуандун незамедлительно выступили против «поддельного захвата власти», оставившего все высшее региональное руководство на своих постах. Такое обвинение нашло отклик у ГДКР, которая встала на сторону проигравшей стороны. Чжоу безуспешно пытался договориться о заключении соглашения и в конечном счете был вынужден ввести на территории Гуандун военный контроль [Yan 2014].

Последствия военного вмешательства

В силу неизменной склонности повстанческих сил раскалываться на фракции стабилизация новых властных органов требовала поддержки вооруженных сил. Армия сыграла ключевую роль в обеспечении прихода к власти первой группы революционных комитетов провинциального уровня. Повстанцы, объявлявшие себя новыми властителями, настойчиво добивались поддержки армии. В последнюю неделю января Мао направил Линь Бяо послание с требованием обеспечения «широким массам левого толка» военной поддержки. Это указание сопровождалось директивой: «Когда подлинные пролетарии левого толка обращаются к армии за помощью, армия должна направить силы на

их активную поддержку». В ответ на запросы дать разъяснения по поводу того, как, собственно, надлежит претворять в жизнь это распоряжение, последовал приказ от 28 января, запрещавший массовым организациям совершать нападения на военные объекты и дававший возможность командирам на местах подавлять «правоуклонистов» и «контрреволюционные группы» [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 175–177].

Этот приказ фактически перечеркнул запрещение в августе 1966 г. НОАК вмешиваться в повстанческое движение. Предоставление армии контроля над ситуацией изменило отношения между военными подразделениями и повстанцами, заявившими, что они пришли к власти. Вооруженные силы получили большие полномочия. В отсутствие утвержденных Пекином революционных комитетов (за исключением, возможно, Шанхая и Хэйлунцзян), у офицеров не было возможности обратиться за рекомендациями к местным властям. Военные были вынуждены действовать на основании собственных соображений о том, как следует удовлетворить взаимоисключающие требования противоборствующих повстанцев и как реагировать на противостояние местных повстанческих групп. Такая обстановка создалась на большей части Китая, и в этих условиях предоставление армии прав усиленного контроля привело не к ускорению формирования революционных комитетов, а к вовлечению вооруженных сил в конфликты между фракциями на местах, что еще более обострило и продлило раскол между различными организациями, а соответственно, и отсрочило учреждение революционных комитетов.

За отданным в конце января 1967 г. приказом НОАК «поддерживать левых» последовал двухмесячный период, в течение которого были заложены основы для все углублявшихся конфликтов между разнообразными фракциями. Столкновения между повстанческими группами и вооруженными силами были неизбежными. Начав реализовывать предоставленные ей полномочия, НОАК немедленно натолкнулась на восседавших в правительственных ведомствах и прочих структурах представителей повстанческих групп. Несмотря на то что повстанцам еще пред-

стояло получить одобрение от Мао и ГДКР, они полагали, что захват ими власти легитимен, и зачастую пытались отстоять свои права на нее. Бравшие стратегические объекты под свой контроль вооруженные силы ослабляли влияние повстанческих групп, которые осуществили захват власти, и неосознанно укрепляли эти позиции оппозиционных повстанцев. Нарушался баланс сил на местах. Именно поэтому армия часто сталкивалась с сильным противостоянием со стороны повстанцев, контролировавших стратегические позиции [Dong, Walder 2011b].

Такие столкновения не проходили без последствий. Повстанческие группы, которые вынуждали самоустраниться от власти, зачастую воспринимали действия армии как незаконное преследование массового движения. Повстанцы осознавали, что утрата контроля над стратегическими объектами ослабляет силу их претензий на власть, и опасались, что теперь они будут смотреться на фоне своих оппонентов блекло. Если столкновения становились ожесточенными, за ними следовали аресты. Были посеяны семена глубокой вражды между бунтарями и армией.

Повстанцы, пострадавшие в первых таких стычках, зачастую провоцировали своих сторонников на блокаду военных объектов и организовывали полноценные кампании сопротивления армии. Такие ситуации могли быть крайне опасными, особенно для самих мятежников. Так, в конце февраля у военного объекта в провинции Цинхай было убито 169 повстанцев. Инциденты со стрельбой, повлекшей за собой убитых и раненых среди гражданского населения, произошли в Синьцзяне, Внутренней Монголии и провинции Хэнань. Наиболее частой реакцией на организованное неповиновение повстанческих групп стали массовые аресты. В провинции Сычуань после нападения повстанцев на штаб-квартиру военного командования в городе Чэнду были задержаны десятки тысяч людей. Менее драматичные конфронтации в Гуанчжоу и Нанкине приводили к арестам в первую очередь среди фракций, которые заявляли о захвате власти [Dong, Walder 2011a, 2011b; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 177–181; Yan 2014]. Повстанческие группы, продолжавшие активно противостоять армии, объявлялись контрреволюционными, их руководство

и активистов сажали в тюрьму, а сами эти группы подвергались запрету.

Мао и ГДКР относились к подавлению армией выступавших против утвержденных революционных комитетов повстанцев спокойно. Действия вооруженных сил по защите новых органов власти в Шанхае, Хэйлунцзян и других регионах Китая признавались абсолютно легитимными и необходимыми. В таких случаях недопустимым и незаконным считалось как раз организованное противостояние армии, поскольку вооруженные силы де-факто отстаивали победу «культурной революции» на местах. Однако участие армии в подавлении повстанцев в Пекине, где властям еще предстояло разобраться с требованиями бунтующих, угрожало нарушить баланс сил на местах. Для Мао и многих членов ГДКР все это выглядело так, будто бы вооруженные силы подавляют массовое движение, которое возвращалось и пестовалось на протяжении многих месяцев. Председатель был обеспокоен перспективой того, что в отсутствие очевидных политических предпочтений вооруженные формирования разрешали по собственному усмотрению региональные конфликты, приводя как сами конфликты, так и «культурную революцию» к преждевременному концу. Озабоченность лидеров КНР лишь обострилась после высказанных в повышенных тонах членам ГДКР на заседаниях оставшегося партийного руководства в середине февраля 1967 г. претензий отдельных представителей высшего командования вооруженных сил Китая по поводу подрывного характера «культурной революции» [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 191–197]. Линь Бяо продолжал верно служить Мао, однако у других офицеров армии, в особенности у командиров регионального уровня, восстание особого энтузиазма не вызывало.

К середине марта Мао пришел к выводу, что, ослабив повстанческое движение до недопустимой степени, вооруженные силы КНР зашли в своих действиях слишком далеко. Он приказал арестовать нескольких командиров на местах и подвергнуть чисткам наиболее проблематичные армейские структуры на местах. 6 апреля, реагируя на озабоченность Мао, Линь Бяо выпустил новую директиву, в которой полностью пересматривались январские приказы. Ар-

мейским подразделениям теперь запрещалось открывать огонь по общественным организациям и проводить массовые задержания. Вооруженные силы также лишались возможности вводить запреты или определять как «контрреволюционные» любые массовые организации. Все прошлые запретительные меры подобного характера подлежали отмене. Только высокопоставленные чиновники центральных властей могли в дальнейшем вводить подобные запреты и давать определения действиям общественных организаций. Противостояние НОАК более не считалось критерием для определения степени искренности левацкого настроения какой-либо массовой организации [Ibid.: 180–182].

Эти приказы вынуждали армию полностью отказаться от агрессивного насаждения военного контроля, стимулируя возобновление деятельности повстанческих организаций, пострадавших после событий февраля и марта. Ситуация на местах кардинально изменилась, и эти преобразования имели неожиданные последствия. Когда повстанческие лидеры и их сторонники были освобождены из заключения, их организации были восстановлены. Все ярлыки «реакционности» были с них сняты. Однако от событий последних двух месяцев нельзя было просто отмахнуться. Теперь повстанцы были серьезно настроены против конкретных местных командиров, от действий которых они пострадали. В особенности болезненной была утрата повстанцами после подавления их организаций вооруженными силами возможности претендовать на захват власти. Директива от 6 апреля лишила армию механизмов подавления мятежников, однако перед сбросившими с себя гнет гонений повстанцами встала новая срочная политическая задача: вернуть себе влияние и статус, которых они лишились по причине введения вооруженных сил, и устранить военный контроль.

Произошло еще одно на первый взгляд незначительное событие, повлекшее за собой существенные последствия. Действия вооруженных сил непреднамеренно поставили армию в самый центр межфракционных конфликтов. Захваты власти практически всегда вызывали протесты со стороны тех повстанцев, которые исключались из них или которые утрачивали по причине их

влияние. Именно такая ситуация возникла в Шанхае, где «Второй полк» и «Красные революционеры» выступили против захвата власти под предводительством «Штаба рабочих». Новые власти Шанхая, пользуясь недвусмысленной поддержкой Мао, решительно уничтожали оппозицию при помощи армии. В других регионах Китая имела место иная ситуация: захватив власть, повстанцы напрасно ждали, когда Пекин это одобрит. В таких обстоятельствах протестовавшие против захватов власти повстанцы-диссиденты только приветствовали действия вооруженных сил в отношении своих оппонентов. Военный контроль в таком случае оказывался весьма кстати, поскольку армия отказывалась признать захват власти отдельной группой повстанцев. Когда в апреле подавленные вооруженными силами фракции продолжили деятельность и начали добиваться как рассмотрения своих жалоб на действия военных, так и восстановления своего статуса, их оппоненты были вынуждены вставать на защиту вооруженных сил, чьи действия были косвенно им на руку. Были заложены основы для новых фракционных расколов по поводу того, стоит ли противостоять армии или поддерживать ее.

Истоки фракционных столкновений

Попытки усилить военный контроль летом 1967 г. вызвали волну насилия. Так, вооруженные силы закрепились в Нанкине в марте после того, как городское повстанческое движение распалось на два лагеря: фракция «за» (за узурпацию власти) и фракция «против» (против захвата власти)⁸. После безуспешных переговоров Пекина с представителями обеих сторон ГДКР решила встать на сторону фракции «против», в которую входили наиболее видные командиры нанкинское повстанческое движения — люди, знакомые членам ГДКР еще по осенней кампании против партийного комитета провинции Цзянсу. Во время захвата в Нанкине стратегических позиций вооруженные силы столкнулись с противостоянием фракции «за». Последовали за-

⁸ Это описание основано на [Dong, Walder 2010, 2011b].

держания. Фракция «за» начала протестовать против армейских операций, в которых, со своей стороны, фракция «против» не видела ничего дурного.

В начале апреля после исключавших подавление бунтов повстанцев распоряжений конфликт принял новый оборот. К противостоянию между фракциями «за» и «против» по поводу захвата власти теперь примешались фундаментальные разногласия по поводу роли в последних событиях армии. Когда лидеры фракции «за» были выпущены из тюрем, они немедленно развернули против армии кампанию, обвиняя ту в «ошибочной линии». Фракция же «против» встала на защиту вооруженных сил. С учетом тесных связей между армией и фракцией «против» теперь противоборствующие стороны были более сбалансированы в своих возможностях. Обострившийся конфликт между двумя группами повстанцев, который, помимо проблемы захвата власти, теперь включал в себя и вопрос о военном контроле, с новой силой разгорелся весной, когда началось соперничество за контроль над школами, конторами и иными объектами. Обычным делом стали уличные бои. Фракция «за» обвиняла вооруженные силы в тайной поддержке фракции «против». После апрельской директивы армия практически не вмешивалась в уличные баталии между фракциями.

К тому моменту ГДКР поменяла свои симпатии и перешла на сторону фракции «за». Власти в Пекине первоначально поддерживали известных деятелей фракции «против», однако теперь ГДКР оказалась обеспокоена тем, что вооруженные силы подавляли повстанческое движение. Нападения фракции «за» на военный округ Нанкин стали еще одним аргументом в пользу новой политической повестки. Фракция «против» теперь выступала на стороне армии. ГДКР начала сотрудничать с фракцией «за» для оказания более активного противодействия вооруженным силам, которые оказались теперь в самой гуще межфракционной борьбы на территории провинции Цзянсу. В свете новой апрельской директивы армия утратила полномочия по пресечению уличных боев. Были созданы идеальные условия для полномасштабной вспышки насилия.

Аналогичные события по сути развернулись в Гуанчжоу. Как и их товарищи в Нанкине, местные повстанческие силы также разделились во мнениях по поводу январского захвата власти⁹. Исключенные из процесса распределения полномочий повстанцы заявляли, что, поскольку новые властные структуры защищали представлявших реакционную буржуазную линию чиновников, они являются подставными организациями. Этот аргумент нашел поддержку со стороны ГДКР, в особенности с учетом того, что Чжоу Эньлай провозгласил образцом для захватов власти именно Гуанчжоу. На состоявшейся в феврале в Пекине встрече ГДКР, скорее, выступала на стороне фракции «против». В конце февраля, после того как переговоры зашли в тупик, Гуанчжоу был взят под военный контроль. Та же последовательность событий, которую мы уже наблюдали в Нанкине, имела место и в Гуанчжоу. Захватившие власть повстанцы и противостоявшие военному контролю подвергались заключению и столкнулись с запретом на деятельность своих организаций. В это же время противостоящие им повстанцы одобрили действия вооруженных сил. Когда адресованная вооруженным силам новая апрельская директива предоставила повстанцам свободу действий, те мобилизовались на атаку армии, заслужив тем самым себе одобрение ГДКР, которая прежде поддерживала другую повстанческую фракцию. Столкновения между двумя повстанческими союзами, теперь более равными по своим возможностям, охватили всю провинцию Гуандун. Выступавшие против армии повстанцы теперь назывались «Красное знамя», их оппоненты именовались «Восточный ветер»¹⁰.

В Ухане в рядах повстанческих сил поначалу наблюдались схожие расколы по поводу январского захвата власти. Однако там события приняли принципиально иной оборот, предвосхи-

⁹ Это описание основано на [Yan 2014].

¹⁰ Параллельно раскол имел место в среде повстанческих сил в Ханчжоу. Альянс, который вступал в столкновения с вооруженными силами и в дальнейшем противостоял военному контролю, был известен под названием «Объединенный штаб», а повстанцы, которые избегали прямой конфронтации с армией и поддерживавших военных позже, — «Красная буря» [Bu 2008: 414–416; Forster 1990: 29–33; Jin 2000: 242–246].

щая значительные последствия для всего Китая. Ухань переживал уже знакомые нам конфликты между восставшими по поводу представительности в новых органах власти. Группа повстанцев, которая решилась на захват власти, столкнулась с противостоянием местных военных подразделений, была распущена и подверглась репрессиям [Wang 1995: 113–121]. Однако в конце марта Чэнь Цзайдао, командир военного округа города Ухань, встретился в Пекине с Чжоу Эньлаем и членами ГДКР. Стороны пришли к консенсусу в том, что действия первенствующей повстанческой фракции были недопустимыми и что ее атаки на армию неприемлемы. Ощущая в связи с такими распоряжениями властей прилив уверенности, Чэнь вернулся в Ухань и провел против противостоящей ему повстанческой фракции поразительно агрессивную кампанию. Руководство и рядовые члены группировки были задержаны, что разрушило структуру организации. Многие представители движения были объявлены контрреволюционерами.

Противостоящие им повстанцы поддержали действия армии и оказывали военным содействие, порицая своих оппонентов и донося на них. Однако вскоре и эти повстанцы оказались неудобными армии. Еще в начале марта они опубликовали в подконтрольной им ежедневной газете «Хубэй жибао» статью, авторы которой предупреждали, что консерваторам не следует воспринимать подавление армией тех, кто находится по другую сторону баррикад, как перспективу восстановления статус-кво. Повстанцы-коллорационисты были удивлены реакцией вооруженных сил, которые восприняли статью как прямую атаку на них. Армия захватила редакцию газеты и вынудила руководство организации выступить с самокритикой. Оказавшись неудобной, эта группировка также потеряла свое влияние.

Вооруженные силы начали восстанавливать общественный порядок и производство. На фабриках были организованы специальные группы «стимулирования производства». Эти команды опирались в своей деятельности на партийные и профсоюзные организации, которые за предшествующие месяцы серьезно растеряли авторитет. Параллельно возникали новые повстанче-

ские организации, которые напоминали своим контингентом и идеологическими ориентирами уже прекративших деятельность «Алых гвардейцев», мобилизованных в прошлом на защиту партийного комитета города Шанхая. Новые повстанческие группировки выступали за восстановление порядка в Ухане силами армии [Ibid.: 121–128]. Действия вооруженных сил в Ухане подпадали под введенные директивой запреты. Новая директива укрепила решимость обеих группировок в прошлом разобщенного повстанческого движения противостоять армии. Стороны пошли на сближение и организовали кампанию против генерала Чэнь Цзайдао. Запрещенные повстанческие организации провозгласили возобновление деятельности, проводили марши по городу, нападали на представительства двух крупных ежедневных газет и провели масштабную голодную забастовку с требованием освободить заключенных [Ibid.: 128–132].

Фракции, возникшие в Ухане в мае–июне 1967 г., отличались от подобных организаций в Нанкине, Гуанчжоу и Ханчжоу. Это не были противоборствующие стороны, представлявшие разные направления предшествующего повстанческого движения. Повстанцы объединялись на борьбу с военными. Параллельно возник союз «Миллион героев», который выступал в защиту вооруженных сил и имел тесные связи с партийными структурами, а также с органами безопасности и ополчением. Уханьские повстанцы начали борьбу с представителями местного военного округа, проводя масштабные голодные забастовки по всему городу и требуя как освобождения своих арестованных товарищей, так и признания запрещенных организаций. Незначительные столкновения с участием сил безопасности произошли в начале мая. Армия освободила некоторых задержанных повстанцев, но продолжала отстаивать свой приговор в отношении запрещенных повстанческих организаций. За май–июнь повстанцы успели восстановить и расширить свои организации, а «Миллион героев» — укрепить свои позиции в области поддержки местных вооруженных сил [Ibid.: 138–141].

Наращение мощи обеих фракций и запрет на использование для урегулирования конфликтов военной силы привели к эска-

лации насилия между фракциями. Полноценные столкновения начались в конце мая, когда был зафиксирован первый погибший в ходе борьбы. С этого момента обе фракции начали вооружаться, в основном дубинками и копьями, и оккупировать здания, конторы и фабрики, которые укреплялись для обеспечения обороны от атак оппонентов. Существенное преимущество было за «Миллионом героев», организованных в дисциплинированные подразделения, в составе которых находились ветераны армии. К тому же движение охватило большую часть фабрик в нескольких районах города, а также местную штаб-квартиру КПК. Вооруженные силы Уханя неоднократно призывали покончить с уличной бойней, но в отсутствие угрозы военного вмешательства эти призывы так и не были услышаны.

Ухань превратился в поле боя. Стычки происходили повсеместно. Согласно данным самих повстанцев, в мае-июне имели место 174 столкновения с участием 70 тысяч бойцов, в результате погибло 158 человек, еще свыше тысячи получили тяжелые ранения. В июне «Миллион героев» организовал крупное наступление на силы повстанцев, непрерывно захватывая оккупированные районы. Сообщается о десятках погибших и еще большем количестве пострадавших. В рядах повстанцев началась сумятица. 23 июня подразделения «Миллиона героев» захватили главную штаб-квартиру оппонентов. В результате операции были убиты 25 повстанцев. Уханьские мятежники оказались на грани полного поражения [Ibid.: 144–146, 148].

Наблюдавшая за разворачивавшимися событиями ГДКР была обеспокоена судьбой бунтарей. 26 июня группа направила руководству военного округа города срочную телеграмму в Ухань и приказало Чэнь Цзайдао прекратить дальнейшие атаки. Послание критиковало действия «Миллиона героев» и обещало призвать к ответственности виновных в смертях людей. Оба лагеря были приглашены в Пекин на переговоры. Уличные бои приостановились. «Миллион героев» воздержался от перехода в наступление. Теперь каждой из противоборствующих сторон предстояло обосновать свои притязания властям в Пекине [Ibid.: 147–148].

Уханьский инцидент

Переговоры вскоре были перенесены в Ухань, поскольку Мао как раз направлялся во внеплановую инспекцию на юг Китая. Ухань был выбран первой остановкой на его пути. В сопровождении члена ГДКР Ван Ли и министра общественной безопасности Се Фучжи Мао тайно прибыл в Ухань 13 июля. Позже к ним присоединился Чжоу Эньлай. Ван и Се встретились с повстанцами на территории местного университета. Новость о прибытии в Ухань высокопоставленных лиц вскоре распространилась по городу [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 206–208; Wang 1995: 149–150]. 15–16 июля Мао подготовил свою резолюцию о выходе из кризиса в Ухане. Подвергшиеся гонениям повстанческие организации должны были быть восстановлены в своих правах и заслуживали того же отношения, что и иные группировки. «Миллион героев» должен был продолжать действовать, однако признавался консервативной организацией. Военное командование в Ухане было обязано выступить с самокритикой по поводу допущенных «ошибок». В последовавшие затем несколько дней Се Фучжи и Ван Ли в общих словах передали суть послания Мао на встречах с военачальниками и массовыми организациями. В Ухане началось бурное обсуждение изменения ситуации. Повстанцы особо сфокусировались на критике «Миллиона героев» и ошибок армии. Выступив перед военными офицерами с весьма неделикатной речью, Ван Ли лишь обострил ощущение, что решение Мао было направлено против «Миллиона героев». Все это свидетельствовало о предполагаемом и абсолютном поражении «Миллиона героев», руководство которого было в бешенстве. Многие представители организации отказывались верить, что вердикт официальных властей был окончательным. Зачастую звучали обвинения в адрес Ван Ли, которого обвиняли в ухудшении ситуации, сотрудничавшие с «Миллионом героев» военные придерживались той же точки зрения [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 208–210; Wang 1995: 150–154].

Драматические события, начавшиеся вечером 20 июля, стали известны в дальнейшем как Уханьский инцидент. Подразделение

недовольных солдат, выступавших на стороне «Миллиона героев», прорвалось в резиденцию, где остановились Се Фучжи и Ван Ли, напало на лидеров и взяло Ван Ли в заложники. Мао пребывал на вилле на территории того же комплекса. Узнав, что враждебно настроенные солдаты прорвались в резиденцию, служба безопасности председателя переполошилась. Мао быстро вывезли из Уханя и отправили самолетом в Шанхай. Пошли слухи, что приказ Ван Ли был отвергнут как ГДКР, так и Мао. «Миллион героев» устроили праздничные демонстрации по всему Уханю и развешивали плакаты с осуждением Ван Ли, который в конечном счете был передан в распоряжение армии и 22 июля освобожден. Возвратившегося в Пекин со сломанной ногой и другими травмами Вана встретили, как вернувшегося с поля боя героя [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 210–212; Wang 1995: 154–157].

Реакция Пекина на возвращение Ван Ли была шоком для праздновавших победу «Миллиона героев». События 20 июля были объявлены «контрреволюционным бунтом», а по всему Китаю для осуждения прошли многочисленные демонстрации «уханьских реакционеров». 27 июля Пекин выступил с открытым письмом к жителям Уханя, призвав к борьбе против организации «Миллион героев» и «злодеев», возглавлявших военный округ города Ухань. Чэнь Цзайдао и его подчиненные были доставлены в Пекин, где их обвинили в попытке организовать военный переворот. «Миллион героев» многократно подвергался прилюдной хуле и вскоре распался, исчезнув с политической арены. Возрожденные повстанческие группы продолжили атаки на членов этой организации. В результате нападений мятежников в последние месяцы только в Ухане погибло больше 600 человек, а приблизительно 66 тысяч остались на всю жизнь инвалидами [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 212–214; Wang 1995: 165–166]. Покончив со своим общим врагом, повстанческие силы вновь заняли свои места в местных властных структурах. В отсутствие желания идти на компромисс и с учетом того, что военные власти решили придерживаться политики невмешательства, оба лагеря заметно разрослись и возобновили ожесточенное противостояние [Wang 1995: 170–175].

Бурное лето 1967 г.

Уханьский инцидент спровоцировал радикальный сдвиг в политике властей по отношению к вооруженным силам. 31 июля «Жэньминь жибао» и «Красное знамя» опубликовали совместную передовицу: «Выявим кучку каппутистов в армии». Статья анонсировала мощную поддержку повстанческих сил, бросавших вызов военному руководству на местах. По всему Китаю армия столкнулась с новой волной сопротивления. Фракции, которые ранее боролись с вооруженными силами, воспользовались новой кампанией, чтобы одержать верх над своими оппонентами-бунтарями. В Ухане и других районах КНР начался захват армейского оружия и военного снаряжения. Лишенные возможности открывать по народным массам огонь военные подразделения не могли как-либо препятствовать спонтанным разграблениям своих арсеналов. В этот период Мао начал призывать к «вооружению левого движения» для борьбы с врагами. Отдельные военные формирования на местах начали поставлять оружие и боеприпасы тем повстанцам, которым они симпатизировали [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 214–216; Schoenhals 2005: 279–282, 284–289; Wang 1995: 161–163].

Все эти события оказали на Китай взрывной эффект. В августе и сентябре 1967 г. наступила кульминация столкновений между повстанческими фракциями, а также нападений повстанцев на армию. В Чунцине в такое сражение с использованием армейского вооружения оказались вовлечены около десяти тысяч человек. В результате погибли или пострадали около тысячи человек. В порту того же города имело место столкновение с использованием танков и артиллерии. Порт был полностью стерт с лица земли. Перевозки по реке Янцзы были прерваны на шесть с лишним недель [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 217]. Расположенный на той же Янцзы речной порт Лучжоу в первые дни сентября стал ареной для масштабной бойни с участием свыше 30 тысяч бойцов, вооруженных армейским снаряжением. Более двух тысяч человек погибли. В результате столкновений были уничтожены многие районы города, в особенности корабельные верфи [Schoenhals 2005: 292–293].

В провинции Цзянсу силы военных под командованием генерала Сюй Шию держали оборону с апреля. В июне обострились вооруженные столкновения между фракциями «за» и «против». Фракция «за» организовала серию рейдов против управлений общественной безопасности, находившихся под контролем сил военных. После Уханьского инцидента представители ГДКР в регионе поощряли прямые атаки фракции «за» на подразделения Сюй Шию. С их слов, Сюй был «Чэнь Цзайдао провинции Цзянсу», которого надлежало «вытащить на свет». Осознавая опасность своего положения, Сюй Шию со своими верными подчиненными отступил на секретную военную базу в соседнюю провинцию Аньхой. Противники Сюя продолжали действовать так, будто бы надеялись вскоре сместить местное военное руководство и сформировать революционный комитет. Вооруженные силы провинции Цзянсу оставались в своих казармах, по мере того как межфракционные столкновения полностью вышли из-под контроля [Dong, Walder 2011b].

В Гуанчжоу вдохновленная Уханьским инцидентом фракция «Красное знамя» нарастила масштабы наступления на оппонентов из «Восточного ветра» и военного округа Гуанчжоу. И в самом городе, и в его окрестностях происходили масштабные уличные баталии с использованием армейского огнестрельного оружия, бомб и гранат, в том числе растянувшаяся на четыре часа перестрелка у здания профсоюза, а также две серьезные битвы у верфи и складского комплекса у реки. Во время одного из столкновений были сожжены дотла склады сахарного завода «Тайгу» и уничтожены все запасы рафинированного сахара [Guangdong 2005: 595–597; Nai 1971: 150–175]. Противостояние между повстанцами, вооружившимися после налетов на склады ВС армейским оружием и поддерживаемыми союзническими боевыми формированиями, обострялось и в провинции Чжэцзян. Значительная часть центрального делового района прибрежного города Вэньчжоу была сожжена во время боев. Бойцы учиняли зверства в отношении пленных, которые подвергались пыткам и казням. Лишенные возможности применять оружие, военные ничего не могли противопоставить бунтующим [Forster 1990: 44–50].

По причине мощной поддержки, которую ГДКР демонстрировала в ответ на атаки на местных военных командиров, в вооруженных силах начали проявляться признаки глубоких внутренних разногласий. Сюй Шию натолкнулся в Нанкине на противостояние со стороны ВВС и в целом офицеров под его командованием. Военные подразделения в других районах провинции Цзянсу открыто переходили на сторону повстанческих групп, которые организовали наступление на Сюя [Dong, Walder 2011b]. Аналогичный раскол столь же наглядно проявился и в провинции Чжэцзян, где в рамках местных межфракционных столкновений различные армейские подразделения выступали на стороне всевозможных групп повстанцев. В Ханчжоу ВВС и отдельные части сухопутных войск, выступая на стороне «Единого штаба», конфликтовали с руководством военного округа провинции Чжэцзян и комитетом военного контроля [Forster 1990: 47–48].

В течение августа Мао, все еще находившийся в Шанхае после спешного отъезда из Уханя, следил за развитием ситуации в остальных районах Китая. По всей видимости, лидер не знал, как следует реагировать на описанные события. Его товарищи по ГДКР призывали к наступлению против армии и передавали исходящие от Мао приказы снабдить массовые организации левацкого толка оружием. Эти меры, предположительно направленные на установление баланса сил в региональных межфракционных конфликтах, лишь усиливали деструктивность повстанческих групп, приведя к еще большим потерям и разрушениям. Более того, в региональном военном командовании все более очевидно проявлялись серьезные политические разногласия. Активное участие вооруженных сил на местах в столкновениях между бунтующими по обе стороны баррикад ставило под угрозу единство всей армии как таковой. Некоторые из первых созданных в 1967 г. революционных комитетов столкнулись с вызовами со стороны ранее репрессированных повстанцев. Отрывочные заявления Мао, предположительно, намеренно сделанные им в течение августа, демонстрировали спокойное безразличие к происходящему, будто бы это все было частью гениального

плана, известного одному лишь верховному лидеру. В действительности Мао вновь пошел на отказ от своих последних решений, заключив, что они принесли ему лишь новые проблемы.

Формирование нового порядка

В конце августа Мао в очередной раз отступил, выразив сомнения в уместности призыва «Выявим кучку каппутистов в армии». 30 августа он приказал арестовать и подвергнуть публичному порицанию нескольких радикальных членов ГДКР, замешанных в атаки на вооруженные силы, в том числе Ван Ли, печально известного участием в Уханьском инциденте, и нескольких чиновников, организовывающих поддержку антиармейских бунтов [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 229–233; Schoenhals 2005: 296]. Это были козлы отпущения, которым предстояло ответить за решение Мао вооружать повстанцев и санкционировать нападения на вооруженные силы. Осознавая явный сдвиг в воззрениях председателя, остальные влиятельные члены ГДКР, в частности Чжан Чуньцяо и Цзян Цин, быстро сменили тон и отказали в поддержке повстанцам, которые вели кампании против военных командиров на местах [Dong, Walder 2011b: 437–438]. Мао приказал армии прекратить вооружать бунтарей и заставить мятежников вернуть оружие в арсеналы. Военным было дано право «стрелять в целях самообороны», если повстанцы отвечали на их распоряжения насилием [Schoenhals 2005: 297].

Последствия в таких регионах, как провинция Цзянсу, оказались немедленными и драматическими. 16 августа Мао, все еще остававшийся в Шанхае, приказал Чжан Чуньцяо отправиться в провинцию Аньхой, где отсиживался генерал Сюй, и лично и без инцидентов сопроводить того в Шанхай. На следующий день Мао встретился с генералом Сюем и пообещал тому, что ни в отношении него персонально, ни в отношении военного округа Нанкин никакие наказания применяться не будут. Чжан Чуньцяо распорядился, чтобы его союзники из числа повстанцев в Нанкине прекратили действия против Сюя. Чжоу Эньлай воспользовался изменением точки зрения Мао и на многочис-

ленных встречах с региональными мятежниками подчеркивал недопустимость дальнейших нападений на НОАК. Чжоу Эньлай четко указал нанкинским повстанцам, что они должны прекратить свою кампанию против вооруженных сил. Бунтующие последовали этому совету, но противостояние между противоборствующими фракциями продолжалось [Dong, Walder 2011b: 438].

График 11.1 демонстрирует общенациональные последствия призыва повстанцам вооружаться и совершать нападения на местные вооруженные силы. Пик вооруженных столкновений между повстанческими фракциями и атак на правительственные учреждения и военные объекты пришелся на август 1967 г. В сентябре, когда Мао пересмотрел свою позицию и склонился к поддержке военных командований на местах, показатели вернулись на близкий к предшествующему уровень. Еще более тяжелая ситуация была связана с раздачей силам повстанцев армейского снаряжения. График 11.2 демонстрирует, что самые смертоносные межфракционные конфликты имели место как раз после того, как противоборствующим сторонам было предоставлено оружие. В то время как количество сообщений о вооруженных конфликтах с июля по август 1967 г. увеличилось чуть более чем вдвое, число смертей от этих столкновений выросло более чем в пять раз. Сложности получения предоставленного вооружения обратно исключали возможность ограничить показатели смертности в августе. Число жертв достигло рекордного уровня.

Мао наконец-то отказался от идеи, что от попыток манипулировать исходом региональных конфликтов между повстанческими группами и вооруженными силами можно много выиграть. К сентябрю 1967 г. лидер КНР пришел к выводу, что единственная возможность обеспечить порядок — в значительной мере полагаться на вооруженные силы. Шанхайскую модель было решено похоронить и предать забвению. В новообразованных революционных комитетах высшие должности практически всегда занимали военные командиры, а в ключевых ведомствах, отвечавших за безопасность и пропаганду, доминировали офицеры армии. Такой поворот дел привел к горькому разочарованию повстанческих лидеров, которые, подобно «коллегам» из Шанхая,

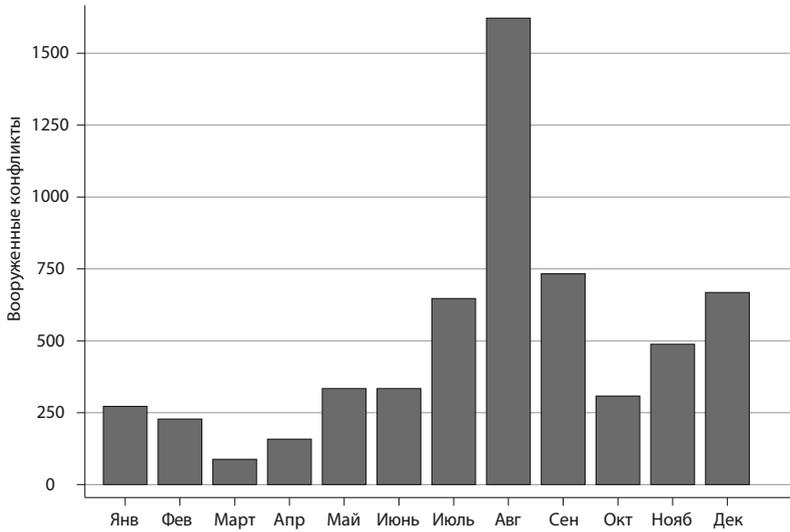

График 11.1. Число сообщений об актах насилия, ежемесячно, 1967 г. Источник: расчеты исходя из данных в [Walder 2014]

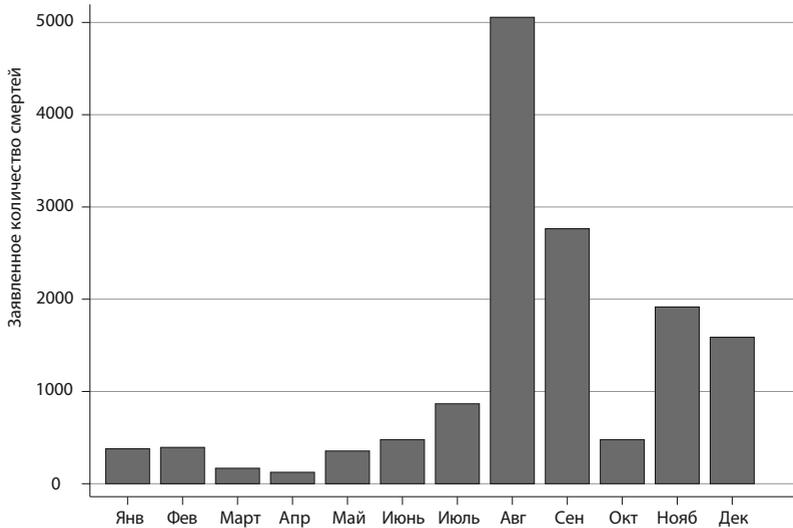

График 11.2. Число сообщений о смертных случаях в результате кампании, ежемесячно, 1967 г. Источник: расчеты исходя из данных в [Walder 2014]

ожидали получения служебных назначений. Однако ожесточенная бойня, которая бушевала по всему Китаю большую часть 1967 г., практически полностью исключала возможность предоставления лидерам повстанческих фракций каких-либо властных полномочий. Повстанческие лидеры, которые первыми кинулись в атаку на вооруженные силы, все больше отдавались на откуп своим врагам.

Восстановление под контролем военных политического порядка во многих провинциях оказалось затянувшимся процессом, связанным со значительными противоречиями. Создание революционного комитета проходило в шесть этапов. Первый этап — заключение соглашения о прекращении огня между противоборствующими народными фракциями и поддерживавшими их вооруженными формированиями. Второй этап — направление делегаций их представителей в Пекин, где, под присмотром центральных властей, они занимались самокритикой и поиском путей преодоления разногласий. Третий этап — обеспечение согласия среди членов нового революционного комитета, а точнее — принуждение делегаций к одобрению кандидатов, которых в конечном счете отбирали Мао, Чжоу Эньлай и ГДКР. Четвертый этап — критика и снятие с постов фракционных лидеров, которые не были готовы идти на компромиссы и признать, что время воевать друг с другом завершилось. Пятый этап — формирование новой властной структуры и запрет на массовые организации, которые координировали действия сотрудников учреждений и студентов университетов. На заключительном, шестом этапе новые власти реализовывали все перечисленные стадии на уровнях городов, округов и уездов, параллельно проводя внутри учебных заведений и предприятий кампании критики для подрыва фракционных связей, создания новых руководящих органов и обеспечения авторитета вооруженных сил.

Примером того, как разворачивались такие переговоры, выступает провинция Цзянсу¹¹. 4 сентября, вскоре после прекращения по указанию Мао нападков на генерала Сюй Шию, Чжоу

¹¹ Описание этих событий основано на [Dong, Walder 2012a].

Эньлай добился подписания соглашения о прекращении огня между противоборствующими сторонами и приказал комитету военного контроля провинции Цзянсу собрать делегации для отправки в Пекин. В Нанкине и ключевых городах Цзянсу было отобрано свыше 180 представителей повстанческих фракций. В отдельные делегации вошли армейские офицеры, активно боровшиеся с генералом Сюем и поддерживавшие его.

Переговоры открылись «учебными занятиями», на которых обеим сторонам приказали подвергать самих себя самокритике за действия их фракций в последние месяцы, однако встречи постоянно приводили к злобным словесным перепалкам. Переговоры непреднамеренно привели к возобновлению уличных боев в Нанкине и других городах Цзянсу. Каждая из повстанческих фракций стремилась укрепить свое положение «на местах», чтобы усилить свою позицию за столом переговоров. Фракции, выступавшие против Сюй Шию, отказывались отзывать свои обвинения в отношении генерала. Недружественные переговоры во имя мира продолжались до декабря, испытывая терпение таких чиновников, как Чжоу Эньлай и Кан Шэн, которые неоднократно срывались на раздраженные выговоры в адрес несговорчивых глав делегаций. К декабрю стало очевидно, что диалог окончательно зашел в тупик, и вдоль железнодорожных линий, связывавших Нанкин с Шанхаем, разразились ожесточенные столкновения. В результате движение поездов было вновь прервано на несколько дней. К боям подключились различные армейские подразделения, выступавшие на стороне предпочтительных для них повстанческих фракций.

По прошествии четырех месяцев безуспешных и неприятных переговоров Мао начал диктовать свои правила. Противники Сюй Шию среди военных и руководители повстанческих поддерживающих их групп были арестованы и объявлены «черноруки-ми» зачинателями межфракционной усобицы. Массовые публичные собрания прошли в Нанкине, где выведенных на помосты задержанных подвергали порицанию и грубому обращению. В местных СМИ прошла резкая волна статей, осуждающих обвиняемых и их сторонников. «Подстрекательство к атакам против

армии» теперь было объявлено противоправным деянием. Делегатам и их сторонникам на местах было строго заказано продолжать отстаивать фракционные интересы. Центральное военное командование подвергло дисциплинарным взысканиям и перевело в иные районы офицеров и подразделения, которые были замешаны в противостоянии Сюй Шию. Раунд репрессий исключил возражения на переговорах в Пекине и затушил межфракционные розни в Цзянсу. Так, затянувшиеся на четыре месяца переговоры были завершены авторитарными средствами к январю 1968 г.

В феврале 1968 г. новые делегации, зачищенные от наиболее воинственных повстанцев и противостоявших Сюй Шию офицеров, прибыли в Пекин для встречи со специально отобранными членами революционного комитета провинции Цзянсу. К тому моменту делегатам, в принципе, обсуждать было особо нечего. Мао уже принял решение, что революционный комитет провинции Цзянсу возглавит Сюй Шию. Оставалось только определиться, кто из бывших высокопоставленных официальных партийных лиц провинции Цзянсу будет включен в новую руководящую структуру. После кратких торгов собравшимся был представлен список рекомендованных Сюем кандидатур, согласованных с Чжоу Эньлаем. В отсутствие разногласий этот список был единодушно одобрен 20 марта. На бумаге бóльшая часть из 165 членов новообразованного революционного комитета были «представителями масс», однако в действительности присутствие в структуре повстанцев было чисто номинальным. К тому же революционный комитет редко созывался. Ключевые решения принимались регулярно проводившим совещания созданным в рамках революционного комитета постоянным комитетом, а в постоянном комитете распоряжались армейские офицеры, которые имели в революционном комитете формально лишь менее 1/5 мандатов, но монополизировали все ключевые посты. Возглавил структуру Сюй Шию, и все его заместители, за исключением давнего партийного секретаря Пэн Чуна, были армейскими офицерами. Военные руководили ведущими отделами по политическим вопросам, производству и безопасности. Среди

заместителей не было ни одного повстанца. По одному влиятельному лидеру от каждой из повстанческих фракций было назначено в ПК, который включал в себя 39 членов. Однако и здесь реальной власти у повстанцев не было. Сюй Шию и вооруженные силы под его командованием установили в провинции Цзянсу жесткий военный контроль.

Революционный комитет провинции Цзянсу стал 17-м из 29 учрежденных революционных комитетов провинциального уровня. Одним из последних в августе 1968 г. был основан революционный комитет граничащего с Вьетнамом Гуанси-Чжуанского автономного района. В Гуанси имели место затяжные и напряженные столкновения, которые не удавалось разрешить путем попыток заключить соглашение о прекращении огня. Даже переговоры с представителями Гуанси в Пекине были отмечены вспышкой насилия: Вэй Гоцин, командир вооруженных сил Гуанси, подвергся нападению и был избит в гостинице мятежниками, специально прибывшими в столицу из Гуанси, чтобы расправиться с ним. Повстанческие фракции Гуанси объединились вокруг двух региональных союзов. Движение «22 апреля» выступало против Вэй Гоцина, однако пользовалось поддержкой основных сил НОАК, размещенных в административном центре Гуанси — городе Наньнин — и получавших приказы непосредственно из Пекина. «Единое командование» было на стороне Вэй Гоцина и находящихся под его контролем подразделений. С таким раскладом сил переговоры в Пекине были обречены на то, чтобы зайти в тупик.

Терпение Мао было почти на исходе. 3 июля был опубликован документ, который в категорических выражениях требовал жесткого подавления в Гуанси любой группы, ратующей против введения военного контроля. Основные силы НОАК, выступавшие на стороне движения «22 апреля», были выведены из региона. Вэй Гоцин организовал наступление на оставшихся в Наньнине мятежников. В середине июля город был подвергнут обстрелам, многие его районы оказались разрушены. Борьба по ликвидации последствий «22 апреля» продолжалась две недели, в результате 50 тысяч человек остались без крыши над головой.

Свыше десяти тысяч человек попали в плен. Более 2300 человек из них в дальнейшем было казнено [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 244–245].

Наступление обеспечивалось силами НОАК и хорошо вооруженных боевиков из «Единого командования» со всех концов автономного района. По мере продвижения боев в сельские районы в волостях и деревнях вспыхивала кровавая резня, которая, по всей видимости, иногда соотносилась с повстанческой борьбой лишь косвенно [Su 2011]. С 26 июля по 6 августа все коммуны уезда Биньян затронули массовые убийства, в результате которых погиб 3681 человек. Причем за указанные двенадцать дней было убито 93 % людей, которые погибли в Биньяне за все время «культурной революции» — 3951 человек [Guangxi 1990: 116–117]. В уезде Дунлань на зачистку территории от противников были мобилизованы руководство «Единого командования» и их армейские союзники. В рамках акции было задержано свыше 10 тысяч человек и казнено 1016 человек [Ibid.: 125].

На Гуанси пришелся последний болезненный спазм насилия, который сокрушил повстанческое движение и ввел на территории Китая жесткий военный режим. Генералы НОАК возглавили 20 из 29 административно-территориальных единиц провинциального уровня. В Гуандун, Ляонин, Шаньси, Юньнань и Хубэй военные офицеры возглавляли от 81 до 98 % революционных комитетов, начиная с уездного уровня и выше [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 245–246]. В провинции Цзянсу офицеры армии руководили во всех округах и 60 из 68 уездов [Dong, Walder 2012b: 901]. Фактически НОАК заменила собой гражданское партийное государство Китая. Повстанцы, выступавшие против военного контроля, теперь оказались один на один с армией.

Печальная развязка в Пекине

На протяжении тех многих месяцев, в течение которых центральные власти пытались выторговать себе «великие союзы» в регионах, в самой столице Поднебесной студенты-повстанцы продолжали демонстрировать все те же тенденции к фракциона-

лизму. Повстанцы из университетов разделились на два крупных альянса, получивших названия «Небо» и «Земля». Основной конфликт развернулся на территории двух вузов: Пекинского университета и Университета Цинхуа. Противоборствующие стороны ожесточенно дискутировали по поводу неоднозначного руководства со стороны Не Юаньцзы (Пекинский университет) и Куай Дафу (Университет Цинхуа). Главную опору фракции «Земля» составляли большие повстанческие фракции из Института геологии и Пекинского педагогического университета, которые настойчиво поддерживали противников Не и Куая — лидеров фракции «Неба», осуществлявшей контроль в своих кампусах [Walder 2009: 204–222].

Проблема разрыва между «Небом» и «Землей» была неразрешимой для ГДКР проблемой еще с начала 1967 г. Несмотря на свой общенациональный статус прославленных руководителей столичного повстанческого движения, в конце 1966 г. Не Юаньцзы и Куай Дафу оказались политическим балластом. Именно их поведение привело к расколу между повстанцами вузов. Общегородское противостояние между фракциями постепенно переросло в ожесточенные битвы в кампусах. Попытки набирать кадры для будущих революционных комитетов среди представителей одной фракции встречали отчаянное сопротивление со стороны кандидатов в кадры другой фракции. Повстанцы начали захватывать людей в плен и даже создавали пыточные камеры для выбивания признаний. Контролируемые бунтовщиками университетские здания были укреплены, и повстанцы приступили к борьбе за территорию. К весне 1968 г. между Пекинским университетом и Университетом Цинхуа фактически развернулась гражданская война. Каких-либо признанных авторитетных властей, которые могли бы ограничить насилие, в кампусах просто не было [Ibid.: 223–242].

Конфликтная ситуация в Пекинском университете достигла своего апогея в марте 1968 г., когда большая толпа повстанцев из фракции «Земля» вошла в кампус с требованиями выдать им Не Юаньцзы, которая не пошла на встречу с мятежниками сама, а направила туда своих сторонников. Следующие несколько дней

были посвящены яростным столкновениям. В качестве подкрепления «Земля» и «Небо» направляли на их места тысячи людей¹². Взаимные обвинения сторон на фоне продолжающейся междоусобицы становились все более агрессивными и угрожающими. В апреле силы Не взяли верх над противниками, которые были вынуждены укрываться за самодельными баррикадами. Казалось, что Не вот-вот одержит полную победу. Противостоящие ей повстанцы пытались обороняться и прекратили выпуск своей газеты. Стычки возобновились, когда ослабленные мятежники попытались восстановить поступление коммунальных услуг и поставки продовольствия в оккупированные ими здания. Сторонники Не хватали и допрашивали любого противника, который попадался им на пути. В дальнейшем пленных ждали публичные собрания критики и борьбы. Несколько человек скончались от пыток. В конце апреля Не провела серию открытых трибуналов над захваченными оппозиционными лидерами. В созданной ею тюрьме томилось свыше 200 кадровых сотрудников и преподавателей вуза. Пленных регулярно подвергали избиениям и истязаниям в надежде получить дополнительные признания.

Не исключала возможность пойти на компромисс и требовала полной капитуляции. Ближе к концу июля она начала готовиться к последней битве. В тех зданиях, которые по-прежнему находились под контролем противника, сторонники Не отключили воду и электричество. Развернулся бой. В ход пошли черепица, копья и кирпичи. Борьба охватила и окрестные улицы. Когда 27 июля стало известно, что крупная группа рабочих и солдат окружила расположенный неподалеку Университет Цинхуа, Не созвала чрезвычайное собрание для координации обороны. Повстанцы запаслись коктейлями Молотова и другим оружием. Были созданы наблюдательные пункты. Однако вместо очередной битвы Не ожидала повестка на срочное совещание, запланированное на 3 часа утра 28 июля в Доме народных собраний.

¹² Описание последних столкновений в Пекинском университете и Университете Цинхуа основано на [Ibid.: 242–245].

Вызов на совещание был реакцией на события, которые произошли ранее в Университете Цинхуа. Противостояние между Куай Дафу и его оппонентами уже давно вылилось в полноценный вооруженный конфликт. Еще с начала мая кампус вуза превратился в мозаику укрепленных зданий и крайне неоднозначно проведенных линий фронта. Куай постоянно вел наступление. Поначалу студенты были вооружены дубинками, копьями, кинжалами, кирпичами и рогатками с камнями. Число пострадавших возрастало. О первом погибшем в результате столкновений было сообщено в конце апреля. В начале мая противостоящие Куаю повстанцы, пройдя маршем, вынесли труп своего павшего товарища на площадь Тяньаньмэнь, где состоялся протестный митинг. За этим последовала серия стычек в кампусе Университета Цинхуа, в результате которых погибло еще два человека и пострадало много других. Пойманных пленных жестоко избивали. После убийства одного из лидеров оппозиции в конце мая была проведена еще акция протеста с выносом убитого на площадь Тяньаньмэнь.

Точкой невозврата стало 30 мая. На здание, находившееся под контролем оппозиции, было организовано масштабное наступление. Стороны конфликта использовали копья, ножи, коктейли Молотова, химические гранаты и даже самодельный танк. Сторонники Куая подожгли здание и хватали спасавшихся бегством противников. В результате 11-часового боя были убиты трое студентов, более 300 человек получили ранения. Раздобыв винтовки, силы Куая организовали у входа в кампус и у зданий, в которых забаррикадировалась оппозиция, дежурство снайперов. Пытавшихся покинуть здания или войти в них людей отстреливали. Продолжались стычки, в которых все чаще использовались зажигательные гранаты, бомбы, самодельные взрывные устройства и танки, спроектированные и созданные силами студентов-инженеров. Доведенные до отчаяния противники Куая неоднократно обращались в революционный комитет по городу Пекину с просьбами ввести в кампусе военное положение. 7 июля оппозиция повторила акцию с выносом тела павшего товарища на площадь Тяньаньмэнь, чтобы подчеркнуть драматичность своего положения. Однако столкновения не прекращались.

9 июля в кампусе было подожжено и практически полностью уничтожено большое новое здание. По состоянию на конец июля в результате противостояния погибли 12 человек, несколько сотен тяжело пострадали. Большая часть имевших отношение к вузу людей давно спаслись бегством. В кампусе, по отдельным подсчетам, оставалось менее 400 нестигаемых бойцов.

Мао не хотел больше терпеть выходки Куая и пекинских студентов-повстанцев, которые еще в 1966 г. были его любимцами. Лидер приказал офицерам элитного армейского подразделения, которое было телохранителями высшего руководства КНР, собрать вместе с ядром военного командования тысячи рабочих с более чем 60 окрестных фабрик. На следующее утро в кампус Университета Цинхуа явилась толпа численностью около 30 тысяч человек, вооруженных лишь цитатниками Мао. Лидер не хотел, чтобы на территорию университета вступили вооруженные солдаты и применили против повстанцев смертоносную силу. Сформированный «пропагандистский батальон» был призван пройти вместо этого через ворота вуза, выкрикивая цитаты из произведений Мао, разделить противоборствующие стороны и убрать баррикады и укрепления.

Куай Дафу воспринял это действие как попытку лишить его триумфа и объявил, что толпу созвали «черные руки» из партийного руководства. Куай приказал своим сторонникам не сдаваться. В ходе растянувшихся на полдня столкновений безоружные рабочие и солдаты безуспешно пытались пройти в вузовские здания и уговорить боевиков Куая сдать оружие. В конечном счете силы Куая все-таки сдались, успев до этого убить пять человек и ранить еще свыше 700.

28 июля, как раз тогда, когда противостояние в Университете Цинхуа стало сходить на нет, Куай Дафу, Не Юаньцзы и еще три лидера *хунвейбинов*, представлявших обе стороны конфликта на линии «Небо»/«Земля», были в срочном порядке вызваны в Дом народных собраний. Наступление утра они встретили перед лицом группы высшего руководства КНР во главе с Мао. Компанию ему на встрече составили Линь Бяо, Чжоу Эньлай, Чэнь Бода, Кан Шэн, Цзян Цин и еще несколько высокопоставленных

лиц — в самом буквально смысле вся верхушка сильно поределешего после чисток партийного руководства. Встреча началась в 3:30 утра и затянулась на пять часов.

Позже отдельной брошюрой были опубликованы отредактированные протоколы встречи. На ее страницах Мао предстает перед нами то озабоченным, то саркастичным, то грозным, то разъяренным¹³. Вполне очевидно, что срочность проведения встречи была связана с событиями в Университете Цинхуа. Мао открыл заседание, высказав свое сильное недовольство задержкой Куай Дафу, прибывшего одним из последних, и практически сразу четко обозначил причины созыва людей: «Куай Дафу хочет ухватиться за черную руку¹⁴. Но когда множество рабочих подавляет *хунвейбинов*, где искать черную руку? Поиски завершены! Я и есть черная рука!» Несмотря на неопределенность разглагольствований Мао, их основной посыл был ясен: движению *хунвейбинов*, в котором Мао оказался глубоко разочарован, пришел конец, и университетам предстояло быть переданными под контроль военных.

Ключевые идеи руководства были представлены в виде «высшей директивы» председателя Мао пяти лидерам *хунвейбинов*. Текст приписывает Мао следующую цитату: «Наступил момент, когда вы, мелкие генералишки, начинаете делать ошибки... Я не желаю вашего разделения на “Небо” и “Землю”. Сформируйте одну организацию, и покончим с этим». Основной ошибкой, подчеркнул Мао, стало настойчивое стремление продолжать жестооченные фракционные конфликты:

Культурная революция тянется уже два года! Рабочие, крестьяне, солдаты и рядовые граждане, равно как и большинство студентов и отдельных людей, которые поддерживают вашу фракцию, глубоко опечалены. Вы отмежевались от рабочих, отмежевались от крестьян, отмежевались от армии, отмежевались от обычных людей и отмежевались от основной массы студенчества.

¹³ Описание встречи Мао с руководителями *хунвейбинов* основано на [Ibid.: 245–247].

¹⁴ Эвфемизм, обозначающий злостных манипуляторов.

Мао четко указал, что у него лопнуло терпение:

Я считаю, что вы отмежевались от народных масс, которым неприятна мысль о гражданской войне... Мы выступаем с общенациональной директивой, и все, кто ее нарушит, выступая против армии, саботируя работу транспорта, убивая людей и организуя поджоги, будут считаться преступниками. Меньшинство, которое не поддается уговорам и отказывается изменить себя, — это бандиты и националисты. Мы возьмем их в окружение, а если они будут продолжать сопротивляться — сокрушим их.

Хунвейбинам приказали возвращаться в кампусы и дожидаться прибытия групп пропаганды маоизма. К концу августа революционный комитет по городу Пекину и командование гарнизона города Пекина направили в пекинские вузы свыше 10 тысяч солдат и 17 тысяч рабочих. По их прибытии студенты как будто оказались отброшены к самому началу «культурной революции». Их контролировали новые рабочие группы, только теперь, в отличие от рабочих групп, за деятельность которых Лю Шаоци был подвергнут порицанию в 1966 г., им нельзя было противопоставить ни сопротивление, ни критику. Практически во всех случаях группы возглавляли офицеры армии, которые не были склонны к недосказанности по поводу установления собственного авторитета. Круг замкнулся.

Глава 12

Власть в руках военных

После вспышек насилия 1967 и 1968 гг. хочется автоматически предположить, что военный контроль и революционные комитеты представляли собой «восстановление порядка». Это ошибочное предположение. Новый период истории Китая принес с собой радикальные и болезненные социальные перемены и новую кампанию репрессий, беспрецедентных по своей жестокости и масштабам. Множество студентов и чиновников отправлялись на работы в сельскую местность. Университеты закрыли. Правительственные здания опустели. Почитание Мао разрослось до организованного квазирелигиозного культа. Миллионы людей были брошены в тюрьмы, подвергнуты допросам и пыткам или казнены в рамках кампании по обнаружению участников воображаемых политических заговоров. Многие люди кончали жизнь самоубийством. Эти новые кампании оказались для Китая гораздо более разрушительными, чем беспорядки *хунвейбинов* и межфракционные столкновения.

Уничтожение повстанческих организаций

Хунвейбинов и повстанцев ждало глубокое разочарование, когда команды пропаганды под руководством представителей вооруженных сил начали внедрять в их организациях «диктатуру пролетариата». Эти команды, включавшие в себя фабричных рабочих и армейских офицеров, пользовались поддержкой комитетов военного контроля, и в их задачи не входило разбирать-

ся в том, кто прав, а кто виноват. Они не собирались давать активистам контролируемых ими движений возможность высунуть голову. Новые команды исходили из посыла, что повстанцы не смогли объединиться, что обе стороны допустили существенные политические недочеты и что обеим сторонам предстоит пройти через перевоспитание и раскаяние на принудительных «занятиях». Все это описывалось девизом «кампания за борьбу, критику и преобразование». Комитеты военного контроля систематически нейтрализовали лидеров повстанческих групп, лишая их возможности коммуницировать с союзниками по местам их работы или учебы и постепенно подрывая внутри учебных заведений, предприятий и контор фракционные связи.

«Кампания за борьбу, критику и преобразование» представляла собой принудительный процесс взаимной критики и идеологической перестройки, посредством которых надлежало устранить сформировавшиеся за последние годы фракционные расколы. На обязательных занятиях по изучению маоизма фракционные лидеры всех уровней должны были писать о самих себе критические тексты, сознаваясь в ошибках, допущенных в рамках массового движения. Признания оценивались кураторами классов и подвергались разбору всеми остальными участниками. Взаимная критика зачастую вскрывала новые ошибки, в которых еще предстояло сознаться. Те же, кто отказывался признать вину, подвергались собраниям критики, борьбы и коллективного порицания, которые организовывались армейскими офицерами. Идеальным конечным итогом этих операций была трансформация отдельно взятой организации в единый дисциплинированный корпус послушных служителей председателя Мао, которые смогли преодолеть контрпродуктивный фракционализм, столь сильно разобщивший повстанцев.

Не были освобождены от этой повинности и повстанческие лидеры, которые когда-то восхвалялись по всему Китаю. Типичным в данном контексте является унижительное крушение Не Юаньцзы из Пекинского университета, которая была известна как автор первой «марксистско-ленинской стенгазеты», удостоившейся в свое время хвалебных речей Мао, и на тот момент

состояла в революционном комитете по городу Пекину¹. После встречи в июле 1968 г., когда Мао обозначил конец движения *хунвейбинов* и Не вернулась в свой вуз, газета ее фракции опубликовала передовицы с «теплыми приветствиями» в адрес команды за пропаганду маоизма. Сразу после прибытия в середине августа в кампус пропагандистов введенный порядок коренным образом изменился. Газета фракции Не была незамедлительно закрыта. Команда за пропаганду маоизма приказала сдать все оружие и снести все укрепления. Пропагандисты взяли под свой контроль всю вещательную аппаратуру, освободили из повстанческих тюрем задержанных и потребовали прекратить взаимные обвинения. Не сообщили, что ей следует пересмотреть свое поведение и осознать, как ее попытки принудительно заглушить голоса критиков сформировали и поддерживали насилие и раскол.

Лидеры обеих фракций Пекинского университета были вынуждены принимать участие в занятиях, в рамках которых они сознавались в допущенных в процессе своей деятельности ошибках. Не Юаньцзы отказалась признать серьезные недочеты со своей стороны и продолжала сыпать обвинениями в адрес своих оппонентов. В октябре пропагандисты организовали массовое собрание порицания, на котором присутствовало свыше трех тысяч человек. На Не обрушились с критикой по поводу ее противостояния действиям властей. В конце ноября Не подвергли еще одному собранию порицания, на котором ее обвинили в «буржуазном мировоззрении» и «декадентском, лицемерном подходе».

Когда в сентябре 1969 г. при Пекинском университете был наконец-то создан революционный комитет, структуру возглавил армейский офицер. Из шести его заместителей трое были солдатами, еще один — членом пропагандистской команды. Только два заместителя представляли сам университет, в том числе — Не Юаньцзы. Впрочем, ее назначение было сплошным очковтирательством. Знаменитого редактора любимой стенгазеты Мао

¹ Это описание основано на [Walder 2006: 1044–1045; 2009: 247–248].

было сложно подвергнуть позору публично. В течение года с лишним Не была изолирована для прохождения переобучения и на краткое время освобождена лишь для того, чтобы в апреле 1969 г. формально присутствовать в качестве делегата на IX съезде КПК, на котором, как ни странно для ее спорного политического положения, она была избрана кандидатом в члены ЦК. Через два месяца после создания в Пекинском университете революционного комитета Не отправили на трудовое перевоспитание в государственное сельскохозяйственное предприятие. В течение следующих двух лет ее имя постепенно исчезло из партийных списков как столичного, так и общенационального уровня.

Не менее плачевным было положение Куай Дафу, знаменитого командира *хунвейбинов* Университета Цинхуа². Отправленная в начале августа в его вуз команда по вопросам пропаганды разоружила обе фракции и освободила всех пленных. Учрежденный здесь в январе 1969 г. революционный комитет, отвечавший за работу команды по вопросам пропаганды, которая продержится в Университете Цинхуа большую часть следующего десятилетия, возглавил командир полка³. Куай Дафу был отправлен работать на военный завод в отдаленном Нинся-Хуэйском автономном районе. Его на короткое время вернули в Университет Цинхуа в 1970 г., где держали в изоляции и допрашивали в качестве предполагаемого члена подпольной ультралевой организации. В конечном счете Куаю все же было разрешено вернуться в Пекин и работать на промышленном предприятии «под надзором».

Схожая судьба постигла и других известных повстанческих лидеров Пекина. В октябре 1968 г. Тань Хоулань из Пекинского педагогического университета обязали заниматься физическим трудом под руководством военных в окрестностях Пекина. В середине 1970-х гг. ее также вернули в альма-матер для допроса по делу о возможном ультралевом заговоре. После этого Тань

² Это описание основано на [Walder 2009: 248–249]. [Andreas 2009: 138–142] описывает, как в университете вводился контроль команды по пропаганде.

³ Описание этого периода см. в [Andreas 2006].

продолжала работать под контролем инспекторов на фабрике в Пекине. Хань Айцзин из Института авиации и воздухоплавания в конце 1968 г. был также изолирован на время проведения следствия. В конце 1969 г. его отправили работать «под надзором» на фабрику в провинции Хунань. Схожим образом Ван Дабинь из Института геологии еще в январе 1969 г. был отправлен на фабрику в провинции. Известные лидеры студенческого движения Пекина были лишены возможности играть хоть сколько бы то ни было существенную роль в новых властных структурах.

Консолидация революционных комитетов

Судьба знаменитых лидеров пекинских повстанцев представляет собой микрокосм общей стратегии военных командиров по устранению фракций. Революционный комитет провинции Цзянсу был учрежден в Нанкине в апреле 1968 г. Главой структуры стал генерал Сюй Шию⁴. Повстанческие лидеры к тому моменту лишились своего авторитета по причине поэтапного разгрома их организаций. Первым шагом стала организация отдельных «собраний» студентов, рабочих и крестьян на муниципальном уровне. Это де-факто исключало возможность политической активности внутри разных учебных заведений и рабочих ячеек. Такие меры не положили конец межфракционными конфликтам, но позволили ограничить их пределами отдельных учебных заведений и предприятий. Следующим шагом была организация занятий перевоспитания для лидеров фракций и проведение «кампании за борьбу, критику и преобразование» в целях разрушения связей внутри фракций. Когда главы местных фракционных организаций пытались протестовать, в рамках кампании на них открывалась охота. Следующие кампании против всевозможных политических заговоров еще больше запугали активистов повстанческих фракций, многие из которых оказались за решеткой. Таким образом армия в провинции

⁴ Описание ситуации в провинции Цзянсу основано на [Dong, Walder 2012a: 24–29].

Цзянсу шаг за шагом постепенно ужесточила контроль в регионе без масштабного применения вооруженной силы⁵.

Попавшие в революционные комитеты лидеры повстанцев вскоре осознали, что их посты были по большей части почетными. Их неудовольствие по поводу нового положения дел обострилось после посещения ими в мае 1968 г. в составе официальной делегации для обмена опытом Шанхая. По возвращении домой бывшие мятежники обеих фракций открыто превозносили шанхайскую модель. В отличие от них, бывшие шанхайские повстанцы (в частности, Ван Хунвэнь) занимали серьезные должности и пользовались реальным влиянием. Для членов фракции, которая противодействовала Сюй Шию, все усугублялось особым вниманием к ним в рамках кампании за борьбу, критику и преобразование.

Процесс проведения кампании нельзя было назвать гладким. Противостояние периодически оборачивалось ожесточенными столкновениями. Только в Нанкине с апреля по июль 1968 г. произошло пять крупных стычек. В силу ликвидации межпрофессиональных организаций конфликты ограничивались пределами отдельных рабочих ячеек — в отличие от масштабных уличных боев недавнего прошлого. Первая подобная конфронтация произошла 23 апреля на территории Нанкинской академии радиовещания — оплоте противников Сюй Шию. Между представителями двух фракций произошла драка. Отправленные для ареста зачинщиков вооруженные силы столкнулись с противодействием. Активисты из размещенных поблизости рабочих ячеек ринулись на поддержку своих союзников в учебном заведении. В результате развернулся полноценный бой. Похожее столкновение произошло 4 мая на управляемом военными производственном предприятии. И снова на место происшествия были направлены вооруженные силы. В ответ противники Сюя организовали у штаб-квартиры революционного комитета демонстрацию. Аналогичные инциденты произошли в начале июля, в результате погиб один учащийся.

⁵ [Forster 1990: 56–91] описывает схожий процесс в провинции Чжэцзян и городе Ханчжоу, ее столице.

Подобные хронические, но незначительные по масштабам конфликты раздражали военное командование, которое могло реагировать на выступления лишь организацией дополнительных классов перевоспитания. В августе 1968 г. Сюй Шию с грустью отмечал, что в Цзянсу было проведено свыше 1,5 миллиона занятий перевоспитания, но при этом межфракционные споры не угасали. С уличными боями было покончено, крупные повстанческие союзы были ликвидированы, но на низовых уровнях положение революционного комитета провинции Цзянсу все еще было весьма шатким.

В июле 1968 г. — в тот же месяц, когда Мао созвал на сессию порицания лидеров пекинских *хунвейбинов*, — центральные власти КНР обнародовали две директивы, которые в жестких выражениях требовали ввести суровые меры против продолжающихся межфракционных столкновений в Гуанси и Шэньси. Сюй Шию ухватился за этот шанс для введения более решительных мер контроля. Повстанческих лидеров Нанкина изолировали в учебных аудиториях, где мятежников, которые пробовали сопротивляться, недвусмысленно осуждали. Пропагандисты прибыли в учебные заведения и на фабрики, где начались гонения на противостоящие властям повстанческие группы. В этом деле им способствовало запустение учебных заведений. В конце 1968 г. студенты вузов получили разнарядки и покинули Нанкин. Большинство учащихся средних школ высшей степени были отправлены в сельскую местность. Повстанцы-студенты, выступавшие против Сюя, были направлены работать как можно дальше от Нанкина. Оставшихся в городе учащихся и преподавателей зачастую посылали работать на фабрики, в шахты и сельскую местность. Лишь к 1970 г. они начнут возвращаться в Нанкин.

События в провинции Цзянсу воспроизводились и по всей КНР. График 12.1 демонстрирует воздействие военного контроля на общество и формирование революционных комитетов. Цифры указывают на последствия заключительных мер по демобилизации массовых фракций летом 1968 г. Резко сократилось количество вооруженных столкновений между повстанцами, а равно

и число нападений на правительственные учреждения и военные объекты. К сентябрю 1968 г. с напряженным периодом повстанческого движения в рамках «культурной революции» было покончено.

Закрытие университетов

Беспорядки предшествующих лет исключали возможность приема в университеты новых студентов. Занятия прекратились, дипломы не выдавались. Общациональные вступительные экзамены были отменены еще в июне 1966 г. и до сих пор не проводились. Студенты, оказавшиеся в университетских кампусах во время весеннего семестра 1966 г., были вынуждены провести там еще два года, хотя позже по мере нарастания опасной волны насилия многие из них покинули вузы. К осени 1968 г. все учащиеся университетов и средних школ высшей ступени Китая остались без завершеного образования и карьеры. Уже были пропущены три курса — 1966, 1967 и 1968 гг. Пришло время решать, что делать со студентами и университетами.

Поначалу приоритетом было обеспечение военного контроля над противоборствующими студенческими фракциями. Преподаватели и администраторы школ, уже почти два года бывшие объектом нападок учащихся, оказались вынуждены пройти дополнительную идеологическую перестройку и обработку. Вместо возобновления работы университетов, набора новых курсов студентов и продолжения прерванного с 1966 г. нормального функционирования образовательной системы был выбран кардинально иной вариант развития событий. Университеты на неопределенное время закрылись, а студентов, преподавателей и администраторов вынудили покинуть кампусы.

В конце 1968 г. было принято решение предпринять в рамках новой политики первый шаг. Было объявлено, что все студенты завершили свое обучение. Им начали выдавать направления на работу. Фактически это означало лишение студентов-повстанцев любых перспектив присоединения к новым органам власти, осуществлявшим руководство в вузах. К тому же повстанческие

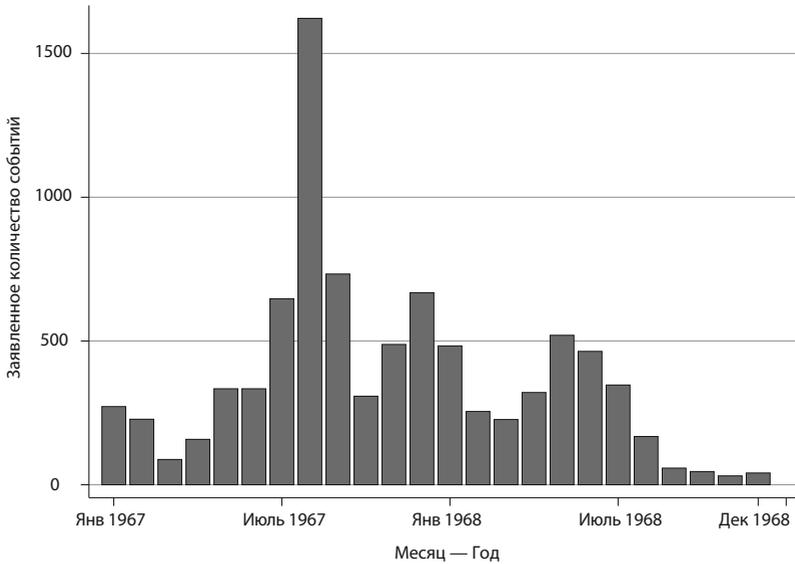

График 12.1. Сообщения о совершенных актах насилия, помесечно, 1967–1968 гг. Источник: расчеты исходя из данных в [Walder 2014]

лидеры обычно направлялись в отдаленные регионы и по большей части занимались на фабриках физическим трудом или выступали в качестве низового технического персонала. Те студенты, которым улыбнулась фортуна, становились солдатами. Обычно такой судьбы удостаивались люди с политическими связями. Однако в целом студенты-повстанцы лишались возможности продолжить свои политические карьеры как в учебных заведениях, так и в правительственных структурах. Вторым шагом новой кампании по завершении мучительного процесса выявления предполагаемых реакционеров и шпионов стало направление практически всего преподавательского и администраторского состава в «школы кадровых работников 7 мая» — так называли учреждения в сельской местности, призванные преобразить представителей интеллигенции и бюрократов посредством физического труда. Всех сотрудников Пекинского университета

и Университета Цинхуа направили работать на илистые берега озера в провинции Цзянси, где им пришлось самим строить себе жилье и выращивать себе на пропитание бóльшую часть еды. Этот лагерь продолжал функционировать до начала 1970-х гг.⁶

Большинство университетов открылись лишь в 1972 г., после возвращения преподавателей и администраторов, отправленных в школу «7 мая». Новые студенты приступили к занятиям по-прежнему под контролем группы пропаганды идей Мао. На обучение зачислялось гораздо меньше студентов, чем в 1966 г. Показатели вернулись к предшествующему уровню лишь к 1977 г. [State Statistical Bureau 1983: 511]. Однако самым значительным нововведением оказалась методика отбора абитуриентов. Вне зависимости от применения маркеров классовой принадлежности, существовавшая ранее меритократическая система общенациональных экзаменов давала преимущества студентам из бывших средних классов и «реакционных» домохозяйств. Экзамены были отменены. Возможности попасть в вуз прямо со школьной скамьи больше не существовало. Теперь студенты вузов рекрутировались из коллективных фермерских хозяйств, фабрик и армии. Единственное, что требовалось успешному абитуриенту, — наличие должной классовой принадлежности, опыт политической активности и рекомендательные письма от представителей местных революционных комитетов с политической характеристикой [Andreas 2009: 188–210].

Изгнание в сельскую местность

Новые процедуры приема абитуриентов в вузы вынуждали выпускников средних школ высшей ступени отказываться от незамедлительного поступления в университет или институт и неопределенное время заниматься тяжелым физическим трудом. Учащиеся, не сумевшие поступить в среднюю школу высшей

⁶ Лагерь описан у [Yue, Wakeman 1985: 251–273]. Мемуары интеллигента, пребывавшего в таком лагере на территории провинции Хэнань, см. в [Yang 1984].

ступени или прошедшие обучение в профессиональных школах или техникумах, зачислялись в штат местных фабрик или других городских учреждений. Абсолютное большинство выпускников средней школы высшей ступени направляли в отдаленные деревни на бессрочную работу в качестве обычных крестьян. Эта практика была распространена в ограниченных масштабах еще в начале 1960-х гг. в таких крупных городах, как Шанхай, где не для всех выпускников средних школ, которые не смогли поступить в вузы по результатам вступительных экзаменов, можно было подыскать подходящую работу [Bernstein 1977a: 36–44; White 1978, 1979]. Теперь же этот подход стал применяться в Китае повсеместно.

Четких временных лимитов пребывания в сельской местности не устанавливалось. Молодым людям из городов предлагалось в одночасье начать новую жизнь в качестве крестьян. Некоторые из них смогли вступить в КПК и в дальнейшем стали кадрами при бригадах и коммунах. Немногочисленные счастливицы, продемонстрировав свои таланты начальству, имели возможность получить рекомендацию для поступления в вуз по целевым квотам для «рабочих-крестьян-солдат». Естественно, молодежи сначала приходилось переживать период адаптации к тяжелым условиям жизни в сельской местности. Городские жители представить не могли, что им придется столкнуться с малопитательным рационом на базе злаков в сочетании с каторжным трудом. Сексуальным притязаниям и даже насилию со стороны сельских кадров подвергались беззащитные девушки-горожанки, которых вынудили жить самостоятельно, вдали от семей [Bernstein 1977a: 121–171; 1977b; Unger 1982]. В последующее десятилетие свыше 18 миллионов молодых людей из городов были направлены в сельскую местность. За это же время лишь 720 тысяч из них смогли поступить в университеты по целевым квотам «рабочие-крестьяне-солдаты» [China Education Yearbook 1984: 969].

Отдельным аспектом перевода городских жителей в деревню была депортация политических изгоев. Изгнание в сельскую местность вызывавших подозрения людей и целых домохозяйств по причине классовой принадлежности или негативных полити-

ческих маркеров началось еще в 1966 г. и только обострилось при революционных комитетах. Предполагалось, что такое переселение будет постоянным, но на исходе эпохи Мао изгнанники начали протестовать против подобного распоряжения их судьбами. В Тяньцзине были отправлены в сельские районы около 15 тысяч человек в сопровождении свыше 25 тысяч членов их семей — примерно 1,3 % городского населения⁷.

Бюрократическая трудовая реформа

Требование подвергать всех имеющих образование лиц идеологической перестройке посредством физического труда распространялось и на «белых воротничков» в бюрократических структурах. Немногие люди избежали продолжительного пребывания в сельских кадровых школах «7 мая» или работы на фабриках. С 1969 по 1971 г. официальные ведомства китайских городов практически опустели. Множество управленцев и рядовых сотрудников были вынуждены долгое время заниматься физическим трудом. В конторах оставался лишь минимальный штат, который мог выполнять, соответственно, лишь самую незначительную часть прежнего функционала. Фактически была прекращена исследовательская работа, а ассортимент правительственных услуг был сокращен до предела. Подобная практика репродуцировалась и на крупных государственных промышленных предприятиях: инженеры, бухгалтера и другие технические специалисты вставали за станки и доменные печи или были на побегушках, обеспечивая уборку помещений и работая в столовых. На фабриках заметно поубавилось народу. Когда же специалистам позволялось вернуться к прежней работе, они сталкивались с существенным ограничением их полномочий.

Первоначально мероприятия по понижению офисных работников по службе заметно превзошли в своих масштабах ссылку молодежи в сельскую местность, но данная кампания была

⁷ [Brown 2012: 137–168] описывает эту практику и ее воздействие на городскую среду. Показатели депортации см. [Ibid.: 139, 144].

свернута гораздо быстрее. В Шанхае свыше 20 тысяч кадров были отправлены работать на фабрики, планировалось окончательно и бесповоротно сократить штат на всех уровнях управления [Contemporary China 1993: 262]. В Тяньцзине свыше 70 % офисных служащих при городских фабриках были переведены на разного рода физический труд [Contemporary China 1989: 148]. Ближе к концу 1969 г. в провинции Хэнань 12 300 кадров из региональных партийных и правительственных структур были отправлены в составе трех отдельных групп в сельские трудовые лагеря [Contemporary China 1990: 607]. В провинции Хубэй, свыше восьми тысяч кадров из региональных правительственных органов были направлены заниматься физической работой на переустроенной под такие цели военной базе [Contemporary China 1991a: 109]. В провинции Гуандун было создано 313 объектов «7 мая», куда оказались направлены 164 600 кадров всех административных уровней. Власти Гуандун в то время планировали сократить правительственный штат в общей сложности более чем на 150 000 кадров [Contemporary China 1991b: 118]. Лишь к 1971 г. эта практика пошла на спад. Трудовые лагеря же работали вплоть до 1972 г.

Зачистка классовых рядов

По мере укрепления властных полномочий комитетов военного контроля «кампания за борьбу, критику и преобразование» была масштабирована в гораздо более крупную и по-драконовски более жестокую охоту на предателей и контрреволюционеров — зачистку классовых рядов. Общациональная система новоучрежденных революционных комитетов мобилизовалась на паразитические по размаху репрессии. Кампания началась вскоре после завершения формирования революционных комитетов и растянулась до 1969 г.

Чистки проводились двумя различными путями. Первым стали расследования, инициированные в Пекине Центральной следственной группой. Структура была учреждена в 1966 г. для ведения уголовных дел чиновников, ставших потом жертвами

чисток в рамках «культурной революции». Через общенациональные расследования, которые координировались группой, прошли почти миллион кадров [Schoenhals 1996: 109]. Совсем недавно смещенные высокопоставленные чиновники были обвинены в тайных антипартийных сговорах. Сговор сам по себе предполагает наличие сторонников, и этих подпольщиков, естественно, надлежало искать в регионах, где официальные лица когда-то работали. Пекинские следователи приказали местным властям проверять всех, кто мог бы проходить по делу их бывших начальников. Местные революционные комитеты не могли игнорировать такие запросы. По всему Китаю развернулась волна дополнительных расследований.

Именно таким образом проводилась кампания по подрыву Народной партии Внутренней Монголии. Все началось с расследования в отношении Уланьфу, руководителя АР Внутренняя Монголия. Чиновник был подвергнут репрессиям еще в самом начале «культурной революции». Весной 1968 г. чистки переросли в движение за выявление и ликвидацию любых признаков влияния Уланьфу. По мере того как революционный комитет множил тома дела Уланьфу о заговоре, чиновник был обвинен в руководстве несуществующей «Новой народной партией Внутренней Монголии», которая будто бы являлась собранием сотрудничавших с Монголией и СССР монголов-сепаратистов. Начались аресты и пытки подозреваемых, в первую очередь этнических монголов, которые часто сознавались в надуманных преступлениях и подвергались дальнейшим истязаниям с целью получения информации о «сообщниках». К марту 1969 г., когда с целью остановить кампанию наконец-то вмешался Пекин, допросам подверглись 790 тысяч человек. Из-за побоев и пыток 120 тысяч из них остались на всю жизнь инвалидами. 22 900 человек были убиты, казнены или покончили жизнь самоубийством [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 257–258].

По большей части жертвы чисток никак не были связаны с делами, сфабрикованными Центральной следственной группой. Чаще всего кампания реализовалась через следственные действия, произвольно инициированные в отношении отдельных

школ и рабочих ячеек. Кампания приобрела общенациональный размах после того, как деятельность нескольких образцово-показательных структур была описана в программных документах центральных властей, распространенных по всему Китаю с разрешения самого Мао. Общий тон кампании был задан в редакционной статье, опубликованной «Жэньминь жибао» 1 января 1968 г. Она призывала к нейтрализации самых разнообразных врагов и предателей в рядах революционеров для достижения победы пролетариата в классовой борьбе. В конце мая 1968 г. в одном из первых программных документов был расписан ход кампании на печатной фабрике «Синьхуа» в Пекине. Мероприятия проводились комитетом военного контроля при этом предприятии. В эту структуру входили офицеры из военного подразделения, которое осуществляло личную охрану членов Политбюро. Фабрика имела давнюю историю, и кампания была спровоцирована предположением, что среди ее опытных сотрудников — представителей старого общества, которые работали и при националистах, и при японцах, — могли быть люди, замешанные в «крайне сложной, обостренной и жестокой» классовой борьбе. На массовых встречах, в ходе которых выискивали предателей, «разоблачалось» множество контрреволюционеров. Подозреваемых подвергали собраниям критики и борьбы и вынуждали писать признания под предлогом, что снисхождение заслужат только те люди, которые полностью сознаются в своих преступлениях [Ibid.: 254–255].

Для проведения кампании правительственные структуры, конторы, фабрики и школы на местах сформировали следственные группы, которым было поручено собирать доказательства по вменяемым подозреваемым преступлениям. Политические дела людей изучались в поисках свидетельств предшествующих злодеяний. К бывшим начальникам и коллегам подозреваемых поступали запросы на любую инкриминирующую информацию. По всей территории Китая кампания протекала в форме обличений, допросов и признаний. Обвинения зачастую не обеспечивались ничем, кроме подозрения, основанного на личной истории человека или имеющихся у него связей. Обвинения поступали к подо-

зреваемому обычно в виде писем или обращений от вышестоящих структур, или через представителей других органов или районов, которые расследовали иные дела, а также путем публичных или тайных нападок со стороны представителей «народных масс».

После того как кампания расправилась со своими первыми жертвами, основным источником новых обвинений стали комнаты допроса. В лучшем случае такие допросы сопровождалась угрозами и травлей. Вина обвиняемых презюмировалась, и при отсутствии «чистосердечного» признания им сулили тяжелые наказания. Вопреки указаниям из Пекина об использовании лишь «допустимых» методов допросов, зачастую имело место физическое насилие, в том числе, как свидетельствуют написанные впоследствии отчеты об эпохе Мао, пытки на грани садизма. Однако допросы не заканчивались признанием жертвы. По определению заговор предполагает участие группы людей. Следующим этапом было требование назвать имена остальных его участников. Если подозреваемый отказывался, то допрос продолжался вплоть до получения этих имен. Названных ожидали те же допросы, те же выколачивания признаний, те же озвучивания имен заговорщиков. Таким образом, нередко кампания охватывала огромное число невинных людей. Поскольку жертвы сознавались фактически в контрреволюции, зачастую их приговаривали к казни. Впрочем, многие погибли в результате пыток в комнатах допросов или вынужденного суицида. Самоубийства были проблемой для следователей, поскольку они считались признанием вины и не давали возможности выудить имена остальных соучастников. В результате следствие часто заходило в тупик. В самом начале кампании такие лица, как Кан Шэн и министр общественной безопасности Се Фучжи, выражали беспокойство в связи с волной самоубийств, сокрушаясь, что суицид препятствует ходу следствия [Ibid.: 255–256].

Чистки в Пекинском университете начались через месяц после введения туда армии. Повстанческие организации ликвидировались, а их лидеры отправлялись на перевоспитание. Следственные группы, игнорируя все события, имевшие место на территории университета за два предшествующих года, инициировали рас-

следования в отношении свыше 900 попавших под подозрение кадров и преподавателей. Жертв не выпускали из кампуса. По результатам изматывающих допросов команда по делам пропаганды всего за месяц с небольшим пришла к решению, что 542 задержанных являются «врагами народа». К концу года 18 человек покончили с собой. Среди погибших был и один из высокопоставленных партийных деятелей, первыми публично вставших на сторону Не Юаньцзы во время ее первого протеста против руководства вуза. Человека нашли мертвым в университетском плавательном бассейне, это был явный случай самоубийства [Walder 2006: 1044–1045; Wang 2006]⁸.

Чистки приняли широчайший размах. Существенная часть попавших под каток репрессий людей были представителями социальных групп, по которым ранее уже успела пройти «культурная революция», — теми, у кого были связи за пределами Китая и кто имел контакты с Гоминьданом или землевладельцев и капиталистов в родословной. Впрочем, столкнуться с кампанией можно было самым различным образом. Членов КПК, прослуживших движению верой и правдой не одно десятилетие, могли в любой момент обвинить в принадлежности к воображаемой шпионской организации. Людей, которые рисковали своими жизнями во время подпольной деятельности КПК в период до 1949 г., обвиняли в том, что их прежние занятия были свидетельством их причастности к шпионажу на стороне националистов. Оказывалось, что люди, ранее активно участвовавшие в межфракционной борьбе в период «культурной революции», «на самом деле» были задействованы в заговорах против Мао и социализма. Лица, которые в приватной обстановке позволяли себе отдельные критические комментарии в адрес Цзян Цин или положительно отзывались о Лю Шаоци и других лидерах, находились под подозрением. Среди главных подозреваемых оказывались и те, кто ранее чем-либо оскорбил назначенных теперь ответственными за проведение кампании людей, высказывался против убийств и пыток или вставал на защиту попавших в опа-

⁸ Этот период в университетской жизни описан у [Yue, Wakeman 1985: 233–250].

лу партийных руководителей⁹. Террор был связан не только с драконовскими мерами в отношении предполагаемых виновных, но и с высокой степенью непредсказуемости кампании.

Для Шанхая, который в целом обошли стороной затронувшие многие регионы Китая масштабные межфракционные междуусобицы, кампания обернулась серьезными последствиями. Революционный комитет этого города вознамерился провести четко организованную акцию по разоблачению и выставлению тайных классовых врагов у позорного столба. С января 1968 г. по апрель 1969 г. в следственные мероприятия оказались втянутыми 169 тысяч человек. 17 из 20 высокопоставленных партийных и правительственных чиновников Шанхая были объявлены предателями. Бывший мэр и один из его заместителей умерли в заключении. Около 84 % партийных и правительственных чиновников города — более 900 человек — были обвинены или задержаны. 46 из них скончались под стражей. Всего же в результате кампании к концу 1968 г. погибло более 5000 человек — это лишь примерная цифра, основанная на делах, находившихся под непосредственной юрисдикцией профильных ведомств, отвечавших за проведение расследований [Xu 1990].

В провинции Гуандун, которая переживала ожесточенную межфракционную борьбу, усмиренную лишь применением военной силы, кампания обострила все еще теплящиеся разногласия между повстанческими группировками. Конфликт начал принимать все более пугающий оборот. Армия здесь была на стороне «Восточного ветра», в то время как мятежники из «Красного знамени» настойчиво боролись с вооруженными силами до самого конца. Чистки последовали вскоре после того, как в феврале 1968 г. провинция приняла решение по выходу из политического кризиса. Ответом на последние тщетные попытки воспротивиться военному контролю стали репрессии. В массовой резне, которая сопровождала установление мира в сельских районах Гуандун, только за рассматриваемый период погибло более 30 тысяч человек [Contemporary China 1991b: 118].

⁹ Примеры см. [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 256–262].

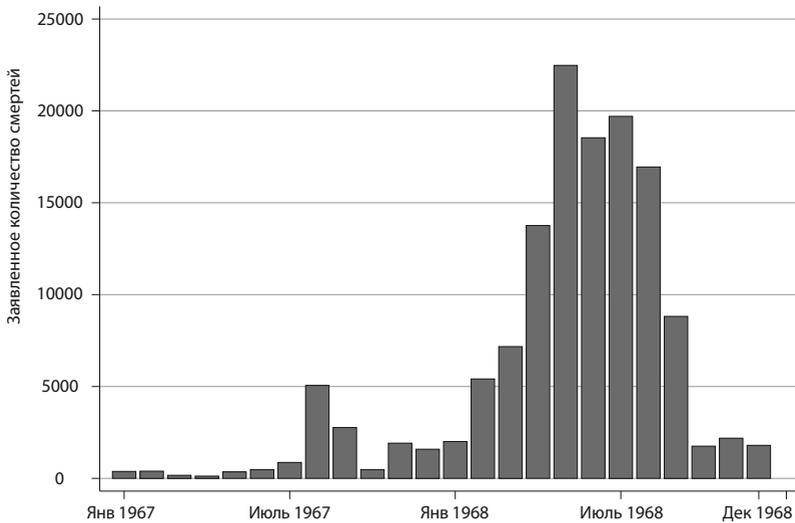

График 12.2. Число заявленных смертей от кампании, помесячно, 1967–1968 г. Источник: расчеты исходя из данных в [Walder 2014]

График 12.2 позволяет нам оценить масштабы этих новейших чисток в сравнении с ранними периодами «культурной революции». Репрессии и одновременное вооруженное подавление оппонентов из противоборствующих фракций сформировало смертоносную волну, последствия которой значительно превзошли самые худшие сценарии недавнего прошлого. Пик смертности в августе 1967 г., когда начали массово раздавать оружие с армейских складов, в этом контексте меркнет. На фоне данных за август 1967 г. показатели смертности периода с марта по сентябрь 1968 г. смотрятся ужасающе. В описываемый период месячная смертность была примерно в четыре раза выше, чем в последующие пять месяцев. Наивысшие значения смертности по причине чисток совпадают с цифрами последнего этапа спада деятельности повстанцев, которую мы упоминали при рассмотрении графика 12.1. Из этих цифр становится очевидным, что избранное лекарство от недуга межфракционных столкновений оказалось большей отравой, чем сама болезнь.

Первоначально чистки были направлены на подавление глубоко укоренившихся межфракционных конфликтов за счет переключения внимания на предполагаемых скрытых врагов. При этом неминуемо напрашивается вывод, что кампания вызвала резкую эскалацию напряженности непреднамеренно. Революционные комитеты состояли из людей, выступавших в революционных событиях предшествующих лет. Члены структур никоим образом не были едины ни по происхождению, ни по жизненным ориентирам. В новых органах власти доминировали армейские офицеры, которые зачастую проявляли подозрительность в отношении лидеров повстанческих фракций. В революционных комитетах руководили также гражданские служащие, некоторые из которых ранее были мишенью повстанцев в ходе «культурной революции». Однако многие из них в целях самосохранения заверили различные повстанческие фракции в своей лояльности, чтобы расширить базу поддержки в преддверии ожидаемого «великого единения». Наконец, в новые органы власти входили отдельные руководители повстанческих фракций, иногда — представители двух глубоко враждебных друг другу движений. В сущности, революционные комитеты и создаваемые ими следственные группы функционировали в условиях нестабильности и взаимного недоверия, а иногда даже плохо скрываемой враждебности.

В такой ситуации в новых исторических условиях чистки обернулись практически инквизицией и охотой на ведьм. Созданные на местах органы власти имели все основания уверовать, что рьяное претворение в жизнь очередной кампании будет восприниматься новым режимом как знак их лояльности. Неспособность реализации кампании со всей тщательностью бросала тень на сами революционные комитеты. Опыт недавнего прошлого давал людям во власти все основания полагать, что если они не будут ревностно осуществлять полученные сверху директивы, то сами могут в любой момент стать жертвами кампании.

Чувство незащищенности среди членов революционных комитетов и специальных следственных групп практически исклю-

чало возможность высказаться против наиболее жесточенных и неистовых «инквизиторов» или ставить под сомнение даже самые неправдоподобные и бессмысленные обвинения. За слова в защиту обвиняемых, попытки смягчить применяемые во время допросов в их отношении меры и усилия ограничить число обвиняемых и допрашиваемых люди рисковали быть заподозренными в симпатиях к врагу, а возможно, и в участии в подпольном заговоре. С момента, когда телесные и психологические пытки стали нормой получения признаний, процесс эскалации кампании уже нельзя было остановить. Допросы и полученные с их помощью имена соучастников практически обеспечивали постоянное возобновление всего процесса: новые обвиняемые, новые допросы, новые пытки, новые имена. Ставить под сомнение достоверность признаний, задаваться вопросом о правдоподобии существования гигантских сетей подпольных предателей, требовать для проведения людей через жернова следственной машины предоставления чего-то большего, чем подозрения, и указывать на несущественность в качестве доказательства полученных под принуждением признаний было бы проявлением поразительной личной храбрости, граничащей с безрассудством. Ведь это было бы выражением сомнений в действиях руководства, противостоянием «культурной революции» и демонстрацией сочувствия по отношению к врагу.

Как и большинство кампаний Мао, от «большого скачка» и Движения за социалистическое воспитание до инициатив *хунвейбинов* и повстанцев, новая внутренняя интервенция шла сама по себе, приводя к последствиям, масштабов которых никто изначально не предполагал. Она неслась вперед, как автомобиль, у которого отказали тормоза. Движение замедлилось лишь после комментариев Мао, заметившего, что кампания, возможно, оказалась слишком суровой [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 259–260]. Однако к моменту, когда прозвучали эти слова, было уже слишком поздно — кровопролитие свершилось. Свыше половины летальных исходов «культурной революции» — 600–800 тысяч человек по различным оценкам — пришлось именно на этот этап [Walder 2014].

Преклонение перед Мао

Именно в процессе и в результате чисток культ Мао принял наиболее крайние формы. Повсеместно появились значки, бюсты и плакаты с его изображениями. Практически в любом доме на видном месте висел портрет или стоял бюстик председателя. Отсутствие такой атрибутики могло быть воспринято как основание для подозрения в политической нелояльности. Перед правительственными зданиями, в вузовских кампусах и на городских площадях появились огромные статуи Мао. В дни официальных праздников зачастую проводились заранее тщательно отрепетированные парады с огромным числом портретов Мао и передвижными платформами, на которых везли статуи председателя в героических позах [Leese 2011: 210–219]. Тысячи артистов принимали участие в массовых синхронных выступлениях на стадионах, чтобы принести дань уважения и выразить преданность Мао. Люди, которые по неосторожности портили или выбрасывали газеты с изображением или словами Мао, могли оказаться втянутыми в мучительные расследования на предмет лояльности. Семьям приходилось хранить практически все предметы с портретами Мао, выбрасывать которые становилось политически опасно.

Эскалация культа Мао была частью организованной кампании, инициированной в недрах вооруженных сил под командованием Линь Бяо и реализовавшейся комитетами военного контроля. Слоган «будьте трижды преданны и четырежды безгранично [любите]» предполагал, соответственно, личную лояльность «председателю Мао, маоизму и пролетарской революционной линии председателя Мао» и «безграничную любовь, безграничную веру, безграничное почитание и безграничную преданность в отношении председателя Мао». Режим давно поощрял всеобщее уважение к личности лидера, однако искреннее народное благоговение теперь превратилось, по словам двух ведущих аналитиков рассматриваемого периода, в

спонсируемый государством культ с тщательно отрепетированными ритуалами, трансформацией даже самых банальных изречений Мао в священный постулат и примене-

нием механизмов принуждения для устранения любых девиаций и отклонений [от основного курса] [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 262].

В целом кампания основывалась на модели, которая уже была претворена в жизнь на Главной трикотажной фабрике города Пекина. Ведавшие предприятием армейские офицеры придумали способ усиления лояльности у рабочих во время трудового процесса. В начале каждой смены рабочие собирались вместе и, стоя перед портретом председателя Мао, «испрашивали наставлений», которые они могли бы пронести с собой в течение всего дня. Во время смены рабочие были окружены цитатами Мао на стенах цехов, что было призвано повысить рабочий дух. По окончании смены рабочие обменивались цитатами Мао с прибывшими на их место товарищами, чтобы «проявить заботу и предложить помощь». Наконец, в самом конце рабочего дня рабочие вновь сходились к портрету Мао и «отчитывались» о выполнении заданий, критически анализируя свои мысли и результаты труда в течение прошедшего дня. Отчет руководства фабрики об этой практике Мао получил в конце 1967 г. Тогда он оставил на полях документа замечание: «Прочитал, это замечательно. Благодарю вас, товарищи!» [Ibid.: 263]. В дальнейшем этот отчет был распространен по всему Китаю, и вскоре миллионы людей участвовали в подобных организованных ритуалах в своих рабочих ячейках [Leese 2011: 195–202].

Принципиальной составной частью культа Мао было заявление, что его «внедрение в жизнь» позволяет разрешать самые сложные проблемы, в особенности те, которые, казалось бы, выходили за пределы возможностей современной науки и технологий. Газеты и радиопрограммы регулярно сообщали о том, как усердное изучение работ председателя Мао вдохновляло не имевших никаких научных познаний обычных людей работать вдвое больше и добиваться невероятных результатов. Известен пример с командой хирургов, которая, в отсутствие необходимого опыта и квалифицированного анестезиолога, умудрилась успешно выполнить крайне тяжелую операцию по удалению у одного пациента 45-ки-

логаммовой опухоли. Больные раком изучали идеи Мао, чтобы бороться с последствиями лучевой терапии. Санитары без соответствующей подготовки использовали идеи Мао для реабилитации глухонемых, которые после такого лечения могли петь революционную песню «Алеет Восток» и выкрикивать лозунг «Слава председателю Мао!». Причем санитары добивались этого особенно в тех случаях, когда специализированный медицинский персонал в больницах оказывался не в силах помочь пациентам. Сообщалось о том, что схожим образом идеи Мао возвращали зрение слепым, помогали закрепить на теле отсеченные руки и восстанавливали сердцебиение жертвам аварий [Urban 1971: 1–27].

В таких заявлениях не было прямых отсылок к некоему волшебному действию идей Мао. Подобные прокламации были направлены на демонстрацию того, что занятия по изучению маоизма вдохновляли рядовых граждан на подвиги, которые они полагали ранее выходящими за пределы их возможностей. Контекстуально большинство подобных сюжетов подразумевало, что применение мудрых умозаключений Мао на практике приносит обычным людям больше пользы, чем современные науки и технологии — сфера деятельности «буржуазных» специалистов [Leese 2011: 187–194].

Возможно, самым известным проявлением культа Мао стал всеобщий восторг, вызванный в начале августа 1968 г. передачей в дар манго различным учебным заведениям и фабрикам Пекина. Золотистые плоды подарил Мао находившийся с визитом в Китае министр иностранных дел Пакистана. Председатель приказал своему помощнику разделить подарок на части и направить фрукты различным показательным учреждениям и предприятиям Пекина. Часть манго была отправлена уже 5 августа команде по пропаганде маоизма, которая недавно обосновалась в Университете Цинхуа [Baum 1969; Leese 2011: 219–221]. 7 августа «*Жэньминь жибао*» сообщила об этом событии длинным заголовком на первой странице нового номера:

Величайшая забота, величайшее доверие, величайшая поддержка, величайшее поощрение — сердце нашего великого лидера, председателя Мао, всегда связано с сердцами народ-

ных масс — председатель Мао передал ценный подарок от зарубежного друга Команде рабочих и крестьян по пропаганде маоизма¹⁰.

Сопровождавший этот анонс текст описывает реакцию, которую вызвал подарок в кампусе:

Во второй половине дня 5-го числа, когда счастливая весть о передаче Команде рабочих и крестьян по пропаганде маоизма плодов манго от председателя Мао достигла кампуса Университета Цинхуа, люди незамедлительно собрались вокруг дара, исходящего из рук Великого лидера. Слышались восторженные выкрики и самозабвенное пение. Слезы наворачивались на глаза собравшихся. Многократно озвучивались искренние пожелания нашему любимому Великому лидеру, председателю Мао, жить многие лета, многие лета и еще многие лета! Участники собрания позволили в свои рабочие ячейки, чтобы помочь распространить информацию об этом радостном известии, организовали празднования, которые продолжались всю ночь, и вопреки дождю прибыли [к государственной резиденции] Чжуннаньхай, чтобы ознаменовать ликование и выразить свою преданность Великому лидеру председателю Мао.

Один плод манго был отправлен на текстильную фабрику города Пекина. Местный революционный комитет организовал большое собрание, на котором рабочие озвучивали цитаты Мао и восторженно обсуждали подарок. Плод покрыли воском, чтобы сохранить его от порчи, и возложили на возвышение в актовом зале. Рабочие выстраивались в очереди для того, чтобы посмотреть на манго. Плоду торжественно кланялись, проходя мимо него. Через несколько дней манго все-таки начало подгнивать. Тогда фрукт разрезали и сварили в кастрюле воды. Рабочие вновь выстроились в очередь, чтобы получить по ложке бесценной воды, в которой было сварено манго. Революционный комитет приказал сделать восковой слепок плода, который был поме-

¹⁰ Следующее описание основано на [Chau 2010: 257–259].

щен в актовом зале и оставался ключевым элементом всех последующих мероприятий по восхвалению Мао.

За этим последовало несколько месяцев помешательства на манго. На некоторое время этот плод стал главным символом кампании «безграничной преданности». Из воска делались муляжи манго, которые развозили по Пекину и другим районам Китая. Встречая манго, рабочие ячейки организовывали по этому случаю торжественные приемы, празднества и экскурсии. От провинциальных революционных комитетов в Пекин поступали многочисленные просьбы организовать доставку бесценных плодов. Изготовленные копии манго, призванные заменить собой стгнившие оригиналы, размещались в стеклянных витринах. Реплики развозили по всему Китаю, будто бы те были звездами в турне. Фрукты и их копии отвозили в другие города поездами, которые приветствовали массовыми демонстрациями [Leese 2011: 221]. По имеющимся данным, около полумиллиона человек встречали репродукции манго по прибытии в Чэнду. Производились значки и стенгазеты с изображением манго. Табачная фабрика в провинции Хэнань начала производить линейку продукции под маркой манго. Несколькими годами позже на экраны выйдет фильм о классовой борьбе, где манго будут фигурировать в качестве ключевого элемента сюжета¹¹.

Еще одним заметным элементом культа Мао был называемый «танец верности», который был призван продемонстрировать почтение и любовь к председателю. Это действие представляло собой определенную последовательность движений, будто бы вдохновленных народными танцами национальных меньшинств. Танец сопровождался стандартными аккомпанементами и текстами, в которых верность председателю сравнивалась с одновременным биением миллионов сердец. Такие действия могли организовываться практически везде и почти в любое время: в поездах, автобусах, самолетах, на политических собраниях на фабриках

¹¹ Книга, подготовленная к музейной выставке о феномене манго, подробно описывает этот эпизод и включает многочисленные фотографии восхваления манго и связанных с культом атрибутов [Murck 2013: 113–233]. Сюжет фильма «Песня манго» 1976 г. представлен [Chau 2013].

и в конторах и так далее. Как только кто-то начинал танец верно-сти, отказаться от участия в его исполнении было просто невозможно. Отсутствие энтузиазма по отношению к действию трактовалось как очевидный признак неверия в председателя. По словам людей, переживших этот период, самое большое рвение и умение в исполнении танца верности демонстрировали молодые женщины, поскольку для многих из них сам акт танца выступал в определенной мере развлечением. Меньше восторга от перспективы участия в действии испытывали обделенные чувством ритма пожилые люди и «синие воротнички», которые воспринимали подобные мероприятия как весьма существенный конфуз [Leese 2011: 204–206; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 264].

Описывая эти события, трудно устоять от желания сделать вывод, что все это было проявлением определенной коллективной истерии, питаемой искренней верой в чудодейственность идей Мао или, по крайней мере, настоящим уважением к Мао в качестве великого политического лидера. Естественно, мы не можем заглянуть в умы сотен миллионов людей, для которых описанные феномены были частью жизни, однако нам хорошо известен политический контекст всех этих мероприятий. Культ Мао достиг своего зенита на фоне кампании по зачистке классовых рядов, нацеленной на выявление тайных предателей и врагов революции. За всеми этими экзерсисами виднелся плохо скрываемый элемент принуждения, явная угроза и предупреждение тем, кто отказывался демонстрировать достаточную долю энтузиазма. Как отмечает проницательный аналитик культа Мао, «для большинства китайцев участие в публичном почитании [Мао] стало частью выживания в исключительно враждебной среде, где постоянно проводилась охота на предполагаемых контрреволюционеров». Непослушание автоматически бросало на человека тень подозрения: «Все, кто осознанно или неосознанно отказывался от участия в культовых мероприятиях, допускал ошибки в цитатах Мао или как-либо очернял символику культа, сталкивался с перспективой осуждения в качестве “действующего контрреволюционера”» [Leese 2011: 174, 206–207].

К этому периоду относится множество примеров заключения в тюрьму и казни людей, которые, предположительно, позволяли

неуважительные по отношению к Мао реплики, случайно совершали оговорки или использовали материалы с цитатами или изображениям Мао вместо туалетной бумаги [Ibid.: 207]. Рядовым гражданам не требовалось быть непосредственным свидетелем наказания, чтобы понимать реальность его угрозы. С учетом организованной кампании по преследованию тайных предателей и очевидности для многих ложности обвинений в отношении несчастных жертв гонений было бы глупостью подвергать себя и членов своей семьи опасности, отказываясь принимать участие в не требующих, по сути, особых усилий демонстрациях преданности и покорности. Правильнее было изобразить безграничное почитание Великого кормчего, чем привлекать к себе внимание проводящих чистки следователей.

В свете подобного политического контекста и заключенного в нем множества рисков будет разумно предположить, что все население КНР полагало для себя невозможным не изображать, будто бы оно помешано на иррациональных верованиях. Подобное коллективное давление для проявления конформизма, пусть и в существенно иной форме, мы уже наблюдали в ходе систематического самообмана в годы «большого скачка», когда провозглашение веры в эффективность кампании выступало маркером политической лояльности. Однако по сравнению с голодом времен «большого скачка» кампания культивирования лояльности режиму представлялась практически безболезненной. И тем не менее здесь наблюдаются все те же модели и стимулы коллективного поведения. Кампания за лояльность была официально отменена в июне 1969 г. после того, как на IX съезде КПК в апреле того же года, по всей видимости, с разрешения Мао, была озвучена критика наиболее нелепых аспектов выражения преданности лидеру [Ibid.: 226–231].

Еще больше следственных кампаний

Вслед за чистками и эскалацией культа Мао были инициированы две частично дублирующие друг друга кампании, нацеленные на противодействие «контрреволюционной» деятельности

и дальнейшую консолидацию военного контроля и власти революционных комитетов. Первая из этих кампаний, стартовавшая в феврале 1970 г., называлась «Один удар по контрреволюции и борьба против трех зол». Исходя из имеющихся данных, кампания распространилась по большей части Китая к концу года. «Один удар» был направлен против «деструктивной контрреволюционной деятельности». Во многих районах Китая все еще сохранялись негласное противостояние новым властным структурам или глубоко укоренившиеся межфракционные конфликты. «Одним ударом» предполагалось устранить все еще имевшиеся признаки противодействия. Кампания была анонсирована публикацией нижеследующих указаний властям на местах:

Решительно подавляйте активные контрреволюционные элементы, которые вступают в сговор с врагом, предают страну, замышляют бунт, собирают военные разведданные, крадут государственную тайну, совершают убийства и физическое насилие, организуют поджоги объектов и отравления людей, бросаются в контрнаступление для сведения счетов, злобно клеветуют на партию и социалистическую систему, разграбляют государственную собственность и подрывают общественный порядок... Решительно искореняйте контрреволюционные элементы, которые напичкались высокомерием от бесчисленных совершенных ими отвратных преступлений и против которых столь сильно возросло народное негодование, что его можно умиротворить лишь казнью [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 302].

«Борьба против трех зол» была нацелена против «взяток и хищений», «спекуляций» и «расточительства и мотовства». По всей видимости, кампания была предназначена призвать к дисциплине представителей новой власти на местах, которые тратили огромные средства на ужины, подарки, пребывания в гостевых домах и меблировку своих кабинетов, а также «сотрудничество» по бартеру с иными структурами.

«Один удар по контрреволюции и борьба против трех зол» имели более узкую направленность, чем чистки, однако критерии для определения целевого сегмента кампании оставались неопре-

деленными и смутными. «Один удар» не принял того же размаха, что предшествующие ему чистки, но и после него осталось множество пострадавших. В городских районах Пекина было выявлено 5757 «изменников, спецагентов, контрреволюционеров и иных вредных элементов», следствие рассмотрело свыше 6200 дел по обвинениям в растрате и спекуляциях. В сельских уездах в окрестностях Шанхая 64 тысячи человек подверглись «выволочкам и насилию», в результате погибло 520 человек. По всему Китаю за первые восемь месяцев кампании было задержано свыше 284 800 человек [Ibid.: 306–307]. Исследования китайских историков, опубликованные после смерти Мао, свидетельствуют о том, что новая кампания тем или иным образом затронула на $\frac{3}{4}$ меньше человек и была менее смертоносной, чем чистки. Общенациональная смертность от «Одного удара и борьбы против трех зол» составляла менее 10 % от показателя массовых чисток 1968–1969 гг. и в основном приходилась на казни [Walder 2014].

Кампания, которая стала известна под названием «Противостояние элементам 16 мая», была инициирована вдогонку «Одному удару и борьбе против трех зол». Новая инициатива имела еще более четкий и узкий фокус. Теоретически она была направлена против подпольного заговора ультралевых, которым вменялась организация саботажа «культурной революции» путем проведения экстремистских акций. Сам термин «элементы 16 мая», возникший еще в 1967 г., был связан с радикальными членами ГДКР — Ван Ли, Гуань Фэн и другими функционерами, которые были объявлены козлами отпущения за волну нападений на армии в августе 1967 г. [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 221–233]. Кампания развернулась во многих районах в 1970 г. и достигла своего пика в 1971 г. Местные власти восприняли ее как «карт-бланш» на допросы, шантаж и, в отдельных случаях, ограничение свободы бывших лидеров повстанческих фракций, в особенности тех из них, кто выступал против военного контроля. Факт давнего отказа повстанцев от своей деятельности не имел значения. Выполняя требования новой кампании, революционные комитеты изолировали бывших повстанческих лидеров и допраши-

вали их по поводу возможных тайных связей с предполагаемым общенациональным заговором ультралевых мятежников.

Рабочие-повстанцы все еще находились под боком. Их можно было в любой момент выявить, изолировать и допросить. Однако большинство студентов-повстанцев тогда все еще работали в отдаленных коллективных фермерских хозяйствах или на фабриках. В этих случаях власти перемещали учащихся в районы, где они прежде руководили повстанческими фракциями, и училиняли допросы. Так, в 1970 г. известные пекинские *хунвейбины* были возвращены из сельской ссылки обратно в свои университеты и подвергнуты затяжным допросам о деятельности их фракций во времена студенческого движения [Walder 2009: 248–249]. Бывших повстанческих лидеров Уханя поместили в наспех построенные прямо в их рабочих ячейках камеры и допросили в целях установления их тайных связей с группой «16 мая». В общей сложности «элементами 16 мая» были объявлены 33 659 жителей Уханя. Если на тот момент они занимали ведущие посты, то лишались их. Многие люди в конечном счете закончили исправительными работами «под присмотром». Первоначальные планы по казни 84 наиболее известных лидеров повстанцев были позже отменены [Wang 1995: 224–225].

Особо жестокой оказалась кампания, проводимая на территории провинции Цзянсу. Гонения нанесли окончательный удар по фракции, которая все еще оказывала в регионе сопротивление власти военных. Начавшиеся весной 1970 г. репрессии достигли пика ближе к концу года и sporadически проводились вплоть до 1972 г. «Элементами 16 мая» были объявлены свыше 130 тысяч жителей провинции Цзянсу. 57 тысяч человек признались в связях с подпольными фракциями. Опубликованные впоследствии источники сообщали о том, что в результате обращения с осужденными в местах лишения свободы более 6000 человек погибли или пострадали физически или психологически, став инвалидами на всю жизнь. Должностные лица, которые будут непосредственно участвовать в пересмотре этих дел, заявят в дальнейшем, что в действительности число пострадавших было в два раза больше [Dong, Walder 2012b: 900–901].

В результате кампании практически все бывшие лидеры повстанческого движения в провинции Цзянсу были сняты с руководящих постов, на которые их назначили за участие в «великом союзе» 1968 г. Та же участь постигла многих заслуженных чиновников, которые тогда же были удостоены статуса «революционеров». Это был заключительный этап установления полного контроля над провинцией вооруженных сил под командованием генерала Сюй Шию. Кампания ударила по большей части (21 из 28 первоначальных членов структуры) постоянного комитета революционного комитета провинции Цзянсу. Из ПК были изгнаны все девять бывших повстанческих лидеров. В равной мере гонения затронули и всех восьмерых кадровых работников ПК, однако некоторые из них все же смогли удержаться на своих постах. Зачистки начались и в рядах военных: изоляции, допросам и отстранению от должностей были подвергнуты и офицеры, которые содействовали нападкам на Сюй Шию летом 1967 г. Многие из них оказались в заключении. Один из наиболее выдающихся представителей этой группы офицеров умер прямо в тюрьме. Некоторые из самых известных нанкинских повстанческих лидеров оказались так психологически подорваны допросами и заключением, что не смогли продолжить после освобождения нормальную жизнь [Ibid.: 901, 905].

1968–1971 гг. стали ошеломляющим отступлением от массовой мобилизации и протестов двух предшествующих лет. Теперь представители власти на всех уровнях могли попасть под подозрение, а их авторитет ставился под вопрос. Антиправительственный мятеж, вдохновленный утверждением председателя ЦК КПК о «справедливости бунта», был в конечном счете подавлен и завершился гонениями на большую часть повстанцев, откликнувшихся на призыв лидера. Кампания, которая поначалу поощряла выступления студентов и рабочих против засилья чиновников, обернулась разгулом репрессий новой военизированной бюрократии. Все чаще новые структуры устраивали среди городского населения охоту на ведьм. Рядовым гражданам не оставалось ничего кроме как принять участие в самых раблепных и инфан-

тильных формах восхваления Мао, позиционировавшегося в качестве практически сверхъестественного существа, «идеям» которого приписывалась исключительная сила.

Этот период подошел к концу. В сентябре 1971 г. авиалайнер Trident покинул воздушное пространство Китая и вскоре потерпел крушение в степях Монголии. Все люди на борту погибли. Эта трагедия повела Китай по новому, пока неопределенному пути. Были закрыты лагеря «7 мая». Кадры и «белые воротнички» были возвращены на прежние места службы. Были ликвидированы комитеты военного контроля, а военнослужащих вывели из гражданской администрации. Репрессированных во время «культурной революции» чиновников начали восстанавливать в должностях. Широкое распространение получили критические рассуждения о худших проявлениях «культурной революции». С течением времени в среде столкнувшихся со стагнацией качества жизни промышленных рабочих зародился мятеж. Бывшие *хунвейбины* и повстанцы, которых армия отбросила на обочину, организовали протест против своей маргинализации. Появились первые проявления демократического движения. Всего за несколько месяцев до кончины Мао в Пекине и других крупных городах Китая состоялись многочисленные митинги, на которых открыто критиковали «культурную революцию» (и косвенно — Мао).

Вообще обычно авиакатастрофы не влекут за собой столь далеко идущие последствия. Однако на потерпевшем крушение самолете находился маршал Линь Бяо, заместитель председателя ЦК КПК, наследник и преемник Мао, инициатор культа Мао в массовом сознании и глава армии, который фактически руководил большей частью КНР с 1968 г. Было заявлено, что он бежал из Китая после провала заговора, предполагавшего убийство Мао.

Глава 13

Раздор и разногласия

До своей эффектной кончины Линь Бяо столкнулся с перспективой понижения по службе или чего-нибудь еще менее приятного. На это указывали политические проблемы у некоторых подчиненных лидера. Однако в отличие от иных примечательных жертв непредсказуемости Мао Линь не покинул политическую арену тихо и покорно. Сенсационная история о его гибели в результате авиакатастрофы, по всей видимости, на пути бегства в СССР имела тяжкие политические коннотации, особенно в свете того, как этот инцидент был преподнесен китайскому народу: Линь Бяо бежал после неудачной попытки политического переворота, кульминацией которого должна была стать расправа над Мао. По официальным заявлениям, когда его заговор был раскрыт, Линь Бяо попытался бежать в СССР и его самолет потерпел крушение по причине нехватки топлива.

В чем бы ни заключалась истинная причина происшествия с Линь Бяо, его смерть вызвала серию ударных волн, которые коренным образом изменили направленность политики Китая. Именно Линь сделал популярной в рядах армии «красную книжечку» с цитатами Мао, которая вместе с движением *хунвейбинов* в конечном счете распространилась по всей КНР и стала центральным элементом кампании «безграничной преданности» в рамках культа Мао. Именно Линь обеспечил поддержку «культурной революции» со стороны армии. Именно Линь при любой возможности пел дифирамбы в адрес председателя КНР. Человек, который символизировал собой политическую линию Мао, теперь был объявлен предателем. Это ставило под вопрос прони-

цательность и даже дееспособность Мао. Вся подоплека «культурной революции» оказывалась под вопросом.

Драма с Линь Бяо был большим ударом для Мао лично. Несколько месяцев он пребывал в депрессии и замкнулся в себе, что лишь способствовало серьезному ухудшению его здоровья в 1972 г. [Teiwes, Sun 2007: 31–32]¹. Ответом Мао стала смена курса: он решил восстановить отношения с чиновниками-ветеранами, которые подверглись чисткам во время «культурной революции», и возложил вину за «эксцессы» на Линь Бяо и его команду армейских лоялистов. Поначалу в остановке наиболее разрушительных политических инициатив последних лет и отстройке мостов заново Мао очень полагался на Чжоу Эньлая. С благословения Мао Чжоу развернул общенациональную кампанию «критики Линь Бяо» за экстремизм, который привел к страданиям во время «культурной революции». На следующие два года Мао доверил Чжоу восстановление гражданской администрации Китая и постепенное выведение армейских офицеров из правительственных структур.

Эта попытка ликвидации последствий бедствия невольно вызвала новые вспышки конфликтов, которые сотрясали китайскую политику и общество вплоть до кончины Мао в сентябре 1976 г. Какие чиновники должны были прийти на смену представителям вооруженных сил в органах гражданской администрации? На эти посты претендовали две абсолютно разные группы людей. Одной из них были гражданские кадры, опытные партийные администраторы и специалисты, которых в прошлом оставили не у дел и многие из которых все еще работали в цехах или сельских лагерях перевоспитания. Им противостояли бывшие повстанцы, которые несколькими годами ранее подвергали их гонениям. Хотя часть из них в период узурпации власти военными занимала в основном формальные должности, большинство повстанцев потеряли свои посты в революционных комитетах или оказались жертвами зачисток, которые армия вела с 1968 по

¹ Ухудшение состояния здоровья Мао во время лечения легочной инфекции в январе 1972 г. чуть не стало роковым [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 356].

1971 г. Противостояние этих двух групп в борьбе за власть вновь разожгло латентные конфликты эпохи военного контроля.

Вызванное ситуацией с Линь Бяо стремление исправить ошибки предшествующих лет выявило моменты, которые были неразрывно связаны с основным вопросом политики КНР в последние годы эпохи Мао: кто возьмет на себя гражданское руководство страной. Какие из практик и политических мер были контрпродуктивными эксцессами «ультралевых», а какие стали определяющими составными частями политической линии Мао, неукоснительное исполнение которых надлежало продолжать обеспечивать всеми силами? Такие вопросы разобщали политических деятелей во всем китайском обществе, сверху донизу. На уровне общенационального руководства заслуженные чиновники, отстраненные от управления во время «культурной революции», имели обширные списки претензий в отношении того, что они воспринимали как «эксцессы». Они были готовы вернуться ко многим практикам прошлого, до недавнего времени считавшимся заслуживающими осуждения. В то же время действующие члены Группы по делам «культурной революции» при ЦК КПК (ГДКР) и их сторонники рассматривали попытки исправить ошибки как прикрытие для отступления от самой «культурной революции». Подобные расхождения имели место на всех уровнях власти. В результате кадры и повстанцы неминуемо должны были столкнуться друг с другом. Мао регулировал разногласия, подключаясь к их устранению в критические моменты, и пытался обеспечивать в общенациональном руководстве баланс противостоящих сил. Однако воззрения лидера были туманны, а его решения зачастую невозможно было предсказать. О пересмотре своих взглядов он сигнализировал, отдавая предпочтение в текущих спорах то той, то другой стороне. Колебания стареющего Мао между этими двумя полюсами обеспечило КНР в последние годы жизни лидера политическую нестабильность.

По мере развертывания этих конфликтов, на сцену неожиданно вышла новая сила: обычные граждане, которые не были задействованы в межфракционной междоусобице, но пострадали от «культурной революции». В эту группу входили и бывшие

активисты, которые чувствовали, что с ними поступили несправедливо, и рядовые граждане всех возрастов, которые были измотаны борьбой фракций, стагнацией качества жизни и ограниченными образовательными и карьерными возможностями. Несогласие с радикальным маоизмом стало проявляться в самом начале этого периода и незадолго до смерти Мао постепенно достигло кульминации в виде массовых уличных демонстраций в Пекине, Нанкине и многих других городах. Здесь мы видим ростки новой политической ментальности, которая позже перерастет в более открытые демократические движения. Что самое важное, подобные народные выступления четко указывали на утрату поддержки населением радикальных инициатив и безуспешность попыток их поддержать после того, как Мао покинет политическую арену.

Кампания порицания Линь Бяо

Конфликты разжигались в ходе кампании критики Линь Бяо, запущенной в начале 1972 г. Очевидно, что официальная версия гибели преемника Мао была сфабрикована, особенно в отношении личности и персональных мотивов Линя. Он и в самом деле погиб в результате крушения самолета в Монголии. Советские власти обнаружили место катастрофы и подтвердили, что погибшие — действительно Линь и его ближайшие родственники. Однако Линь Бяо не был тем властолюбивым амбициозным интриганом, о котором повествуется в официальной версии происшествия. Как раз наоборот, он не хотел становиться значительной политической фигурой и долгое время сомневался в себе как преемнике Мао². Практически нет свидетельств тому, что Линь был персонально задействован в каком-то заговоре по отстранению Мао и захвату власти путем переворота. При этом есть основания полагать, что сын Линь Бяо, влиятельный полковник ВВС, возможно, обсуждал с другими молодыми офицерами организованное противостояние на случай грядущего

² [Teiwes, Sun 1996] убедительно представляют основания такого воззрения.

смещения своего отца и что именно эти разговоры оказались известны вышестоящим органам.

Вполне очевидно, что уже к концу 1969 г. Мао был глубоко обеспокоен теми огромными властными полномочиями, которые он был вынужден вверить в 1968 г. армейским офицерам. Для поддержания своего статуса Мао практически эксклюзивно полагался на военный аппарат, который подчинился Линь Бяо. Вооруженные силы под командованием Линя стали в Китае доминантой в результате воссоздания провинциальных партийных комитетов после IX съезда КПК. К августу 1971 г. армейские офицеры занимали посты партийных секретарей в 22 из 29 провинций и составляли абсолютное большинство среди кадров партийных структур на уровне провинций [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 300]. Гражданские сторонники Мао остались не у дел.

Фракционный разрыв между военными коллегами Линя в Политбюро и уцелевшими радикально настроенными членами ГДКР обострился в течение 1970 г. Отринув своих давних гражданских союзников, на сторону офицеров переметнулся Чэнь Бода. По мере усиления противостояния в высшем руководстве КНР Мао принял решение выступить против армейского блока. Первой жертвой нового курса стал Чэнь Бода. Вопреки его положению одного из первых создателей маоизма и лидера радикальных маоистов в течение всей его жизни, в январе 1971 г. Чэнь, номинально председатель ГДКР, был объявлен «лжемарксистом», «предателем» и «контрреволюционером». Мао потребовал от военных офицеров Линя извинений и самокритики, но их реакция его не удовлетворила, и он начал перестановки в армейской иерархии с тем, чтобы обеспечить себе личную преданность сотрудников вооруженных сил. Именно в этом контексте сын Линя, предположительно, обсуждал с другими офицерами перспективу выступления против маоистов-радикалов и противостояния атаке Мао на его отца и армейский блок внутри КПК. Во избежание потенциального задержания семья Линь Бяо, по всей видимости, вылетела на небольшом пассажирском авиалайнере в большой спешке, и самолет не был заправлен должным образом. По данным официальных отчетов о катастрофе, эта версия вы-

глядит наиболее правдоподобной, однако в целом дело о гибели семьи Линь Бяо до сих пор остается окутанным государственной тайной [Jin 1999: 163–199; Leese 2011: 231–237; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 325–336; Teiwes, Sun 2007: 31–34].

Вне зависимости от того, что произошло в действительности, это официальная версия событий, которая в совокупности с кампанией порицания Линь Бяо изменила политический курс Китая. Политбюро было очищено от соратников Линя, подвергнутых аресту. В военном командовании произошли перестановки. Однако гибель Линя поставила перед Мао и остальным руководством КНР новый вопрос: каким образом обыграть происшествие так, чтобы минимизировать политический резонанс? Партии, правительственным структурам и народу Китая было представлено четыре тезиса. Во-первых, Линь планировал военный переворот с целью захвата власти. Во-вторых, Линь и его сообщники ненавидели гражданских радикалов, которые помогли Мао начать «культурную революцию». В-третьих, Линь и его сообщники воспринимали «культурную революцию» как безусловную катастрофу. В-четвертых, их недовольство в конечном счете распространилось и на Мао лично.

Наиболее заметным и основополагающим элементом кампании — ее краеугольным камнем — стал опубликованный в январе 1972 г. официальный документ ЦК КПК «Борьба с контрреволюционным переворотом антипартийной клики Линя [Бяо] и Чэня [Бода]». Материал сначала был распространен среди партийного и армейского руководства всех уровней, затем — среди всех членов КПК. Рядовые граждане были ознакомлены с содержанием документа в устной форме. Основой материала являлись перепечатанные записки, которыми якобы обменивались предполагаемые заговорщики. В записках давалось обоснование необходимости переворота — выражалась политическая мотивация заговорщиков [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 337–339; Teiwes, Sun 2007: 34–35].

Кто бы ни был конкретным автором этих доказательств, суть документа поражает до глубины души. Авторы неистовствуют в своей мощной критике как Мао, так и «культурной революции».

Представление документа в качестве реферативного материала «для изучения», по всей видимости, являлось попыткой обеспечить неопровержимые доказательства предательства Линь Бяо, в которое в противном случае многим китайцам было сложно поверить. Однако критическая составляющая документа — обвинительный акт в отношении Мао, «культурной революции» и всех политиков, которые ей способствовали, — определенно задела за живое и многих представителей партийного руководства, и КПК в целом, и рядовых граждан. Практически все озвученные крайне резко обвинения опирались на реальные факты, которые были определенно известны любому человеку, читавшему документ.

Лейтмотивом документа был отказ заговорщиков воспринимать «культурную революцию» как огромный триумф. Инициатива привнесла в китайское общество только хаос:

Политическая ситуация была нестабильной... Широкие массы крестьян угнетены, экономика стагнирует, фактический уровень жизни рядовых граждан, кадров низшего звена и солдат... падает, день ото дня нарастает недовольство. Люди разгневаны, но опасаются высказываться... Правящая группа коррумпирована, не умеет мыслить логически и некомпетентна... Правящую группу раздирают внутренние противоречия. Борьба за власть, стремление к превосходству любой ценой, интриганство и противоборство практически достигли своего пика [Кау 1975: 81, 84].

В документе перечисляются все те, кто пострадал в результате «культурной революции», и лишения, которые они претерпели. Долгое время игнорировалось качество жизни крестьян: «Крестьянам не хватает еды и одежды». Ссылка молодежи в сельскую местность была «скрытой формой трудовой реформы». *Хунвейбинами* воспользовались и цинично отбросили в сторону: «На ранних этапах *хунвейбинов* обманули и использовали в качестве пушечного мяса; на поздних — подавляли и сделали козлами отпущения». Гражданские чиновники, которые когда-то управляли Китаем, тихо негодовали: «Отринутые и гонимые кадры в бешенстве, но опасаются высказывать свое мнение» [ibid.: 84].

Документ с презрением отзывается о гражданских радикалах, которые поддержали Мао во время «культурной революции». Всего через пять лет эти лица будут открыто осуждены в качестве «банды четырех». Членов ГДКР описывает как лицемерных мошенников:

Вооружившись ручками [они] все еще своевольно искажают [и извращают] марксизм-ленинизм, заставляя учение служить их личным интересам. Подложной революционной риторикой... они обманывают и вводят в заблуждение китайский народ.

На самом деле, отмечают авторы, политическая доктрина радикалов была не чем иным, как ожесточенной и смертоносной новой формой фашизма: «Их социализм, по сути, представляет собой социал-фашизм. Они превратили государственную машину КНР в мясорубку для взаимных убийств и междоусобицы» [Ibid.: 83].

В свете недавних перекосов в культе Мао шокирует оценка авторами документа личности председателя КНР, который предстает человеком, склонным к манипуляциям, безжалостным и двуличным: «Сегодня он направляет одни силы против других сил, завтра он срашивает иные стороны. Сегодня он убажывает людей мягкими речами и сладостными словами, завтра он приговаривает тех же самых людей к казни за сфабрикованные преступления». Документ указывает на то, что Мао рекордно часто проводил среди своих товарищей и сторонников чистки:

[Найдете ли вы] хоть кого-то, кто изначально поддерживал его и не получил затем смертный приговор за политические преступления?... Была ли хоть одна политическая сила, с которой он смог проработать от начала до самого конца?... Даже немногие из его ближайших соратников и доверенных лиц были отправлены им в тюрьму [Ibid.: 89].

Авторы воспринимали председателя КНР как угодно, но не как богоподобное существо, о котором твердили последователи культа председателя. В лидере КНР они видели капризного тира-

на и политического мошенника, который был ничем не лучше худших императоров в истории Китая: «Он злоупотребляет доверием и статусом, которыми он обязан народу Китая. Исторически он осуществляет движение назад... Он стал современным Цинь Шихуанди... Он не искренний марксист-ленинист... Он самый крупный деспот-феодал в истории Китая» [Ibid.: 83–84]³.

Мы можем только предполагать, какие логические построения стояли за решением распространить столь нелицеприятную оценку Мао и «культурной революции». Сделать это без санкции Мао было невозможно, что лишь усложняет загадку [Teiwes, Sun 2007: 35]⁴. А вот над последствиями публикации этого документа ломать голову не приходится. Его воздействие на образ Мао можно сравнить с речью Хрущева о роли Сталина в 1956 г.: лидер СССР изображался капризным и злобным тираном, которого следует снять с идеологического пьедестала. Жители страны прекрасно понимали, как сильно они страдали в прошедшие годы. Им не нужно было рассказывать, что их качество жизни не только не повысилось, но фактически ухудшилось. Однако никогда прежде гражданам Китая не демонстрировали в столь неприкрытой критической форме, что все их мучения совершались вовсе не во имя какой-то возвышенной благородной цели. Гражданские радикалы во власти оказались корыстолюбивыми мошенниками и идеологическими отступниками, которые выработали новую жестокую форму «социал-фашизма», Мао — опасным и лицемерным тираном, ничем не лучше первого императора империи Цинь, чье правление было столь жестоким, что

³ Цинь Шихуанди был правителем первого объединенного китайского государства. Хотя за Цинем признают объединение Китая за счет применения военной силы, с течением времени он стал чинящим произвол деспотом, который устраивал расправы над образованными чиновниками. Династия Цинь продержалась недолгое время.

⁴ По крайней мере один влиятельный член Политбюро, Цзи Дэнкуй, выступал против распространения этого материала в свете того, насколько негативный образ Мао создавался при его прочтении. Мао, как всегда непредсказуемый в своих решениях, отверг сомнения Цзи и настоял на распространении материала по всему Китаю.

первая объединенная китайская империя через крайне непродолжительное время пала.

Возможно, среди множества искренних поборников маоизма были те, кто при ознакомлении с этим документом могли бы поверить, что в действительности это шокирующее разоблачение порождено извращенной логикой самых гнусных из предателей — именно такой реакции, скорее всего, ожидали авторы документа. Однако нашлось и множество людей, которые обнаружили в этих строках мысли, которые давно роились у них в голове, но которые они опасались высказать вслух. Вне всяких сомнений, именно так восприняли документ те, кто в результате «культурной революции» подвергся поруганию, чисткам и иным преследованиям, в том числе те идеалисты, которых репрессировали за то, что они последовали призыву бунтовать против властей, за что их жестко наказали в дальнейшем. Документ представил китайскому народу иную трактовку реальности, которая резко противоречила официальной пропаганде, а также снабдил граждан терминологией и обоснованием для критики и «культурной революции», и радикалов во власти, и самого Мао. Последствия обнародования документа не заставили себя ждать. Схожие мысли и эмоции будут выражаться в стенгазетах и на страницах материалов подпольных движений — в КНР 1970-х гг. появились первые намеки на открытый неконформизм. Эти же мысли и эмоции будут озвучиваться во время масштабных протестов, которые пройдут на площади Тяньаньмэнь и по всему Китаю в конце марта и начале апреля 1976 г. — всего за шесть месяцев до смерти Мао.

Восстановление гражданского правительства в 1972–1973 гг.

Кампания порицания Линь Бяо положила начало попыткам восстановить партийную организацию Китая и вернуть гражданских служащих на их прежние посты. Линь Бяо был выставлен в качестве ультралевого радикала, который искажил ожидания Мао от «культурной революции» и довел ее реализацию до крайностей. Ущерб, нанесенный Китаю участниками «культурной

революции», теперь списывался на всеобщий заговор. Абсурдно разросшийся культ Мао, гигантские жертвы кампании по зачистке классовых рядов, ликвидация органов гражданской администрации и учреждение сельских трудовых лагерей — все это было «левацким» прикрытием планов по вооруженному захвату власти. Были собраны и уничтожены миллионы копий фотографий Мао с Линь Бяо, миллионы экземпляров «красной книжечки» и иные материалы, хоть как-то связанные с Линь Бяо [Leese 2011: 238–239].

Под политическим прикрытием новой кампании Мао вверил Чжоу Эньлаю задачу по восстановлению гражданской администрации. Сам Мао, у которого в тот период возникли серьезные проблемы со здоровьем, уединился и отошел от дел. Чжоу работал в означенном направлении вплоть до конца 1973 г. [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 339–347]. Было покончено с публичными ритуалами восхваления Мао. Школы кадровых работников «7 мая», через которые в рамках реформ по трудовому перевоспитанию прошли миллионы чиновников и квалифицированных специалистов, были закрыты, а «учащиеся» вернулись в города и продолжили свою работу. Университеты приступили к приему небольших групп «рабочих-крестьян-солдат» на краткие курсы базового уровня. Начали восстанавливаться прекратившие свою работу еще в 1966 г. партийные комитеты всех уровней. Им передавались отобранные у порожденных «культурной революцией» революционных комитетов властные полномочия.

В этот непродолжительный период, когда Чжоу был у руля, он особенно сконцентрировался на реабилитации кадров — возвращении посрамленных чиновников на высокие посты. В марте 1972 г. Чжоу представил Мао список из свыше 400 таких чиновников, которые по результатам проверок были признаны удовлетворяющими требованиям. Мао список утвердил. Этот процесс воспроизводился на всех административных уровнях. Кульминацией всех этих усилий стал X съезд КПК, который состоялся в августе 1973 г. Состав ЦК КПК демонстрировал серьезные сдвиги по сравнению с IX съездом КПК, состоявшимся в апреле 1969 г. Резко сократилось число действующих армейских офицеров, на смену которым после последних лет унижений вернулись

гражданские служащие. Самым важным и поразительным стало в этом контексте возвращение Дэн Сяопина, который в 1967 г. был объявлен «вторым по значимости каппутистом Китая» («первый каппутист» — Лю Шаоци — еще в 1969 г. скончался в тюрьме, где ему отказали в оказании медицинской помощи). С разрешения в феврале 1973 г. Мао Дэн Сяопин вернулся в Пекин из ссылки в провинции Цзянси. В дальнейшем он был восстановлен как в ЦК КПК, так и на посту вице-премьера Госсовета КНР [Ibid.: 360–365; Teiwes, Sun 2007: 42–85].

Быстрый взлет Дэна, апогеем которого стала передача в декабре 1973 г. Чжоу Эньлаем ему обязанностей, был срежиссирован самим Мао, который воспринимал Дэна как подходящую альтернативу Чжоу Эньлаю, стремительно потерявшему во второй половине 1973 г. его расположение [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 358–360]. Радикалы в Политбюро не доверяли Чжоу и относились к его деятельности с глубокой подозрительностью. Он давно считался соглашателем, неизменно пытавшимся сгладить деструктивные аспекты «культурной революции» и слишком охотно готовым принести принципы маоизма в жертву административной целесообразности. В течение 1972–1973 гг. радикалы многократно выступали против критики со стороны ультралевых и реабилитации кадров со стажем в ущерб повстанцам из провинций [Forster 1990: 116–118]. Воспользовавшись фактом проведения Чжоу Эньлаем переговоров с США, радикалы осудили его за спекуляцию национальными интересами Китая и все-таки смогли перетянуть Мао на свою сторону. Чжоу Эньлай утратил свое влияние в верхах китайского руководства [Teiwes, Sun 2007: 85–109, 132–146; Vogel 2011: 61–79].

Эти обстоятельства имели для внутренней политики КНР два последствия. Во-первых, завершение дела восстановления гражданской администрации Китая и устранения негативных последствий «культурной революции» было поручено Дэн Сяопину. Во-вторых, в политической линии произошел сдвиг от опровержения злоупотреблений «культурной революции» в сторону сомнения в необходимости восстановления статус-кво, сложившегося до «культурной революции». Это стало заметно по изме-

нениям в общенациональной кампании осуждения Линь Бяо. В январе 1974 г. последняя была преобразована в движение «критики Линь Бяо и Конфуция». Предписываемые Линю злодеяния теперь оказались переосмыслены крайне парадоксальным образом: бывший преемник Мао теперь обозначался как противник всего, связанного с «культурной революцией», и достойный Конфуция реакционер, пытавшийся повернуть время вспять, вернув его к периоду, предшествующему инициативе Мао. Конфуций был представлен фигурой, в которой сочетались склонность к компромиссам, созерцательность, тяга к стабильности и гармонии — ценности реакционных классов и противников революции. Те же черты можно было увидеть и в Чжоу Энляе. Попытки замаскировать цель нового движения даже не предпринималось [Forster 1990: 118; Goldman 1975; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 366–373]. Все это стало сигналом для противников отказа от «культурной революции»: пришло время воспротивиться тренду на реставрацию прежних порядков.

«Вторая культурная революция» 1974 г.

В рамках кампании порицания Линь Бяо и Конфуция ставилось две основные задачи. Первая задача, фактически продолжавшая первоначальные меры по дискредитации лично Линь Бяо, — покончить с контролем вооруженных сил на всех уровнях управления. Предшествующая кампания по борьбе с «кликой Линь Бяо» сильно ослабила позиции военных в национальном руководстве и во многих регионах Китая, однако офицеры, которых не удалось обвинить в участии в предполагаемомговоре Линя, продолжали занимать во многих регионах ведущие посты. Гражданский контроль все еще не был полностью восстановлен. В конце 1973 г. военачальники из крупнейших военных округов КНР были переведены в другие регионы. Местные силовики были вынуждены покинуть базы, которые они отстроили для себя после событий 1968 г., и перейти на службу в районы, в которых они не имели личных связей или союзников. Вторая цель кампании заключалась в замедлении разворота политических

курсов, связанных с «культурной революцией». Чжоу Эньлай воспользовался первыми критическими настроениями в отношении «ультралевого» Линь Бяо и начал добиваться восстановления более эффективной гражданской администрации, которое предполагало возвращение на свои должности опытных кадровых сотрудников и партийцев. Кампания 1974 г. была санкционированной Мао попыткой замедлить новый подъем «ветеранов» правительства и партии и остановить движение вспять тех экономических и образовательных инициатив, которые были особенно дороги маоистам [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 358–373; Teiwes, Sun 2007: 110–118, 146–171].

Запущенная в январе 1974 г. кампания открыто поощряла критику руководителей, которые, предположительно, противились «культурной революции» и хотели восстановить статус-кво. Прицаню могли быть подвергнуты как региональные военные власти, так и ведущие гражданские служащие. Во многих районах Китая наметился подъем местных сил, заинтересованных в том, чтобы извлечь из туманных распоряжений центральных властей личную пользу. Среди таких лиц были бывшие повстанческие лидеры, которые, ненадолго добившись заметного влияния во время «культурной революции», оказались маргинализированы, были отвергнуты ради армейских офицеров и проигнорированы при восстановлении кадровых работников на их первоначальных должностях. Бывшие мятежники воспользовались кампанией для того, чтобы вернуть себе утраченный статус и обозначить свои претензии на руководящие посты в качестве альтернативы возвращавшимся к работе после нескольких лет забытья старшим партийным кадрам, с которыми у них обострялся конфликт. Именно поэтому кампания, получившая наименование «вторая культурная революция» и даже «второй захват власти», проходила на фоне массовой мобилизации и уличных протестов [Teiwes, Sun 2007: 111, 172–178]. Пока в этой связи по всему Китаю возникали волнения, кампания породила и движение протеста против самой «культурной революции».

События 1974 г. в Ханчжоу выступают отличным примером того, что подразумевалось под «второй культурной революцией».

Во время кампании порицания Линь Бяо многие старшие кадры были возвращены на руководящие посты в ущерб тем лицам, которые были задействованы в не столь давнем повстанческом движении [Forster 1990: 110–114]. Во второй половине 1973 г. бывшие повстанцы начали мобилизовывать своих сторонников на критику вставших во главе провинции Чжэцзян кадров и требовали себе членства в КПК и ведущих должностей в провинциальных и муниципальных властях и на предприятиях. Борьба за контроль над процессом восстановления профсоюзных организаций развернулась между молодыми недавними повстанцами и старшим поколением официальных лиц [Ibid.: 120–128]. В конце 1973 г. делегации неудовлетворенных своим положением повстанцев со всей провинции Чжэцзян, которым было отказано в партийном членстве и руководящих должностях, начали собираться в Пекин, чтобы пожаловаться на отношение к ним. На улицах Ханчжоу появились стенгазеты, в текстах которых бросался вызов провинциальным властям. Ближе к концу года бывшие мятежники устроили марш к штаб-квартире КПК по провинции Чжэцзян. Руководство взяли в осаду, чиновников задерживали и подвергали жесткому обращению, дополняемому настойчивыми требованиями новых назначений. Повстанческие лидеры готовились к более масштабным нападениям на провинциальное руководство и устраивали визиты на крупные региональные предприятия, чтобы побудить рабочих к противостоянию «ошибочной политической линии» [Ibid.: 133–139].

Кампания порицания Линь Бяо и Конфуция ясно давала понять, что стремление отстоять «культурную революцию» исходило от самых высших уровней власти. Провинциальное руководство вскоре столкнулось со скоординированной атакой: повстанцы организовывали масштабные народные собрания, заявляли о «праве бунтовать против реакционеров» и призывали бороться против «контрнаступления буржуазии, пытающейся свести старые счеты и вернуть свое прежнее влияние» [Ibid.: 144–145]. Мятежники обратились к региональным лидерам с рядом требований, самое существенное из которых заключалось в назначении сотен их последователей на ведущие посты. Выну-

жденно оказавшиеся в оборонительной позиции, местные власти приняли в партию восемь тысяч новых членов и выдвинули три тысячи из них на руководящие должности [Ibid.: 148–151]. Еще одним требованием было учреждение ополчения рабочих, которое вскоре было основано в Чжэцзянь. Вооруженные в основном железными дубинками ополченцы стали наводить страх в Ханчжоу и других городах, периодически вступая в спорадические столкновения с солдатами, охранявшими фабрики и инфраструктурные объекты. Лидер повстанческого движения в Ханчжоу объявил, что ополчение было готово принять контролирующие функции у армии [Ibid.: 152–155, 163–164]. Повстанцы получили более серьезное оружие, после чего начались ожесточенные бои, напоминавшие столкновения 1967 г. Конфликт распространился на крупные государственные предприятия Ханчжоу и нарушил работу железнодорожной системы. Власти оказались бессильны перед надвигающейся волной неповиновения [Ibid.: 155–159, 172].

В Нанкине кампания приняла коренным образом иной поворот. В городе развернулись крупномасштабные массовые протесты рядовых граждан, которые оказались жертвами недавних политических кампаний. Кадровые работники воспользовались возможностью, чтобы окончательно убрать военных с административных постов провинции Цзянсу. Региональные повстанческие лидеры играли в описываемых процессах лишь второстепенную роль. Бывшие мятежники оказались настолько подавлены недавними гонениями со стороны армии, что утратили в Цзянсу статус существенной политической силы. Гражданские кадры выступали поборниками бывших повстанцев и порицали военных за репрессии в ходе кампании противостояния элементам «16 мая» в 1971 г. В Нанкине проходили массовые митинги, организаторами которых были в основном жертвы «культурной революции», в первую очередь десятки тысяч людей, на которых навесили политические ярлыки и которые были изгнаны из городов⁵.

Генерал Сюй Шию держал Нанкин в железных тисках с 1968 г. По мере восстановления партийных комитетов провинции Цзян-

⁵ Описание ситуации в Нанкине основано на [Dong, Walder 2012b].

су, он медлил с возвращением на ключевые посты гражданских лиц. К концу 1973 г. свыше двух тысяч армейских офицеров все еще продолжали занимать партийные и правительственные должности. Все первые партийные секретари окружного уровня были выходцами из вооруженных сил, на уездном уровне военными были 39 из 68 партийных секретарей [Ibid.: 902]. В конце 1973 г. Сюй Шию был отозван из военного округа Нанкин и переведен в Гуанчжоу, что позволило гражданским кадрам ринуться в наступление на оставшихся в регионе военных.

Опытные кадровые работники Нанкина подвергли вооруженные силы критике за предшествующие репрессии, в частности в отношении бывших повстанческих лидеров. Однако тем самым они, сами того не желая, развязали руки тысячам простых людей, которые вышли на улицы в знак протеста против репрессий, примененных в отношении их самих представителями армии. Шквал критики касательно действий военных в прошедшие годы вселил надежду в ссыльных жителей городов, которые попытались вернуться в свои дома и к прежней работе. За первые годы военного контроля свыше 350 тысяч горожан, в том числе 130 тысяч нанкинцев, были форсированно отправлены в деревни. Многие из них были выходцами из домохозяйств «классов-эксплуататоров» или имели темные пятна в своей политической истории. Ближе к концу января 1974 г. несколько тысяч ссыльных вернулись в Нанкин с требованием к властям восстановить их городскую регистрацию и предоставить им прежние посты. Почти три месяца протестующие устраивали у зданий провинциальных и муниципальных партийных структур демонстрации, вывешивали стенгазеты, повествующие об их печальных судьбах, и периодически выходили на уличные марши. Эта деятельность привлекала множество сторонних наблюдателей, что ограничивало движение транспорта в центре города. Патовая ситуация оставалась неизменной вплоть до конца апреля, когда разъяренные протестующие взяли штурмом вокзал, пытаясь забраться на направляющиеся в Пекин поезда, чтобы изложить свои требования центральным властям. Когда бригады проводников поездов не позволили участникам митинга забраться в вагоны, протестующие

ствующие уселись прямо на рельсы, на несколько дней прервав железнодорожное сообщение с Пекином и Шанхаем.

Власти Нанкина достигли соглашения с протестующими и смогли восстановить движение поездов. Однако, пообещав мятежникам найти им посты в их старых рабочих ячейках, они непреднамеренно создали еще более крупную проблему. Повсеместно разошлась информация, что требования протестующих были выполнены, и из сопредельных сельских районов в Нанкин стеклось еще 50 тысяч бунтующих, которые хотели получить те же самое. Власти не были намерены вступать в переговоры с таким количеством просителей, и когда это стало очевидно, протестующие перекрыли улицы в центре города и попытались перенаправить свои требования руководству в Пекине. Железнодорожное движение было вновь парализовано. Отдельные мятежники угоняли автобусы и грузовики на автомагистралях. Кадровые работники, которых направляли на противодействие мятежникам, подвергались избиениям, иногда дело доходило до травм. После окончания кампании на освобождение улиц от участников протеста ушли месяцы.

Кампания в Гуанчжоу была отмечена возникновением еще одного движения против «культурной революции»: показательной политической критикой «культурной революции» со стороны бывших активистов-повстанцев. На улицы города выходили политически активные бывшие мятежники, которые выступали против жесткого гнета со стороны военных властей. При этом они пошли еще дальше, начав переоценку «культурной революции», в которой проявились ростки иного политического самосознания. Идеи нового движения были выражены в длинном эссе, которое размещалось на улицах Гуанчжоу, широко обсуждалось и активно перепечатывалось. Все это зачастую рассматривается в качестве предвестника демократического движения в КНР конца 1970-х гг. Авторы эссе призывали к реформам китайской политической системы путем усиления демократии и власти закона [Chan et al. 1985: 9–16, 31–86]. Особенно ошутимый удар во время подавления повстанцев в военном округе Гуанчжоу в 1968 г. был нанесен по фракции «Красное знамя».

В октябре 1972 г. бывшие лидеры этой группировки были освобождены из заключения. Примерно 30 из них в компании с отдельными репрессированными кадрами провели серию дискуссий по поводу причин провала «культурной революции». Их критика была направлена на действия местных вооруженных сил. В конечном счете они пришли к неприятию так называемой «системы Линь Бяо» и в конце 1973 г. начали распространять черновики своих эссе. После запуска кампании порицания Линь Бяо и Конфуция в феврале 1974 г. члены группировки стали вывешивать свои эссе в виде настенных плакатов. Произведения были подписаны коллективным псевдонимом: *Ли Ичжэ* [Ibid.: 2–6]⁶. Самое известное из этих эссе — «О социалистической демократии и правовой системе» — было обнародовано в ноябре 1974 г. в людном месте Гуанчжоу. Это эссе было частью серии стенгазет, ставивших своей целью вынуждение официальных лиц освободить оставшихся членов фракции «Красное знамя».

Группа организовала множество массовых митингов и уличных маршей, объединяясь с другими недовольными: демобилизованными солдатами, которые требовали повышения жалования, молодыми фабричными работниками, раздраженными размерами оплаты труда и условиями жизни, молодежью, которую сослали работать в сельскую местность, и бывшими *хунвейбинами*, которые желали добиться наказания ответственных за бойни конца 1960-х гг. армейских офицеров [Ibid.: 9–12; Rosen 1985: 4–5]. Новоназначенный партийный секретарь провинции Чжао Цзыян, который и сам был подвергнут во времена «культурной революции» гонениям и также был заинтересован в ограничении военного контроля, поддерживал деятельность группы. Нескольким бывшим *хунвейбинам*, которые стояли во главе движения против нарушений со стороны вооруженных сил, было поручено взять на себя проведение в рамках их рабочих ячеек кампании порицания Линь Бяо и Конфуция. На одного из этих *хунвейбинов* также возложили координацию расследования журналистами

⁶ В псевдоним вплетено по одному иероглифу/слогу от имени каждого из трех соавторов: *Ли Чжэнтянь*, *Чэнь Иян* и *Ван Сичжэ*.

местной газеты злоупотреблений в армии. Новые посты дали повстанцам возможность широко распространить результаты своей подпольной работы и обращаться к провинциальному руководству с петициями [Chan et al. 1985: 6–9].

Эссе «О социалистической демократии и правовой системе» демонстрировало приверженность идеям Мао и целям «культурной революции», однако в целом оно стало выражением в корне иного политического менталитета. В первую очередь авторы критиковали «систему Линь Бяо», чьи особенности во многом совпадали с нелицеприятными характеристиками «культурной революции», которые были представлены в документах, распространенных во время недавней кампании против «антипартийной клики Линя — Чэня». Эссе осуждает кампанию «безграничной преданности» конца 1960-х гг., которая сравнивается с полурелигиозными ритуалами, которые оказались бы более уместны для почитания культа феодального императора, а не современного лидера-социалиста [Leese 2011: 243–244]. Авторы сурово высказывались против произвола в рамках кампаний по очистке классовых рядов и претворению в жизнь «удара по контрреволюции и борьбы против трех зол», которые были обращены против весьма смутно обозначенного круга «контрреволюционных элементов». Авторы призывали к бдительности в отношении чиновников, которые стремились вернуться к временам подавления, побоев и пыток в поиске воображаемых предателей и классовых врагов. По мнению авторов эссе, все описанные злоупотребления сигнализировали о формировании в Китае нового правящего класса, который укреплял свою диктатуру за счет принуждения и почти имперского культа преданности, лишая при этом КНР будущего в качестве социал-демократического государства. Все эти крайности оказались возможны в условиях отсутствия истинной демократии и правовых ограничений, которые сдерживали бы деятельность официальных властей. Без обеспечения защиты прав народа от подобных злоупотреблений и без закрепления в законодательстве допустимых пределов властного произвола социализму было суждено трансформироваться в «социал-фашизм», с которым народ КНР

столкнулся в течение трех лет существования «системы Линь Бяо», то есть во время «культурной революции»⁷.

Основная цель эссе заключалась в противостоянии политическому развороту, симптомом которого выступала кампания порицания Линь Бяо и Конфуция 1974 г. Авторы документа указывали, что новая инициатива фактически являлась попыткой вернуться к социал-фашизму времен «культурной революции». Китаю требовалась не противостояние восстановлению существовавшего до нее статус-кво, а создание новых институтов, которые бы обеспечивали демократические права народа, препятствовали произвольному преследованию людей и покончили с особым привилегированным положением тех, кто находился у политической власти [Chan et al. 1985: 10–13]⁸. Это был новый образ политической мысли, и авторы эссе наравне с другими представителями их движения станут ведущими фигурами в кампаниях за демократию, которые развернутся после кончины Мао, в 1978–1979 гг. [Chan et al. 1985: 16–28; Rosen 1985].

Политики в Пекине были глубоко обеспокоены тем, как авторы эссе раскритиковали принцип однопартийной системы. Самыми голосистыми оказались радикалы из Политбюро, в особенности Цзян Цин, которая заклеила материал «самой реакционной статьей со времен освобождения Китая». В начале 1975 г. в городе Гуанчжоу была запущена общегородская кампания порицания авторов эссе. В местных школах и на фабриках прошли собрания критики и борьбы, а также массовые митинги. Авторы были высланы в сельскую местность. Расследование коснулось сотен людей, которые выступили в поддержку эссе⁹.

Местные протесты принимали разнообразный характер, однако гражданские волнения во многих регионах Китая в целом привели к середине 1974 г. к серьезным экономическим пробле-

⁷ Полный перевод эссе представлен у [Chan et al. 1985: 32–85].

⁸ [Moody 1977: 209–216] одним из первых обобщил и проанализировал выводы эссе.

⁹ [Chan et al. 1985: 13–28] рассказывают о дальнейшем профессиональном пути авторов, которые были арестованы и заключены в тюрьму вскоре после кончины Мао. Они были освобождены и оправданы в 1979 г.

мам. Повстанцы вступали в конфронтацию со старшими кадрами, пытавшимися восстановить свой авторитет и обеспечить рабочую дисциплину на фабриках, в железнодорожных депо и в портах. Помимо уже описанных масштабных сбоев, которые мы уже отмечали в Ханчжоу и Нанкине, в знак протеста против восстановления сдельной оплаты труда прекратили работу работники шанхайских портов. Межфракционная борьба, развернувшаяся на железнодорожном транспорте, в особенности в Цзянсу — ключевом узлом регионе, поразила транспортную сеть Китая. Сталь, уголь и другие важные материалы приходилось складировать на месте производства по причине срыва поставок, что, в свою очередь, замедлило производительность работы предприятий, которым не хватало сырья. За первые три квартала 1974 г. в производстве продукции произошел спад, который стер результаты умеренного восстановления промышленности последних лет.

В октябре Мао наконец-то обратил на нарастающие проблемы внимание и призвал к «единству и стабильности». Он вполне очевидно хотел, чтобы повстанцы сопротивлялись поспешному восстановлению порядков, имевших место до «культурной революции», однако он ни в коей мере не желал возвращения беспорядков, которые вынудили его сильно зависеть от военной поддержки в 1968 г. Ближе к концу 1974 г. Мао потребовал от центральных властей предпринять решительные меры стимулирования национальной экономики, которые он вверил Дэн Сяопину. Полноценные попытки восстановления экономики КНР были инициированы уже в следующем году [Forster 1990: 164–172; Teiwes, Sun 2007: 197–199].

Восстановление порядка и стабилизация экономики в 1975 г.

С разрешения Мао Дэн Сяопин решительно добивался окончательного переустройства партийных организаций, полного удаления из гражданской администрации представителей вооруженных сил и пресечения конфликтов, которые подорвали экономикой КНР в 1974 г. За 1975 г. ему удалось претворить в жизнь

гораздо больше, чем это получилось в прошлом у Чжоу Эньлая. Во многом этому способствовало то, что Дэн действовал более целенаправленно, чем его осторожный предшественник [Mas-Farquhar, Schoenhals 2006: 381–382]. Однако и инициативы Дэна оказались резко остановлены к концу этого года. Дэн пользовался поддержкой Мао в делах восстановления КПК, завершения межфракционных конфликтов, формирования «единства и стабильности» и, соответственно, с точки зрения Мао, консолидации достижений «культурной революции». Однако он превысил свои полномочия в части попыток создать условия для модернизации промышленности, усиления научного истеблишмента и воссоздания системы высшего образования. Эти устремления фактически ставили под сомнение «успехи» «культурной революции», которыми так дорожил Мао. Как и его предшественник, Дэн вскоре был отстранен от дел и подвергнут критике.

Впрочем, до своего отстранения Дэн Сяопин успел сделать многое. В частности, он смог полностью вывести представителей вооруженных сил из состава органов гражданской администрации. В ряде речей и директив Дэн осуждал руководителей, пришедших к власти по армейской линии, за чванство и расслабленность. Офицеры смогли создать для себя комфортные правительственные посты, обеспеченные гражданскими льготами и специальными привилегиями. Дэн призвал НОАК сфокусироваться на военном деле, чтобы вернуть вооруженным силам боевую готовность, подтянуть дисциплину и прекратить вмешиваться в вопросы гражданской администрации. Он потребовал также уделить особое внимание усовершенствованию боевых комплексов и организовал кампанию по искоренению фракционализма внутри вооруженных сил. В августе 1975 г. Дэн потребовал всех военных покинуть гражданские посты [Ibid.: 388–391; Vogel 2011: 97–98].

Он также эффективно возобновил введение мер по восстановлению общенациональной партийной организации, способствуя росту авторитета партийных секретарей и продолжая реабилитацию подвергшихся ранее гонениям чиновников и специалистов. Дэн четко обозначил как главенство партийного руководства, так

и недопустимость в дальнейшем бунтов против партийной системы. Он приказал провести оценку новых членов партии, вступивших в нее после 1968 г. С его слов, для подтверждения их членства было необходимо удостовериться в наличии у них должных квалификаций и дисциплинированности. Те, кому не хватило «компетентности» или кто все еще держался за своих сторонников по фракции, подлежали исключению из КПК. Новички, которые добивались восхождения по карьерной линии или уже занимали высокие посты, должны какое-то время отработать на стартовых должностях, чтобы приобрести надлежащий опыт для руководящих позиций, заключил он [Vogel 2011: 121].

Наконец, Дэн проводил жесткую кампанию подавления фракционализма. В первую очередь он сконцентрировал свое внимание на национальной железнодорожной системе, а затем переключился на ключевые промышленные секторы: производство угля и стали. Показательны в этом контексте меры по устранению ошибок, которые Дэн потребовал провести в железнодорожном управлении Сюйчжоу — ключевом транспортном узле в провинции Цзянсу, где постоянные и глубоко укоренившиеся фракционные трения регулярно приводили к сбоям в поставках промышленного сырья на восток и север Китая. В феврале 1975 г. Дэн передал контроль над железнодорожной системой Китая, которой раньше ведали провинциальные правительства, министерству путей сообщения КНР и опубликовал директиву, которая обозначала фракционное противостояние действиям ведомства проявлением «буржуазного настроя», а попытки порчи железнодорожной инфраструктуры — «контрреволюцией». Дэн направил в железнодорожное управление Сюйчжоу рабочую группу во главе с министром путей сообщения. Руководитель управления — бывший повстанец — был задержан. Аресту подверглись и попытавшиеся вступить за него сторонники. Рабочая группа провела серию массовых собраний порицания, выступая с критикой фракционных конфликтов, потребовала добиваться существенного снижения аварийности на железных дорогах и выполнения квот по грузоперевозкам, а также перевела многих активистов на новые должности, разорвав тем самым локальные

фракционные связи. События в Сюйчжоу стали общенациональной моделью действий по отношению к вызывавшим вопросы железнодорожным управлениям, по вине которых возникали транспортные перебои [Ibid.: 103–109]. Та же самая методика была применена и к не менее проблематичным крупным центрам производства угля и стали [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 382–387; Vogel 2011: 109–114].

Повстанцы из провинции Чжэцзян, которые на фоне «второй культурной революции» 1974 г. сформировали для отстаивания собственных интересов ополчение рабочих, сопротивлялись подобной корректировке политического курса. Тогда Дэн отправил в Ханчжоу наделенную значительными полномочиями рабочую группу. Повстанцы оказались под мощным давлением. Рейд на штаб фракции ранним утром завершился арестом руководителя движения Вэн Сэньхэ. Для предупреждения возможных волнений на крупные фабрики в Ханчжоу и в окрестностях города были брошены силы НОАК. Наказаниям подверглись и другие повстанческие лидеры. Ополчение рабочих было ликвидировано, а для закрепления результатов в руководстве провинции Чжэцзян прошли перестановки [Forster 1990: 198–219; 1992; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 386–387].

Последнее радикальное отступление

Решительные действия Дэн Сяопина по наведению порядка и восстановлению партийного авторитета выполнялись в полном соответствии с его мандатом. Мао давно и четко обозначил свое желание убрать военных из гражданской администрации. Дэну удалось это сделать. Мао явственно хотел восстановления партийной организации и возвращения на службу посрамленных чиновников. Дэн всеми силами способствовал этому. Мао также недвусмысленно указывал, что он намерен сохранить «положительные достижения» «культурной революции», и хроническая фракционная междоусобица в их список не входила. Мао желал порядка, дисциплины и стабильности, в которых он видел консолидацию успехов «культурной революции». Дэн добивался

этого в первую очередь за счет политических средств: очевидно-го подчеркивания авторитета КПК и призывов к дисциплине и единству. Ни в чем из этого он не переступил границ, которые провел для него Мао.

Однако в конечном счете Дэн хотел выйти за пределы чисто политических мер и создать основы современной экономики. По всей видимости, инициативы в этом направлении, крайне умеренные в ретроспективе, заставили Мао разувериться в приверженности Дэна делу «культурной революции». Впрочем, если мы примем во внимание рыночные реформы, которые будут инициированы Дэном после кончины Мао, интуиция того не подвела. Тогда же, при жизни лидера, Дэн пошел на некоторые меры, которые выходили за границы намерения восстановления порядка и стабильности. Он запустил подготовку амбициозного плана по возрождению китайской промышленности и стимулированию экономического роста, которые бы обеспечивались импортом продвинутых зарубежных технологий, введением практик международной торговли, в том числе с привлечением зарубежных кредитов, и повышением стимулов к труду и дисциплине в промышленном секторе за счет внедрения принципа оплаты по фактическим результатам. Еще один план, который замыслил Дэн, был направлен на усиление роли науки и технологий, в частности, путем восстановления Академии наук Китая. Предполагалось вернуться к системе издания профессиональных журналов, вывести из научных секторов армейских офицеров и членов пропагандистских команд, обеспечить открытый доступ к исследовательским материалам и оборудованию, в том числе и к зарубежным изданиям, окончательно вернуть из сельской местности всех бывших научных сотрудников и целенаправленно развивать сферы высоких технологий, в частности компьютеры, лазеры и дистанционное зондирование, а также фундаментальные исследования в области ядерной энергии и физики элементарных частиц. Была также обозначена цель возобновления исследований в области общественных наук и создания автономной Академии общественных наук Китая. Третья инициатива была направлена на реабилитацию высшего образования: про-

грамма должна была вернуть надлежащий статус преподавателям, которые получили специализированное образование до «культурной революции», обеспечить прием студентов напрямую из школ, а не по политическим разнарядкам с фабрик и из сельскохозяйственных предприятий, сократить или исключить для университетских учащихся принудительную производственную практику и вернуться к более продолжительным специализированным учебным курсам с высокими академическими стандартами [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 400–402; Teiwes, Sun 2007: 324–348; Vogel 2011: 125–133, 137–140]. Во всех случаях у этих инициатив и планов был единый подтекст: по научным и промышленным достижениям Китай заметно отстал от других стран, а национальная система высшего образования не отвечала требованиям времени. Предлагаемые новые политические курсы содержали ясный намек: «культурная революция» усилила отсталость Китая.

К концу 1975 г. у Мао возникли дурные предчувствия. Есть самые различные версии того, что именно вызвало ускоренную утрату его доверия к Дэну. В любом случае смена акцента в воззрениях Мао обозначилась в сентябре. К ноябрю он уже допустил жесткую критику Дэна за политические ошибки¹⁰. Рассматривая эти события в ретроспективе, трудно винить Мао, который считал, что Дэн был заинтересован не в консолидации достижений «культурной революции», а в отмене контрпродуктивных курсов и восстановлении утраченного. В январе 1976 г. Дэн прекратил появляться на публике и был освобожден от всех руководящих обязанностей. После смерти в том же месяце Чжоу Эньлая исполняющим обязанности премьера был назначен Хуа Гофэн, который был повышен до поста первого вице-преьера, факти-

¹⁰ [Teiwes, Sun 2007: 363–381, 388–399] детально прослеживают изменения в позиции Мао и обозначают в качестве существенных для определения взглядов Мао спор по поводу высшего образования в Университете Цинхуа — одной из любимых показательных площадок Мао — и вмешательство со стороны Мао Юаньсиня, племянника Мао и радикального лидера в провинции Ляонин. См. также [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 404–412; Vogel 2011: 140–151].

чески заменив Дэн Сяопина [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 414–417]. Примерно в то же время была инициирована мощная кампания критики ревизионизма и «реставрационизма», направленная против чиновников, которые реализовывали инициативы Дэна в области промышленности, науки, технологий и высшего образования. Официальных лиц обливали грязью в СМИ, в стенгазетах и на массовых мероприятиях, где их порицали и осуждали по тем же принципам, которыми руководствовались аналогичные сборища конца 1960-х гг. Один из чиновников потерял сознание прямо на таком собрании критики и борьбы и вскоре скончался от инфаркта [Teiwes, Sun 2007: 416–426]. Всех этих чиновников порицали за следование неназванному «беспринципному каппутисту», что было не чем иным, как завуалированным намеком на Дэн Сяопина.

Протесты на праздник «чистого света» 1976 г.

Кончина Чжоу Эньлая, разжалование Дэн Сяопина и жесткая кампания против реставрационизма — все это пришлось на середину января 1976 г. и обозначило изменения в политической атмосфере внутри Китая. Провинциальные повстанческие лидеры, подвергнувшиеся гонениям в рамках недавней кампании Дэна против фракционализма, восприняли эти события как возможность вернуть себе упущенное. За те же самые ошибки, которые приписывались Дэн Сяопину, они подвергли нападкам старшие кадры на местах. В Нанкине, Ханчжоу, Ухане и других провинциальных центрах повстанческие лидеры вновь бросили вызов чиновникам, пытались лишиться должностей недавно назначенных официальных лиц, развешивали стенгазеты и проводили демонстрации у зданий правительственных структур [Dong, Walder 2014; Forster 1990: 235–242; Wang 1995: 258–265]. С точки зрения повстанцев вновь подул ветер перемен, и они вознамерились воспользоваться появившейся возможностью для восстановления своего статуса.

Новое наступление впервые спровоцировало волну общественного неповиновения среди рядовых граждан. Период после гибели

Линь Бяо был отмечен тихим брожением умов. Подпольные группы изучения марксизма-ленинизма пересматривали свое отношение к революционному учению. Бывшие *хунвейбины* размышляли о причинах поражения их движения. Простые граждане писали анонимные листовки и петиции с порицанием «культурной революции», Цзян Цин и даже самого Мао [Heilmann 1993: 1996; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 349–352]. На первых стадиях новой кампании по критике реставрационизма, очевидно направленной против Дэна, а соответственно, и против Чжоу, продолжали появляться листовки и стенгазеты, выражавшие недовольство недавними событиями [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 420–422].

Скрытые волнения резко выплеснулись наружу в начале весны 1976 г. По-видимому, новое движение представляло интересы значительно большей части населения, не ограничиваясь лишь повстанцами и диссидентами на провинциальном уровне. Их реакции были диаметрально противоположными январским изменениям в настроениях. Катализатором процесса стала организация властями государственных похорон Чжоу Эньлая и, что еще более важно, последовавшие за этим попытки исключить какие-либо акции в память об известном революционере. 15 января состоялись проведенные по всем правилам официальные похороны Чжоу. Однако, с точки зрения многих граждан, этому событию было уделено недостаточно внимания. По телевизору были показаны лишь отдельные кадры с похорон, а Дэн Сяопин, который выступал с панегириком в адрес Чжоу, вообще не был упомянут СМИ. Вскоре после похорон ЦК КПК выступил с директивой, запрещающей проведение торжественных митингов в память о премьерe Чжоу. Вместо этого гражданам предписывалось направить свою энергию на критику «веяний правого уклона» — очевидная отсылка к Дэн Сяопину, но в то же время и косвенное указание на Чжоу Эньлая, который больше ассоциировался в общественном сознании с политическим курсом, недавно продвигавшимся Дэном. Такой подход оскорбил общественность в лучших чувствах и оказался детонатором массовых уличных демонстраций, бросавшим вызов радикалам из Политбюро и косвенно самому Мао.

Наиболее ранние и самые известные протесты прошли в Нанкине. Все началось с Нанкинского университета — опорного пункта местных *хунвейбинов* и повстанцев. С середины января с момента объявления о кончине Чжоу Эньлая в кампусе и других организациях проходили спонтанные встречи в память о премьер¹¹. Однако уже через несколько дней после смерти Чжоу ЦК КПК потребовал прекратить проведение подобных мероприятий. Многие рабочие ячейки и школы отменили уже запланированные собрания. Тем временем Нанкинский университет не отказался ни от одного из подготовленных мероприятий. Местные жители были оскорблены скудным освещением в СМИ похорон Чжоу, а также поспешно развернутой кампанией критики политического курса, который более всего ассоциировался с Чжоу. Новый раунд пропаганды был встречен без особого энтузиазма. Те местные повстанцы, которые ощущали себя верными последователями линии Мао, предприняли нападки на нанкинское партийное руководство за отсутствие должного рвения в продвижении кампании и обвинили лидеров в пособничестве ревизионизму Дэна.

При этом общественность не реагировала на все происходящее публично — вплоть до публикации 25 марта статьи в шанхайской газете «*Вэньхуэйбао*», где недвусмысленно говорилось об «упорствующем каппутисте, который помог нераскаявшемуся товарищу вновь выйти на политическую арену» [Louie, Louie 1981: 339] (см. также [Zweig 1978]). Вне зависимости от того, что имели в виду авторы материала, многие читатели восприняли эту фразу как нарекание в адрес Чжоу Эньлая. Уже на следующий день в кампусе Нанкинского университета появились стенгазеты, в которых эмоционально осуждалась опубликованная в «*Вэньхуэйбао*» статья и порицались люди, осмелившиеся нападать на премьера Чжоу. В стенгазетах открыто критиковались обосновавшиеся в Шанхае радикалы из Политбюро. Оскорблениям подверглась Цзян Цин: один из авторов стенгазет заметил, что

¹¹ Описание событий в Нанкине основано на [Dong, Walder 2014; Garside 1981: 110–114; Louie, Louie 1981].

«все вспоминают о загубленной националистами Ян Кайхуэй» — одной из бывших жен Мао. Студенты двинулись маршем к железнодорожному вокзалу и автобусному терминалу Нанкина и начали развешивать плакаты на отбывающие поезда и автобусы, с тем чтобы другие города узнали о создании в Нанкине движения в память о Чжоу Эньлае.

За две недели до праздника Цинмин¹², который отмечался в 1976 г. 4 апреля, по всему Нанкину начали появляться поминальные венки в память о Чжоу Эньлае. Стенгазеты гласили: «Вечная память премьеру Чжоу». На холме к югу от города, который националисты когда-то использовали в качестве места для казни и который с 1949 г. стал местом возложения цветов в память об усопших, появилось множество траурных венков. Физические столкновения произошли, когда делегации в составе 400 студентов не разрешили пройти в парк. Тогда 28 марта учащиеся дошли до центра города и выставили свои венки там. Ряд стенгазет воинственно отстаивали честь Чжоу Эньлая и подвергали ожесточенным нападкам радикалов из Политбюро. Так, в одном материале давались наставления остерегаться «хрущевских заговорщиков, которые хотят узурпировать власть», в другом Чжан Чуньцяо называли «карьеристом-лицемером». 1 апреля встревоженный разворачивающимися событиями ЦК КПК приказал подавлять уличные митинги и убирать как венки, так и стенгазеты из публичных мест.

2 апреля новости о запретах на акции памяти в Пекине распространились по Нанкину. Кадрам и рабочим приказывали срывать или накрывать оскорбительные стенгазеты и плакаты¹³. Однако эти действия уже не смогли остановить нарастающую волну протеста против возрождения повстанческого движения. Еще более массовые протесты вспыхнули 3 апреля. Они стали реакцией на запрет стенгазет и возложение венков. Протестующие продолжали вывешивать стенгазеты и выкрикивали еще

¹² Буквально праздник «чистого света». Традиционный китайский праздник поминовения усопших.

¹³ Настоящие два абзаца основаны на [Dong, Walder 2014].

более враждебные и призывающие к борьбе слоганы: «Память о премьерe Чжоу не контрреволюция» и «Мы намерены вступить в непримиримый бой с выбросившими белый флаг карьеристами, которые выступают против премьерa Чжоу». 3 апреля около 140 тысяч человек прошли маршем до парка на юге Нанкина. Пик численности участников митингов был достигнут уже 4 апреля и в последующие дни, когда толпа протестующих разрослась до поразительной отметки в 600 тысяч человек [Wu 2002: 22]. События в Нанкине спровоцировали подобные проявления народного негодования в других городах и уездных центрах провинции Цзянсу [Yan, Gao 1996: 492].

Похожие протесты захлестнули, хоть и в меньших масштабах, город Ханчжоу. Нападки на Дэн Сяопина заставили группу партийных кадров в одном из местных учреждений опубликовать стенгазету с опровержением заявлений по поводу того, что кадровые работники постепенно превращались в капитулистов. С самого начала вызвавшая протесты статья «*Вэньхуэйбао*» стала темой стенгазет, которые осуждали партийного секретаря города Шанхая, находившегося под протекцией радикалов из Политбюро. 1 апреля работавшие на сталелитейном заводе члены КПК вывесили на флагштоке, украшавшем крышу местного управления по трудовым вопросам, огромный венок в память о Чжоу. Венок было хорошо виден на расстоянии нескольких кварталов. Этому примеру последовали как другие предприятия и рабочие ячейки Ханчжоу, так и представители Чжэцзянского университета. Плакаты, развешанные по всему городу, гласили: «Противник премьерa Чжоу — противник революции» и «Остерегайтесь буржуазных карьеристов и заговорщиков наподобие Линь Бяо, которые захватывают партийную и государственную власть». Подобные проявления недовольства можно было наблюдать у универмага в центре города, у входа в университет и на нескольких центральных площадях. Как и в случае Нанкина, слоганами разрисовывались поезда, направлявшиеся в Пекин и другие города [Forster 1986].

Похоже, эти провинциальные события оказались катализатором для знаменательных масштабных демонстраций, которые

прошли в Пекине 4–5 апреля. Лозунги на вагонах поездов, по всей видимости, сыграли свою роль. Сообщается, что один из плакатов, выставленных на площади Тяньаньмэнь, гласил: «Мы намерены поддержать нанкинцев в их революционной борьбе» [Louie, Louie 1981]. Венки начали появляться на площади Тяньаньмэнь еще 19 марта. Их быстро убирали, и в Управление общественной безопасности поступил приказ составлять списки всех, кто их возлагал. 30–31 марта Пекина достигли новости о движении в Нанкине. Число венков увеличилось, к ним добавились вывешиваемые на площади стихи и изречения, направленные против радикалов. Заметно выросло количество людей, появлявшихся на площади в эти дни. По имеющимся расчетам, за несколько дней до 4 апреля на Тяньаньмэнь побывало свыше миллиона человек. Управление общественной безопасности организовало в одном из углов площади объединенный командный пункт, в котором также дежурили члены рабочего ополчения и солдаты из гарнизона города Пекина. Из командного пункта транслировались сообщения о том, что праздник Цинмин — пережиток феодализма, что рабочим ячейкам не следует направлять на площадь делегации с венками и что события в Нанкине были «инцидентом, инициированным реакционными кругами». Эти трансляции никак не повлияли на решимость посетителей. Кое-где прошли отдельные задержания и частичная уборка венков¹⁴.

В день праздника — 4 апреля — толпа на площади разрослась, по отдельным расчетам, до двух миллионов человек. На площадь принесли еще больше венков, плакатов, листовок и стенгазет. Звучали спонтанные выступления, выкрикивались слоганы. В течение дня атмосфера на Тяньаньмэнь еще более накалилась. Периодически происходили стычки с пытавшимися помешать собранию сотрудниками общественной безопасности, иногда это приводило к ранениям. Зачастую выступления были высокоэмо-

¹⁴ Представленные данные основаны на [Teiwes, Sun 2004; 2007: 471–475; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 422–427]. См. также [Garside 1981: 115–135; Yan, Gao 1996: 492–501].

циональными траурными речами в память о премьерe Чжоу. Однако, как и в Нанкине, можно было услышать и резкую критику в адрес радикалов из Политбюро, в особенности в адрес Цзян Цин и Чжан Чуньцяо. Еще более существенным было пренебрежение, звучавшее в отношении самого Мао. Вполне очевидно, что митингующие выступали против новой кампании порицания и, по сути, против «культурной революции». Мао не упоминался прямо, но был мишенью для нападок в отдельных текстах и речах. Одно из стихотворений, появившихся в тот день на площади, описывало радикалов из Политбюро таким образом:

Презрены бесы, которые, переоценив себя,
 Силятся ниспослать злые ветры и кровавые дожди.
 Бойкие в речах, они несут перед собой шлейф своей госпожи.
 Как смехотворно выглядит это полчище обезьян,
 Пытающихся нацепить на себя корону!
 ...Оглянитесь вокруг, недостойные:
 Цветы белоснежным покровом укрыли площадь Тяньаньмэнь.
 Слезы льются рекой вокруг памятника.
 Мы дорожим памятью о премьерe Чжоу, а вы — нет.
 Мы принесли ему наши подношения, а вы — нет.
 Китай уже не тот Китай прошлого,
 И наш народ больше не погряз в полном невежестве.
 Ушли в небытие дни феодализма Цинь Шихуана.
 ...К чертям ученых мужей, выхолостивших марксизм-ленинизм!
 [Garside 1981: 127]

С неприкрытым вызовом в адрес радикалов из Политбюро и Мао мириться было нельзя. На состоявшемся ночью заседании партийное руководство приняло решение очистить площадь ото всех венков. Остававшиеся к тому моменту на площади немногочисленные люди были задержаны. Никаких публичных объяснений по поводу очистки площади от венков сделано не было. Однако слухи о действиях властей быстро разошлись по городу, и к 8 часам утра 5 апреля на площади уже собралось примерно десять тысяч взбудораженных людей. К середине дня разъяренная толпа выросла в размерах в несколько раз. Люди выстроились на ступенях Дома народных собраний и требовали возвращения

венков на площадь. Протестующими был перевернут полицейский фургон, из которого доносились слова осуждения в адрес «классовых врагов», и подожжен объединенный командный пункт Управления общественной безопасности. Полиция и ополчение не предпринимали против толпы никаких действий вплоть до наступления темноты, когда на площади были отключены все лампы и началась трансляция записанной на пленку речи мэра Пекина, порицавшего «вредные элементы», которые «обманули людей», и уговаривавшего собравшихся разойтись по домам. Воспроизведя запись несколько раз, в 23 часа полиция и ополчение, наконец, выдвинулись с дубинками навстречу людям, избивая и вытаскивая остававшихся митингующих с площади, которую в конечном счете перекрыли. Сообщения о значительном числе пострадавших, по всей видимости, не имеют под собой оснований. Судя по всему, властям удалось восстановить контроль над площадью без необходимости применять чрезмерное насилие. На следующий день обстановка была уже мирной: несколько тысяч людей пришли на площадь, чтобы отдать дань почтения премьеру Чжоу. На площадь был возложен один венок, который так и остался лежать на булыжниках.

*Последствия событий на площади Тяньаньмэнь
и последние дни Мао*

Очевидно, что радикалы из Политбюро и их сторонники были обеспокоены протестами на площади Тяньаньмэнь. 7 апреля племянник Мао, Мао Юаньсинь, отчитался ему, что «в рамках контрреволюционного политического инцидента... было публично развернуто знамя Дэн Сяопина, древко которого было направлено против великого лидера, председателя Мао» [Teiwe, Sun 2007: 489]. Отдельные радикалы из Политбюро обвинили Дэн Сяопина в организации митингов в рамках антипартийного заговора и даже заявили, что он лично присутствовал на площади, чтобы направлять протестующих. Убедить во всем этом Мао не удалось, однако председатель четко осознавал, что эти выступления свидетельствовали о том, что люди ожидают разворота

политики «культурной революции» и что Дэн, Чжоу и подобные им публичные фигуры служили объединяющим фактором подобных акций. Мао приказал сместить Дэна со всех руководящих должностей и официально назвал Хуа Гофэна преемником Чжоу (впрочем, Хуа исполнял обязанности премьера уже с февраля). Хуа также был назначен первым заместителем председателя, что свидетельствовало о его возможной кандидатуре на место преемника самого Мао. Дэн Сяопин подвергся публичному порицанию. Четырехмесячная кампания против «беспринципного каппутиста» вылилась в кампанию критики Дэна [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 427–430]. Эта акция стала последним существенным вкладом Мао в политику КНР.

В последующие месяцы радикалы из Политбюро и их сторонники как в Пекине, так и за пределами столицы продолжали критику недавних попыток восстановления Китая после кампаний «культурной революции». По всему Китаю попали под следствие сотни тысяч человек, а примерно десять тысяч человек были арестованы по подозрениям в поддержке протестов на площади Тяньаньмэнь или выражении идей, подобных тем, которые высказывались во время проведения митингов. В честь «сокрушительной остановки встречного течения контрреволюции» проводились массовые собрания и парады [Heilmann 1994: 46–53; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 431–432]. В регионах возобновилось противостояние старшим кадрам. Особенно активными на этом фронте были те люди, которые понесли наказание в рамках кампаний Дэн Сяопина 1975 г. по подавлению фракционализма. Бывшие повстанческие лидеры в таких городах, как Ханчжоу и Нанкин, продолжили действия по смещению кадровых работников, которые поддержали деятельность Дэна, способствовавшую маргинализации мятежников, с целью отомстить этим ветеранам труда [Dong, Walder 2014; Forster 1990; MacFarquhar, Schoenhals 2006: 434]. Хуа Гофэн и другие лидеры, пытавшиеся добиться политической стабильности и восстановления экономики в тех пределах, которые допускал Мао, столкнулись с жесткой критикой со стороны более радикально настроенных официальных лиц, которые будто бы были готовы наброситься даже

на самое умеренное желание справиться с последствиями «культурной революции».

На фоне столь беспокойной обстановки здоровье Мао сильно пошатнулось. 11 мая председатель пережил инфаркт. Он оставался в сознании, однако был прикован к постели. Еще два инфаркта произошли 26 июня и 2 сентября. Наконец, 9 сентября 1976 г. Мао скончался. Хуа Гофэн вошел в должность исполняющего обязанности председателя. По всему Китаю во избежание возобновления публичных волнений в боевую готовность были приведены вооруженные силы. В Доме народных собраний 11–17 сентября проводились ежедневные церемонии прощания. 18 сентября на площади Тяньаньмэнь прошла масштабная акция памяти, на которой присутствовало, по имеющимся данным, около миллиона человек. Хуа Гофэн выступил с речью, в которой Мао превозносился как «величайший марксист-ленинист современности». В заранее указанное время, под звуки фабричных и паровозных гудков все население Китая замерло в память о Мао на три минуты молчания. Дэн Сяопину и его ближайшим сторонникам, которые сравнительно недавно были сняты со своих постов, не было разрешено принять участие в церемонии прощания с лидером [Teiwes, Sun 2007: 551–552; Vogel 2011: 174–175].

По официальной версии событий, кульминацией которых стал арест радикалов из Политбюро в начале октября, существовала некая «банда четырех», которая вступила в заговор с целью узурпации власти у КПК. По всей видимости, это предположение так же оторвано от исторических реалий, как и обвинения Линь Бяо в намерении захватить власть. Официальные лица, которые организовали аресты и фактически осуществили политический переворот, должны были понимать, что радикалы будут для них лишней проблемой, и, возможно, опасались выдвижения ими нового кандидата на высшее руководство. Однако каких-либо существенных свидетельств целенаправленных действий радикалов из Политбюро в целях захвата власти в течение нескольких недель от кончины Мао до их задержания не существует [Teiwes, Sun 2007: 536–568, 572–579].

Если кто-то и пытался организовать заговор, то это были противники радикалов, которые начали действовать, когда со дня смерти Мао не прошло и недели. Хуа Гофэн встретился с другими высокопоставленными чиновниками для обсуждения возможных путей решения так называемой «проблемы банды четырех». Закулисные перешептывания по поводу удаления радикалов от власти имели место и до этого, но именно Хуа Гофэн решительно взял инициативу в свои руки. Хуа встретился с другими представителями Политбюро в конце сентября. Он четко указал на неизбежность надвигающегося конфликта с радикалами. Для устранения политических оппонентов было предложено провести среди членов Политбюро голосование, но этот вариант воспринимался как чрезмерно рискованный, поскольку в этом случае создавалась вероятность еще одной мобилизации региональных мятежников [Ibid.: 570–571]. Процесс подготовки ускорился, в заговор оказалось вовлечено еще больше официальных лиц. Был подготовлен список наиболее активных сторонников радикалов в Пекине, которых также предстояло задержать. В назначенное время гарнизон города Пекина должен был осуществить захват информационного агентства «Синьхуа», центрального радио, «Жэньминь жибао», аэропорта и других стратегических точек столицы.

Реализация плана началась с приглашения главных чиновников-радикалов на совещание Политбюро, которое было назначено на 6 октября. Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь и Яо Вэньюань были задержаны немедленно по прибытии на предполагаемую встречу. Цзян Цин и племянник Мао, Мао Юаньсинь, были арестованы прямо у себя дома вскоре после этого. Гарнизон города Пекина взял под свой контроль стратегические точки. На всю операцию ушло меньше часа [Ibid.: 579–580]. В последующие дни в Пекин для участия в брифингах по поводу произошедших изменений были вызваны представители регионов и военных округов. Около 30 наиболее заметных сторонников радикалов были задержаны. Партийное руководство в Шанхае — опорном пункте радикалов — столкнулось с невозможностью установить связь с союзниками в Пекине, в связи с чем возникло предположение, что «ревизионисты» смогли захватить власть. 8 октября

шанхайские радикалы провели чрезвычайную встречу и решили мобилизовать на противостояние «ревизионистам» ополчение. На 12 октября отдельные шанхайские чиновники запланировали обнародовать на национальном уровне заявление в поддержку повстанцев, организовать демонстрации, подорвать мосты и оказывать сопротивление противнику по аналогии с Парижской коммуной. Однако всему этому не было суждено сбыться. Шанхайских чиновников вынудили прибыть в Пекин для проведения консультаций относительно того, что им стало там известно, сторонники радикалов решили по возвращении держать рот на замке. Арест «банды четырех» стал достоянием общественности 14 октября. Новость вызвала у шанхайцев удивление. По мере публикации имен задержанных стало очевидно, что народ подержал переворот. Все планы по организованному сопротивлению были отмечены в сторону [Ibid.: 584–585]¹⁵.

В последние недели своей жизни Мао, по всей видимости, осознал, что проиграл затеянную им же самим игру. В известном послании Хуа Гофэну, датированном летом 1976 г., Мао задавался вопросом о будущем «последней революции»:

За свою жизнь я добился двух вещей. Первое дело — несколько десятилетий я воевал с Чан Кайши и отшвырнул его, заставив базироваться на нескольких островках; после восьми лет войны с японцами мы отправили их восвояси; мы пробилась в Пекин и наконец вступили в Запретный город. Мало кто не признает факт этих достижений... Вы все знаете о втором деле моей жизни: запуске «культурной революции». Здесь у меня мало сторонников и много противников. Однако дело революции не завершено, и ее наследие будет передано следующему поколению. Кто возьмется за него? Если не мирно, то на фоне беспорядков. Если не надлежащим образом, то ценой кровопролития. Лишь небесам известно, как вы подойдете к претворению этого дела в жизнь¹⁶.

¹⁵ [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 443–449] в своем анализе планирования и арестов предлагают лишь отдельные иные детали.

¹⁶ Цит. по: [Teiwes, Sun 2007: 595].

Если Мао видел в Хуа фигуру, которая смогла бы сбалансировать весьма разобщенное руководство КНР и помочь его верным радикалам выжить, то он вновь просчитался. Не прошло и месяца после кончины лидера, а его жена и племянник сидели в тюрьме вместе со своими политическими союзниками. В последующие годы репутация Мао как отца-основателя КНР оставалась нерушимой, однако наследие последних лет жизни председателя было отринуто. Последовавшая через некоторое время кампания КПК по «полномасштабному отказу от “культурной революции”» очернила тех чиновников-радикалов, которые самоотверженно исполняли приказы Мао. Иногда даже создавалось впечатление, что именно эти официальные лица, а не Мао, были повинны в «десятилетии потрясений». Однако официальный вердикт КПК по «культурной революции» — «Резолюция по истории партии», обнародованная через пять лет после кончины Мао, в 1981 г., — вынужденно признавал очевидное:

На «культурную революцию», продолжавшуюся с мая 1966 г. по октябрь 1976 г., следует возложить вину за самый тяжелый спад и самые большие потери, которые претерпели с момента образования КНР партия, государство и народ Китая. Положил начало этой инициативе и возглавлял ее товарищ Мао Цзэдун¹⁷.

¹⁷ Цит. по: [MacFarquhar, Schoenhals 2006: 3].

Глава 14

Оглядываясь на эпоху Мао

К моменту своей кончины Мао смог реализовать немного из того, что он намеревался осуществить с середины 1950-х гг. Два главных прижизненных достижения лидера — образование единого китайского государства и внедрение модели социалистической экономики, заимствованной у СССР, — в целом продолжали существовать, однако их значимость могла быть оспорена. В Китае, который оставил после себя Мао, доминировали разрозненная партийная организация, которую терзали межфракционные разногласия, и администрация, которой еще только предстояло оправиться после десятилетия настойчивого наступления на чиновников на всех уровнях. Действия по продвижению индустриализации сошли на нет. В сельской местности царил бедность. Качество жизни в городах стагнировало, а в некоторых аспектах ухудшилось. Университетская система была в плачевном состоянии. В области науки и технологий китайцы давно отстали от общемировых стандартов. Вследствие инициатив Мао Китай всякий раз оказывался отброшенным от других стран мира все дальше назад. С начала 1950-х гг., выполнив лишь часть своих планов, Мао оставил после себя ослабленную и отсталую страну.

Нежелательные результаты, нереализованные амбиции

Практически все вмешательства Мао в дело государственного управления после 1956 г. грозили уничтожить предшествующие достижения лидера и формировали последствия, которых никто

не ожидал и не желал. Первый пример такой инициативы — кампания «Сто цветов». Мао попытался представить себя поборником постсталинистской либерализации в новом стабильном и защищенном социалистическом режиме, призвав к публичному порицанию партийных кадров вопреки сильному противостоянию этой затее со стороны товарищей по партии. Крещендо поразительно резкой критики, организованных студенческих митингов, забастовок промышленных рабочих, развала коллективных фермерских хозяйств и периодических сельских мятежей продемонстрировало, что граждане Китая испытывали от действий нового партийного государства гораздо меньше энтузиазма, чем это представлялось Мао. Последовавшие за этим репрессии в рамках Движения против правого уклона во многом стали для председателя унижительным признанием собственного поражения, которое в конечном счете заставило его вернуться к своим первым сталинистским порывам, не сулившим КНР в ближайшем будущем ничего хорошего.

Еще более поразительным фиаско обернулся катастрофический «большой скачок». Мао был уверен в возможности построения социализма на территории Китая быстрее, чем это допускали Сталин и другие китайские лидеры, и настойчиво требовал претворить в жизнь ускоренную социалистическую трансформацию экономики. Этот процесс был завершен в 1957 г., с опережением графика на многие годы. В связи с этим Мао уверовал в возможность квантового прыжка экономики КНР за счет новых социалистических институтов, в которых заправляли политические кадры, мобилизующие население на великие свершения во многом теми же методами, которыми сам председатель руководствовался на заключительных этапах гражданской войны. Надежды Мао на способность партийной организации КПК мобилизовать граждан Китая полностью оправдались. Нельзя не отметить, сколь ошеломляющим был общенациональный подъем активности. Немногие современные государства могли бы даже помыслить о такой кампании. Однако итоги «прыжка» оказались прямо противоположны тем результатам, которых ожидал от своей инициативы Мао. Даже если мы вообще не будем упоми-

нать чудовищную смертность от опустошающего все и вся голода, «большой скачок» сильно ударил как по сельскому хозяйству, так и по промышленности, подорвав их потенциал на многие годы. Крах Мао на этом фронте был столь абсолютным, что в дальнейшем он даже не задумывался больше об ускорении экономического развития, полностью посвятив себя вместо этого масштабной операции, направленной на ликвидацию политических последствий катастрофы, на которую он сам обрек своих сограждан. Эта малоуспешная борьба занимала все время Мао вплоть до его кончины.

Если мы подойдем к «культурной революции» с позиций ее инициаторов, то следует признать, что ее достижения были в самом лучшем случае неоднородными. В конечном счете все это предприятие завершилось провалом, при этом процесс сопровождался нанесением стране огромного ущерба. Мао умудрился ускоренными темпами организовать поразительно масштабный мятеж против партийного государства, которое к 1967 г. оказалось фактически уничтожено. Опираясь на вооруженные силы, Мао смог ликвидировать прежние партийные и правительственные структуры, избежав при этом полного краха самого государства. В дальнейшем председатель задействовал новые административные органы в виде революционных комитетов, которые сменили предшествующие структуры.

Однако все это оказалось пирровой победой. Мао и его последователи-радикалы преуспели в разжигании общенациональных восстаний, однако постоянно демонстрировали несостоятельность в руководстве и направлении инициированных ими же конфликтов. После провала избранной поначалу стратегии Мао неоднократно приходилось менять курс и тактику. Студенческое движение изначально не было единым и постоянно сопротивлялось неоднократно предпринимаемым попыткам объединения. Группа по делам «культурной революции» при ЦК КПК (ГДКР), сделав ставку на одну из их фракций в ущерб тем студентам, которые стояли у истоков движения, навлекла на себя негодование отброшенных в сторону учащихся. *Хунвейбины*-диссиденты подверглись репрессиям. На поле боя оставались лишь лояльные ГДКР студен-

ты-повстанцы. Однако и они разделились на новые фракции, продолжавшие борьбу между собой до победного конца.

После безуспешных попыток Мао взаимодействовать со студентами он переключился на мобилизацию рабочего класса. Сначала казалось, что этот шаг оправдывал себя. Крупные коалиции рабочих-повстанцев быстро подавили местные партийные власти. Однако в поведении трудящихся наметились нежелательные для высшего руководства тенденции. Многие рабочие требовали повышения зарплат и улучшения качества жизни. Нашлось и значительное число тех, кто встал на защиту местных партийных властей и вступил в борьбу с коллегами по цеху. Промышленность и транспорт оказались полностью парализованы. «Январская революция» в Шанхае представлялась удачным выходом из ситуации: коалиция рабочих-повстанцев и чиновников-маоистов узурпировала власть у партийных органов, заглушая экономические требования трудящихся и подавляя несогласных. Несколько регионов последовали примеру Шанхая, однако вскоре стратегия продемонстрировала свою несостоятельность. Аналогичные захваты власти в начале 1967 г. проваливались практически повсеместно. Мао был вынужден ввести в Китае военный контроль. Однако подключение местных вооруженных сил к конфликтам между повстанческими группами непреднамеренно углубило и обострило разрыв между мятежниками, а армия оказалась замешана в междоусобную борьбу.

Весна и лето 1967 г. были отмечены ширококомасштабными вооруженными столкновениями между повстанцами. Мао попробовал склонить чашу весов в свою сторону. Он призвал раздавать оружие «левому блоку» и разрешил повстанцам атаковать вооруженные силы, выступавшие «не на той стороне» местных конфликтов. Эти директивы привели к дальнейшей эскалации борьбы и, по причине роста количества используемого в конфликтах профессионального оружия, росту числа жертв. Целые районы крупных региональных центров оказывались сожжены дотла. Регионы, в которых недавно удалось установить хоть какой-то порядок, вновь столкнулись с дестабилизацией положения. Осознавая, что инициатива по укреплению сил мя-

тежников и разрешению региональных конфликтов вернулась, Мао резко переметнулся на сторону армии, параллельно назначая в рядах ГДКР козлов отпущения, которые всего лишь преданно исполняли указания лидера, и призвал к разоружению фракций повстанцев. В результате года тяжелых и затянутых переговоров в целях объединения противоборствующих сторон Мао все больше склонялся к авторитарному выходу из ситуации и фактически ввел военную диктатуру, в условиях которой когда-то бывшие в фаворе повстанческие лидеры были репрессированы и заменены на более сговорчивых «народных представителей». Пережившие эти события мятежники были не чем иным, как марионетками в его руках.

На протяжении всего этого запутанного периода Мао пытался изобразить, будто бы все развороты и завихрения развивались именно в том направлении, которое было ему в конечном счете нужно. Создание к концу 1968 г. практически на всей территории Китая революционных комитетов было объявлено большой победой. На самом деле это была новая форма государственности, созданная на руинах предшествовавшего ей правительства. Однако революционные комитеты сработали не так, как ожидалось, и продержались недолго. За исключением Шанхая и Пекина, в структурах почти повсеместно главенствовали армейские офицеры. Установилась практически ничем не прикрытая форма военной диктатуры. В сетях революционных комитетов, опутавших все уровни управления вплоть до самых низов, развернулись массированные чистки — одна из самых обширных и смертоносных охот на предателей в истории КНР. К 1969 г. до Мао дошло, что, передав огромные полномочия офицерам, он попал в сильную зависимость от армии. Попытки исправить положение привели к кризису вокруг Линь Бяо.

Гибель Линь Бяо, обозначившая конец краткого периода военного правления в Китае, подорвала все политическое обоснование «культурной революции». Оставшуюся жизнь Мао провел в беспорядочном и в целом безуспешном стремлении извлечь из опыта потрясений прошлого хоть что-нибудь ценное. Он дал Чжоу Эньлаю поручение восстановить партийную организацию

и исключить из гражданской администрации представителей вооруженных сил, а также обязал его провести кампанию, которая сваливала всю вину за зверства «культурной революции» на «ультралевого» Линь Бяо. Затем Мао отстранил Чжоу и на фоне выведения армии из правительственных структур начал «вторую культурную революцию», с тем чтобы отстоять наследие первой. Новая кампания дестабилизировала значительную часть районов Китая и парализовала промышленность и транспорт. Тогда Мао обратился к Дэн Сяопину с предложением восстановить дисциплину и порядок, уравновесить экономику и продолжить дело выстраивания заново гражданского партийного государства. Однако и весьма далекого от догматизма «культурной революции» Дэна Мао в конечном счете подверг опале. Этот финальный разворот спровоцировал массовые уличные демонстрации в Нанкине, Пекине и других городах. Народ был недоволен как радикалами-маоистами, так и «культурной революцией». Мао выдвинул на руководящие посты центриста Хуа Гофэна в надежде, что тот сможет обеспечить в партийном руководстве баланс между маоистами и чиновниками. Однако не прошло и месяца после кончины Мао, как Хуа арестовал и предал критике переживших лидера радикалов. После окончания периода Мао это был первый шаг Китая в абсолютно новом направлении.

Сам собой напрашивается вывод, что весь вклад Мао в строительство КНР после 1956 г. был неэффективным даже по его собственным меркам и оказался неожиданно разрушительным там, где он совершенно не мог этого ожидать. Как во время «большого скачка», так и во время «культурной революции» деструктивные аспекты инициатив Мао значительно превалировали над любыми позитивными уроками, которые мы могли бы извлечь из них. Цели «культурной революции» были достигнуты с уничтожением основ партийного государства КНР и отстранением многих чиновников, которые сомневались в воззрениях Мао. Однако ничего устойчивого взамен разрушенному она не создала. В процессе «культурной революции» Мао неоднократно пытался продемонстрировать, будто бы именно достигнутых неожиданных и нежеланных результатов он и ожидал, и уверял,

что из хаоса в конечном итоге возникнет еще более прочный порядок. Но публичные празднования «великих достижений» «культурной революции» в совокупности с усилившимся культом личности Мао оказались столь же иллюзорными, сколь и ранние заявления Мао о том, что за «девять пальцев» успехов «большого скачка» можно отдать «один палец» промахов. В последние два года жизни Мао его здоровье ухудшалось. По всей видимости, лидер принял за данность, что ничто не может обеспечить ему добрую память и что мощные группировки в высшем руководстве и обществе настроены против него.

Схожим образом рассматривали наследие Мао после его кончины и пережившие его товарищи. Эту точку зрения хорошо обозначил ближе к концу 1978 г. Чэнь Юнь, которого за настойчивое отстаивание необходимости стабильного и устойчивого развития Китая председатель продолжительное время отодвигал на задний план:

Если бы председатель Мао отошел в мир иной в 1956 г., не было бы никаких оснований усомниться в его статусе великого лидера китайского народа. Это был бы уважаемый и любимый всеми человек, сыгравший выдающуюся роль в истории мирового революционного движения. Если бы председатель Мао скончался в 1966 г., то его знаменательные достижения утратили бы некоторый блеск, но все же производили бы впечатление. Однако председатель Мао умер в 1976 г., и с этим фактом мы ничего поделать не можем¹.

Траектория развития Китая при Мао

Эпоху Мао не следует оценивать исключительно с точки зрения замыслов Мао и конечных результатов воплощения этих замыслов. Значительно более существенным является общее направление развития Китая как страны с новой государственной и экономической системой, сформированной КПК в течение 1950-х гг. Консолидировав государственную власть, новое руко-

¹ Цит. по: [Lardy, Lieberthal 1983: xi].

водство Поднебесной отдало предпочтение вдохновленной примером СССР модели экономического развития, которая сулила КНР стремительную индустриализацию. Мао добивался претворения в жизнь советской модели более быстрыми темпами, чем полагали разумным многие из его коллег. Когда же это было осуществлено, он еще более настойчиво потребовал увеличения темпов работы за счет политической мобилизации. Советская модель уже успела зарекомендовать себя в качестве средства достижения быстрых результатов в условиях военного времени и методики создания в СССР впечатляющей промышленной базы. Незадолго до того, как КНР начал внедрять советскую модель, Хрущев сфокусировался на повышении уровня жизни советских граждан и пообещал, что вскоре СССР добьется сопоставимых с США уровней развития и процветания. В ретроспективе эти заявления выглядят легкомысленными, однако в то время эти обещания не казались неправдоподобными, и именно они вдохновили Мао обратиться к опыту СССР.

Во время «большого скачка» Мао довел советские принципы развития до пределов. Игнорируя рекомендации технических специалистов, он призывал партийные организации по всему Китаю мобилизовать трудовые ресурсы на ускоренную и более продолжительную работу с целью наращивания темпов экономического развития. Результатом этой тактики стала серьезная промышленная депрессия и голод исторических масштабов. Вскоре после восстановления экономики к середине 1960-х гг. Мао вновь ринулся в наступление на экономическую бюрократию, развязав «культурную революцию», в ходе которой чиновники и специалисты всех уровней управления подвергались политическим нападкам и зачастую были вынуждены годами заниматься тяжелым ручным трудом. После сокращения штатов госслужащих, которое последовало после инцидента с Линь Бяо, развернулась полноценная политическая битва за экономику. В условиях полемики по поводу роли экспертов, методов управления предприятиями, а также способов поощрения и обеспечения качества жизни трудящихся на всех уровнях управления разразился административный коллапс.

С приближением конца эпохи Мао было уже невозможно оставить без внимания тяжелые потери, понесенные Китаем вследствие внедрения маоизма. В некоторых аспектах страна продемонстрировала показатели, свидетельствовавшие об успешном развитии экономики. Постепенно улучшалась ситуация в области здравоохранения. Общий коэффициент смертности упал с 25,8 на 1000 человек в 1953 г. до 7,8 на 1000 человек в 1976 г. Детская смертность, составлявшая 175 на 1000 родов в 1953 г., опустилась до 45 на 1000 родов в 1976 г. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла лишь 40 лет в 1953 г., а к 1976 г. — уже 64 года. Такая продолжительность жизни обычно является свидетельством высоких уровней экономического развития [Banister 1984: 254; Henderson 1993]. Эти данные отражали тот факт, что у правительственной инфраструктуры были возможности по улучшению здравоохранения и обеспечению большей части населения базовыми медицинскими услугами. Это были все те же правительственные структуры, которые в течение 1950-х гг. оказались столь успешны в кампаниях против организованной преступности, наркоторговли, секс-индустрии и криминальных группировок как в городах, так и в сельской местности.

Помимо этих реальных достижений, влияние которых сохранялось в течение всей эпохи руководства Мао, производят впечатление общие показатели внутреннего валового продукта (ВВП). Номинально объем валовой продукции промышленности и сельского хозяйства КНР вырос за время правления Мао практически в десять раз. Причем промышленность показывала удвоенные темпы прироста [State Statistical Bureau 1983: 13]. С этой точки зрения создается впечатление, что версия советской экономической системы в интерпретации Мао сработала именно так, как того хотел лидер.

Однако достаточно немного углубиться в эту тему, чтобы осознать серьезность существовавших экономических дефектов. Первая очевидная проблема — население Китая росло практически теми же темпами, что и экономика. После 1952 г. население КНР увеличилось почти вдвое: с 584 до 932 миллионов. Это исключало возможность трансформации общих показателей эко-

номического роста в более качественный уровень жизни. Свою роль в этом контексте сыграли и ошибочные политические манипуляции. После событий «большого скачка» Мао призвал отрицать рекомендации демографов, которые предлагали ввести контроль за рождаемостью. Такие воззрения были объявлены антимарксистскими буржуазными идеями в духе Томаса Мальтуса, обвинявшего нищих в их собственном плачевном положении. Также Мао настаивал на том, что ограничение рождаемости представляется экономически нецелесообразным, ведь человеческий труд — источник всех ценностей. Чем больше трудовых ресурсов, тем пышнее цветет экономика.

Демографический бум в совокупности со стратегией развития, предполагавшей огромные инвестиции в экономику, обрекал все большее число людей владеть существованием на грани прожиточного минимума. К концу жизни Мао налицо были все признаки грядущего кризиса в сельском хозяйстве и промышленности, который сулил лишь дальнейшее обострение проблем. В целом показатели экономики Китая, выраженные в уровне ВВП на душу населения, свидетельствуют о динамике повышения после 1952 г. вопреки депрессии 1961–1962 гг. после «большого скачка» и спаду 1967–1968 гг. в результате «культурной революции». Однако суммарный показатель экономического роста реального ВВП на душу населения с 1950 по 1973 г. составлял лишь 2,9 % в год. Таким образом, Китай на тот момент оказывался среди азиатских экономик середнячком, несколько выше по показателям по сравнению с Филиппинами и Индонезией и вдвое опережая Индию, однако оставаясь далеко позади шести ведущих экономик региона, в том числе Таиланда (таблица 14.1).

Из графика 14.1 мы видим, что в показателях экономического роста КНР, которые резко менялись на протяжении всей эпохи Мао, не было стабильности. И повинны в этом не только «большой скачок» и начало «культурной революции». Несмотря на в целом позитивные результаты за пределами этих двух временных отрезков, экономика КНР при Мао в принципе не продемонстрировала того последовательного роста, который характерен для советской системы, созданной с целью противодействия

Таблица 14.1. Рост ВВП на душу населения,
экономики Азии, 1950–1973 гг.

Страна/район	Ежегодный рост (%)
Япония	8,1
Тайвань	6,7
Южная Корея	5,8
Гонконг	5,2
Сингапур	4,4
Таиланд	3,7
Китай	2,9
Филиппины	2,7
Индонезия	2,6
Малайзия	2,2
Шри-Ланка	1,9
Пакистан	1,7
Индия	1,4
Бангладеш	-0,4

Источник: [Maddison 2006: 143].

Примечание. Здесь указан совокупный ежегодный темп роста ВВП на душу населения.

циклом «бум — спад» в рыночном капитализме. Наиболее показательным является тот факт, что экономика не смогла оправиться от худших лет «культурной революции». Как раз наоборот, все говорило о приближении стагнации. После 1970 г., когда армия покинула гражданскую администрацию, а «белые воротнички» вернулись к работе, средний экономический рост составлял лишь 2,4 %. В 1974 г., на который пришлось политические волнения, экономика не показала роста вообще, а в 1976 г. — в год кончины Мао — началась рецессия: экономические показатели снизились на 3,4 %².

² Рассчитано исходя из данных в графике 14.1.

Замедление экономического роста было связано с проблемами как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Коллективные фермерские хозяйства столкнулись со сложностями в наращивании производительности на один гектар обрабатываемой земли, а те результаты, которых удавалось достигнуть, не успевали за быстрым ростом населения Китая. В 1970-х гг. наметился спад поставок зерна в города. В отсутствие резкого роста выработки сельскохозяйственной продукции Китаю в самом ближайшем будущем грозил кризис поставок продовольствия. Основным фактором в надвигающемся экономическом застое выступала промышленность, а точнее — тяжелая промышленность, которая по умолчанию забирала себе большую часть инвестиций в ущерб потребительским товарам, услугам и жилью. В отсутствие существенного позитивного эффекта КНР продолжала направлять в тяжелую промышленность все бóльшие ресурсы. В 1953 г. в нее шли 52 % государственных инвестиций, во время «большого скачка» — 87 %, а в оставшиеся годы вплоть до кончины Мао — практически всегда выше планки в 80 % [State Statistical Bureau 1983: 339].

Щедро одариваемая средствами тяжелая промышленность тем не менее оказалась неспособна применять их эффективно. Эта проблема стала наиболее очевидна после 1970 г. График 14.2 представляет тренды многофакторной производительности. Значение выше уровня 1,0 свидетельствует о том, что промышленность производила больше, чем получала; значение ниже 1,0 указывает на то, что выработанная продукция была менее ценна, чем ресурсы, затраченные на ее производство. Чем выше показатель, тем эффективнее расходуются ресурсы. Чем ниже показатель, тем выше показатель разбазаривания экономических ресурсов и тем меньше средств выделяется на иные цели. Из графика 14.2 становится ясно, что промышленность КНР была относительно неэффективна вплоть до 1970-х гг. и просто катастрофически нерезультативна в период «большого скачка». Лишь к началу 1970-х гг. мы начинаем отмечать уровни многофакторной производительности, которые обычно ассоциируются с ускоренным и стабильным экономическим ростом. Однако вскоре

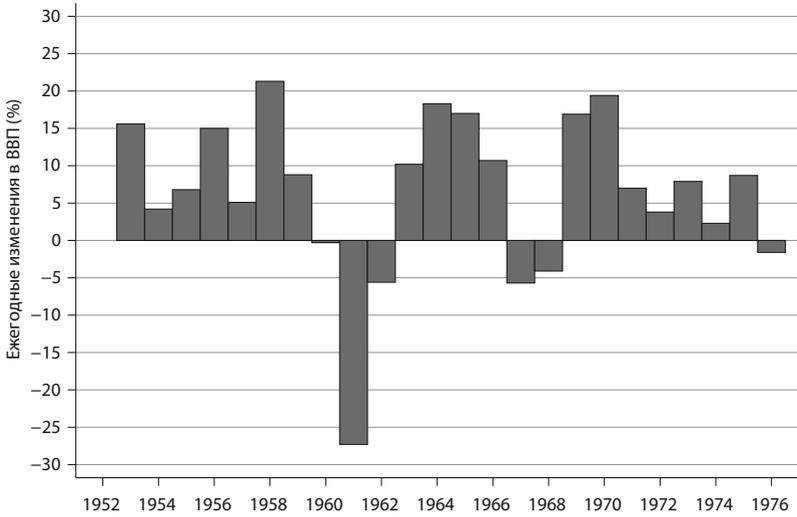

График 14.1. Ежегодные изменения в ВВП, постоянные цены, 1952–1976 гг. Источник: на основании данных [State Statistical Bureau 1983: 22, 103]

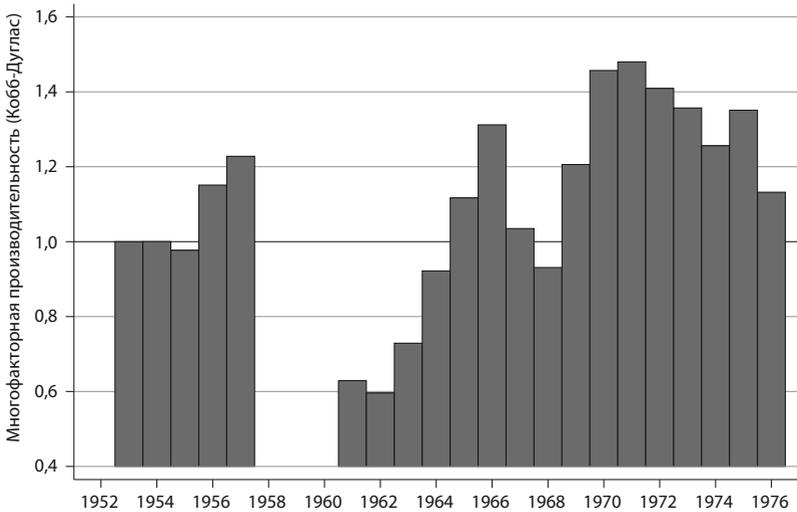

График 14.2. Тенденции производительности промышленного производства, 1953–1976 гг. Источник: [Kuan et al. 1988: 583]

в промышленной производительности начался постепенный спад, и она, за исключением одного года, продолжала ежегодно снижаться вплоть до 1976 г.

Очевидные симптомы стагнации указывали на укоренившиеся недостатки применяемой экономической системы, задуманной с расчетом на генерирование роста. Неэффективность работы экономических институтов КНР, особенно тех структур, которые, демонстрируя взамен лишь весьма скромные достижения, отвечали за промышленность, исключала возможность направить ресурсы на более насущные потребности. Расточительная промышленная система в самом буквальном смысле пожирала ресурсы, которые могли бы быть использованы на развитие инфраструктуры, жилищное строительство, увеличение заработных плат и производство потребительских товаров, повышая тем самым качество жизни в Китае. Население КНР шло на постоянные жертвы в угоду системе, сделавшей акцент на тяжелую промышленность, которая в силу политических факторов была неэффективна и обрекала Китай на отсталость.

Позволить себе дальнейшую экономическую стагнацию Китай не мог. В 1976 г., после 27 лет судорожного развития социалистической экономики, КНР достигла уровня ВВП в \$163 на душу населения — показатель, сравнимый со все еще переживавшей бедность Индией (\$164)³. Да, Китай превзошел Бангладеш (\$140) — страну, которая на тот момент истории становилась символом предельных экономических лишений. Однако в 1976 г. Китай был еще далеко позади по преимуществу аграрной экономики Индонезии (\$286). В равной мере КНР отставала от Южной Кореи (\$824), которая в 1950–1953 гг. пережила тяжелую войну и начала 1953 г. примерно с той же отправной точки, что и Китай. Гонконг — до 1950 г. захудалый портовый городок, который не мог сравниться с процветающим Шанхаем, — к 1976 г. имел ВВП на душу населения в \$2849, а Япония, находившаяся где-то в середине своей программы ускоренного послевоенного экономиче-

³ Данные в этом и следующем абзаце основаны на <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (дата обращения 17.08.2022).

ского роста, — \$5111. Несостоятельность маоистской экономики Китая становится наиболее очевидной при сравнении с показателями развития Китая после 1976 г. К 1990 г., по прошествии десятилетия умеренных рыночных реформ, Китай достиг ВВП на душу населения в \$314, к 2000 г. — \$949, к 2010 г. — \$4433.

Степень отставания Китая от сопоставимых экономик становится очевидной из графика 14.3, который фиксирует ВВП на душу населения при постоянных ценах. За счет методики паритета покупательной способности корректируются различия между экономиками в структуре цен, которые могли бы исказить результаты сравнения. На тот момент Китай явно рисковал оказаться навсегда неспособным выполнить давнее стремление китайцев: догнать самые передовые экономики или по крайней мере более развитые социалистические экономики. При сравнении с траекториями развития Тайваня, Южной Кореи, Японии, СССР и Восточной Европы становится очевидным, что Китай фактически не прогрессировал. И с каждым годом этот разрыв лишь увеличивался. График 14.4 представляет описанные тренды с несколько иной позиции. Здесь указаны чистые изменения в ВВП на душу населения за этот же период, но без учета корректировок по паритету покупательной способности. Здесь Китай превосходит в общем увеличении темпов роста Индию, но находится позади иных «ревизионистских» социалистических держав и сильно отстает от сопредельных восточноазиатских экономик. Вне всяких сомнений, Китай не поспевал за соседями и застрял на низком уровне развития, превратившись в одну из беднейших стран региона.

Доходы и качество жизни

Спартанские условия жизни и отложенное материальное процветание — основополагающие особенности советской модели развития. Чрезмерные инвестиции в тяжелую промышленность обеспечивали стремительный рост. Однако разрушительные инициативы Мао во времена «большого скачка» и политические гонения, учиненные во время «культурной революции»,

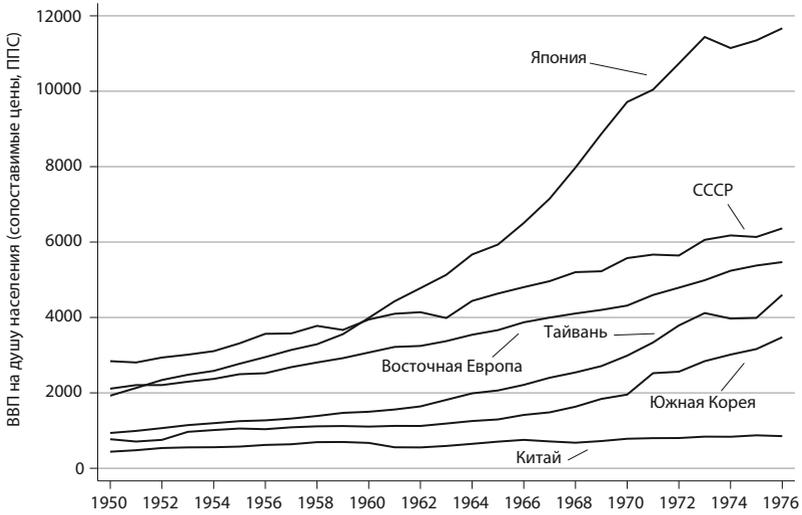

График 14.3. Тренды экономического роста в избранных экономиках, 1950–1976 гг. Источник: [Maddison 2006: 304, 479]

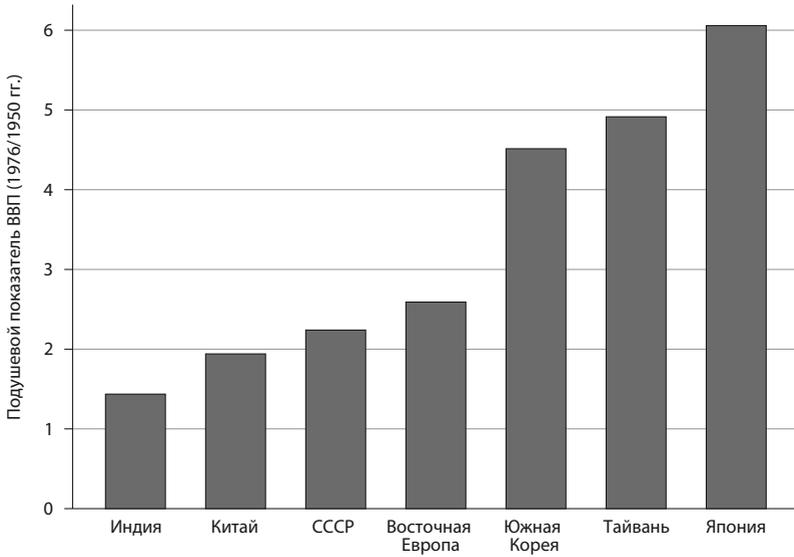

График 14.4. Темпы экономического развития в избранных экономиках, 1950–1976 гг. Источник: [Maddison 2006: 304, 479]

превратили модель, которая уже позволила СССР добиться устойчивого и динамичного роста, в несбалансированный инструмент, генерировавший в условиях низкого уровня промышленного развития стагнацию. Мао потерпел очевидный крах в избрании пути, который бы дал Китаю возможность конкурировать с СССР в вопросах экономической эффективности. Оставив суть советской модели неизменной, но усилив в ущерб экспертизе квалифицированных управленцев и специалистов значимость официальных партийных лиц и политических активистов, Мао лишь обострил имманентные недостатки внедряемой системы.

Жители городов в Китае находились в гораздо более благоприятном положении, чем представители коллективных фермерских хозяйств. Однако горожане сталкивались со стагнацией доходов и перебоями в поставках потребительских товаров, недостатком жилья и некачественными услугами. После заключительного этапа общенациональных корректировок заработных плат доходы в промышленном секторе фактически оставались замороженными с 1963 г. — в этот год около 40 % трудящихся получили повышения по службе и прибавки к заработной плате. Следующие корректировки произошли только через два года после кончины Мао. Премии за продуктивность с 1966 г. были запрещены по политическим мотивам. Рабочие ячейки пытались исправить эту ситуацию, изыскивая возможности для оказания сотрудникам небольшой финансовой помощи или путем обеспечения их какими-либо товарами и услугами в натуральном выражении. Однако все это были разовые меры. Новые поколения трудящихся влились в рынок труда с минимальной зарплатой и так и оставались самыми низкооплачиваемыми категориями трудящихся. Средняя заработная плата промышленных рабочих в городах стабильно снижалась. Как мы видим из графика 14.5, продолжительное падение размера оплаты труда городских жителей началось с национализации промышленности в 1956 г. и шло в течение двух последующих десятилетий. Единственное исключение из этой нисходящей тенденции — резкий спад во время «большого скачка», когда миллионы новых работников были сначала

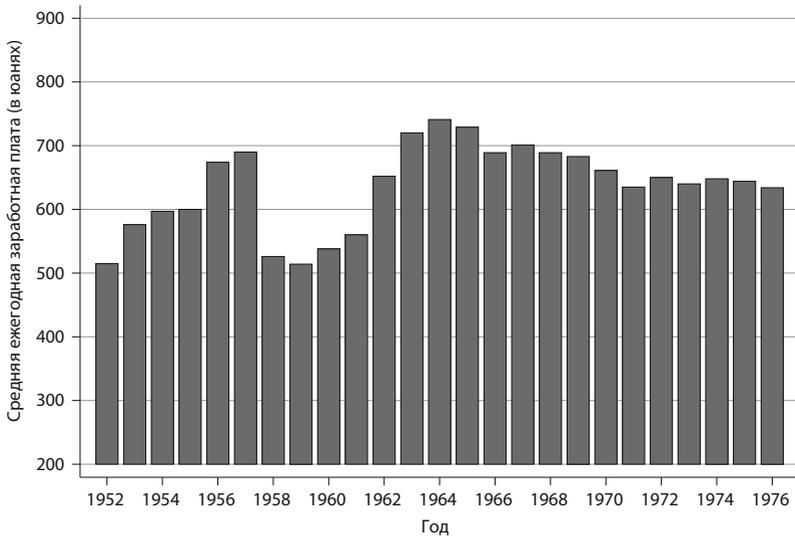

График 14.5. Средняя заработная плата в государственном промышленном секторе КНР, 1952–1976 гг. Источник: [State Statistical Bureau 1983: 490]

резко наняты на стартовые должности, а потом столь же быстро подвергнуты в связи с коллапсом экономики сокращению. В 1957 г. средняя ежегодная зарплата составляла чуть меньше 700 юаней. К 1976 г. этот показатель сократился до чуть более 630 юаней [Walder 1986: 195].

Все более скудным семейным бюджетам сопутствовали как нехватка объемов, так и недостаточно высокое качество потребительских товаров. Система квотирования промышленной продукции все еще действовала и продержится последующие десять с лишним лет. Самые желанные товары представлялись весьма примитивными по стандартам рыночных экономик соседних государств. Любой городской житель того времени мог по памяти привести список самых востребованных товаров длительного потребления: швейная машинка, наручные часы, радио и велосипед определенной марки. Швейные машинки с ножным приводом были копиями советских швейных машин

1950-х гг., которые в свою очередь воспроизводили модель Singer, продававшуюся в США еще в 1920-х гг. Наличие швейной машинки позволяло максимально эффективно использовать ежегодный отрез ткани. Китайские радиоприемники все еще работали на электровакуумных лампах. Велосипеды представляли собой крепкие модели с одной скоростью и выступали в городах основным средством передвижения.

Система нормирования товаров исключила необходимость стояния в очередях за основными видами промышленных товаров, однако проблема дефицита не была решена. Всегда обнаруживались некие товары, приобрести которые представлялось проблематичным: ботинки и готовая одежда надлежащего размера и стиля, мебель, туалетная бумага, кухонные ножи, которые бы не тупились после нескольких применений, кастрюли и сковороды, которые не трескались бы при нагревании, и так далее. Недовольство доступностью, качеством и размерами товаров было обычным явлением. Государственные магазины периодически не справлялись со спросом на свежие фрукты, овощи, рыбу и свинину, а когда продовольственных товаров было вдоволь, они зачастую были увядшими, поврежденными или зловонными. Покупателям приходилось постоянно быть во всеоружии. Нехватка потребительских товаров должного размера или надлежащего качества спровоцировала между друзьями и всеми, с кем можно было наладить полезные «связи», формирование полноценной культуры взаимовыручки и взаимодействия. Иностранные путешественники, посещавшие Китай в первые годы после кончины Мао, ожидали увидеть аскетичное и эгалитарное общество, которое избежало поднявшейся на Западе волны свирепствующего потребительства. Вместо этого сразу по их прибытии китайские знакомые немедленно начинали осаждать их просьбами купить что-то в специализированных магазинах для иностранцев. Приезжие зачастую поражались той обостренной целенаправленности, которую китайцы проявляли в своем стремлении приобрести дефицитные потребительские товары, и агрессивности городской культуры постоянного обмена взаимовыгодными одолжениями [Ibid.: 179–186, 194–205].

Наиболее заметным символом спада качества жизни в городах представляется жилищный фонд. Уже в 1950-х гг. жилья катастрофически не хватало, и в последующие 20 лет ситуация лишь усугублялась. В 1953 г. на жилье приходилось 12,5 % общенациональных расходов на капитальное строительство. Этот показатель в дальнейшем постепенно снижался по мере того, как нарастали инвестиции в товары производственного назначения. За десять лет после 1966 г. на жилье приходилось от 2,6 до 6,5 % национальных затрат на строительство [State Statistical Bureau 1983: 339]. Все это выражалось в необходимости для молодоженов долгие годы ожидать своей очереди на получение квартиры, еще больше приходилось ждать семьям, которые хотели улучшить свои жилищные условия. Эксплуатационно-техническое обслуживание существующих зданий, которые постепенно приходили в негодность, производилось крайне нерегулярно. В 1956 г. на городского жителя приходилось в среднем около 4,3 квадратного метра жилой площади. К 1976 г. этот показатель сократился до 3,6 квадратного метра. Даже по официальным стандартам 50 % жилья находилось в «ненадлежащем состоянии», а 10 % — в «аварийном состоянии» [Walder 1986: 194–196].

В середине 1970-х гг. семьи из четырех человек зачастую проживали в одной комнате. Один и тот же письменный стол использовался для приемов пищи, выполнения учебных заданий и работы на дому после ужина, а также в качестве спального места на ночь. Недостаток пространства был лишь одним из аспектов более универсальной проблемы. Городские квартиры не имели базовой жилой инфраструктуры. Редкостью были отдельные туалетные и душевые комнаты. В многоквартирных домах уборные размещались на этаже, в более старых районах — иногда даже во дворах или на улице. В некоторые квартиры вода поступала централизованно, однако большинству семей приходилось пользоваться умывальниками общего пользования. Редкостью были кухни для отдельных семей. Обычно предусматривалось общее пространство для приготовления пищи. Чаще всего для отопления использовались печи, работающие на угле. Тепло и приготовление пищи обеспечивались угольными брикетами.

Плохая вентиляция могла привести к смерти от отравления угарным газом. Электрические вентиляторы были мало распространены, а бытовые кондиционеры воздуха еще неизвестны. Лишь высокопоставленные кадры имели доступ к личным телефонным линиям. В жилых районах позвонить можно было с общественных телефонов, которые размещались неподалеку от жилищно-эксплуатационных контор или непосредственно в их помещениях. Когда человеку звонили, то его приглашали к телефону соседи — как правило, люди на пенсии, которые добровольно вызывались помогать в своем районе. Звонки за рубеж были просто невыносимы, и еще долгое время после кончины Мао на междугородний звонок нужно было записаться в муниципальном отделении почтового управления и отстоять в очереди.

Последний штрих пренебрежения жилищными условиями рядовых граждан заключался в крайне ограниченных объемах услуг, предоставляемых городским жителям. Вплоть до ликвидации в середине 1950-х гг. частного сектора китайские города были заполнены небольшими семейными предприятиями: буквально на каждом шагу располагались продовольственные лавки, рестораны, гостевые дома, чайные, бары, всевозможные розничные магазины, парикмахерские, ремонтные мастерские, кабинеты стоматологов и специалистов традиционной китайской медицины, мастерские точильщиков ножей, бани и многое другое. К началу 1960-х гг. вся эта инфраструктура практически исчезла. Из-за постоянных нападков на частный сектор предпринимателям приходилось либо закрываться, либо вступать в немногочисленные коллективные или государственные предприятия, которые предоставляли подобные услуги. После этих потрясений китайский сектор услуг долго не мог восстановиться. Работало лишь незначительное количество огромных государственных ресторанов, которые обычно были переполнены и заслужили себе дурную славу низким качеством еды и плохим обслуживанием. Восполнить нехватку услуг пытались на уровне рабочих ячеек, которые как раз в силу указанного дефицита предлагали своим сотрудникам наборы продовольственных товаров и доступ в банные комплексы. Рабочие ячейки пробовали взять на себя те функции,

которые прежде осуществляли частные предприятия, однако они не могли полностью компенсировать потребителям утрату очень многих услуг, доступных прежде. В особо печальном положении оказывались люди, которые были вынуждены работать в рабочих ячейках с плохим снабжением товарами и услугами.

Равенство и неравенство

Было бы слишком просто списать невысокое качество жизни на особенности экономической системы, в которой равенство ценилось выше процветания. По мере нарастания экономического разрыва между различными группами населения в Китае после Мао часто приходилось слышать о том, что при «великом кормчем» было достигнуто самое эгалитарное распределение доходов в мире. Хотя в наше время неравенство в уровне доходов в КНР существенно выше, чем в 1976 г., предполагаемый эгалитаризм Китая при Мао — лишь отчасти правдивое утверждение.

Обычно для оценки неравенства доходов используется индекс Джини. Показатели ранжируются от 0 до 1. Чем выше значение, тем более обострено неравенство. С учетом этого, самыми эгалитарными в распределении доходов экономиками мира в 1970-е гг. были признаны промышленно развитые социалистические страны (см. таблицу 14.2). У некоторых из этих экономик индекс Джини составлял 0,20 или 0,21 — значительно ниже показателя в 0,33, которого к 1979 г. достиг Китай. Даже СССР, который в качестве цитадели ревизионистского восстановления капитализма так поносили идеологи маоизма, показывал значительно более низкие значения неравенства доходов, чем КНР. Китай был самой неравноправной социалистической экономикой мира.

С другой стороны, Китай находился на нижних строках рейтинга азиатских экономик по уровню распределения доходов. КНР была более эгалитарной страной, чем Индонезия и Филиппины, и почти такой же эгалитарной, как Индия. Однако показатели неравенства доходов Китая были практически сопоставимы со значениями, которые мы видим у Шри-Ланки и Пакистана. Тайвань был более эгалитарным в распределении доходов, чем

Таблица 14.2. Сравнительные показатели неравенства доходов (индекс Джини), 1970-е гг.

Социалист.	Джини	Азия	Джини	Индустриал.	Джини
Восточная Германия	0,20	Тайвань	0,28	Китай	0,33
Болгария	0,21	Китай	0,33	Великобритания	0,34
Чехословакия	0,21	Пакистан	0,33	Канада	0,39
Югославия	0,21	Шри-Ланка	0,33	Швеция	0,39
Польша	0,22	Индия	0,38	Западная Германия	0,39
Венгрия	0,25	Таиланд	0,42	Италия	0,40
СССР	0,27	Индонезия	0,44	США	0,40
Китай	0,33	Филиппины	0,47	Япония	0,42

Источники: По социалистическим и промышленно развитым экономикам — [Kornai 1992: 318; Jain 1975: 41, 107]; по Азии — [World Bank 1983: 94; Jain 1975: 108]. Данные по Китаю приведены за 1979 г. Все остальные показатели — за различные годы начала 1970-х гг.

КНР. Сходным образом соотносится Китай с индустриализированными рыночными экономиками: КНР была более социально сбалансированным государством, чем США и Япония, с более справедливым распределением, чем Канада и Западная Германия, но сопоставимым с Великобританией.

Эти показатели всегда поражали людей, посещавших китайские города в конце эпохи Мао. Города Китая не выделялись какой-либо заметной роскошью. На первый взгляд казалось, что у всех в значительной мере равные (и достаточно скромные) условия жизни. Люди одевались во многом схожим образом и использовали по большей части один вид транспорта (велосипеды). Система нормирования обладала удивительным выравнивающим эффектом. На госпредприятиях не было заметно сильных разрывов в уровнях заработной платы. Нельзя сказать, что все эти впечатления не соответствовали действительности. Китай на

самом деле лидировал в области равномерного распределения доходов в городах. Согласно индексу Джини, уровень распределения доходов среди китайских горожан демонстрировал в 1981 г. поразительные 0,16. Сопоставимые показатели в других азиатских экономиках в 1970-е гг. варьировались от 0,36 по Пакистану до 0,52 по Малайзии [Riskin 1987: 249]. Каким образом при таком удивительно равномерном распределении доходов в китайских городах в целом по стране мы имеем такие показатели неравенства, которые не являются ничем удивительным для рыночных экономик Азии и промышленно развитого мира в целом, но оказываются весьма высокими для социалистической страны?

Ответ кроется в разительном разрыве в доходах между городскими и сельскими районами, а также ранее процветавшими и бедными сельскими районами Китая. Этот феномен объясняется двумя причинами. Первая, как мы уже отмечали, заключалась в том, что советская модель развития была разработана для изъятия из коллективных фермерских хозяйств максимальных объемов зерна при сохранении низких закупочных цен и для удержания доходов и даже потребления основных продовольственных товаров в сельской местности на гораздо более низких уровнях, чем в городах. Вторая причина, которая лишь усиливала первую, состояла в крайне жестком контроле систем регистрации домохозяйств и нормирования зерна. Крестьяне не могли даже временно переехать в городские или процветающие сельские районы, чтобы иметь доступ к лучше оплачиваемой работе⁴. Гораздо более высокие показатели неравенства в других азиатских городах объяснялись миграцией безземельных нищих в городские трущобы. В Китае при Мао такого явления просто не существовало.

Регистрация домохозяйств и нормирование зерна исключали для беднейших китайцев возможность перебираться в города и полностью привязывали их к отдаленным сельским районам,

⁴ СССР и Восточная Европа того времени уже давно стали по большей части городскими экономиками. В отсутствие такого же огромного сельского населения, как в Китае, им никогда не приходилось обеспечивать схожую степень контроля за миграциями населения. Более свободное движение людей позволило сократить разрыв в доходах между городским и сельским населением.

в которых все еще царила всеобъемлющая нищета. В условиях рыночной экономики рабочая сила мигрирует в города и другие регионы с более мощной экономикой. Такие передвижения — переезды сельской бедноты в крупные центры — обычно выравнивают уровни дохода между городами и деревнями. Это делает бедность гораздо более заметной именно в крупных поселениях, где нищие стекаются в трущобы, омрачающие вид многих городов в развивающихся странах. Именно поэтому могло создаться впечатление, что неравенство и бедность более явно проявлялись в Индии и Пакистане, а не в Китае. Этот вывод имел под собой основания, но фактически ограничивался пределами крупных городов. Здесь мы видим, сколь эффективной была система регистрации домохозяйств КНР: она позволяла удерживать нищету в пределах отдаленных сельских районов. Говорить о большем эгалитаризме экономики Китая или ее предположительно большей способности к искоренению бедности здесь не приходится.

Бедность в сельских районах

Скорее всего, самым поразительным фактом, проявившимся в конце 1970-х гг., было отсутствие прогресса в деле искоренения наиболее крайних форм бедности. Это стало самым убийственным аргументом против маоизма. Казалось бы, новое государство, обладавшее столь невероятными организационными возможностями, смогло бы обеспечить базовое пропитание сельскому населению в любом уголке Китая. Разве не способен режим, который умудрился заставить сотни миллионов человек день ото дня работать ради «большого скачка» и убедить миллионы *хунвейбинов* и повстанцев бороться против ревизионистов в партийном руководстве, прокормить по меньшей мере наиболее обездоленных граждан? Однако на практике все обстояло далеко не так. К концу эпохи Мао широкие массы населения в сельской местности по-прежнему влачили жалкое существование.

Результаты проведенных в конце 1970-х гг. опросов относительно качества жизни в деревне производят гнетущее впечатление. Одна пятая сельского населения Китая потребляла меньше

калорий, чем предполагал обозначенный правительством КНР нижний предел жизнеобеспечения, который, в свою очередь, был ниже международных стандартов того времени. Средние показатели ежедневного потребления калорий в Китае по состоянию на 1976 г. были сопоставимы с уровнем бедных стран того же региона: выше, чем в Бангладеш, чуть больше, чем в Индии, но ниже, чем в Пакистане и Индонезии [World Bank 1983: 101]⁵. При этом среднестатистическое качество питания членов коллективных фермерских хозяйств было весьма низким. Коллективизация сельского хозяйства вынудила китайских крестьян питаться в основном зерновыми продуктами и постепенно свела на нет потребление растительных жиров, мяса и в целом белковой пищи. Сельские жители Китая получали завышенную по международным нормам долю калорий от базовых зерновых культур. Когда после кончины Мао правительство КНР приступило к изучению вопроса качества жизни в стране, было выявлено, что по состоянию на 1978 г. 30 % деревенского населения — 237 миллионов человек — жили ниже официально установленного китайскими властями уровня нищеты, который по сравнению с международными стандартами был и без того занижен [Oi 2008: 3]. Сама собой напрашивается мысль о том, что эпоха Мао являлась многолетней напряженной борьбой, которая завершилась достижением результатов, весьма неревolutionных по своей сути. Земельные реформы на Тайване, в Японии и Южной Корее в течение 1950-х гг. реализовывались вне революционных подходов и основывались на сельском хозяйстве на приусадебных участках. Во всех трех случаях властям удалось добиться повышения качества жизни и стремительного экономического роста без необходимости проливать кровь, в отличие от Китая во времена «земельной революции». После 1978 г. Китай отказался от коллективного сельского хозяйства и существенно сократил уровень бедности в сельской местности. Это еще одно свидетельство тому, что маоисты сами были повинны в своих неудачах.

⁵ Показатели по Китаю за 1979 г. учитывают прирост на 19 % по сравнению с 1977 г.

Маоизм ценой человеческих жизней

Все описанные скромные достижения оказались результатом огромных человеческих жертв. Самым крупным «жертвоприношением» стала гибель от голода в результате «большого скачка» 30 миллионов человек. Недавние исследования указывают на то, что значительная их доля приходится на казненных или избитых до смерти во время региональных кампаний против «правого уклона» и «утаивания» зерна, а также заморенных, которых в разгар голода наказывали лишением продовольствия. Столь колоссальный уровень смертности остается сравнивать только с не менее страшными событиями на протяжении истории Китая. По общему согласию, за время полномасштабного сопротивления японским агрессорам с 1937 по 1945 г. погибло до 12 миллионов китайских военных и рядовых граждан. Сюда входят два миллиона человек, погибших на поле боя, и около четырех миллионов человек, скончавшихся в результате голода 1943 г. в провинции Хэнань [Mitter 2013: 5–6]. Очевидную аналогию с продовольственной катастрофой во время «большого скачка» мы находим в голоде, который вследствие форсированной коллективизации охватил с 1932 по 1933 г. Россию, Украину и Казахстан. Число жертв этого бедствия обычно оценивается в пределах от 5,7 до 8,5 миллиона человек. Таким образом, от голода в СССР пострадала примерно та же доля советского населения, что и от голода «большого скачка» в КНР [Davies, Wheatcroft 2004: 414–415]⁶.

Человеческие потери в результате «большого скачка» значительно превосходят масштабы смертности от случаев преднамеренного кровопролития, которые имели место в Китае после

⁶ За основу взята предполагаемая численность населения СССР в 150 миллионов по состоянию на 1933 г. Показатели смертности от голода составили от 3,8 до 5,7 % от числа жителей. 30 миллионов погибших в результате голода в Китае — 4,6 % от населения в 653 миллиона. Сильные разночтения в расчетах по показателям смертности от голода в СССР связаны с тем, что, в отличие от Китая, за период до и сразу после описываемых событий отсутствуют переписи населения. Это вынуждает историков полагаться на экстраполирование на основе неполных архивных данных.

1949 г. Голод оказался значительно более убийственным, чем волны казней, которые сопровождали революционную земельную реформу и кампанию по подавлению контрреволюции в начале 1950-х гг. и на которые приходится, по наиболее распространенным расчетам, гибель от одного до двух миллионов человек. В равной мере на фоне голода меркнут показатели смертности, напрямую связанной с конфликтами и политическими кампаниями, имевшими место в ходе «культурной революции». Осторожный статистический расчет на основе практически полных данных из обнародованных местных исторических материалов позволяет нам сделать вывод, что жертвами таких событий за период с 1966 по 1971 г. стали от 1,1 до 1,6 миллиона человек. Те же самые источники свидетельствуют, что три четверти этих смертей были результатом действий революционных комитетов или вооруженных сил в прежде всего в первые месяцы 1968 г., а более половины — по меньшей мере 600 тысяч смертей — приходятся на кампанию по зачистке классовых рядов. Это в три раза больше предполагаемого числа смертей по вине повстанцев, когда случаи смерти оказывались связаны в основном с вооруженными столкновениями между фракциями [Walder 2014]. Существенная часть смертей «на поле боя» была обусловлена бессмысленным распоряжением Мао раздавать оружие повстанцам летом 1967 г. Очень отрезвляет осознание того, что безжалостная кампания по восстановлению порядка во время общенационального мятежа, который был инициирован самим Мао, оказалась гораздо более губительной, чем первоначальный бунт. Как и в случае с «большим скачком», люди оказались принесены в жертву плохо продуманной затее, которая не увенчалась чем-то действительно стоящим⁷.

⁷ Число погибших в результате «культурной революции» в целом сопоставимо по масштабам с Большим террором Сталина в 1937–1938 гг., который, по различным расчетам, унес жизни от 800 тысяч до 1,2 миллиона человек. Однако с учетом больших разночтений относительно базового населения цифры по СССР свидетельствуют о коэффициенте смертности, по крайней мере в пять раз превышающем соответствующий показатель в Китае во время «культурной революции» [Ibid.].

Пределы маоизма

Очень многие как в Китае, так и за его пределами полагают Мао бесстрашным и оригинальным мыслителем, который отошел от марксизма-ленинизма, отступив от советской доктрины, и нашел удачные меры противодействия будто бы неизбежной тенденции коммунистических революций постепенно трансформироваться в ригидные бюрократические автократии под руководством крепко держащихся за власть элит. Мао во главе КНР на самом деле можно назвать бесстрашным — до безрассудства. В то же время мятеж, который он учинил против своего собственного партийного государства в течение 1960-х гг., определенно выглядит ошеломительным отступлением от теории и практики Советского Союза, которое будто бы указывает на гибкость и пытливость ума лидера, что выводит его за рамки господствующей коммунистической доктрины, навязываемой СССР.

Однако будет ошибкой рассматривать действия Мао и их последствия как результат работы творческого и мыслящего в категориях смелых инноваций политика. Как раз наоборот, все имевшие место события указывают нам на ограниченность мышления Мао, его зашоренность и склонность догматизму в отстаивании старых и ушедших в прошлое идей, его неготовность учиться и адаптироваться к изменениям в мировом социалистическом учении. По сути, в своих основных обязательствах Мао придерживался базовых идеалов, которые он усвоил еще в 1930-х гг. во время пребывания в Яньане. Значительная часть ментальности Мао восходит к сталинистскому подходу к описанию истории партийных движений и, в частности, к «Краткому курсу истории ВКП(б)», в котором Мао нашел отражение собственных представлений о классовой борьбе и деле строительства социализма. Эти доктрины удачно наложились на ранние воззрения Мао, который еще в 1920-х гг. рассуждал о существенной роли насилия и борьбы в реализации революционных общественных сдвигов и необходимости наличия единой и вооруженной партийной структуры, которая повела бы за собой народные массы. Подобные выводы выкристаллизовались в ходе граждан-

ской войны и в особенности во время всеобщей мобилизации в конце 1940-х гг., которая позволила добиться на первый взгляд невозможной победы над националистами.

Мао неуклонно следовал этим воззрениям вплоть до конца своей жизни. Его действия в последние 20 лет пребывания на земле представляли собой, в сущности, ведущуюся в Китае и за его пределами борьбу против коммунистов, которые давно демонстрировали готовность отступить от главных идеалов лидера, с течением времени становившихся все более отсталыми, анахроничными и контрпродуктивными. С этой точки зрения сам Мао во многом выступал реакционером, цеплявшимся за отживавшую сталинистскую доктрину.

В исторических нарративах, содержащих попытки объяснить ход событий в эпоху Мао, внимание неизбежно фокусируется на решениях, принятых председателем в переломные моменты. Содержание этой книги не было исключением из этого правила. Однако через представление основополагающих идеалов Мао, сформировавшихся еще до победы коммунистов в 1949 г., мы выявляем комплекс более глубоких причин всех событий, описанных здесь. В данном случае речь идет о решениях по поводу целей КПК и средств их достижения, которые впоследствии не пересматривались. Ход Китайской революции после 1949 г. определялся нежеланием Мао переосмыслить свои предыдущие заключения и его все более обостренными реакциями на то, что он воспринимал как возможную готовность коллег из руководства пересмотреть его решения.

Каковы же были эти ключевые идеи, которые оказали настолько определяющее воздействие на Китай после 1949 г.? Первый основополагающий постулат был принят и бережно храним Мао с давних времен: только насильственный конфликт способствует реальным социальным переменам и освобождению угнетенных. Подобные умозаключения сложились у председателя еще в 1920-х гг. и четко прослеживаются в его статьях о крестьянском движении. Молодой Мао настаивал на том, что насилие в ходе мятежа — неизбежный продукт социальных перемен, который никогда не следует воспринимать как достойный сожаления

«эксцесс». Насилие и унижение, которому подвергаются элиты, необходимы для того, чтобы решительно покончить с прежней жизнью и осуществить переход к новому режиму. Мао не только доказывал функциональное значение насилия для реализации подлинного общественного переворота, но и порицал тех, кого описываемые им крайности крестьянского движения приводили в ужас. По мнению лидера, такие люди фактически расписывались в своей реакционности и не могли быть участниками революции.

Эти воззрения отражаются во всей последующей истории КПК, от собраний критики и борьбы, которые организовывались партийными кадрами во времена земельной реформы в деревнях, и тех же собраний критики и борьбы, посредством которых консолидировалась власть в китайских городах на протяжении 1950-х гг., до ритуализированных актов унижения и избияния партийных кадров и представителей интеллигенции во времена «культурной революции». Все вышеупомянутое составляло основу представлений Мао о «культурной революции»: массового движения против укореившейся на своих местах элиты. Сложно сказать, какую конкретную форму приняло бы такое движение, если бы оно не жидилось на этом нерушимом кредо. Указанные убеждения проявляются и в том безразличии, с которым Мао относился к людям, погибшим от руки *хунвейбинов* летом 1966 г. в Пекине, и в той бесстрастности, с которой он воспринимал жертвы вооруженных столкновений летом 1967 г. Здесь же стоит упомянуть очевидное презрение, которое Мао питал к партийным лицам, воспринимавшим акты насилия со стороны *хунвейбинов* как нечто чрезвычайное. В подобных реакциях Мао видел реакционность взглядов своих коллег. Лидер требовал от официальных лиц поддерживать *хунвейбинов* словом и делом — это была своего рода клятва на крови, которая напоминает оценку подходов к «эксцессам» крестьянского движения 1927 г., ставшую лакмусовой бумажкой для выявления «истинных революционеров» и «подлинных реакционеров» среди националистов и коммунистов. В течение всей своей революционной карьеры и вплоть до дня своей смерти Мао исходил из того, что насилие в ходе классовой борьбы неизбежно и даже необходимо для достижения

полноценных революционных перемен. Никто не должен уклоняться от борьбы, даже памятуя сопутствующий насилию неизбежный ущерб.

Второй постулат провозглашает, что классовая борьба сохраняется и при социализме, лишь обостряясь по мере приближения к конечной цели, а различия во мнениях по экономической политике и темпам социалистической трансформации представляют собой выражение классового конфликта. Эту идею Мао почерпнул как раз из «Краткого курса истории ВКП(б)» и держался за нее изо всех сил, даже когда сам Сталин отступил от таких воззрений в конце жизни, а последователи Сталина вообще признали их неверными и разрушительными. Именно здесь следует искать истоки деструктивной охоты на предателей внутри КПК во время кампании по исправлению стиля работы 1943 г. в Яньане. С тех же позиций Мао обосновывал чистки рядов от чиновников, которые критически относились к идее «рывка напролом» к социализму или осмеливались ставить под сомнение достижения «большого скачка». Эта же идея легла в основу того, как Мао интерпретировал провал «большого скачка», заключив, что рядовые кадры КПК в сельских районах оказались под влиянием недобитых националистов и представителей эксплуататорских классов, которые силились саботировать Великую революцию Мао. Лишь классовые враги, с точки зрения лидера, могли быть столь бесчеловечно жестоки по отношению к голодающему крестьянству. Наконец, именно на этом идеале было выстроено Движение за социалистическое воспитание — сумбурная и противоречивая кампания, за которую с таким энтузиазмом взялся Лю Шаоци и которая была закончена так же резко, как она была начата. Как раз отказ СССР от дальнейшего следования указанной догме был одним из факторов в решении Мао заклеить советское руководство в качестве каппутистов-ревизионистов. В отсутствие этого основополагающего умозаключения нельзя было бы и помыслить о «культурной революции» [Walder 1991].

Третий постулат подразумевает, что единственный способ претворения в жизнь революции и построения социализма заключается в создании организованной иерархическим образом

коммунистической партии, которая характеризуется высокой степенью дисциплины и единством мыслей и действий. Обе указанные черты должны обеспечиваться культивацией веры в правильность избранного пути и непогрешимость партийного руководства, и в особенности его верховного лидера. «Культ личности», за который в СССР осуждали Сталина, Мао рассматривал как высокофункциональный инструмент для насаждения дисциплины и веры среди партийцев и как один из составных элементов как в победе над националистами, так и в трансформации Китая на пути к социализму. Подобная доктрина строится на презумпции, что лишь верховный лидер способен определить правильный курс дальнейшего движения и принимать решения относительно революционности или реакционности принимаемых политических мер. Если уже с приближением триумфа социализма классовая борьба лишь обостряется, то верховный лидер должен бдительно выявлять буржуазные склонности, возникающие в высшем руководстве и в рядах партии. Как и Сталин, Мао свято верил в то, что для обеспечения единства и дисциплины партии в качестве боевой силы необходим единоличный лидер. В противном случае движению грозит вырождение в месиво противоборствующих фракций. Существенным отличием воззрений Мао была его уверенность относительно того, что описанные черты революционной партии должны сохраняться гораздо дольше, чем это представлялось необходимым или желанным его современниками. Революция не завершалась ни с захватом власти, ни с ликвидацией классовых врагов, ни с трансформацией системы собственности. Революция должна была продолжаться еще неопределенный период времени. И только вдохновляемые революцией лидеры могли знать, когда поставить в этом процессе точку.

Четвертый постулат фиксирует форму социализма, которую СССР создал в 1930-е гг. как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, в совокупности с отказом от частного предпринимательства, рыночных механизмов и стимулов к повышению доходности. Это самая чистая модель социализма, которая могла и должна была формироваться в ускоренном режиме путем

проведения революции сверху, по аналогии с тем, как она была реализована СССР при Сталине в 1930-е гг. Вопреки тому, что Сталин лично рекомендовал Китаю подходить к построению социализма более поступательно и ближе к концу жизни начал апеллировать к представлениям об «объективных законах экономики», базирующимся и на социалистической, и на капиталистической системах, Мао продолжал держаться за эту ставшую анахронизмом мысль. В конечном счете Мао отказался от любого пересмотра роли политической мобилизации для ускорения темпов экономического роста. Он также отклонил доводы относительно того, следует ли отдавать должное в деле построения социализма современным наукам, технологиям, высококвалифицированным специалистам и профессиональным управленцам. Председатель еще более противился предположению, что во имя большей эффективности экономики общеизвестные недостатки советской модели можно компенсировать частичной опорой на адаптированные капиталистические экономические механизмы ценообразования, конкуренции и доходности. Однако Мао не позволял себе подобные соображения, опасаясь, что тем самым вместо социализма Китай вернется к капитализму. С точки зрения китайского лидера, люди, выражавшие подобные мысли, выступали на стороне капиталистического класса и желали свергнуть социализм как в Китае, так и во всем мире.

В то время как Мао не готов был поступиться данным узким набором идей, мировое социалистическое движение неуклонно преобразовывалось прямо на его глазах. СССР начал регулировать свою доктрину уже после Второй мировой войны, еще даже до смерти Сталина, и лишь ускорился в этом направлении после 1953 г. На момент публикации речи Хрущева в 1956 г. большая часть ключевых идеалов Мао продолжительное время подвергалась открытой критике. Новая доктрина не отвергала базовую идею марксизма о классовой борьбе как побуждающей силе изменений в человеческой истории, но предполагала, что, поскольку социалистическая экономика уже сформирована, а фундаменты классового разделения и классовой борьбы уничтожены, наступает время позаботиться об экономическом развитии

и улучшении условий жизни населения. Следовало отказаться от «диктатуры пролетариата» и массовых репрессий. Классовой борьбы при социализме не существует. Без обиняков данное утверждение признавалось в корне ошибочной новацией Сталина, которая имела мало общего с марксистским учением. Тем более прискорбными оказались достигшие апогея в виде культа личности Сталина крайности, которые предстали абсурдистской фантазией, прикрывавшей трусливое и фанатичное преследование как реальных, так и воображаемых врагов. Все эти постулаты не были составной частью революционного марксизма-ленинизма, но отступлениями, искажениями и, исходя из слов Хрущева, преступлениями исторического масштаба против КПСС и народа СССР. Ни один «великий лидер» не может располагать правом решать в приказном порядке, какие политические инициативы являются революционными, а какие можно считать реакционными.

С самого начала Мао сопротивлялся таким выводам. Он отказывался согласиться с тем, что социалистическая трансформация Китая должна была быть медленной и постепенной, что экономическое развитие должно быть стабильным и сбалансированным, а эпоха масштабных кампаний и классовой борьбы подошла к концу. Он всеми силами пытался не допустить «чрезмерное» порицание Сталина. На краткий период времени в 1956–1957 гг. он рискнул изобразить из себя постсталинистского либерала, однако после неожиданных последствий кампании «Сто цветов» вновь качнулся в сторону классовой борьбы, проводя гонения на «правых уклонистов» и мобилизуя население на форсированный экономический рывок в период «большого скачка». После этой катастрофы Мао лишь удвоил свои усилия по отстаиванию сталинской доктрины о классовой борьбе. Он организовал антипартийный заговор и массовое движение, нацеленное на уничтожение бюрократизированной партии и замену ее новыми «революционными» структурами. На первый взгляд может показаться, что Мао действовал как новатор, оригинальный мыслитель и революционер, однако все его инициативы основывались на идеалах, которые воспринимались остальным миром, в том

числе товарищами по КПК, в лучшем случае как консервативные, а в худшем — как мракобесие.

Часто приходится слышать о том, что Мао уделял особое внимание проблеме бюрократизации коммунистических режимов и их склонности поддерживать бессменные элиты, которые монополизируют привилегии и создают новые формы классового угнетения. Мао в самом деле был серьезно обеспокоен этой тенденцией. Это очевидно из того, что в ходе «культурной революции» не просто снимались с постов недостаточно лояльные его взглядам чиновники, а проводилась общенациональная мобилизация для уничтожения механизмов партийного государства во имя создания чего-то нового.

Однако и здесь проявляется узость мышления Мао. Он отказывался рассмотреть радикально иной, абсолютно очевидный диагноз: все проблемы, против которых он боролся, были неотрывной частью системы бюрократического социализма и, более конкретно, происходили из передачи всех средств производства в руки государственной бюрократической машины, в которой доминировали назначенцы единой партии, склонной к диктаторскому стилю правления. Мао столкнулся с необходимостью преодоления последствий монополии бюрократии над собственностью и властью и вел войну с привилегированной прослойкой, которая естественным образом строилась на системе, в которой карьерная мобильность зависела от политической лояльности. Мао не хотел переосмыслить советскую модель экономики, в частности отказ от рыночной конкуренции, механизмов материального поощрения и прибыльного хозяйствования. Но в особенности дорог ему был сталинский тезис о том, что во всем и всегда есть одно правильное решение — решение верховного лидера, а все разногласия по практическим вопросам являются проявлениями классовой борьбы.

На самом деле попытка Мао поставить СССР диагноз «возвращения к капитализму» по причине того, что советские лидеры будто бы чрезмерно опирались на специалистов и бюрократов, а равно на систему сдельной оплаты и финансовое поощрение трудящихся, сама по себе выглядит странной. В СССР не суще-

ствовало ни одной из определяющих черт капитализма: ни частной собственности на средства производства, ни рыночной конкуренции между компаниями, ни ценовых механизмов, которыми можно было бы регулировать спрос и предложение. В СССР по-прежнему господствовала все та же бюрократическая система, которую в 1950-х гг., внеся лишь частичные коррективы, адаптировал под свои цели Китай. Несмотря на свою репутацию оппонента бюрократизма, Мао ни в коей мере не противился существованию бюрократической иерархии. Он всего лишь отдавал предпочтение конкретной форме бюрократизма. Мао отказывался уступить полномочия лицам с профессиональными навыками и научными знаниями. Он хотел видеть перед собой абсолютно лояльных ему и его идеям партийных бюрократов, которые продвигались по карьерной лестнице в зависимости от степени их политической преданности. Предпочтительной для Мао бюрократической машиной должны были управлять в лучшем случае преданные идеологи, а в худшем — догматичные фанатики. При этом, как только монополия и привилегии приводили партию к формированию стабильной и подавляющей все и вся иерархии, Мао приходило в голову только одно: разрушить машину до основания и начать создавать ее сначала, сменяя бывших функционеров на новых партийцев, которые, предположительно, должны были руководствоваться более чистыми помыслами. Однако такой подход лишь воспроизводил обстоятельства, которые, собственно, приводили к первоначальной проблеме: создавалась новая монополия под управлением формально выстроенных в иерархическую структуру лояльных партийных деятелей, которые пользовались исключительными правами на собственность, полномочиями, распределением привилегий и возможностей карьерного продвижения. Более того, постоянно угрожая своему аппарату обвинениями в предательстве и заговорах, Мао вынуждал своих преданных последователей постоянно демонстрировать разрушительный в своей чрезмерности конформизм, который предопределил крах «большого скачка», во имя реализации которого партийные кадры — под постоянным риском быть заклеяменными «правыми уклонистами» —

брали на себя завышенные обязательства, ввали о достижениях и потом отнимали урожаи у голодающих деревенских жителей. Этим же объясняются чистки 1968 г., во время которых новые подчиненные Мао на местах, не имея ни возможности, ни желания сдерживать нарастание репрессий, ожесточенно выискивали предателей.

По сути, Мао в корне ошибся в своем диагнозе основной проблемы КНР. Китай должен был опасаться не восстановления капитализма, а цепкости бюрократической иерархии. Все сложности неизбежно происходили из того, что Мао настаивал на верности лишь одной системе, которую он отказывался как-либо менять и постоянно возвращал на стартовую позицию. Лекарством, которое Мао прописал Китаю на основе такого некорректного диагноза, стали устойчивые циклы конфликтов и разрушений, все глубже заводящие страну в тупик отсталости. Трагедия КНР заключалась в ошибочном мировоззрении несокрушимого в своем догматизме лидера, который придерживался крайне ограниченных и устаревших идеалов. Лишь после кончины диктатора руководству Китая удалось вырваться из круговорота маоистской доктрины и начать рассматривать организационные и экономические подходы, отличавшиеся от советской модели. Учитывая поразительный крах Советского Союза и его империи десятилетие спустя, скорее всего, это было своевременное решение.

Новый путь

После Мао Цзэдуна Китай пребывал в безмолвном кризисе, из которого расшатанным государственным и общественным структурам еще предстояло найти выход. После арестов чиновников, которые содействовали Мао в осуществлении «культурной революции» и, казалось, должны были остаться верны делу его жизни, оставалось мало сомнений по поводу того, что «культурная революция», а также идеи, вдохновившие ее, будут отвергаться. Очевидно, что общество стремилось к социальной и политической стабильности, а также улучшению качества жизни. Мы можем предположить, что опустошение, оставшееся после Мао,

дало возможность его последователям начать все с чистого листа. Оставшиеся в наследство от СССР институты лежали в руинах. Предстояло отстроить все заново. Была масса сомнений по поводу того, в каком направлении Китаю следовало двигаться дальше. Безо всякого умысла Мао создал для своих последователей возможность выйти далеко за узкие рамки доктрины маоизма, а заодно и более ортодоксальных вариаций на тему марксизма-ленинизма.

В некотором смысле Китай после Мао начинал с нуля. Снова начался поиск модели, которая бы позволила добиться процветания и усиления страны. В конце 1940-х гг. выбор пал на СССР, и вплоть до 1960-х гг. советская модель в самом деле играла свою оправданную роль. Однако с конца 1940-х гг., когда китайские лидеры последний раз принимали подобные фундаментальные решения, мир начал сильно меняться. К концу 1970-х гг. опыт СССР уже не представлялся привлекательной моделью развития. Советский союз и страны-сателлиты продолжительное время сталкивались с замедлением темпов роста и вступили на путь стагнации, который грозил им крахом. Венгрия стала ярким примером процветания, оазисом посреди советского блока именно благодаря умеренным рыночным реформам и уступкам в отношении малого частного сектора. Контрастом выступала Польша, в которой не проводились реформы, в результате чего страна столкнулась с финансовыми проблемами, которые вскоре привели к скачку цен, ставшему основанием для расширения движения «Солидарность», практически сокрушившего действующий режим.

Прямо у границ Китая являли себя завидные модели развития: особенно показателен был пример Японии, но внимания заслуживали Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. 1940-е гг. остались далеко позади, и стало очевидно, что рыночный капитализм не приведет к коллапсу и мир не переживет больше тех потрясающих все основы депрессий, которые он пережил в 1930-х гг. Среди окружающих КНР процветающих соседей только в Японии конституционно действовала многопартийная система, что, впрочем, не помешало фактически одной и той же партии десятилетиями

удерживать рычаги контроля. Сингапур ввел более жесткую форму однопартийности. Южная Корея и Тайвань представляли собой диктатуры. Гонконг был де-факто колонией и управлялся из Лондона. Однако все эти экономики были интегрированы в мировую систему, допускали значительное участие государства в управлении частной экономической деятельностью и добились существенного экономического роста за счет продвижения экспорта. Руководству КНР после Мао пришла в голову очевидная мысль: развитие Китая можно было значительно ускорить за счет использования рыночных механизмов и открытия дверей окружающему миру, не отказываясь при этом от диктатуры КПК.

Этот процесс начал еще до возвращения во власть в конце 1978 г. Дэн Сяопина назначенный преемник Мао Хуа Гофэн [Teiwes, Sun 2011, 2013]. Список политических инициатив, бывших отступлением от ключевых идеалов Мао, постепенно рос. Уже через несколько лет Китай осуществил захватывающую дух полную смену курса. Новое руководство КНР отстаивало необходимость применения на практике новейших научно-технологических достижений и установило продуктивные отношения с научными и техническими специалистами. Были восстановлены научные организации, воссоздана система высших учебных заведений, возобновлены исследования в области социальных наук. Возможности Китая в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ повышались за счет образовательных и исследовательских обменов с ведущими капиталистическими экономиками. Десятки тысяч учащихся отправляли на учебу за рубеж. Коллективное сельское хозяйство уступило место индивидуальному фермерскому хозяйству. Были сняты ограничения в отношении малых частных и семейных предприятий, в особенности в секторе услуг. Был облегчен режим эмиграции. Государство приглашало на консультации зарубежных специалистов. Китай начал получать зарубежные кредиты и финансовую помощь. Власти приступили к экспериментам с механизмами ценообразования и повышения доходности для продвижения реформ в прискорбно недоразвитом секторе государственной промышленности. В попытке привлечь капитальные инвестиции

от иностранных частных компаний начали учреждаться «специальные экономические зоны».

Как просто было бы написать: «а остальное — уже история». Но действительность оказалась значительно сложнее. После Мао Китай все еще переживал глубокие расколы. Молодежь ощущала отчужденность. Полемика затрагивала не только наследие эпохи Мао, но и возможность продолжать доверять КПК, чья репутация сильно пошатнулась. В 2009 г. КПК, в традиционном для себя пафосном тоне, отпраздновала 30-летие успешной реализации политики «реформ и открытости». Однако мало кто вспоминал, что первые десять лет «реформ и открытости» — с 1979 по 1989 г. — были отмечены сильными волнениями и разногласиями в руководстве по поводу масштабов и темпов претворения в жизнь как политических, так и экономических реформ. Помимо этого, настойчиво звучали призывы общественности к дальнейшему развитию демократии: «Стена демократии» 1978–1979 гг.⁸, мобилизация учащихся на демократические выборы в собрания народных представителей на местах в 1980 г., общекитайское студенческое движение за политические реформы и большую демократизацию конца 1986 г. и, наконец, студенческое демократическое движение весны 1989 г., переросшее в общенациональные потрясения, которые поставили под вопрос все основы китайского режима, завершились расправой над активистами и случайными прохожими в самом сердце столицы КНР и привели к установлению на территории Китая почти на целый год военного положения [Ванг 1994]. На решение накопившихся за время правления Мао проблем потребовалось много времени и усилий. Режим столкнулся с полноценным политическим кризисом в 1989 г. — в том же году, который ознаменовался сворачиванием коммунизма в Восточной Европе и положил начало конца СССР.

Сейчас, когда со времен «культурной революции» прошло не одно десятилетие, фигура Мао превратилась в безобидный артефакт. Портрет председателя украшает юаневые купюры, сменив

⁸ Имеется в виду период, когда художники вывешивали на длинной кирпичной стене в Пекине плакаты, содержащие критику официальных властей.

на национальной валюте изображения рабочих, крестьян, тракторов и паровых экскаваторов, которые тиражировались при Мао. Лицо великого кормчего взирает на нас с бесчисленного множества значков, плакатов и прочих предметов, которые штамповались миллионными тиражами во времена культа Мао, а теперь продаются в качестве сувениров туристам со всех концов света. Существуют специализированные рестораны, интерьеры которых воспроизводят эстетику «культурной революции». Посетителей здесь развлекают песнями и плясками эпохи *хунвейбинов* и «верности Мао». «Новые левые» представители интеллигенции, возмущенные коррупцией и неравенством, которые были порождены при развороте Китая в сторону государственного капитализма рыночной направленности, вспоминают об эпохе Мао, превознося достижения лидера. Рядовые граждане с ностальгией рассуждают о том, что при Мао общество жило проще, было более эгалитарным, меньше гналось за деньгами и было менее коррумпированным. Желая консолидировать легитимность собственного правления, обозначить славные периоды истории и укрепить чувство национальной гордости, КПК отметила 110-летие со дня рождения Мао громкими панегириками об успехах Китая при его руководстве. О Мао и его времени сейчас говорят в абсолютно другой тональности, чем в конце 1970-х гг., когда КНР только начинала приходить в себя от хаоса его правления. Ну а люди склонны быть крайне избирательными в том, какую историю они предпочитают вспоминать, а какие ее страницы можно предать забвению.

Список иллюстраций

1. Мао Цзэдун в Яньане, 1937–1938 гг., когда в рамках сталинизации КПК был создан «маоизм».

2. Один из первых парадов, демонстрирующих силу культа Мао. Парад по случаю Дня образования КНР, Пекин, 1949 г.

3. Земельная реформа, 1952 г. Фермер, осужденный как «землевладелец-деспот» за владение чуть более чем 25 сотками земли. Уезд Фоган, провинция Гуандун.

4. Земельная реформа, 1952 г. Казнь «землевладельца-деспота» сразу же после судилища. Уезд Фоган, провинция Гуандун.

5. Мао Цзэдун и Никита Хрущев, Пекин, 1958 г. Скоро лидеры столкнутся с разногласиями по поводу направления развития мирового коммунистического движения. Этот раскол станет одной из причин «культурной революции».

6. Движение за социалистическое воспитание, 12 мая 1965 г. «Состоятельный крестьянин» подвергается порицанию. Уезд Ачэн, провинция Хэйлуцзян. Этот человек был приговорен к двум годам каторжного труда.

7. Стенгазеты в Пекинском университете. Лето 1966 г., начало «культурной революции».

8. Председатель Мао встречается с *хунвейбинами* на трибунах. Площадь Тяньаньмэнь, 18 августа 1966 г.

9. Председатель Мао проводит смотр *хунвейбинов* на площади Тяньаньмэнь. 31 августа 1966 г. Справа — Линь Бяо.

10. Чжоу Эньлай (слева) и другие официальные лица, отвечавшие за ход «культурной революции». Июль 1967 г. Справа от Чжоу — Цзян Цин, Чэнь Бода, Кан Шэн и Чжан Чуньцяо.

11. Первый партийный секретарь Харбина с измазанным чернилами лицом порицается на собрании критики и борьбы. 26 августа 1966 г.

12. Жена губернатора провинции Хэйлуцзян на собрании критики и борьбы. 29 августа 1966 г., Харбин.

13. Кампания по зачистке классовых рядов. Окрестности Харбина, 5 апреля 1968 г. Двух человек, приговоренных к казни как членов «контрреволюционной клики», готовят к расстрелу.

14. Кампания по зачистке классовых рядов. Окрестности Харбина, 5 апреля 1968 г. Расстрел группы людей, осужденных за политические преступления.

15. Горящие здания в городе Наньнин, Гуанси-Чжуанский АР. Военная кампания по перехвату контроля над городом у вооруженных боевиков из фракции 22 апреля. 18 июля 1968 г.

16. Массовая капитуляция участников фракции 22 апреля. Город Наньнин, август 1968 г.

17. Массовые казни членов фракции 22 апреля на улицах города Наньнин после капитуляции. Начало августа 1968 г.

18. Площадь Тяньаньмэнь, 4 апреля 1976 г. Вопреки официальным запретам, граждане собрались у венков, возложенных в память о Чжоу Эньлае к Памятнику народных героев на площади Тяньаньмэнь.

19. Площадь Тяньаньмэнь, 4 апреля 1976 г. Участники протестов, которые станут известны как «Инцидент на площади Тяньаньмэнь», зачитывают речи и стихотворения, критикующие радикальных маоистов.

Библиография

Aird 1982 — Aird, John S. Population Studies and Population Policy in China // *Population and Development Review*. 1982. Vol. 8. P. 267–297.

Andreas 2006 — Andreas, Joel. Institutionalized Rebellion: Governing Tsinghua University during the Late Years of the Chinese Cultural Revolution // *China Journal*. 2006. № 55. P. 1–28.

Andreas 2009 — Andreas, Joel. Rise of the Red Engineers: The Cultural Revolution and the Origins of China's New Class. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.

Applebaum 2012 — Applebaum, Anne. Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956. New York: Doubleday, 2012.

Apter, Sach 1994 — Apter, David E., and Tony Saich. Revolutionary Discourse in Mao's Republic. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994.

Ash 2006 — Ash, Robert. Squeezing the Peasants: Grain Extraction, Food Consumption and Rural Living Standards in Mao's China // *China Quarterly*. 2006. № 188. P. 959–998.

Ashton et al. 1984 — Ashton, Basil, Kenneth Hill, Alan Piazza, and Robin Zeitz. Famine in China, 1958–61 // *Population and Development Review*. 1984. Vol. 10. P. 613–645.

Averill 1995 — Averill, Stephen C. The Origins of the Futian Incident // *New Perspectives on the Chinese Communist Revolution* / edited by Tony Saich and Hans van de Ven. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1995. P. 79–115.

Averill 2006 — Averill, Stephen C. Revolution in the Highlands: China's Jingtangshan Base Area. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2006.

Banister 1984 — Banister, Judith. An Analysis of Recent Data on the Population of China // *Population and Development Review*. 1984. Vol. 10. P. 241–271.

Banister 1987 — Banister, Judith. China's Changing Population. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987.

Baran, Sweezy 1966 — Baran, Paul A., and Paul M. Sweezy. Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order. New York: Monthly Review Press, 1966.

Baring 1972 — Baring, Arnulf. *Uprising in East Germany: June 17, 1953* / translated by Gerald Onn. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1972.

Barkan 1990 — Barkan, Lenore. *Patterns of Power: Forty Years of Elite Politics in a Chinese County // Chinese Local Elites and Patterns of Dominance* / edited by Joseph W. Esherick and Mary Backus Rankin. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 191–215.

Barnett 1966 — Barnett, A. Doak. *Social Stratification and Aspects of Personnel Management in the Chinese Communist Bureaucracy // China Quarterly*. 1966. № 28. P. 8–39.

Baum 1969 — Baum, Richard. *China: Year of the Mangoes // Asian Survey*. 1969. Vol. 9. P. 1–17.

Baum 1994 — Baum, Richard. *Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.

Baylis 1974 — Baylis, Thomas A. *The Technical Intelligentsia and the East German Elite: Legitimacy and Social Change in Mature Communism*. Berkeley: University of California Press, 1974.

Benton 1975 — Benton, Gregor. *The 'Second Wang Ming Line' (1935–1938) // China Quarterly*. 1975. № 61. P. 61–94.

Benton 1992 — Benton, Gregor. *Mountain Fires: The Red Army's Three-Year War in South China, 1934–1938*. Berkeley: University of California Press, 1992.

Benton 1999 — Benton, Gregor. *New Fourth Army: Communist Resistance along the Yangtze and the Huai, 1938–1941*. Berkeley: University of California Press, 1999.

Benton, Hunter 1995 — Benton, Gregor, and Alan Hunter, eds. *Wild Lily, Prairie Fire: China's Road to Democracy, Yan'an to Tian'anmen, 1942–1989*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995.

Berliner 1957 — Berliner, Joseph S. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957.

Bernstein 1967 — Bernstein, Thomas P. *Leadership and Mass Mobilisation in the Soviet and Chinese Collectivisation Campaigns of 1929–30 and 1955–56: A Comparison // China Quarterly*. 1967. № 31. P. 1–47.

Bernstein 1968 — Bernstein, Thomas P. *Problems of Village Leadership after Land Reform // China Quarterly*. 1968. № 36. P. 1–22.

Bernstein 1969 — Bernstein, Thomas P. *Cadre and Peasant Behavior under Conditions of Insecurity and Deprivation: The Grain Supply Crisis of the Spring of 1955 // Chinese Communist Politics in Action* / edited by A. Doak Barnett. Seattle: University of Washington Press, 1969. P. 365–399.

Bernstein 1977a — Bernstein, Thomas P. *Up to the Mountains and Down to the Villages: The Transfer of Youth from Urban to Rural China*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1977.

Bernstein 1977b — Bernstein, Thomas P. *Urban Youth in the Countryside: Problems of Adaptation and Remedies* // *China Quarterly*. 1977. № 69. P. 75–108.

Bernstein 1984 — Bernstein, Thomas P. *Stalinism, Famine, and Chinese Peasants: Grain Procurements during the Great Leap Forward* // *Theory and Society*. 1984. Vol. 13. P. 339–377.

Bernstein 2006 — Bernstein, Thomas P. *Mao Zedong and the Famine of 1959–1960: A Study in Wilfulness* // *China Quarterly*. 2006. № 186. P. 421–445.

Bian et al. 2001 — Bian, Yanjie, Xiaoling Shu, and John R. Logan. *Communist Party Membership and Regime Dynamics in China* // *Social Forces*. 2001. Vol. 79. P. 805–841.

Brandt 1958 — Brandt, Conrad. *Stalin's Failure in China, 1924–1927*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958.

Brook 2010 — Brook, Timothy. *The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2010.

Brown 2009 — Brown, Archie. *The Rise and Fall of Communism*. New York: Ecco, 2009.

Brown 2007 — Brown, Jeremy. *From Resisting Communists to Resisting America: Civil War and Korean War in Southwest China, 1950–51* // *Dilemmas of Victory: The Early Years of the People's Republic of China* / edited by Jeremy Brown and Paul G. Pickowicz. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. P. 105–129.

Brown 2011 — Brown, Jeremy. *Great Leap City: Surviving the Famine in Tianjin* // *Eating Bitterness: New Perspectives on China's Great Leap Forward and Famine* / edited by Kimberly Ens Manning and Felix Wemheuer. Vancouver: University of British Columbia Press, 2011. P. 226–250.

Brown 2012 — Brown, Jeremy. *City versus Countryside in Mao's China: Negotiating the Divide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Brown 2015 — Brown, Jeremy. *Moving Targets: Changing Class Labels in Rural Hebei and Henan* // *Maoism at the Grass Roots: Everyday Life in China's Era of High Socialism* / edited by Jeremy Brown and Matthew Johnson. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015.

Bruce 2003 — Bruce, Gary. *Resistance with the People: Repression and Resistance in Eastern Germany, 1945–1955*. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2003.

Bu 2008 — Bu Weihua. *Zhonghua renmin gongheguo shi: Di 6 juan. "Zalan jiu shijie": Wenhua da geming de dongluan yu haojie, 1966–1968* [History of the People's Republic of China, vol. 6, "Smashing the old world": The catastrophic turmoil of the Cultural Revolution, 1966–1968]. Hong Kong: Zhongwen daxue chubanshe, 2008.

Burns 1981 — Burns, John. Rural Guangdong's 'Second Economy,' 1962–1974 // *China Quarterly*. 1981. № 88. P. 629–643.

Central Documents Research Office 1996 — Central Documents Research Office, ed. *Jianguo yilai Mao Zedong wengao, di jiu ce, 1960.1–1961.12* [Mao Zedong's manuscripts since the founding of the state, vol. 9, January 1960–December 1961]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 1996.

Central Documents Research Office 1998 — Central Documents Research Office, ed. *Jianguo yilai Mao Zedong wengao, di shier ce, 1966.1–1968.12* [Mao Zedong's manuscripts since the founding of the state, vol. 12, January 1966–December 1968]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 1998.

Chan et al. 1984 — Chan, Anita, Richard Madsen, and Jonathan Unger. *Chen Village: The Recent History of a Peasant Community in Mao's China*. Berkeley: University of California Press, 1984.

Chan et al. 1980 — Chan, Anita, Stanley Rosen, and Jonathan Unger. Students and Class Warfare: The Social Roots of the Red Guard Conflict in Guangzhou (Canton) // *China Quarterly*. 1980. № 83. P. 397–446.

Chan et al. 1985 — Chan, Anita, Stanley Rosen, and Jonathan Unger, eds. *On Socialist Democracy and the Chinese Legal System: The Li Yizhe Debates*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1985.

Chau 2010 — Chau, Adam Yuet. Mao's Travelling Mangoes: Food as Relic in Revolutionary China // *Past and Present*. 2010. Vol. 206. P. 256–275.

Chau 2013 — Chau, Adam Yuet. Political Awakening through the Magical Fruit: The Film *Song of the Mango* // *Mao's Golden Mangoes and the Cultural Revolution* / edited by Alfreda Murck. Zurich: Museum Rietberg Zürich and Verlag Scheidegger and Spiess, 2013. P. 78–95.

Cheek 1984 — Cheek, Timothy. The Fading of Wild Lilies: Wang Shiwei and Mao Zedong's *Yan'an Talks* in the First CPC Rectification Movement // *Australian Journal of Chinese Affairs*. 1984. № 11. P. 25–58.

Cheek 1997 — Cheek, Timothy. *Propaganda and Culture in Mao's China: Deng Tuo and the Intelligentsia*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Chen 1986 — Chen, Jerome. The Communist Movement 1927–1937 // *The Cambridge History of China*. Vol. 13. Republican China, 1912–1949. Part 2 / edited by John K. Fairbank and Albert Feuerwerker. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 168–229.

Chen 2001 — Chen, Jian. *Mao's China and the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001.

Chen 2007 — Chen, Jian. *The Chinese Communist 'Liberation' of Tibet, 1949–51 // Dilemmas of Victory: The Early Years of the People's Republic of China / edited by Jeremy Brown and Paul G. Pickowicz*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. P. 130–159.

Chen 2015 — Chen, Jian. *The Beginning of the End: 1956 as a Turning Point in Chinese and Cold War History // Modern China Studies*. 2015. Vol. 22. P. 98–125.

Chen 1960 — Chen, Theodore H. E. *Thought Reform of the Chinese Intellectuals*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1960.

Cheng, Selden 1994 — Cheng, Tiejun, and Mark Selden. *The Origins and Social Consequences of China's Hukou System // China Quarterly*. 1994. № 139. P. 644–668.

Cheng, Selden 1997 — Cheng, Tiejun, and Mark Selden. *The Construction of Spatial Hierarchies: China's Hukou and Danwei Systems // New Perspectives on State Socialism in China / edited by Timothy Cheek and Tony Saich*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1997. P. 23–50.

Ch'i 1976 — Ch'i, Hsi-sheng. *Warlord Politics in China, 1916–1928*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1976.

Ch'i 1982 — Ch'i, Hsi-sheng. *Nationalist China at War: Military Defeats and Political Collapse, 1937–45*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1982.

China Education Yearbook 1984 — *China Education Yearbook*. Zhongguo jiaoyu nianjian 1949–1981 [China education yearbook 1949–1981]. Beijing: Zhongguo dabaikе quanshu chubanshe, 1984.

Ch'ü 1962 — Ch'ü, T'ung-tsu. *Local Government in China under the Ch'ing*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.

Coale 1981 — Coale, Ansley J. *Population Trends, Population Policy, and Population Studies in China // Population and Development Review*. 1981. Vol. 7. P. 85–97.

Coale 1984 — Coale, Ansley J. *Rapid Population Change in China, 1952–1982*. Washington, D.C.: National Academy Press, 1984.

Commission of the Central Committee of the CPSU 1939 — *Commission of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolshevik): Short Course*. New York: International, 1939.

Conquest 1986 — Conquest, Robert. *Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. New York: Oxford University Press, 1986.

Contemporary China 1989 — Contemporary China Editorial Office. Dangdai Zhongguo de Tianjin [Contemporary China: Tianjin]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1989.

Contemporary China 1990 — Contemporary China Editorial Office. 1990. Dangdai Zhongguo de Henan [Contemporary China, Henan]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1990.

Contemporary China 1991a — Contemporary China Editorial Office. Dangdai Zhongguo de Hubei [Contemporary China, Hubei]. Beijing: Dangdai Zhongguo chubanshe, 1991.

Contemporary China 1991b — Contemporary China Editorial Office. Dangdai Zhongguo de Guangdong [Contemporary China, Guangdong]. Beijing: Dangdai Zhongguo chubanshe, 1991.

Contemporary China 1993 — Contemporary China Editorial Office. Dangdai Zhongguo de Shanghai [Contemporary China: Shanghai]. Beijing: Dangdai Zhongguo chubanshe, 1993.

Croll 1984 — Croll, Elisabeth. Marriage Choice and Status Groups in Contemporary China // *Class and Social Stratification in Post-Revolution China* / edited by James L. Watson. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 175–197.

Dai 1994 — Dai, Qing. Wang Shiwei and “Wild Lilies”: Rectification and Purges in the Chinese Communist Party, 1942–1944 / translated by Nancy Liu and Lawrence R. Sullivan. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1994.

Davies, Wheatcroft 2004 — Davies, R. W., and Stephen G. Wheatcroft. *The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933*. New York: Palgrave Macmillan, 2004.

Davis-Friedmann 1991 — Davis-Friedmann, Deborah. *Long Lives: Chinese Elderly and the Communist Revolution* / exp. ed. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991.

Dickson 1993 — Dickson, Bruce J. *The Lessons of Defeat: The Reorganization of the Kuomintang on Taiwan, 1950–52* // *China Quarterly*. 1993. № 133. P. 56–84.

Dikötter 2003 — Dikötter, Frank. *The Emergence of Labour Camps in Shandong Province, 1942–1950* // *China Quarterly*. 2003. № 175. P. 803–817.

Dikötter 2010 — Dikötter, Frank. *Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–62*. London: Bloomsbury, 2010.

Dikötter 2013 — Dikötter, Frank. *The Tragedy of Liberation: A History of the Chinese Revolution, 1945–57*. London: Bloomsbury, 2013.

Dillon 2007 — Dillon, Nara. *New Democracy and the Demise of Private Charity in Shanghai* // *Dilemmas of Victory: The Early Years of the People's*

Republic of China / edited by Jeremy Brown and Paul Pickowicz. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. P. 80–102.

Dittmer — Dittmer, Lowell. *Sino-Soviet Normalization and Its International Implications, 1945–1990*. Seattle: University of Washington Press, 1992.

Dong, Walder 2010 — Dong, Guoqiang, and Andrew G. Walder. Nanjing's Failed 'January Revolution' of 1967: The Inner Politics of a Provincial Power Seizure // *China Quarterly*. 2010. № 203. P. 675–692.

Dong, Walder 2011a — Dong, Guoqiang, and Andrew G. Walder. Factions in a Bureaucratic Setting: The Origins of Cultural Revolution Conflict in Nanjing // *China Journal*. 2011. № 65. P. 1–25.

Dong, Walder 2011b — Dong, Guoqiang, and Andrew G. Walder. Local Politics in the Chinese Cultural Revolution: Nanjing under Military Control // *Journal of Asian Studies*. 2011. Vol. 70. P. 425–447.

Dong, Walder 2012a — Dong, Guoqiang, and Andrew G. Walder. From Truce to Dictatorship: Creating a Revolutionary Committee in Jiangsu // *China Journal*. 2012. № 68. P. 1–31.

Dong, Walder 2012b — Dong, Guoqiang, and Andrew G. Walder. Nanjing's 'Second Cultural Revolution' of 1974 // *China Quarterly*. 2012. № 212. P. 893–918.

Dong, Walder 2014 — Dong, Guoqiang, and Andrew G. Walder. Fore-shocks: Local Origins of Nanjing's Qingming Demonstrations of 1976 // *China Quarterly*. 2014. № 220. P. 1092–1110.

Doolin 1964 — Doolin, Dennis J., trans. *Communist China: The Politics of Student Opposition*. Stanford, Calif.: Hoover Institution, 1964.

Drea, van de Ven 2011 — Drea, Edward J., and Hans van de Ven. An Overview of Major Military Campaigns during the Sino-Japanese War, 1937–1945 // *The Battle for China: Essays on the Military History of the Sino-Japanese War of 1937–1945* / edited by Mark Peattie, Edward Drea, and Hans van de Ven. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2011. P. 27–47.

Dreyer 1995 — Dreyer, Edward L. *China at War, 1901–1949*. London: Longman, 1995.

Duara 1990 — Duara, Prasenjit. *Elites and the Structures of Authority in the Villages of North China, 1900–1949* // *Chinese Local Elites and Patterns of Dominance* / edited by Joseph W. Esherick and Mary Backus Rankin. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 261–281.

Dunayevskaya 1944 — Dunayevskaya, Raya. A New Revision of Marxian Economics // *American Economic Review*. 1944. Vol. 34. P. 531–537.

Eastman 1981 — Eastman, Lloyd E. Who Lost China? Chiang Kai-shek Testifies // *China Quarterly*. 1981. № 88. P. 658–668.

Eastman 1984 — Eastman, Lloyd E. *Seeds of Destruction: Nationalist China in War and Revolution, 1937–1949*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1984.

Ekiert 1996 — Ekiert, Grzegorz. *The State against Society: Political Crises and Their Aftermath in East Central Europe*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996.

Esherick 1987 — Esherick, Joseph W. *The Origins of the Boxer Uprising*. Berkeley: University of California Press, 1987.

Fitzpatrick 1978 — Fitzpatrick, Sheila. *Cultural Revolution as Class War // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931* / edited by Sheila Fitzpatrick. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 8–40.

Fitzpatrick 1979 — Fitzpatrick, Sheila. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Fitzpatrick 1993 — Fitzpatrick, Sheila. *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia* // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. P. 745–770.

Fitzpatrick 2005 — Fitzpatrick, Sheila. *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2005.

Forster 1986 — Forster, Keith. *The 1976 Ch'ing-ming Incident in Hangchow* // *Issues and Studies*. 1986. Vol. 22. № 4. P. 13–33.

Forster 1990 — Forster, Keith. *Rebellion and Factionalism in a Chinese Province: Zhejiang, 1966–1976*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1990.

Forster 1992 — Forster, Keith. *Spontaneous and Institutional Rebellion in the Cultural Revolution: The Extraordinary Case of Weng Senhe* // *Australian Journal of Chinese Affairs*. 1992. № 27. P. 39–75.

Friedman et al. 1991 — Friedman, Edward, Paul G. Pickowicz, and Mark Selden. *Chinese Village, Socialist State*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1991.

Fung 1982 — Fung, K. K., ed. *Social Needs versus Economic Efficiency in China: Sun Yefang's Critique of Socialist Economics*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1982.

Galbiati 1985 — Galbiati, Fernando. *P'eng P'ai and the Hai-Lu-Feng Soviet*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1985.

Gao 2004 — Gao, James Z. *The Communist Takeover of Hangzhou: The Transformation of City and Cadre, 1949–1954*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2004.

Gao 2007 — Gao, James Z. *The Call of the Oases: The 'Peaceful Liberation' of Xinjiang, 1949–53 // Dilemmas of Victory: The Early Years of the People's*

Republic of China / edited by Jeremy Brown and Paul G. Pickowicz. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. P. 184–204.

Gardner 1969 — Gardner, John. The *Wu-fan* Campaign in Shanghai: A Study in the Consolidation of Urban Control // Chinese Communist Politics in Action / edited by A. Doak Barnett. Seattle: University of Washington Press, 1969. P. 477–539.

Garside 1981 — Garside, Roger. Coming Alive: China after Mao. New York: McGraw-Hill, 1981.

Gasster 1980 — Gasster, Michael. The Republican Revolutionary Movement // The Cambridge History of China. Vol. 11. Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2 / edited by John K. Fairbank and Kwang-ching Liu. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 463–534.

Gatrell, Harrison 1993 — Gatrell, Peter, and Mark Harrison. The Russian and Soviet Economies in Two World Wars: A Comparative View // Economic History Review, New Series. 1993. Vol. 46. P. 425–452.

Goldman 1967 — Goldman, Merle. Literary Dissent in Communist China. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967.

Goldman 1969 — Goldman, Merle. The Unique 'Blooming and Contending' of 1961–62 // China Quarterly. 1969. № 37. P. 54–83.

Goldman 1975 — Goldman, Merle. China's Anti-Confucian Campaign, 1973–74 // China Quarterly. 1975. № 63. P. 435–462.

Goldman 1981 — Goldman, Merle. China's Intellectuals: Advise and Dissent. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981.

Goldman 1987 — Goldman, Merle. The Party and the Intellectuals: Phase Two // The Cambridge History of China. Vol. 14. The People's Republic of China, Part 1: The Emergence of Revolutionary China, 1949–1965 / edited by Roderick MacFarquhar and John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 432–477.

Goldman 1962 — Goldman, René. The Rectification Campaign at Peking University: May–June 1957 // China Quarterly. 1962. № 12. P. 138–153.

Goldstein 1989 — Goldstein, Melvyn C. A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. Berkeley: University of California Press, 1989.

Gregory 2004 — Gregory, Paul R. The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Guangdong 2005 — Guangdong Annals Editorial Committee. Guangdong sheng zhi, dashiji [Guangdong province annals, chronology]. Guangzhou: Guangdong renmin chubanshe, 2005.

Guangxi 1990 — Guangxi Cultural Revolution Chronology Editorial Group. *Guangxi wen'ge dashi nianbiao* [Chronology of the Cultural Revolution in Guangxi]. Nanning: Guangxi renmin chubanshe, 1990.

Guillermaz 1972 — Guillermaz, Jacques. *A History of the Chinese Communist Party, 1921–1949* / translated by Anne Destenay. New York: Random House, 1972.

Guo, Lin 2005 — Guo Dehong, and Lin Xiaobo. *Siqing yundong shilu* [An account of the Four Cleans Campaign]. Hangzhou: Zhejiang renmin chubanshe, 2005.

Hai 1971 — Hai Feng. *Guangzhou diqu wen'ge licheng shulüe* [An account of the Cultural Revolution in the Canton area]. Kowloon: Youlian yanjiusuo, 1971.

Halpern 1993 — Halpern, Nina P. *Creating Socialist Economies: Stalinist Political Economy and the Impact of Ideas // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change* / edited by Judith Goldstein and Robert O. Keohane. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1993. P. 87–110.

Harmsen 2013 — Harmsen, Peter. *Shanghai 1937: Stalingrad on the Yangtze*. Philadelphia: Casemate, 2013.

Heilmann 1993 — Heilmann, Sebastian. *The Social Context of Mobilization in China: Factions, Work Units, and Activists during the 1976 April Fifth Movement* // *China Information*. 1993. Vol. 8. № 3. P. 1–19.

Heilmann 1994 — Heilmann, Sebastian. *The Suppression of the April Fifth Movement and the Persecution of 'Counterrevolutionaries' in 1976* // *Issues and Studies*. 1994. Vol. 30. № 1. P. 37–64.

Heilmann 1996 — Heilmann, Sebastian. *Turning Away from the Cultural Revolution: Political Grass-Roots Activism in the Mid-Seventies*. Stockholm: Center for Pacific Asia Studies, Stockholm University, 1996.

Henderson 1993 — Henderson, Gail. *Public Health in China* // *China Briefing, 1992* / edited by William A. Joseph. Boulder, Colo.: Westview, 1993. P. 87–110.

Henderson, Cohen 1984 — Henderson, Gail E., and Myron S. Cohen. *The Chinese Hospital: A Socialist Work Unit*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1984.

Henriot 1995 — Henriot, Christian. 'La Fermeture': *The Abolition of Prostitution in Shanghai, 1949–58* // *China Quarterly*. 1995. № 142. P. 467–486.

Hershatter 1986 — Hershatter, Gail. *The Workers of Tianjin, 1900–1949*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1986.

Hershatter 1997 — Hershatter, Gail. *Dangerous Pleasures: Prostitution and Modernity in Twentieth-Century Shanghai*. Berkeley: University of California Press, 1997.

Hinton 1966 — Hinton, William. *Fanshen: A Documentary of Revolution in a Chinese Village*. New York: Vintage, 1966.

Hoffmann 1974 — Hoffmann, Charles. *The Chinese Worker*. Albany: State University of New York Press, 1974.

Hofheinz 1969 — Hofheinz, Roy, Jr. *The Ecology of Chinese Communist Success: Rural Influence Patterns, 1923–45 // Chinese Communist Politics in Action / edited by A. Doak Barnett*. Seattle: University of Washington Press, 1969. P. 3–77.

Hofheinz 1977 — Hofheinz, Roy, Jr. *The Broken Wave: The Chinese Communist Peasant Movement, 1922–1928*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977.

Hooper 1986 — Hooper, Beverley. *China Stands Up: Ending the Western Presence, 1948–1950*. Boston: Allen and Unwin, 1986.

Hough 1977 — Hough, Jerry F. *Party 'Saturation' in the Soviet Union // The Dynamics of Soviet Politics / edited by Paul Cocks, Robert V. Daniels, and Nancy Whittier Heer*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977. P. 117–133.

Huenemann 1966 — Huenemann, Ralph W. *Urban Rationing in Communist China // China Quarterly*. 1966. № 26. P. 44–57.

Hung 2010 — Hung, Chang-tai. *The Anti-Unity Sect Campaign and Mass Mobilization in the Early People's Republic of China // China Quarterly*. 2010. № 202. P. 400–420.

Isaacs 1961 — Isaacs, Harold R. *The Tragedy of the Chinese Revolution*. 2nd rev. ed. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1961.

Jain 1975 — Jain, Shail. *Size Distribution of Income: A Compilation of Data*. Washington, D.C.: World Bank, 1975.

Jin 1999 — Jin, Qiu. *The Culture of Power: The Lin Biao Incident in the Cultural Revolution*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1999.

Jin 2000 — Jin Yanfeng, ed. *Dangdai Zhejiang jianshi, 1949–1998 [Brief history of contemporary Zhejiang, 1949–1998]*. Beijing: Dangdai Zhongguo chubanshe, 2000.

Johnson 1972 — Johnson, A. Ross. *The Transformation of Communist Ideology: The Yugoslav Case, 1945–1953*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1972.

Johnson 1962 — Johnson, Chalmers A. *Peasant Nationalism and Communist Power: The Emergence of Revolutionary China*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1962.

Joravsky 1970 — Joravsky, David. *The Lysenko Affair*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970.

Kaple 1994 — Kaple, Deborah A. *Dream of a Red Factory: The Legacy of High Stalinism in China*. New York: Oxford University Press, 1994.

Kau 1975 — Kau, Michael Y. M. *The Lin Piao Affair: Power Politics and Military Coup*. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, 1975.

Kecskemeti 1961 — Kecskemeti, Paul. *The Unexpected Revolution: Social Forces in the Hungarian Uprising*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1961.

Khrushchev 1962 — Khrushchev, Nikita S. *Crimes of the Stalin Era: Special Report to the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union, February 24–25, 1956* // New York: The New Leader. Internet Archive, 1962. URL: <https://archive.org/details/TheCrimesOfTheStalinEraSpecialReportToThe20thCongressOfThe> (в настоящее время ресурс недоступен).

Kirby 1984 — Kirby, William C. *Germany and Republican China*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1984.

Kirby 2006 — Kirby, William C. *China's Internationalization in the Early People's Republic: Dreams of a Socialist World Economy* // *China Quarterly*. 2006. № 188. P. 870–890.

Klochko 1964 — Klochko, Mikhail A. *Soviet Scientist in Red China* / translated by Andrew MacAndrew. New York: Praeger, 1964.

Knight 1994 — Knight, Amy. *Beria, Stalin's First Lieutenant*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

Kornai 1959 — Kornai, János. *Overcentralization in Economic Administration: A Critical Analysis Based on Experience in Hungarian Light Industry* / translated by John Knapp. Oxford: Oxford University Press, 1959.

Kornai 1979 — Kornai, János. *Resource-Constrained versus Demand-Constrained Systems* // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. P. 801–819.

Kornai 1980 — Kornai, János. *Economics of Shortage*. Amsterdam: North-Holland, 1980.

Kornai 1992 — Kornai, János. *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.

Kramer 1998 — Kramer, Mark. *The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings* // *Journal of Contemporary History*. 1998. Vol. 33. P. 163–214.

Kramer 1999 — Kramer, Mark. *The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal-External Linkages in Soviet Policy Making (Part 1)* // *Journal of Cold War Studies*. 1999. Vol. 1. № 1. P. 3–55.

Kraus 1981 — Kraus, Richard Curt. *Class Conflict in Chinese Socialism*. New York: Columbia University Press, 1981.

Kuan et al. 1988 — Kuan, Chen, Hongchang Wang, Yuxin Zheng, Gary H. Jefferson, and Thomas G. Rawski. *Productivity Change in Chinese Industry: 1953–1985* // *Journal of Comparative Economics*. 1988. Vol. 12. P. 570–591.

Kuhn 1978 — Kuhn, Philip A. *The Taiping Rebellion* // *The Cambridge History of China*. Vol. 10. *Late Ch'ing, 1800–1911. Part 1* / edited by John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 264–317.

Kuhn 1980 — Kuhn, Philip A. *Rebellion and Its Enemies in Late Imperial China: Militarization and Social Structure, 1796–1864*. 2nd ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.

Kung, Lin 2003 — Kung, James Kai-sing, and Justin Yifu Lin. *The Causes of China's Great Leap Famine, 1959–1961* // *Economic Development and Cultural Change*. 2003. Vol. 52. P. 51–73.

Lang 1946 — Lang, Olga. *Chinese Family and Society*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1946.

Lange, Taylor 1964 — Lange, Oskar, and Fred M. Taylor. *On the Economic Theory of Socialism*. New York: McGraw-Hill, 1964.

Lardy 1987a — Lardy, Nicholas R. *The Chinese Economy under Stress, 1958–1965* // *The Cambridge History of China*. Vol. 14. *The People's Republic of China. Part 1: The Emergence of Revolutionary China, 1949–1965* / edited by Roderick MacFarquhar and John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 360–397.

Lardy 1987b — Lardy, Nicholas R. *Economic Recovery and the 1st Five-Year Plan* // *The Cambridge History of China*. Vol. 14. *The People's Republic of China. Part 1: The Emergence of Revolutionary China, 1949–1965* / edited by Roderick MacFarquhar and John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 144–184.

Lardy, Lieberthal 1983 — Lardy, Nicholas R., and Kenneth Lieberthal, eds. *Chen Yun's Strategy for China's Development: A Non-Maoist Alternative* / translated by Mao Tong and Du Anxia. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1983.

Lee 1991 — Lee, Hong Yung. *From Revolutionary Cadres to Party Technocrats in Socialist China*. Berkeley: University of California Press, 1991.

Leese 2011 — Leese, Daniel. *Mao Cult: Rhetoric and Ritual in China's Cultural Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Leese 2015 — Leese, Daniel. *Revising Political Verdicts in Post-Mao China: The Case of Beijing's Fengtai District* // *Maoism at the Grass Roots: Everyday Life in China's Era of High Socialism* / edited by Jeremy Brown and Matthew Johnson. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015.

Levine 1987 — Levine, Steven I. *Anvil of Victory: The Communist Revolution in Manchuria, 1945–1948*. New York: Columbia University Press, 1987.

Lewin 1974 — Lewin, Moshe. *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974.

Lewis 1963 — Lewis, John Wilson. *Leadership in Communist China*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1963.

Li, Walder 2001 — Li, Bobai, and Andrew G. Walder. *Career Advancement as Party Patronage: Sponsored Mobility into the Chinese Administrative Elite, 1949–1996* // *American Journal of Sociology*. 2001. Vol. 106. P. 1371–1408.

Li 2006a — Li, Huaiyin. *The First Encounter: Peasant Resistance to State Control of Grain in East China in the Mid-1950s* // *China Quarterly*. 2006. № 185. P. 145–162.

Li 2007 — Li, Huaiyin. *Confrontation and Conciliation under the Socialist State: Peasant Resistance to Agricultural Collectivization in China in the 1950s* // *Twentieth-Century China*. 2007. Vol. 33. № 2. P. 73–99.

Li 2009 — Li, Huaiyin. *Village China under Socialism and Reform: A Micro History, 1948–2008*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.

Li 2006b — Li, Hua-Yu. *Mao and the Economic Stalinization of China, 1948–1953*. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2006.

Li 2010 — Li, Hua-Yu. *Instilling Stalinism in Chinese Party Members: Absorbing Stalin's *Short Course* in the 1950s* // *China Learns from the Soviet Union, 1949–Present* / edited by Thomas P. Bernstein and Hua-Yu Li. Lanham, Md.: Lexington, 2010. P. 107–130.

Li, Yang 2005 — Li, Wei, and Dennis Tao Yang. *The Great Leap Forward: Anatomy of a Central Planning Disaster* // *Journal of Political Economy*. 2005. Vol. 113. P. 840–877.

Liberman 1971 — Liberman, E. G. *Economic Methods and the Effectiveness of Production*. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, 1971.

Lieberthal 1973 — Lieberthal, Kenneth. *The Suppression of Secret Societies in Post-Liberation Tientsin* // *China Quarterly*. 1973. № 54. P. 242–266.

Lieberthal 1980 — Lieberthal, Kenneth. *Revolution and Tradition in Tientsin, 1949–1952*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1980.

Lieberthal 1987 — Lieberthal, Kenneth. *The Great Leap Forward and the Split in the Yanan Leadership* // *The Cambridge History of China*. Vol. 14. *The People's Republic of China*. Part 1: *The Emergence of Revolutionary China, 1949–1965* / edited by Roderick MacFarquhar and John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 293–359.

Lin 1981 — Lin, Cyril Chihren. The Reinstatement of Economics in China Today // *China Quarterly*. 1981. № 85. P. 1–48.

Lin 2009 — Lin Yunhui. *Zhonghua renmin gongheguo shi, di 2 juan. Xiang shehuizhuyi guodu: Zhongguo jingji yu shehui de zhuanxing, 1953–1955* [History of the People's Republic of China, vol. 2, Moving toward the transition to socialism: The transformation of China's economy and society, 1953–1955]. Hong Kong: Zhongwen daxue chubanshe, 2009.

Liu, Wang 2006 — Liu, Jianhui, and Hongxu Wang. The Origins of the General Line for the Transition Period and of the Acceleration of the Chinese Socialist Transformation in Summer 1955 // *China Quarterly*. 2006. № 187. P. 724–731.

Liu 1939 — Liu Shaoqi. How to Be a Good Communist // *Selected Works of Liu Shaoqi*. Vol. 1. Beijing: Foreign Languages Press, (1939) 1984. P. 107–168.

Louie, Louie 1981 — Louie, Genny, and Kam Louie. The Role of Nanjing University in the Nanjing Incident // *China Quarterly*. 1981. № 86. P. 332–348.

Lüthi 2008 — Lüthi, Lorenz M. *The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2008.

MacFarquhar 1960 — MacFarquhar, Roderick, ed. *The Hundred Flowers Campaign and the Chinese Intellectuals*. New York: Praeger, 1960.

MacFarquhar 1974 — MacFarquhar, Roderick. *The Origins of the Cultural Revolution 1: Contradictions among the People, 1956–1957*. New York: Columbia University Press, 1974.

MacFarquhar 1983 — MacFarquhar, Roderick. *The Origins of the Cultural Revolution 2: The Great Leap Forward, 1958–1960*. New York: Columbia University Press, 1983.

MacFarquhar 1989 — MacFarquhar, Roderick. *The Secret Speeches of Chairman Mao // The Secret Speeches of Chairman Mao: From the Hundred Flowers to the Great Leap Forward / edited by Roderick MacFarquhar, Timothy Cheek, and Eugene Wu*. Cambridge, Mass.: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1989. P. 3–18.

MacFarquhar 1997 — MacFarquhar, Roderick. *The Origins of the Cultural Revolution 3: The Coming of the Cataclysm, 1961–1966*. New York: Columbia University Press, 1997.

MacFarquhar et al. 1989 — MacFarquhar, Roderick, Timothy Cheek, and Eugene Wu, eds. *The Secret Speeches of Chairman Mao: From the Hundred Flowers to the Great Leap Forward*. Cambridge, Mass.: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1989.

MacFarquhar, Schoenhals 2006 — MacFarquhar, Roderick, and Michael Schoenhals. *Mao's Last Revolution*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2006.

Machcewicz 2009 — Machcewicz, Pawel. *Rebellious Satellite: Poland, 1956* / translated by Maya Latynski. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2009.

MacKinnon 2011 — MacKinnon, Stephen. *The Defense of the Central Yangtze // The Battle for China: Essays on the Military History of the Sino-Japanese War of 1937–1945* / edited by Mark Peattie, Edward Drea, and Hans van de Ven. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2011. P. 181–206.

Maddison 2006 — Maddison, Angus. *The World Economy, Volume 1: A Millennial Perspective; Volume 2: Historical Statistics*. Paris: OECD, 2006.

Mao Zedong 1926a — Mao Zedong. *An Analysis of the Various Classes among the Chinese Peasantry and Their Attitudes toward the Revolution (January)* // Schram, Stuart, ed. *Mao's Road to Power, Revolutionary Writings 1912–1949*. Vol. 2. National Revolution and Social Revolution, December 1920–June 1927. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1994. P. 303–309.

Mao Zedong 1926b — Mao Zedong. *Resolution Concerning the Peasant Movement: Resolution of the Second National Congress of the Chinese Guomindang (January 19)* // Schram, Stuart, ed. *Mao's Road to Power, Revolutionary Writings 1912–1949*. Vol. 2. National Revolution and Social Revolution, December 1920–June 1927. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1994. P. 358–360.

Mao Zedong 1926c — Mao Zedong. *Some Points for Attention in Commemorating the Paris Commune (March 18)* // Schram, Stuart, ed. *Mao's Road to Power, Revolutionary Writings 1912–1949*. Vol. 2. National Revolution and Social Revolution, December 1920–June 1927. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1994. P. 365–368.

Mao Zedong 1926d — Mao Zedong. *Resolution on the Problem of Mintuan (October 28)* // Schram, Stuart, ed. *Mao's Road to Power, Revolutionary Writings 1912–1949*. Vol. 2. National Revolution and Social Revolution, December 1920–June 1927. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1994. P. 409–410.

Mao Zedong 1926e — Mao Zedong. *The National Revolution and the Peasant Problem (September 1)* // Schram, Stuart, ed. *Mao's Road to Power, Revolutionary Writings 1912–1949*. Vol. 2. National Revolution and Social Revolution, December 1920–June 1927. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1994. P. 387–392.

Mao Zedong 1927a — Mao Zedong. *Report on the Peasant Movement in Hunan (February)* // Schram, Stuart, ed. *Mao's Road to Power, Revolutionary Writings 1912–1949*. Vol. 2. National Revolution and Social Revolution, December 1920–June 1927. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1994. P. 429–464.

Mao Zedong 1927b — Mao Zedong. Report to the Central Committee on Observations Regarding the Peasant Movement in Hunan (February 16) // Schram, Stuart, ed. *Mao's Road to Power, Revolutionary Writings 1912–1949*. Vol. 2. National Revolution and Social Revolution, December 1920–June 1927. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1994. P. 425–428.

Mao Zedong 1957 — Mao Zedong. On the Correct Handling of Contradictions among the People (Speaking Notes) (February 27) // MacFarquhar, Roderick, Timothy Cheek, and Eugene Wu, eds. *The Secret Speeches of Chairman Mao: From the Hundred Flowers to the Great Leap Forward*. Cambridge, Mass.: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1989. P. 131–189.

Mao Zedong 1977 — Mao Zedong. *A Critique of Soviet Economics / translated by Moss Roberts*. New York: Monthly Review Press, 1977.

Marks 1984 — Marks, Robert. *Rural Revolution in South China: Peasants and the Making of History in Haifeng County, 1570–1930*. Madison: University of Wisconsin Press, 1984.

Martin 1996 — Martin, Brian G. *The Shanghai Green Gang: Politics and Organized Crime, 1919–1937*. Berkeley: University of California Press, 1996.

Medvedev 1969 — Medvedev, Zhores A. *The Rise and Fall of T. D. Lysenko / translated by I. Michael Lerner*. New York: Columbia University Press, 1969.

Milenvovitch 1971 — Milenvovitch, Deborah D. *Plan and Market in Yugoslav Economic Thought*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1971.

Mitter 2013 — Mitter, Rana. *Forgotten Ally: China's World War II, 1937–1945*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

Moody 1977 — Moody, Peter R. *Opposition and Dissent in Contemporary China*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1977.

Moore 1966 — Moore, Barrington, Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon, 1966.

Murck 2013 — Murck, Alfreda, ed. *Mao's Golden Mangoes and the Cultural Revolution*. Zurich: Museum Rietberg Zürich and Verlag Scheidegger and Spiess, 2013.

Nagy 1957 — Nagy, Imre. *On Communism: In Defense of the New Course*. New York: Praeger, 1957.

Nathan 1976 — Nathan, Andrew J. *Peking Politics 1918–1923: Factionalism and the Failure of Constitutionalism*. Berkeley: University of California Press, 1976.

Nathan 1983 — Nathan, Andrew J. *A Constitutional Republic: The Peking Government, 1916–28 // The Cambridge History of China*. Vol. 12. Republic-

can China, 1912–1949. Part 1 / edited by John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 256–283.

Nieh 1981a — Nieh, Hualing, ed. Literature of the Hundred Flowers. Vol. 1. Criticism and Polemics. New York: Columbia University Press, 1981.

Nieh 1981b — Nieh, Hualing. Literature of the Hundred Flowers. Vol. 2. Poetry and Fiction. New York: Columbia University Press, 1981.

Oi 1989 — Oi, Jean C. State and Peasant in Contemporary China: The Political Economy of Village Government. Berkeley: University of California Press, 1989.

Oi 2008 — Oi, Jean C. Development Strategies, Welfare Regimes, and Poverty Reduction in China. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development, 2008.

Oksenberg 1968 — Oksenberg, Michel. The Institutionalisation of the Chinese Revolution: The Ladder of Success on the Eve of the Cultural Revolution // *China Quarterly*. 1968. № 36. P. 61–92.

Oksenberg 1976 — Oksenberg, Michel. The Exit Pattern from Chinese Politics and Its Implications // *China Quarterly*. 1976. № 67. P. 501–518.

Organization Department 2000 — Organization Department, Central Communist Party Office for Research on Party History, and Central Party Archives. *Zhongguo gongchandang zuzhishi ziliao* [Materials on the organizational history of the Chinese Communist Party], 19 vols. Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe, 2000.

Ostermann 2001 — Ostermann, Christian F., ed. Uprising in East Germany 1953: The Cold War, the German Question, and the First Major Upheaval behind the Iron Curtain. Budapest: Central European University Press, 2001.

Paige 1975 — Paige, Jeffery M. Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World. New York: Free Press, 1975.

Pantsov, Levine 2012 — Pantsov, Alexander V., with Steven I. Levine. *Mao: The Real Story*. New York: Simon and Schuster, 2012.

Peng 1978 — Peng, Xizhe. Demographic Consequences of the Great Leap Forward in China's Provinces // *Population and Development Review*. 1987. Vol. 13. P. 639–670.

Pepper 1999 — Pepper, Suzanne. *Civil War in China: The Political Struggle, 1945–1949*. 2nd ed. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1999.

Perry 1993 — Perry, Elizabeth J. *Shanghai on Strike: The Politics of Chinese Labor*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1993.

Perry 1994 — Perry, Elizabeth J. Shanghai's Strike Wave of 1957 // *China Quarterly*. 1994. № 137. P. 1–27.

Perry 2007 — Perry, Elizabeth J. *Masters of the Country? Shanghai Workers in the Early People's Republic // Dilemmas of Victory: The Early Years of the People's Republic of China* / edited by Jeremy Brown and Paul G. Pickowicz. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. P. 59–79.

Perry, Li 1997 — Perry, Elizabeth J., and Li Xun. *Proletarian Power: Shanghai in the Cultural Revolution*. Boulder, Colo.: Westview, 1997.

Platt 2012 — Platt, Stephen R. *Autumn in the Heavenly Kingdom: China, the West, and the Epic Story of the Taiping Civil War*. New York: Alfred A. Knopf, 2012.

Riskin 1987 — Riskin, Carl. *China's Political Economy: The Quest for Development Since 1949*. Oxford: Oxford University Press, 1987.

Rosen 1982 — Rosen, Stanley. *Red Guard Factionalism and the Cultural Revolution in Guangzhou (Canton)*. Boulder, Colo.: Westview, 1982.

Rosen 1985 — Rosen, Stanley. *Guangzhou's Democracy Movement in Cultural Revolution Perspective // China Quarterly*. 1985. № 101. P. 1–31.

Rossabi 2005 — Rossabi, Morris. *Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists*. Berkeley: University of California Press, 2005.

Rowe 2007 — Rowe, William T. *Crimson Rain: Seven Centuries of Violence in a Chinese County*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2007.

Rowe 2009 — Rowe, William T. *China's Last Empire: The Great Qing*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2009.

Rusinow 1977 — Rusinow, Dennison. *The Yugoslav Experiment, 1948–1974*. Berkeley: University of California Press, 1977.

Saich 1996 — Saich, Tony, ed. *The Rise to Power of the Chinese Communist Party: Documents and Analysis*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1996.

Schoenhals 1985 — Schoenhals, Michael. *Elite Information in China // Problems of Communism*. 1985. Vol. 34. № 5. P. 65–71.

Schoenhals 1986 — Schoenhals, Michael. *Original Contradictions: On the Unrevised Text of Mao Zedong's 'On the Correct Handling of Contradictions among the People' // Australian Journal of Chinese Affairs*. 1986. № 16. P. 99–112.

Schoenhals 1996 — Schoenhals, Michael. *The Central Case Examination Group, 1966–79 // China Quarterly*. 1996. № 145. P. 87–111.

Schoenhals 2005 — Schoenhals, Michael. *'Why Don't We Arm the Left?' Mao's Culpability for the Cultural Revolution's 'Great Chaos' of 1967 // China Quarterly*. 2005. № 182. P. 277–300.

Schoenhals 2008a — Schoenhals, Michael. *Out-Sourcing the Inquisition: 'Mass Dictatorship' in China's Cultural Revolution // Totalitarian Movements and Political Religions*. 2008. Vol. 9. № 1. P. 3–19.

Schoenhals 2008b — Schoenhals, Michael. *The People's Republic of China, 1949–1976 // Crimes against Humanity under Communist Regimes: Research Review / edited by Klas-Göran Karlsson and Michael Schoenhals. Stockholm: Forum for Living History, 2008. P. 67–87.*

Schoenhals 2013 — Schoenhals, Michael. *Spying for the People: Mao's Secret Agents, 1949–1967. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.*

Schram 1994 — Schram, Stuart, ed. *Mao's Road to Power, Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 2. National Revolution and Social Revolution, December 1920–June 1927. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1994.*

Schram 1995 — Schram, Stuart, ed. *Mao's Road to Power, Revolutionary Writings 1912–1949. Vol. 3. From the Jingtangshan to the Establishment of the Jiangxi Soviets, July 1927–December 1930. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1995.*

Schwartz 1951 — Schwartz, Benjamin I. *Chinese Communism and the Rise of Mao. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1951.*

Scott 1976 — Scott, James C. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1976.*

Sebestyen 2006 — Sebestyen, Victor. *Twelve Days: The Story of the 1956 Hungarian Revolution. New York: Pantheon, 2006.*

Selden 1971 — Selden, Mark. *The Yen'an Way in Revolutionary China. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.*

Service 2004 — Service, Robert. *Stalin: A Biography. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2004.*

Seybolt 1986 — Seybolt, Peter J. *Terror and Conformity: Counterespionage Campaigns, Rectification, and Mass Movements, 1942–1943 // Modern China. 1986. Vol. 12. P. 39–73.*

Shen 2008 — Shen Zihua. *Zhonghua renmin gongheguo shi, di 3 juan. Sikao yu xuanze: Cong zhishi fenzi huiyi dao fan youpai yundong, 1956–1957 [History of the People's Republic of China, vol. 3, Reflections and choices: The consciousness of Chinese intellectuals and the Anti-Rightist Campaign, 1956–1957]. Hong Kong: Zhongwen daxue chubanshe, 2008.*

Sheng 2006 — Sheng, Michael M. *Mao Zedong and the Three-Anti Campaign (November 1951 to April 1952): A Revisionist Interpretation // Twentieth-Century China. 2006. Vol. 32. № 1. P. 56–80.*

Shirk 1982 — Shirk, Susan L. *Competitive Comrades: Career Incentives and Student Strategies in China. Berkeley: University of California Press, 1982.*

Shue 1980 — Shue, Vivienne. *Peasant China in Transition: The Dynamics of Development toward Socialism, 1949–1956. Berkeley: University of California Press, 1980.*

Šik 1966 — Šik, Ota. *Economic Planning and Management in Czechoslovakia*. 2nd rev. ed. / translated by M. I. Parker. Prague: Orbis, 1966.

Šik 1967 — Šik, Ota. *Plan and Market under Socialism*. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, 1967.

Šik 1972 — Šik, Ota. *Czechoslovakia: The Bureaucratic Economy*. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, 1972.

Silbey 2012 — Silbey, David J. *The Boxer Rebellion and the Great Game in China*. New York: Hill and Wang, 2012.

Siu 1989 — Siu, Helen F. *Agents and Victims in South China: Accomplices in Rural Revolution*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1989.

Skocpol 1979 — Skocpol, Theda. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

So 2002 — So, Bennis Wai-yip. *The Policy-Making and Political Economy of the Abolition of Private Ownership in the Early 1950s: Findings from New Materials // China Quarterly*. 2002. № 171. P. 682–703.

Spence 1996 — Spence, Jonathan D. *God's Chinese Son: The Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan*. New York: Norton, 1996.

Stacey 1983 — Stacey, Judith. *Patriarchy and Socialist Revolution in China*. Berkeley: University of California Press, 1983.

State Statistical Bureau 1983 — State Statistical Bureau. *Zhongguo tongji nianjian 1983 [China statistical yearbook 1983]*. Hong Kong: Xianggang jingji daobaoshe, 1983.

Stinchcombe 1965 — Stinchcombe, Arthur L. *Social Structure and Organizations // Handbook of Organizations / edited by James G. March*. Chicago: Rand McNally, 1965. P. 142–193.

Strauss 2002 — Strauss, Julia C. *Paternalist Terror: The Campaign to Suppress Counterrevolutionaries and Regime Consolidation in the People's Republic of China, 1950–1953 // Comparative Studies in Society and History*. 2002. Vol. 44. P. 80–105.

Strauss 2006 — Strauss, Julia C. *Morality, Coercion and State Building by Campaign in the Early PRC: Regime Consolidation and After, 1949–1956 // China Quarterly*. 2006. № 188. P. 891–912.

Su 2011 — Su, Yang. *Collective Killings in Rural China during the Cultural Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Taubman 2003 — Taubman, William. *Khrushchev: The Man and His Era*. New York: Norton. Taylor, George E. 1940. *The Struggle for North China*. New York: International Secretariat, Institute of Pacific Relations, 2003.

Taylor 2011 — Taylor, Jay. *The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China*. New ed. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2011.

Teiwes 1976 — Teiwes, Frederick C. *The Origins of Rectification: Inner-Party Purges and Education before Liberation* // *China Quarterly*. 1976. № 65. P. 15–53.

Teiwes, Sun 1993 — Teiwes, Frederick C., and Warren Sun, eds. *The Politics of Agricultural Cooperativization in China: Mao, Deng Zihui, and the “High Tide” of 1955*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1993.

Teiwes, Sun 1995 — Teiwes, Frederick C., and Warren Sun. *From a Leninist to a Charismatic Party: The CCP’s Changing Leadership, 1937–1945* // *New Perspectives on the Chinese Communist Revolution* / edited by Tony Saich and Hans van de Ven. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1995. P. 339–387.

Teiwes, Sun 1996 — Teiwes, Frederick C., and Warren Sun. *The Tragedy of Lin Biao: Riding the Tiger during the Cultural Revolution, 1966–1971*. London: Hurst, 1996.

Teiwes, Sun 1997 — Teiwes, Frederick C., and Warren Sun. *The Politics of an ‘Un-Maoist’ Interlude: The Case of Opposing Rash Advance, 1956–1957* // *New Perspectives on State Socialism in China* / edited by Timothy Cheek and Tony Saich. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1997. P. 151–190.

Teiwes, Sun 1999 — Teiwes, Frederick C., and Warren Sun. *China’s Road to Disaster: Mao, Central Politicians, and Provincial Leaders in the Unfolding of the Great Leap Forward, 1955–1959*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1999.

Teiwes, Sun 2004 — Teiwes, Frederick C., and Warren Sun. *The First Tiananmen Incident Revisited: Elite Politics and Crisis Management at the End of the Maoist Era* // *Pacific Affairs*. 2004. Vol. 77. P. 211–235.

Teiwes, Sun 2007 — Teiwes, Frederick C., and Warren Sun. *The End of the Maoist Era: Chinese Politics during the Twilight of the Cultural Revolution, 1972–1976*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2007.

Teiwes, Sun 2011 — Teiwes, Frederick C., and Warren Sun. *China’s New Economic Policy under Hua Guofeng: Party Consensus and Party Myths* // *China Journal*. 2011. № 66. P. 1–24.

Teiwes, Sun 2013 — Teiwes, Frederick C., and Warren Sun. *China’s Economic Reorientation after the Third Plenum: Conflict Surrounding ‘Chen Yun’s’ Readjustment Program, 1979–80* // *China Journal*. 2013. № 70. P. 163–187.

Thaxton 1983 — Thaxton, Ralph A., Jr. *China Turned Rightside Up: Revolutionary Legitimacy in the Peasant World*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1983.

Thaxton 2008 — Thaxton, Ralph A., Jr. *Catastrophe and Contention in Rural China: Mao's Great Leap Famine and the Origins of Righteous Resistance in Da Fo Village*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Tien 1989 — Tien, Hung-mao. *The Great Transition: Political and Social Change in the Republic of China*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1989.

Tilly 1978 — Tilly, Charles. *From Mobilization to Revolution*. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978.

Tucker 1977 — Tucker, Robert C. *Stalinism as Revolution from Above // Stalinism: Essays in Historical Interpretation / edited by Robert C. Tucker*. New York: Norton, 1977. P. 77–108.

Tucker 1990 — Tucker, Robert C. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941*. New York: Norton, 1990.

U 2012 — U, Eddy. *Dangerous Privilege: The United Front and the Rectification Campaign of the Early Mao Years // China Journal*. 2012. № 68. P. 32–57.

Unger 1982 — Unger, Jonathan. *Education under Mao: Class and Competition in Canton Schools, 1960–1980*. New York: Columbia University Press, 1982.

Unger 1984 — Unger, Jonathan. *The Class System in Rural China: A Case Study // Class and Social Stratification in Post-Revolution China / edited by James L. Watson*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 121–141.

Urban 1971 — Urban, George, ed. *The "Miracles" of Chairman Mao: A Compendium of Devotional Literature, 1966–1970*. Los Angeles: Nash, 1971.

van de Ven 2011 — van de Ven, Hans. *The Sino-Japanese War in History // The Battle for China: Essays on the Military History of the Sino-Japanese War of 1937–1945 / edited by Mark Peattie, Edward Drea, and Hans van de Ven*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2011. P. 446–466.

Van Slyke 1986 — Van Slyke, Lyman. *The Chinese Communist Movement during the Sino-Japanese War 1937–1945 // The Cambridge History of China. Vol. 13. Republican China, 1912–1949. Part 2 / edited by John K. Fairbank and Albert Feuerwerker*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 609–722.

Vogel 1965 — Vogel, Ezra F. *From Friendship to Comradeship: The Change in Personal Relations in Communist China // China Quarterly*. 1965. № 21. P. 46–60.

Vogel 1967 — Vogel, Ezra F. *From Revolutionary to Semi-Bureaucrat: The 'Regularisation' of Cadres // China Quarterly*. 1967. № 29. P. 36–60.

Vogel 1969 — Vogel, Ezra F. *Canton under Communism: Programs and Politics in a Provincial Capital, 1949–1968*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969.

Vogel 2011 — Vogel, Ezra F. *Deng Xiaoping and the Transformation of China*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2011.

Wakeman 2007 — Wakeman, Frederic, Jr. 'Cleanup': The New Order in Shanghai // *Dilemmas of Victory: The Early Years of the People's Republic of China* / edited by Jeremy Brown and Paul G. Pickowicz. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007. P. 21–58.

Walder 1978 — Walder, Andrew G. *Chang Ch'un-ch'iao and Shanghai's January Revolution*. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1978.

Walder 1986 — Walder, Andrew G. *Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry*. Berkeley: University of California Press, 1986.

Walder 1991 — Walder, Andrew G. *Cultural Revolution Radicalism: Variations on a Stalinist Theme* // *New Perspectives on the Cultural Revolution* / edited by William A. Joseph, Christine P. W. Wong, and David Zweig. Cambridge, Mass.: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1991. P. 41–61.

Walder 1992 — Walder, Andrew G. *Property Rights and Stratification in Socialist Redistributive Economies* // *American Sociological Review*. 1992. Vol. 57. P. 524–539.

Walder 1995 — Walder, Andrew G. *Career Mobility and the Communist Political Order* // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. P. 309–328.

Walder 1996 — Walder, Andrew G. *The Chinese Cultural Revolution in the Factories: Party-State Structures and Patterns of Conflict* // *Putting Class in Its Place: Worker Identities in East Asia* / edited by Elizabeth J. Perry. Berkeley: Center for Chinese Studies, University of California, 1996. P. 167–198.

Walder 2006 — Walder, Andrew G. *Factional Conflict at Beijing University, 1966–1968* // *China Quarterly*. 2006. № 188. P. 1023–1047.

Walder 2009 — Walder, Andrew G. *Fractured Rebellion: The Beijing Red Guard Movement*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009.

Walder 2014 — Walder, Andrew G. *Rebellion and Repression in China, 1966–1971* // *Social Science History*. 2014. Vol. 38. № 4.

Walder, Hu 2009 — Walder, Andrew G., and Songhua Hu. *Revolution, Reform, and Status Inheritance: Urban China, 1949–1996* // *American Journal of Sociology*. 2009. Vol. 114. P. 1395–1427.

Walder et al. 2000 — Walder, Andrew G., Bobai Li, and Donald J. Treiman. Politics and Life Chances in a State Socialist Regime: Dual Career Paths into the Urban Chinese Elite, 1949 to 1996 // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. P. 191–209.

Wang 2015 — Wang, Haiguang. Radical Agricultural Collectivization and Ethnic Rebellion: The Communist Encounter with a ‘New Emperor’ in Guizhou’s Mashan Region, 1956 // *Maoism at the Grass Roots: Everyday Life in China’s Era of High Socialism* / edited by Jeremy Brown and Matthew Johnson. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015.

Wang 2001 — Wang Li. Wang Li fansi lu: Wang Li yigao [Wang Li’s Reflections: Wang Li’s Manuscripts]. Hong Kong: Beixing chubanshe, 2001.

Wang 1999 — Wang, Peter Chen-main. A Bastion Created, a Regime Transformed, an Economy Reengineered, 1949–1970 // *Taiwan: A New History* / edited by Murray A. Rubinstein. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1999. P. 320–365.

Wang 2011 — Wang, Qisheng. The Battle of Hunan and the Chinese Military’s Response to Operation Ichigō // *The Battle for China: Essays on the Military History of the Sino-Japanese War of 1937–1945* / edited by Mark Peattie, Edward Drea, and Hans van de Ven. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2011. P. 403–418.

Wang 1995 — Wang, Shaoguang. Failure of Charisma: The Cultural Revolution in Wuhan. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Wang et al, 1998 — Wang Xuezheng, Wang Xiaoting, Huang Wenyi, and Guo Jianrong, eds. Beijing daxue jishi (yibajiuba–yijiujiuqi) [Beijing University chronology (1898–1997)], 2 vols. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 1998.

Wang 1967 — Wang, Y. C. Tu Yueh-Sheng (1888–1951): A Tentative Political Biography // *Journal of Asian Studies*. 1967. Vol. 26. P. 433–455.

Wang 2004 — Wang Youqin. Wenge shounanzhe: Guanyu pohai, jianjin yu shalu de xunfang shilu [Victims of the Cultural Revolution: An investigative account of persecution, imprisonment, and murder]. Hong Kong: Kaifang zuzhi she, 2004.

Wang 2006 — Wang Youqin. Liushisan ming shounanzhe he Beijing daxue wen’ge [Sixty-three victims of the Cultural Revolution at Peking University] // *Ershiyi shiji*. 2006. № 2. P. 42–55.

Watson 1990 — Watson, Rubie S. Corporate Property and Local Leadership in the Pearl River Delta, 1898–1941 // *Chinese Local Elites and Patterns of Dominance* / edited by Joseph W. Esherick and Mary Backus Rankin. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 239–260.

Westad 2003 — Westad, Odd Arne. Decisive Encounters: The Chinese Civil War, 1946–1950. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003.

White 1978 — White, Lynn T., III. *Careers in Shanghai: The Social Guidance of Personal Energies in a Developing Chinese City, 1949–1966*. Berkeley: University of California Press, 1978.

White 1979 — White, Lynn T., III. *The Road to Urumchi: Approved Institutions in Search of Attainable Goals during Pre-1968 Rustication from Shanghai* // *China Quarterly*. 1979. № 79. P. 481–510.

Whyte 1974 — Whyte, Martin K. *Small Groups and Political Rituals in China*. Berkeley: University of California Press, 1974.

Whyte 1984 — Whyte, Martin K., and William L. Parish. *Urban Life in Contemporary China*. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

Wilbur 1983 — Wilbur, C. Martin. *The Nationalist Revolution: From Canton to Nanking, 1923–28* // *The Cambridge History of China*. Vol. 12. *Republican China, 1912–1949*. Part 1 / edited by John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 527–720.

World Bank 1983 — World Bank. *China: Socialist Economic Development*. Vol. 1. *The Economy, Statistical System, and Basic Data*. Washington, D.C.: World Bank, 1983.

Wu 2002 — Wu Xueqing. 1976 nian ‘Nanjing shijian’ shimo [The whole story behind the 1976 “Nanjing Incident”] // *Bainian chao*. 2002. № 8. P. 18–24.

Wylie 1980 — Wylie, Raymond F. *The Emergence of Maoism: Mao Tse-tung, Chen Po-ta, and the Search for Chinese Theory, 1935–1945*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1980.

Xu 1990 — Xu Jiangang. ‘Sirenbang’ pohai Shanghai ganbu qunzhong de sanchang yundong [Three campaigns by the “Gang of Four” that persecuted cadres and masses in Shanghai] // *Shanghai dangshi*. 1990. № 12. P. 18–25.

Yan 2014 — Yan, Fei. *Rival Rebels: The Political Origins of Guangzhou’s Mass Factions in 1967* // *Modern China*. 2014. doi: 10.1177/0097700414533633.

Yan, Gao 1996 — Yan, Jiaqi, and Gao Gao. *Turbulent Decade: A History of the Cultural Revolution* / translated and edited by D. W. Y. Kwok. Honolulu: University of Hawai’i Press, 1996.

Yang 1959 — Yang, C. K. *A Chinese Village in Early Communist Transition*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1959.

Yang 1984 — Yang, Jiang. *Six Chapters from My Life “Downunder”* / translated by Howard Goldblatt. Seattle: University of Washington Press, 1984.

Yang 2012 — Yang, Jisheng. *Tombstone: The Great Chinese Famine, 1958–1962* / translated by Stacy Mosher and Guo Jian. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2012.

Yang 2008 — Yang, Kuisong. *Reconsidering the Campaign to Suppress Counterrevolutionaries* // *China Quarterly*. 2008. № 193. P. 102–121.

Yang 2011a — Yang, Kuisong. Nationalist and Communist Guerrilla Warfare in North China // *The Battle for China: Essays on the Military History of the Sino-Japanese War of 1937–1945* / edited by Mark Peattie, Edward Drea, and Hans van de Ven. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2011. P. 308–327.

Yang 2015 — Yang, Kuisong. How a ‘Bad Element’ Was Made: The Discovery, Accusation, and Punishment of Zang Qiren // *Maoism at the Grass Roots: Everyday Life in China’s Era of High Socialism* / edited by Jeremy Brown and Matthew Johnson. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015.

Yang 1945 — Yang, Martin C. *A Chinese Village: Taitou, Shantung Province*. New York: Columbia University Press, 1945.

Yang 2011b — Yang, Tianshi. Chiang Kai-shek and the Battles of Shanghai and Nanjing // *The Battle for China: Essays on the Military History of the Sino-Japanese War of 1937–1945* / edited by Mark Peattie, Edward Drea, and Hans van de Ven. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2011. P. 143–158.

Yick 1995 — Yick, Joseph K. S. *Making Urban Revolution in China: The CCP-GMD Struggle for Beijing-Tianjin, 1945–1949*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1995.

Young 1983 — Young, Ernest P. *Politics in the Aftermath of Revolution: The Era of Yuan Shih-k'ai, 1912–16* // *The Cambridge History of China*. Vol. 12. *Republican China, 1912–1949. Part 1* / edited by John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 208–255.

Yue 1985 — Yue, Daiyun, as told to Carolyn Wakeman. *To the Storm: The Odyssey of a Revolutionary Chinese Woman*. Berkeley: University of California Press, 1985.

Zaleski 1980 — Zaleski, Eugène. *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952* / translated by Marie-Christine MacAndrew and John H. Moore. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980.

Zhou 2012 — Zhou, Xun, ed. *The Great Famine in China, 1958–1962: A Documentary History*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2012.

Zhu 2005 — Zhu Di. *Yijiu wuqi nian de Zhongguo [China in 1957]*. Beijing: Huawen chubanshe, 2005.

Zweig 1978 — Zweig, David S. The Peita Debate on Education and the Fall of Teng Hsiao-p'ing // *China Quarterly*. 1978. № 73. P. 140–159.

Предметно-именной указатель

- 3-й Штаб 340–342, 350
4-е министерство машиностроения 295, 360
8-я Маршевая армия 40, 44
11-й пленум ЦК КПК 329
- Академия наук Китая 459
Академия общественных наук Китая 459
Алые гвардейцы 359–364, 380
Аньхой 255, 385, 387
- Бангладеш 484, 487, 499
Банда четырех 13, 365, 441, 470–472
Бартерная торговля 141–143, 149
Берия Лаврентий 198, 201
Берлинская стена 196
Берут Болеслав 203–204
Благотворительные организации 107, 125–126
Бо Ибо 341
Боксерское восстание (1900 г.) 15
Болгария 196–197, 496
Большевики 50
Большой скачок (1958–1960 гг.)
 Бюрократический гнет 252–263
- В городских районах 26, 266–267
В сельской местности 244–247
Голод 17, 26, 263–269, 276, 281
Демографические последствия 263
И Движение против *правого уклона* 237
И коммунальные столовые 244
И КПК 25, 236
И культурная революция 17, 252, 277
И насилие 252
И подложная отчетность 281
И промышленность 269–277
И раскол между КНР и СССР 155
И самообман 247–252
И советская промышленная система 273
И строительные проекты 244
И экономика 238–241, 269–270, 273–274, 276
Истоки 237–244
Классовая борьба 236, 238, 240–241, 253, 258–262
Коллективизация 237, 239, 246, 276

- Массовая мобилизация на труд 17, 244, 261, 270, 508
 Непреднамеренные последствия 279
 Распределение ответственности 281–285
 Смертность 263–265, 267
 Спад в области промышленности 17, 30
 Статистика 264–268, 275
 Чистки 242, 258
 Борьба против пяти зол 194
 Борьба против трех зол 429–430, 453
 Борьба против трех зол и пяти зол 124, 126, 194
Борьба с контрреволюционным переворотом антипартийной клики Линя и Чэня 439
 Брак 126, 128–129, 151, 154
 Бригады трудовой взаимопомощи 91–94
 Буддизм 110–111
 Бухарин Николай 50, 239
 Бюрократия
 В деревнях 95, 99, 246
 Городская 104
 И *большой скачок* 159, 242, 246–262
 И классовые категории 172–173
 И КПК 124, 188, 224
 И Мао 131, 158–159
 И самообман 247–252
 И трудовая реформа 412–413
 И экономика 131, 193, 200
 Милитаризованная 69
 Советская модель 157, 160, 193
- В продолжение об историческом опыте диктатуры пролетариата* 215
 Ван Гуанмэй 341
 Ван Дабинь 405
 Ван Дунсин 306
 Ван Жэньчжун 262
 Ван Ли 312, 382–383, 387, 430
 Ван Мин 41, 49, 52, 54
 Ван Мэн 217
 Ван Сичжэ 452
 Ван Хунвэнь 12–13, 356, 366, 406, 471
 Ван Шивэй 52, 54, 277
 ВВП (валовой внутренний продукт) 134, 482–484, 486–489
 Великая депрессия 134–135, 276
 Великобритания 66, 146, 152, 239, 243, 496
 Велосипеды 136, 149, 153–154, 186, 491–492, 496
 Венгрия 146, 156, 200, 496, 512
 Десталинизация 199, 225
 Переворот 204, 206–209, 215–216, 224
Вестник «культурной революции» 317
 Власти
 Военные 451
 Городские 352
 И партийный контроль 162, 218
 Местные 28, 84–85, 127, 148, 270, 358–362, 372, 383, 414, 430, 449
 Национальные 311–315
 Партийные 296, 323, 360, 363, 477
 Сельские 247, 292

- Центральные 261, 356,
369–370, 375, 390, 394, 407, 415,
447, 450, 455
- Внутренняя Монголия 65–66,
111, 373, 414
- Военное положение 18, 29, 198,
208, 397, 514
- Военный округ города Ухань
379–381, 383
- Военный округ Гуанчжоу 385, 451
- Военный округ Нанкин 365, 370,
377, 387, 450
- Военный округ Чжэцзян 386
- Восточная Германия (Германская
Демократическая Республика)
167, 196–198, 228, 496
- Восточная Европа
- Восстания 212
- И Китай 133, 488–489
- И *тайная речь* Хрущева 235
- Неравенство доходов 496
- После Сталина 24, 195,
200, 287
- Сворачивание коммуниз-
ма 514
- Экономика 146, 489, 497
- Восточный ветер*, повстанческая
фракция 378, 385, 418
- Всекитайская федерация проф-
союзов 116
- Вторая культурная революция*
446–455, 458, 479
- Вторая мировая война 38, 58, 66,
122, 133, 152, 158, 195, 507
- Второй полк* 366, 376
- Вьетнам 36, 393
- Вэй Гоцин 393
- Вэн Сэньхэ 458
- Вэньхуэйбао*, газета 463, 465
- Газета НОАК* 317
- Генеральная линия КПК в пере-
ходный период (Мао Цзэ-
дун) 132
- Герё Эрнё 207
- Германия 22, 119–120, 134,
196–198, 228, 496
- Главная трикотажная фабрика
города Пекин 423
- Голод
- В провинции Хэнань 500
- В СССР 94
- И *большой скачок* 17, 26,
263–269, 276, 281
- И гражданская война 59, 64
- Смертность 263–265, 267, 476,
500–501
- Гомулка Владислав 205–206
- Гонконг 84, 118, 139, 484, 487,
512–513
- Городские районы
- Бюрократия 104
- В гражданскую войну 62
- Возвращение ссыльных
в города 450
- И *большой скачок* 26, 266–267
- И Движение за социалистиче-
ское воспитание 292–293
- И кампания по подавлению
контрреволюции 104
- И классовые категории 177
- И коллективизация в сельских
районах 126
- И КПК 74
- И националисты 62
- И *Сто цветов* 228–229, 234
- Изгнание из городов в сель-
скую местность 410–412
- Качество жизни 474

- Миграция в города 127, 148
Население 62, 104–105, 127, 138, 178, 181–182, 267, 274, 284, 412, 432
Революция в городах 102–131
Система регистрации домохозяйств 126–129
Государственное статистическое управление КНР 252
Государственный совет КНР 305
Госпредприятия
Бартерная торговля 141
Забастовки 116
И Движение за социалистическое воспитание 293, 295–296
И КПК 102
И социалистическая трансформация промышленности 128–129
И трудовая реформа 412
И частный сектор 124–125
Накопление товаров на складах 142
Готвальд Клемент 197
Гражданская война (1945–1949 гг.)
В сельских районах 60
Гиперинфляция 60
Земельная реформа 60–61
И КПК 33, 38, 57
Конец 64–65
Линь Бяо 58, 62–64
Массовая мобилизация 21, 59, 61
Наследие 33, 67–69
Националисты 16, 33, 37–38, 57–60, 62–66
Группа по делам культурной революции при ЦК КПК (ГДКР) 311–314
И захваты власти 367–371
И НОАК 338
И повстанческие фракции 345
И *Противостояние элементам 16 мая* 430
И рабочие-повстанцы 431, 477
И революционные комитеты 354
И студенчество 316–318, 328, 331, 337–340, 344–345
И Уханьский инцидент 382, 385, 387
И хунвэйбины 317–319, 329, 337–340, 343–344, 352
И Хэйлунцзян 369, 371, 374
И Январская революция 364, 366
Противодействие в отношении 346–348, 352
Гуандун 71, 83, 230, 246, 254, 370–371, 378, 394, 413, 418
Гуанси 43, 393–394, 407
Гуанчжоу 64, 228, 370, 373, 378, 380, 385, 450–452, 454
Гуань Фэн 312, 346, 430
Гуйчжоу 89, 109, 369
Гэ Ян 221
Гэн Цзиньчжан 366
Далай-лама 66–67
Даосизм 110–111
Дарвин Чарльз 121
Движение за социалистическое воспитание 291–298, 320–322, 360, 421, 505
Движение против правого уклона 24–26, 231–238, 242, 248, 272, 276, 285, 475
Движение 4 мая 228

- Девятый комментарий* 300
 Дела личные 54, 150–151, 167,
 174, 183–184, 210, 340–341, 351
 Демократические движения 433,
 437, 451, 514
 Демократия 51, 116, 120, 191, 222,
 224–225, 259, 348, 451, 453–454
 Десталинизация 198–200, 203,
 205, 211–213, 233, 235, 299, 304
 Дин Лин 52, 209
 Династия Мин 64, 289
 Династия Цин 14–15, 38, 64, 66
 Директива от 6 апреля 374–375
 Доклад о крестьянском движе-
 нии в провинции Хунань (Мао
 Цзэдун) 74
 Дэн Сяопин
 И ГДКР 313–314
 И Мао 27, 215, 326
 И последствия *большого*
скачка 281–282, 284
 И экономика 455, 479
 Порицание 465, 468–469
 Противодействие в отноше-
 нии 215
 Реабилитация 445, 513
 Смещение 30, 308, 456, 461, 470
 Дэн То, 139, 187, 193
 Дэн Цзыхуэй, 55, 154
 Ду Юэшэн, 68
- Е Цюнь 314
Единое командование, повстанче-
 ская фракция 393–394
Единство пяти национально-
стей 65
 Единый фронт 73, 213
Единый штаб, повстанческая
 фракция 386
- Железные дороги 356, 362–
 363, 457
 Женская средняя школа высшей
 ступени при Пекинском
 педагогическом университе-
 те 330
 Женщины
 В секс-торговле 114–115
 И классовые категории 177
 И КПК 52–53
 И сельская трудовая рефор-
 ма 245
 И танец верности 427
 Как члены КПК 171–172
 Как члены секты *Игуаньдао* 111
 Насилие в отношении 81
 Жилищные комитеты 128, 153
 Жилье 22
 В городах 31, 138, 148
 Дефицит 358, 490, 493
 И *большой скачок* 245
 И разводы 154
 И регистрация 126
 И экономический застой 485
 И госпредприятия 145,
 147–148, 157
 И партийный статус 105, 188
 И советская модель 136
 Нормирование 53, 152–153
Жэньминь жибао, газета 117, 212,
 215, 217, 231, 288–289, 307, 330,
 355, 384, 415, 424, 471
- Забастовочные пикеты района*
Сичэн, межвузовский союз
 335–339, 344, 348–350, 352
Записки из деревни трех дворов 289
 Захваты власти 28, 34, 353–354,
 363–365, 367–371, 373, 375–379,

- 437, 439, 444, 447, 470–471, 477, 506
- Здравоохранение 148, 482
- Зеленая банда 112–113
- Земля*, повстанческая фракция 395–396, 398–399
- Земельная реформа
- И качество жизни 90
 - И классовые категории 84
 - И коллективизация 70, 91
 - И местные элиты 70, 73, 78–79, 82, 100–101
 - И насилие 61, 86
 - Как классовая борьба 70–78
 - Как террор 60
 - Политические последствия 78–85
 - Экономические последствия 85–87
- Землевладельцы
- Гонения 60–61, 232, 234
 - И *большой скачок* 261–263
 - И земельная реформа 61, 78–79, 86–87, 90, 325
 - И интеллигенция 119
 - И классовые категории 175–176, 178
 - Мао о землевладельцах 72–74, 76, 253, 329
 - Размер угодий 85–86
 - Чистки 417
- Игуаньдао* 110–111
- Индия
- И Тибет 65–66
 - Неравенство доходов 495–496, 498–499
 - Экономика 483–484, 487–489
- Индонезия 483–484, 487, 495–496, 499
- Иностранцы 107, 224, 492
- Инцидент 18 июня 325
- Инцидент на площади Тяньань-мэнь (апрель 1976 г.) 30, 443, 466–470
- Институт авиации и воздухоплавания 337, 339–340, 345, 354, 405
- Институт геологии *Алеет Восток* 337–340, 350, 353–354
- Интеллигенция
- В городских районах 103–104, 116
 - В Польше 204
 - В СССР 173
 - И десталинизация 233
 - И классовые категории 175
 - И Мао 329, 515
 - И свертывание политики *большого скачка* 279, 286
 - И *Сто цветов* 288
 - И членство в КПК 51, 54
 - Перестройка образа мышления 118–119, 209, 409
 - Террор в отношении 194, 285–286, 504
- Ислам 110–111
- Исправление стиля работы, кампания 214, 216–218, 224–225, 227, 231, 233, 298, 304, 306, 312, 316, 505
- Ити-го*, операция 43
- Кадры
- В университетах 185, 324–325
 - Во время *большого скачка* 25, 236, 246–247, 249–251, 254–257, 261–263, 510

- Во время *второй культурной революции* 446–452
Во время *культурной революции* 308–309, 414, 436, 504
Военные 438
Городские 102–103, 105
Злоупотребления со стороны 124
И бюрократическая трудовая реформа 412–413
И Движение за социалистическое воспитание 294–297
И Движение против правого уклона 251, 510
И земельная реформа 37, 60, 74, 174
И кампании по исправлению стиля работы 215–216
И Мао 158
И партийная дисциплина 47, 68
И политические кампании 270
И протесты во время праздника *чистого света* (1976 г.) 461
И профсоюзы 116
И религиозные секты 111
И *Сто цветов* 24, 123
Критика 217–221, 475
Ограничения в отношении 189–190
Привилегии 186–188
Против экспертов 241
Реабилитация 444–445
Революционные 161–162, 177–178, 181, 320, 330, 367
Сельские 71, 81, 88, 94, 99–100, 166, 229–230, 232, 247, 249, 254–256, 261, 411, 505
Система ранжирования 186
Чистки в отношении 48, 51–57, 292, 308–309, 311, 313, 414, 416–417, 432
Кампании по контролю за рождаемостью 129, 483
Кампания за борьбу, критику и преобразование 402, 405–406, 413
Кампания идеологической перестройки 117, 324
Кампания критики Линь Бяо 435, 437
Кампания *Один удар по контрреволюции и борьба против трех зол* 429, 453
Кампания по исправлению стиля работы (1942–1944 гг.) 214, 216–217, 224–225, 227, 298, 304, 306, 312, 505
Кампания по ликвидации контрреволюционеров 168, 200, 210, 213, 222
Кампания подавления контрреволюции 48, 89–90, 104, 107, 111, 113, 115, 126, 501
Кампания против контрреволюционной клики Ху Фэна 210, 213, 222
Кампания противостояния США и поддержки Кореи 119
Кампания *Сто цветов*
В университетах 123
И интеллигенция 123, 286
И исправление стиля работы 214, 216
И коллективизация 230
И КПК 214–215, 217
И Мао 24, 26, 211–213, 235, 475

- И рабочие 221, 228–231
- И советская модель 211
- Последствия 231, 508
- Реакция общественности 217–231
- Сопrotивление в отношении 214–215
- Кан Шэн
 - И *культурная революция* 296–298, 314–315
 - И повстанческие фракции 391, 398
 - И разрыв между КНР и СССР 300
 - И упорядочение стиля работы 54, 56, 214, 304–305, 312
 - И чистки 314–315, 320
 - О суициде 416
- Капитализм
 - Глобальный 9
 - И *культурная революция* 308
 - И Мао 23, 158–159, 290–291, 294, 507, 509–511, 515
 - И наука 122
 - И СССР 300–301, 495, 509–510
 - И Сталин 93
 - Недостатки 137
 - Рыночный 144, 147, 191, 274, 484, 512
- Католическая церковь 80–81, 107, 205
- Качество жизни
 - В сельской местности 90, 440, 497–499
 - В городах 474, 490–497
 - И десталинизация 198, 200
 - И индустриализация 487–488
 - И постмаоистские реформы 511
 - И рабочие ячейки 150, 490, 494
 - И советская модель 22, 155, 358, 488–490
 - Критика 222, 433, 442
 - После *культурной революции* 19, 436–437
 - Требования относительно повышения 360, 477
- Квартальные организации 129
- Ким Ир Сен 203
- Классовая борьба
 - В Восточной Германии 196
 - В маоизме 293, 502–509
 - В СССР после Сталина 191
 - И *большой скачок* 240–241, 253
 - И Движение за социалистическое воспитание 294
 - И Движение против правого уклона 236, 238, 285
 - И десталинизация 199
 - И земельная реформа 70–78, 84
 - И интеллигенция 173
 - И КПК 258–262, 352
 - И Мао 102, 216, 232–233, 278–280
 - И наука 122
 - И победа коммунистов 50
 - И *Сто цветов* 508
 - При социализме 21, 235, 291–292, 299, 505, 508
- Классовые категории
 - И возможности 184
 - И меритократия 182, 184, 410
 - И пол 174, 176–178
 - И поступление в вузы 180–184
 - И рекрутирование в вузы 410
 - И чистки 413–421
 - И членство в КПК 55, 174, 176
 - Регистрация 174

- КНДР 203–204
Коллективизация
 В СССР 202
 В Польше 206
 И *большой скачок* 95, 237, 500
 И государственная система закупок 98
 И земельная реформа 70
 И качество жизни 499
 И крестьяне 70, 95–96
 И Мао 92–94, 200, 239, 290
 И маоизм 500
 И регистрация домохозяйств 126–127
 И сельскохозяйственные кооперативы 94
 И социальная структура 99
 И экономика сельских районов 94–95, 101
 Кабальный труд 70
 Противодействие 94, 196, 205–206, 230
 Сектора услуг 104
 Ускоренная 196
 Этапы 91–92
Командование гарнизона города Пекин 354, 400
Команды пропаганды 401, 403, 459
Комитеты военного контроля 105, 386, 391, 402, 413, 415, 422, 433
Коммунистическая партия Китая (КПК)
 Во время *большого скачка* 236, 242, 250, 252–253, 255, 257–262, 272
 И бюрократия 51–52, 69–70, 124, 131
 И гражданская война 16, 32–33, 37–38, 61, 69, 82, 109
 И Движение против правого уклона 24
 И Дэн Сяопин 313–314
 И *культурная революция* 308–309
 И Мао 301–307
 И профсоюзы 103, 113, 115–116
 И рабочие-повстанцы 477
 И религиозные секты 110–114
 И сопротивление японским оккупантам 16
 И *Сто цветов* 123, 211, 213–216
 Иерархия 29, 51, 54, 57, 124, 133, 164–165, 169, 183, 187–190
 Лояльность 178
 Милитаризация 34, 38, 69
 Надзор со стороны 163, 166–169
 Отдел пропаганды 287–288, 296–298, 303, 306–307, 311–312
 Партийная дисциплина 47–51
 Партийные чистки 47, 51–57, 308–309, 321
 Победа в 1949 г. 9, 12–14, 16, 32–34, 43
 Секретариат 297, 311, 313–314, 325
 Сталинизация 21, 48
 Чистка 1927 г. 15, 32, 44, 77, 112
 Эволюция 160–192
Коммунистический союз молодежи Китая 228
Конференция семи тысяч кадров (1962 г.) 306
Конфуцианство 110

- Корейская война (1950–1953 гг.)
89, 107, 111, 119, 132, 203
- Корнаи Янош 144
- Коррупция 59, 81, 99, 104, 112,
124–125, 130, 188, 232, 247,
291–292, 294–295, 515
- Красная армия 33, 38–39, 79–81,
161, 176
- Красная буря*, повстанческая
фракция 378
- Красная книжечка (Цитаты
председателя Мао Цзэдуна)*
304, 434, 444
- Красное знамя*, журнал 305, 312,
342, 348, 384
- Красное знамя*, повстанческая
фракция 378, 385, 418, 451–452
- Красные революционеры*, по-
встанческая фракция 365–
366, 376
- Краткий курс истории ВКП(б)*
49–50, 92–93, 132, 239, 259,
502, 505
- Крестьяне
И *большой скачок* 25, 237–239,
244–250, 252–256, 263, 281–
282, 288
И военный контроль 405, 411
И земельная реформа 60–61,
85–87, 90, 101
И коллективизация 94–100
И *культурная революция* 399
Как закабаленная рабочая
сила 70
Как члены КПК 165–166
Классовые категории 175, 178
Мао о крестьянах 72, 74–77,
503–505
Национализм 35
- Традиционные моральные
представления 36
Уровень жизни 31, 36, 59,
85–87, 440, 497, 499
- Критика
И *большой скачок* 236–237,
240–242, 251–253, 256–260,
289–290
И *культурная революция* 30
Науки 122
Партийных кадров 24–25,
51–54, 88–89, 214–222, 230, 284,
286–290, 321
Религиозных сект 111
Самокритика 117–118, 120–121,
252, 279–280, 296–298, 305
Собрания критики и борьбы
60–61, 74–75, 78–80, 86, 108,
263, 292, 295, 297, 325,
327–328, 332, 337, 339
- Кружок Петёфи 206–207
- Куай Дафу 341, 352–354, 395,
397–399, 404
- Культурная революция* (1966–
1976 гг.)
И *банда четырех* 13
И *большой скачок* 277
И бюрократическая система
252, 308–309
И Движение за социалистиче-
ское воспитание 296, 298
И Линь Бяо 30, 435, 454
И Мао 132, 192
И НОАК 317, 338
И рабочие 316
И разрыв с СССР 299
И студенчество 310, 316–331
И университеты 296, 319–330,
333, 337–338, 341, 347–348

- И учащиеся средних школ
высшей ступени 347
- И хунвэйбины 17, 319–337,
345–351
- И Чжоу Эньлай 313–314, 335,
338–339, 341
- И экономика 440
- Истоки 28
- Мобилизация массового
мятежа 310, 315–319
- Насилие 315, 323, 325–326,
332–336, 338–339
- Откат 30
- Повстанческое движение
337–341
- Подготовка Мао 300–301
- Чистки руководства 308–310
- Культ личности
- В Восточной Европе 196
- И десталинизация 199
- Ким Ир Сена 204
- Мао 29–30, 49, 51, 211–213,
289, 300, 304, 324, 422–424,
426–428, 433–434, 440–441,
444, 480, 515
- Сталина 24, 195–196, 201–204,
223, 506, 508
- Ламарк Жан-Батист 121
- Ли Ичжэ 452
- Ли Лисань 116
- Ли Хуайинь 99
- Ли Чжэнтянь 452
- Линия фронта*, журнал 289
- Линь Бяо
- И заговор против Мао
433–434, 470
- И *культурная революция* 30,
435, 454
- И Мао 283, 303, 314, 371, 374,
422, 435
- И НОАК 58, 62–63, 303, 306
- И Чжоу Эньлай 398, 435
- Критика 30, 435, 437–444,
446–448, 452–454
- Последствия кончины 18,
461–462
- Смерть 18, 29, 433–434
- Линь Силин (Чэн Хайго) 222,
224–225
- Литература 52–53, 210, 220, 223,
234, 287, 303
- Ло Жуйцин 306–307
- Лу Дингъи 306–307
- Лу Пин 297–298
- Лучжоу 384
- Лушаньский пленум (1959 г.)
257–258, 260, 276, 283, 285,
289, 303
- Лысенко Трофим 122–123
- Лю Шаоци
- И *большой скачок* 26, 279,
281–285, 292
- И гражданская война 63
- И Движение за социалистиче-
ское воспитание 294, 322, 505
- И Движение против правого
уклона 234
- И *культурная революция*
307–309, 314, 322, 326, 341–
342, 350
- И Мао 26–27, 214–215, 285
- И партийная дисциплина 45
- И чистки 296, 302
- Разжалование 308–309, 314, 342
- Смерть 30, 445
- Ляо Моша 289
- Ляонин 394, 460

Маньчжурия 14

- Боевые действия 33, 38, 58,
60–62, 102–103
- Массовая мобилизация 61–62,
134, 160, 277
- И националисты 16, 33
- Японская интервенция 16,
39, 44

Мао Цзэдун

- В гражданскую войну 57–58,
67–69
- Вердикт КПК в отноше-
нии 473
- Зачистки по инициативе 212,
302, 308
- И *банда четырех* 12–13
- И *большой скачок* 274, 475, 481
- И бюрократия 510
- И вооруженные силы 41,
77–78, 277
- И *вторая культурная револю-*
ция 479
- И ГДКР 313, 339
- И Движение за социалистиче-
ское воспитание 291, 294
- И Движение против правого
уклона 24–26, 234, 238, 475
- И десталинизация 211–213
- И Дэн Сяопин 27, 215, 326
- И женщины 53
- И захваты власти 28, 369
- И кампания по зачистке 427
- И кампания по исправлению
стиля работы 214, 216–217
- И классовая борьба 102, 216,
232–233, 278–280
- И коллективизация 93
- И крестьянская революция
71–72, 74

И *культурная революция*

- 132, 192
 - И Линь Бяо 283, 303, 314, 371,
374, 422, 435
 - И Лю Шаоци 26–27, 214–215, 285
 - И марксизм 49–50
 - И рабочие-повстанцы 357
 - И революционные комите-
ты 365
 - И сворачивание политики
большого скачка 284
 - И советская модель 92, 132
 - И Сталин 63, 506
 - И *Сто цветов* 24, 211–213, 475
 - И Уханьский инцидент
382–383
 - И учащиеся средних школ
высшей ступени 328–329
 - И хунвэйбины 17, 328–329
 - И Чжоу Эньлай 27, 63, 240, 305
 - И экономика 488
 - И Январская революция 28
 - Как культурный символ 13, 132
 - Культ личности 29–30, 49, 51,
211–213, 289, 300, 304, 324,
422–424, 426–428, 433–434,
440–441, 444, 480, 515
 - Личная лояльность 422
 - Наследие 479–480
 - О *народной войне* 44
 - О национальных меньшин-
ствах 66
 - Период после смерти 234, 263,
430, 471
 - Подарок в виде манго 424–425
 - Смерть 12, 470
- Маоизм
- И бюрократия 23, 502
 - И вооруженные силы 304

- И интеллигенция 504
- И культ Мао 195, 422
- И *культурная революция* 310–311, 445
- И марксизм-ленинизм 502, 512
- И СССР 293, 495
- И сталинизм 195
- И уровень жизни 498–499
- И Чэнь Бода 51, 304, 438
- И экономика 447, 488
- Изучение 402, 424
- Команды по пропаганде 400, 403, 424–425
- Насилие в период 504
- Несогласие 437–438, 479
- Пределы 502–511
- Смертность 500–501
- Тяжелые последствия 482
- Мао Юаньсинь 460, 468, 471
- Марксизм-ленинизм
 - В сравнении с маоизмом 304
 - И интеллигенция 116, 118
 - И Мао 49–50, 71, 239, 312, 502
 - И постмаоистские реформы 512
 - И революция в деревнях 71
 - И советский ревизионизм 301
 - После гибели Линь Бяо 462
- Машиностроительный завод реки Янцзы 295, 359
- Медведев Жорес 122
- Миграция из сельской местности в города 127, 148, 497
- Милитаристы 15, 59, 72–73, 75, 130
- Миллион героев*, повстанческая фракция 380–383
- Министерство геологии КНР 337–340
- Министерство обороны КНР 337, 339–340
- Министерство общественной безопасности КНР 167, 354
- Мичурин Иван 121–123
- Мобилизация
 - В сельских районах 35–36, 78–79, 244
 - В городских районах 103–104
 - Во время *большого скачка* 17, 244, 261, 270, 508
 - Во время гражданской войны 59, 61, 160, 309, 503
 - Во время *культурной революции* 310, 315–319
 - Во время Январской революции 363, 366
 - Военная 21, 34, 37–38, 44, 58, 61, 69, 131, 134, 152
 - И коллапс местных властей 359–360
 - И Мао 17, 235, 277
 - И социалистическая экономика 128, 155
 - Политическая 35, 157, 239–240, 481, 507
 - Против партийного истеблишмента 192
 - Студентов 221–222, 228, 324, 514
- Монголия 64–65, 414, 437
- Му Синь 312
- Надзор 106, 163, 166–169, 213
- Надь Имре 199, 206
- Нанкин
 - Волнения студентов 228
 - Захваты власти 368, 370, 373
 - Как столица националистов 40, 64

- Партийный комитет 295–296, 360
- Повстанцы 356, 387–388, 432, 461, 469
- Протесты 449–451, 464–466, 479
- Фракционные столкновения 376–378, 380, 391, 406–407
- Нанкинский университет 10, 321, 463
- Нанцзин, деревня (провинция Гуандун) 83–85
- Наркоторговля 22, 114, 130, 482
- Народная коммуна Шанхая 28
- Народная партия Внутренней Монголии 414
- Народно-освободительная армия Китая (НОАК)
- В городских районах 102–103, 105–107
- В провинции Хэйлуцзян 372
- В сельских районах 89
- Во время гражданской войны 58, 60, 62–64
- И земельная реформа 89
- И Кампания по подавлению контрреволюции 107
- И Линь Бяо 58, 303, 306
- И Мао 103, 303, 306
- И повстанческие фракции 372, 388, 393–394
- И Тибет 66–67
- И хунвэйбины 317, 338
- Как замена гражданского партийного государства 394
- Численность 38
- Насилие
- В городских районах 104
- В отношении женщин 81, 411
- В сельских районах 73, 81, 430
- В СССР 93–94
- В трудовых лагерях 110
- В университетах 323, 325–326, 395, 408
- Во время *большого скачка* 252, 280–281
- Во время *культурной революции* 315
- Во время проведения земельной реформы 60–61, 86, 194
- Во время чисток 55–56, 416
- И повстанческие фракции 377, 381
- Мао о насилии 74–77, 502–505
- Со стороны хунвэйбинов 332–336, 338–339, 342–343, 349–350, 355
- Статистика 389, 409
- Наука 119, 121–123, 213, 218–219, 285–287, 289, 321, 423–424, 459, 461, 474, 507, 513
- Национальная партия Китая (Гоминьдан)
- В городских районах 103, 106–107, 109
- В гражданскую войну 57–65, 82
- И бандитизм 130
- И идеи Мао 74
- И классовая принадлежность 46, 176, 178
- И коррупция 130
- И КПК 16, 32, 38–39, 51, 261–262, 359
- И подпольные агенты 107
- И профсоюзы 115
- И тайные общества 110, 112, 130
- И сопротивление японским захватчикам 39–41, 43

- И чистки 51, 417
- Освещение 15
- Национальные меньшинства 65–66, 426
- Не Юаньцзы 297–298, 320–321, 323–324, 347, 352–356, 395, 398, 402–403, 417
- Небо*, повстанческая фракция 399
- Нинся-Хуэйский автономный район 404
- Новая 4-я армия 40–42, 44
- Нормирование
 - В Восточной Германии 196
 - В городах 127
 - Жилья 53, 105
 - Зерна 127, 497
 - И кадровые ранги 187–188
 - И неравенство доходов 496–497
 - И регистрация домохозяйств 126
 - Методика 151–153
 - Потребительских товаров 31, 105, 151, 153–154, 492
- Нэйбу цанькао (Внутренняя справка)*, издание 187, 227, 317
- О десяти важных взаимоотношениях (Мао)* 213
- О правильном разрешении противоречий внутри народа (Мао)* 232
- О социалистической демократии и правовой системе* 452–453
- Об историческом опыте диктатуры пролетариата* 212, 214–215
- Образование
 - Восстановление по инициативе Дэна 459–461
 - И возможности 180, 183–186
 - И классовая борьба 285
 - И классовые категории 26, 100, 173, 176, 179–180, 183
 - И КПК 23, 53, 117, 172, 176, 179, 184–186, 218–219, 222
 - И культурная революция* 460
 - И Мао 158, 321, 456
 - И политическая подготовка 330
 - И рабочие ячейки 150
 - И Сто цветов* 234, 288
 - Иностранное 116, 119–120
 - После Мао 31
- Объединенные действия (Ляньдун)*, организация 347, 350–351
- ООН (Организация Объединенных Наций) 66
- Ополчение
 - Местное 72, 79, 82–83, 366
 - Рабочих 449, 458
- Организация Варшавского договора 204
- Отбросьте ГДКР и устройте собственную революцию*, лозунг 346
- Охаб Эдвард 204–205
- Пакистан 424, 484, 495–499
- Пань Фушэн 367, 371
- Парижская коммуна 28, 74, 472
- Партийный комитет города
 - Нанкин 295, 360
- Партийный комитет города Пекин 288
- Партийный комитет города Шанхай 356–357, 363–365, 380
- Партийный комитет провинции Цзянсу 368, 376, 449

- Партизанская война 21, 34–38, 41, 49, 58, 303
- Пекин
- Захват КПК 64
 - И кампания *Один удар по контрреволюции и борьба против трех зол* 430
 - И протесты на праздник *чистого света* 464–466
 - Повстанческие фракции 352–354
 - Протесты против правления Мао 18
 - Религиозные секты 111
 - Хунвэйбины 317–322, 329–330, 332–334, 343, 345–348, 362
- Пекинская коммуна 352, 365, 368
- Пекинский педагогический университет 330, 353–354, 395, 404
- Пекинский университет
- И Движение за социалистическое воспитание 296–298
 - И повстанческие фракции 353, 395–396, 402–403
 - И *Сто цветов* 222–225
 - И хунвэйбины 319, 329–330, 347
 - Инцидент 18 июня 323–325
 - Политическая активность 184, 222, 228
 - Преподавательский состав 409–410, 417
 - Стенгазеты 222, 320, 329, 346–347, 402–403
 - Чистки 416–417
- Передвижения 127, 498
- Политбюро КПК
- И *культурная революция* 311
 - И Линь Бяо 283, 438–439
 - И Чжоу Эньлай 314
 - Постоянный комитет 258, 314
 - Радикалы в составе 445, 454, 462–465, 467–471
 - Состав 13, 163, 312
- Политика в области торговли 269
- Полиция 103–104, 106–107, 198, 336, 468
- Польша
- Восстания 204–207, 228
 - Десталинизация 199, 203
 - И *Сто цветов* 225
 - И *тайная речь* Хрущева 203
 - Экономика 146, 200, 496, 512
- Потребительские товары 31, 136–138, 149, 151–154, 187, 238–239, 363, 485, 487, 490–492
- Правые уклонины 178, 231–234, 236, 238, 251, 255, 260, 286, 351, 372, 508, 510
- Преступность
- В городской местности 21, 106, 112–113, 482
 - В сельской местности 21, 83–84, 482
 - Кампании против 104, 106–109, 112–115, 482
 - Ликвидация 89–90, 130
 - Торговля наркотиками и сексуальными услугами 22, 104, 114–115, 130, 482
- Провинция Цинхай 373
- Производство 17, 19, 25, 31, 96–98, 101, 105, 125, 129, 133, 135–145, 137, 151, 156–157, 168, 170, 175, 193, 195, 214, 237–249, 251, 265–273, 276–277, 356–358,

- 360, 367, 379, 392, 406, 455,
457–458, 485–487, 493, 509–510
- Промышленность
- В Восточной Германии 198
 - В сельской местности 127
 - Во время *большого скачка*
245–246, 269–277, 476
 - Государственный сектор 129
 - И *вторая культурная революция* 479
 - И качество жизни 31, 155, 358,
433, 477, 488–492
 - И *культурная революция*
315–316
 - И Мао 482–483
 - И переход к социалистической
экономике 102
 - Легкая 239
 - Материальные стимулы
289, 459
 - Модернизация 456
 - Надзор 404
 - Национализация 104, 199, 237
 - Организация 139–140, 191, 197
 - Производительность 279, 282,
486–487
 - Протесты рабочих 116, 205,
229, 361–366, 433, 475, 477
 - Рыночные механизмы 506
 - Советская модель 22, 97, 506
 - Социалистическая трансфор-
мация 92, 128, 212, 214
 - Спад 17, 455, 481, 485, 487
 - Тяжелая 133, 136–137, 144–146,
151, 155, 195–196, 239–240,
243–244, 485, 487–488
 - Феномен складирования 144
 - Частный сектор 124–125
- Протестантские церкви 107, 196
- Протесты
- В Восточной Европе 197, 200,
206, 208, 228, 235
 - В Нанкине 228, 449–451
 - В сельской местности 229–230
 - Во время *второй культурной*
революции 447
 - Во время праздника *чистого*
света 461–468
 - И *Сто цветов* 231–232
 - На площади Тяньаньмэнь 30,
397, 443, 466–473
 - По поводу качества жизни
361–362
 - Подавление 89
 - Против правления Мао 18
 - Студенческие 25, 318, 324,
332–333, 337–340
- Противостояние элементам
16 мая 430, 449
- Профсоюзы
- Во время *большого скачка* 271
 - И криминальные сообще-
ства 113
 - И КПК 130, 359
 - И тайные сообщества 112–113
 - Марионеточные 229
 - Обуздание 115–116
- Пытки
- В отношении монголов 414
 - Во время *большого скачка* 255
 - Во время земельной реформы
61, 80
 - Во время *культурной револю-*
ции 315
 - Во время чисток 48, 416, 421
 - И борьба против трех зол 124
 - И власть в руках военных 401
 - И повстанческие фракции 385

- Пэн Дэхуай 26, 41, 258, 260, 278, 283, 290, 303, 305
- Пэн Пай 71
- Пэн Пэйюнь 297
- Пэн Чжэнь 213, 215, 217, 288, 298, 306–307
- Пэн Чун 392
- Пятилетние планы 134, 238–239
- Рабочая конференция ЦК
КПК 342
- Рабочие
- Во время *большого скачка* 25, 269, 271, 274
 - Во время культурной революции 316
 - Заработные платы 115, 138, 197, 205, 361, 477, 490
 - И военный контроль 401, 405, 423, 432
 - И *вторая культурная революция* 458
 - И кампания против 16 мая 431
 - И *Сто цветов* 228
 - И Январская революция 28, 362–366
 - Как члены КПК 165–166
 - Классовые категории 114, 118, 178
 - Повстанческие фракции 355–366, 376, 396, 398–400, 431
 - Протесты 116, 197–198, 205, 228–231, 234, 361–366, 433, 475, 477
 - Требования 24, 356–357, 360–361, 363–364, 477
 - Увольнения 269, 274
 - Чернорабочие 112–114, 116, 166
- Рабочие группы
- В рамках кампаний 125, 291, 300
 - В средних школах высшей ступени 329, 332, 334
 - В университетах 320–328, 337–341, 351
 - Во время земельной реформы 81, 174
 - И Лю Шаоци 400
 - И Движение за социалистическое воспитание 291–298
 - И рабочие-повстанцы 356, 358–359
 - И хунвэйбины 342–343, 345–347
 - Протест в отношении 348
- Рабочие ячейки 105, 147
- И жилье 129, 148, 155
 - И идентичность 150
 - И кадровые ранги 186
 - И качество жизни 150
 - И образование 185
 - И потребительские товары 153
 - И услуги 129, 149
 - Контроль со стороны 129, 151
- Райк Ласло 206–207
- Ракоши Матьяш 199, 206–207
- Революционные комитеты
- В Пекине 354, 397, 400, 403–404, 425
 - В провинции Цзянсу 392–393, 405, 407, 432
 - В Шанхае 365
 - Жертвы действий 501
 - И военный контроль 385, 388, 394, 401, 429, 478
 - И захваты власти 354, 367–369, 371

- И изгнание в сельскую местность 411–412
- И Мао 365, 368, 374, 476
- И НОАК 372
- И повстанческие фракции 390, 395, 406, 430
- И чистки 413–414, 418, 478
- После смерти Линь Бяо 435
- Состав 420
- Революционный комитет города
 - Пекин 397, 400, 403, 425
- Революционный комитет города Шанхай 365
- Революционный повстанческий штаб рабочих Шанхая 356
- Революция 1911 г. 15
- Регистрация домохозяйств 104–106, 126–127, 129, 167, 497–498
- Резолюция по истории партии* 473
- Религия
 - И частные благотворительные организации 125–126
 - Подавление 100, 110, 126, 130
 - Секты 90, 100, 108–110, 130
- Речь *Сто цветов* (Мао, 1956 г.) 213
- Рождаемость 129, 263, 483
- Россия 50, 66, 133, 359, 500
- Рынки сельские 90, 95, 280–281

- Самоубийства 81, 118, 124, 292, 307, 309, 325, 332, 401, 414, 416–417
- Се Фучжи 314, 335, 349, 382–383, 416
- Северный поход 71–73
- Секс-торговля 104, 114–115, 130, 482

- Сектор услуг 149, 494, 513
- Сельские районы
 - Бедность 31, 498–499
 - Большой скачок* 26, 244–247
 - Возвращение ссыльных из сельской местности 431
 - Гражданская война 60
 - И кампания *Один удар по контрреволюции и борьба против трех зол* 430
 - И классовые категории 36
 - И КПК 32, 34–35, 41, 47, 61
 - Как место для изгнания 29, 410–412
 - Миграция из сельской местности 96, 127, 148, 497
 - Население 35, 61, 73, 78–79, 85–86, 96, 497–498
 - Националисты 38, 47
 - Нормирование зерна 96, 497
 - Промышленность 127
 - Трудовая реформа 412–413
 - Революция 60–61, 67, 70–101
- Сельское хозяйство
 - Военизация 244–245
 - Выведение рабочей силы 246, 249, 271
 - Государственный контроль 101, 138
 - И *большой скачок* 237, 240, 265–267, 269, 274, 476
 - И социалистическая экономика 506
 - Коллективизация 90–92, 94–100, 126, 194, 237, 290, 499, 513
 - Производство зерна 239, 243–244, 265–267, 271
 - Пропитание 245

- Размеры угодий 86
Социалистическая трансформация 212, 214
Статистика 72, 86, 265–268
Целевые показатели 266
Экспорт зерна 243, 269
- Силы общественной безопасности
- Во время *культурной революции* 307
 - Во время Январской революции 366
 - И кампания по подавлению контрреволюции 349
 - И протесты во время праздника *чистого света* 466, 468
 - И профсоюзы 113, 115
 - И религиозные секты 108, 111
 - И хунвэйбины 318, 332, 335, 352
 - Система слежки 169
 - Советская модель 167
- Сингапур 484, 512–513
- Синдикализм 116
- Синьхуа*, информационное агентство 187, 317, 415, 471
- Синьцзян 38, 64–66, 373
- Система Линь Бяо 452–454
- СМИ
- И *большой скачок* 249, 272
 - И вооруженные силы 379, 453
 - И культ Мао 212–213, 288–289, 422
 - И *Сто цветов* 227
 - И *тайная речь* Хрущева 203
 - И хунвэйбины 318, 330, 333
 - И Цзян Цин 303
 - И Январская революция 364
 - КПК 187
- Критика официальных лиц 287, 461
- О похоронах Чжоу Эньля 462–463
- Освещение кампаний 27, 111, 217
- Цензура 218
- Собрания критики и борьбы 60–61, 74–75, 78–80, 86, 108, 263, 292, 295, 297, 325, 327–328, 332, 337, 339
- Советская модель
- Бюрократическая 160, 190
 - И Мао 132, 237, 241, 481, 490, 509
 - И промышленность 139, 240, 360, 481, 488
 - И сельское хозяйство 97, 497
 - И *Сто цветов* 222
 - Коллапс 133
 - Недостатки 218, 279, 507
 - После Мао 511–512
 - Экономическая 91–92, 135–137, 151, 157, 239, 287
- Советский район Цзянси-Фуцзянь 32, 37, 40, 53, 78
- Сопrotивление японским захватчикам *см.* Японское вторжение
- Социалистический реализм 209, 287
- Социалистическая трансформация
- В Восточной Европе 196
 - И чистки 505
 - И десталинизация 508
 - Промышленности 92, 128, 212, 214
 - Экономики 475

- Специалисты
 Высококвалифицированные
 156–157, 172–173, 179, 191,
 241, 507
 И *большой скачок* 241–242,
 250, 272
 И классовые категории
 175, 178
 И Мао 158, 192, 424, 490
 И экономика 286
 Иностранные 107, 133, 513
 По сбыту 141
 Привилегия 53
 Реабилитация 456
 Технические 156, 192, 242, 279,
 295, 412, 481, 513
 Специальные экономические
 зоны 514
 Средние школы высшей ступени
 180, 411
 При Пекинском университете
 329, 347
 При Университете Цинхуа
 330, 333, 347
 СССР (Союз Советских Социалистических Республик)
 Во Вторую мировую войну
 133–134, 152, 195
 Голод 94, 194, 276
 Десталинизация 24, 201, 506
 Запуск спутника 134
 И *большой скачок* 238–240,
 267, 481
 И Венгрия 206–207
 И Восточная Германия 198
 И гражданская война в Китае
 58, 63
 И китайская интеллигенция 119
 И *культурная революция*
 173, 309
 И Линь Бяо 434
 И Мао 481
 И Польша 204–206
 И Северная Корея 203
 КГБ 167
 Классовые категории 172–175
 Коллапс коммунизма 514
 Коллективизация 92
 Модель экономики 7, 20, 22,
 50, 92–93, 132–134, 136, 143,
 146, 158, 287, 474, 481, 490
 Неравенство доходов 496
 Нормирование в 152
 Оккупация со стороны 33, 38
 Оттепель 198
 Приграничные регионы 66
 Разрыв с КНР 26, 132, 155,
 298–301
 Рекомендации со стороны 63
 Смертность 500–501
 Советники из СССР 107
 Чистки 52, 202
 Сталин Иосиф
 И генетика 121–122
 И гражданская война в Китае
 58, 63
 И классовые категории 173
 И коллективизация 93
 И КПК 73
 И Мао 24, 26–27, 51, 92–93,
 132, 158, 192, 194–195, 200, 212,
 258–259, 285, 506
 И национальные меньшинства 66
 И преобразования советской
 модели 195
 И *Сто цветов* 213

- И экономика 287, 507
- Культ личности 24, 195–196, 201–204, 223, 506, 508
- Отречение Хрущева 27, 200–204
- Поздние годы 258, 285
- Смерть 24, 93, 191, 195–196, 198, 210–211, 287, 507
- Чистки по инициативе 52, 209, 309
- Сталинизм
 - Жертвы 207
 - Злоупотребления 224
 - И Мао 502–503
 - И чистки 212
 - Осуждение 199
- Стенгазеты
 - В исполнении Ли Ичжэ 452
 - В Пекинском университете 222, 316, 320, 324
 - В средних школах высшей ступени 329–330
 - Во время протестов на праздник *чистого света* 461–466
 - Во время Январской революции 366
 - И военный контроль 402–403
 - И эссе *О социалистической демократии и правовой системе* 452–453
 - И рабочие-повстанцы 356
 - И хунвэйбины 319–320, 329–330, 345–348
- Стены демократии 222, 228, 231, 514
- Студенты
 - Акты насилия со стороны 325, 331, 334
 - В Пекине 317–318, 324, 394
 - Во время *культурной революции* 17, 310, 316–319
 - И Мао 27, 318, 328–330, 398, 476–477
 - И военный контроль 401, 405, 432
 - И закрытие университетов 401, 408–410
 - И кампания против правого уклона 231
 - И рабочие группы 322–327, 334, 351
 - И рабочие-повстанцы 356–357
 - И *Сто цветов* 24, 221–224, 228
 - Как члены КПК 176, 183–184
 - Классовая принадлежность 180–182
 - Поступление 460
 - Студенты-повстанцы 27, 310, 318, 349, 353–354, 356, 365–366, 368, 394, 398, 407, 431
 - Фракции 317–318, 328, 394–395
 - Численность 355
- Сунь Ефан 157, 287
- Сун Цзяожэнь 15
- Сунь Ятсен
- США (Соединенные Штаты Америки)
 - В Корейской войне 194
 - Великая депрессия 276
 - И гражданская война в Китае 62
 - И китайские частные благотворительные организации 126
 - И наука 117, 119–121
 - И СССР 134, 238, 300, 481

- И Тибет 66
- И целевые показатели *большого скачка* 243
- И Чжоу Энълай 445
- Неравенство доходов 496
- Нормирование 152
- Экономика 134, 152
- Сычуань 256, 373
- Сюй Моюян 220
- Сюй Шию 370, 385–386, 390–393, 405–407, 432, 449–450
- Сюйчжоу 457–458
- Таиланд 483–484, 496
- Тайвань
 - ВВП 484
 - Диктатура 513
 - Земельная реформа 86–87, 499
 - И националисты 16, 64, 177
 - И Чан Кайши 46, 62
 - Неравенство доходов 495–496
 - Экономика 488–489, 512
- Тайная речь* (Хрущев, 1956 г.) 201, 223, 225, 235
- Тайные общества 72, 90, 100, 107, 110–114
- Тайпинское восстание 14
- Тань Хоулань 404
- Текстильная фабрика города Пекин 425
- Тибет 38, 64–67, 89
- Тито Иосип Броз 199, 215
- Троцкий Лев 50
- Троцкисты 54
- Трудовая реформа
 - Бригады 257, 328
 - Бюрократическая 412
 - Ссылка молодежи в сельскую местность 440
- Трудовые баллы 96, 98–99, 244, 280
- Трудоустройство
 - И рабочие ячейки 129
 - И члены КПК 165–166
 - И политическая активность 174
 - На госпредприятия 274
 - Перманентность 147
- Тянь Цзяин 281
- Тяньаньмэнь, площадь
 - Митинги хунвэйбинов 27, 318, 329, 332, 336, 367
 - Протесты 30, 397, 443, 466–470
 - Прощание с Мао 12, 18
 - Сообщение об образовании КНР 13, 16
- Тяньцзинь 64, 110–113, 117, 148, 150, 153, 228, 412–413
- У Хань 289–290
- Уйгуры 66
- Украина 500
- Уланьфу 414
- Ультралевые 430–431, 436, 443, 445, 447, 479
- Университет Цинхуа 120, 181–182, 184, 328, 330, 333, 341, 347, 354, 395–399, 404, 410, 424–425, 460
- Университеты
 - Возобновление работы 408, 410
 - Закрытие 401, 408–410
 - И кампания против правого уклона 231
 - И *культурная революция* 296, 319–330, 333, 337–338, 341, 347–348

- И *Сто цветов* 123
И Уханьский инцидент 382
Насилие 323, 325–326, 395, 408
Поступление 181–182, 185, 330, 410–411
Прекращение занятий 408
Рабочие группы 320–328, 337–341, 351
Хунвэйбины 319–328
Ухань 40, 224, 228, 283–284, 359, 361, 378–387, 431, 461
Уханьский инцидент (июль 1967 г.) 382–383
- Фиксированные цены 91, 151–152
Филиппины 483–484, 495–496
Финансовый сектор 138
Фракции повстанческие
 22 апреля 393
 Восточный ветер 378, 385, 418
 Единое командование 393–394
 Единый штаб 386
 Земля 395–396, 398–399
 И вооруженные силы 390–391
 И ГДКР 345, 348, 354, 378–379
 И военный контроль 405, 420
 И кампания *Один удар по контрреволюции и борьба против трех зол* 429
 И кампания против *16 мая* 431
 И рабочие 431
Использование вооружения 384, 388
Красная буря 378
Красное знамя 337, 339–340, 378, 385, 418, 451–452
Миллион героев 380–383
Небо 395–396, 398–399
- Фракционализм 52, 130, 215, 222, 364, 402, 456–457, 461, 469
Фэн Сюэфэн 209
- Хай Жуй порицает императора* (У Хань) 289
Ханчжоу 108, 307, 359, 361, 378, 380, 386, 406, 447–449, 455, 458, 461, 465, 469
Хань Айцзин 405
Ханьцы 64–67
Хинтон Уильям 79, 81–82, 88
Христианство 110–111
Хрущев Никита
 И Венгрия 206–208
 И Мао 24, 27, 211, 233, 238–239, 285
 И Польша 204–206
 И ревизионизм 300–301, 319
 Критика Сталина 24, 27, 195, 199–204, 211–212, 258, 285, 298
 Смещение 293
 Тайная речь 201, 223, 225, 235
Ху Фэн 200, 210, 213, 222–223
Ху Цяому 281
Ху Ши 118
Хуа Гофэн 12, 460, 469–472, 479, 513
Хубэй 394, 413
Хунань 15, 43, 74, 282, 405
Хунвэйбины
 В Пекине 317–322, 329–330, 332–334, 343, 345–348, 362
 В средних школах высшей ступени 328–337
 В университетах 319–328
 Во время протестов на праздник *чистого света* 462–463

- Диссиденты 317, 319, 345,
 349–350, 352, 362, 476
 И ГДКР 317–319, 329, 337–340,
 343–344, 352
 И Мао 17, 328–329
 И силы общественной
 безопасности 318, 332, 335, 352
 И СМИ 318, 330, 333
 Конец движения 345, 350
 Мобилизация 17
 Хуэйцы 66
 Хэйлунцзян 16, 33, 367, 369,
 371–372, 374
 Хэнань 43, 245, 256, 262–263, 373,
 410, 413, 426, 500
- Цанькао сяоси (Реферативные
 новости)* 187
*Цанькао цзыляо (Реферативные
 материалы)* 187
 Цензура 200, 210, 218,
 221, 253
 Центральная следственная
 группа 314–315, 413–414
 Центральный комитет (ЦК) КПК
 13, 163
 И *большой скачок* 257, 261–262
 И *культурная революция*
 310–311, 313–315, 325–326, 342
 И протесты во время празд-
 ника *чистого света* 462–464
*Конференция семи тысяч
 кадров* 281–283
 Отдел пропаганды 287–288,
 296–298, 307, 311
 Подразделения 310–311
 Политическое влияние 163
 Состав 444–445
 Цзи Дэнкуй 442
- Цзян Цин
 Арест 12, 471
 И искусство 302–303, 312
 И *культурная революция*
 312–313, 329, 331, 334
 Критика 417, 462–463, 467
 О насилии 349
- Цзянсу
 И Кампания против *16 мая* 431
 Столкновения фермеров с сельскими
 кадрами 230
 Военный контроль 391,
 393–394, 405–407, 449
 Революционный комитет 393,
 405, 407, 432
 И *большой скачок* 246
 Захваты власти 368, 370
 Межфракционная борьба
 376–377, 385–386, 391–392,
 407, 455, 457
- Ци Бэньюй 312, 346
 Цинь Шихуанди, император
 226, 442
- Цитаты председателя Мао*
Цзэдуна (красная книжечка)
 304, 434, 444
- Чан Кайши
 В гражданскую войну 33,
 57–60, 62–63, 65
 И Зеленая банда 112
 И земельная реформа 87
 И чистка 1927 г. в отношении
 КПК 15, 32, 77
 И японское вторжение 39–40
 Культ личности 49
 Мао о Чан Кайши 472
 На Тайване 87
 О дисциплине в КПК 45–46

- Чанчунь 64
Частный сектор 124–125, 494, 512
Черный рынок 98
Чехословакия 146, 197–198, 228, 496
Чжан Чуньцяо 12–13, 28, 303, 312, 341, 356–357, 364–365, 367, 387, 464, 467, 471
Чжао Цзыян 371, 452
Чжоу Пэйюань 120
Чжоу Эньлай
 В гражданскую войну 63
 И Дэн Сяопин 455
 И *большой скачок* 239–240, 242, 258, 263, 280–281, 284
 И *Забастовочные пикеты* 339, 344, 349
 И захваты власти 368, 370–371, 378
 И кампания за упорядочение стиля работы 55
 И *культурная революция* 29–30, 313–314, 335, 355, 445, 447
 И Мао 27, 305, 435
 И протесты во время праздника *чистого света* 461–464
 И рабочие-повстанцы 356–357
 И революционные комитеты 390, 392
 И сопротивление японским захватчикам 42
 И Уханьский инцидент 382
 И хунвэйбины 335
 И экономическая трансформация 93
 Похороны 462
 Смерть 30, 460–461, 463
Чжу Дэ 41
Чжу Чэнчжао 350–351
Чжэнчжоуская конференция, 2–я (1959 г.) 253
Чжэцзян 385–386, 406, 448–449, 458
Чжэцзянский университет 465
Чистки
 В Восточной Европе 196, 199
 В вузах 321–323
 В рядах военных 374, 432
 В Северной Корее 204
 В СССР 173, 202, 258, 315
 Во время *культурной революции* 308–310, 313, 435, 443
 И кампания *Один удар по контрреволюции и борьба против трех зол* 429–430
 И культ Мао 428
 И маоизм 505, 511
 Кампания *Зачистка классовых рядов* 29, 413–421, 427, 444, 453, 501
 Количество жертв 29, 48, 202, 501
 Критика 201
 Партийных кадров 27, 47–48, 51, 54, 307, 242, 292, 295–296, 302, 307, 316, 321, 441
 По инициативе Чан Кайши 32, 77, 112
 При военной диктатуре 478
Членство в КПК
 И дисциплина 47–51
 И классовые категории 165–166
 И образование 172
 И политическая активность 183–184
 И элиты 172
 Оценка Дэн Сяопина 457

- Привлечение в партию
169–172
Среди крестьян 165–166
Стимулы 23
Чунцин 16, 40, 64, 384
Чучхе 203
Чэн Хайго (Линь Силян) 222
Чэнь Бода 49, 51, 281, 304, 307,
312–313, 342–343, 398, 438
Чэнь Иян 452
Чэнь Цзайдао 379–381, 383, 385
Чэнь Юнь 239–240, 242, 480
- Шаньдун 84, 369
Шаньси 79, 230, 369, 394
Швейные машинки 154, 491–492
Школы кадровых работников
7 мая 309, 409–410, 412–413,
433, 444
Шри-Ланка 484, 495–496
Шэньси 33, 39, 407
- Экзамены 82–83, 180, 183, 318,
330, 408, 410–411
- Экономика рыночная 143, 193
Во время Второй мировой
войны 152
И Великая депрессия 276
И маоизм 188
И миграция рабочей силы 498
И неравенство доходов 150,
496–497
И потребительские товары 491
Ограниченная спросом 144
По сравнению с советской
экономикой 144, 146
По сравнению с социалисти-
ческой экономикой 188
Спады 273
- Экономика социалистическая 93,
132–159
ВВП 487
Восстановление 152
Депрессия 273–276
Дополнение рыночными
механизмами 156
И большой скачок 155, 159
И бюрократия 142, 156–159
И Мао 132–133, 143, 146, 155,
157–159, 474
И политическая мобилиза-
ция 157
И Сталин 50, 132, 135, 158
Контроль над ценами 138
Научные методы 156
Недостатки 144–147
Неравенство доходов
150, 495
Ограниченная в ресурсах 144
По сравнению с рыночной
экономикой 188
Потребительский аскетизм
151–155
Продуктивные и непродук-
тивные инвестиции 136–137
Складирование 140–142, 144
Советская модель 91, 132–133,
136, 139, 151, 157
Экономический рост 144, 146
- Экономические проблемы
социализма в СССР* (Сталин)
92, 158
- Элиты 15, 22, 59, 126, 159, 173,
182–183, 502, 504, 509
Местные 70, 73, 78, 82, 100–
101, 130
Образованные 117, 158,
172, 286

- Партийные 317
Политические 157, 187
Сельские 21, 78, 100
- Шанхай
Благотворительные организации 125–126
Захват власти 367, 376
Захват со стороны КПК 64
Как модель 369, 388, 406
Оборона 40, 43
Отдел пропаганды 303, 312
Полиция 106
Протесты 228–229, 455
Профсоюзы 115
Рабочие-повстанцы 356–357, 359–360
Смертность 333
Тайные сообщества 112
Трудовая реформа 413
Январская революция 28, 362–367, 477
- Юань Шикуйай 15
Югославия 156, 199–200, 208, 224–225, 496
Южная Корея 31, 86, 484, 487–489, 499, 512–513
Юньнань 89, 394
- Ядерные вооружения 299–300
Ян Кайхуэй 464
Ян Цинкунь 83
Ян Шанкунь 305, 307
Январская революция 28, 362–367, 477
Яньань 21, 34, 39, 48–49, 51–53, 60, 62, 67–68, 190, 211, 227, 260, 304, 312, 320, 502, 505
Яо Вэньюань 12, 303, 312, 364–366, 471
- Япония
Земельная реформа 86, 499
Капитуляция 16, 33, 45, 58–59, 66–67, 79, 115, 160
Неравенство доходов 496
Экономика 146, 484, 487–489
- Японское вторжение
И КПК 34, 37, 40–41, 61
И националисты 33, 39, 43
Коллаборационисты 41, 80
Политические последствия 35, 44–47
Последствия для вооруженных сил 39
Потери 39–40, 42–44
- IX съезд КПК 404, 428, 438, 444
X съезд КПК (1973 г.) 444
- The New York Times

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. Прощание	12
Глава 2. От движения к режиму	32
Глава 3. Революция в деревнях	70
Глава 4. Революция в городах	102
Глава 5. Социалистическая экономика	132
Глава 6. Эволюция партийной системы	160
Глава 7. К оттепели и обратно	193
Глава 8. «Большой скачок»	236
Глава 9. На пути к «культурной революции»	279
Глава 10. Надломленное восстание	308
Глава 11. Коллапс и разлад	355
Глава 12. Власть в руках военных	401
Глава 13. Раздор и разногласия	434
Глава 14. Оглядываясь на эпоху Мао	474
Список иллюстраций	516
Библиография	518
Предметно-именной указатель	545

Научное издание

Эндрю Уолдер
КИТАЙ ПРИ МАО
Революция, пущенная под откос

Директор издательства *И. В. Немировский*
Ответственный редактор *И. Белецкий*
Куратор серии *Е. Яндуганова*
Заведующая редакцией *О. Петрова*

Дизайн *И. Граве*
Редактор *А. Тюрин*
Корректор *А. Филимонова*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 26.10.2022.
Формат издания 60 × 90 1/16. Усл. печ. л. 36,5.
Тираж 300 экз.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
<https://www.academicstudiespress.com>

ООО «Библиороссика».
190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25а

Эксклюзивные дистрибьюторы:
ООО «Караван»
ООО «КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»
<http://www.club366.ru>
Тел./факс: 8(495)9264544
e-mail: club366@club366.ru

Книги издательства можно купить
в интернет-магазине: www.bibliorossicapress.com
e-mail: sales@bibliorossicapress.ru

12+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*